

Союз писателей ЛНР

Выбор Донбасса

ЛИТЕРАТУРА НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИК

Луганск
2017

УДК 821.161.1-822
ББК 84.4 ДНР-ЛНР-РОС 6
В92

В92 Выбор Донбасса. Литература народных республик. Альманах Союза писателей ЛНР. — Луганск: Большой Донбасс. 2017. — 672 с.

Сборник «Выбор Донбасса» — художественное свидетельство глубинной подвижки в сторону единства русского народа, устремленного к миру, творческому созиданию и счастью людей.

*Альманах издан при содействии писателя, ветерана войны
в Афганистане, телеведущего Первого канала Артёма Шейнина,
Государственного информационного агентства
«Луганский Информационный Центр»,
сайта современной военной литературы okorka.ru*

© Союз писателей ЛНР, издание, 2017
© Сурнин А. А., верстка, дизайн, 2017

ПРАВДА ВЫБОРА

Время перемен приходит не со сменой вывесок и плакатов, а с глубинным, тектоническим изменением массового сознания людей. Это качественный процесс, неспешный и трудно уловимый для торопливого взгляда, скользящего по ленте новостей.

«Русская весна» только кажется пришедшей неожиданно и даже внезапно. На самом деле она результат, итог суммы сложившихся обстоятельств, где главным было то, что Пушкин называл «мнением народным». Защита своей истории, своего языка, достоинства и будущего — вот нехитрый секрет массового движения русского народа, определенного его направленностью к единству. Чем больше и дольше, чем агрессивней и беспардонней было внешнее давление, тем сильнее освободившаяся энергия. И прежде всего духовная!

Время перемен поставило жителей Донбасса на острие выбора политического, культурного, ментального. За сохранение себя в качестве *русских* им пришлось заплатить страшную цену. Трагедия гражданской войны пришла практически в каждый дом. А на дома непокорных донбассцев с запада полетели снаряды и мины. А на людей шквал огня и лавина лжи. Но, как и в Великую Отечественную, непокорные остались непокоренными.

Содержание и смысл происходящего сегодня на Донбассе лучше всего, точнее и правдивей отражает литература — сокровенное свидетельство человеческих душ и сердец. Это не только свидетельство мужества и испытаний, трагизма и драматизма жизни, её сложности, но и того главного тектонического сдвига в миропонимании людей их общности и единства судьбы. Свидетельство духовной неразделенности русского народа. Об этом говорит каждая строка, каждый художественный образ сборника «Выбор Донбасса». В этом един голос литераторов народных республик и

литераторов России одним языком и одним дыханием. И в каждом произведении сборника в стихах, прозе, драматургии — заклинание и мечта о мире, созидании и любви. Мире, который придет после победы. А побеждает всегда Правда. Потому что она всегда только с народом. Так победим!

*Владимир Олейник,
кандидат педагогических наук,
литературный редактор
сайта okopka.ru*

Поэзия

Руины древней Украины, и
Весна красна, и ночь нежна...
А родина — она невинная
И невиновная она.

* * *

Боже, я все отдала бы: талант,
Пряники, дачу, машину, халву,
Если б доверил ты мне автомат...
Боже, я втуне на свете живу.

Но не замай на окошке свечу!
Плачет свеча, словно ангел в раю.
Боже, я не о том говорю,
Боже, я жить на земле не хочу,

Когда на костях не мешает плясать
Иным родовая травма.
Боже, мне стыдно стихи писать
После второго травня.

* * *

Со станции Шевченко
Отходят поезда,
Со станции Шевченко —
Неведомо куда.

Быть может, в стольный Киев,
Где есть быстро, метро,
Где слезы, очи выев,
Вливаются в Днипро.

А может быть, в Одессу,
Где на стволах смола,
Где не читают прессу
Сгоревшие дотла.

А может быть, в Черкассах,
А может быть, в Херсон.
Стоит народ у кассы
И длится страшный сон.

Следят глаза пустые
За стрелкой на часах.
Но ангелы святые
Живут на небесах.

На землю посмотрите
Из белых облаков,
В Россию заберите
Детей и стариков.

Им нечего поставить
В отсек для багажа,
Их некому избавить
От злого грабежа.

Пускай они на полки
Улягутся свои
И спят до самой Волги...
А в Курске — соловьи.

Вера Агаркова (Старобешево — Санкт-Петербург)

* * *

будь осторожен друг
город изрядно болен — в лицах людей испуг
горлом выходит осень горлом выходит муть
будь осторожен — путь
может быть слишком долгим и одиноким — дом
город тебя не ждет люди тебя не ищут
люди надели маски люди заводят пляс
не открывая глаз не размыкая рук не издавая звуков
люди вступают в танцы
будь осторожен друг
призраки где-то тут
все кто включился в пляску все кто надели маски
слишком больны и слепы
город заклеит окна город откроет склепы выпустит вороньё
нет ни тепла ни света нет ни глотка воды
друг не ходи за реку не доставай ружьё
тихо ступай по пеплу
тихо считай следы

* * *

они скажут вам: вечер свят
кто нас помнит, тот будет рад
мы голодные и хромые, мы замёрзшие и нагие
мы из выгоревших окопов, из расстрелянной в лоб пехоты
наши ружья достались небу, наши годы — воде и ветру
наши матери — степь и камень, плачут камни в степи слезами
наши сёстры взрослее лета, вяжут в косы цветные ленты
наши жёны рожают молча, наши дети — подобье полчищ
мы, забывшие род и племя, из костей, из хрящей, из тлена
собираем родное имя —
нашей родины —

и не сложим!
оно билось у нас под кожей,
    оно было на лбы нанесено,
        но во лбах у нас светят месяцы
в Рождество, ближе к лунной полночи
вам дозвонятся ваши братья, позабывшие мир и свет
братья станут молить о помощи
это мясо — родные мощи, этот голос — шуршанье недр,
        эта память — крошечный страх
осторожно снимайте трубки, осторожно дышите в такт

* * *

Ирка, милая, снег идет
ты смеешься и в шубу прячешься...
помнишь, Ирка? на Новый год
мы купили две пинты пражского
и болтали до петухов
ты срисовывала с открыток
Лондон, Питер, развод мостов
ночью, пьяные от признаний,
мы читали под звук часов
«Сон во сне» и «Путями Каина»...
Всё закончилось, фотка выцвела
стихло эхо былых стихов
в парке, где мы с тобой бродили
снова снег, но по снегу — кровь
грозно пишет свои картины
в год войны, в черный год потерь...
Ирка, как ты живешь теперь?

* * *

Вот оно — время тревоги
время слабых дрожащих рук
лентой красной стянули шею
духота маета испуг
я без крика кричу, не смею

сыну прямо в глаза взглянуть
в круговой беготне зрачка
где-то в сути самой, под кожей,
в долгой памяти ДНК
в шевелении губ «о Боже!» —
липкий ужас грядущей бойни
всех нас сгонят на злую сходню
всех нас пустят под ржавый нож
руки слабнут — и не-воз-мож-но
жить, писать, говорить, любить
время милости, время казни
время помнить и всё забыть
время пить и поить водой
время — лучшая в мире бритва
занесенная над страной
мой сыночек, сыночек мой...

* * *

«Цей дощ надовго...»

Дождь — неистовый, плотный, длинный
холод — лезет за воротник
дождь не стихнет, пока не сгинут
в поле тощие колоски
ветер свалит их, изувечит
ветер вывернет им нутро —
мясо жаркое, человечье
поле русское обожжет
Дождь — блаженный, болящий, стонущий
как юдоль моя — на юру
бесноватая, Богу молится
этот дождь — не пройдет к утру
этот год никогда не кончится
этот град обмолотит рожь
лягут рядом в родное полюшко
брат мой колос и брат мой нож

* * *

Когда-нибудь придется умирать
и в общем надо прекращать стесняться
морщин и живота и лопнувших подошв
и каждого стиха что не похож
на стих
когда-нибудь придется провалиться
в петлю

и в тень петли
и в тень стены, хранящей тень петли
и тень страны накроет наш погост
на мирном кладбище в немирный год
распустятся цветы как и сейчас цветут
когда-нибудь

придется всем уйти
так что же так тревожит ум беда:
когда уйти и главное куда?
нам всё равно не жить а выживать
нам всё равно полынь-траву жевать
и горевать и горечью блевать
и помнить всё

и ни-че-го не знать

* * *

Зачем нужны стихи
зачем растет трава и по траве
роса стекает длинно, сонно
и падает на землю как звезда
слова слова слова
торопятся толпятся в глотке
зачем нужны глаза не видящие чётких
граней
зачем так гладко тканый
на плечи свод небесный кладет тяжелый плат
зачем так дивно свят
обычный колокол в обычном сельском храме

и так свободой пьян и свеж тот воздух
которым дышишь трудно через раз
когда ты ранен

тишиной

любовью

безумной чехардой безумных фраз
зачем так чист мой лист
и мною же распят
во имя Слова, злого к глупым чадам
зачем добро всегда превыше лжи

во благо

затем что мы идем и попадаем в такт
неровно дышим говорим некстати
затем что мы с тобой —

пока что — живы, брат

пока что живы и пока что братья

* * *

Всё начиналось помимо воли и слов
по дороге в сельскую школу —
кладбище без крестов
коровы жуют траву прямо с древних могил
я — стриженный мальчик, худенький херувим
трогаю теплое, губами хватаю вымя
мама ты помнишь меня —

как моё имя?

каждый день я собираю капли времени-молока
каждую ночь оно проливается

через дыры в моих боках

каждой луною ко мне приходят усталые братья
поубивать в войнушки, попрятаться в прятки
белых испить капель

теперь их на всех хватит

коровы молча жуют масличный лен
в этих степях мама — все мы Иваны
не помнящие имен

Алина Башта (Луганск)

* * *

Держи меня за руку — крепко-крепко,
Пусть ночью у нас не звучит канонада,
Пусть летние шорохи, дождь и ветки,
Пусть только не взрывы, не залпы «града»!
Луганск — моя боль, в небе бьют самолёты,
Отпустит и снова... То громче, то тише.
«Как жаль стало песен, — мне скажет вдруг кто-то,
Которых никто никогда не услышит».

* * *

Не прячьте глаз, Бог знает ваши души.
Оставьте лгать, ведь нет на то нужды.
Покажет час, кто искренне был нужен...
И тех, кому вы были бы нужны.

Оставьте страх, он прошлого не лечит,
Оставьте боль, что было — не вернешь.
С собой лишь то, с чем жить вам станет легче,
В один рюкзак сложить, не пропадешь!

И верьте, люди, верьте! Доверяйте!
Узнать свое возможно только так.
Сказал старик: «Вот церковь, а вот паперть,
Не разменяй же золото на медяк!»

Марина Бережнева (Донецк)

ДОНЕЦКАЯ АВГУСТОВСКАЯ

Зноем напившись, ярится бессонница.
Отзвуки «плюсов» бредут по квартире.
Третье уж лето военное клонится
В осень, а всё лишь Е2-Е4.
Клетки-квадраты давно уж пристреляны,
Не говоря о фигурах постарше,
Пешек в размен — ещё полные горсти,
И не испытаны нами все горести,
И не оплаканы нами все павшие,
Те, кто прилёт среди выжженной зелени.
Август асфальтами плавит терпение,
Август — подвешен над минными «минскими»,
В чаше зенита — столпотворение,
Звёзд, перемешанных с душами близкими.

* * *

Когда случится новая зима,
И мир, оцепенев, дождётся снега,
Сжигая в печках старые тома
Июльских дневников,
Из Виннипега
Неспешно к югу тронется обоз
С сушёной рыбой за кубинским ромом,
Между невиданных доселе зимних гроз
Дымы отчизны собирая комом,
Наматывая их на обода,
Потащит за собой,
Чтоб в междулетьи
Их обошла всеобщая беда,
Безумия раскинувшая сети.

Из древних, точно гунны, закровов,
Достав НЗ и пачечку LMa,
Закурят, не увидевши домов,
А только стены, туловом Голема...
Укутанные снегом и плюшом
И осыпью усталой штукатурки,
Пожинают вяленным лещом,
И разотрут подошвами окурки,
И повернут,
Чтоб рассказать своим
Увиденное, и, слагая саги,
Смотреть в огонь, глотая горький дым
Чернеющей берёзовой бумаги...

СЕРЕДИНА МИРА

В середине — всегда тесно.
По краям — гораздо просторней.
Ход времён — он порой крестный,
И ведёт нас тропой горней,
Моисеевой тащит пустыней -
Автобаны на нём редки.
По обочинам спят дыни,
Или солнца в цветной сетке.
Но к обочинам — не приближаться,
За побег чтоб не подстрелили,
Это было — скажу вкратце,
Это было — в Москве и Лилле,
В Магадане или под Ниццей,
На Камчатке и Занзибаре —
Ты пытался с толпой слиться,
Но тебе этого не давали.
Потому, что в толпе — тесно,
Потому, что толпа чует —
Ты чужой, — и тебе это лестно:
Это ранит, но и врачует.
Для неё ты — как Тузику грелка,
Или как против шерсти — волку,

Но толпа — всегда скороспелка,
С ней пытаться ладить — без толку,
Лишь оскомины жгут дёсна
От попыток с толпой ладить,
Ты глотаешь её блёсна,
Нагружая на горб клади,
И бредёшь позади чуть и с краю,
От потока, гонимого шагом,
А овчарки времён — лают,
А охранники — пьют брагу...

* * *

У деревенских — собственная гордость!
Прогоним оккупантов городских,
И заживём... Ведь наша Кемська волость
Она для нас, а вовсе не для них!

И что с того, что померли от скуки
Все мухи в ближней лесополосе,
Зато не будут лапать вражьи руки
Того, что нам давно святее всех:

Корову Зорьку — ведь одна осталась.
Пусть молока, зараза, не даёт,
Нам и не надо, тоже, эка жалость.
Зато мы любим всем селом её...

За хлебом в тыл к проклятым оккупантам
Вчера мы посылали наш обоз.
С последними ударами курантов
Пришёл обоз, но хлеба не привёз.

Проклятые враги в коварстве зломном
Споили всех в обозе — вот те на!
И остаётся, римлянам подобно:
— О, нравы! — восклицать. — О, времена!

ПОБЕЛИТЕ ХАТКУ

Я капля крови в желтом поле,
блакитно небо надо мной,
и ни над чем уже не волен
я, бестелесный и немой...
Теперь я семо и овамо,
и мне легко, как во хмелю...
Вы побелите хатку, мамо,
бо я уже не побелю...

НЕ УБЕРЁГ...

Прилетело на исходе дня —
и не стало друга у меня...
Я приник к земле, но поднимусь,
побегу к воронке, что в дыму,
и среди разрывов и огня
все осколки обойдут меня,
отведёт их милостивый Бог...
Только друга Он — не уберёт...

ВЕСЕЛУХА

Клюнет пуля на излёте,
не убьёт — не хватит сил.
Веселó вы тут живёте, —
медбратишка пошутил.
Это да — веселья вдоволь,
тут ведь все весельчаки,
за веселье платят вдовы,
растрясая кошельки.
За веселье наше дети
тоже платят — и сполна.

Несусветен, лихолетен
выставляет счёт война...

НАДЕЖДА

И нас убивали, и мы убивали,
и так постепенно мы все убывали.
Но жизнь продолжалась — своя и чужая,
и бабы зубами скрипели, рожая,
в неистовой вере не в промысел Божий,
а в то, что не всех мы, убийцы, положим.
В надежде на то, что, омыты кровями,
застынем у нами же вырытой ямы,
куда полегли превеликие тьмы,
и ляжем вот-вот неубитые мы.

ВИНА

Приходила нянечка,
лоб отёрла — взмок,
из кармана — пряничек:
угостись, сынок...
Ох, похож на Лёнечку,
Ну, почти точь-в-точь, —
и, всплакнув тихонечко,
уходила в ночь.
Чуял я всегдашнюю
боль в её груди,
и о нём не спрашивал,
ран не бередил.
Без того огромнейшей
полон был виной,
матери напомнивший
Лёнечку её...

ГОСПИТАЛЬНОЕ

простыни серы как день за окном
тусклы плафоны в палате

то что осталось уже не равно
бывшему что невозвратно
бывшему сплывшему темной водой
в дальние дальние дали
чай госпитальный чуть теплый спитой
это детали
это не самое важное здесь
здесь вообще всё неважно
тычется в окна туманная взвесь
мордою серой и влажной
и неотвязна как будто лишай
мокнущий выцветшей кровью
тычется тычется словно спеша
стать к изголовью

ТРУБАЧ

Я сдуваю с губы
след сигнальной трубы,
штучный след, штучный,
медно-мундштучный...
Всё, отпела труба,
нынче дело — труба...
Дело, вот дело,
в небо взлетела
не ракета — судьба,
налетай, ястреба,
рви на клочья, трепи,
разноси по степи...
Богово — Богу,
прах — по дорогам,
разбросай там и здесь...
Был трубач —
вышел весь...
А война, горяча,
найдет другого
трубача...

СТРАНЕ

Если бы тело
твое живое
кромсали
и рвали на части,
ужас бы миру
небо застил,
мир был бы
в ужасе, видя такое,
видя,
как в смертном оскале
таешь, тонешь
в небытии...
И только собственные
выродки твои
этому бы
рукоплескали...

ВРАЗУМИ

Господи, вразуми меня
на исходе дня,
хотя бы на исходе
моих строк и мелодий,
таких нелепых,
что нет для них
ни окопов,
ни землянок штабных,
ни простора,
ни темного угла,
ни парусов,
ни худого весла —
только голос мой,
что тих и слаб...

Анна Вечкасова (Краснодон)

* * *

Открой, умоляю, глаза!
Услышь меня! Я же Твой раб
По Образу создан, но слаб.
А слабого трогать нельзя.
Как хочется жить и любить!
Да в небе летит самолет.
Гадаю — в кого попадет?
С тоской понимаю — бомбить...
И взрыв отдается в ногах!
Молю, просмотри на меня!
В осколках и смерче огня,
О, Господи, Яхве, Аллах!

* * *

Грохот! Страшный, дикий, злой!
Вспышки, блики, чей-то вой!
Навзничь, на пол! Тру глаза —
Август, ночь... идет гроза...

* * *

До боли сжимаю руки.
В окно проревел раскат.
Сканирую кожей звуки:
гроза, «ураганы», «град»?...

И вновь задрожали стены.
Диспетчер дает добро.
Летим, не включив сирены,
там — раненная в бедро.

Она родилась в рубашке.
Везем её через дым
с бессменным шофером Сашкой,
что стал мне почти родным.

* * *

Возможно, забуду не скоро я:
смертельной объят пеленой
мой город. Осталась «скорая»
у края передовой.

В застывшем безводном мареве
работали за троих.
Смотрели ночами в зарево,
не ведая: кто и чьих...

Последние силы изношены
И думали — смерть обойдет.
Убитый. И ранена. Брошены?
Кто помнит — меня поймет

* * *

Где ты, стая моя, стая белая,
моя дерзкая, гордая, смелая,
где следы твои, верстами меряны,
неужели навеки потеряны.

Голоса, будто струны звенящие,
за игривой луной уводящие —
все бежали на зов оголтелые
по весенней земле волки белые...

Людмила Гонтарева (Краснодон)

* * *

Ветер рвет провода,
с крыш летит черепица,
и скрывает вода
наших улиц границы.

Над степным городком
собирается лихо.
В зазеркалье окон
напряженно и тихо.

Надвигается сушь,
невзирая на грозы.
Мясорубка из душ
на пределе угрозы.

На прицеле — покой,
не задавшийся, в общем.
Мы уходим в запой,
не куем и не ропщем,

и не мелем зерно,
не читаем молитвы...
Мы попали в сезон
мировой шоу-битвы.

* * *

Лечь в траву и закрыть глаза.
Вжаться раной открытой в почву.
Снились алые паруса.
Оказалось — земля кровоточит.

Тих Господь... Только Он с креста
видел мир без прикрас и фальши.
Ветер уксусом жег уста,
шли иуды победным маршем.

Сквозь меня прорастет трава.
Мир с войною в хмельном застолье.
Мы теряем в бою слова,
чтоб разлиться немою болью...

* * *

Да пошли вы все со своей светобоязнью
куда подальше! Из грязи — в князи
не получается, как ни старайся:
лебези, заглядывай в глаза, улыбайся,
заходи с лёгким трепетом,

заваривай чай с корицей...

А рядом, за стенкой, такие же полулица,
полулюди, на полусогнутых, полуправдочки...
День расписан на век вперёд: от этой лавочки,
что у подъезда дома — до заветных

дверей службы,

где ты гвоздик, винтик, гаечка, но,

вроде как нужен.

И не вздумай шаг в сторону:

там великан-мельница.

Можно с ней спорить, что-то доказывать,
а она вертится

и с треском ломает копыя наивные дон кихотов.

Загляни в мясорубку жизни. Тебе охота?

Тебе это нужно? Футболы, борщи, тапочки —
здесь все понятно и как у всех:

ВСЁ — до лампочки!

Кто-то в ящик почтовый раньше

подбрасывал письма счастья:

перепиши сто раз — и ты ни к чему не причастен.

Рядом шагали в ногу успех и благополучие.
Те, кто остался без писем, понятно —
увы, невезучие...

Уже не срабатывает.
Что-то внутри сломалось.
Душа-конструктор нарушена временем.
Что осталось?

Верить в спасенье, спеша на ковчег,
что построен Ноем,
или клеить бумажные копыя надежды,
готовясь к бою?..

* * *

Припорошило землю суетой.
В кармане Вечности тревожный холод.
В зрачках столетий заплутал покой,
на афоризмы мир людей расколот.

Бессмысленны и мудрость, и тоска,
что с неба градом-листопадом льется.
Останется ли время для броска,
Чтобы спасти наш мир от миротворцев?

* * *

Меня вчера столкнули с облака
руками матери-земли.
Не нож в ребро, не в лоб — а по боку
досталось лету от зимы.
Ведь говорили — я не слушала,
бесстрашно ноги свесив вниз:
казалось море черной лужею
и родинкою — Симеиз...
Придёт пора печатной осени,
и взрослых строчек листопад —
зачем-то мы на землю посланы,
как в цель — замедленный снаряд.

От перегрузок и увечностей
стих разбивается порой,
чтоб стать в конце начала вечностью,
шагами, шепотом, травой...

* * *

Это было вчера...
Да и было ли это?
Мимо мчат поезда,
и уходят поэты.
А на карте времён
лишь распутье и камень;
нет ни дат, ни имён,
только боль за стихами.
Только горечь и грусть —
все награды пиита.
Что останется? Пусть
будет всё позабыто:
пусть забудется век,
популярность, портреты...
Станет суетный бег
достоянием Леты.
Мы же будем всегда
на планете разлуки,
где живая вода
и сомнения муки,
где средь строчек живёт
кроткий донор печали,
обрывая полёт,
чтоб его замечали.
В переплёте души
не согреть, не согреться.
Но торопимся жить
с перевязанным сердцем...

Анна Долгарева (Луганск)

* * *

Ничего не знаю про ваших
Полевых командиров
И президентов республик
На передовой до сих пор
Шаг в сторону — мины
И снайпера пули

Его звали Максим
И он был контрабандистом
Когда началась война
Ему было тридцать.
Меньше года
Он продержался
Недолго.
Под Чернухино
Он вывозил гражданских
Его накрыло осколком

Мне потом говорили тихо:
Вы не могли бы
О нем не писать?
Все-таки контрабандист
Бандитская морда
Позорит родину-мать

Ее звали Наташа
Она была из Лисичанска
Прикрывала отход сорока пацанов
Ей оторвало голову
Выстрел из танка
Они говорят о ней

Губы кривят
Чтобы не плакать снова
Она была повар и снайпер
У нее не было позывного

Ее звали Рая
Художник
Ей было семьдесят лет
Жарким августом
Перед всей деревней
В обед
Ее били двое
По почкам и по глазам
Черный и рыжий
Искавшие партизан
Она ослепла
Но все-таки выжила
Даже успела увидеть
На улице тело рыжего

...а с тем
Кто предатель
А кому давать ордена
Разбирайтесь пожалуйста
Как-нибудь без меня

* * *

1

друг мой, друг мой
(друзе),
Когда вы развернете на нас оружие
(коли запалає сніг)
промедли пару мгновений
(помовч хвилину)
и вспомни меня (звернися до мене),
и помни, что куда бы ты ни стрелял

(пам'ятай, коли будеш стріляти),
у тебя под прицелом будет моя земля
(перед тобою будуть зморщені хати),
у тебя под прицелом буду я — растрепанная,
с черным от боли лицом, как эта земля
(пам'ятай, мое сонце, коли ти стрілятимеш,
бо стрілятимеш в мене, куди б не стріляв).
потому что я — эта земля и ее терриконы,
и ее шахтеры, взявшиеся за оружие.
(пару хвилин зачекай,
а потім все одно,
все одно стрілятимеш в мене, друже).

2

Потому что я — террикон,
сосок на груди земли,
Потому что я — разбитый танк на дороге,
Потому что я —
это яблони, что отцвели
и впустую роняли свой урожай под ноги.
Потому что я —
этот тощий пацан с Донбасса,
с черенком от лопаты вышедший на автоматы
защищать свою землю
от управленцев среднего класса,
защищать ее магию, правду и ароматы.
Потому что я — ребенок, живущий в подвале,
чтобы прятаться от обстрелов,
и еще я другой ребенок,
тот, что спрашивал, куда, мол, руки девали
после того, как взрывом их оторвали,
и улыбки не было, и голосок был тонок.

Потому что я — старушка,
идущая в церковь среди блокады,
где по-братски делится собранным с огорода.

Потому что все это я — эта жизнь после ада.
Потому что назад — ни секунды,
ни метра, ни года.

Потому что я — израненная земля.
Так давай же, мой друг,
стреляй же по мне, стреляй.

* * *

Таким, как мы, похоже, не показан
Милонов, бланки, штампы, документы,
кредитный «форд», карьеры горизонты,
уменье четко следовать приказам,
молчать, приспособляться или ждать.
Минздрав уже устал предупреждать.

И даже эскапизм, секрет успеха
тех, кто бежит, отодвигая это,
подальше; бог ролевиков, поэтов, —
нам не подходит. Тут уж не до смеха
и сказок. Мы есть плоть и мы гранит.
И нас одно отчаянье хранит.

Нас аккуратно выдернут из мира,
нас соберут по весям и квартирам,
от пробок в улицах; проколотой брови;
официальных браков без любви;
отправят на войну; подальше, мимо
диванных воинов, которых стонет рать,
поскольку помереть необходимо
бывает, чтоб себя не потерять.

Мы соберемся, где огонь и кровь.
Возможно, с пользой. Это скажут позже
(сейчас не скажут командиры даже),
и двинем дальше, в неба серебро.

Покою тем и мира, кто ушел.
Мы встретимся. Все будет хорошо.

* * *

В гильзу от АГС помещается 20 грамм
в данном случае — виски. Мы пьем без звона,
ветер с востока хлопает дверью балкона.
Пьем за тех, кто более не придет к нам.

Пьем за любовь, за свою мирную жизнь,
за наше большое будущее, поскольку все мы
относительно молоды;
неубедительнейшим «держись»
пытаемся поддержать друг друга на время.

Сентябрь начался, с востока идет гроза,
молчат минометы, автоматы притихли даже.
Один комроты, смотря на меня, сказал,
что мечтает увидеть женщину не в камуфляже.

Здесь земля отверженных,
нам уже от нее не деться,
ветер степной пахнет смертью, мятой и медом.
Мы пьем за любовь, за правду,
за счастливое детство,
пьем не чокаясь из гильз от гранатомета.

* * *

Хороших новостей больше не будет.
Хорошие новости отменили.
Октябрь наступает запахом гнили
и дыма. Листьев осенних груды
слипаются, мокнут под дождь ночной
и превращаются в перегонной.

Перечеркнули. Похоронили.
В отчетах указано: нас не стало.

Хорошие новости отменили,
остался последний из всех каналов,
рекомендуют учиться смирению,
рекомендуют учиться принятию.
Полночь и водка, постель несмятая.
Что там сегодня? Мы не смотрели.

Нас отменили, и мы уходим
в небо, и октябри оставляем
тем, кто, возможно, будет свободен,
непобедим и непотопляем,
тем, кто родится сегодня и завтра.
Утро и ветер. Пельмени на завтрак.
Холодно, дымом пахнет в квартире.
Шаг за порог. Патроны в кармане.

Мы растворяемся в этом мире,
и этот мир становится нами.

* * *

В город пришли незваные. Стало тише:
голос и пенье караются по закону,
также не одобряются игры мальчишек.
В город пришли, и в городе стало сонно.
Город стал ноябрем и запахом дыма,
через который ветра иногда обнажат
абрисы старых домов, где сто лет назад
мы хохотали и целовали любимых.

В город пришли незваные, люди в черном,
тени из-за холмов, страшилки из детства.
И затаился город, и хлынули горлом
ключья тумана, глушащие грохот сердца.
Город притих, себя обхватив за плечи.
Встали часы на период полураспада.
Только трава и листья упорно шепчут:
«Мы вам не рады. Мы вам не рады. Не рады».

«Мы вам не рады», —
асфальт говорит беззвучно.
«Мы вам не рады», —
на стенах домов проступает.
С северо-запада туча идет слепая,
город припал к земле, больной и измученный.
«Мы вам не рады», —
молчит обезлюдевший дворик,
где рисовали мы солнце и классики в детстве.
Светится город через туман и горе.
Мой Арканар, мой Харьков, моя Одесса.

* * *

Проходили эпохи, генсеки, цари,
разгоняйся же, ветер, и пламя — гори,
саранча проходила и плыли века,
и текли времена, как большая река.
Оставались земля и деревья на ней,
деревянные домики между дождей,
оставалось сплетенье размытых дорог,
оставались сады, что никто не берег,
одичалые яблоневого сады,
оставались старухи да их деды,
потемневший портрет да икона в углу,
черный хлеб да похлебка из лука к столу.

Перемешаны чужь, татарва и мордва,
разгорайся, огонь, разрастайся, трава;
все цари да чиновники тенью пройдут,
ну а мы-то навеки останемся тут,
от курильских морей до донбасских степей
в эту землю вращаем и останемся в ней.
И когда ты по черной дороге придешь
через мокрое поле и маленький дождь —
будет теплая печь, будет хлеб на столе,
и не спросят, какой нынче век на земле.

Григорий Егоркин (Челябинск)

СПА-БРА

Мы тащили его сквозь зелёнку —
Не балетных калибров мужик.
А по веткам и стеблям вдогонку
Вжик...

Вжик...

Балки, взгорки, подъёмы и спуски...
«Я живой?» «Не несли, был бы труп».
У сержанта под драной разгрузкой
Хлюп...

Хлюп...

Тянем ношу — траншейное племя,
До смертельной свинцовости рук.
Автоматным прикладом о темя
Тюк...

Тюк...

Прикипели к лопаткам тельняшки,
Льёт напалмовым жаром июль.
Пять минут передыха. Из фляжки
Буль...

Буль...

В догонялки играем иль в прятки,
У косо́й вырываясь из лап?
Лишь из мокрой насквозь плащ-палатки
Кап...

Кап...

Но всему есть конец. Есть он даже
У клубка еле видимых троп.

Бруствер... Бэтэр...

Блокпост... Вроде, наши.

Всё.

Стоп.

Вон палатка с крестом — где черешня,
Там дырявых берут на постой.

«Ну, покеда! Живи, дээргэшняя¹,

Лет

Сто».

Подымили с лепилами трохи.

А в палатку ушли доктора,

Он глаза приоткрыл, и на вдохе:

«Спа...

Бра...»

ВСТРЕЧА НА ПОГОСТЕ

Какой же фартовый ты, зёма,

А мне вот везения ёк.

Укрыли тебя чернозёмом,

Меня положили в песок.

Спасибо, не в шлак и не в глину

Спустили под Сорокоуст,

Тебе на могилку — рябину,

А мне — можжевельовый куст.

Понятно: любого обида

В такой ситуации ест!

Тебе — со звездой пирамида,

Мне в ноги — обструганный крест.

---

¹ ДРГ — диверсионно-разведывательная группа

Пока на них нету табличек,
Таблички попозже прибьют.
Мне — пара подвявших гвоздичек,
Тебе — пять венков и салют.

Грошковые тонкие свечи
Сгорели почти до нуля.
Тебе — многословные речи,
Мне — краткое «пухом земля».

Но это пустое — и точка —
Как лужица воска в горсти.
Рябина, ограда, цветочки...
Ты, главное, братка, прости!

Любая земля не перина,
По совести если судить.
Прости, коли слышишь, за мину,
Что я не сумел разрядить.

Недолго ты болью был мучим,
Меня ж бинтовали дня три.
Такой я вконец невезучий,
Нет фарта совсем.
Хоть умри.

ПЯТЬ МИНУС ОДИН

Ну кто у них выведать в силе,
Чей это в углу автомат?..
Они впятером уходили,
Четвёркой вернулись назад.

Усталыми спинами — к печке,
Пока та ещё горяча.
Жуют подгоревшую гречку.
Пьют чай. Тихо курят. Молчат.

Дымят от души, не халтура,
Сидят, может час, может семь...
О ком они долго так курят?
О чём их свинцовая немь?

Она — о коварной растяжке,
Волнении перед броском,
Пробитой осколком тельняшке,
О фляге с последним глотком.

В ней злоба и боль — без подмеса,
Подсолнухи в чёрных полях.
И очередь из АГСа,
Когда они вышли на шлях.

...Встают.
Взгляд чуть-чуть виноватый.
Не сбросив молчанья тавро,
Вставляют запалы в гранаты
И в полночь идут —
вчетвером.

ЧТО ПОЧЁМ

Коли дождь стеной, — до смеха ли?
С неба падала вода.
Пять минут на сбор.
«Поехали!»
Сами знаете куда.

Особиста брали нашего,
Был не промах — крут и лих.
А давно ль других допрашивал?
Сами знаете каких.

Ох, и люют!
Держал всех в страхе он,
Дюжий, морда кирпичом.

Протоколы всё подмахивал.
Сами знаете о чём.

Тут — слушок: виновен в гибели
Двух штабных секретных схем.
Вот под дождь его и вывели.
Сами знаете зачем.

Вечер.
Ужин.

Построение.
Зампотыл бубнит с листком:
Мол, того... Мол, в исполнение...
Сами знаете о ком.

Что ж, в казарме — не в обители,
Поползла в каптёрку голь.
За помин налили, выпили.
Сами знаете по сколь.

Не хитра мужская пьяночка:
Мерный трёп да сизый дым.
Запыхтела с сеном баночка...
Сами знаете с каким.

Под базары бестолковые
До утра к плечу плечом.
На войне душа дешёвая.
Сами знаете почём.

ВОДИЦА ПОМОЖЕТ

«Ничё се дедок —
цельный архимандрит!» —
Роняет шеренга остроту.
Святою водою усердно кропит
Поп нашу безбожную роту.

По меркам войны не его перевес
На ротном плацу в этом часе:
Нас, грешников, сотня — в разгрузках и без,
Напротив — один он.

При рясе.

Но батя и бровью седой не ведёт,
Ему что комбриг, что водила...
И ловим мы скулами капельки от
Большого, как веник, кропила.

Весенним дождём умывает вода,
Пьянит непроцеженной бражкой.
У взводного Юрки мокра борода,
У Вити-минёра — тельняшка.

Стоит, улыбаясь, окопный народ,
Не горбит под брызгами спину.
И как бы случайно я свой пулемёт
Под тёплые капли подвинул.

Стекает по мушке одна — как слеза...
Но надо братве приколоться:
«Слышь, батюшка, в чём же твои чудеса?
Водичка, небось, из колодца!»

У старца морщинки сбежали с лица,
Вдруг стал — и моложе, и строже:
«Господь с вами, дети, вода из Донца.
Воййте,
водица поможет».

СОНЕЧКО

Так себе айфон,
Брали и покруче.
А владелец — он
Парень невезучий:

Подловил металл
И затих в кабине.
Снайпер угадал?
Или дело в мине?

Может, лёг снаряд
Стомиллиметровый?
Явно добробат¹ —
Малый нефартовый.

С лычками погон,
Форма при шевроне,
Рядом телефон
Тёплый от ладони.

В сидор на спине
Взводный трубку кинет,
Мёртвый на войне
Гаджетов не имеет.

...Вечер. Расслабон.
Пьём не шейк кофейный.
«Взводный, слышь, айфон
Бренькает трофейный.

Обоснуй там, чтоб
В страх вогнать вражину,
Про дырявый лоб,
Про его машину.

И влепи вопрос:
На хер лез с боями?
Вот теперь как пёс
В придорожной яме.

---

¹ Добробат — боец добровольческого батальона

Врежь на матюке
Про конец паршивый
С биркой на ноге...»
Но молчит служивый.

Словно в колее
Танк завяз — и точка.
«Сонечко мое¹» —
Из контактов строчка.

И тебя одна
Мысль берёт на мушку:
Дочь звонит? Жена?
Лапушка-подружка?

Закуси губу,
Драная пехота.
Даже взяв трубу,
Разве скажешь что-то?

«Наполняй стакан
Не наполовинку!» —
Погасив экран,
Взводный вынул симку.

ЗА ПОЛЧАСА ДО РОЖДЕСТВА

...А нас накрыло на нейтралке,
Мне точно в грудь,
В висок — его.
В воронке — не на катафалке,
Но, в общем, тоже ничего.

Кому-то нет, а нам цікаво
Упасть на свежий наст ничком.

---

¹ Солнышко моё (укр.).

Метель убитому что саван,
Подушка — мёрзлой глины ком.

Салют прощальный среди ночи
Даст «ураган», расплавив высь.
Всё честь по чести.

И, короче,
Лежи, солдатик, не журишь.

Где ты уснул, там и могила,
На захид лишь бы головой.
Ракета кружится кадилом
Под поминальный мины вой.

Садится робко на погоны
Снежинка...

Две...

Потом — ещё...

«Ты, кстати, как, сосед, — крещёный?
Чего молчишь?

А я крещён».

Воронку в белую бумагу
Пакует снег — видна едва.
...Зачем нас подняли в атаку
За полчаса до Рождества?

ЗВЕЗДА БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ

Знаешь, что такое поэзия?
Это ночью со своего балкона
Заметить созвездие Ориона
И на правом его плече
Звезду Бетельгейзе.

В моей Новороссии,
Где всё так неясно,
Где будущее — туманность,
А прошлое поломалось,
Где гуляют ночные волки
И контрабасы
Прячут нал и обрезы,
Это всё, что у меня осталось:
Пуля, лира и звезда Бетельгейзе.

В моей Новороссии,
Не нанесенной на Google-карты,
Где всё так просто,
И так понятно,
Где полевые командиры
Отправляются в космос
На лифте,
Где терриконы безумия
Страшнее, чем у Лавкрафта,
Здесь есть место
Для подвига и для мести.
Наведи свой зум —
Поглядим на звезду
Бетельгейзе вместе,
Мой команданте!

Когда же она взорвётся,
То вспыхнут в небе два солнца!
Потому что таким, как мы,
Одного мало!

EXCELSIOR. МОТОРОЛА

Когда господин террор
заводит свой часовой механизм
чей-то голос за кадром
звучит: «Мотор!»
Герой заходит в дом
номер 121,
и господин террор
обрывает трос.

Миг
и лифт, который должен
сорваться вниз,
бойца вознёс!
Туда где молнии.
Туда где ангелы.

Хоронят русского война
под флагом Спарты.

Не плачь и не бойся!
Это ещё не конец.
Просто
в небе над донецким аэропортом
появился новый связной —
Моторола!

МАНТРА СНАЙПЕРА

Тот, что напротив,
сквозь оптику
смотрит на осень.

Зреют колосья
на поле разъеденном оспой
воронок
и солнце,
скрипя расколовшейся
осью,
закатится скоро,
и в небе разверстом
сверкнут, будто слёзы,
холодные звёзды,
и ворон,
на пугало сев, прокричит:
«Nevermore».

Никто не вернётся.
Но девушка в хоре
поёт и поёт нам,
И голос высокий
зовёт заглянуть в мир иной,
называемый горним.
А вдруг там ни По нет,
ни Блока, ни Бога,
ни смысла, ни толка!
И мне остаётся
последний патрон
и винтовка
СВ Драгунова,
и тот, что напротив,
и осень,
что входит в меня
через дырочку в горле.

И небо моей Новороссии
близко, черно и бездонно.
И падают звёзды.
Кому на погоны.
А нам на погосты.

* * *

Любовь не требует взаимности,
И не гадает: что же будет?
Вот я иду по полю минному
И рву ромашки с незабудками,
А месяц тонкий, тронь — порежешься,
Глаза решимости полны.
Есть только шаг один до вечности,
До тихой легкокрылой нежности,
До бьющей в сердце откровенности,
До истинной душевной верности.
И нет ни страха, ни вины.

ПРО СЧАСТЬЕ

1

Счастье есть,
Его не может не быть.
У каждого свой крест,
Свой путь и свой быт.
Зачем прилагать усилия
В поисках счастья?
Господи, упаси
От этой напасти.
Ведь счастье понятие аморфное,
Легко заменяется достатком, комфортом,
И тому подобное,
Главное, чтобы было удобно.
Так думают сотни и тысячи
Из поколения в поколение —
Ген безразличия —
Без сожаления.
А я не жила по инерции,
Выбиваясь из сил,
Заводила свое сердце,
Как часы.

Какое оно, счастье?
И где оно обитает?
Задумывалась я часто
И вдруг поняла, что знаю.

2

Веет от счастья домом,
Полям
И садом.
Чем-то знакомым
До боли,
С первого взгляда.
Счастье — вскрик,
Счастье — всплеск,
Счастье — сердца биенье,
Это миг,
Это век,
Счастье — виденье.
Это ты — мое Счастье:
Глаза твои, губы и руки,
Поцелуи, объятия.
Вздохну — и не звука,
Лягу на грудь
И слушаю, как тикает.
Ты просто Будь! Будь! Будь!
Счастье мое великое!
Чудо мое, ты, чудище,
Любящее и нежащее,
Спрячусь в твои я ручищи,
Словно в бомбоубежище,
Спрячусь от взрывов отчаянья,
Ужасов одиночества.
В ритме с твоим дыханием
Дышать хочется.

3

Это не солнце, а чучело,
Лучами утыканное,
Наброшены рваные тучи,
Чтобы скрыть наготу неприкрытую.
Рядом дождь слепой
Еле ноги передвигает,
Стучит своей палкой по мостовой,
По крышам трамваев.
Бедное солнце участия
Взглядом унылым ищет.
Потеряла я свое счастье,
Тоже бреду, как нищая.
Улыбки ломаный грошик
Мне бросил случайный прохожий.
Где же ты, мой хороший,
Ни на кого непохожий?
Никто мне теперь не нужен,
Мир без тебя воинственен.
Перевернул мне душу,
Потерянный мой, единственный.

4

Чем измеряется счастье?
Скажите, а кто-то мерил?
Рвется душа на части —
Конверт открываю нервно —
Руки дрожат от волнения,
Буквы бессовестно пляшут,
От радости светлой пьянею я,
Читая письмо Пашино:
«Письма, письма вереницей,
Если в крылья их сложить,
Я к тебе сумел бы птицей
Прилететь и рядом жить.

Из бесчисленных конвертов
Хижину сложили б мы,
В ней бы спрятались от ветра,
Проливных дождей, зимы.
На цветных бы марках спали,
Как на пестром одеяле.
Ляжешь ты ко мне на грудь,
Скажешь тихо: “Будь! Будь! Будь!”
Все, целую в обе щеки
Крепко-накрепко, еще
В губы, руки и плечо!
Ставлю дальше многоточье».

5

Чем платят за счастье?
Какою монетой?
Душевым ненастьем?
Печальным сонетом?
А может, ожиданием,
Длинным, как ночь полярная?
Прощением или прощанием? —
Раньше не знала я.
Жизнь учит
Порой жестоко.
Исчезли тучи
В ладонях окон.
И утро в бликах
Ко мне приникло.
Он, как будильник,
Меня окликнул.
Через ступени
Перелетая, букет сирени
Принес из мая.
Небрит, измучен,
Промок, продрог,

Но взгляд, как лучик
Меня обжег.
Лежим в обнимку
И не шутя
Шепчу: «Любимый,
Хочу дитя».

6

Я теперь дом на ножках,
Теплый, уютный дом.
Крошечную горошину
Мы поселили в нем.
Я — беременная, я — шар,
Я круглая, как планета,
Иду не спеша,
Несу себя по проспекту,
Нет, не себя, а живот.
Солнце во взгляде,
Во мне человек живет!
Дорогу нам уступайте!

7

Примчался из магазина
Будущий папа наш,
Кормит нас витаминами,
Заботлив, как верный паж.
«Скушайте яблоко, лучше грушу,
А хочешь — черешен».
Я — капризная и непослушная,
Он — терпелив и нежен.
— Ну-ка! Дай-ка сюда свою руку.
Ишь, брыкается, непоседа.
Хочет, наверное, хоть на минутку
Выглянуть в мир неведомый,
Распробовать вкус смородины,

Послушать, что шепчут голуби.
Я же теперь, как Родина —
В утробе, как в земле плодородной,
Разрастается саженцем
Наше счастьеце!

8

Серая дымка.
Кап. Кап.
Мокро и зыбко.
Кап. Кап.
Дождь, будто скрипка
Плачет.
Ветер по крышам скачет, скачет?
Делаю выдох, вдох.
Бьется огонь в висок,
Спаси и помилуй, Бог!
Настал срок.
Разбушевалося ненастье.
Рвется наружу счастье.
Тело дрожит, как пружина,
Кажется что по жилам
Топливо движется жидкое.
Мучаюсь, но с улыбкою.
Окна дорожками слез
Вышиты.
Я умираю всерьез,
Вы слышите!
Губы искусаны,
Капли крови, как бусины,
Пощупайте пульс мне!
Разрастается боль.
Довольно!
Вопль
По венам высоковольтным,
По мышцам, морщинам, черточкам!

Не хватает дыхания.
Сердце вишневой косточкой
Выплюнулось из гортани.
И тишина вмиг,
Кажется, ничего и не было,
И вдруг крик,
Молнией с неба.
— У вас мальчик.
— Покажите мне сына.
Будет Иван Палыч,
Славненький мой мужчина.

9

Кричит, взъерошенный,
Колючий, как еж:
«Как там наша горошина?
На кого похож?»
Открыть бы форточку,
Ждет уже целый час.
А вот и драгоценный сверточек,
Одни глаза торчат.
Мы, словно рыбки в аквариуме,
Общаемся через стекло.
Пап внизу целая армия.
Нашему не повезло:
Аж
Третий этаж.
— Па-аш!

10

Мне принесли записку,
Фрукты и шоколад.
«В объятых тебя бы стиснул,
Да приходится ждать.
Красивая ты в косынке,

С малышом на руках.
Благодарю за сына.
Я, кажется, пьян слегка
От радости этой огромной.
Слова — это звук пустой.
Сердце горит, как домна,
Бездонная домна с рудой.
Хочу на тебя наглядеться,
Счастье испить до дна.
Ты, как мадонна с младенцем,
В раме окна».

11

Кружево, кружево, кружево,
На уголке отутюженном
Лежит жемчужина,
Смотрит в душу мне.
Сниму пеленку,
Возьму ребенка,
Пуп в зеленке,
Ножки такие тонкие!
Губами упрямо,
Уткнулся в грудь.
Я называюсь мамой,
Я говорю ему: «Будь!» —
Каждой каплей молочной,
Каждым стуком сердечным —
«Будь! мой живой комочек,
Будь! дорогой человечек!»
Нет, человек, человечисе!
Ну и пусть всего два семьсот
Малое мое детище,
Ничего, подрастет!
Спит, кровинка моя, отрада,
Причмокивает слегка.

Соединены мы с чадом
Струйкою молока.

12

Чудом назвать, феноменом,
То, что теперь не во мне он.
Мы с ним уже отдельно,
А раньше сплетались венами,
Были с ним кровью единой,
Были с ним плотью единой.
Мы соединены Любовью —
Вот вечная пуповина!

13

Редко о счастье пишут,
Счастье не вдохновляет,
Оно, словно косточка вишню
Сердце собой наполняет.
И если стихи некстати,
Банальны и неуклюжи,
Выброси их, читатель,
Пусть шелестят по лужам,
Пусть их читает ливень
Кленам, березам, осинам,
А чтобы быть счастливым —
Вырасти дочь или сына.

Лариса Класс (Луганск)

* * *

Когда калека-полужизнь
заглядывает в наши окна,
Когда ослепшая борьба
и онемела и оглохла,
Когда надежды вечный жид
по целым дням лежмя лежит,
берите скрипки, музыканты,
родной земли бомжи и гранды,
сыграйте реквием стране,
где каждый миг —
спектакль «На дне».

Чередую черных лет пиано
играет рок
рукою пьяной...
И вылетает все в трубу.
И вот уже не брат на брата,
а депутат на депутата,
враль на вряля,
брехня к брехне...
А кто-то выиграл втройне.

Зарою боль в края отчизны,
где ветер песней голосит.
Отравленная спит держава...
Над головою серп висит.

* * *

Ни бурлак, ни буревестник —
Герой у времени — лошок...

просочились между строк —
всё, кранты, выходит срок.

В центре замкнутого круга
на любимом лобном месте
чудо-юдо сохнет в кресле
и гундит: «Продлите срок!»

В ожидании развязки,
вековой бессрочной сказки
всяк живет, как разумеет,
молится и сатанеет,
ходит криво, ходит боком
и с надрывом и заскоком...

Шутит вечный Нострадамус:
— Чё, ребята, настрадались?!!
Будет день
и будет пища...
Одному? Или на тыщи?
Скажет время,
дайте срок...

* * *

Всесоюзная игра:
«Расстрелять из-за угла!»
Раз — трах-бах...
четыре... пять...
вроде бы идут искать.
«Не убий!» — церковный лепет.
Вновь убийца пулю лепит.
И по черному стволу
люди спускается в дыру.
— Эй, ходи! Честной народ,
раскрой и вновь зашей
рот до ушей.

Что не сеял, то пожнешь.
Где растут обман и ложь,
на кровавые года — урожайная страда.
От Афгана сердце ноет...
До Чечни нутро горит...
И зашла бы душа,
да за нею ни гроша.
У деревьев до поры
почерневшие стволы.
И глядит Земля на небо
соучастницей игры.

* * *

Вот заказ — так заказ!
Чисто царский:
Киллерам заказали народ.
В ледяную люд бросился воду,
Не пытаюсь отыскивать брод.
Шутки в духе времен великих
В мир иной прорубили дыру
И тяжелая черная крыша,
как надгробье,
легла на страну.

* * *

Новый год кончины века
настигает человека.
Он для праздника готов,
вечный узник без оков.
Карнавальные костюмы
сшила матушка-природа.
Так красивы,
так понятны,
так доступны для народа.
И спешит толпа на биржу,
и в парламент выступить,

на вокзалы,
на помойки
что-то в мусоре искать.
Большинство стремится
к рынку.
Путь намечен, говорят.
Вот со жвачкою профессор.
С газировкой кандидат.
Рада всякому и всякой
удалая голова.
Раскрывай словарь пошире,
переписывай слова
на китайском,
на немецком,
на английском,
на турецком...
Будут улицы «шанхайки»
и «бродвейки» на Руси,
а иных ищи-свищи.
Воет над страной разруха,
отмечает все пути.
Спят спокойно президенты.
Ни проехать, ни пройти.
Нашалились, нарезвились...
Могут смело отдыхать.
Завтра новый день настанет —
будут в мафию играть
и в войнушку-голодушку...
А пока что ночь и снег.
Ходит сторож по дорогам,
колотушкой бьет и бьет.
Этот сторож —
Новый год.

«ЕСЛИ МАМА СОШЛА С УМА...»

ЧЕСТЬ

Вразумлял заполошно
сыночка Тарас:
— Честь, как девственность, можно
потерять только раз.

Кочетом на насесте
перед казнью блажи.
Где уж следовать чести?
Нам бы жить не по лжи.

Омерзителен местным
чудной господин,
что, пытаясь быть честным,
остался один.

ДРАКОН

Долготерпения лимит
исчерпан. Коли власть хамит —

покрышки жгут. Горит земля,
чтоб не осталось места для

амбиций, пилежа бабла
под благостное бла-бла-бла

прекраснодушной болтовни.
Господь, невинных охраня!

Ведь прежде, чем бесславно пасть,
любая власть оскалит пасть,

а победивший Ланцелот
сам чешуёю обрастёт.

* * *

Нам с детства сапогами в бошку вбита
прекрасной демократии модель.
Две женщины — Свобода и Фемида —
её качают колыбель.

Свобода любопытна, как Пандора.
Фемида то продажна, то слепа.
А в результате жулика и вора
боготворит толпа.

* * *

Горчит влечение, род недуга,
но всё никак недопоймём:
мы — подсознанка друг для друга.
Со всем скопившимся дерьмом.

Никак, перемудрили греки,
нас наставлявшие в письме.
Россия лишь подымет веки —
и пробудится Брут в Хоме.

* * *

Янукович просрал Украину.
И кумекает братская речь:
как бы так перегрызть пуповину,
чтобы кровью самим не истечь?

Станет не до словесных ристалищ,
коли всё-таки вспыхнет в Крыму.

Близнецы из Сиама, расставшись,
сдохнут вскорости по одному.

* * *

Омерзительную серую
свергли власть.
То-то празднично с Бандерою
в бучу впасть!

Дьявол забашлял наличными.
Бог не спас.
Не оранжевым — коричневым
стал окрас.

Тех, кто вышли биться с катами
и братвой,
сделают разменной картою —
не впервой —

методом кнута и пряника.
Жаль чертяк.
От Майдана до Майданека —
только шаг.

* * *

Было Укратиной — стало руиной.
Ярость в сердцах и разброд в головах.
Шарм революции — в сути звериной,
а не в красивых словах.

Тут не повинны ни серп и ни молот —
всякая власть невозможна без врак,
чтобы народ был идеей расколот:
врущий не с нами — наш враг.

Теми и этими дружно обляян,
тщетную мысль до конца доведу:

войны всегда начинались с окраин,
а завершались в Аду.

* * *

Учебник истории лжёт без затей,
плодя виртуальный детсад.

Они двадцать лет растили детей,
чтоб в руки им дать автомат,
а после — подсчитывать барыши,
закон даровать крепостным.

Жёлтое поле созревшей лжи.
Синее небо над ним.

НОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Первобытный головорез
в бывшем европейце воскрес.
Украинский этногенез
превратился в этнорегресс.

Жаль, что не успел Леви-Стросс
новых дикарей описать.
Участь Попрыгуний-Стрекоз —
на костях горелых плясать.

Ушлый братец профит смекал
и чудил, в чём мать родила.
Я не прыгаю. Я — москаль.
Москали стоят как скала.

* * *

Завтра, если выживет мир,
люди просто спишут в тираж
подлый анонимный мундир:
балаклаву и камуфляж.

Знаешь, мне действительно жаль
тех, кто заигрались в войну.
Им по барабану мораль —
только бы не дать слабину.

Этот инфантильный урод,
превративший смерть в ремесло,
впрямь уверен, что он умрёт
за Отчизну — не за бабло.

Парубок, герои не ссут —
что ж тебе так крутит живот?
Завтра предстоит Страшный Суд:
нам — гилляка, вам — эшафот...

КТО ПОДСТАВИЛ КРОВАВОГО КРОЛИКА?

Нет правды на украинской земле.
Майдан покрывки жжёт навеселе,
а в Белый Дом вселился чёрный страх...
И Кролики Кровавые в глазах.

Вдоль обрыва, по-над пропастью,
у самого у краю
я Украину свою до крови караю,
замираю.
Тяжко сдюжить против русса
камикадзе-самураю.
Чую — лезвием по пузу —
просираю, просираю...

Пусть кричат улю-лю-лю,
я не сдамся Кремлю.
Хоть немного ещё, но страной порую...

Сгину я: коль не замочат —
обмочусь, когда шахтёры

повлекут за шкурку укром
не в Гаагу, в Нюрнберг прямо.
Больше кровь сосать нет мочи.
Поздно на переговоры.
Ты мне досыта капусты
обещал, Барак Обама!

Пусть кричат улю-лю-лю,
я не сдамся Кремлю.
Хоть немного ещё, но страной порую...

Мы успели всё порушить
от Славянска до Одессы.
Скоро Вий подымет веки.
Нет Отчизны — место пусто.
В предвкушении пирушки
сковородки греют бесы.
Кровью driщут правосеки.
На крови растёт капуста.

Пусть кричат улю-лю-лю,
я не сдамся Кремлю.
Хоть немного ещё, по крови порую...

УКРОПА (неоконченное)

А зараз послушайте, детки,
як жили державные предки.
Слепой неполживый кобзарь
поведает, что было встарь.
Це — песня бандуровых струн...

Мир был беззаботен и юн,
у неандертальцев на жопе
понура висели хвосты.
В стране древних укров — Укропе —
козаки с далёкой звезды,

с самой Галактической Сечи
явились их очеловечить...
Хвосты всем приматам обрезали разом!
Так слава хероям! Так скроется разум!

Что за гомон над Майданом
оглашает блокпосты?
Это укры обезьянам
режут вёрткие хвосты,
делая из них людей:
этот — грек, тот — иудей.
Вкруг великой Украины
чудь, сплошные угрофинны.
Снова злые москали
укров обижать пришли
и мозолистые сраки
не уберегли козаки.

Вековечные обиды
объяснимы для мудил.
Кто построил пирамиды?
Стоунхедж кто возводил?
Чьи могучие херои
сокрушали стены Трои?
(Пышносисечное ню —
друг Троянскому коню.)

Я не финн, и я не угр,
я, ребята, древний укр.
Хорошо в стране Укропе
с пирамид съезжать на жопе.

*

В стране древних укров — Укропе —
светло, как у негра в душе.
Привычное сало в сиропе,

доверчивый ад в шалаше,
отменный суверенитет,
да жаль — конституции нет.

Юна и прекрасна Укропа —
а всё же чуток недотёпа.
Купилась на жар промеж ног,
когда её бык уволок.
Натешившись, бросил солдатам —
брюхатой ублюдком рогатым.

МАЛАЯ РОДИНА

Горько об колено ломать,
но иначе ей не помочь.
Малороссия русским — мать,
Новороссия русским — дочь.

Накормить, отмыть от дерьма,
гной сцедить, залечить нарыв.
Если мама сошла с ума
сын обязан быть терпелив.

* * *

Война разделила бывший народ
на *нелюдь* и *воинов* — всяк
рано или поздно умрёт.
Обоих сглохнет червяк.

Обоих в муках рожала мать,
да разница велика.
Нелюдь заточена убивать,
желательно — исподтишка.

Воин оружие в руки взял
не по приказу властей,

не за капитал, и не за идеал —
чтоб защитить детей.

Разрывы вот-вот накроют приют
и станет не страшно всем.
— Мама, если нас не убьют,
можно я утром поем?

* * *

В хитросплетеньях семантики всё одно во главе
функциональность лексемы. И это правильно: ведь
предназначение укропа — приправа к большой жратве.
А вата потребна, чтоб кровь унять и согреть.

* * *

Вот кто-то выбрался из танка —
я чую: щирый патриот.
На нём защитна вышиванка,
она с ума меня сведёт.

Что ж, выжидаю понемногу,
нацелив свой гранатомёт.
Ща он получит перемогу.
Пусть перед смертью отольёт.

* * *

Что ж, кради под сурдинку,
душу перекрой.
Помогли тебе, сынку,
эльфы твои?

Сколь ни скажешь: «халява» —
не насытится рот.
Настоящая слава
о себе не орёт.

В ненавистной вам Раше,
чай, свободней сейчас.
Суть не в происках вражьих —
в вас самих. То есть в нас.

Революция, братцы,
пострашней говорильни.
За неё можно браться,
если руки стерильны.

Слишком жадным и глупым
не понять никогда:
путь к свободе по трупам
ведёт в никуда.

* * *

Из всех окопов раздаются окрики
(как в годы пылкой классово́й борьбы):
«Ты с кем, братишка: с эльфами — иль с орками?»
Да человек я... Им остаться бы.

И орки просто шлют меня по матери,
а эльфы — причисляют к силам Тьмы...
Учитесь мыслить в двуедином Мордоре
и, может, всё же станете людьми.

* * *

Коли вправду война — что вы клянчите крохи,
растеряв от отчаянья гордость и стыд?
Помогли тебе, братка, на Западе? Лохи
лишь в облуге пригодны. Теперь предстоит

чёрный труд проституток, уборщиц, рассыльных —
пресмыкаться по мелочи, жалко ловчить.
Милосердие — привилегия сильных.
Кроме нас — кто возьмётся спасти и лечить?

* * *

Листаешь учебник истории...

Насчёт позитива — голяк:
бомбёжки, чума, крематории,
сплошной перманентный ГУЛаг,
костры, эшафоты с кутузками...

Гадаешь: на чьи же гринь
этукры сражались с этрусскими
ещё до Троянской войны?

* * *

Опять троянцы греков мочат,
а те в ответ опять хитрят.
Но даже боги не отсрочат
взросленья маленьких тигрят.

Тестостерон тестостероном —
играйся что есть сил, глупыш.
Вот познакомишься с Хароном,
и там уже не пошалишь.

* * *

В каждом креативном горлопане
дремлет большевистский комиссар.
Никогда я не был на майдане —
там всегда толкучка и базар.

Мне его переходить не в жилу:
тошно жить среди ваших баррикад.
Там придурок сам себе могилу
роет, думая: отроет клад.

Там напёрсточник лохов разводит —
и не ведает свободный лох,

что придёт к банальной продрозвёрстке,
к выгребанию последних крох.

В Рай втащить сулили на аркане —
заплутали по пути, в Аду.
Никогда я не был на майдане,
и теперь, конечно, не пойду.

«НЕТ, НЕ СГИНУЛА УКРАИНА!»

Из Василя Симоненко

Я встретил вас в годину лютой боли,
Когда пожаров языки взвились
До звёзд, и люди глохли поневоле
От самолётов, вспарывавших высь.

Тогда-то вас и окрестили псами:
За страсть лизать хозяевам сапог,
За «Ще не вмерла...» хриплыми басами,
За «хайль» и взлёт руки наискосок.

Там, где прошли вы, громоздились трупы,
Но харкали в мурло из страшных ям
Украины окровавленные губы
Фашистам и их верным холуям.

Вы б пропили, распродали, ей-Богу,
Остатки нашей горестной земли,
Когда бы Украине на подмогу
С востока не вернулись «москали».

Теперь вы вновь, стяхнув земли покровы,
Торгуете ей. Каждый вороват.
Вы новых палачей призвать готовы
На украинский хлеб и сала шмат.

Вам слаще не отечество — чужбина,
Где чорт придёт по душу в свой черёд.
Так знайте — ще не вмерла Україна,
И не умрёт!

Оригинал:

НІ, НЕ ВМЕРЛА УКРАЇНА!

Я зустрічався з вами в дні суворі,
Коли вогнів червоні язики
Сягали від землі під самі зорі
І роздирали небо літаки.

Тоді вас люди називали псами,
Бо ви лизали німцям постоли,
Кричали «хайль» охриплими басами
І «Ще не вмерла...» голосно ревли.

Де ви ішли — там пустка і руїна,
І трупи не вмщалися до ям, —
Плювала кров'ю «ненька Україна»
У морди вам і вашим хазяям.

Ви пропили б уже її, небогу,
Розпродали б і нас по всій землі,
Коли б тоді Вкраїні на підмогу
Зі сходу не вернулись «москалі».

Тепер ви знов, позв'язувавши кості,
Торгуєте і оптом, і вроздріб,
Нових катів припрошуєте в гості
На українське сало і на хліб.

Ви будете тинятись по чужинах,
Аж доки дідько всіх не забере,
Бо знайте — ще не вмерла Україна
І не умре!

«БЕРКУТ»

Не беспредельщиной, не сбродом
Распят, порублен, ослеплён
И в кровь сожжён своим народом
Присяге верный батальон.

Приговорённые не ропщут,
Готовы умереть за так.
Они опять идут на площадь,
Где обезумевший чуда́к

Заточку заведет под ухо,
Яремную прошьёт насквозь,
А удивлённая старуха
Очередной вколотит гвоздь.

Пусть облака плывут нестройно,
Идут вослед — по одному...
И им уже совсем не больно,
Ведь там не больно никому.

ВОЙНА

Ну что, гниды, привет!
Сколько́х убьёте ещё?
В Славянске гуляет смерть —
В мозг, в печень, в плечо.

Враг пришёл в Краматорск.
Господи, помяни!
Мёртвый ложится воск
На ясные лица Твои.

В Одессе сжигают живьём,
А тем, кто летит в асфальт,
Так и орут: «Добьём!» —
И добивают ребят.

Только и ваш черёд
В сердце моё проник —
До Киева доведёт
Вырезанный язык.

ИЮНЬ

Ю. Юрченко

Все-таки, как это зыбко:
Тихий клыкастый сосед,
Баба вот эта, улитка,
На теплотрассе, в обед,

Скромные русские парни,
Пьющие водку с горла,
Пышный джигит у пекарни,
Прочие чьи-то тела.

Ведь через час миномётом
Хряснут им всем по глазам —
Запросто так, мимоходом,
Души взметнув к небесам.

ДОРОЖНАЯ ПЕСНЯ

Рай земной недоступен,
На пороге — война,
Но у нас-то есть Путин,
А у них — ни хрена!

Есть отцовская вера
И зимы седина,

Кофты есть из мохера,
А у них — ни хрена!

Предков старые фото.
Снег идёт и идёт...
Есть Господь наш, и Он-то
Русских точно спасёт.

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНСКА

Знаю я, что будет дальше,
Как продлится этот час —
Будут гибнуть дети наши,
Если бы в последний раз!

А потом придет хана вам.
Время — сеять, время — жать,
По оврагам и канавам
Снова мёртвыми лежать.

Вперемешку, вместе с нами,
Адский впитывая зной, —
С дочерями, сыновьями
Бывшей Родины одной.

Александр Курапцев (Старобешево — Санкт-Петербург)

* * *

А мы сатанеем без дел и без денег,
являя собою голь,
устами младенца глаголет младенец,
проглатывая глагол,
пророчит-морочит, блаженного корчит,
местами кривит уста,
и глас вопиющего шамкает молча,
вещать и звучать устав.
Небесною манной набиты карманы,
висит на ушах лапша,
но, мало-помалу, от самообмана
становится шире шаг,
со скрипом врывается в лёгкие воздух,
волшебный, как порошок,
и варится время, не верится в возраст,
а шёпот шуршит, как шёлк.
И мы оставляем кресты и окопы
пасть на пустой земле,
козырные пики, казённые копы,
петляет в потёмках след,
забыты колосья, разбиты колени,
копит подожжённый рай,
и нечего делать, и не во что верить,
и некуда умирать.

* * *

Давайте верить телевизору,
как откровениям Талмуда,
и регулярно ставить клизмы
неприхотливому уму,
пусть всё исполнится по слову
во славу этих или тех,

нет, ни за что не смолкнет сволочь,
в башку вколачивая текст...
Так, потерявшись в настоящем,
ополоумевши сполна,
играет в говорящий ящик
приговорённая страна.

* * *

у солдата был пуленепробиваемый живот
мама говорила до свадьбы заживёт
папа говорил пока ты живой
береги в себе государство

твой живот покрыт виртуальной бронёй
двадцать лет ты кормился специальной хернёй
и теперь тебя ни фига не проймёт
ни холера ни хакари

если с трёх сторон наступают враги
то хватайся за сердце мастурбируй под гимн
но не сдавайся и не беги
престиж не купишь за сало

родина не забудет и не простит
всё что хрустит и тает в её горсти
это не кости это замёрзший стикс
розовый как ладошка

нет у солдата имён голосов могил
праздновать будем винтовку печь пироги
будем любить одни твои сапоги
слава отцу и сыну

* * *

Мне снится снег,
зелёный снег повсюду,

лоснится творческий узбек
с улыбкой Будды,
следы заплёванных солдат
хромают в кузов,
и мировая благодать
нисходит юзом.
В зелёнке потонул рассвет
в оконной раме,
бинтами пеленает смерть
дома с дворами,
Тебе, мой солнечный ошна,
светло на Невском,
и не увидеть ни рожна
степи донецкой.
Мети свой мокрый тротуар
неторопливо,
Ашан и в Африке — акбар,
косей от пива,
живи, не ведая, дружок,
вражды блошиной...
а мой испорченный божок
застрял в машине.

* * *

Разгоняясь, оглядись по сторонам,
ветер в харю, вехи, вывихи, стена,
под стеною то песок, то наст, то хлам,
то страна.

Не страна, но протяжённая межа:
то измена, то засада, то пожар,
хочешь жить — умей божиться и бежать,
балансируя на лезвии ножа,

гражданином скудной, выжженной земли,
в диком поле на краю большой зимы

в сонме ликов подставных внеземных
позывных.

У зимы пустые, сонные глаза,
у зимы есть автозак и кинозал,
где хранятся те — кто против, те — кто за,
кто считает барыши, кто новый залп.

Поднимая смету сбывшихся примет,
не находишь в ней ни слова о войне,
время — самый ненадёжный инструмент,
как по мне.

Инна Левитан (Израиль)

* * *

Однажды Ангел по земле ходил,
Всем раздавая радость и надежду.
Тепло, мечту, последнюю одежду,
Которую еще не оплатил.
Однажды Ангел по земле ходил —
Невидимый, неслышимый, прозрачный.
Он слишком много понимал иначе —
Искал, но никогда не находил
Другого, кроме вычурной улыбки,
Напыщенной никчемной болтовни,
Где ангелы, наверно, не нужны.
И он сюда спустился по ошибке.
Где слово Долг — пустой невнятный звук,
Где само Слово ничего не значит.
А он — всего лишь странный неудачник,
Который ничего не изменил.

* * *

Раздень меня — до сердца, до души,
До каждого несказанного слова,
Тобою недосказанного снова,
До мыслей абсолютной пустоты.
За каждый день, прошедший мимо нас,
За каждый шаг, проделанный вслепую,
За каждый след, оставленный впустую —
Коснись меня. Не завтра, а сейчас.
Коснись меня — и тела и души,
За каждую минуту ожидания,
За годы бесконечного молчанья —
Коснись меня. И душу обнажи.

Наталья Лясковская (Москва)

* * *

а вдруг это не я убита под донецком
в овраге у куста роса на волосах
и кофточка моя и рюкзачок простецкий
и мой нательный крест и стрелки на часах
стоят на пять ноль пять как раз сверкнуло солнце
когда снаряд влетел в отцовскую «газель»
что ж не прикрыли нас герои оборонцы
что ж дали помереть среди родных земель
да вон они лежат вповалку кто как падал
с простреленной главой с распоротым нутром
а с краю я тычком с пригожим парнем рядом
иваном василём георгием петром
и это я добыть семье воды и хлеба
не смогшая опять в халупе ледяной
лишь об одном молю безжалостное Небо
пускай они умрут в единый миг со мной
и это тоже я весь покалечен катом
стою под минный вой на проклятом мосту
а смерть в лицо орёт давай отборным матом
меняй скорее жизнь на лучшую на ту
и старики чей мир опять войной разорван
погибшие в боях отцы и сыновья
и матери в слезах и дочери по моргам
все эти люди я
все эти люди я

* * *

И сошлись однажды наши да враги,
призывает каждый: «Боже, помоги!»
Все несут иконы, крестятся пучком,
все кладут поклоны, падают ничком...

Магазин заряжен, через грудь калаш,
наши в камуфляже, вражий камуфляж.
Если глянуть с неба — как одна семья!
Что вам: мало хлеба, люди-братовья,
нету в реках рыбы, зверя нет в лесах,
овоща в садыбах, солнца в небесах?!
Не сыскали слова, чтобы мир сберечь —
чи скінчилась мова, аль иссякла речь?
Голубые очи, светлые чубы —
и никто не хочет утром лечь в гробы.
Серые, зелёные... в ранней седине —
словно спепелённые в проклятом огне,
чёрные да карие, волосы как смоль —
всем одно мытарить, всем едина боль.
Завтра снова битва, затишь недолга.
Слышится молитва в лагере врага,
наши в храмах тоже, наших не сломать...
Вот кому Ты, Боже, будешь помогать?

ПОЛЫНЬ

Я не хочу моих святынь,
Мои обеты я нарушу —
И мне переполняет душу
Неизъяснимая полынь.

О. Мандельштам

Полынь цитварная, цветы обоеполые!
О, как манит меня твой запах дарминоловый,
плывёт, пьяня, средь сырдарьяловых долин
сесквитерпеновый лактон твой сантонин.
И вдоль полей — полынь, и вдоль песков — джунгарская,
кивая цацками соцветий, putans царская,
свои владенья расширяешь, войско высеяв,
дочь Эукариота, Артемисия!
И меж белёных хаток на Черкасщине,
где кровный род мой, прекращённый от «покрашения»,

растил детей на землях предков, где отныне —
лишь дым емшановый клубящейся полыни.
Полыну в край родной, вдохну — и с плачем заячьим
в ладонь полынную уткнусь... а чем — не знаю, чем:
бедой последней или детскою обидою.
Впитай печаль мою, трава солянковидная,
абсента, вермута, тархуна кровь зелёная,
терпенья терпкость, в бочке мира растворённая...
Полынь — любовь моя, другой уже не надобно,
ты и постель, и платье вдовие, и снадобье,
что пить — не выпить мне теперь до края дней:
чем горше —

тем

воспоминания сильней...

ИННЕ КУКУРУДЗЕ

чем дольше длится это искупленье —
тем мне страшней что ноши не снести
боль пригибает голову к коленям —
прости меня родимая прости
не дай забыться Господи в покое
пока там люди умирают так
кто б мог подумать что придёт такое —
обстрелы мины шквал ночных атак
укоротила жизнь мне украина —
как тут заснуть во всём себя вина
глаза закрою — предо мною инна —
она всё смотрит смотрит на меня

БОЛЬНИЧНОЕ

Юре Юрченко

уйди поганка бледная луна и так уже подушка солона
ну что приливом да отливом душу маешь
уж лучше вены мне поддень да вынь
а то (тут мат — врачебная латынь)

ширяют в кисть аж тихо подвывает
мятутся тени ночью на стене
взрывают сердце мысли о войне
что свет налечит темень накалечит
и только облик сына как магнит
к рассвету снова тянет и манит
и слово «жизнь» укутывает плечи
я думаю о том кто там в плену —
и вновь своё бессилие клян
сердито плачу и взываю — помоги же
мученья здесь не стоят ни гроша
когда в железной клетке чуть дыша
ты смерти ждёшь — и вот она всё ближе
а знаешь брат когда б я там была
то тоже бы себя не берегла
что нам беречь в такие наши годы
чем в закутке с болезнями стареть
уж лучше бы в сраженье умереть
за наши два любимые народа
я написала так и вспыхнул страх
что за привычка говорить в стихах
о том о чём подумать даже больно
но на свободе чудом ты — и вот
Господь тебе вторую жизнь даёт
звучит под сердцем оклик колокольный
рассвет медсёстры с топчанов встают
в далёком крае петухи поют
что за окном — россия украина
нет просто родина — одна она у нас —
и я лечу над нею в судный час
на крыльях утра и новокаина

ОМИЧ

Другу

Что ж не жилось тебе, Серёжа Свирский,
зачем покинул город свой сибирский?

Рюкзак, аптечка — пластырь да бинты,
нож боевой да камуфляж зелёный,
бумажник с карточкой, где мама возле клёна
стоит и смотрит
как уходишь ты...

Такой красивый — девичья отрада,
тебе б жениться, молодому, надо,
а ты упёрся, бросил институт...
Вот оглянулся — и перекрестился,
и целый мир под сердцем уместился,
его обычно Родиной зовут.

Ты пролетал во снах, по Божьей воле —
над степью, взоранной войной, над Диким Полем,
(хранитель-ангел справа за плечом),
над городами в горе и разрухе,
где горько плачут дети да старухи —
родные, хоть рождён ты омичом...

Твой прадед был солдатом, дед — солдатом,
из тех, что победили в сорок пятом,
из тех, на ком земля стоит, мужчин.
И ты солдатский выбрал путь, Серёжа:
теперь кевлар — твоя вторая кожа,
защитник русский — твой военный чин.

Следить, чтоб люди мирным сном заснули,
закрыть собой их от беды и пули
да отразить смертельный взмах секир.
Ты в этот край страдающий приехал
не поиграть в кровавую потеху,
а встать за мир — за Новоросский мир!

ЗА ВАДИМА НЕГАТУРОВА

спасибо Господи что не причастна я
к возне писательской вокруг посмертной боли

того кто заживо на куликовом поле
сожжён под злобный гогот воронья
не осуждай твердят — пошли-ка вон
я обличаю всех кто варит бизнес
на том огне что погубил отчизну
и всё горит горит со всех сторон
а вам бы только подрубить бабла
да пожурить да пропихнуть бабёнок
да в жэзээл скорее тиснуть томик
сжигали сволочи и вы из их числа
души-то нет у вас — она и не болит
по трупам прёте перегнув в вине и блюде
очистки человечьи вы не люди
когда ж вас огонь всевышний попалит

* * *

Я сама себе — Украина!
Вы уж там, за таможенным тыном,
без меня разбирайтесь: кто чей?
У меня здесь два сына и Нина,
бабынастина греет ряднина
в знобизне московитских ночей.

Вы открыли католикам брамы?
Здесь мои православные храмы,
их любой предпочту я родне.
Полюбила Россию сердечно
и верна ей останусь навечно.
Где мой Бог — там и родина мне.

Час придёт — за зелёным оврагом
на Николо-Архангельском лягу
рядом с дочкой, за то и держусь.
Рай земной мне — хрущёвская двушка.
А что я — не скрывать же! — хохлушка —
так я этим безмерно горжусь.

Не ношу вышиванки и плахты,
но увидев меня, всякий «ах ты!»
вскрикнет, глазом по торсу скользят:
и изогнуты бёдра, как лира,
и за пазухой вложено широко,
так что не заглядеться нельзя!

Я пою «цвитэ тэрэн» прекрасно,
юмор уманский (своеобразный)
приправляет тщету здешних щей.
А любить — так что дым коромыслом!
А работать — так с толком и смыслом,
чтоб трещали зажимы хрящей!

Разделила граница нас с мамой:
связь по скайпу, звонки, телеграммы
заменяли свиданий живьё.
Но уж если домой вырываюсь —
милой мовой своей упиваюсь,
аж пьянею от звуков её...

И в Москве духовитейшим салом
украинским пропахли вокзалы,
рынки, стройки, бордели, ворки.
Только что-то не очень стремятся
на Москве украинцы брататься.
Друг пред другом молчат земляки.

Видно, в каждом — своя Украина...
Мне, конечно же, не всё едино:
не хочу, чтоб бугристый урод
(или кто там подходит вдогоны)
сфасовал её землю в вагоны,
И отправил Америке в рот!

Я молюсь: сохрани её, Боже,
и меня, её часточку, тоже.

Хай живэм, Батькивщина та я!
Мир в умы, на столешницы — хлеба
ниспошли, Милостивое Небо,
нам в нелёгкие дни бытия.

И отсюда, из русской столицы,
Вспоминая любимые лица,
(в сердце — светлая боль, в горле ком),
Припадаю к иконам, как птица:
Да укроет родную землицу
Божья Матерь Цветастым Платком!

* * *

Поэт живёт. В окно с утра глядит,
молчит, стихи читает, ставит чайник...
А он давно, давно уже убит
под Иловайском пулей неслучайной.
Бесплотен он, ему не постареть,
в глазах — бензин безумия сияет...
Он уезжал туда, чтоб умереть.
И умер. Но живёт. Вот так бывает.
Душа его осталась на войне,
где ясно всё: дорога от порога,
а сердце — женщине, а жизнь — родной стране,
честь — никому, а душу — только Богу.
Вернулся он в наш вроде мирный мир,
а тут лютей война чем в Диком Поле.
Здесь каждый третий друг твой — дезертир,
брат брата продаёт в ярмо неволи.
Ты думал: верная подруга — предала.
Ты думал: государство не оставит,
а у него таких нас — несть числа,
оно ещё догонит и добавит.
И что ни день — то свист подлейших слов,
и что ни час — то нож летит из мрака...
Слетает позолота с куполов,

когда бесовский полк идёт в атаку.
Но в чьём обличье вновь ни грянет смерть —
одесской девки или ушлого кавказца,
не поколеблется твоей защиты твердь.
Тебя, Поэт, убить им не удастся.

* * *

Как будто мы вошли в библейскую главу,
где звон мечей и стон, по слову Самуила,
дрожит покров земли, подьмет булаву
вождь филистимлян — он был назван в честь светила:
оно, в зенит взойдя, палит хлеба долин
и что живое есть на пажитях цветущих.
«Пошли нам, Бог, дождя!» — молил Вениамин,
узрев золотых мышей в вефсамисянских кущах.
Но все погибли. Вот — ещё живую кровь
вбирают виноград, оливы и толстянки.
Копьё пронзило влёт насурьмленную бровь —
прощай, красавец-сын кефто и ханаанки!
Плач матерей разбил стеклянный свод небес
и полетели вниз осколки, перья птички,
Архангел вострубил, ждал Израиль чудес —
и явлены они в Давидовом обличье!
О, как пригож пастух: светловолос и юн,
как в голубых глазах сияет сила духа,
а чуть коснётся вдруг рукой кифарных струн —
все чувства только тень возвышенного слуха.
Но этот же певец безжалостен в бою,
нацеленней клинка, выносливей верблюда —
расплавленный свинец залил в пращу свою
и возвратил ковчег завещанного чуда!
Я оглянусь — вокруг всё та же брань и вновь
всё тот же стон земли окрест вселенной слышен,
а на руках бойцов вновь пузырится кровь...
или они полны в раю созревших вишен?

ЖИЗНЕННЫХ КОЛЛИЗИЙ ВИРАЖИ

диптих памяти А.С. Пушкина

1. «ПРЕКРАСЕН НАШ СОЮЗ»

«Прекрасен наш союз» — воистину прекрасен,
Рождаются стихи стараниями муз,
И нет ещё в душе обиды чёрных пятен
И светской клеветы нет тягостных обуз.
В умах витает дух лицейских трубадуров,
В сосудах — нет, не кровь — игристое вино,
Ещё надзора нет державных самодуров,
А всё, что происходит — беспечно и смешно.

Всё будет лишь потом: и слава, и признание,
Терзанья страстных чувств, балы и кутежи,
И вечные долги, и боль непониманья,
И жизненных коллизий крутые виражи.
Всё будет лишь потом... Сейчас же — мир прекрасен,
Прекрасен, как союз молодых наивных душ,
И на любой вопрос, ответ и прост, и ясен,
И далеко ещё до мгlistых зимних стуж.

2. ЗЕМНОЕ ВРЕМЯ БЕЗ НЕГО ТЕЧЕТ...

В молчаньи ночи тихое «Прости» —
Фонарь мерцает, дроги отъезжают,
А впереди даль зимнего пути,
Снег колкий леденяще обжигает.

Окончен жизни беспокойной бег,
Все уложилось в этой скорбной тризне:
Поэт, бунтарь и просто человек —
Что было Пушкиным в его короткой жизни.

Что стало после — все уже не счёт,
Мчат кони резвые к последнему жилищу.
Земное время без него течет
И без него другие ветры свищут.

ХОРОШО!

Как хорошо душой свободной
Вдруг вознестись над суетой,
Над завистью, всегда голодной,
И над убогой клеветой.

Как хорошо, раскинув руки,
Парить, парить за кругом круг,
Над паутиной чьей-то скуки,
И надоедливых услуг.

Там в небесах под облаками,
Вновь полюбить земную твердь,
И песнь в терновнике с шипами,
И жизни пёстрой круговерть.

КАК АУКНЕТСЯ...

Нам равнодушные глаза
Остудят душу и состарят,
И грубых окриков гроза
На сердце лишний шрам оставят.

Всем воздаётся по делам:
Поступки наши к нам вернутся, —
Улыбки луч и в сердце шрам
Когда-то эхом отзовутся.

Добро вернётся к нам добром,
А зло, уж как тут не старайся,
Вернуться может только злом,
Хоть сожалеи потом, хоть кайся.

Юрий Макусинский (Саякт-Петербург)

УТРЕННЯЯ ПРЕССА

Никого не волнуют донецкие дети.
Есть важнее дела в двадцать первом столетии.
Например, где-то там пристрелили шерифа,
а еще где-то там распилили жирафа.

Кто-то яйца пришил к брусчатке для кайфа,
кто-то высек Адама из камня Сизифа,
кто-то верит в политиков, кто-то в них метит.
Никого не волнуют донецкие дети.

Дымовая завеса бесплодной эпохи:
футболисты, банкиры, певцы-скоморохи,
эмигранты, расисты, красотки в доспехах,
самолеты без крыльев и юмор без смеха.

Жизнь без смысла и совести, словно без звука
и без цвета кино. Просто так — показуха.
А война — это где-то там, и воюют там — эти,
для кого что-то значат донецкие дети.

ДОНЧАНКИ

Знаю — слезы, долги, пеленки,
муж, воюющий спозаранку,
не котлеты на завтрак — пшёнка,
не хоромы порой — землянка.

Взгляд пленительный, голос звонкий,
гибкий стан, шелк волос — славянки!
До чего же милы девчонки,
наши верные однополчанки!

Не страшны вам ни «град», ни танки,
ни бандиты в густой «зеленке»,
ни чудовища в вышиванках —
все привычно для вас, сестренки.

Ах, пленительные дончанки —
новоросские амазонки!

ВОЙНА

И снова война. Даже если никто не стреляет.
Погибшие души вопят по ночам от души.
В кровавом тумане эпохи не слышно рояля,
одни лишь литавры звенят во вселенской глуши.

На третьей планете системы, что где-то там с краю
забытой галактики, звезды в ночи хороши:
по братьям и сестрам убитым Псалтырь я читаю
и жалуюсь Богу, что волею вновь согрешил.

Мне ненависть гасит рассудок и сердце сжимает:
ненужные мирные вещи продам за гроши,
куплю пулемет и гранату. Заря золотая
меня не застанет за завтраком в томной тиши.

И верная муза — подруга моя боевая,
мне точит как пики последние карандаши.

ПРЕЗИДЕНТ ВОЙНЫ

Господин президент не моей страны,
Вы в большом почете у сатаны:
он Вам льет inferнальные бредни в уши,
и Вам нравится музыку эту слушать.

Например, про меня. Я — из той шпаны,
похороненной наспех в полях войны

вместо сучек, смакующих ром и суши,
что с утра на Крещатике бьют баклуши.

Господин президент! Вы душой больны,
и лицом приветливым так черны
от того, что дом мой вчера разрушен,
а мой сын-младенец пожары тушит.

От того, что нет у меня весны,
и снаряды нынче ценней, чем души.

ДУМА ПРО ОПАНАСА

по мотивам поэмы Э. Багрицкого

Сизый месяц в ночи скукожился,
над Днепром — золотые звезды.
Мы на Млечном Пути прохожие,
нам любая эпоха — поздно.

Чумаки, казаки — холопы мы!
Плачем горько, как от цибули, —
мы такую страну прохлопали,
нас опять паны обманули.

Хуторяне ушли в наемники,
бормоча наизусть Багрицкого,
они быстро и жадно вспомнили
сладкий смысл ремесла бандитского.

Комсомольцы давно повешены,
даже ленинов спьедесталили,
возвели в атаманы бешеных
и безбашенных, чтоб скандалили.

Опанас разлюбил субботники
и парады в строю по праздникам,

не пошел он в простые плотники —
у него сапоги со стразами.

Отплясал Опанас с маричками,
отмайданил мозги с рогулями,
извалялся в грязи коричневой
и отбегал в степи под пулями.

Он гниет уже год под Горловкой,
а жена его ждет под Жмеринкой.
Все гадает — вернется скоро ли:
на погост или так — подстреленный?

Сизый месяц в ночи над кладбищем,
и Чумацкий Шлях — над могилами,
травят душу дымами капища,
и — мою Украину милую!

Вновь она голосит отчаянно —
круто взнуздана, щедро взболтана.
Половина страны голубая, но
есть другая. От горя желтая.

КАИН

Что шепчет, Каин, сатана тебе?
— Убей, убей, убей родного брата!
Ты нищ, оборван, голоден — в судьбе
твоей невзрачной святость виновата.

— Мне поклонись — и будешь ты богат,
любим красавицами, обожаем чернью:
убей же Авеля — тебе не нужен брат,
угоден Богу он, а значит — виноват,
так пусть же плоть его терзают черви!

Прошли века. И снова шепчет бес
народу-каину: — Твой брат тебя богаче,

он в Божьем Промысле имеет смысл и вес,
и слово братское его немало значит.

— Покинь его, с улыбкой обмани,
убей по-братски вероломно — в спину,
в кровавый спор друзей его втяни,
насилуй жен его, детей его гони,
и преврати страну его в пустыню!

Бес все шептал, а Каин месть лелеял,
без отвращения внимая сатане,
ночами нож точил, от зависти хмелея,
и брата ласково он хлопал по спине.

УНИАТЫ

Потомков гайдамаков удалых,
наследников Мазепы и Бандеры
я узнаю в мальчонках пожилых
и в тертых лицах бывших пионеров.

И те и эти — ищут не прямых
путей и слов: кадило пышет серой.
Нас меряют они высокой мерой
высокомерия — как зрячие слепых.

Нет ничего желаннее для них
веками обожаемой химеры:
высокий слог латыни — для святых,
и для живых — безбожие, как вера.

Судьба, призвание, традиция, карьера:
быть проституткой — в кольцах золотых.

ДНЕВНИК ОБЫВАТЕЛЯ

Зима на Подоле — разбой и разнос,
и пуще неволи повальный склероз.

Булгаковский демон крышует дома:
ни света, ни денег — пусты закрома.

Наш статус на бирже немного подрос.
Сумеет ли выжить? Бестактный вопрос.
Ни хлеба, ни водки — сума и тюрьма,
и голод не тетка, но сводит с ума.

Крещение скоро — крепчает мороз.
Из Харькова скорый ушел под откос.
Во Львове — поминки. В Одессе — шторма.

Не тают снежинки на лицах — чума,
замерзли молитвы — настала зима,
гранитный Крещатик снегами оброс.

НОВОСТИ

Мы умрем, а новости останутся:
вечен идол — серый шпиль останкинский,
а вокруг шаманы — бубны с танцами
или танцы с пушками и танками.

Мне, конечно, нравятся красавицы
в телевизоре: славянки с мусульманками.
Но кому они потом достанутся —
после танцев с пушками и танками?

Репортера речь, как тропка пьяницы
от борделя к храму — между пьянками:
так привычно вечно врать и каяться,
быть юлою или ванькой-встанькою.

Вот возьмет, и всех отправит к праотцам
командир наш пушками и танками.

ОПОЛЧЕНЕЦ

Ему за пятьдесят...
Уже давно не молод...
Немногословна речь...
Открытый добрый взгляд...

Потёртый камуфляж...
Подвыгоревший ворот...
Иконка... На груди —
Бинокль и автомат...

«Дед» слушает эфир,
Нахмурившись сурово...
В наушниках доклад,
Что «цель поражена»...

Он в прошлом — агроном
Из славного Тамбова...
Работал бы и впредь,
Когда бы не война...

Когда бы не война —
Преподавал бы в школе,
Высеивал бы хлеб,
Выращивал бы сад...

И ездил бы с семьёй
Купаться в Чёрном море,
И помогал жене
Воспитывать внучат...

Он посещал бы храм,
Пусть и не богомолец...
И стопку б выпивал,
И пел бы под гармонь...

Но только вот сейчас
Он — русский доброволец,
Крестьясь, даёт приказ:
«За Родину — огонь!..»

В ЗАТИШЬЕ

Прикрою веки в тишине —
И мир реальный не со мною...
Я вижу сон, где на ремне
Нет автомата за спиною...

Ещё не выжжена трава,
Не снесена отцова хата,
Ещё семья моя жива,
И пёс не прячется от «града»...

Пекарню не накрыл снаряд,
Не заминировано поле,
И не разрушен детский сад,
Ещё нет госпиталя в школе...

А ротный, в прошлом — пианист,
С женой кружится в вальсе венском...
И небосвод — безмерно чист...
И только птицы над Донецком...

* * *

Россия! Я — Донбасс,
Колени не склонявший...
Не смеющий молчать,
Молю душою всей:

Прими, Отчизна, нас —
Живых... И тех, кто павший...
Как привечает мать
С чужбины сыновей.

Сквозь вёрсты и года
Ненастною порою,
Чрез боль и нищету,
Лихие времена —
Прими к себе, когда
Бессчётной чередою
Шагают за черту
В бессмертье имена...

У Жизни на краю —
Распятый, но свободный
Народ... под пеленой
Трёхполосных знамён...
Прими в свою семью
Никем не покорённый,
Истерзанный войной
Имперский легион!

Мы всё перенесём
С надеждой, что дождёмся,
И, слыша не во сне
Твой долгожданный глас,
Под грозовым дождём
Домой навек вернёмся
Пешком иль на броне...
Прими, Отчизна, нас!..

Виктория Мирошниченко (Луганск)

* * *

У событий есть ночь и есть день,
Есть подкладка, изнанка, лицо.
Есть у гениев злобность и лень,
Притягательность — у подлецов.
Есть в тылу всяких славных властей
Окаянных голов арьергард,
И у каждой из спящих страстей
Есть свой Нельсон и свой Трафальгар.
Есть у каждой строфы свой размер,
А в огне безутешных утрат
Каждый близким своим — Робеспьер,
Каждый сам для себя — Герострат.
У воздвигнутых памятью стен —
Осаждающих яростный стон:
Есть у каждого свой Карфаген,
И для каждого свой Рубикон,
И тихонько шипит на ушко
Каждой Еве назначенный Змей,
И находится слишком легко
Свой Везувий для новых Помпей.
Для волхва — непременно звезда,
А для Авеля — посланный брат,
Непременно для Ноя всегда
Вновь отыщется свой Арарат.
На скрижалях горят письмена,
Остывая с течением дней:
Каждой крепости припасена
Пара-тройка троянских коней,
Непременный для счастья — Гефест,
Для Икара — свободный полет!
Есть у каждого собственный крест,
Да не всякий его донесет...

* * *

Мы только первый круг прошли, —
И сдали нервы, —
Рискнув вращением Земли
На круге первом...
Теперь заходим на второй,
Взяв темп *andante*.
— Что посоветуешь, герой?
Безмолвен Данте.
Пусть сплав амбиций — наш вожак
И кодекс спеси,
Свои сомненья, как пиджак,
На стул повесим.
На круге, на очередном
Расправим плечи.
Повозку совести — вверх дном!
И станет легче.
Вмиг зубы сцеплены и вмиг
Ладони сжаты.
Без путеводных карт и книг,
Без провозжатых,
Без пунктов следованья, мест
И без билета...
Что тяготит и надоест —
Уносит Лета!
Безликость сомкнутых рядов,
На душах — камень.
Пусты глазницы городов,
Набитых нами.
И Провидения рука
Дрожит в испуге...
Все обойдется. Мы пока
На первом круге.

* * *

Мы — Донбасс, нам сетовать негоже!
Погасив огни, в кромешной мгле

Боль и горе мы впитали кожей
В двадцать первом веке, на Земле...
Нам в лицо стреляла Украина,
Множила бесславье на бои...
А потом легко, по-братски, в спину
Добивали «близкие» свои:
Все, кто наживался на разрухе,
Разбивал, громил и «отжимал»,
Воровал тушенку у старухи
И спускался зверствовать в подвал...
Будем жить... Не ради звонких мифов —
Жалок сфабрикованный заказ!
Мы соединились с русским миром,
Слов «мама» молвив в первый раз.
Ради тех, кто в плохонькой землянке
Ждал свой первый и последний бой,
Кто вставал с «лимонками» на танки,
Чтоб хоть пядь земли закрыть собой.
Тех, кто раны шил своим и пленным,
Открывал в блокаду закрома,
Кто о сводках сообщал военных,
Свет и воду возвращал в дома,
Кто скончался от битья и пыток,
Без вести пропал в недобрый час...
Видимо «свидомости» избыток
Украина бросила в Донбасс!
Ради всех, кто — верю — не напрасно
Обрели покой в моей земле,
Звездами горят огни Донбасса,
Освещая путь в кромешной мгле.

* * *

Я не люблю пустых зевак,
Бродящих в праздном любопытстве,
На раны города с бесстыдством
Поглядывая просто так.

Сльвя заложником в АТО,
Мой город плакал мне в ладони,,,
И не было обид бездонней,
Когда он повторял: «За что?»
Он — не преступник, он — солдат,
Он, не стыдясь своих увечий,
Пытался так по-человечьи
Осмыслить: «В чем я виноват?»
И не прося прощенья, нет,
А просто зубы сжав покрепче,
Набросив камуфляж на плечи,
Он подготовил свой ответ...
Ты пережил со мной грозу,
Мой город, раненая птица.
Храню твой сон, сомкни ресницы,
Смахнув дождевку, не слезу..

* * *

Любовь покинула страну,
А может, землю...
От безысходности вздохнув,
Планета дремлет.
А сны страшны и тяжелы,
И в них упорно
Трясет безумие войны
Штандартом черным.
Зауспокойную живым
Там служат мессу,
А разум разъедает дым
Карманной прессы,
И тьма не ведает границ...
Но вдруг однажды
Ворвется стая белых птиц
Лучом отважным
И опояшет шар земной
Теплом и светом.

От колыбели ледяной
Спасет планету.
И вспыхнут дали впереди
Ясней и проще,
Узнают летние дожди
Ее наощупь.
И тихо по аккордам фуг,
Под смех прелюдий
Любовь вернется к нам, мой друг,
Вернется к людям.

Драгана Мрджа (Белград)

МАРШ

Дон-басс!

Дон-басс!

Дон-басс!

Отголосками — марш войны.

С презрением, с силой — ударом ноги —

и двери уже снесены.

«Много на вас вины!»

Виновны за слово, виновны за букву,

за то, что остались в живых!

Виновны, и тени, стоящие возле вас —

и их боятся, и их!

Дон-басс!

Немилосердный, оглохший мир смотрит на землю, на нас.

Далеко! И здесь не слышны мне снарядов удары.

Как будто бы цирк покинул мой двор,

уехав туда, где пожары.

И что я могу? По воле великого Бога мир забывает,

как быстро последний становится первым,

как каждый что-то прощает,

все, кроме капельки детской крови, пролитой хоть раз.

Дон-басс, Дон-басс...

Неужели пойдет брат на брата? Неужели таков итог?

— Нет, ты мне больше не брат,

не род мой, ты мне — никто!

Наши пути разошлись, когда были сорваны маски,

потому что ты хочешь, чтоб меня не было,

потому что не хочешь, чтобы я был,

и смерть посеять повсюду — теперь в твоей воле,

как семенами весной засевали мы прежде поле.

Дон-басс!

Дон-басс!

Знаю, поднимут из пепла добрые руки, стараясь,
школу и почту, дом и крыльцо, и дорогу в мир за сараем,
но не вернет никто детскую жизнь, оборванную сейчас...

Дон-басс!

Дон-басс!

Знаю я все, я сама родилась на распутье
в дальнем краю, что на пути меча,
где гибнет тот, кто его возьмет сгоряча,
но и дитя там гибнет под маминой юбкой.

Дон-басс!

С тобою сегодня делюсь я хлебными крохами,
шахтерскими — вместо подарка, вместо просфоры,
чтобы собравшись с силами к третьей Пасхе,
с сердцем геройским, с верою, без опаски —
мир ваш, распятый, познавший столько горя и слез.
воскрес, как воскрес на кресте однажды распятый Христос.

перевод с сербского — Серафима Славицкая

Елена Настоящая (Луганск)

* * *

Я больше не плачу —
наверное, разучилась
за время, которое нас разлучило
и развело —
по разные стороны баррикад.
Мы больше молчим,
мы не пишем письма,
и где-то в Сети безнадежно виснем,
кому-то назло
постим килотонны пустых тирад.
Затёрты до дыр
и банальны слова о мире,
и мечется время в разбитой летней квартире,
как белка — вперед, и ни круга назад.
И кажется, если его окликнуть,
заставить забыть, заставить отвыкнуть
от мысли, что всё своим чередом,
от мысли,
что всё идёт так, как надо,
что вышла вся кровь, что нет нигде ада,
то можно вырвать кого-то у смерти.
И если кричать хоть немного усердней,
То пуля вернется к тому, кто все начал.
Тогда я смогу.
Тогда я заплачу.

Марк Некрасовский (Луганск)

* * *

День был такой погожий —
Не умирать бы, а жить.
Телом своим прохожий
Младенца успел закрыть.

Плотью своей и кожей
Осколки сумел сдержать.
День был такой погожий —
Не хочется умирать.

Миной лежит убитый.
Рядом убитая мать.
С властью теперь вы квиты —
Не будете «бунтовать».

Нас не поймёт иноземец —
Что же мы за страна?
Надрывно плачет младенец.
Жизнь его спасена.

* * *

Мины свист и все застыли дружно,
Словно смерть нам прокричала «Хальт!»
Каждый знал стоять совсем не нужно,
Но один я рухнул на асфальт.

Взрыв — и птицами летят осколки,
Мёртвых отделяя от живых.
Девушку узнал я по заколке
И не смог я опознать других.

Крепко бутылки обняв руками,
К маме прибежал домой с водой.
Мама с изумлёнными глазами:
«Ты ж, сыночек, стал совсем седой...»

* * *

Владимиру Крислянскому, протоиерею, смертельно раненному при обороне Луганска. Умирая, он молился о спасении луганчан.

Наш город в кольце блокады
Нет дома вне обстрела.
По городу лупят «грады».
Бьют, чтоб земля горела.

И нет ни воды, ни света.
Закрыты магазины.
И в это страшное лето
Гибнет всегда невинный.

В городе треть населенья —
Жизнь ведь всего дороже.
А в церкви идёт служенье
Есть вера — Бог поможет.

Есть вера, и на Голгофу
Идёт, не боясь смерти.
Идёт отмолить катастрофу.
В осколочной круговерти.

А смерть его поджидала.
Взрыв, и он ей отмечен.
Но сердце ещё стучало
И был он готов к встрече.

Молил он о чуде Бога.
Милость просил, не мщенье,
Вела, чтоб к Нему дорога
И каждый нашёл спасенье.

И голос был тише, тише.
Жизнь утекала с кровью...
Тот, кто добрей всех и выше —
Мир наш спасал любовью.

* * *

Это чьи, ребята, ноги?
Без сомненья, это Томка.
После взрыва на дороге
Только ноги и воронка.

Ах, как Томка танцевала.
Ах, как стэп стучала звонко.
А теперь её не стало.
Только ноги и воронка.

Не дошла до медсанбата
Медсестричка наша Томка.
И застыли три солдата.
Эх, проклятая воронка.

И застыли в злом молчанье.
Давит боль виски и темя.
А в молчаньи обещанье —
Отомстим, лишь дайте время.

Иван Нечипорук (Горловка)

СНЕГ В ШАХТЁРСКЕ

Смотрят дети Могилёва
На последний снег с моста.

В. Силкин

Сыплют небеса извёсткой
На луга и на дома.
Смотрит детвора Шахтёрска —
Неужели вновь зима?
Неужели пережили
Злобный огненосный год?
В зиму новую вступили —
Белый пух с небес идёт!
И, ликуя, смотрят дети —
Ольховой поток замёрз,
Вновь зима на белом свете —
Выжил маленький Шахтёрск.

* * *

Пепел Клааса стучит в моё сердце!

Шарль де Костер

Время сучится в суровую нить,
Солнце войны, как горящий сестерций,
Этим огнём никому не согреться,
Кровь на руках никому не отмыть.
Пепел Донбасса стучится мне в сердце!

Боли река разделила навек —
Мир разорвала на две половины,
Век перерезал судьбы пуповину...
В наших воззрениях огромный разбег,
Мы не вернёмся к тебе, Украина!

СОН

Мне снится сон — я на войне
В крови, в грязи, в поту
Все тот же бой — фантом в окне,
Где я в цепи иду

Застыли в ужасе немом
Промерзшие поля
В глазах тоска. Идем? Идем.
Дебаль, судьба моя.

И бьется ключиком в висках:
Отсюда не уйти —
Надежда, злость, усталость, страх...
Лети душа, лети.

Упал один, за ним второй.
Когда же мой черед?
Рвет воздух в клочья надо мной
Убийца-пулемет.

И в этом сне я вижу сны,
Кричу от этих снов,
От разжиревших от войны
Дебали сытых псов.

Я в этом сне еще живой
И может быть, вернусь
Вернусь домой. Но снова — бой.
Когда же я проснусь?!

Виктор Полупан (Горловка)

УТРО

Утро начиналось не с рассвета.
Утро начиналось со стрельбы,
И казались времени приметой
кем-то наспех сбитые гробы.

Смерть витала где-то с жизнью рядом,
нёсся плач и стон со всех сторон.
И ревели в воздухе снаряды,
заглушая колокольный звон.

Каждый дом был линией фронта
и не предвещал спасенья Спас.
Смрад и дым стоял до горизонта —
это просыпался мой Донбасс!

ЗАПРЕТНЫЕ СТИХИ

Я возводил вас,
как от зла редут.
Молился я на вас,
как Богу в храме.
И если к нам
каратели придут,
вы будете
запретными стихами.
Вас — очень близких
сердцу и уму —
сбивал в себе плотнее,
чем тюки я.
Враг не поймёт
зачем и почему

нужны стихи мне
именно такие.
Захочет он, пугая и грозя,
расправиться со мной,
как с иноверцем.
Но уничтожить
ни за что нельзя
того, что было выстрадано
сердцем!

ВОЕННАЯ ГРОЗА

Жара с войной смешались каждой клеткой.
Внезапно не во сне, а наяву,
как автоматной очередью меткой,
вонзился дождь в пожухлую траву.

И в той совсем не мирной обстановке
нам дождь казался выше всех наград.
И «града» приумолкли установки,
а сыпал с неба настоящий град!

Дома во тьме присели, как избушки,
в которых был спасительный подвал.
А гром палил, как будто бы из пушки,
и спать спокойно людям не давал.

Как никогда, в такое время суток
прослушивались залпы пушек в нём.
И молния — с ней было не до шуток —
крестила перекрёстным нас огнём.

Грозы раскаты раздавались всюду,
напоминая нам вчерашний бой...
И всё ж, когда палят не из орудий,
куда приятней на душе любой!

* * *

Два года мой Донбасс горит в огне:
Страна воюет со своим народом.
Сна и покоя даже детям нет —
Два года!

Сидят в подвалах, видят сырость стен,
Счастливики (что в центре) ходят в школы.
Пообещал им «панэ прэзыдэнт» —
Войну и голод!

Пообещал. В рай ангелы идут:
Сто детских душ невинно убиенных...
Пообещал. Снаряды смерть несут
Два года на Донбассе неизменно...

Зимой и летом — адская страда
(«Минск-2» — не продолженье диалога).
Беда Донбасса — русская беда!

Сергей Прасолов (Луганск)

* * *

Когда события очерчивают круг,
Когда свершенья горестней лишений,
Когда неразделимы враг и друг,
Когда пугают собственные тени
И мятежи сменяются смятеньем,
Несносный и глухой,
Молчит мой дух.

Не минул день-деньской, но канул долгий год.
Вчерашний хам смиренно служит Богу,
Клейменный тать опять ведет народ
В грядущее испытанной дорогой.
Надзор все тот же, тщательный и строгий,
И вождь привычно разевает рот.

Чего же ищешь ты, и друг, и брат?
Глянь — в лавровом венке из собственных заветов
Идеализм неистовой планеты
Материальных требует затрат.
Кому какой отсчитано монетой —
О том споет седоголосый бард
На склоне лет или на склоне лета.

Энтузиасты гонят время вскачь.
Не различить потешных наших братьев:
Где в штатское одетый демократик,
Где ряженный в спасителя палач.
В усердии, по-бычьи выгнув выи,
Всему свободы пижут роковые.
Молчи, моя душа, молчи, не плачь!

Не мудрствовать. Не славить. Не стенать.
Жить по себе, своей достойно воли.
Ни хлеба этого, ни этой горькой соли,
Ни неба, ни земли
Не отнимать.
Вселенную, прозренную ночами,
Нести без оправданья
за плечами
Туда, где ждут уже отец и мать.

* * *

Босой,
в коротеньких штанишках
(их мама шила давними ночами),
осиянный
вихрастым солнцем,
пропитавшим сны,
в свой дом я возвращаюсь по стерне
неутолимой памяти.

Мир создан был вчера.
И неизменны
и суть вещей, и вещи,
и ветреные боги
благосклонно
внимают не молитве и не жертве,
а только шепоту
ещё бессмертных душ.

Ещё в карманах хлеб
на целый день,
и камешек проворный по воде
ещё скользит,
и голоса друзей ещё подобны птичьим,
и девочки ещё полумальчишки,
и соседи (ещё никто не умер)

собираются под вечер
играть в лото.

И городок прилѣг одноэтажно
в языческой степи,
и оседает пылью седина дороги,
по которой
кочуют судьбы тех,
кто поля
ещѣ не перешѣл.

А в безбрежье лета —
безбрежье трав и лет,
и нет еще
пустой стерни
от скошенных надежд.

— Сыночек, бегай босиком!
Сначала больно,
а потом
привыкнешь.

И было так. Но стало вдруг больней.

ШАХТЁРСКАЯ ДОЧЬ

* * *

Здесь густая трава и беспечные песни сверчков,
здесь разверзшийся ад среди райского лета.
И плывут облака по чернильному небу зрачков,
и в кармане сломалась последняя сигарета.
На войне не бывает ничьих, только свой и чужой.
По чужому стрелять, своего прикрывать, что есть силы,
повторять: «Слава Богу! Живой! Слава Богу! Живой!»
И звонить дочерям с почти севшей мобилы.
И любить сыновей, тех, что рядом — в окопе, в пыли —
делят тяготы дней, делят хлеб и говяжью тушёнку.
Эти воины — дети кротами изрытой земли,
вместо нимба Господь отдал им коногонку.
Вместо сердца Господь даровал антрацит,
вместо вдоха степного — горючесть метана.
Здесь густая трава, что так ярко, чадаяще горит,
словно вечная слава победы на груди ветерана.

* * *

Это был страшный август четырнадцатого года, два народа шли
в лобовую. Николай с лицом чёрным, как добываемая им порода,
прикрывал собою горящую передовую. На его руках умирали и
воскресали, на его глазах открывались ходы в преисподнюю. Город
детства его, город угля и стали, превращали в пустошь, в пусты-
ню неплодородную. Сеяли смерть, как раньше сеяли хлеб, сеяли
ужас, боль и жуткое «зуб за зуб», а зелёные пацаны, утверждав-
шие, что смерти нет, рыдали от страха, увидев свой первый труп.
А увидев второй, начинали, кажется, привыкать, говорили: «Вой-
на — не место для бабьих слёз!» И у каждого в городе оставалась
мать, в городе миллиона прекрасных роз.

* * *

Мы — подвальные, мы — опальные,
кандалы наши тяжелы.
Мы — идея национальная,
мы — форпост затяжной войны.
Чёрной совести боль фантомная,
боль, что мучает по ночам,
эта домна внутри огромная,
наша ненависть к палачам.
Мы священные, мы убогие,
мы у Боженки в рукаве.
И глаза Его слишком строгие.
И следы Его на траве.
Утром встанем, пересчитаемся,
похоронимся, поревём.
Эх, война-война — девка та ещё!
Частоколы да бурелом,
заминированы окраины,
человеческий страшный суд.
Авель помнит, что всюду Каины,
только высунешься — убьют.

* * *

С нами Бог, с нами солнце и с нами дождь,
зарядивший снайперскую винтовку.
Это поле — рожь, а за рощей — ложь,
а за ложью ружья наизготовку.
Это поле — ржавчина старых битв.
Что посеет ветер степей разъятых?
Террикон лежит, словно мёртвый кит,
облака плывут, облака из ваты.
Золочёный гулкий степной закат,
уплывает солнце за край планеты.
Кто во всём случившемся виноват?
Кто спасёт распятую землю эту?

* * *

Господи Иисусе, как же страшно,
стало минное поле, была пашня.
Небо черно от дыма, глаза режет.
Господи, мы одержимы, мы — нежить.
Господи, я — отшельник, стрелок, пешка.
Господи, присмотри за мной, установи слежку,
приставь ангела, чтобы рука не дрогнула,
накорми манною дурочку сумасбродную,
дай хоть глоточек чистой воды из колодца.
Путь мой тернистый, путь, что не продаётся.
Лежу, а в глазах осень, коростой изъеденная.
Господи, вплети в косы мне святое неведение,
забери память, забери имя, дай новое.
Степь моя обетованная, время — средневековое,
время моё матерное, кровожадное, страшное.
Стало поле минное, а была пашня.

* * *

Родить бы сына,
назвать Николашей.
Родить невинного,
кормить манной кашей.
Родить красивого,
глазами в деда.
Пусть вырастет сильным,
балованным сердцеедом.
Родить бы дочку,
тонкую, как берёзка,
беленькие носочки,
платье в полоску.
Волос тугой, русый,
не сплести в косоньку,
плечики узкие,
пяточки абрикосовые.

* * *

Никого не родишь. Только чёрный камыш да слепая луна над рекой, не пройдёт человек, даже серая мышь здесь боится бежать по прямой. Степь — лоскутный пейзаж и горячий рубеж, пограничье двух разных миров. Я люблю этот кряж, его дикий мятеж в кружевах кучевых облаков. И винтовка в руках, и ни шагу назад, здесь забытая Богом земля. И бесплодны поля, где под небом лежат нерождённые сыновья.

* * *

А с неба не снег, а серые лепестки пепла.
Мария лежит, и горы над ней огромны,
но Мария не видит горы — она ослепла,
врастая хребтом в донецкие чернозёмы.
Она захлебнулась огнём, прикрывалась дымом,
ползла, а после бежала к густой зелёнке,
держала винтовку крепко, так держат сына,
младенца, завёрнутого в пелёнки.
Ей было почти не больно, почти не страшно,
её прикрывали громкие пулемёты,
на палец левее в одном километре башня,
а справа стоят огнедышащие расчёты.
— Ребята, прикройте, я отхожу, ребята! —
Мария кричала и падала навзничь в почву,
и кровь её растекалась, как сок граната.
Мария, моя Мария, шахтёрская дочка.

* * *

На самой вершине дальнего рыжего террикона,
где колокольный звон — музыка из привычных,
они встретятся — отец и дочь — натянут сетку для бадминтона,
а у подножия плещется море — поле пшеничное.
И у них не будет другого занятия, кроме счастья,
и только Донецк с его улицами, проспектами и мостами
навсегда останется с ними, будет их лучшей частью,
навсегда останется с нами — погостами, розами и крестами.

Это память, с которой не стоит бороться, она нетленна.
Я помню звук, с которым стреляют «грады», ложатся мины.
Но Донецк — это не просто город, это вселенная,
Донецк — это шахтёрские девочки и песня их лебединая.

Публикуется в сокращении.

Екатерина Ромашук (Горловка)

* * *

Мой ребёнок рисовал войну.
Очень ярко. В красно-чёрном цвете.
Я же ощутила вдруг вину,
Будто это я за всё в ответе.
Мой ребёнок рисовал солдат,
Гибнущих сегодня на рассвете.
Мне ж казалось, что внутри снаряд
И лишь я за эту боль в ответе.
Мой ребёнок рисовал свой страх
Вместо лета, как другие дети.
А душа сжималась, как в тисках,
Будто я за всю страну в ответе.

ЗАЙЦЕВО

Опять звонила маме «на границу»
(Они с отцом близ Зайцева живут).
Им днём покоя нет, и в ночь не спится,
Ведь где-то рядом миномёты бьют.
Опять сжимаю трубку телефона,
А взгляд мой устремлён куда-то вдаль.
Смеётся мама: «Держим оборону!» —
Но чувствуется в голосе печаль.
«Сегодня солнце. В огород бы, дочка,
Но сильно бьют... отложим на потом.
Наверное, «весёлой» будет ночка,
Дай Бог, чтоб не попали только в дом...»
А сердце разрывается на части,
Ведь где-то там идет борьба за жизнь.
«Поверь мне, мама, мы дождёмся счастья
Жить без войны! Ты, главное, держисьсь...»

НЕ СТРАШНО

Свою страну всем сердцем ненавижу,
Где люди к бедам слепы и глухи.
Не страшно умирать. Страшнее выжить
Калекой без руки или ноги.
Глаза не закрываю на потери,
Но сколько ж можно это продолжать?!
Не страшно понимать. Страшней не верить,
Что в Горловке закончат воевать.
Дотла сгорают свечи-обелиски,
У всех икон (чтоб не попал снаряд).
Не страшно за себя. Страшней за близких,
Которых боль сильнее во сто крат.

ВАЛЬС ОБРЕЧЁННЫХ

Нас не язвите словами облыжными,
Жарко ли, холодно? По обстоятельствам...
Кто-то повышенные обязательства
Взял и несёт, а мы всё-таки выживем.

Мальчики с улиц и девочки книжные...
Осень кружится в кварталах расстрелянных.
Знают лишь ангелы срок, нам отмеренный,
Только молчат, а мы всё-таки выживем.

Не голосите, холёно-престижные,
Будто мы сами во всём виноватые.
На небе облако белой ватой
Мчит в никуда, а мы всё-таки выживем.

Не разобраться, что лучше, что ближе нам?
«Шашки подвысь, и в намёт, благородие!»
Нам смерть на Родине, вам же — без Родины.
Вот как-то так... А мы всё-таки выживем!

* * *

Хотел бы с тобой проснуться, носом уткнувшись в макушку.
Ветер-проказник грустный — воет в печную вьюшку.
Зеленоглазое чудо. Запах кофе с корицей.
Хотел бы туманным утром рядом с тобой родиться.
Скрещение шпаг над камином, пепел подёрнул угли.
Рассвет бесконечен синий, белые свечи потухли,
Давай, не пойду на службу, пусть вьюга заносит тропки.
Мой голос опять простужен, я буду, как в юности, робким.
Я буду предельно честен, я не играю болью,
Я буду петь тебе песни о мире, забывшем войны.

Где бродят единороги, где ветер колышет травы,
Где старцы мудры и строги, где реки текут величаво.
Где на околицу смело выходят олени и лани,
Где губы мои неумелы, где неуместно прощанье.
Где враг не поднимет перчатки... Да нет там врагов и в помине,
Как нет тоски и печали, а шпаги висят над камином.
Где меряют время пряжей, где в чаще блуждает леший,
Где мздою не купишь стражу, где даже мытарь безгрешен,
Где я по росе медвяной хромаю тебе навстречу,
Любовью и счастьем пьяный сжимаю хрупкие плечи...
А ветер в печную вьюшку, по-прежнему завывает.
Неправда, не верь... Послушай! Такой земли не бывает.
Здесь рыцарь шишигой загрызен, кровью хрипят менестрели,
Принцесса прощается с жизнью под завыванье метели.
Но стрелки часов замедлив, так показушно беспечен,
Глупо, ненужно, бесцельно я буду врать тебе вечно.

ДОНБАССКАЯ

«Плюсы» кружатся воронья на небе белом.
Зафевралело в сентябре, зафевралело.
Вразнос кибитку жизни мчит шальная кляча,
А небо плачет на ветру, а небо плачет.
Листает залп за разом раз судьбы тетради,
Ложатся «грады» у двора, ложатся «грады».
И ты летишь к земле ничком, лютуют мрази.
Из князей в грязь, упав щекой, от князей к грязи.
Выводит мины хвостовик шальное соло,
Шипит осколок в колее, шипит осколок.
Побрал бы чёрт и этот дождь, и эту осень,
И вдруг проносит артобстрел, и вдруг проносит.
А ты лежишь, обняв Донбасс, — пошире руки!
Такая штука эта жизнь, такая штука...

ГОРОД

Уходит всё — виденья, знаки, сроки,
Стихи от первой до последней буквы.

Шуршит пергамент в горле, вязнут строки
И рифмы на зубах скрипучей клюквой.

Тень с запада зовёт, играет, манит
Похлёбкой за уступку первородства.
С натугой тянет скаредные длани
К востоку. Залп. И пала тьма на Город.

Но Город жив и вопреки наветам
Восстанет, смерть поправ, неопалимый.
Чем гуще мрак, тем ближе час рассвета.
И знай — с востока свет, с востока силы!

* * *

Нет ни эллина, ни иудея,
а дороги к храму отмощены
черепами. Воскликнешь «Где я?!»
пред ощеренной пастью площади.
Свет фальшфайера. Воню тленную
растекается ненависть-сукровица.
С перебитыми вдрызг коленами,
ты опять не поспеешь к заутренней.
Перерезанным воешь горлом ты,
хрипло булькаешь чёрными сгустками,
нет дороги тропую торною,
только стёжкой кривой да узкою.
Ныне судьбы чертой означены
и осколком навывлет ранены.
То ли тёткою, то ли мачехой
крест пропившая мне Украина.
Лебезит кнутом, лупит пряником,
дланью щедрой дарует отметины.
То ли пасынки, то ли племянники,
заслоняемся тыном плетённым
из упрямства да из отчаяния,
круг рисуем со странными знаками.

Пропоют ли мне величальную
или в яму кинут собакою?

* * *

Бритвой по венам, по нервам шокером,
Грязная тряпка в рот — это сущая малость.
Замереть в гробу персонажем Стокера.
Бесконечен исход, беспредельна усталость.

Рыбьей костью в горле, гремучей ртутью.
Крылья и гордость в топку бросить легко ли?
Щебнем стал камень-менгир на перепутье
Не проси у неба любви, проси покоя.

* * *

Подпруга лопнула и колокол заныл.
На паперти уснул усталый нищий.
Растяжки средь заброшенных могил
Роняют бабы слёзы в пепелище.

Erratum est — ну что ещё сказать?
В начале было слово и в итоге.
Безмолвен крик или пусты глаза,
Но ты как нищий, мнёшься на пороге.

Бездвижен ты, затих последний стих.
Клоп в янтаре и пугало на жерди.
И подвывает, благостен и тих,
За медный грош, за пайку милосердя.

Хлеб горький или кислое вино
Уже не примешь — нечем. Виновато
Вздых обронив, запомнишь лишь одно —
Когда без крыл, то быть нельзя распятым.

* * *

Мы не умрём от тоски,
Мы не сопьёмся со скуки.
Выбелит время виски,
Скрутит подагра руки.

Пальцы на грифах дорог
И на штурвалах созвездий.
Плещется единорог
В чистой кристальной бездне.

Нам бы присесть, отдохнуть,
Рома хлебнуть из фляги,
Если неблизок путь
И притупились шпаги.

Если Вселенной бриз
Рвёт каравелле шкоты
Если устал от реприз.
Если сдаются роты.

Если в хламьё сапоги,
Если подковы сбиты,
Если кругом враги,
Если друзья убиты...

Сложишь в карман листки.
Смолкнут свирели звуки.
Мы не умрём от тоски,
Мы не сопьёмся от скуки.

* * *

Я хотел бы построить башню
из росы, паутинок, иллюзий,
чтобы башня парила над пашней,
чуть покачиваясь в ритме блюза,

чтобы даже в январской стуже
соловьи выводили бы трели,
чтобы сполох жар-птичьих кружев
озарял вековечные ели.

Я хотел бы построить город
из форшлагов и флажолетов,
чтоб изысканные аккорды
ткали музыку навьего лета,

чтобы знали окрестные веси
справедливость незыблемой власти,
менестрели слагали бы песни,
а поэты — сонеты и стансы.

И в долину войти осторожно,
где господствуют башня и город,
чтобы дыханием не потревожить
лабиринты в багряном уборе,

и присев под раскидистым клёном,
прочитать на растресканной глине,
эту сказку о маге, влюблённом
в королеву волшебной долины.

* * *

Гроб. Яма. Крест. Возможно, залп.
Как ни беги, исход летален.
Простак ты или гениален,
Но обмануть судьбу нельзя.

Кольчуга. Меч. Подпруга. Конь.
И ждёт безумца Палестина.
Пусть врут, что Вера не в чести, но
Сердца зажгутся, только тронь.

Ботфорты. Шпага. И мушкет.
Плечом к плечу стоит пехота.
Позиций не сдавали роты
Один вопрос. Один ответ.

Разгрузка. Каска. Два рожка.
«Калаш». Подствольник. Тепловизор.
А в небе БПА сюрпризом
И отголоски ДШК.

Могила. Крест. И крест на грудь.
Свеча. Горбушка. Похоронка.
И льготный проездной к Харону.
И тихий голос: «Не забудь...»

ПСЫ ВОЙНЫ

Когда отгремит канонада
И Смерть опрокинет весы,
Украдкой, ползком из засады
Выходят голодные псы.

Поправ вековечное право
Руки, что ласкает и бьёт,
По самому краю оврага
Проводит их страх и чутьё.

Их много. Война и разруха
Коснулись не только людей.
Наполнить несытое брюхо
Мечтают они поскорей.

Каков твоей правды оттенок,
Скакал ты в мороз или нет,
Парковщик ты или тенор,
Для них ты всего лишь обед.

Нет, псы не играют в Мессию
Но чтут непреложный закон.
Тела пожирая людские,
Они не порочат имён.

* * *

Окоёмы, окоёмы
в бородавках терриконов.
Не посконны, не исконны,
знаковы, но не знакомы.

Не сермяжны, не тепличны —
где-то вспышки, где-то тени.
В абрикосовом цветеньи
полустанково-криничны.

Не вальяжны, не системны,
пролетарски бесшабашны
Эти силосные башни,
валирийские тотемы.

Разноцветьем разнотравья,
не по знакам, по приметам
унесёт и это лето,
то русалочье, то навье,

что скрывают окоёмы
за кристально-гладкой гранью,
за беззвучно-зыбкой ранью,
неизбежностью клеймёной.

Ни тоска, ни полудрёма...
Над копрами звёзд без счёта.
Донкихотская работа —
раздвиганье окоёмов.

* * *

Можешь спорить, буянить, бражничать
И работать до хруста кости.
Час пробьёт и стволы лепажевы
От груди твоей не отвести.

Загляни, как в замочную скважину,
В мир, где снова честь не в чести,
Через срезы стволов лепажевых
Не удастся её пронести.

Через яр, буерак, овражины
Краем Рая сумеешь ползти.
Костылями стволы лепажевы
Твою совесть будут блюсти.

Всё что скоплено, всё что нажито
Поместится порою в горсти
Пред очами стволов лепажевых
Скажешь: «Царю Небесный, прости...»

* * *

Увечен проклятый закат
И смолкли праведные гимны.
Тысячезвучьем бьёт набат
В стране, поверженной в руину.

Всё поглотит в один присест
Тьмопастно порожденье смерти
И Бог Наживы, Жёлтый Бес,
Ведёт под ручку Эль-Муэрто

Туда, где флигель-адъютант
Напялил каску генерала,
Туда, где белый школьный бант,
Пропитан кровью, рдеет алым.

Почтовой маркой станет грош,
А бандеролью — домовина.
Дамоклов меч иль острый нож,
Но ты «двухсота», Украина.

* * *

В Рождество я затеплю свечу
И без сна просижу до зари.
Норд косматый, несносный ворчун
Накидает сугроб у двери.

Заметает позёмка следы
Тех, чьи сыграны судьбы с листа.
От нужды, от сумы да беды
Их укрой, день рожденья Христа.

И не дай заблудиться в бору,
В густолесье надежд и вершин,
Чтоб на лысом, холодном юру
Не погасла лучина души.

Век проклятый. Мерцанье звезды
Не погонит из дома волхвов
И двупало-верблюжьи следы
Не нарушат невинность снегов.

И главу не доскажет Матфей
Тем, кто рядом стоял у креста.
Лёд хрустальный на донце яслей,
Как глаза у младенца Христа.

* * *

Вольно или невольно
Лучик разбился в луже.
Больно или не больно?
Слышишь, опять «утюжат»?

Страшно или не страшно?
Выйди, спроси в окопах.
Важно или не важно?
Это войны синкопа.

Зримо или не зримо
Снова иглы под кожу.
Мимо или не мимо?
Это узнаешь позже.

Брату или не брату
Выплатишь кровью виру?
Правда или не правда
Правит распятым миром?

Если того достоин,
Жизни допишешь повесть.
Стоит или не стоит?
Это подскажет совесть.

Александр Савенков (Горловка)

* * *

небо рушилось на дома,
камни брызгали ало...
так хотелось сойти с ума,
и не получалось.

накрывала и кровь, и боль
жирная копоть...
так хотелось, чтоб мир — любовь,
а не окопы.

искорёженной жизни ось
просто вырвут, как жало...
запрягай, мужичок, «авось»,
трогай помалу.

* * *

январь, канун крещенья, иней
с ветвей слетает так картинно,
и мы бежим по паутине
протоптаных в снегу тропинок
в убежище, в слепую сырость,
где, позабыв о всяком зле,
дворовый кот покойно, с миром
спит на строительном козле.

* * *

бывает так, и было так, и будет:
внезапность, очертив незримый круг,
тасует судьбы на зеркальном блюде,
как мишуру на ледяном ветру...

ещё покоен дом и дети рядом,
и ужин на столе горячий, но
смерть за спиной стоит с холодным взглядом
и смотрится в разбитое окно...
и треснет время в деревянном чреве,
и протечёт забвением имён,
и дочке будет пять, а сыну — девять
отныне до скончания времён.

Светлана Сеничкина (Луганск)

* * *

Как странно осознавать,
что те, кого я помню детьми, —
уже взрослые люди,
что тех, кого я помню живыми, —
уже больше не будет,
что дорожку, по которой я ходила
в школу, убрали,
и теперь там парковка.
Что не просто меняются вывески,
песни и даты — сменилась эпоха.

* * *

И кажется, мы все уже привыкли,
Что в новостях расскажут про обстрелы,
К свечам на аватарках и иконам,
К молитвам, что кого-то не спасут.

И кажется, что мы уже не плачем.
На всех воды и соли не хватает,
Ведь за два года вышли все запасы,
Остались лишь глубинные пласты.

И кажутся теперь попеременно
Нелепою иллюзией и бредом
То мирный быт, где дети, дом и ужин,
То дикость и безумие войны.

Мы кажемся героями кому-то,
Другим — скотом, недолюдьми, врагами,
Кому-то — даже выдумкой и фейком,
И каждый твердо убежден в своем.

Мы ничего наверняка не знаем,
Но от того не перестанем верить.
Сидя в подвале и не видя неба,
Не перестанешь верить: небо — есть.

* * *

В то странное, безумное лето,
Птицы и люди на улицах редкими были.
Не было ни телевизора, ни интернета,
А лишь одна-единственная газета —
Листовка формата А4.
Отодвигается, прячется в памяти это:
Дни без воды, ночи без света.
Давно уже выброшены поржавевшие
снарядов осколки,
Давно заполнились супермаркетов полки.
А люди ныть и жаловаться
куда больше стали.
И потому, наверное, чтобы не забывали,
Стоит дом с проломленной крышей —
через дорогу,
А школа без окон и с дырами —
напротив,
Спрашивают строго:
«Ах, вы очень плохо живёте?
Глупые, вы ведь живёте...»

* * *

Этого не должно быть.
Но это всё равно есть.
Поезд не остановить,
И на ходу не слезть.
Можно, конечно, спрыгнуть,
Вот только выживешь — вряд ли.
Пройдет сто лет,
И мы снова наступим на эти грабли.

* * *

Каждый вечер воеет собака
Об уехавшем в Киев хозяине
И о том, что всё в жизни неправильно,
Сколько ты на неё ни гавкай.
Каждый вечер темна так улица —
В трёх домах лишь окошки светятся.
Кто-то верит, что будет лучше все,
А кому-то уже не верится.
По утрам вновь на почте суетно:
Кто за пенсией, кто с коммунальными,
А вот школа второй год пустует
И печально глядит провалами.
Заросли так пути трамвайные,
Будто их тут вовек и не было.
Всё меняется. И не знаем мы,
Что там дальше в планах у неба.

ДОМОЙ

отвези меня в Изварино,
в тот забытый детский сад,
за карьеры и развалины,
лет на 35 назад.

там, где башня элеватора
и подсолнухи, как стол;
где здесь Белоскелеватое
и Великий Суходол?

ароматную антоновку
буду пробовать на вкус;
забери меня в Самсоновку,
где знаком мне каждый куст.

переполнен пассажирами
наш автобус кружит час;
это, кажется, Кружиловка,
или кинули все нас?

обманули и оставили:
мы и звёзды на виду.
отведите в Атамановку,
если сам я не дойду...

* * *

Бессилье гуманизма светского
сродни закату Византии,
Былого карго-культ советского
политкорректной деспотии

И в текстах Эдуарда Гиббона,
которые он не читал,
Указан путь упадка, гибели,
где открывается портал

Переселения народов
и сдвигов литосферных плит,
Войн из-за скверных переводов
и истребления элит.

(Рождение трагедии границ,
её предвидел в Ницце Фридрих Ницц)

* * *

Мне жаль индустриальных городов.
Мне дорого их мрачное величие.
Все любят старый псевдопольский Львов,
Эпоху постмодерна и двуличья

Что им бетонный позабытый храм?
Конструкторов забытых древний бункер?
Они зеленый курят фимиам
Экологам ню-эйджа. Что им Юнгер?

Их заменил фольклорный хуторок
Эпоху серпов, молотов и свастик,
Сменил мещанский маленький мирок,
Где гипермаркет — храм. И всюду — пластик.

Но завершим ли мы столь долгий пост
Пластмассовый мир Generation lost?
Придет ли снова эра Эхнатона?
Реакторов? И стали, и бетона?

* * *

Янычар забывает заветный язык.
У него, кроме лука и сабли —

ничего; он к походам и битвам привык,
а сыновние чувства ослабли.

Он не знает, где дом у него, где родня,
и в какой стороне его корни.
Он садится верхом на лихого коня
И бросается, как с колокольни.

Как он смел! Но способен без боли предать
чистоту сокровенных понятий;
А того, кто забыл свою землю и мать,
побеждает любой неприятель.

* * *

Горизонт — гривастый ящер —
девятнадцать терриконов;
настоящий чёрный ящик,
заповедник для драконов

Отданный на поруганье
отдыхает на плотине,
вызывает содроганье
в затаившейся равнине.

Ждущий каждое мгновенье —
оглушающего взрыва;
каждое прикосновенье,
как падение с обрыва

Погружающийся в звуки
неразгаданного бреда,
он лежит, раскинув руки,
с головой ушедший в лето...

Александр Сигида-младший (Краснодон)

* * *

Как на полотнах Бориса Вальехо
Тогда мне кряж явился ледяной.
Он был реален, как руины Р'льеха,
Нагромождённый расою иной.
Те города, где корпуса Азота
Потомкам Древних предстоит вернуть,
Где терриконы — конусы Юггота,
Где воды рек несут живую ртуть,
Где душные объятия Антанты,
Змеиная петля её блокад,
Где выродки, проклятые мутанты,
Штурмуют вновь индустриальный ад,
Сгорают заживо в заброшенной промзоне
Запретных, но изысканных утех,
Как сталкеры. В броне, комбинезоне,
С обложек фантастических Вальех.

АРХЕОЛОГИЯ

Ночи настали тогда хулиганские,
Пряжка с орлом посредине ремня,
Ночи хрустальные, ночи луганские,
Помнишь ли, юная дева, меня?
Там, в маргиналиях Ост-Европы,
Ночью вершилась звёздная месть,
Проводы утром — и автостопом
Машину ловить в Molly-Dog-War-Dei-sk.
Бездны ночной антрацитовый полог
В сердце углеводородной тьмы.
Глубже копай, чёрный археолог,
С каждым штыком всё ближе мы

В бомбоубежищах бывшей штази,
Лугалавкрафтовых катакомб,
Где завязались опасные связи,
Трепет и страх Амели Нотомб...

LES LIBERTINS

Пропахший дымом из мортиры
И не остыв от алых губ,
Из непротопленной квартиры
Я еду в якобинский клуб.
Уже расстреляна Сорбонна,
Где я был брат масонских лож,
Уже последнего Бурбона
Жизнь оборвал в Париже нож.
Среди кровавых наваждений,
Сражений и живых картин,
Среди салонных наслаждений
Ты — не последний либертин.
Пришла нужда, и ты с охотой
Бросаешь всё, и налегке,
Со свеженабранной пехотой
Уходишь в белом парике.
Кто обретает благосклонность
Сентиментальных алых уст,
Мне нужно соблюсти законность —
Исполнить, что сказал Сен-Жюст.
Прощай, любимая химера
Сражений и живых картин,
Ведь во владеньях Люцифера
Ты — не последний либертин.

ВОСКРЕСЕНИЕ, 20 АПРЕЛЯ

Отдавая треть зарплаты
За билеты в Опера,
Жил и умер в сорок пятом
Парень с нашего двора.

Заратустру кинул в ранец,
Сала шмат, и марш на фронт.
Не австриец, но германец,
Он ушёл за горизонт.
«Если смерти — то мгновенной, —
Молвил, хлопнув по плечу. —
Передай открытку в Вене
Пану Андруховичу».
И в двадцатое апреля,
В день воскресный и сырой
Ты — наследник Титурэля,
Романтический герой
А кулич пасхальный, пышный
Поделили в Сен-Жермен...
...Остаются только вишни,
Только Кальман и Кармен.

ОВОД

Он свою потребует долю.
«Я таких наглецов люблю.
Перемальяваю, неволю,
Вечным пламенем револю».
Ты работаешь, словно робот,
Поражённый в правах илот.
Революция — это повод.
Видишь овода ли полёт?
Обожаемый, как Феличе,
В окружении смуглых Рит,
Он был революциферичен.
От отцовской любви — сгорит.
Черноглазые карбонарии.
Тлеют чёрных глаз угольки.
Мы, на севере — как бы арии.
Но поступки наши — мелки.
Пусть на каторге станешь сед,
Обезглавишь хоть сто царей —

Здесь в почёте лишь домосед.
Из премудрых. Из пескарей.
...Приходят они, и бледны, и смуглы.
Они — как Феличе Риварес.
Обличье их скрыто завесой из мглы.
Их зов — мене, текел и фарес.

БРАТИШКА

Зарыт своими,
Забыт страной,
Забыто имя,
Лишь позывной.

Судьбы случился
Бараний рог,
Кто мог, скрутился,
А он не смог.

Ни прыгать с пирса,
Ни жечь причал,
Кто изловчился,
А он не стал.

Те, кто пожиже,
Шептали: «Лох», —
Уже в Париже,
А он не смог.

Крысиным ором:
— Твоя ль беда? —
Кричали хором,
А он сюда.

Мать похоронки
Не ждёт, сынок,
Иди сторонкой.
А он не смог.

Ни за медали,
Ни за пятак —
Ему не дали
Вы их и так.

В полнеба пламя,
В полвека смог.
Кто выжил — с нами,
А он не смог.

На место пусто,
В Уставе тёрт,
В каптёрку пустит
Сверхсрочник Пётр.

Дадут бельишко
И скажет Бог:
— Привет, братишка!
Я б так не смог.

ТЫСЯЧА ДНЕЙ ВОЙНЫ

Бог не мой и не мой вождь,
Вышиванки в крови вязь,
И в умишке его ложь,
И в душонке его грязь.

Я в гортани его кость,
Я его головы боль,
Я, как он, на земле гость,
Я, как он, для небес ноль.

Но пока пядь земли, горсть,
Есть донецкой, я не голь,
Он в задаче моей гвоздь,
Умножаемый на ноль.

Мир театр, а Донбасс тир,
И мишенями в нём мы.
Где-то есть, говорят, мир,
На него посмотреть бы.

НЕБЕСНЫЙ ОГОНЬ

Жизнь гораздо бить баклуши,
Смерть, как водится, шустра.
Мёрзнут пальцы, стынут души
У Вселенского костра.

Скрежет с грохотом послушай
И отпустятся грехи.
Чёрту в лапы, Богу в уши
То молитвы, то стихи.

Украинской пуле-дуре,
Злой надежде вопреки,
Давай выпьем и прикурим
От дымящейся строки.

Сверху кто-то вёсла сушит,
Снизу лязгает броня,
Греют крылья наши души
У небесного огня.

СЕПАРАТИСТСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

Душа мотается,
Пока не кончится
И сердце мается,
И выпить хочется.

Пока тверда рука,
Спирт неразбавленный

Пьём, от надежд пока
Не мы избавлены.

Дорогою судьбы,
Об пол горошины,
Летим, как будто бы
Никем не брошены.

Марс всходит кумачом,
Как пролетарии,
Нам это нипочём,
Не в планетарии.

На небесах уют,
Землёю проклятых,
Там с нами вместе пьют,
Войною проткнуты,

По пунктам, в сумме ли
За то, что есть она,
За то, что умерли
За то, что Родина.

ДОНЕЦКАЯ ЮНОСТЬ

Эх, кабы знал заранее,
Соломки б подстелил!
Мне снится утро раннее,
На пальцах след чернил...

Пиратство радиоузла,
Шуршание иглы,
Магнитофоны «Яуза»,
Высоцкий и Битлы...

И повзрослеть старания,
И первый сабантуй,

И первое свидание,
И первый поцелуй...

Там счастье не разменяно,
Там ещё ярок свет,
Там нет детей расстрелянных,
Там Украины нет.

МАРИЯ

Горько-сладкой звездой имя то,
Человечья ли, Божья мать,
Мною имя то помнить принято
И не принято забывать.

Пилигрим с винтом иль незнамо кто,
Накормлю и спрошу, как звать.
И людей любить мною принято,
И не принято убивать.

Знать, поверили, граждане, вы не в то,
Бизнес-классу не выйти в знать.
Мною небом делиться принято
И не принято торговать.

Для тебя моё сердце вынута,
Что с того, что судьба, как тать?
Век любить тебя мною принято
И, пропав, не переставать.

НЕ ПОКИДАЙ

Когда настанет ничего,
Когда судьбе конец положен,
Не оставляй меня, о, Боже,
На белом свете одного.

Когда любовь идёт ко дну
И вера ничего не может,
Не покидай надежды, Боже,
Не оставляй её одну.

Мольбы моей не оттолкни,
Пусть век ломает и корёжит,
Тебя я, Господи, не брошу,
Когда останемся одни.

ДОНЕЦКАЯ ИОРДАНЬ

У преисподней тени нет и света,
Из преисподней злые голоса.
Шахтёр, зажав зубами сигарету,
Стоит, где был, и держит небеса.

Пред Богом чист душою и исподним,
По воле, по судьбе ли, по вине,
Идёт огнём крещение Господне
В асфальтовой донецкой полынье.

Трещит земной оси истёртый ворот,
К Всевышнему дончанам по пути
Здесь, на оси земной, стоит мой город,
Земле с орбиты чтобы не сойти.

Венозны тучи предрасветной ранью,
Сдул кто-то пепел ветром от крыла
И над аэропорта иорданью
Белеет голубем БПЛА.

ГОРЛОВСКАЯ МАДОННА

Этим летом солнца слишком много,
Этим летом небо слишком ясное,
Этим летом женщина у Бога
Попросила дочке жизнь прекрасную.

Но случилось так что Божий замысел
Не вместил ее житьишко куцее,
Что ее дочурка оказалась
С нею на пути у революции,

Что снаряд предназначался контре,
То есть «сепаратору и ватнику»,
А головку снес ее ребенку
И разворотил грудину матери.

А ля гер ком а ля гер, любезные,
Подкрутил чуть-чуть наводчик лишнего.
И молитвы ваши бесполезные,
И беда со слухом у Всевышнего.

ПИР

Памяти Геннадия Жукова

Соберутся друзья — грянет пир на весь мир! —
Зашуршат бубенцы да воспляшет смычок
Да завалятся в Богом забытый трактир,
Где в подвале бутылки оплёл паучок
Невесомой вуалью; спугнут паучка,
Все припасы немедля воздвигнут на стол
И по первой нальют, как всегда, для рывка,
А потом — по второй, да вдогонку — по сто,
И гитара, как девка, пойдёт по рукам,
И от песен лихих содрогнётся кабак,
Обратится пирушка в обычный бедлам —
Наливай, мол, да пей! Ни за что! Просто так!
Пей, пока твои руки удержат стакан!
Кто свалился под лавку — того выноси!
Если помнишь хоть что-то — то, значит, не пьян!
Разве могут иначе гулять на Руси?
В придорожной харчевне возникнет кагал.
Все, не слыша друг друга, базарить начнут,
И на радость себе, на погибель врагам
Запоют, да заплачут, да водки нальют,
Чтоб наутро, не помня вчерашний бардак,
Вновь пуститься со змием в лихие бои...
Но — к рассвету какой-то залётный чудак
Прочитает — стихи — и не чьи-то — *мои*.
И — возникнет божественный свет тишины.
И — лучи упадут сквозь кривое стекло.
И — хмельные друзья, изумленья полны,
Вдруг поймут, что ночное безумье — ушло.

И гитара, как баба, вздохнёт в уголке,
Вспоминая тепло моих ласковых рук,
И по деке скользнёт, как слеза по щеке,
Непонятно откуда явившийся звук...
— Где же автор? — промолвит, намеренно груб,
Чей-то голос. — Налейте ж ему, вашу мать!..
Но за этим столом, словно выдранный зуб,
Будет место моё пустотою зиять.

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

Оторвись от забот и послушай — оплавилась свечи!
И до звона взглядись — до малиновых колоколов —
И увидишь, как фатума тень опускает на плечи,
Отражается время в зрачках пистолетных стволов
И седой дуэлянт вдруг воскликнет бессмертное «Мама!..»
И безусый юнец, став убийцей, заплачет навзрыд,
Но слезой не поможешь... Толпа недоумков упрямо
Восклицает: «Vivat! Ave, Caesar! Пожалуй на щит!»
Но за дверь щитовой мёртвой хваткой, как Цербер железный,
Ухватился замок. Не пройти. Замыкающий строй
Обернётся назад — никого. Догонять — бесполезно.
Позади — всё прошло. Впереди — вологодский конвой.
И работа. И пьянка. И мерзость. И свечи оплыли.
Но они возгорятся и высушат слёзы юнца!
Оторвись — и припомни — кем слыли, что пили, как жили,
Как любили и — были?.. Нельзя разгадать до конца
Мир немного абсурда, который не вылечишь смехом,
Пред которым, бывает, и сильные падают ниц;
Чтоб понять хоть немного, порой приходилось мне ехать
Volens polens за тысячу вёрст и десяток границ
И назад возвращаться — уставшим, измученным, пыльным,
Матерясь, спотыкаясь, в грязи и засохшей крови,
Чтоб потом — не случайно, не вдруг — ощутить себя сильным...

Так поведал Фонарщик. Послушай. И с этим живи.

СМЕРТЬ ПУШКИНА. БРЕД

Nathalie, Nathalie... Тонкой жилкой у горла
Твоё имя пульсирует. Более нет
Ничего. Чьи-то руки подняли проворно,
К экипажу несут... Окровавленный след
Оборвался — поехали. Медленно, право,
Сквозь метель мы ползём, не касаясь земли...
Всё — метель, всё — туман, дым, поэзия, слава —
Всё сместилось, осталось одно — Nathalie.
Ах, как глупо — с размаха под пулю, как в воду!
Что же далее — нежить, забвение, тлен?!
Отчего, Nathalie, воспевал я свободу?
Несвобода милей — обольстительный плен
Твоих рук, твоих уст, поцелуев, объятий
И сладчайшие пытки семейных утех,
Что порою, бывало, казались проклятьем...
Я оковы пытался разгрызть, как орех
И, стряхнув их, бежать... Но — куда? Для чего же?
Nathalie, Nathalie, mon l'amouire, bel ami,
Как я был неразумен, родная... О Боже!
Хоть пред смертью меня Ты прости и пойми
И, поняв, окажи мне последнюю благодать —
С высоты, о которой и думать не сметь,
Ты прочти моих мыслей презренную пакость
И позволь у неё на руках умереть,
А когда я усну и от мира отрину
И взлечу, растворяясь в блаженной дали,
Ты не дай позабыть мне единое Имя —
Жизнь мою, боль мою, Nathalie, Natha...

ОБРЫВОК НОСТАЛЬГИИ

...Так долго были вместе, что успело
Смениться лето осенью. Зима
Сама пришла потом. Не в этом дело.
Направо — Брест, налево — Кольма,

А между ними — мы, чуть ближе к Бресту;
Везде желанны и везде не к месту,
Поскольку неуместность — Божий знак,
Присущий лишь блаженным и влюблённым.
Мы не были нигде определённо,
А просто были рядышком. Вот так.

Так долго были вместе, что закаты
Пред нами отгорели сотню раз
Иль около того. Мы тем богаты,
Что дорого ценили каждый час,
Боясь его растратить на безделье.
Часы слагались в дни, а дни — в недели
И, неделимы, шли мы дням вослед
И в этих днях нам вместе было сладко.
Всё просто, словно детская загадка.
И тривиально — как её ответ.

МОЛИТВА ПЬЕРО

Упаси меня, Господь,
От поступков своевольных,
От ферментов алкогольных,
Что впитались в кровь и плоть,
От влиятельных врагов,
От общественного строя,
Вологодского конвоя
И «испанских сапогов»,
От предательства друзей
Да от женщин ненадёжных
Да от песенок осторожных,
Что поются для князей,
От неверности судьбе,
От шлеи да от уздечки
Да от крепкого словечка,
Что скажу не по злобе,

От воды и от огня.
А чтоб жизнь не утомила,
Сохрани моих любимых
Даже прежде, чем меня.

СВЕЧА НА ДОРОГЕ

Поставьте свечу. Передышка всегда коротка.
Поставьте, поставьте!.. Сиянье в слепом изголовьи —
Ты слышишь, браток? — шевельнётся стволом у виска —
Ты слышишь, любимая? — буйной, безумною кровью
Навек освятится — и грянет прелюдией дня,
Зажжённого с вечера чьей-то умелой рукою
Под вопли суфлёра и шёпот: «Огня мне, огня!..»
Бумажный солдатик... Я знаю, что это такое.
Да-да, я опять говорю и смеюсь и шучу
И жизни обрывок по жизни нелепо влачу
И буду влачить до конца. Но — поставьте свечу!
Не в храме, не в доме, не в ризнице — это не суть —
А просто в глуши, у дороги, хотя б где-нибудь,
Чтоб были блаженны несущие собственный путь,
Чтоб смог я уснуть, безмятежно, навеки уснуть
И видеть во сне хоровод безнадежно любимых
И встретить тебя — порожденье Любви и Огня.
Так будет, я знаю, ты только молись за меня
И свечку зажги, чтоб, тобою и Богом хранимый,
Сумел я вернуться к тебе до скончания дня.

* * *

Как же это случилось? Мой город оглох.
Чуткий к сплетням и слухам, он крика не слышит.
Кто-то в нём голосит, кто-то ест, кто-то... дышит.
Город соткан из теней несказанных слов.

Я сюда не вернусь. Только что тебе в том?
Сиротливо вздохнёт остывающий чайник

И вослед мне посмотрит с улыбкой печальной
Мой неведомо кем переполненный дом.

Как же это случилось, кто может сказать?
Я, конечно, люблю. Только что тебе в этом?
Все слова были сказаны будущим летом,
А любовь — выше слова. Её не объять.

За спиною мой город во сне захрапел.
Он лежит, раскорячившись в сонной истоме.
Нету смысла стучаться, кричать... Что же кроме?
Лишь молиться. А я никогда не умел...

* * *

А хочешь, придумаем песню,
В которой не будет ни слова,
В которой рассвет-кудесник
Умчит нас от мира земного
Туда, где на звёздных качелях
Качаются спящие дети,
Где нет суеты и смерти,
А только любовь и веселье.

А хочешь, придумаем сказку,
В которой не будет сюжета,
В которой с тобой без опаски
Пойдём босиком на край света,
Со всеми невзгодами сладим,
Отыщем от счастья ключи,
А после, как водится, свадьба
И при на весь мир прозвучит.

А хочешь, придумаем пьесу,
В которой лишь мы — и ветер.
Под птичью хоральную мессу
Рванёмся сквозь степь на рассвете,

Качнувшись верёвкой на рее,
Нам вцепится а плечи ковыль...
А хочешь, придумаем быль?
Но это гораздо сложнее...

* * *

Очень забавно среди бардака
Жить с репутацией авантюриста,
Предполагая, что лет через триста
Кто-нибудь вспомнит тебя, чудака.

Юноша, прозу читая тайком,
Ахнет — и водки стакан оглоушит,
А над стихами средь мокрых подушек
Дева младая вздохнёт шепотком.

Только к чему мне посмертный почёт?
Если в глазах Твоих что-нибудь значу,
Дай мне *сейчас* хоть немного удачи.
Ну и любви... А чего же ещё?

УВЕРТЮРА

Ты ветер над полем, полынным, штормящим, прогорклым,
Несущий листву непонятных ночных сообщений,
Ты гений,
Бессонный, бездарный, бездушный, стокий,
Но все-таки гений...

Ты утро, ты кофе, ты несколько слов на прощанье,
Бессмертие книг и прочитанных лекций минутность,
Ты гулкость ступеней, ты тело, покрытое тканью,
Безлюдие улиц...

Ты снег в декабре, ты деревья, фонарь у подъезда,
Прогулка с собакой под вечер в преддверии чая,
Ночные беседы на кухне, вино, сигареты,
Звонки, на которые
Не отвечали...

Когда-то (полвека тому) это стало телесным,
Вселенная выросла, вместе с тобою взрослея,
Но, кажется, скоро
Придуманность эта исчезнет,
Как ветер, как утро, как гулкость озябших ступеней...

* * *

В этом пространстве выжить — полдела,
Это пространство опухших вен.
Ты ничего рассказать не успела,
Но успел сгореть Карфаген
Твои соседи ходят строем,
Твои соседи боятся ночей,
Ночи звучат отголосками боя,
Криком раненых, звоном мечей.
Солнце спускается, воеет ветер,
Скрипит телега под песни волков...
Если мы с тобой куда-то и едем,
Мы едем через Ростов...

МАРИЯ

Мария красива, потому что она Мария,
Потому что она существует в написанных кем-то полотнах.
Она королева эфира, вырывающегося из диглоссии
Несказанных слов, мелодий свинга, души бесплотной.

Мария ходит в красивых одеждах, а иногда без оных,
И это важно — она гармонична в обнаженности времени,
И утром ее согреет кофе, озвученный в телефоне
Вчерашнего дня, прожитого келейно

В разговорах с подругой, в заботах о хлебе насущном,
В прикосновеньях дождя и бездушных прохожих...
Мария, завтрашний день будет намного лучше:
Он будет пульсировать в венах под тонкой кожей.

И ступа ступеней отзовется гулко в этом пульсе,
И пятен не будет на солнце, но будут на небе,
Которое исполнено по всем законам искусства.
И как тут поверить в то, что ты не Небыль?

ПРИВЫЧНОСТЬ

Я становился привычен, как утренний кофе,
Как гулкое уханье лифта, везущего на работу,
Как врач, для которого и витамины, и морфий —
Всего лишь лекарства. Я вышел на автопилоте
Из дома, увидев свое отраженье в витрине напротив
Подъезда и гору, похожую чем-то неназванным на Голгофу.

Я шёл повторяемой фразой навязчивой песни,
В которой другие слова почему-то забыты.
Автобусный призрак катился со мной бестелесным,
Мечтая приехать хотя бы к рассвету на Крытый.
Я ехал, привычный, по улицам светом залитым
В автобусе зимнем, обыденном, неинтересном.

Я ехал, придуманный кем-то в молчанье квартирном,
В стихах, сочиняемых ночью, как перед расстрелом,
И люди напротив сидели в протертых мундирах.
В кармане звенела вчерашнего вечера мелочь,
А я становился обыденных вин виноделом
В твоём не зашторенном мире

ПИТЕРСКО-ДОНЕЦКОЕ

Да, мне говорили, что после дождя будет радуга,
Что вырастет небо в глазах, переполненных грозами,
Что озеро это карельское названо Ладогой,
Что можно об этом писать изумительной прозой.

Да, мне говорили, что все как-нибудь образуется,
Что все обязательно станет балтийским и питерским,
И я беспокойно ходил по написанным улицам,
Пытаясь принять петербургского вечера истины.

Да, мне говорили, что это обычное варево
Поэзии, прозы, Ахматовой, Блока и Белого.
А я по окраинам долго шатался с гитарою
Сидел у знакомых и песни свои переделывал.

В пельменной на Охте обедал, пил кофе на Лиговке,
И дождь моросил монотонно, хорейно-ямбически,
А ты между строчек дождя оставалась красивою,
Наверно, тебя сочинили журнальные критики.

Пора на покой, в моей комнате лампа настольная
Сгорает свечой. Эта книга до завтра забудется.
А утром — маршрутка, вахтерша, всегда недовольная,
И полные страсти и смысла донецкие улицы.

ОТ ИМЕНИ ВЫЖИВШЕЙ

Посвящается горловчанке Татьяне Булаевой, 14 ноября 2014 года во время артобстрела потерявшей мужа и двух детей, и пока не пришедшей в сознание... (умершей через 2 дня).

Господи, крошево битой Надежды
Пусть растворится в запахе йода...
Вера
    былая
        разбита
            небрежно.
...Рвётся душа в небеса, на свободу!
Господи, стоят ли эти затраты
Жизни, что жизнью назвать не решусь я?!
Ленты
    бинтов...
        Медицинских халатов
Белое море... И нервы, что прутья.
Господи... Было ли нужно спасенье?
...Вот я очнусь. Что Ты скажешь мне, Боже?!
Если
    в момент
        моего
            воскресенья
Снова умру... вместе с тем, кто дороже
Солнца и света, и жизни спасённой.
Тикает — сердце.
    А время... застыло.
Капли
    вливаются
        в вены
            покорно...
То ли спасение... То ли могила...

Лаура Цаголова (Москва)

* * *

Кругом не то чтобы ни зги,
но как-то сиротливо
от диогеновой тоски
имперского разлива.

У свеженажитых могил
лишь вороны-кликуши...
Где оптом Чичиков платил,
там Гоголь ищет души.

Скрипит кондовый тарантас,
артачатся овраги...
Остановить бы век за час
до свиста передряги!

Уважить взмыленных гнедых
нечаянной свободой...
А вихри бьют и бьют под дых
дебелым небосводом!

Темна украинская ночь,
Свечной оплот потушен.
Здесь чёрт прославиться не прочь!

А Гоголь ищет души...

* * *

Что тебе надобно, старче?
Рыба уже здесь не та...
Если захочешь, поплачет...
Если не станет — беда.

Примет, как должное, горе,
будешь расхлёбывать впредь.
С видом на синее море
слюбится верная смерть.

Что тебе надобно, ратник?
Конь твой не держит главы...
Пораскурочил стервятник
тени идущих на вы.
Выживший в поле — не воин.
Выживший полю — кулик.

Горлом пустых колоколен
вышел молитвенный крик.

Что тебе надобно, друже,
в Богом забытой ночи?
Северный ветер натружен:
низкое небо влачил.
Падали едкие капли
на родовые луга.
Молний булатные сабли
испепеляли стога.

Хаты, как чёрные вдовы,
переживали мужей.
Каждому — крестик дубовый,
на поминальной меже.
Каждого — в чистой рубахе,
чтобы не стыдно в раю...

Кончились певчие птахи
в свадебном прежде краю!

Что тебе надобно, старче?
Царство твое — закуток...

— Надобно свечку поярче,
да посветлей образок!

* * *

Стало тошно от веселья
не урезанных в правах.

Сколько горя во спасенье?
Мёртвым тесно в облаках!
Вся их скудная отрада
подниматься над войной.

Теплит веру нимб лампы
поминальной стороной.

Здесь, где воют злые суки,
чуя падаль новостей,
погружались в Небо руки:
омывались раны дней.

Чтобы поле свежей брани
грунтовали звонари.
Чтобы после в комьях рани
вили гнёзда сизари.

ГРОЗА НАД РУССКОЙ РАВНИНОЙ

И грянул гром,
как первый день войны!
И хлынули несметные потоки!

Стремительной волной обожжены
штыки врасплох застигнутой осоки.

Клокочет, как бушующее море
речная гладь, глотающая высь.

Отёчный лес шатается от горя,
и кроны, будто кровью налились.

А ветер рвёт последнюю рубаху,
бинтует посечённое тепло.
Суглинок склона молниями вспахан:
подсолнечное время истекло.

Печные трубы счастье выдыхают.
Так души покидают мертвецов,
пока вода пороги обивает,
берёт измором каждое крыльцо.

Уже церковный колокол охрип...
Уже село — зловещая воронка...

Но где-то неприкаянная выпь
голодным надрывается ребёнком.

ДОНСКАЯ БЕССОННИЦА

Здесь всё ещё заоблачны просторы,
и камыши хрустальны на заре.

Ночами деревянные опоры
скрипят былины сонной детворе.

Столетний дом в нахлебниках у неба:
свисают звёзды с пыльных черепиц.
Подковы счастья маятник нелепый,
пристанище для странствующих птиц,
качается на сгнившей древесине...

Тень на плетень наводит поздний час.

Кусты сирени в дымке тёмно-синей
теряют целомудренный окрас,

как будто безутешные вдовицы,
хлебнувшие прогорклой темноты.
Безмолвный плач притихшая станица
несёт в себе предчувствием беды.

Дрожит луна в ловушке паутиной
на створке приоткрытого окна.
Дубовый стол с посудой поминной
потеет под прохладой сукна.

А ветер занят чисткой дымохода.
И пахнет сеном скошенным кувшин.
И бравая мышиная пехота
готовность к наступлению шуршит.

В консервной банке смятые окурки...

След копоты крестом на потолке...

И дедова простреленная бурка
ворочается в старом сундуке.

БЕРЕГА

Светит солнце за Днепром
царскою монетой.

Ветер ходит напролом
к Богу за советом.

Что привиделось ему —
страшно и нелепо.
Вот и бьётся наяву
в запертое небо.

Раскраснелись облака
в пеших у мороза.

Скорым вьюгам выкликать
намертво тверёzych.

Кто по бабушке, кто так —
ухарь-сиротина.
В чистом поле пришлый мрак
быль наворотила.

Улеглись богатыри
в тесные воронки.
Поклевали снегири
ладанки-иконки.

Завздыхало старичье:
«Хуже не бывает!»
Тех, что были ни при чём,
снегом заметает.

А за странницей-рекой,
на Семихолмовье
тешит колокол рябой
стольное зимовье.

Припекают крендельки,
снаряжают ёлки.
Вяжут дворники-деньки
новые метёлки.

У церкви толпится сброд,
мелочь вымогает.
По трактирам прошлый год
счастье пропивает.

Стали семечки халвой.
Заурчали гусли...

А за речкой наливной...
...убивают русских.

* * *

Какой бессмысленный приказ —
тянуть волынку.

Меняла видимость не раз
свою картинку.

Сужает площади зрачок
калёный ветер.

Один-единственный щелчок...
И ты — бессмертен!

Одна единственная боль...
По нисходящей.

А первой крови алкоголь —
последней слаще.

Освоит пёстрая толпа
повадки стаи.

И жизнь сотрёт себя со лба,
мол, отпускаю...

Но это дальше, а сейчас —
по той же схеме.

Нас чёрт не выдал, Бог не спас...
Ещё не время.

СКВОЗЬ СЛЁЗЫ

Мы мазаны миром одним,
да вскормлены хлебом небесным.

Пожухлой листвой наводнил
укромный овраг перелеска

бой дыма с вечерней зарёй.
Вполне безобидная тяжба...

Но ты опоясан землёй
и крик, пережёванный жаждой,
уже не содержит имён
в проклятиях и междометьях.

Вороньим крылом опалён
шеvron ополченца столетья.

Пока сотрясает стволы
прощальным до одури всхлипом,
мне каска с твоей головы
защитным мерещится нимбом.

И бурая грязь на бровях —
тесёмка тернового следа.
И капли на низких ветвях
набухли глоточками света.

Мы мазаны миром одним,
да стреляны попеременно...
...Однажды мы выйдем к своим
в условленной точке Вселенной.

БЛОКАДНЫЙ АДРЕС

Устроит дверь скрипичный свой концерт,
окно приبلудным ветром распахнётся...
Хрустальной люстры жалобный фальцет
по жизни полутёмной разольётся:
зайдутся блики в качке высоты,
оттачивая призрачные лица.
Останутся столетью за труды
листы письма на пыльных половицах.

И книжный шкаф, как старый саквояж,
хранивший метки странствий одиночных,
классического времени тираж
предъявит обвинением бессрочным.
За то, что знаменитым именам
наскучило довольствоваться малым.
За то, что оды греческим богам
ударною волной перелистало.

Кого насытить сдобой старины?
Кого вернуть из без вести пропавших?
Кому приснится счастьем до войны
голодный город в золоте монаршем?

* * *

На ступеньках столичного храма
маленькая девочка останавливается,
крестится и спрашивает маму:
— А в раю на каком языке говорят?
На русском?

* * *

Белый Город сыт по горло
чудесами пришлых пеших.
Солнце катит беспризорно
счастья колотый орешек.
Птахи крошат оперенье
под неласковые взгляды.
Ходу светопреставленья
урождённые не рады.
Им отныне — быть бы живу.
Присушил тяжёлый случай.
Беды вдовьего пошива
наловчились поболочей.
Не даёт лихое спуску...
Перебежки, перепрятки...

Белый Город звался русским...
Стало русскому не сладко.
Во дворах стареет детство...
Вдоль дорог не спеет вишня...
Город с Небом по соседству
на миру недобром лишний.
Мама раму намывала,
да войной побило ставни...
Что упало, то пропало...
Собирает время камни.
Как зашлось, так поведётся,
от порога до порога...
Этот Город не вернётся.
Он решил увидеть Бога.
Где ветра не чахнут чадом
над неладною верстою,
Белый Город станет Садам...
И приснится нам с тобою.

Андрей Шталь (Краматорск)

НЕПОБЕЖДЕННЫЙ

вольный перевод из Уильяма Хенли

Из тьмы, подобной палачу,
Из мрачной ямы черных бед
Опять «спасибо» я шепчу
За все, что принял мой хребет.

У нежити в тисках оков,
Когда весь мир катился вон,
Я, к огорчению врагов,
Был цел и был непобежден.

Пусть впереди все та же мгла,
И ждет страданий легион,
Пусть буду я телесно слаб,
Мой дух не будет побежден.

Каким бы сложным ни был путь
В кромешной тьме, в пучине дней
Иду, ветрам подставив грудь,
Я капитан судьбы своей.

ПОСЛЕ ОБСТРЕЛА

Я помню звон разбитого стекла,
Свист мины, траекторию полета.
Хотелось мне бежать, подобно Лоту,
Смерть пощадила — рядышком прошла.

И я стоял живой средь мертвых тел,
Похоже, мне выкапывать могилы.

Вон у соседей дом разворотило,
А мой случайно оказался цел.

РЫБАЛКА НА ДОНЦЕ

Здесь не были ни Леннон, ни Маккартни,
Но пролетают майские жуки.
Здесь столько кислорода, что закаты
Горят за камышами у реки.

Здесь желтой не пройти подводной лодке,
Но возле пирса сушится тарань,
И лодочник, хлебнув холодной водки,
Нам на ночь выдает катамаран.

И после восхитительной рыбалки
В молочных водах при большой луне
Тебе и мне ни капельки не жалко,
Что здесь течет не Темза, а Донец.

СКОТНЫЙ ДВОР

Они знали, что жизнь ведут нищую
и суровую, часто недоедают и мерз-
нут и, когда не спят, всегда работа-
ют. Но прежде им, наверное, жилось
еще хуже. Они охотно этому верили.
Кроме того, тогда они были рабами,
теперь они свободны, а это самое
главное...

Оруэлл

Говорила мне одна кобыла
Корнеплод подняв с гнилой земли:
«Раньше плохо здесь, однако, было,
Жить достойно твари не могли.

Человек не знает наши нужды,
Потому с ним бесполезен спор!
Все людское мне предельно чуждо,
А родней и ближе — скотный двор!

Если клином вышибают клинья,
Человека прогоняет скот.
А в итоге — к власти лезут свиньи,
Борову-правителю — почет!

В честь его и шествие к забору,
И большое вече у сарая.
А когда на бойню шлет нас боров,
То герои там не умирают!»

Проза

СВЕТЕ ТИХИЙ

Возле магазина ходила женщина с топором. Скорее всего, она просто кого-то ждала, но Дима Кречет попытлся. Только что в приёмной главы района секретарша, принимая у него с Сергеем куртки, поинтересовалась, добрая душа: — Можно вас повесить на один крючок?

Фраза не имела никакого подвоха, но они-то помнили, что приехали не просто на родину своего друга, а в партизанские края. Так что и за топором не лишним было присмотреть.

— Пароль «Сорок девять», — прошептал Кречету Сергей, благословляя того на штурм стеклянной дверной амбразуры хозяйственного магазина.

С современными паролями гуманитарии, вроде Димки Кречета, на войне первые кандидаты на отстрел. Названия городов или абракадабры про «славянские шкафы» канули в лету, уступив место всесильной цифре. Да и что может быть проще для распознавания врага: начштаба назначает паролем любое число, и часовой уже не кричит: «Стой. Кто идёт?» Он сам называет первую пришедшую на ум цифру и ждёт с автоматом наизготовку, когда неизвестный прибавит к ней недостающие баллы. Арифметика, третий класс. Но Кречета боец под Пальмирой уложил мордой в вековую сирийскую пыль как раз после того, когда тот не смог быстро вычесть из сорока девяти услышанные «тринадцать».

Стражнице у дверей дела до посторонних не оказалось, в магазине они тоже пришлись не ко двору: продавщица дремала, улёгшись тройным подбородком на руки, мягкой периной разложенные по прилавку. Разлеглась бы наверняка и пошире, но локоть упирался в объявление: «Продаю свежий навоз. Самовывоз».

Вошедшим требовался амбарный замок, но Кречет не забыл про подначку с паролем и кивнул на объявление.

— Грамм двести пятьдесят не взвесите? Товарищ выращивает кактусы...

Заканчивал просьбу шёпотом: над прилавком начало вставать что-то могучее, колышущееся, заполняющее собой место что вширь, что в высоту, а потому способное ухватить гвардии майора за шиворот и всё же повесить юмориста по-партизански на персональный крючок. Выручая друга, Сергей зататорил о замке, заплатил за первый попавшийся и вытолкал Кречета из дверей.

На улице к женщине-лесорубу подкатил на разномастном мотоцикле муж. С головы на голову пересадил ей свой шлем, себе достал из коляски сетку от пчёл. В два прыжка, три прихлопа завёл смесь «Урала» и «Явы», шумехом погазовал перед стартом. Мигнув, как макака, красным задом, мотоцикл умчал топор в гудящий комарьём Брянский лес, выглядывающий из-за последнего уличного дома.

— Мужики! Сливы не нужны? — раздалось за спиной у приезжих. — Возьмите. А то у меня свиной нет, скормить некому. Пропадут.

Два ведёрка жёлтых, готовых от одного прикосновения брызнуть соком слив предлагал тщедушный мужичок-старик. Он был минимум трижды не брит, майку прикрывал скособоченный плащ, но исцарапанные колючками пальцы цепко держали ведра.

— Всего-то за 50 рублей, — уличного торговца привлекли, скорее всего, столичные костюмы и галстуки потенциальных покупателей. Москвичи для Суземки виделись людьми добрыми, потому что за 50 рублей можно лишь проехать один раз на метро, а тут предлагают два ведра слив, растущих целый год. Выгоднейшая сделка, кто понимает хоть что-то в торговле.

Она даже добрым москвичам была не интересна, но, затягивая паузу, мужик переключился на двух кошек, бредущих вдоль забора:

— О, две варезки идут. Одна будет чёрная, другая рыжая... А навоз у Клавки не берите. Кто берёт — потом пять лет вообще на огороде ничего не растёт. Даже бурьян. Выжигает. Во питание...

— Васька, не морочь людям голову, — вслед за кошками шла аккуратно одетая старушка-гимназистка с прутиком, которым, как гусей, направляла их домой. — Иди приведи себя в порядок.

— Э-э, — возразил ей с улыбкой мужичок. — В человеке главное — внутренний мир!

Дождавшись, когда наставница унесёт на голове на достаточное расстояние корону из накладной косы, поведал:

— Тёща. Бывшая. Собаку облей в мороз водой — околеет. А эта каждую зиму в прорубь — и опять хрен да ни хрена, ходит поучает. Так как насчёт слив-то?

Времени на пустые разговоры у друзей не оставалось, солнце клонилось к закату, но Васька не отставал, пошёл за ними и к машине. Оглядел её критически, хотя и не без зависти. Нарисовал пальцем рожицу на запыленном капоте.

— А у меня тоже... велосипед... был. Иномарка. Угнали. На двух колёсах, вообще-то, лётает душа, а на четырёх возится брэнное тело, — с чувством превосходства дорисовал рожице усы.

— Только вот всё, что между ног — не транспорт, — не согласился быть мальчиком для битья Димка, купивший джип лишь месяц назад. Кивнул на сливы, попробовав выехать на старой шутке: — 150 граммов в кулёк.

Мужичок несколько секунд в прищур глядел на шутника, оценивая степень оскорбления, потом медленно, не спуская с него взгляда, высыпал сливы под колесо.

— Если думаешь, что я тебе трусы на верёвочке, то глубоко ошибаешься.

Усмехнулся и пошёл вдоль забора, тарахтя пустыми ведрами, как трещотками, по штакетнику.

Кречет стукнул по лбу нарисованному человечку. Сергей проверил ударом ноги накачку шин. Молча влезли в машину, Дима включил радио. Москва, как болтливая баба, взхлёб рассказывала о себе в новостях, и единственное, что её заглушало, так это трещотка Василя. Юмор — он такой, он сковорода без ручки. Собственно, человеку и даны два уха и только один рот для того, чтобы больше слушать и меньше болтать.

— Поехали, — принял на себя командование Сергей: старшим машины среди военных является тот, кто сидит справа от водителя.

Стараясь не раздавить сливы, Дима развернул машину, выставив её широкую морду к лесу, поглотившему разноцветный

мотоцикл. Зелёная стрелка на экране навигатора уткнулась тоже туда, в извилистую лесную дорогу, которая и обещала вывести путников к нужной деревеньке. Баба Зоя, должно быть, уже заждалась заказанного замка...

Проплыли расхаживавшие вдоль дороги в ожидании добычи валяжными гаишниками галки. Склонившиеся до пыли слоновьи уши лопухов. Москва в эфире продолжала сплетничать, но уже про Питер. Рекламный щит, увешанный, как грудь маршала, бесчисленными наградами, призвал вернуться и купить новые окна для счастья на улице Коммунистической. Но нарисованный уса-тый человек понёсся на капоте вперёд, словно желая оставить как можно дальше брошенные хозяином сливы.

Дом бабы Зои даже не искали — первый слева на центральной улице, в голубой цвет выкрашенный. Приставленная к калитке палка извещала об отсутствии хозяйки, зато на шум мотора примчалась на трёх лапах утыканная репейником псина. Присела чуть поодаль, выхлопывая смиренными глазами милосердие. Поймав на лету кусок колбасы, вмиг забыла об интеллигентности и принялась давиться деликатесом, гневно прорывав даже на тяжело прожужжавшую рядом муху.

— Я туточки, тута я, — прозвучало от дома напротив.

Раздвигая заросли мальвы около палисадника, к гостям зашмыгала в галошах на вязаные носки бабуля. Сил хватило дойти до середины дороги, на разметке из бараньего гороха опёрлась о палку отдышаться. Подавшегося на помощь Сергея остановила издали: сама, не волнуйся сердцем впустую.

— Разогналась идти, а ноженьки меня не слышат, — оправдалась, подойдя. Порванное сбоку платье перетащила на перед, спрятала дырку под фартуком. — Да ещё утром для смеха тяпкой по ноге лузганула... Ну, здравствуйте! С приездом. Я соседка, баба Сима.

Указала палкой на голубой дом:

— Это я калитку палкой подпёрла от Кузьмы, шляется по дворам как будто он всюду один хозяин, — замахнулась на собачку, прыгающую следом. Вместо звонка постучала палкой по забору: — Зойка. Встречай гостей! Идите смелее, ждёт с утра.

Сергей отметил просевший угол крыльца и потерявшую из-за этого себе опору лавку. Это армейские острословы, намекая на скрещённые стволы пушек в его артиллерийской эмблеме, говорят, будто пушкари в этой жизни палец о палец не ударят. А ракеты к звёздам кто запускает? Пушкин? Хотя на грешной земле работы, конечно, ещё больше. Сюда, к бабе Зое, надо было раньше приехать...

Кречет, проследив за взглядом друга, согласно кивнул: надо менять стояк. Хотя теперь для чего, если уезжать?

— Ого. Большая-большая, а стол как для Путина накрыла, — с порога углядела баба Сима заставленный едой столик у окошка. Перехватила у соседки миску парующей картошки, утвердила её в центре стола: в сравнении с ней в селе даже хлебу место всего лишь на уголке. Однако приглашения остаться не получила и кивнула всей хате сразу: — Ладно, поговорите тут без меня, а если надо — кликните.

Всё же до последнего надеясь на угощение, потопталась у порога с палкой, как Кузя на своих трёх лапах. В селе последние дни только и разговоров, что Зойку-партизанку приедут забирать в дом ветеранов друзья её внука Костика, погибшего неизвестно где, но похороненного в Москве с почестями. Зря, что ли, сидела в засаде в мальве. По большому счёту, ей даже ни котелки московской фигуристой колбасы не надо, выгружаемой на стол приезжими, ни вон той жирной золотистой шпротины, и даже обошлась бы без заплетённого в косичку, но издалека пахнущего поджаристыми боками сыра. Ей интересно просто поговорить с новыми людьми — такого богатства нынче в селе ни за какую пенсию не купишь. Но потом — так потом.

— Хотела с дорожки молочком встретить, а оно только ночь переночевало, а уже скисло, — развела руками баба Зоя перед оставшимися. — Вон рукомойник, — кивком головы указала на закуток в кухне. — А полотенце сейчас принесу.

Держась за выбеленную, словно на выданье, печь, зашмурыгала во вторую половину хаты.

— Да вот же висит, не надо, — остановил Сергей, пока Кречет продолжил разгружать сумки.

— То состарилось, пора с рук на ноги перекидывать, — отмахнулась баба Зоя. Перетащила ноги через порожек, загнукала дверцами платяного шкафа. — Костика давно видели? А что он сам-то не приехал?

Офицеры переглянулись. Глава района говорил, что после операции и наркоза память у бабы Зои поплыла, и что в её 90-летнем возрасте это трудно восстановимо. Но забыть, что Костя погиб...

А баба Зоя словно выходила через высокий порожек не в другую комнату, а в иное измерение. Появившись с полотенцем, недоумённо замерла, глядя на гостей:

— Вы кто?

Со страхом и любопытством начала оглядывать стены, словно видя их впервые. Как к чему-то спасительному, подалась к рамкам с фотографиями.

— Так это я, что ли? — ткнула она пальцем в девушку с радикюлем, стоявшую около памятника. — Я. А это папкина могилка, — погладила стекло.

Костя сто раз рассказывал, как при облове на партизан его прадед отправил дочь вместе с ранеными через болото, а сам, отвлекая немцев, повёл отряд на прорыв в другом месте. Пуля попала ему в горло, когда закричал «Ура», словно хотела остановить клич атаки. А семнадцатилетняя баба Зоя вывела из окружения раненых и получила орден Красной Звезды. Лесную могилку отца разыскала после войны и перевезла его останки на деревенское кладбище...

— А это Ваня мой, — улыбнулась солдатике с орденами на груди у развёрнутого знамени, и тут же постучала по стеклу пальцем: — Вот чего ты умер? Я тебя просила об этом? Мы ж тебя рятавали всем селом, а ты... Эх, батька-батька. Под землёй, а приползу к тебе!

Больше никого в рамке не распознала, хотя и потрогала пальчиком каждое лицо на снимках. Посмотрела мимоходом в окно, поправила занавеску на шнурочке и вдруг встрепенулась:

— Господи, так это же моя хата!

Принялась снова трогать и рассматривать занавеску с узнанным зашивочным рубчиком, божничку с иконой, диван, телефон на тумбочке.

— А где я только что была?

Взгляд умолял обмануть, не говорить правду. Тихо заплакала, присела на диван с резной спинкой и принялась стучать себя кулачком по лбу:

— Ну что ж ты у меня болеешь? Я тебя обидела чем-то? Что ж ты ничего не помнишь, делаешь из меня дурочку? — отыскала взглядом ребят: — Привезите мне врача. Пусть даст таблеток от головы.

Кречет дёрнулся к выходу — в бардачке машины какие-то таблетки имелись, но сам же и остановил себя словно на минном поле. Чтобы пройти по исчезающей памяти последней партизанки отряда «За власть Советов» — тут не хватит ни звёзд на погонах, ни крестов на груди. Эх, Костя-Костя!

Замяукала из сеней кошка, просясь в дом. Этот звук тоже оказался родным и знакомым, баба Зоя привычно подалась на него, толкнула плечиком дверь. Кошка вошла королевной, с хвостом выше себя. Полноправным членом семьи запрыгнула на диван, потянулась к еде. Сергей, сервирующий стол, шуганул её из-под руки, и лишь потом спохватился: наверняка у неё с хозяйкой свои застольные отношения. Бросил извинительно под стол палочку-выручалочку — кусочек колбасы.

— Ну что, за стол?

В хорошей избе так: сначала кормить, потом расспрашивать.

— Что ж вы так деньги растранижирили, — баба Зоя довольно оглядела скатерть-самобранку, раздвинула занавески: жалко, что Сима ушла, не шмыгает под окном, как давеча. Кто теперь людям расскажет, какие у её Костика друзья?

Потянулась к сладенькому — уже разрезанному дольками тарту: картошка каждый день, а таких праздников, чтобы со сладостями, после внука кто организует? А он где-то запропостился, не едет и не едет. Гонцы, что ли, будут папкину с мамкой могилку обкашивать? Люди говорят, что репейник уже около креста рвут...

Дрожашие пальцы не смогли удержать воздушный бисквит, он перевернулся свои белым колпаком прямо на картошку. Баба Зоя попыталась вытащить тортик из горячей западни, но, лишь больше перепачкав руки, обессиленно откинулась на спинку дивана и вновь беззвучно заплакала от своего стыдного бессилия.

Кречет осмелился вытереть полотенцем хозяйке руки, набрал ей в тарелку всего понемногу. Та не стала противиться ухаживанию, начала примеряться, чего попробовать в первую очередь в мозаике из еды.

— А вы, значит, от Костика? — начала расспросы по третьему кругу, помогая хлебом соорудить на вилке горочку крабового салата. В конце концов взяла ложку и зачерпнула сколько хотела. — А откуда ж вы его знаете?

— Учились вместе в суворовском училище.

— А он что, у меня военный? — не поняла баба Зоя, поворачивая к говорившему правое ухо. Видимо, оно лучше слышало. Горько покачала головой: — Во, и не сказал родной бабке. Пусть только приедет. А ночевать хоть у меня останетесь?

Сборы на выезд намечали утром, и Сергей подтвердил::

— Если где можно примоститься...

От кроватей в комнате отказались, постелились на веранде. Кречету достался навечно сколоченный скобами топчан, Сергею скрипучая, провисшая раскладушка, на которой, возможно, спал ещё Костя. Выбор не обсуждался: выспаться должен водитель, даже если он ефрейтор перед генералом.

— А я ещё спать не буду. Я ещё поблагодарю Бога за день прошедший, — баба Зоя переместилась к божничке в красном углу — треугольной полочке из сколоченных досок, на которой стояла дощечка с вырезанной из журнала картинкой Богородицы. Креститься не стала, скорее, не приучилась. Сняла зелёный молитвенничек, зыркнула на гостей: не привыкла молиться на людях. Кречет подтолкнул Сергея к двери — пошли подымим.

Курить первый раз они попытались в суворовском, в увольнении перед самым выпуском. Как же, короли! Командир роты, случайно увидев «трёх мушкетёров» на лавочке с сигаретами, молча подсел на краешек. Дождался, когда подчинённые по-армейски затушат окурки о подошвы ботинок и вытянутся в струнку.

— Вице-сержант Сергей Хорошилов, подскази-ка мне, кем ты хочешь стать?

— Что-нибудь поближе к электронике, товарищ подполковник.

— Ясно, ракетчиком: сам не летаю и другим не даю. А ты, старший вице-сержант Дмитрий Кречет?

— Отец сапёром в Афгане был. Орден Красной Звезды...

— Знаю. Знаю, что сапёр ошибается дважды. И первый раз — когда выбирает профессию. А вот вице-старшина Константин Дружинин мечтает, насколько я помню, о воздушно-десантных войсках.

— Так точно, товарищ подполковник. ВДВ...

— Выходные Дни Выбрось! А вы выбросьте с этой минуты свои мечты, потому что пойдёте у меня в училище тыла. Там столько электроники заложено в бухгалтерских счетах, такие прыжки можно совершать на пружинных кроватях, такие «мины» на собственном хозяйстве... Курите дальше.

Бросили. Сергей и Костя навсегда, а вот Кречет вновь взял сигарету, когда одна из мин, которые он выкапывал и носил как картошку с поля под Пальмирой, выскользнула из рук.

Ротный был прав насчёт ошибки в выборе профессии сапёра. Но в тот раз, на счастье, ошибся незнакомый игиловский «кулибин», где-то что-то не так соединивший при изготовлении кустарной мины. Звонко упала плашмя о каменную плиту, испугав лишь какую-то пролетающую мимо пичужку.

На улице, увещевая в чём-то Кузю, мялся недалеко от дома коренастенький, в рубашке в клеточку, мужик. Возможно, это был даже мотоциклист-пасечник, очень уж похоже пригладил волосы, увидев приезжих. Кузя на правах старого знакомого бросился к ним первым, повторяя умильное хлопанье глазками. Видимо, на улице в селе без угощения не выходят.

Незнакомец подошёл степенно, протянул руку:

— Фёдор Степанович. Последний председатель колхоза, а Зоя Павловна работать работала у меня бригадиром. Давала копоти, кто умирал по лёгкой жизни. Может, присесть присядем, — кивнул на бревно у забора. — Оно, дерево, умное, корнями глубоко в землю вращать вращало.

Охотно угостился у Кречета сигаретой, в ответ поделился огоньком, выбитым в сплюсненном коробке из картона.

— Во, это точно сигареты, — окурил всех, как пчелиный рой, дымом. — А то местные распотрошить распотрошил, посмотрел

под микроскопом — одна трава! 50 рублей за пачку каждый день выкидывать выкидываю, хотя у самого стог сена с прошлого года бесплатно стоит. А вы, значит, от Костика. Его хорошо почитали у нас в селе...

Помолчали, поминая погибшего. На озере где-то в центре села царевнами квакали лягушки. Мошкара, не желая залетать в вечернюю тень, крутилась бурачиком перед лицами мужиков. Проскакала галопом лошадь с голопузым парнишкой на спине, заставив пристроившегося к мужской компании Кузьму лениво приподнять голову. Зато куры, оправдывая своё количество мозгов, словно сорвались на пожар из своего закутка, чтобы перебежать дорогу перед самыми копытами и затем устало вернуться обратно. Вдалеке обозначилась кукушка, усмехаясь: а судьбы-то ваши всё равно определяются где-то и кем-то, а не вами и не сейчас.

Всему нашлось места на этой земле — и крапиве за бревном, и одуванчикам под ногами, и лягушкам, и мошкаре, и кукушке, и Кузе — только не Косте.

Председатель посмотрел в сторону, где насколько могла торопливо, чтобы не попасть на глаза приезжим, преодолевала путь от мальвы до президентского стола баба Сима.

— Истоптались мои орлицы. Попытаться попытался однажды вспомнить, брал ли кто у меня больничный в колхозе. Ни одной фамилии не загорелось в голове. Казалось, сносу никому не будет... А вы, значит, бабу Зою забирать забираете...

— Трудно ей одной.

— Одному всякому трудно. Только, если откровенно, жалко её отдавать. Последний ветеран войны. После неё от Великой Отечественной в селе только памятник останется. И всё, кончилась эпоха... Да-а-а... Я завтра людей кликнуть кликну, проводить Зою Павловну надо достойно.

Не отказался от второй сигареты. Экономя спички, подкурил от предыдущей. Уходить к своему одинокому стогу сена, видать, не хотелось, и попробовал обкатать новые рельсы.

— Костик всё же как погиб, не скажете? Я тут прикинуть прикинул время и события, и всё же думаю, что был он на Украине, на Саур-Могиле. Второй прадед его, Иван, за её штурм ранение и

орден в Отечественную получил. А Костик наш такой, за родовую память спуску никому не даст. А? Или молву пускать по селу не надо про «северный ветер»?

События в соседней стране, надо полагать, интересовали бывшего председателя сильно, если знал термин, обозначающий поездку добровольцев на помощь Донбассу.

— Не надо, — согласился Кречет.

Костя был действующим офицером, и что во время отпуска поехал не на море, а к донбасским терриконам, относилось к его личному делу. И, как выясняется, продиктованному не бравадой вояки, а памятью о предках. Даже измени им тогда в суворовском командир роты судьбу из-за мальчишеской сигаретной затяжки, наверняка бы каждый вырулил на свою тропинку. Судьба всё же — не от кукушки, она есть сам человек...

— Фёдор Степанович, а можете показать нам село, окрестности? Хочется посмотреть, где Костя рос, — вытащил Сергей ключи от машины.

— Тогда с кладбища. Оно на пригорке, село оттуда как на ладони. Так что мы тут под присмотром у мёртвых, забаловать не забалуешь. И родители Костики там, на мотоцикле разбились. Кладбище — оно, как телевизор, всех к себе собирает...

Провожали Зойку-партизанку в Дом ветеранов, как отправляли раньше ребят в армию — всем миром. Это приходило на ум и потому, что сидела она на покосившемся крылечке в кофте, на которой вразной, без положенной очерёдности в статусе, теснились и блестяли, как чешуя на кольчуге, ордена и медали. Распоряжалась суетой баба Сима, получившая ключи и наказ присматривать за домом. Угощения и подарков хватало: Сергей утром смотался в Суземку, и теперь баба Зоя одаривала подходивших к ней подруг полотенцами, чашками, блюдцами, фартуками. С мужиками получилось проще: два десятка пил-ножовок хозяику принесли план, а им — радость.

— От меня. На память, — всматривалась в лица подходивших к ней односельчан баба Зоя, силясь удержать в памяти образы тех, с кем прожила рядом всю жизнь.

— А кому самогоночки, самогоночки кому, — толкался с трехлитровой банкой среди собравшихся худощавый, изрядно подвыпивший, а потому добрый, взлохмаченно-лысый мужичок. — И-и, чистейшая. Глядишь в неё и себя видишь, — рекламировал, видать, собственное производство.

Детям раздавались конфеты. Поскуливал Кузя — при сладком столе собаке только глотать слюнки. Баба Зоя, непрерывно трогавшая вынесенные из дома сумки с вещами, вдруг просветлённо, а потому тревожно встрепенулась:

— Грамоты! Где грамоты?

— Какие тебе грамоты, Зоя Павловна! — успокоил председатель, подсевший рядом на скамейку и приобнявший бригадира за плечи. Лавка от веса перекосилась, едва не уронив хозяйку с кавалером. Видать, и в самом деле подоспело время отъезда. — Ты теперь в городе можешь ногой показывать и командовать, что делать. Город — он к ветеранам приспособленный.

— Так приеду к людям, а они и знать не знают, какая я была работающая. На божничку положила, чтоб не затерялись. Проверь, — приказала Сергею, как Костику.

Память у бабы Зои работала, зря она стучала себя по лбу: стопка трудовых грамот с красными знамёнами и портретами Ленина и впрямь своей высотой едва не закрывала Богородицу. Рядом с «Молитвословом» лежал не менее затёртый партийный билет в традиционной красной корочке и с датой вступления в партию в 1943 году — время самых тяжёлых боёв партизан перед Курской битвой. Верили, верили в победу даже восемнадцатилетние девочки, находясь в полном окружении врага! Тут же лежали перетянутые резиночкой удостоверения на награды. Божничка словно хранила не только жизнь бабы Зои, но и историю страны, примирив коммунистов и атеистов, красных и белых. Закладкой в «Молитвослове» служила палочка от «Эскимо», возможно, ещё Костей когда-то купленного, и Сергей не быстрее бабы Зои выговорил буквы её ежевечерней молитвы:

— Свете тихий... пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поём... Бога... мир Тя славит...

Сложив содержимое, Сергей не посмел при этом тронуть Богородицу: а и впрямь, пусть остаётся охранять дом с невестой-печкой и фотографиями.

— Ох, чую, какой-то обман мне идёт, — вцепилась, как в спасательный круг, в свою бумажную биографию баба Зоя. Вот ведь поколение: сумок с одеждой не надо — дай прижать к груди документы. — Колесом пошёл белый свет. Такого сам татар не придумает, как я с этим отъездом. Кому я там нужна буду? Костик! Где Костик?

Стоявшие рядом бабы опустили головы, кто-то перекрестился: минуй нас подобная участь! Хозяйка опять выделила взглядом Сергея, более всего запомнившегося рядом с именем внука, помянула. Шепот у теряющих слух людей настолько громкий, что слышали все:

— А хоронить чтобы всё равно сюда привёз. Хоть косточками, а вернусь.

Увидев, что офицеры поглядывают на часы, председатель встал. Отставив локоток, по-гусарски выпил до дна перед бывшим бригадиром свой стакан самогона. Внук с замазанным зелёной, исцарапанным подбородком привычно подсунул на закуску оставшийся ободок от печенюшки, не оставив надежды на угощение Кузьме. Баба Зоя прижала паренька к себе, нашёптывая на ухо что-то секретное. Тот согласно покивал, получил новую порцию сладостей и уступил место взрослым.

— Всё, всё! — не забывал своей роли руководителя Фёдор Степанович: демократия демократией, а у него в колхозе, хоть и бывшем, должен быть порядок. — Пора ехать. А пожелать пожелаем нашей Зое Павловне через зиму вернуться сажать огород.

— Что он говорит, не слышу, — поинтересовалась у Сергея баба Зоя. Предполагая обратное, спросила с хитрецей: — Не ругает?

Не ругал. Лично проводил до машины. Баба Зоя в последний сто китайский раз обнималась потом с каждым, хотя по глазам было видно, что она мало понимает в происходящем. Взгляд сумел зацепиться лишь на том, как Сима закрывала амбарным замком дом. Подалась обратно, но Кречет удержал, а Сергей завёл

машину. Подсаживаемая председателем, баба Зоя втянула с собой в салон и отполированную до костяного блеска палочку. Тявкнул Кузя, оставшийся единственным не поцелованным из собравшихся.

Вот теперь — с Богом!

— Не в лесу и не на болоте росла, должна уметь, — прошептала утихомирившаяся баба Зоя, и стало ясно, что она, несмотря на боевые ордена, боится новой жизни. И все предварительные переговоры, которые Сергей и Кречет вели по телефону с ней и руководством района — это её стремление оттянуть момент переезда в Дом ветеранов. — Проедь к центру, — попросила водителя.

Сама уткнулась лбом в стекло, чтобы лучше разглядывать улицу, и Сергей погасил скорость. Ничего, Зоя Павловна, у ветеранов тебе будет легче: ни дров для печи, ни воды из колонки. Не тронулись бы с места, покажись там неуютно и казённо: перед приездом сюда заехали в Дом и лично проинспектировали ситуацию. Костя бы спасибо сказал. А по весне лично приедут и привезут в родной дом на побывку...

По берегу озера, как опята, росли ракиты — вечером при знакомстве с селом как-то не отметили это. Затесавшаяся меж ними берёзка выгибалась, выгибалась, чтобы вырваться из-под их крон и в то же время не коснуться воды — и хоть кривая, но ушла вверх. На её стволе сидело сразу три рыбака. Головы, как у Змея Горыныча, глядели в разные стороны, но на шум мотора повернулись одновременно, и баба Зоя кивнула им из-за стекла: прощевайте и вы. Все прощевайте.

— Зоя Павловна, ну что вы, — сидевший рядом с ней на заднем сиденье Кречет попытался отвлечь от грустных мыслей, хотя сам, покидая даже не дом родной, а сирийскую Пальмиру после трёх месяцев работ по её разминированию, едва сдерживал слезу. Сентиментальность редко до добра доводит, но уж точно не даёт пополнить ряды истуканов на острове Пасхи.

— Всё, жизни капут! — откинулась на спинку баба Зоя и прикрыла глаза.

В уголках век начали копиться, набухать капельки слёз, в какой-то момент они сорвались вниз и по проложенным среди морщин блестящим тропинкам уже спокойно потекли ручейки.

Сергей глянул в зеркало заднего вида на друга, тот пожал плечами: я не знаю, как успокаивать, не оставяй меня одного.

Остановились у памятника, на котором верхней строчкой шло имя комиссара партизанского отряда «За власть Советов» — её отца. Баба Зоя нетерпеливо принялась дёргать ручку, чтобы выйти. Не выпуская пакет с грамотами, зашла в оградку, прислонилась к памятнику. Как и в случае с молитвой, Кречет дёрнул друга — оставим одну, лучше заглянем в сельский клуб, по какой-то причине открытый днём.

На сцене, с важностью рояля занимая его середину, стоял теннисный стол, на котором играли в пинг-понг две девчушки. На вошедших не обратили внимания, и Кречет по привычке сапёра заглядывать во все дыры приоткрыл дверь в пристройку, оказавшуюся библиотекой. На столике лежал измятый, выучивший не одно поколение девятиклассников любви «Евгений Онегин». Зато между металлическими стеллажами, не замечая вошедших, целовались пока только заказавшие роман мальчик и девочка. Подпиравшего сзади друга Кречет оттолкнул обратно в зал.

— Что там? — поинтересовался Сергей.

— Там продолжается жизнь, — не стал объясняться сапёр.

Теннисистки закончили партию и проявили, наконец, учтливость:

— Играть будете?

— Денег нет.

— Так у нас бесплатно! — бесхитростно удивились едва не хором.

Поняв, что с ними шутят, смущёнными актрисами нырнули за кулисы.

Баба Зоя уже сидела в машине, и друзья заторопились — как смогла одна подняться на высокий порожек джипа!

А она и не поднималось. Салон оказался пуст, и это было непонятно, потому что далеко уйти с палочкой Зоя Павловна не могла. Кречет обошёл памятник, потом заторопился к озеру, но рыбачий Горыныч замотал тремя головами — не проходила. Но ведь они пробыли в клубе не более трёх-пяти минут. Да, партизанская разведчица, но и они не Вольское училище тыла заканчивали,

целый капитан с досрочным майором. Исчезнуть же могла только в зарослях бурьяна за памятником, и Кречет опять же потому, что сапёр, первым влез в репейник. Вытоптали бурьян и, уже в открытую паникуя, позвали на подмогу из клуба молодёжь. Прочесали окрестности с ней.

— Показывай дорогу к председателю, — приказал пацану-Онегину Кречет.

Фёдор Степанович возился со знакомым мотоциклом, рядом стояла жена с не менее знакомым топором. На нём, как на наковальне, хозяин отстучал молотком какой-то тросик, всунул в генератор.

— Сбежала, что ли? — с полувзгляда понял растерянность приезжих и почему-то улыбнулся. Может, даже предполагал подобное. — Во пионерка! — то ли радостно, то ли просто вычищая ветошью солярку между пальцами, потёр руки. Охотно принял сигарету. — Она и у меня своевольничала, такую в оглобли загнать не загопишь.

— Но надо же что-то делать!

— А может, не надо? — сбил ногтем пепел, очищая табак перед новой глубокой затяжкой. — Глядишь, дольше пожить проживёт в родных стенах, а не на чужих стенах. Всем Бог наделил человека, кроме защиты от тоски и боли.

Разогнал дым перед лицом, начал всматриваться в рубаху, словно увидев её впервые. А может, и впрямь только сейчас соотнёс: жизнь — это вовсе не плоские полосы, а клетка светлая, клетка тёмная. Объём. Хмыкнул: открытие не понравилось, потому что эти клеточные объёмы покрывали его собственные плечи. Единственное, чем смог облегчить себе жизнь — засучил рукава. Всё, нету ни клеток, ни полос.

— А присмотреть присмотрим за ней. Мой внук Олежка её крестник, так что пригляд будет...

Деревенские ракиты старухами вышли провожать офицеров за околицу. Выстроившись вдоль дороги, кивали вслед головами в зелёных платках. Видать, не все счастливые дни вороны поклевали в деревне, коль продолжал жить в ней народ.

Едва вслед за машиной пробежали по обочине отблески подфарников, в палисаднике бабы Зои зелёным поплавком вынырнул внук председателя. Убедившись, что улица пуста, махнул рукой крёстной, прячущейся за погребом: выходи, мы их победили. Та за услугу дала проводнику денежку, привела себя в порядок и принялась осматривать грядки, где укроп с петрушкой пёрли так, будто огород вспахивался только для них одних. Дождика бы только не мешало...

А Сергей, молчавший всю дорогу, перед Суземкой вдруг свернул с объездной дороги и вырулил к хозяйственному магазину. За сутки здесь мало что изменилось: бродили по штакетнику «варежки», Васька в неизменном одеянии кричал кому-то через дорогу:

— Слышь, а у тебя нет с собой гвоздя? Сотки хотя бы. Козла твоего прибить к забору, чтобы не ломал штакетник.

Увидев знакомую машину, запахнулся полами плаща: абонент недоступен. Но из зоны доступности не выходил, делая вид, что озабочен состоянием штакетника, хотя вчера сам вёдрами колошматил его не хуже козла. Вытащил из привязанного на углу почтового ящика стопку газет: и впрямь не трусы на верёвочке, о внутреннем мире своём заставил заботиться прессу.

— Придержи его, а я быстро, — попросил Сергей друга.

Сливы были раздавлены другими машинами, но всё равно, вновь попытавшись не наехать на них, развернулся.

— Привет, Василий, — подходя к мужичку, Сергей протянул руку, признавая свою вину за вчерашнее и устанавливая мир. Тому уважение понравилось, рука пожалась, плащ распахнулся.

— Куда рванул-то твой гордый?

— Сам понятия не имею, — признался Кречет.

— Ты ему скажи, что нельзя бороной да по всей душе.

— Он уже понял, — уверил Кречет и поспешил сменить тему: — Сегодня без тёщи?

— А у её ног головы нет. Пока не обойдёт пять раз все рынки, солнцу нельзя зайти за горизонт. Тёща боец, ей только раны на войне перевязывать. Молодец, когда не слышит. А вы откуда приземлились? Раньше не видел.

— К другу заезжали.

— Куплю велик, первым делом тоже доеду до кума. Бедует один в своём селе. Деревенская жизнь только на картинках хороша, а кто убёг из неё, возвращаться не торопится.

— Но некоторые, наоборот, не хотят уезжать.

— А это как вовремя жениться. Чуть перехолостяковал — всё, другой жизни нету. А оно, может, и не надо. Вон, летит твой орёл на цыпочках.

Сергей мягко подкатил к самому штакетнику. Молча открыл багажник, достал оттуда сложенный, ещё в заводской обёртке, велосипед. Прислонил его рядом с онемевшим Василием, хлопнул его по плечу и занял место за рулём: а теперь вперёд.

— Теперь до кума доедет, — миновав от Суземки три-пять поворотов, порадовался за Василия Кречет. — Смотри, смотри, а вон и знамя! Помнишь, Костя рассказывал.

Над обелиском, стоявшим у дороги, возвышалась изогнутая от непогоды и времени сосна с отпиленной верхушкой, где трепетало красное знамя. Табличка на памятнике гласила, что в этом месте партизанская группа «За власть Советов» приняла первый бой с фашистами. Каждый год находится тот, кто лезет на сосну и меняет выцветший флаг. Костя тоже лазил, уже суворовцем...

— Эх, остаться бы хоть на день-два, — помечтал Кречет, прекрасно зная, что оба не могут этого сделать. Даже на день. Лично у него формирование батальона разминирования в Югославию, в Приштину. — Крыльцо бы подправить.

— Завтра у меня вылет на Байконур. Запуск.

— Слушай, а вот если бы одному из космических кораблей присвоить имя бабы Зои? А что? Последний ветеран Великой Отечественной должен стать звездой на небе, не меньше.

— Если только мысленно... Хотя можно и попробовать, почему бы и нет. Для власти это честь.

— Было бы здорово... Интересно, что сейчас делает наш беглец? Обвела вокруг пальца!

— Может, грамоты читает. Или фотографии рассматривает. Ей есть что вспоминать...

Баба Зоя полулежала на ступеньке крыльца и примерялась, что можно подсунуть под ножку покосившейся лавки. Под руки

попался амбарный замок, привезённый друзьями Костика. С усилием, но затолкала его под ножку. Переваливаясь, взобралась на сиденье, проверила на устойчивость. Теперь можно жить дальше.

Проговорив буквы «Свете тихого», поклевала перенесённое обратно через дорогу от Симы оставшееся угощение. На озере под прохладу вновь завелись лягушки, выкликая такой нужный для огородов дождь. Проехал с рёвом на отремонтированном мотоцикле наперегонки с Кузей крестник, надо будет поругать, что даже ей, глуховатой, бьёт по ушам. А вот свет от фары порадовал улицу, на которой сразу после выборов сняли со столбов фонари. Плохо, что после яркого света стало настолько темнее, что проклюнулись звезды. Одна из них бесстрашно карабкалась прямо в центр неба — значит, или самолёт, или спутник. Баба Зоя пожелала ему доброго пути и стала закрывать калитку, готовясь ко сну...

ПЕРМАНЕНТ

Когда внезапно пропал Саша, Фира испугалась. Саша не верил в силу бумаги, не верил в силу приказа. Он всякий раз пытался собственным поступком опровергнуть любой запрет.

Фира пришла ко мне ночью.

— Ты с ума сошла! — закричала я. — Тебя могли увидеть.

Фира устало опустилась на краешек стула, расстегнула пальтишко и обреченно произнесла птичьим тонким голоском:

— Я согласна.

Совет был назначен тут же, в доме моей хворавшей тетушки. Старуха, прикованная к кровати, кричала по ночам дурным голосом, ела мало. Зато дни напролет читала сказки народов мира. Была у нее такая толстая книжка, подарок за ударный труд. Между чтением она мастерила из старых газет себе веера и короны, воображая себя то Золушкой, то снежной королевой, то невестой богатыря.

Нас было трое. Фира с отчаянием рассматривала себя в зеркале. По тому, как она пожимала плечами, я поняла — она так и не распознала первые признаки распада собственной жизни в зоне Глюк. Фира всем видом своим выражала непонимание катастрофы, она раз за разом разводила руками, как ребенок, потерявший дорогу к дому. Мы же замерли, точно людоеды перед завтраком, мы облизывались, глаза наши горели, особенно была счастлива Рая. Сегодня день ее триумфа! Рая деловито поставила перед Фирой карточку, и мы впились взглядами в улыбающуюся красавицу.

— Марлен Дитрих, — многозначительно произнесла Рая. — Такой фотографии ни у кого нет. Мне дядя из Кракова привез, еще до того...

Мы понимали, что нас размежевало надвое, что жизнь до зоны Глюк не повторится и только Марлен способна вернуть нас обратно, пусть и ненадолго, в то сладкое, наполненное звуками, цветом,

безопасное временное пространство. Марлен, ты смотрела на нас так, точно не было сосущего, ноющего страха, не было исчезновения Саши. Едва Фира взглянула на фотографию, как тотчас сказала: «Я согласна».

Рая многозначительно улыбнулась, дескать, другого ответа она и не ожидала.

На лице Фиры застыла детская, жалкая улыбка, точно подруга просила у всех нас прощения. И даже моя сумасшедшая тетушка прониклась некой торжественностью предстоящего действия и в помощь Фире запела чужим рыкающим голосом, таким образом, пытаясь утратить наших врагов. Это было весело! Рая раскрыла маленький чемоданчик. Сияли флаконы «Красной Москвы» и «Шипра», бигуди, щипцы, баночки и коробочки — словом, все, что можно было унести из парикмахерской, в которой Рая без усталости стригла и завивала, находилось в старом докторском саквояже. Когда Фира распустила косу и волнистый поток иссиня-черных волос хлынул на нас, я не сдержалась и захлопала в ладоши. На Марлен Дитрих было жалко смотреть. Такой плешивенькой в сравнении с Фириными кудрями нам показалась эта киношная дива с кукольным лицом. У нее было все, что пожелаешь, у нее была слава и обожание поклонников, она была счастлива (так нам тогда казалось), но главного, чего не доставало великой Марлен, — это Фирино го каскада волос цвета вороньего крыла. Густобровая, белолицая, с миндалевидным разрезом крупных, слегка навывкате, глаз, Фира казалась нам восточной царицей из древней, прочитанной тетушкой сказки. У Фиры были розовые чувственные губы, не то, что у Марлен Дитрих.

— Губы не губы, а так — одно очертание, — глубокомысленно произнесла Рая и щелкнула по фотографии. — Ничего не поделаешь, придется подгонять под оригинал, — с видом знатока, немножко подумав, прибавила она.

— Я резать не дам, — заплакала Фира.

— Успокойся, — вмешалась я в разговор, — у нас и ножа нет. Будем добиваться сходства природным путем.

— Царица Савская! — закричала тетушка. — Соломон, Соломон, где ты?

— Совсем на сказках свихнулась, — улыбнулась Рая.

Каким таким природным путем мы превратим нашу восточную красавицу и верную подругу Фирку в двойника Марлен Дитрих, я не знала, но то, что задача окажется не из легких, даже и предположить не могла. После трех часов истязаний, когда под всхлипывание Фиры мы обрезали великолепную косу, Рая, ловко орудуя ножницами, придала волосам модный силуэт. Затем она вытравила ядовитой супрой черный цвет и, наконец, торжественно произнесла в благоговейной тишине:

— А сейчас я буду делать перманент.

О, священный миг триумфа! О, великая сила парикмахерского искусства маленькой Раи из заводского поселка! Наши глаза встретились, и я шумно чмокнула в щеку раскрасневшуюся Фиру.

С фотографии на нас смотрела светловолосая с короткой стрижкой, изящная, легкая блондинка, актриса «навсегда», как говорила Раечка, «наша Марлен».

Марлен, ты поможешь нам, Марлен, ты победила Фирины черные ночи в волосах. Коротко остриженная, обесцвеченная Фирочка, перманент на голове которой был идеально уложен а-ля Марлен, чем-то отдаленно напоминала великую актрису.

— М-да, что-то мы сделали не так... Хотя твоя работа, Раечка, безупречна, — сказала я.

— А разве ты не поняла, какой промах мы совершили! — закричала Рая. — Изменения произошли, но недостаточные!

— Не трогайте меня! — вспыхнула Фира. — Я этого не переживу.

— Если не перестанешь мне мешать, с тобой будет то же, что и с Сашей.

— Мамочка! Пощадите! — завопила Фира. Когда первый приступ истерики прошел, она покорно сказала: — Я согласна.

Рая ловко вертела в руках бритву, мастерски водила ею по кожаному ремню. Она пристально рассматривала лезвие бритвы.

— Готово, — сказала Рая.

— Можно приступать к операции, — подтвердила я

Фира зажмурилась с видом человека, идущего на казнь. Я намылила ей лоб, а Рая ловко сбрила ее густые, бархатные, точно

восточные ятаганы, сросшиеся брови. И пока Фира находилась в состоянии увязшего в мутном густом отчаянии мотылька, Рая деловито возилась с желтой коробочкой. В ней что-то испортилось, пересохло и, когда, наконец, она развела краску, Фира уже не плакала. Ощущение, что огонь, горевший в ее глазах, каким-то странным образом спрессован, передалось и нам. Перед тем как приступить ко второму этапу превращения, мы взяли за руки и не отпускали друг друга ни на минуту. Чудо совершалось на глазах с каждым мазком кисточки, давшей новую жизнь тонким, как волоски, изгибам бровей. Фира все больше и больше походила на Марлен, она сроднилась с прекрасной дивой, превратившись пусть в сводную, но сестру.

— Надо бы волосы щипцами подкрутить, а я их дома забыла, — сказала Рая.

— Я сбегаю, — предложила я.

— В моей комнате на комод. Матери не говори, что я .... — Рая осеклась, но я поняла все, о чем она не могла сказать при Фире.

Я нырнула с порога в морозное, хрустящее утро и оно, утро, омыло меня мелкой снежной крупкой. Я подумала, что солнце, это большое ледяное солнце, никогда уже не проснется, что плен в зоне Глюк вечен и мне ничего не остается, как идти вперед и не останавливаться. Устойчивость и статика означали немедленную смерть. Я ввалилась в дом Рай, маленькую пристройку из самана с низкими, вровень сугробам, окошками. Быстро схватила щипцы и бросилась обратно к двери.

— Мы ничего не сделали! — принялась вопить, что есть силы, Райна мать, взлохмачено выглядывая из-под одеяла. Но, узнав меня, она переменялась в лице. — А, это ты, ведьмочка! Передай Райке, чтобы шла домой, дрянь! Сашку повесили.

— Когда?! — воскликнула я в ужасе.

— Всю ночь провисел на площади. А где Райка? Райка где? Ты не сказала! — кричала она что есть силы из-под одеяла.

— За что? — меня охватило отчаяние.

— Не такие уж простачки сидят в Башне! То-то, ведьма!

Что есть силы, дальними огородами неслась я к теткинскому дому, и ледяные слезы прожигали мои глаза. Наши взгляды встретились, и я поняла, что Рая знала о Саше.

Сходство с Марлен Дитрих льстило Фире, она вся сияла, и мы, поддавшись той перемене, что произошла в ней, тому чувству безопасности, которое она ощутила, возможно, впервые с момента появления в окольцованной зоне, всматривались в зеркало.

Исход Фиры намечался до комендантского часа. Я успела накормить тетку, прибрать за нею и сунула в ее жадные костистые руки новую книжку с очередной порцией сказок. Старуха впиалась в страницу, как пьяница в стакан. Она жадно сглатывала чудеса, собирая по крохам жизнь, разъединенную зоной отчуждения.

Когда мы втроем вышли из дома, когда миновали шлагбаум и патрульный, молодой рыжий парень, подтвердил наше право на зону Глюк, случилось чудо. Никто из солдат, сидевших тут же, на лавке, устеленной ослепительным желтым плюшевым ковром, и не шелохнулся. Точно неподвижная серая глыба, они осматривали нас без любопытства, без прежней грубости, выражая некую уклончивость и безразличие. А главное, не отделился от общей массы спрессованной бдительности тот один, не взвел курок и не крикнул, щерясь:

— Жидовка! Огонь!

Скорее наоборот, патрульный продолжал расхлябанно заигрывать с Фирой. Он сыпал остротами, Фира храбрилась и, по всему было видно, что перманент прекрасной Марлен и здесь нам помогает. Мы благополучно миновали дальнюю балку, поросшую кустами шиповника. Каждая ягода, как кровоточащая рана, напоминала мне о том, что осталось от дома.

Заброшенный сарай приветствовал меня. Он больше чем сродник, он последний и вечный соглядатай из прежней жизни. Мы втолкнули упирающуюся Фиру в сырое, поросшее паутиной пристанище.

Пуля — дура, как женщина, не знающая запретов, но бомба — женщина пьяная, шалая, сама выбирает, в чью постель лечь. А мои родители спали. Так что зона Глюк преподнесла мне подарок, насильственное сиротство. Целый квартал превратился в развалины, а сарай уцелел, как, впрочем, и одна единственная курица Марта, к которой я была очень привязана. Фира заняла место укрытия, я заколотила дверь снаружи досками крест-накрест, а Рая для надежности подперла камнем.

Посреди зоны Глюк находится Башня, огромный небоскреб цилиндрической формы, упирающийся в уходящее солнце. Башня из стекла и пластика сияет алмазным блеском, соревнуясь по красоте разве только с божьими чертогами. Усядусь на пригорке и часами наблюдаю, как невесомо вьюжится ветер вокруг нее и звезды оседают бабочками на хрустальном фасаде. Башня высилась над всеми нами. Именно отсюда руководство наблюдало за подвластной территорией, разделенной на сантиметры. Обычно к утру в окнах Башни, в которой располагалось управление, появляется множество бумажек с одним и тем же приказом, предписывающим глюковцам оставаться в своих домах, а евреям зоны выйти из «крысиных нор» и сдать властям. Не следует прятаться. Не следует сопротивляться. Всякая попытка смехотворна, от справедливого возмездия за жизнь распятого Христа никто не спасется. Наличие еврейской крови в зоне Глюк — приговор. Мы с Раей знали, что бегство из зоны Глюк практически невозможно. Другое дело — переждать лихие времена поможет тайный лаз в заброшенном сарае. Вечером того же дня, несмотря на опасность быть схваченной, Фира покинула сарай и, точно белка, впрыгнула в дом моей тетки, возбужденная, сияющая, глаза ее горели.

— Сегодня я виделась с Сашей! — воскликнула Фира с порога. Мы с Раей переглянулись.

— Да, я видела Сашу! Он приходил ко мне ночью. Мы лежали в сарае, прижавшись друг к другу, и он рассказывал, как долго искал меня.

— И где Саша сейчас? — осторожно поинтересовалась Рая.

— Я и сама удивляюсь! — беспечно воскликнула Фира. — Он целовал меня, говорил, что я очень красива, что я изменилась, но он узнает меня всегда. Он был в восторге от моего перманента! Потом весь сжался, побледнел, и в первую минуту мне стало жутко, когда он оскалился, затрясся, взгромоздился верхом на лопату и вылетел в отверстие под самой крышей. Я умоляла его вернуться и защитить меня. А потом мне стало так радостно! Саша жив, мы скоро поженимся, и тогда моя бедная мамочка, — Фира всхлипнула, — успокоится на небесах. Она переживала, что до свадьбы я утеряла свою чистоту. Ах, мамочка! Мой любимый Саша вернулся,

он не забыл свою Фиру. Он принес мне свадебный подарок! Вот, смотрите.

Фира вытащила из бездонной соломенной сумки мою Марту. Общипанную, замороженную голодом и страхом быть съеденной человеком, а таких попыток было несколько со стороны соседей, курочку Марту. Фира ловко обмотала ее шарфом и принялась качать, напевая на своем еврейском только ей понятную песенку.

— А потом налетели люди. Стали кричать, стучать, и я спряталась в яму, которую ты выкопала. Меня не нашли.

Рая набросила дырявый платок на голову и сказала:

— У нас нет больше времени. Мы уходим...

Дождавшись ночи, мы вышли к заброшенному кладбищу. Нужно сказать, что за пару лет оккупации зона отчуждения Глюк превратилась в одно большое, плотно охраняемое кладбище. Пожалуй, только Рае и мне могла придти отчаянная мысль нарушить табу, чтобы стать свободными. Я осталась в засаде за старым надгробием профессора Стукалова, моего деда, единственного славянина в семье, откуда вслушивалась в сгущавшиеся сумерки. Перед темнотой я бессильна, но мой слух никогда меня не подводил. Я безошибочно определила по шагу приближающийся патруль, крыс, что скреблись в старом склепе, ржавых собак, рвавших труп застреленного соседа Василия Кузьмича, по совместительству неудавшегося беглеца. Вот лисица лакомится вялыми ягодами шиповника, вдалеке загрохотала машина съеденной резиной по грунтовке километра за два отсюда. Еле уловимый женский крик, собаки протащили что-то тяжелое, шаг Раи и легкое притопывание Фириных маленьких ножек. Приближался патруль. Скрип сапог, выстрелы, крики, Фирин голос, шаги все ближе и ближе... Наконец кто-то навалился на меня, запах Раинового дешевого одеколona ударил под дых.

— Если бы ты не подала знак, нас бы прихлопнули. Ну и слух у тебя, подруга!

— Ты что творишь, глупая?! — набросилась я на Раю. — Мы же договорились, что вы будете ждать меня вне зоны...

Несколько минут мы молчали. Клокотал в горле гнев, Рая меня подвела! Она не должна была вернуться.

— Фира?

— Все прошло отлично.

— Как там за территорией?

— Свобода. Мир в сказочных огнях, сверкает, переливается...

Они там постоянно у зоны дежурят, ждут нас... Фиру сразу унесли на руках, а я подвела тебя. Прости меня.

— У тебя кровь, — прошептала я.

— Патрульный в меня попал! Да еще за проволоку зацепилась. Я вся протекла.

После той страшной ночи Раю свалила температура. К утру весть о Фирином побеге облетела зону Глюк. Ходили разные слухи, но толком никто ничего не знал. Тихоня Фира, еврейка, чья судьба была predetermined, некая жалкая тень зоны, носатая Фирка, как ее называла Раина мать, Фира, в которой с самого рождения не было и доли отваги, чтобы сопротивляться безумию Глюк, теперь представлялась героиней в глазах оставшихся за проволокой. Но я и Раечка знали, что дело не в Фире. Всею причиной перманент, всколыхнувший зону Глюк. Изменив черному цвету, Фира вобрала в себя солнечность волос Марлен, сделал шаг навстречу свободе.

Ни сожаления, ни разочарования, ни грусти, ни боли не видела я в Рае. Она отвернулась от мира, и мир отвернулся от нее. Так как единственный глюковский врач, мой дед профессор Стукалов, сменил землю на небо, Рае могла помочь только его дочь, моя сумасшедшая тетка, хасидка по матери, все еще верившая в чудо воскрешения. Она сутки напролет заклинала волшебниц и колдуний, читая одну сказку за другой как молитвы. Выдуманная мною причина смерти Раи от подпольного аборта была воспринята ее матерью как неизбежность наказания пропащей дочери за ночные отлучки. Когда я похоронила Раечку, мною овладели спокойствие, умиротворение и благодать, а главное — уверенность, что зона Глюк не в силах уничтожить душу, наполненную гармонией.

Да, я остаюсь в зоне Глюк вопреки поклонению Марлен, вопреки перманенту и серийности, остаюсь в травах, вымоинах от черного снега, красных закатах, цветах кермека. Вот в реке рыбий бог целует своих невест. Ковыльная степь стонет от влюбленных лис,

Стожары зовут в путь души чумаков, и радуга при первом весеннем дожде округло упирается в небо. Я слышу мир и я счастлива!

А люди... Ну что люди? Они идут и идут к границе зоны Глюк, их убивают, они поднимаются и снова идут. И так до конца.

ВАЛИК

Валик родился страдальцем. Горе питало душу, тем самым укрепляя жизненную позицию. Мир оглох вокруг него, превращаясь в засохшую жевательную резинку. Валик сплевывал дни, тянул жилы из молчания, ничему не учился. Ощущая себя жертвой, пораженный проказой вселенского несчастья, он поминутно жаждал сочувствия, вслепую пытаюсь нащупать радость в муках.

Однако парню не повезло. Никто из многочисленной родни ему не сочувствовал, слова доброго о нём не замолвил. Но, в отличие от шипящего клубка родственников, Валик искренне верил, что они сострадают, обожают, более того, нуждаются в его присутствии. Ведь он так много значит для них: он жертва войны, социального строя, мошенников, воров. Без Валика жизнь каждого оскудеет. Чужие страдания поднимают личную самооценку каждого из родственников. И стоило Валику только подумать об этом, как он ослабевал от собственной значимости. Даже оттенок сомнения по поводу преданности кровников ему не ведом, что само по себе уже счастье, пусть даже бескостное.

Снаряды, точно большие брюхатые звери со скрежетом ложатся на землю. А потом они шрапнелью-дождем разносят весть о своем прибытии в мир живых. И тогда происходит неизбежное. Дом умирает вместе с хозяином. Но не только дом, умирают вещи, теряя прежнюю подвижность, уходят солнечные блики, пыль, выпорхнув из форточки, уже не принадлежит погрустневшим предметам. Ведь в мертвом доме вещи не могут оставаться живыми.

И тогда наступает острая потребность вмешаться в происходящее, став частью страдания.

— Валик звонит, — шепчет с придыханием женщина. — Или родители погибли, или дом сгорел. — Зачем он звонит?! Господи!

Валик — вестник страданий. Родной брат Харона из Тартара.

По мнению Валика, злых предметов в разрушенных домах значительно больше, чем добрых. Но почему это так? У каждой вещи есть память. И эта память не всегда приносит искреннее умиротворение и покой.

Как туман оседает каплями вязкой влаги на наши одежды, так грусть мороком проникала в душу Валика. Но, к своей чести, он справился с этим страшным недугом, лишив поочередно каждый разбомбленный дом мертвых предметов. Обобрал до последнего гвоздика. К войне привыкнуть противоестественно, жажда выживания пробивается в нас сквозь изрезанные осколками поры на коже. И тогда ты ужасаешься простоте, с которой вещи, знакомые с детства, вещи, определявшие движение крови в сосудах, вещи, пусть умершие, предали тебя. Не осталось ни материнского дыхания в ярких шалях, ни отцовской грубости в старых стульях. Ничего. Что не сгорело, позаимствовал Валик.

И вот к нему, как бандероль, пришёл остаток недоданного счастья.

Каким ветром Ларису занесло на его огород? После дождя остро пахнут цветы, ветер гуляет рябью по воде в старой бочке, а небо синью ложится на плечи. Грудастая нимфа в калошах активно присваивала чужие помидоры «Бычье сердце». Валику бы применить излюбленный метод борьбы с ворами: облить зеленкой, купоросом, пальнуть из берданки солью. Но он позволил женщине лакомиться салатиком. С этого самого момента и начался долгоиграющий роман губастого Валика и рыжей Ларисы. От женщины пахло помидорной ботвой, приторным запахом созревшего лета. Она не просто крала чужое, она отнимала у Валика покой. То примитивное душевное равновесие, которым он так гордился.

Валик таскал ей конфеты, целовал в укромных местах, смял все сено в округе. Он был счастлив скорее не от самого счастья, а от отчаяния. Лариса сокращала расстояние между ним и его свободой. Едва мамаша Валика заводила разговор о свадьбе, как он тут же отвечал:

— И при чем тут свадьба? Вы же не строите планов на будущее, когда я иду на рыбалку. Просто мне нравится это занятие с Ларисой.

Каждое дело имеет начало, но не всегда окончание это — то самое, на что рассчитывает человек. В завершении присутствует элемент предательства самого себя. Лариса при всей ее широте бедер, косою сажени в плечах и легкой, почти парящей походке, от которой у Валика дергался правый глаз, понимала, что развиваться любовный роман без помех не может. Время меняет, крошит, перекраивает на свой манер их с Валиком взаимоотношения. С каждым днем она становилась все более нетерпеливой, чаще заводила разговор о доме за балкой, наследстве матери, где они бы с Валиком могли зажить счастливой семейной парой.

А вскоре их маленький шахтерский поселок, вовлеченный в сложный процесс политического противостояния, обстреляли вначале гаубицами, а затем установками «Град». Когда впервые снаряд снес теплицу в огороде Валика, он так и не понял, почему именно к нему погибель заглянула на огонек в XXI веке. Смерть, она ведь тоже жить хочет в нас, в людях. Она может погостить у соседа, у любого из родственников, но только не у меня. Каждый верит свято, он особенный, горе пройдет стороной, не коснется. И Валик не исключение.

Просидев до позднего вечера в яме с мусором, Валик остался жив, но оглушительно вонял. Этот запах сделался для него чем-то вроде навязчивой мании. Едва заслышав залпы орудий, начал дергаться еще и левый глаз. Приторный запах отхожего места вдруг брал за горло не давая покоя. Он пытался достучаться до президента страны. Включал телевизор и кулаком гатил по крышке. Но президент говорил, говорил, говорил. Понял только одно, он, Валик, лишняя деталь в огромной машине страны.

Койки в погребах устраивались в два яруса. Вместить всех страждущих сложно, пока один лежит наверху, другой внизу, а вместе, кто сидя, кто покато, с каждым выпущенным снарядом, подхваченные взрывной волной, летят вместе с родной страной в преисподнюю.

Мамаша Валика перед очередным обстрелом демонстрировала боевую готовность, а именно жарила оладьи. Она нервно переворачивала их на сковороде, лила пахучее подсолнечное масло, ловко слизывала языком последнюю каплю с горлышка бутылки.

Первый залп приводил мамашу в сильнейшее волнение, отчего олады подгорали. И только когда Лариса постукивала костяшками пальцев об оконную раму, старуха приободрялась, в глазах ее образовывался лукавый блеск.

С утра шипящие звуки орудий напоминали фейерверк. Пахло паленым саманом, землей, старым тряпками. Увы, погреб Валика не мог вместить в себя даже хозяина. Родители перебежками бросились к сестре, а Валик к крестному (не пустил), к соседу (каков хам!); показал кукиш и скрылся под землей. И только Лариса раскрыла свои жаркие объятия.

Женщина восседала на деревянном крыльце и красила ногти.

— Ну, — спросила Лариса, — что ты решил?

Валик как-то сразу осекся и замолчал. Лариса оглядела мужчину своей мечты и тут же подумала, что не лучше дожидаться, когда закончатся снаряды у армии. Засев по балкам и ярам, солдаты начнут свой обед, и Валик в образовавшейся тишине воспрянет духом, что позволит ему, наконец, принять решение. Лариса улыбнулась так, как могла улыбаться только она: «продавливать» поставленную цель и просить прощения одновременно.

— Заходи, — показала в сторону подвала.

В подвале было уютно. Выбеленные стены, деревянные полати, вино в бутылки играло свою мелодию, хрустел огурец в кадушке, пьяная слива спала в макитре. Лариса продолжила красить ногти, бесстрастно поглядывая, как на полках пляшут трусливые банки варенья.

— Сильно бомбят, — прошептал Валик, чтобы избежать предстоящего объяснения с Ларисой, но та мягкой ладонью провела по его волосам, и прижалась к нему теплым, пахнущим вишней, летними смолами телом. От нее исходил запах некой благодати, сердце сжалось от любви.

— Пойду, погляжу, кончилась ли бомбежка. Не ровен час, еще тебя зацепит, любимый...

Лариса все не возвращалась, Валик разомлел от квашеных слив и задремал.

И даже во сне он старался себя приободрить, убеждая, что еще не время жениться, хотя любовь к Ларочке скрутила его по

рукам и ногам. Она роскошная женщина, но стоит ли того чтобы он, любимец и баловень жертвовал своей свободой? Сейчас у него болит голова, он очень хочет спать, ну а потом он вернется к разговору о сливах, бомбежках, независимости своей одной единственной области и уж никак не о женитьбе.

Проснулся Валик, когда на часах было пять. Без утренней яичницы с маслом он выполз из погребка. На улице было удивительно тихо. На том месте, где стоял дом Ларисы, зияла остывшая воронка. Он подошел поближе и осторожно, затаив дыхание заглянул в черное месиво.

Подернутому жаром небу, кузнечикам трубившим славу утренней росе, эмалевому рассвету над грядками моркови не было дело до ненависти, с которой люди истребляют друг друга. Под листьями лопуха он увидел руку с крашеными ногтями. Все, что осталось от Ларисы, было отдано на откуп вороватым курам, разгребавшим кучи то там, то здесь. Лариса была многообещающе широка и красива и погибла так же прекрасно. Она была повсюду: на грядке клубники, среди кустов чайной розы; волосами она зацепилась за жасминовый куст, сливаясь синью глаз с небом бездонных, перистых облаков. Он внезапно ощутил странную боль в каждой клетке своего тела, точно не Ларису разорвал на части снаряд, а его.

Когда Валик вернулся домой, мамаша уже знала о трагедии.

— Бедняжка, — плаксиво произнесла она

— Зато не будет тащить меня в загс, — огрызнулся Валик. — Изловила и в погреб повела. Вот липучка, эта Лариса, — пожаловался он по привычке, постно поджимая губы.

В комнате воцарилось зловещее молчание. И только Валик, переживший очередной обстрел, смерть любимой женщины, не припал душой к этой напряженной мутной тишине. Доедая остатки оладий, он заглатывал сметану, шумно и жадно. Оладьи напоминали ему по форме человеческое сердце.

— Валик, мы завтра с отцом уходим с беженцами. Твой дядька договорился насчет машины, — тихо сказала мамаша.

— Да, — произнес Валик. — Я готов.

— Чего? — пробурчал отец — Только не думай, пожалуйста, что поедешь с нами. Выбирайся сам!

Валик не поверил своим ушам. С большим трудом доковылял он к крестному, но тот только пожал плечами и захлопнул дверь перед носом. То же произошло и у брата. Все отказались от него. А ведь он был так убежден, что крепче, чем родня, его никто не любит на этом свете.

Луна своей тяжестью продавливала небесный свод, звезды осыпались на голову Валика. Слегка покачиваясь из стороны в сторону, он тихо подвывал, прижимая к груди дедовскую берданку. Он поглаживал шершавой ладонью приклад, сопли текли по щекам, а перед глазами стояла Лариса.

Валик ушел на войну.

ДВЕ ЗАТЯЖКИ

— Держись, Серёга... держись. Осталось совсем немного — вот это поле перейти, а там и больница рядом, — рычал от боли Димон. — Сука, снайпер, достал. Тебя-то за что? Ни дня не воевал, покурить вышел во двор. Снял, сука, — продолжал орать Димон от злости, ненависти, тяжести и боли.

Парнягу надо донести до больницы во что бы то ни стало. Кровавое пятно на полотенце постепенно увеличивалось в размерах. Только бы выжил. Двадцать лет парню. Пацан ещё: ни одного патрона не израсходовал. Шубутной был, как ребёнок. С первой встречи всем понравился. Сгущёнку банками выпивал без кипятка. Ребёнок, да и только.

* * *

Сергей любил рассказывать, как от матери на войну сбежал. А она сердцем чуяла — ни на шаг от себя не отпускала, заваливала его домашними хлопотами. Да разве мужика коврижками удержишь, если автомат по ночам снится, если гибнут невинные старики, женщины, дети. Друзья говорили:

— Дурак, куда ты лезешь? Без тебя хватает солдат настоящих, а тебя ещё обучать надо.

— Не надо меня обучать. Злость — вот главный учитель и главное правило на войне.

— Мам, я пойду кота поищу. Сбежал паразит куда-то. Замёрзнет.

Мать ничего не поняла. Только сын не вернулся ни с котом, ни без него...

* * *

Не дал снайпер пацану разозлиться как следует — со второй затяжки снял. У снайперов негласное правило есть: увидел огонёк

сигареты — прицелился. Повторился огонёк — стреляй. Не промахнешь. Любители покурить со второй затяжки падают подкошенные на землю.

* * *

Андрей и Димка осторожно уложили Сергея на носилки, предварительно перетянув его живот длинным полотенцем. Чтобы попасть в ближайшую больницу, надо было пройти через заросшее поле. Стерня стояла по пояс. Ребята шли напролом. Кое-где из земли торчали сухие подсолнухи, где-то остатки кукурузы. Обходить весь сухостой не было ни секунды времени. Рванув с земли носилки, пацаны побежали к больнице.

— Серёга, терпи, — прошептал Андрей. Он нёс носилки сзади, и ему хорошо было видно, как побелело, а затем начало желтеть лицо парня, как чёрная струйка крови стекла изо рта на подбородок, а затем скользнула к шее.

Димка этого видеть не мог. Он смотрел всю дорогу под ноги, прислушиваясь к боли, которая не давала нормально передвигать ногами.

— Андрюх, я ща упаду.

— Сдурел! Тащи! — взревел Андрей.

— Спина... проклятая спина...

Каждый шаг давался Димону всё труднее: отнимались ноги, боль доставала до мозга. Ещё немного и он с носилками рухнет на землю.

— Дим, может, я его на себе потащу? — отозвался Андрей. — Ты совсем валишься.

— А кишки куда денешь?

— Мы ж его собрали всего и затащили полотенцем, — ответил Андрей, поглядывая на окровавленное полотенце.

— Тащи давай, деятьель, — огрызнулся Димон. — Мало осталось — полдороги уже пронесли. Хорошо, что поле не убрано. Представь: тащили бы по пахоте.

— Серёга, ты дыши. Слышишь? Не вздумай, твою мать, загнуться. Не имеешь права.

Димон всё-таки рухнул у порога больницы. Спина не выдержала. Кому сказать — свалился не от пули, а по собственной

глупости. Неудачно схватил носилки и в этот момент в позвоночнике что-то щёлкнуло. В спешке, в горячке не обратил внимания, а потом было поздно. Всё было поздно, кроме одного — сохранить жизнь товарищу.

Серёга тяжело дышал. Никакого стона, никаких воплей. Просто дышал.

— Сука снайпер. Пацана на мушку взять. Отстрелить бы ему...

— Ставь носилки, Дим.

Ребята осторожно поставили носилки на порог больницы и в этот момент к ним подбежали санитары в белых халатах и унесли парня в операционную, которая всегда была готова принять любых пациентов в любое время суток. Оставшиеся два хирурга и анестезиолог давно забыли о сне и покое. После победы отдохнут.

— Что отстрелить? — спросила одна из медсестричек, подходя к ребятам.

Димон так и не договорил. Он лежал на полу тьюфяком. Силы покинули в ту же минуту, как только он освободился от носилок. Сестрички дружно подняли его и потащили в коридор больницы.

«И откуда у них силы тянуть стокилограммовую тушу? — снова подумал Димон и сполз на пол.

— Эй, солдат, не дури, — прикрикнула на него медсестричка.

— Думаешь, я с тобой справлюсь? Доктор!

— Ну, и что тут у нас происходит? — вышел из палаты доктор.

— Смертельный случай?

Он спокойно снял с парня куртку, поднимая по очереди то левую, то правую руки, при этом внимательно вглядываясь в зрачки пациента.

— Давай-ка мы повалеемся на полу, — не дожидаясь ответа, доктор аккуратно уложил Диму лицом вниз.

Процедура длилась не более минуты.

— М-м-м... — взвыл Димон от резкой боли и повернулся на бок.

— Вот и славно, — сказал доктор. — Развалился тут, понимаешь, пройти негде. Сестрички, что тут у вас происходит?

Доктор заторопился в палату, оставив Димона в недоумении.

— Ну, у вас и доктор, девочки! Что это было?

— У нас настоящие специалисты. Всех на ноги поставят. Он по спинальникам у нас настоящий спец!

— Молодые люди, это вы принесли раненного? — вышел из операционной доктор.

— Мы, — в два голоса ответили солдаты, переглянувшись. — С ним всё в порядке? Успели?

— Не выдержал... большая потеря крови и рана, не совместимая с жизнью.

— Суки! — стукнул кулаком о стену Андрей. — Убили...

— Вы здесь не причём. Вы сделали всё, что могли в данной ситуации. Кто его так ловко?

— Снайпер.

— На то он и снайпер, чтобы никогда не оставлять шанса на выживание.

* * *

К месту дислокации ребята шли молча. Война живёт по своим законам и ей плевать на то, что не все знают главный пункт выживания — осторожность.

— Осторожно! — вскрикнул Андрей, рванув Димона за руку в сторону. — Мина.

— Б...! — сплюнул в бешенстве друг. Забыл. Тащили дружба-на через минное поле. Как мы не вляпались?

— Потому что спасали пацана. Ладно, остынь. Это тяжёлые противотанковые мины. Нам бы ничего не было, если бы случайно наткнулись на неё.

— Не спасли... ты, это... под ноги внимательнее смотри. В этом деле главное — осторожность.

— Эй, ты кто? — Димон удивлённо повернулся к Андрею, кивнув головой в сторону незнакомца.

— Новенький. Серёгой зовут.

— Ну-ну, Серёга. Покурить вышел? А ну марш в укрытие! — рявкнул Димон на пацана. — Серёга он. Кому сказал, марш!

— Дим, ты чего? — опешил Андрей.

— Таскай тут каждого курильщика по медпунктам с больной спиной.

— Серёга, ты Дмитрия слушай. Он зверь. Сказал — сделал, — грозно посмотрел на новенького Андрей.

— Да не курю я. Бросил ещё в детстве.

— Ложись! — заорал Димон.

Новенький свалился тюфяком под ноги.

— То-то, — улыбнулся Димон. В нашем деле главное...

— Слух, — выпалил новенький. — Орать-то зачем?

— Ос-то-рож-ность! Понятно? Пуля, она ведь действительно без мозгов. Живи, пацан. И не кури. Лады?

— Лады, — отряхнулся от сухой травы Серёга. Ну и бригада мне досталась.

— Ты что-то сказал?

— Я рад, что попал в этот отряд, — вытянулся по струнке новенький и заржал, понимая, что действительно попал. — Курить дадите?

— Вон там, видишь, крыша дома, покрытая красной черепицей?

— Вижу.

— Снайпер там. Не курит, гад.

— Я его сниму.

— Не смеди, — улыбнулся Димон.

— Я тоже снайпер. Я не курю.

Ребята переглянулись. Андрей подтолкнул парня в спину:

— Айда в укрытие. Сгущёнки хочешь?

— Ещё бы!

— Вот и договорились.

ДОНЕЦКИЙ РЕКВИЕМ

Погибшим женщинам и детям Донбасса

1

И всё-таки их убили! Я боялся этого последние полгода. С тех пор, как появились первые видео погибших. С их стороны это скотство... накрыть их в нашей спальне... а меня оставить... Зачем? Чтобы отомстил? Толку-то?.. Надо было раньше мочить всех, кто припёрся к нам... Всех подряд. Может, я и завалил бы того ублюдка, который убил их...

2

Жил, словно черновик писал, а потом снаряд пробил стену и поставил кровавую точку в моих отношениях с нею. И то, что казалось мне черновиком, который можно ещё сто раз переписать, превратилось в чистовик, в котором уже ничего нельзя исправить. Для неё мой черновик стал чистовиком, который Она унесла с собой. А я сижу, перебираю воспоминания и жалею о том, что там мог сказать, а здесь сделать, чтоб показать как я люблю её. Мог, и не сказал, не сделал... А теперь вою, как та собака между рельсами с отрезанной трамваем задней ногой...

Они взорвали мою жизнь, разрушили вместе с нашим домом, сожгли с нашим имуществом. У меня не осталось её вещей. Я мог бы прижать их к лицу и, закрыв глаза, вдыхать родной запах. Всё теперь воняет гарью, запах которой преследует меня, особенно, когда засыпаю...

3

Я увидел её на почте. В шортах. Она наклонилась к окошку, держа за руку дочь. Я с удовольствием скользнул взглядом по упруго вздувшимся под тонкой красной тканью округлостям. Она

была хозяйкой моих любимых женских форм, вид которых действовал на меня как наркотик.

Стоило мне увидеть «мои» формы женского тела, как крышу у меня срывало, и я следовал за ними как заколдованный. Сексуальных маньяков я понимал нутром. До встречи с нею я был их адаптированной, легитимной версией. Психическую и физическую зависимость от женского тела я изучил на себе. Не всех форм, а строго определённых. Огромное количество женских тел для меня словно бы и не существовало. Ощущения при виде «моего» женского тела, походили на ощущения, возникавшие при виде произведений искусства, но от женского тела «приход» был острее и приятнее. Наркогенность женского тела была для меня выше, чем алкоголя и наркотиков. И гораздо выше, чем произведений искусства. Слова «холодно цветам ночами в хрустале» грели меня, но это тепло было едва уловимым. Требовало особых, социальных условий. «Приход», возникающий во мне при виде округлых, упругих женских ягодиц, был биологическим, первичным. Я был изначально «заточен» под него. Вид женской плоти запускал во мне предчувствие наслаждения, которое я должен был получить. Кому-то нужны власть, деньги, наркотики, а мне женские ручки, ножки, шейки, аккуратно закрученные ушки и всё остальное, тщательно вымытое, подстриженное, выбритое, надушенное и подкрашенное. Вид живого, тёплого, мыслящего, разговаривающего, смеющегося, самодвижущегося женского великолепия восторгал меня. Что разгоралось из моего желания обладать женским телом, зависело от хозяек его. Они могли перевести мой восторг в мимолётный секс, освобождающий меня от приятно-тягостного напряжения или вырастить из него любовную страсть, о существовании которой я не догадывался, и которая ломала мне шею и крылья. Часто «мои ягодицы» доставались, бог знает кому. Очаровательная хозяйка поворачивалась, и подъём настроения и оживление сменялись разочарованием. Я тогда ходил на алкаша, хлебнувшего воду из горла купленной им бутылки водки.

Она облагородила и обуздала мою похоть, направила её на себя. Как-то незаметно все «мои» формы женского тела перестали привлекать меня, стали чужими. Они вдруг обмельчали, и я уже

не мог нырнуть в них с головой. Они стали красивым хрустальным флаконом без духов. Она показала мне разницу между любимыми и не любимыми женскими телами. Её тело было родным, близким, моим, лучшей частью моего тела... Она меня вылечила, закодировала.

Когда б вы знали, из какого сора растёт любовь, не ведая стыда. Из сора моих половых желаний выросло чувство, которое дороже всех святынь...

Как же мне её не хватает! Я не могу говорить о ней в прошлом! Я могу болтать на отвлечённые темы, но не о том, что они с ней сделали за полчаса моего отсутствия.

Легко советовать: «Притворись и говори так, словно ты рассказываешь чужую историю, словно ты сценарий пишешь или фильм снимаешь».

Может, найти литературного раба?

4

Они идут по набережной сентябрьской Ялты мимо памятника Анне Сергеевне и Гурову. Бронзовая собачка бежит у их ног. Мамы с плачущими детишками рассосались. Огороженное ажурной оградой море не заметило этого. Оно дышит мокрой грудью и шлёпает солёными губами по бетонным плитам. Справа тянутся лавочки, в которых торгуют сувенирами. Она подходит, выбирает дочке магнит с видом Ялты и от нечего делать принимается мерить тюбетейки, бескозырки, косынки. Её красивая голова украшает то один, то другой головной убор. Проходящие мимо женщины, останавливаются, с улыбкой принимаются примерять косынки, бескозырки. После одной, двух примерок разочарованно смотрят в зеркало и обиженно уходят, недоумевающе оглядываясь. Белая, ажурная татарская тюбетейка, надетая на два чёрных крыла её волос, аккуратно сложенных на голове, снова притягивает взгляды, проходящих мимо.

— Супер! — говорит Он. — Берём. Ты будешь моей королевой.

Она не спеша рассматривает своё отражение в единственном зеркале после того, как рой завистниц, оттеснивших её, поредел. Поворачивает красивую голову то вправо, то влево.

— Дорого. И к чему я буду её носить? — размышляет вслух.

— Какая разница? Ты в ней восхитительна.

— Для тебя, я и без неё должна быть восхитительна, — назидательно говорит Она.

— Без неё и особенно без... ты мне нравишься ещё больше.

Она наизусть знает его пошлые шутки, периодически делает замечания, но сейчас едва заметно краснеет. Её взгляд на мгновение останавливается, дыхание замирает... Глубоко вздохнув, Она встряхивает головой и освобождается от неуместных любовных воспоминаний. Трезвым, отстранённым взглядом снова смотрит на своё отражение в зеркале и вертит головой.

— Носить всё-таки потом будет некуда, — говорит Она.

— Потом меня не интересуется. Сегодня ты будешь восточной принцессой, которую я украду.

— Ты меня украл ещё три года назад.

— Ещё раз украду. Берём, — говорит Он продавщице и достаёт из кармана деньги.

5

Они поднимаются на гору мимо виноградников. По пыльной, глинистой тропинке. Слева Чёрное в серебряных переливах море. Справа пологая гора. Вверху сентябрьское солнце, которое Она любит. Перед ним крепкие, чуть коротковатые, бритые ноги, с ухоженными, но уже запылёнными пяточками, упругие, круглые ягодички, тонко изгибающаяся на каждом шагу талия. Всё это богатство, его телесное счастье красиво и ладно движется впереди.

«Спина тренированная», — довольно думает Он, наблюдая, как под золотистой кожей то на левой, то на правой половине поясицы, попеременно вздуваются вертикальные валики мышц. Их хочется погладить, поцеловать, струсить прилипшие песчинки. «Красивое всё-таки животное — человек», — думает Он, по-хозяйски рассматривая её тело и вслух говоря:

— Куда идём — не знаю.

— Куда-нибудь да придём, — весело, бездумно отвечает Она.

— Тяжело? — интересуется Он, слыша её дыхание.

- Пока нет.
- Скажи, когда устанешь.
- Угу...

На море штиль, над головой слепящее солнце. Из серебристого самолётника, рисующего высоко вверху белую полосу их не видно. Для пассажиров и экипажа их на Земле нет.

6

Обедают они в дешёвом кафе, на террасе, которая нависает над набережной. Садятся за ближайший к морю столик, спиной к залу. Перед ними море до самого горизонта. Заказывают два супа и сто пятьдесят грамм водки, которую пьют маленькими глотками. Пока опустошают пузатенький, прозрачный графинчик, чокаются раз сто, говоря друг другу самые красивые слова, которые знают. Со стороны всё звучит банально, но для них слова, море, солнце, чайки наполнены особым, только им открытым смыслом. Когда же ничтожность шёпотом усиленных слов становится кричащей, они замолкают, смотрят, не отрываясь, друг на друга и, словно совершая таинство, медленно пьют огненную воду.

- За тебя, — шепчет Она.
- За нас, — отвечает Он.

Большая грязно-белая чайка, словно циничная и неопрятная крымская хозяйка ходит по краю террасы. Она их не знает, и знать ничего не хочет, кроме чаевых. Как не знает их никто из живущих и отдыхающих на этой кромке моря. Они же, не замечая никого, гуляют в вымышленном ими раю, держась за руки, как дети. Иногда Он, словно просыпаясь, смотрит на себя со стороны и подсмеивается, но, даже проснувшись, чувствует непреодолимое желание касаться её постоянно.

Он бы с радостью уменьшил её до размера мизинца, чтобы постоянно носить в кармане, поглаживая пальцами. Или за щекой. Маленькую как вишнёвую косточку. Чтобы чувствовать во рту вкус её тела, вдыхать запах, осторожно держать губами, медленно поворачивая кончиком языка, пожимать зубами и снова, привычным движением, прятать за щёку...

7

Они берут напрокат лодку и плывут в открытое море, «в Турцию». Он на вёслах. Она на сиденье перед ним. Плечи её видны сквозь лёгкое парео. Она откровенно любитесь им. Он, замечая её взгляд, гребёт, ещё усерднее напрягая мышцы. Море спокойно. Лучи солнца блестящими лентами уходят в голубовато-прозрачную толщу воды, стекающую с ободранных вёсел. Он гребёт и с каждой секундой они приближаются к своему донецкому будущему, в котором с трагической и ясной очевидностью проявится их характер, силу которого они пока ещё не знают сами. Не ведают, что о Донбассе будут писать книги, снимать фильмы... Пройдут их путь, попытаюсь понять и вжиться, стараясь воссоздать...

8

— А поцеловаться...

Она любит целоваться, а Он полюбил всё то, что любит Она. Это его удивляет и забавляет. Они целуются не спеша. Когда её губы распухают, Он целует её лицо, шею, уши... очень осторожно веки... Кончиком языка проводит по краешку покрасневших, распухших губ... Вдруг Она резко отводит лицо, открывает глаза и начинает сосредоточенно потирать зубами верхнюю губу и обливать её языком. Он выжидающе смотрит, догадываясь о её ощущениях.

— Зацепил на губе какую-то точку. Как током ударило, — извиняюсь, объясняет Она. — Сейчас проходит и даже хорошо.

— Ещё поискать?

— Не-е. На сегодня хватит. У меня и так уже голова кружится.

9

Он уже не помнит, как начались их интимные отношения. Конечно, с прикосновений, с поглаживаний... Первый раз Он зашёл к ней на Восьмое марта, с самым банальным набором: шампанское, конфеты, цветы. Он приходил с аналогичным набором к другим. И не раз. Это была цена разового абонемента. Пришёл в тренажёрный зал с лёгким замиранием сердца, предвкушая удовольствие от серии восхитительных упражнений на любимом, но ещё

неизведанном тренажёре. Это был его любимый вид спорта, в котором Он считал себя (с учётом международных встреч) мастером спорта международного класса. «Два-три подхода и домой», — цинично думал Он, — «до двенадцати успею». Она уложила дочь, и они впервые по-настоящему поцеловались...

Тайсон говорил: «У каждого есть план на бой, до тех пор, пока в него не попадут».

У него тоже был план на вечер... и даже на жизнь...

10

Боже мой, как Она пахла! Какие у неё были губы! Как я любил звук её голоса! Все чудеса света в ней одной. Какое счастье было знать её! Кроме этого мне в жизни ничего и не надо было. Она была моим лучшим достижением, главной наградой. Всё остальное такая ерунда! Тараканьи бега. Паучья суета. Крысиные заботы. И я потерял её! Так глупо, преждевременно и необязательно... Кто-то наверху дёргает ниточки, наслаждается деньгами и властью, а внизу гибнут женщины и дети, разрушаются миры и жизни...

Они любили меня. Я любил их. А украинский солдат их уничтожил. Убил как животных на живодёрне. Оставил на кровати её окровавленное тело без ног, засыпанное штукатуркой и обломками кирпича... Рядом, в проходе, между стеной и кроватью, под выбитой оконной рамой — тело дочери с оторванной правой рукой и кровавым месивом вместо лица и головы...

Я видел это. И пережил. Не повесился, не застрелился, не сошёл с ума...

Теперь живу ради зарубок. Мне нравится гладить их пальцами. Я украшу ими весь приклад. Уверен, что они видят меня и одобряют.

11

Я вспоминаю тысячу пустяков и каждая мелочь, связанная с нею, кажется мне бесценной. Шутя, Она говорила: «Если бы у меня были такие красивые ноги и ягодички, как у тебя, то я бы на тебя и не посмотрела». Я радовался тому, что Она считала свои

ноги короткими и толстыми, ягоды жирными, нос длинным и не принимала мои возражения. Говорила, что я необъективный судья. Я же не сильно спорил, думая, чем больше у неё будет мнимых дефектов, тем надёжнее Она будет только моей. У меня-то от её коротких ног и толстых ягодичек в зобу дыхание сперало. Я её подушками любовался в любых наволочках и без. Живя с ней, я понял, насколько придирчиво и критично Она относилась к своей внешности. Излишняя придирчивость прекрасно уживалась в ней с самолюбованием. Она по-детски считала, что меха, бриллианты и дорогие машины украшают её. Мы оба любили дорогие духи и одеколоны. Подолгу выбирали их в магазинах, нюхая зёрна кофе, даже когда ничего не собирались покупать. Хотя в магазинах я обычно скучал и любовался её оживлением. По моим (до встречи с ней) меркам Она была плохо образованна. Редко читала книги, не слушала классическую музыку, не разбиралась в живописи. Я только сейчас понял, что женщинам и произведениям искусства это не нужно...

Джоконда не разбиралась в живописи, а Она любила футбол, семечки, таранку с пивом, хождения по магазинам и дурацкие передачи, типа «Рассмеши комика»...

12

Не помню, когда я обнаружил, что совершенно не брезгую её телом. Помню удивление от этого. Я не люблю, когда люди прикасаются к моему телу. Иногда, после рукопожатия иду мыть руки. А тут... Я даже дочерью её не брезговал. Доедал после неё и сок допивал. Я не любил, когда мать целовала меня в щёку. Всегда вытирал её слюни. После брата с сестрой никогда не доедал. Брат пользовался этим в детских корыстных целях. Обычно он, лизнув свои пальцы, дотрагивался до моих яблок и конфет и спокойно забирал их себе, а я, чувствуя себя ограбленным, убегал плакать. Она же кусала моё яблоко, совала мне в рот своё, и я не чувствовал отвращения. Я стал с нею одним телом и эта новая часть моего тела (в отличие от старой) была весёлой, жизнерадостной, терпеливой к боли и не брезгливой. Она ходила со мной в тренажёрный зал, даже истекая кровью. Как-то, не поверив ей,

я увидел в душе ниточку. Меня же смертельно ранила любая простуда, во время которой Она терпеливо выхаживала меня. Теперь лучшую, любимейшую часть моего тела оторвали от меня осколками...

13

Мы любили телесную возню, самые невероятные переплетения тел.

Я затрудняюсь описать то, что доставляло мне такое удовольствие потому, что для описания индивидуального (мои чувства) сочетанием общего (слова) нужен талант. При отсутствии его со словами, путешествующими из головы на бумагу, происходит ряд волшебных изменений. Выходя из моей головы красивыми, возвышенными, одухотворёнными слова зачем-то заезжают в дешёвую, прокуренную гостиницу «на пару часов» и ночуют на запятнанных, заплёванных простынях. Утром, не умывшись, не почистив зубы, они продолжают путь к бумаге. Попав на неё, они уже выглядят заезженными, затёртыми, изношенными и звучат пошло. Даже слабых следов былой красоты, возвышенности и одухотворённости на них нет.

Я не могу сложить мозаику из слов, которая бы отражала то, что я чувствовал и переживал. Не могу описать мои ощущения, не могу передать моё настроение, почти молитвенное... Я просто Герасим, не способный рассказать о своём счастье и горе.

Как Она была красива! Я не становился перед нею на колени и не молился только потому, что не молился вообще.

Обычно мы начинали целоваться ещё одетыми и не спешили. Разбрасывания одежды, соития в коридоре или лифте, как в фильмах голливудских режиссёров, страдающих импотенцией, у нас не было. Даже после долгой разлуки. Выпить залпом, не почувствовав вкус дорогого напитка, а потом курить, рассматривая дно пустого стакана? Мы наслаждались друг другом не спеша, слизывая прелюдию, и доводя друг друга... до головокружения при попытке вернуться в вертикальный мир. Для разнообразия мы иногда глотали любовный напиток залпом, но, любя свободное парение, предпочитали затяжные прыжки...

Жизнь человека словно ребус, который при жизни — разгадать не дано. Только после смерти проступают все знаки, буквы и поступки. Чётко, рельефно, выпукло. Внутреннюю красоту её я увидел с опозданием, которое нельзя исправить. Сквозь слёзы поступки её приобрели законченность, завершённость. Я понял, как Она любила меня и баловала. С собой, своим вниманием и заботой, своими подарками... Она продумывала тысячу мелочей, которые, по её мнению, могли мне понравиться и сделать мою жизнь приятнее... Я даже не замечал, как они входили в мою жизнь, становились её частью, окружали меня невидимым, защитным коконом женской заботы.

Всё значение её в моей жизни я осознал, когда миллионы невидимых нитей, которыми моя жизнь срослась с её жизнью, вдруг оборвались. И нет сил, чтобы их склеить.

Где Она сейчас? В каких странах? На каких небесах? До сорока дней, говорят, душа её остаётся на земле. Может быть, видит меня. Видит, как я вырезаю зарубки... Ах, если бы можно было вырезать десяток, сотню, тысячу зарубок и оживить её? Тогда бы я работал быстрее и охотнее, дни и ночи... Тогда бы каждое движение ножом приближало меня к ней...

Самое ужасное, что ничего особенного для Донецка со мной не случилось. Я один из многих. Они всего лишь жертвы «большой политики». Всего лишь очередные трупы, осквернённые украинской и мировой ложью, списанные на донецких террористов и российских военных. Эта ложь над их могилой оскорбляет меня, оскорбляет их память. Я хочу кричать на весь мир о том, что их убили украинские военные, украинские избиратели, проголосовавшие за Порошенко, но меня никто не слышит...

Вчера мне позвонила её подруга. Сказала, что предлагала ей переехать в более спокойный район Донецка. (Она мне об этом не говорила.) Плакала в трубку, что её лисичка погибла, что она не может в это поверить и прочее. Я никогда не называл её лисичкой. Даже не знал, что кто-то так называет её. Что-то в ней было от лисички, особенно когда Она смеялась...

15

Мы открываем сезон: сидим в парке и пьём пиво с орешками. Первое пиво в этом году. Весеннее солнце пригревает спину и затылок. Небо синее сквозь жидкие кроны деревьев и в просветах между ними. Женщины ведут за руку детей, мужчины — женщин. Подростки катаются на велосипедах и скейте. Кто-то сзади весело кричит. По бутылке мы уже выпили. Я приношу ещё две и свинчиваю крышки.

— За всё хорошее, — дотрагиваюсь до её бутылки донышком своей.

— С весной тебя.

Я одним движением отливаю в рот полноценный глоток пива. Она по-женски смешно вытягивает шею и губы к горлышку бутылки, из которой пытается пить как из узкого стакана.

— Когда я тебя научу пить пиво из бутылки?

— Чему б хорошему научил, — с досадой говорит Она, вытирая платком подбородок и шею.

— Пиво из горла вкуснее.

— Я воспитанная женщина, и пить пиво из горлышка не приучена. Лучше б стаканчики купил.

— Надо работать над расширением диапазона твоей сексуальной, пардон, культурной приемлемости.

Она хочет упрекнуть меня в пошлости, но пожилая женщина просит пустые бутылки, стоящие возле нашей скамейки. Я, не глядя, киваю. Женщина сливает остатки пива и с лёгким стеклянным стуком кладёт бутылки в матерчатую сумку с мокрыми пятнами на дне.

— Санитары парков.

— А мне их жаль, — печально говорит Она.

— Мне тоже, но от меня ничего в этой стране не зависит. Я стариков не обворовываю и почти даром лечу.

— Не дай бог на старости так ходить и бутылки собирать.

— Тебе об этом ещё рано думать...

16

Она всегда говорила, что не любит и не умеет готовить. Но какие обеды и ужины Она мне готовила! Я любил не только вкус

еды, приготовленной её руками, но и до мелочей продуманное её оформление блюд и поверхности стола.

Я звонил перед приездом и спрашивал, что купить. Всегда спрашивал. Наверное, хотел услышать, что всё уже есть и я жду только тебя. Она же поручала мне купить картошку, бурак, морковь и прочую хозяйственную дрянь. Это было так не романтично, что я сразу злился, но потом успокаивался и покупал больше того, что было поручено, и старался принести то, что потяжелее. Романтичную покупку, просьбу о которой я ожидал от неё услышать, покупал сам и радовался, когда Она, благодарно улыбалась и целовала меня, притянув за шею тылом кухонной руки.

Я был с ней по-детски капризен и по-мужски глуп.

17

А как мы пили! Как хорошо было с нею пить! Я боялся, что мы спиваемся. Правда, с началом войны Она неожиданно объявила сухой закон, причину которого я потом понял.

Обычно Она выбирала напиток.

— Что, Ваша Светлость, будет пить сегодня? — спрашивал я.

— Не знаю. Я ещё не решила.

Потом задумчиво, как знающий сомелье: «Давай возьмём «Седьмое небо князя Голицина». Мне нравится это вино».

Я брал и получал удовольствие от того, что ей нравится напиток и нравится пить его со мной. Пили — это громко сказано. Мы добавляли в наше хроническое любовное опьянение пару капель шампанского или вина. Иногда пару-тройку бутылок. Что пить нас не интересовало. Главное — вместе. Она по-женски сервировала стол даже, когда столом была лавочка или кирпич. Дозировала напиток. То ускоряла, то тормозила мою разливающую руку...

18

Но ведь Она действительно любила меня! Мне это не казалось. И бегала за мной, как собачонка, ещё до того, как мы стали жить вместе! Я самолюбиво наслаждался этим, а сам жалобно скулил без неё и лизал её руки при встрече.

Утром я разбудил её и сказал, что через пятнадцать минут уезжаю. Она почти всю ночь пила со своей подружкой и с друзьями, среди которых был её школьный друг. Зачем он появился, я так и не понял. Было глупо привезти меня на смотрины и позвать его. Что-то в прошлом, наверное, связывало их. Я это чувствовал. Он мне сразу не нравился. Она же слишком (по моему мнению) уделяла ему внимание. Я пошёл спать часа в два ночи. Она, вместо того, чтобы пойти со мной, осталась, сказав, что хочет вспомнить молодость и выпить. Я ушёл сам и целую ночь не спал, напряжённо прислушиваясь. Часов в пять Она пришла не пьяная и, как мне показалось, виновато легла рядом. Я сказал, что уезжаю первым автобусом. Она побежала за мной, не умывшись, не простившись, не почистив зубы. Мы сидели в буфете и завтракали разогретым в микроволновке супом. Она виновато заглядывала мне в глаза. Я старался не смотреть на неё и говорил, говорил, выговаривая всё, что ревниво надумал за ночь. Я передёргивал факты и накручивал сам себя, в душе понимая это. Но я был зол и хотел проучить её, вдолбить ей, что так со мной поступать нельзя. Когда же Она заплакала, я затормозил, но было уже поздно. Теперь Она избегала моего взгляда и возмущённо описывала моё вчерашнее поведение, с женским искусством выворачивая его наизнанку. У неё получалось, что один ревнивый дурак испортил всем вечер и опозорил её перед друзьями. Я не споря положил руку рядом и погладил мизинцем её мизинец. Она не отёрнула руку и посмотрела мне в глаза. Увидев её лицо, я всё понял и, виновато улыбнувшись, погладил её руку смелее.

— Зачем ты обижаешь меня?

— Прости. Не буду.

Она повернула руку ладонью вверх и пожала мою.

— Мир? — спросил я.

— А куда я денусь с подводной лодки? — с грустью сказала Она.

Нам тогда, в этом обшарпанном кафе, и в кошмарном сне не могло присниться, куда может деться Она или я. Мы не могли представить, что проходящие мимо жители Днепропетровска, будут стрелять в нас и радоваться тому, что разрушают наши дома. Смерть, казалось нам, была так далеко, что думать о ней было бы глупо.

19

Мы уже в родном, донецком кафе. Она передо мною в блузе с длинными рукавами. По чёрной ткани рассыпаны маленькие красные розы. Я голоден и ем борщ. Она смотрит на меня весёлыми, влюблёнными глазами. Она откровенно любит меня. Меня радует её взгляд, но мне неловко есть борщ под ним. Я хочу отвлечь её и предлагаю кофе, чай, пирожное, но Она, понимая мою хитрость, даже не слушая, отказывается. Её развлекает моё смущение. Она смотрит на меня ещё настойчивее.

— Не смотри на меня так.

— А что такое?

— Подавлюсь.

— Тебе, значит, можно сводить меня с ума, а мне любоваться тобой нельзя?

Я откладываю ложку и демонстративно смотрю на неё в упор, чтоб отогнать от себя её назойливый взгляд. Но чем больше я смотрю, тем быстрее забываю голод и борщ, и тем красивее Она мне кажется. Я не могу поверить своему счастью. Я пытаюсь отвлечься и взглянуть на неё со стороны, чужими мужскими глазами. Но и со стороны: Она восхитительна. Она прекраснее всех. Неужели я живу с этой молодой, красивой женщиной? Она редко говорит мне о любви, но сейчас, смотря ей в глаза, я ощущаю силу её чувства. Нутром чувую, что Она пойдёт за мной куда угодно...

— Борщ остынет, — насмешливо и довольно напоминает Она. — И дырку на мне не протри.

20

Мне уже ничего не остаётся, как пересматривать на телефоне и компе её фотографии. Вот Она в розовой кофте и светло-голубых джинсах. Мягкая кофта, из мохера или лебяжьего пуха, приподнялась и обнажила её упругий живот. Её плодородное лоно, не тронутое ещё осколками.

Моя рука привычно скользит вниз, под пояс её голубых джинс. Она надувает живот и вопросительно смотрит на меня. Я делаю обиженное лицо и моргаю веками, словно собираюсь заплакать. Она осуждающе качает головой. Я продолжаю кривить губы,

хмыкать носом и умолять взглядом. Она, бросив взгляд по сторонам, сдувает живот и пропускает мою руку внутрь. Мать, вернувшая балованному ребёнку любимую игрушку.

Ей нравились мои руки. Она любила их гладить и рассматривать. Любила прикосновения моих рук к своему телу. Последние месяцы Она уже не могла втянуть живот, ставший главной ценностью, осью нашего мира.

21

Какие они забавные и нежные — эти маленькие девочки. С тоненькими чистыми пальчиками, серебряными голосочками, доверчиво журчащими рядом с тобой над пупсиком, которого они с заботливой взрослостью кормят и укладывают спать. Их маленький, беззащитный мирок похож на шар одуванчика, по которому гусеницами проехала Украина, раздавив, смешав с грязью детские тела. Я смотрю на её лицо, на последней фотографии, такое наивное и печальное, и осознаю, что больше её фотографий уже не будет. Как не будет для неё жизни, школы... новых платьев, подруг, друзей... Не будет бесконечной череды мигнов, из которых складывается жизнь, струящаяся, отведённый ей срок. У неё украли шестьдесят лет жизни. Срезали свежую, зелёную веточку, которая расцвела бы чем-нибудь удивительным... За её последним фото будут три дня детской жизни под обстрелами, которых она, на удивление, не боялась... и ужас последних секунд, о боли которых можно только догадываться по оторванной руке и разможённому лицу... Пусть бы она рассказала о своей боли, об ужасе последних минут тем, кто её убил... тем, кто считает убийство детей допустимой политикой... Каждую ночь пусть бы шептала им на ухо о боли и ужасе детей Донбасса, плакала бы...

Пусть бы голоса убиенных детей Донбасса звучали везде, где появятся эти украинские и американские твари...

Я любил её дочь не только потому, что она пахла как мама и давала мне возможность подсматривать за её «любимым мамульчиком» в детстве. Я любил её (пусть это звучит банально), как произведение искусства, которое лепится, творится само по себе, по неизвестным мне законам. Я мог стать соавтором выдающегося творения.

Я любовался им, старался за ним ухаживать. Кормить, поливать и защищать от непогоды. И я не уберёг её! Как не уберёг и ту, которая родилась бы от слияния наших тел, наших жизней. Она любила говорить о своей сестричке, о том, как она будет её кормить, купать, одевать. Она хотела играть с живой куклой, а я хотел увидеть девочку, похожую на её маму, с примесью чего-то моего. Мои голубые с прозеленью глаза и её постоянно припухшие, резко очерченные губы так и не сошлись на незнакомом, но уже родном для меня лице. На лице, которое зрело в глубине её тела. Как это удивительно и непостижимо! Если есть божественное в этом мире, то оно именно в этом... Я не могу понять, как из процесса, после которого чувствуешь себя испачканным и идёшь мыться, к которому не прикладываешь ни сил, ни ума, ни вдохновения, получается чудо. И получается оно даже вопреки нашим желаниям и стремлениям.

Они же эту божественную лабораторию разорвали зазубренным, обгоревшим металлом... Не случайно, не по несчастному случаю, а умышленно. Разорвали — во имя Украины... будь она трижды проклята!

22

На кладбище влезли в голову стихи Блока, и я уже не могу от них отвязаться:

Была ты всех ярче, нежней и прелестней,
Не зови же меня, не зови!
Мой поезд летит, как цыганская песня,
Как те невозвратные дни...
Что было любимо — всё мимо, мимо,
Впереди — неизвестность пути...
Благословенно, неизгладимо,
Невозвратимо... прости!

Верность её, меня не волновала после того, как мы стали жить вместе. Когда Она жила сама, я её ревновал. Она дразнила меня и наслаждалась этим. Я с ума сходил, готов был спать под её дверью, только бы никого не пустить к ней. Но потом в верности её я

был настолько уверен, что подсознание моё заменило «верность» на «нежность». Нежность её мне памятна. Я купался в ней. Она относилась ко мне бережнее матери. Пылинки с меня сдувала.

У Блока — «кляни», а у меня — «зови». Неужели я боюсь, что Она позовёт меня? Боюсь умереть? Но я бы хотел с нею встретиться! В раю, в аду — какая разница? Лишь бы с ней. Пуст мой дом... Даже не пуст, а разрушен... Нет её... И уже никогда не будет...

Прости, любимая, что я не уберёг тебя и наших с тобой детей...

23

Сотни, тысячи раз я, как сказочный богатырь, возвращался к камню на распутье дорог и пытался выбрать для нас дорогу жизни. Но, сколько не думал, не гадал, а вынужден был поворачивать направо, на дорогу правды, с надеждой выжить на ней и уцелеть. Налево — дорогой неправды и богатства — или прямо — дорогой жизни и беспамятства — ни Она, ни я идти не могли. Мы хотели бы пойти прямо и, позабыв себя, отказаться от родного языка, от русской культуры, признать, что прошлое наше, и сами мы — ошибка природы и прочее, то есть, выбрать духовную смерть вместо физической. Но нас так не воспитывали. И деньги для нас были не главное. Если бы ей или мне бросили миллион и сказали: «Слышь, ты, мать-перемать, подбери и отнеси», то Она бы обиделась, а я бы набил морду. Ни её, ни меня не приучили унижаться и врать ради денег и карьеры. Социальных навыков, необходимых для успешного продвижения по социальной лестнице, которые дети начальников получают в детстве, нам не привили. Папы-шахтёры не научили нас льстить, унижаться, предавать, пресмыкаться ради денег и карьерного роста. Они сами этого не умели. Шахтные посёлки вырастили нас прямолинейными, выносливыми и упрямыми.

К Донецку мы относились как к своей квартире. Попытка соседей переставить мебель в нашей квартире воспринялась бы нами как беспредел. Я видел, каким огнём загорались её глаза при одном упоминании о том, что кто-то из Львова или Киева придет в Донецк и разобьёт памятник или переименует улицу. Она не понимала жителей Одессы, допустивших сожжение одесситов в Доме профсоюзов заезжими бандерлогами. Она гордилась тем,

что в Донецке такое невозможно. Радовалась многолюдным митингам и демонстрациям, на которых с удовольствием встречала друзей и знакомых. Гуляя по площади Ленина, жертвовала деньги на ополчение Донбасса, на помощь Славянску. Деньги в картонные коробки, стеклянные банки бросала дочь, которой нравилось отдавать деньги «детям Славянска».

Она говорила, что на Украине группа предателей, на деньги олигархов, при поддержке западных политиков, свергла законного избранного президента, узурпировала власть и с помощью государственной машины и армии уничтожает электорат свергнутого президента, изгоняет Русский мир, заменяя его холопски-европейским. Считала, что русским Донбасса надо упереться и натянуть на себя скукожившееся, после распада СССР, одеяло русской государственности. Хотела вернуться в границы Русского мира, Русской культуры, Русского языка. Радовалась росту ополчения, нашим военным успехам. Гордилась соседями, ушедшими воевать. Рыдала на их похоронах. Как освободителей ждала российские войска. Надеялась на них. Верила, что Россия «не даст в обиду русских». Обклеила дом символикой России, ДНР и Новороссии. Верила, что в новой стране криминальные авторитеты, ставшие украинскими олигархами, будут отстранены от денег и власти. Переживала, читая сообщения о том, что «Россия нас предаёт», «сливает»...

Её российские олигархи, подельники украинских и мировых, действительно слили. Позволили криминально-олигархической Украине убить вместе с дочерьми...

* * *

3.12.2014 года. 14.30. Сообщение Главы администрации Куйбышевского и Киевского районов Донецка.

«В первую половину дня шёл обстрел шахт Бутовка и Засядько. Налёту подверглись 8 улиц частного сектора. Полностью разрушены 14 домов. Погибло 16 человек, их них 5 детей. Ранено 26».

* * *

5.12.2014 года хорошо одетый и накормленный Россией чиновник, переживающий из-за мозоли на своей левой ноге, на

пресс-конференции в Базеле сказал о Донбассе, что «кому-то выгодно, чтобы этот гнойник не зарубцовывался».

Украинские СМИ радостно растиражировали бранное наименование Донбасса, данное человеком, которого Русский мир поит и кормит для защиты своих интересов.

* * *

13.12.2014 года. Российские и украинские СМИ сообщили о том, что в донецком аэропорту ополченцы предоставили украинской армии гуманитарный коридор для ротации и подвоза продуктов. Силовик Купол пожал руку ополченцу Мотороле. Ополченец Гиви поддержал Моторолу.

* * *

Народ Донбасса по высказыванию в Базеле, по рукопожатию в аэропорту безошибочно определил сексуальную ориентацию фигурантов и не дипломатично отозвался о них в соцсетях. Громче всех кричали жители улиц, прилегающих к донецкому аэропорту. Улиц, от которых остались названия и злые, ограбленные, но ещё не уничтоженные обитатели.

УВЕРТЮРА К ПЛАЧУ КУКОЛ

Алексею Беляеву-Гинтовту посвящается

It's impossible for words to describe
what is necessary to those who do not
know what horror means.

Soldier

...нужно сеять очи.

Поэт

Рисовальщик явился во время обстрела. Перед мясокомбинатом, пригнувшись, задницами к небу метались в поисках укрытия, приехавшие за брикетами с говядиной и свиными тушами тыловики. А мы посмеивались: «Снова с украинцами в пинг-понг играют, мины отбивают жопами...»

В ту пору даже расчётливо убиваемый Славянск, в сравнении с передовым рубежом обороны в Семёновке, восточном пригороде, воспринимался как глубокий тыл. После трех провальных попыток прорвать наши позиции, украинцы с господствующей горы Карачун обстреливали нас почти непрерывно, методично, остервенело. Гостиницу «Метелица» — базу знаменитого командира Моторолы — разрушили в нуль и нас, мотороловцев, группками разбросали по всему посёлку. Мы — временный командир Большой, самый юный боец ополчения Вандал, водитель Артист и я, Корреспондент — базировались на территории брошенного владельцем (участником госпереворота в Киеве) мясокомбината. Спали мы на поддонах для мяса и сторожевые псы бегали по нам как по могилкам.

Очередная мина легла на порог в семи метрах от нас, за спиной от выряженного во всё чёрное новичка. На бетонное покрытие.

Всех должно было иссечь в булькающую кровью требуху, уровнять с наваленными во дворе свинными тушами. Новичка не задело, хотя он даже не пригнулся. Осколок раскрошил кружку с чаем в руке Вандала и встрял мне в шею, неглубоко. Снова послышался вкрадчивый, змеиный свист летящей мины, и мы рванули в укрытие. Там, в тёмном коридоре мясокомбината «злой арлекин в снежных перчатках» (так бойцы называли Большого за свирепый нрав и пятна витилиго на его лице, шее и руках) выстроив у стены приехавших за мясом тыловигов, орал: «Что за гомосятина!? Кто учил вас жопы минам подставлять?! Стреляют — сразу в укрытие!»

Успокоившись, подошел к нам. Бывший штангист, низкорослый, угловатый, с широченными плечами и узкой талией, стянутой кожаным ремнём со звёздочкой на пряжке. На внешней стороне левой ладони вытатуирован ярко-красный на пугающе белом якорь морпехов, на пальцах правой — скандинавские руны.

— Позывной? — спросил он новичка.

— Не знаю, — на узком смуглом лице (такие экстатически-отрешенные лица любил Эль Греко) на долю секунды проступило отвращение, тонкие пальцы скользнули по каштановой бородке клинышком. — Придумай сам.

— Что за форма на тебе? — Большой хмыкнул, разглядывая черный, полувоенный френч пришельца и черные же штаны обилием разного размера накладных карманов. — Человечек, ты не ошибся? Может, тебе лучше в национальную гвардию, а?

— Траур у меня. По отцу.

— А отец кто?

— Он мосты строил. Потом умер. — Новичок протянул временному командиру паспорт и удостоверение. — Допрос окончен?

— Ты из Киева? — вмешался Вандал. — Я тоже, у нас есть ещё киевлянин, позывной Кедр.

— Знаю, он мне говорил о тебе.

— Ты уже с Кедром успел познакомиться? — изумился Большой.

— Не только с ним. Позвони ещё раз в штаб, тебе объяснят...

— Объяснили... Большо-ой че-ло-ве-чек... Уже со всеми познакомился и всё ему разрешили. Одного не пойму: на хрена ты

здесь? Нам бойцы нужны, а не мастера карандаша и кисти. Ты воевать приехал или рисовать?

Скинув рюкзак, новичок надел наушники, сел лягушкой перед патронным ящиком, вынул из нагрудного кармана блокнот. Остро отточенный грифель безотрывно заметался паучком, сплетая паутиной тонкости фиолетовую линию в примагничивающий, филигранно исполненный рисунок. Длинномордая ящерица улепетывала — эффект движения был передан безупречно — отстреливая «хвосты» — спелёнутые тельца младенцев с отчётливо различимыми лицами — моим, Артиста, Большого, Вандала. На чешуйчатой спине зияли две дыры, задние лапы ящерицы вкогтились в отвалившиеся крылья, составленные из «перьев» — крохотных младенчиков. Повернутая к зрителю клыкастая пасть сжимала треснутую колбу с головой рисовальщика — несмотря на малый размер, автопортрет он выполнил с фотографической точностью.

Большой не принял рисунок, пожал плечами, хмыкнул, вернул вместе с документами. Зло на меня покосился:

— Корреспондент, принимай, твой клиент. — Помолчав, с язвительной усмешечкой добавил: — Сделай и его легендарным.

Я пожал руку рисовальщику, и впервые на этой войне обожгло меня предчувствие. Так бывает: непрошено, с убийственной бесполезностью открывается одному человеку о другом главное и тотчас исчезает, словно на мгновенье расцветает и сразу же смертным ветром срезается хризантема из алмазной пыли.

— А я тебя таким и представлял, Корреспондент. — Рисовальщик, скинув рюкзак, достал видеокамеру, — тебе просили передать. — Провернул пропеллером в пальцах карандаш, улыбнулся: — У меня свои задачи, я не задержусь здесь, не помешаю твоему включенному наблюдению...

— Я не наблюдатель, простой боец. Артист, дай ему автомат. Пусть рисует...

Глаза новичка — непроницаемые, словно зрачок заполнил всю радужку — сузились, жадно всматриваясь во что-то за моей спиной, потом послышался цокот копыт. Я обернулся: огненно-рыжая, слепящей, дыханье перехватывающей красоты — «Откуда здесь такое чудо?» — лошадь, низко опустив голову, рысила по

дороге между мясокомбинатом и желто-красно-синими сгущениями полевых цветов на холме, изуродованном серыми развалинами свинофермы. С блокпоста у перекрёстка кто-то дико, хрипло заорал, долбанул из пулемёта длинной очередью в знойно-зыбкую безоблачную высь. Рыжая лошадь вздыбилась, рванула, очертания её смазались, полыхнули переливчато-сверкучей кляксой расплавленного янтаря. Грохот копыт стремительно затих. Вслед никто не стрелял, и я вздохнул облегчённо.

— Пойдём с нами, — подтолкнул рисовальщика в плечо Большой. — Мерзавку костлявую по черепушке пошелбаним...

Приехавшие за мясом бойцы привезли с собой штрафника. Тогда для таких, как он — мелких мародёров и уклоняющихся от боя — самым страшным наказанием было рытьё окопов под непрерывным обстрелом на передовой позиции. Требовалось отвести его на участок Викинга, там не хватало людей для углубления ходов сообщения между блиндажами. Штрафник выглядел потешно: мордатенький, шароголовый, трусоглазый; ровненькая, полумесяцем борода казалась картонным нимбом, сползшим на подбородок изрядно охмелевшего перед репетицией актеришки. До него, видимо, никак не доходило, что «костлявая» в виде мины или гаубичного снаряда может явиться в любом месте и в любой миг. Чем ближе подходили мы к линии соприкосновения с противником, чем чаще штрафник в тоскливом ужасе озирался и всякий раз шарахался, когда, издеваясь над ним, Артист шипящим свистом имитировал мелодию мины-хвостатки. Большой вильнул вправо, извлёк из сухого бурьяна у развалин саманного домика мёртвого ежа. Поднял двумя пальцами за иглу, осмотрел:

— Сквозное пулевое. Шуршал ночью — приняли за диверсанта. — Ткнул ссохшейся ежиной мордочкой в нос отшатнувшегося штрафника: — Вот что с мародёрами случается. Усвоил?

Дальше потопали через развалины, огородами, напрямик. На последней, параллельной передовым траншеям улице, мы, все разом, остановились ошарашенные. Слева, через семь дворов от нас у дома из красного кирпича на невысокой куче песка играла, куличики красным игрушечным вёдрышком лепила рыженькая девочка в синем платье лет четырёх-пяти; увидев нас, встала с

Ожидался очередной обстрел. Рисовальщик, пока Артист бинтовал ему руку, надвинул наушники и закрыл глаза. Кто-то попытался шутить по поводу чёрной формы раненого, но я его пинком образумил. Прислонился спиной к бетонной плите, не успел задремать — голос... Откуда-то сверху неживой, пискляво-скрипучий голос: «Здравствуй, как тебя зовут? Давай играть! Здравствуй...»

Рисовальщик сдвинул наушники, жадно вслушался.

— Что это?

Это неожиданно проснулась Настя. Кукла. Убиенной в Славянске на праздник Троицы пятилетней девочки. У неё было две любимые куклы. Одну положили с нею в гроб, а вторую сюда, на передовой рубеж принесла волонтер Людмила, позывной — Дед Мороз. Прикрепила вместе с иконами Пресвятой Троицы и Георгия Победоносца проволокой с наружной стороны блокпоста. Часто по ночам под ветром проволока тёрлась об арматуру, странно поскрипывала, и, казалось, Настя плачет. А когда ветер усиливался, кукла раскачивалась, билась о бетон затылком, включался механизм, и наши, и вражеские бойцы в полусне слышали неживой пискляво-радостный голосок: «Здравствуй! Как тебя зовут? Давай играть!...»

— Ты куда, дурак! — крикнул я вслед рисовальщику. — Там всё пристреляно до сантиметра!

Он не остановился. Вскарabкался на бруствер, исчез. Послышался скрип раскручиваемой проволоки, потом треск пластмассы. В бойницу из блиндажа были видны подбитые украинцами, две сгоревшие фуры на дороге перед мостом, из-за которого нас периодически долбили из танка. На обочине, правее сгоревших грузовиков, который день валялся труп нацгвардейца без головы, а рядом с ним — несколько пристреленных нашими бойцами псин, хотевших гвардейца сожрать. Когда рисовальщик спрыгнул с бруствера, с выданным и чрева куклы Насти, кричащим в его руке механизм: «Здравствуй! Как тебя зовут?», — появился Большой. Спросил с нескрываемой ненавистью:

— Зачем ты это сделал?

Возвращались в злом молчании, торопились, близилась ночь, с паролками была постоянная путаница и в темноте свои могли подстрелить.

— Корреспондент, — обернулся шагавший впереди Артист. — Смотри. Снимай. Картина...

Раскуроченная на асфальте глыбилась в луже высохшей крови гнедая кобыла. Проткнули её две неразорвавшиеся мины-хвостатки, перебив хребет у основания шеи и взломав рёбра. Повёрнутая влево морда, с предсмертно оскаленной пастью воткнулась в канаву у обочины. Всё это выглядело так, будто цирковая лошадь попыталась встать на колени перед своим анимальным богом, а он — злой, капризный детёныш великана — надоевшей игрушке переломал ноги, вывернул шею и двумя минными гвоздями приколотил её к чёрной доске. Большой вдруг выдавил какой-то странный корявый то ли полурык, то ли всхлип, цапнул за плечо рисовальщика, резко развернул к себе, обыскал, отобрал косичку. На недоумённые наши взгляды ответил: «Похоронить надо...»

Потом он, всегда ругавший нас за каждое бранное слово длинно и гнусно выматерился. Всё, почувствовал я, моя внутренняя энергия на отметке ниже нуля. Я захлопнул мониторчик переданной рисовальщиком камеры, закурил, и поплёлся в коридор мясокомбината, казавшийся местом райского спокойствия. Силы мне хватило только на то, чтобы дойти до поддона для мяса, служившего кроватью, прогнать дремавшую там собаку, рухнуть, зарыться в грязные фуфайки, комбинезоны, фартуки сбежавших рабочих и мертвецки уснуть. Как почти всегда на войне, мне ничего не снилось.

Проснулся как с перепоя, неожиданно, с головной болью, зарканенный чувством вины и неотступной тоски, привстал: в свете свечи рядышком рисовальщик.левой, забинтованной рукой он намертво вцепился в косичку, а правая кисть двигалась неостановимо, казалось, неона двигает карандашом, а карандаш ею.

За безотрывным и стремительным движением карандашного грифеля и словно бы не им оставляемой, а самой белой бездонностью листа рождаемой, замысловато сплетаемой линией следили мы с Вандалом заворожённо.

— Не понимаю, — почтительно глянув на склоненную, в презах от лезвия лысую голову рисующего спросил Вандал, — зачем тебе война? Рисовал бы спокойно в Киеве, Москве, Париже...

Бойцы-то всегда найдутся, а художников, умеющих такую красоту делать, сколько? А если убьют?

— Художник вот он, — усмехнувшись, не прерывая своего занятия, кивнул на меня рисовальщик. После долгого молчания, заговорил озлобленно: — Красота...точнее...то, что люди так называют...это... худшее, что есть... главное зло... главная причина всех войн... Красота — братская могила озарений... Ты не поймёшь.

— А-а... — Вандал забеспокоился, беспомощно оглянулся: — Гена, скажи ему...

— Не хочу.

— Почему я не пойму? Эй, отложи карандаш, объясни... Ну, скажи хотя бы, только честно, зачем ты приехал, не воевать же? Рисовать можно и дома. Так зачем?

— У меня свои задачи.

— Какие у тебя задачи? — внезапно выступил из темноты Большой. Заметил зажатый в забинтованной руке рисовальщика хвостик рыжей косички. — Падальщик ты, извращенец, гробокопатель... Тебе мало могилку разрыть или куклу выпотрошить... Твоя задача — души мертвых потрошить, озарения из них карандашиком выковыривать... Молчи, урод! Я твою записную книжку пролистал. Всем слушать: «Только в момент смерти невинного человека, ребёнка, взору способного видеть незримое открывается то, что нас ждёт в ином мире. Я должен это увидеть, тогда я смогу изобразить то, перед чем померкнут картины предшественников...» Большой швырнул в лицо автора этих строк блокнот, замахнулся.

— Стой! — едва успел я перехватить занесенный для удара кулак. Большой, в прошлом штангист, мог размазать меня по стене. Однако почему-то быстро успокоился, лишь посмотрел мне в лицо с таким же выражением, с каким изучал мордочку простреленного ежа. Перевел взгляд на танцующий огонёк свечи, сел перед рисовальщиком зеркально «лягушкой» и — одним выдохом свечу задул.

— Бо-о-ольшая чёрная лягушка, слушай мой приказ. На липкий твой раздвоенный язык за день достаточно налипло кровавых

озарений... Что хотел — получил. Утром уйдёшь, это не обсуждается. Не уйдёшь — похороню. Езжай на творческую охоту куда-нибудь ... в Сирию.

— Я думал, ты выстрелишь, — раздался из темноты издевательский голос. — Узок человек, я бы расширил...

Снова вспыхнула свеча. Большой отвёл ствол ото лба рисовальщика, беззвучно вернул на место предохранитель. Аккуратно упрятал косичку в разгрузку, встал. Двинулся к выходу, перешагивая через поскуливающие островки; от обстрелов собаки-охранницы прятались вместе с нами. В распахнутую дверь хлынули багровый свет и вонь горящих покрышек. Из вылизываемых пламенем гаражей пузырящейся квашнёй выпирал бурый дым. Резко очерченный, чёрный силуэт Большого исчез, дверь захлопнулась.

— Что происходит? — как спящий у того, кто ему снится, спросил меня Вандал.

— Один раскапывает братскую могилу, а другой её закапывает, — боится, что там заводной ключик для костей. Пусть копают, я иду спать.

— Постой, Корреспондент. — Рисовальщик подошёл, шатаясь. Из наушников, упрятанных им в карман, сочилась-угадывалась увертюра к вагнеровскому «Тангейзеру». — Тебе, на память.

Всё во мне воспротивилось этому подарку. Нестерпимо захотелось побыть одному, и я поспешил на второй этаж — там, в разгромленном офисе мясокомбината, под издырявленной миной крыши шансов уцелеть было в разы меньше, чем внизу, но... чаще, чем мы того хотим, одиночество стоит смерти.

У проломленной танковым снарядом стены, в лабораторном молочно-белом свете сглотившей луну «люстры» — осветительной ракеты, долго я глядел на подаренный рисунок... чувствуя себя заспиртованным в кунсткамерной колбе уродцем, которого с тоскливым омерзением рассматривает ребёнок со страшно знакомым лицом.

Технически безупречная, босхиански завораживающая эта графика такой облучала inferнальной безысходностью, что захотелось мне рисовальщика пристрелить. Сонливо и тошно стало как при лучевой болезни, обвальную испытал я утрату интереса ко

всему вокруг. Доковылял до застеленного битым кирпичом дивана и мгновенно уснул.

— Корреспондент!!! Сюда-а-а-а! — «гаубичным» басом разбудил меня Артист. — Скор-р-рей!

Внизу, посреди коридора, широко раскинув ноги, опершись обеими руками о залитый кровью цементный пол, сидел Большой. Туловище его крест-на-крест бинтовал рисовальщик. Пояснил:

— Осколок. В грудь. Навылет. И ноги посекло. Легко, вроде...

Во дворе зафырчал, загудел двигатель — это Артист наконец-то завёл барахливший в последнее время Ssang Yong Rexton — наш «джихад-мобиль». Я попытался разрезать насквозь кровью пропитанные штанины, Большой с трудом поднял голову, выхрипел:

— Корреспондент, оставь, там пустяки, кости целы.

— А Вандал где? — спросил я, метнувшись к двери: Артист задним ходом подгонял «джихад», объезжая зиявшую посреди двора свежую воронку от гаубичного снаряда. — Большой, сможешь встать или потащим? До машины дойдёшь?

— Доползу. Вандал на «передок» побежал. Час назад. Там штрафника накрыло, «двухсотый»...

Через несколько минут, разбудив визгом шин часового на ближнем блокпосту, мы выруливали в сторону Славянска. В зеркалах заднего вида кровавился рассвет. На заднем сиденье, рядом со мной постанывал Большой.

— Корреспондент... — позвал он, пытаясь с мучительным напряжением приподнять правую ладонь, — не получилось: только пальцы крючились, дергались периодически как от всё более сильных ударов электрическим током, вытатуированные на пальцах руны мелькали всё быстрее, будто бы раненый безнадёжно пытался отправить небесам какое-то зашифрованное послание. Я разодрал упаковку буторфанола, но, при виде шприца Большой, с полусекундной осмысленностью во взгляде протестующе замотал головой. Сказать уже ничего не мог, только всплесками, удивленно — как при неожиданной, задолго до срока схватке рождающая, — резко, раняще вскрикивал. Вдруг затих.

Лицо его, шея и руки стали серо-пепельными, цвета остывшей древесной золы. Белые пятна исчезли, растворились в

перегоревше-сером. Стекла авто были опущены, по салону свистал ветер и произвольно мне захотелось заслонить Большого и наглухо салон задраить, почудилось: порывом ветра это серое тело вспорхнёт невозвратной горсткою пепла.

— Остановись, Артист. Он умер.

Артист затормозил, обернулся, испуганно вцепился в запястье Большого, нестерпимо долго нащупывал на пульс. От злости даже заикнулся:

— Не включай пан-иии-ку. Живой он, едем!

На перекрестке у «Метелицы», бывшей базы Моторолы, как всегда при виде авто вздыбился асфальт — лупанули из гаубицы. Не успела в безветрии осесть дымная корявина, — неподалеку от неё рядом три вспышки, разрывы мин. Артист давил на газ, трофейный «кореец» мчал нас, не капризничая, у остановки, сразу за перекрестком чуть сзади нас — едва слышно скрежетнул по корпусу осколок — легла четвёртая мина. Уже выкатив на безопасное место, мы с Артистом вспомнили, что в этот раз перед выездом не перекрестились. Синхронно выдохнув: «Господи, помилуй!» — осенили себя крестным знаменем.

Когда уже у госпиталя круто разворачивались, Большой, хрипя, стал заваливаться на меня, и я увидел: белые пятна витилиго на его лице, шее и руках исчезли, растворились в естественном телесном цвете, а бледность от потери крови не таила смерти...

— ...Корреспондент, куда мы едем? На укров не напоремся? Гони быстрее...

— Сказали держать строго на север. Бойцы Поэта недавно здесь проезжали, отзвонились, всё чисто.

Коран — легкораненый боец, которого выделили мне в сопровождающие, нервничал, а я — ликовал. Свершилось то, о чём несколько недель тому мы и мечтать не смели. С потерями страшными, мясо с себя до костей сдирая, но — мы протиснулись по узенькому коридору к российской границе, и грезилось: уже в самом скором времени Новороссия станет явью. «Жизнь без победы хуже любой войны», — вспоминались мне слова юного снайпера, которому во время вылазки разворотило из «Утеса» бедро, нога висела непонятно на чём, а он стянул её ремнём и полз всю ночь

павшего на этой войне моего телефона, четвертой видеокамеры (сотни снятых в боях историй сгинули!) и третьего блокнота, испанного так, что буквы в нём от тесноты визжали, и, казалось, при захлопывании разлетались со страниц как осколки...

Горящий Ssang Yong Rexton стал ориентиром, заработали наши миномёты и две укровские БМП, утюжа подсолнухи, прикрываясь лесополосой, драпанули.

— Корреспондент, пойдём, глянем, что там. Трофеи должны быть. — Шагая к лесополосе, обернулся: — Ты что в землю врос? Боишься? Пойдём!

Опаленный знакомым предчувствием, кого и каким я увижу — что я мог ответить ему? Всякой в душе в миг зачатия открывается всё, что случится с нею в земной жизни, но уже тогда она надеется Создателя перехитрить.

— Пойдём...

Я почти не замечал брызжущей кузнечиками пыли под ногами, исторгающего чёрные клубы дыма автомобиля на дороге, слепяще жёлтых до горизонта подсолнухов. Перед глазами стоял подаренный мне и после очередного обстрела сгоревший рисунок. Воспринимаемый неотвратимо и стремительно приближающимся, из глубины всплывающим изображён был рисовальщиком «спрут»: голова пупса с чёрными пробоинами глазниц почти неотличима от черепа, извивающиеся щупальца составлены из косичек... На вытянутых вперёд щупальцах «спрут» словно протягивает, вручает зрителю свою уменьшённую копию — монстра-младенца. И всё это изображение было соткано из виртуозно прорисованного множества его зеркальных отражений — до точек мельчающих «спрутиков». А при изменении угла зрения возникала страшная, чёрная Мадонна, протягивающая смотрящему на неё то ли куклу, то ли младенца — с неотвратимо узнаваемым лицом той девочки, от которой осталась только косичка.

За дорогой, между подсолнухами и лесополосой наткнулись на труп с жёлтой повязкой на рукаве. Пуля вошла украинцу в живот, рот в посмертной муке разинут, ноги выше колен передавлены гусеницами бронемашин. Оружие удиравшие десантники успели забрать. Рядом — я сразу узнал его по чёрной форме — по

грудь раздавленный рисовальщик. Неподалёку виднелись его выпотрошенный рюкзак и впечатанные каблуком в землю наушники. Ноги на щиколотках и исколотые штыком руки на запястье стянуты скотчем. Случайно украинские десантники раздавили его гусеницами БМП, разворачиваясь в спешке, или намеренно, скрывая следы пыток — я не знаю...

«Он строил мосты. Потом умер», — так отчётливо, что я вздрогнул, позвучал во мне голос рисовальщика. Документов при нём не оказалось. А в рюкзаке, в одном из многочисленных кармашков отыскалась лишь надтреснутая белая коробочка — говорящий механизм давно погибшей куклы. Я снова перестал замечать всё вокруг. Смотрел на ошмёточек пластмассовой плоти на моей ладони и, мне казалось, он кричит: «Победители в этой войне только мёртвые!» И мне нечего было ему ответить.

«Здравствуй, как тебя зовут?» — всё глуше выскрипывала-всхлипывала кукольная душа. Так в саване пепла, в солнечных пелёнках плачут нерождённые. Напрасен их плач, безответно их зияющее вопрошание. Некому и нечего им ответить, ибо никто ещё не назван.

ДОНЕЦКИЙ ИСХОД 1918 ГОДА

Нет, это не о гражданской войне на Украине сегодня.
Это о Гражданской войне столетней давности.

Все знают, что такое «Ледяной поход». Надо отдать должное белодельцам и либерастам — они профи в пропаганде. Разрекламировали себя и свое бегство как подвиг.

Когда-то и я был либералом — молодость. Это нормально. Зауважал я красных тогда, когда понял одну вещь. Что для белых было подвигом, то для красных было повседневностью. Ну это вот вывезти московского мальчика в лес на шашлыки — ой, весь твиттер засрет героическим разжиганием мангала. А для сибирского мужика этот поход будет... Ну я даже слово не могу подобрать. В туристической среде это «матрасничество» называют.

Так вот. Сейчас я расскажу о походе, о котором знают единицы.

В феврале-марте 1918 года гайдамаки Центральной Рады и войска кайзеровской Германии начали продвижение на восток. Немцы и украинцы. Запомните это сочетание.

Современные белодельцы и либералы, потерявшие Россию, обвиняют большевиков в Брестском мире. Это я напоминаю. Мол, если бы не этот похабный мир — а он, действительно был похабным, но неизбежным — Россия была бы в стане победителей. (Фу, так писать, это я себе).

Именно в марте 1918 года в Луганск приехал «первый красный маршал» Ворошилов. 5 марта он обращается к рабочим Харькова, Донецка, Луганска, Кривого Рога. Полностью приводить не буду текст. Пару строк.

«Нашему Донецкому бассейну грозит непосредственная опасность со стороны Киева, где уже воцаряются немецкие банды под

руководством Петлюр, Винниченко и прочих предателей украинского народа».

Клички, Порошенки и прочие Ляшки современности — тоже предатели украинского народа.

Был сформирован отряд из 640 луганских рабочих. Шестьсот сорок. Командир — Климент Ворошилов. Против этого отряда шел 27 германский корпус. А именно: 89, 92, 93, 95, 98 и 2 ландверная дивизии. Каждая дивизия — 11–12 тысяч штыков. Это раз так в сто побольше, получается.

Старая царская армия к этому моменту расходилась по домам. С Румынского фронта по домам шли.

У Луганского отряда была разведка. Целых 19 человек конных.

Разведка наткнулась на отряд с Румынского фронта — около 500 бойцов. Был проведен митинг, на котором выступал Ворошилов.

Ребята, говорил он. Мужики. Против немцев идем биться. Не за царя, за Родину.

Ни один не вступил в отряд. «Навоевались».

Позже солдаты Румынского фронта начнут идти и в Красную армию, и в Белую. И к анархистам примыкать.

Артиллеристы и инженерно-технические станут инструкторами. Но это еще впереди.

А пока, 27 марта, луганчане впервые столкнутся с немцами.

В 15 км от Конотопа разведка наткнется на передовые отряды немцев. У Ворошилова были две бронеплощадки. У немцев — бронепоезд.

На тот момент самым старшим по званию в штабе был ефрейтор. Не было ни оперативных планов, ни письменных приказов. Телефонов не было. Сплошная импровизация. Подобное я видел в апреле 2014 в Славянске. Сланцы и дробовики против БТР.

Естественно, что немцы начали давить.

Луганчанам удалось подбить немецкий паровоз из шести-двудюймовки. Возможно, это их спасло. Возможно. Немцы попали в вагон со снарядами. Профессионально отсекали и окружали небольшие отряды луганчан. Несколько дней 640 луганских ополченцев держали удар немецкого корпуса. Попадавшие в

окружение — стрелялись, как, например, командир Чудновский. Сиверс, Киквидзе — ранены.

Они держались до 8 апреля.

А вот сейчас помолчите секунду.

Отходить они начали, когда ударил еще один немецкий корпус — 1-й германский резервный корпус в составе 16, 45, 91, 215, 224 ландверных дивизий и 2 баварской кавалерийской дивизии.

Только тогда, 9 апреля, 1918 года Харьков был взят немцами.

Через Чугуев луганчанам удалось пробиться в родной город.

14 апреля. Сватово. Немцами взят Купянск. Дончане отходят на Дебальцево и Иловайск.

В Сватово стоит 5 украинская советская армия. 400 бойцов, 100 сабель, 2 орудия, бронеплощадка. И Ворошилов.

Немцы методично осуществляют обходы и охваты.

В наших частях митинги.

15 апреля.

Ворошилов назначен командующим пятой армией. Ага. Батальоном, блин.

На Екатеринослав наступают австрийцы — 5, 11, 59 пехотные дивизии.

По побережью Азовского моря двигаются 7 и 15 ландверные и 4 кавалерийская.

Повторю — каждая дивизия 11–12 тысяч бойцов.

Моральное состояние было никакое. Сами понимаете. Один-два боя — и воевать будет некому. Необходимо было отступать. Постепенно к армии Ворошилова подходили разбитые отряды красных. Ворошилов, Пархоменко, Руднев жестко подавляли анархию среди командиров этих отрядов. Попали в район действия 5 армии? Все. Подчиняетесь штабу 5 армии.

В конце концов, было принято решение отходить на Лисичанск.

И вот проблема — эшелоны нельзя оставлять. Имущество, потому что. Военное.

Гуманистам надо понимать, что на войне — патроны и снаряды важны точно так же как и живые люди. Потому что. Чем больше имущества. Тем больше жизней удастся спасти.

На одном из полустанков пара эшелонов зацепились. Броневик неправильно на платформу погрузили. Пробка. Нетерпеливые — привыкшие к бардаку времен Временного правительства — начали митинговать. Бросить все и расходиться. Прискакал Ворошилов. Мужик он был крепкий, слесарь — а слесарь тогда, это как сейчас айтишник. Думаю, что там было сказано много мата. Официально следующее: «Ни одного гвоздя вильгельмовским грабителям! Что стоите? Немедленно поднять платформы на рельсы! Дрючки, домкраты, веревки! Живо!»

Удалось за час восстановить движение. Удалось вовремя выйти из-под немецкого флангового удара.

В это время в Лисичанске власть в местном Совете держали меньшевики. Меньшевики, чтобы вы понимали, это вот такие современные хипстеры. Ахеджаковы там всякие и прочие рукожопы.

Поэтому, когда меньшевики залегли на холмах сверху и начали обстреливать эшелоны — убили только одного бойца Красной армии.

В ответ красная бронелетучка открыла огонь по хипстерам. Заодно накрыла содовый завод. Оттуда прибежали перепуганные делегаты, попросили огонь прекратить, ибо обстрел эшелонов это была не рабочая инициатива. Климент Ворошилов отmaterил командира летучки Алябьева и взял обещание, что содовики накажут меньшевиков. Наказали ли и как — история умалчивает.

К 20 апреля Ворошилов продолжил отход своей 5 армии.

Донецкая армия была фактически разгромлена в районе Бахмута. Отдельные отряды влились в Пятую.

3 армия отступила через Славянск в район Дебальцево.

4 армия отошла к Таганрогу.

1 армия — уничтожена.

К 24 апреля армия Ворошилова оказалась единственной силой на территории Донбасса.

Донецко-Криворожская республика была провозглашена 12 марта 1918 года. Через 3 дня после подписания Брестского мира. (Все даты по новому стилю.)

Сделано это было для того, чтобы не пустить немцев в Донбасс. Артем (Сергеев) — председатель Совнаркома ДКР бился как

лев на дипломатическом фронте. На протесты кайзеровское правительство внимания не обратило.

В дипломатии прав тот, у кого дубинка.

23–25 апреля на станцию Родаково стали прибывать эшелоны 5 армии Ворошилова.

В это время там находились деморализованные отряды красных — Донецкой армии, Тираспольского отряда и других.

В зале ожидания вокзала Ворошилов собрал командиров.

Учиться у немцев и овладевать искусством отступления — смысл выступления Ворошилова.

Да. Надо учиться и отступать тоже.

Во время совещания немцы начали обстрел тяжелой артиллерией. Нанесли несколько бомбовых авиационных ударов.

Ворошилов уехал в Луганск, готовить эвакуацию заводов. 5 армия получила задачу держаться до последнего.

Никто до сих пор не знает, сколько было луганчан, дончан, тираспольцев и одесситов в те дни. Может быть тысяча, может быть две. Немцев под Родаково было около 22–25 тысяч зольдатен.

И это были первые бои, где красные начали воевать по-новому. Держать удар и беречь соседа. Они умудрились два самолета сбить. Захватить в контратаке до 20 пулеметов и 2 батареилевой артиллерии.

В Луганске, в это время, шла круглосуточная погрузка эшелонов.

«Не оставлять и ломаного гвоздя врагу!»

Тысячи вагонов со станками, оборудованием и людьми. А именно 80 эшелонов. 3000 вагонов. 100 паровозов.

Если какой-то дурак скажет, что Ворошилов сбежал в Луганск с фронта, ну... Ну, он дурак. Организовать эвакуацию около 50 тысяч человек — это очень тяжело. И это не бойцы. Это женщины, дети и рабочие. Не солдаты.

28 апреля оставшиеся в живых бойцы 5 армии и жители Луганска двинулись в скорбный 400-километровый путь к Царицыну.

Почему скорбный?

Вот тут-то и появляются в этой истории — белые.

15 тысяч полковников Денисова и Быкадорова. 5 тысяч генерала Мамонтова. 10 тысяч Фицхелаурова.

Начиная с Миллерово красных луганчан били — СОВМЕСТНО! — немецкие дивизии и белые казаки.

Три месяца. Восстанавливая мосты и пути. Аэропланы уже не пугали.

«Над нами как ястреб, все время летал немецкий аэроплан. Паники он уже не наводил, к нему привыкли. Только изредка постреливали из винтовок»

Представьте себе 80 эшелонов.

Каждый паровоз надо кормить углем. Поить водой.

Водокачки разрушены.

Останавливались у рек.

Выстраивалась из детей и женщин живая очередь длиной 2-3 километра. Мужчины брали оружие и отбивались в это время от казаков и немцев.

Когда удавалось отрываться — немедленно разводили костры и готовили еду. Когда поезда трогались — хватали горячие котелки с недоваренным кулешом и бежали следом.

Средняя скорость — 2-3 километра. Не в час. В день.

Рождались дети, кстати. Помните, фильм «Офицеры»? Ну вот...

В авангарде шли бронепоезда. Ну как бронепоезда... Присобачили на столыпинские вагоны стальные листы — вся броня.

И умудрялись брать станции и станицы с боями.

Как? Жить захочешь...

Станица Гундоровская.

Луганский отряд, в котором почти все депутаты Луганского совета ударяет по левому флангу.

Харьковский отряд бьет по центру станицы.

В атаку бегут цепями, почти не стреляя, экономя патроны. Психическая, да.

Казаки Краснова в этот момент договариваются с немцами. Объединенным ударом отсекают Луганский отряд от Харьковско-го и Одесского.

Ворошилов лично прорвался на коне к луганчанам. И успел вывести их из-под удара немецкой кавалерии. Опоздал бы на

полчаса — все. Он и Пархоменко держали людей в стрелковых цепях, держа удары немцев и казаков, чтобы эшелоны прошли через станцию. И чтобы цепи отступали, а не бежали.

Прорвались. Удалось поднять скорость эшелонов до 20 километров. В день, я напоминаю.

Прошли станцию Каменскую. Вот узловая — Лихая.

А к ней отходили разбитые отряды других армий. Они вливались в 5 армию. Это усилило ее боевой потенциал, но и увеличивало нагрузку на дорогу.

Но ведь и присоединялись не все. Некоторые начальники эшелонов подчиняться Ворошилову не хотели. Вспыхивали стычки между красными. Царил невероятный хаос. Артиллерийский обстрел. Бомбардировка с воздуха. Горят вагоны. Взрываются боеприпасы.

К немцам подтянулись украинцы.

Пожалуй, на Лихой были самые критические минуты. Бойцов и их семьи надо было выводить из станции. Как через игольное ушко шли один за другим эшелоны и эшелоны. Одни горели, спасая других.

Руднев, Артем и Ворошилов сделали невозможное. Под ударами немецко-украинско-казацких войск они вытащили людей из огненного мешка. Ушли они со станции одними из последних.

Те вагоны, которые возможно было оставить — подожгли на путях.

И рванули в район Белой Калитвы, за эшелонами.

А там новая ловушка — взорван мост. Железнодорожники Луганска сказали, что на восстановление нужно 3–4 дня.

Этого времени у красных рабочих не было.

По-честному — выкидывали пулеметы, чтобы бежать быстрее.

Парадоксы Гражданской войны — Ворошилов со штабом отступал последними. И штаб — сколько мог — собирал эти брошенные пулеметы.

А в Белой Калитве, в это время, опять началась паника. Командиры отрядов склонялись к тому, чтобы бросить эшелоны и оборудование, находящееся в них, чтобы разойтись по степям в сторону Царицына.

Ворошилов, Пархоменко и Руднев резко воспротивились этим планам.

Необходимо держаться вместе и ни в коем случае не оставлять противнику эшелоны с боеприпасами, станками и оружием.

Какими методами — я не знаю, но Ворошилову удалось удержать дисциплину.

7 мая армия приняла бой под Белой Калитвой.

С запада шли немцы. С севера — украинцы. С юга белоказаки.

Увидите белодедца — спросите... Спросите, как это так получилось, что красные подписали мир с немцами — и они предатели? А белые в одном строю с немцами убивали соотечественников? Это они молодцы, да?

Тем не менее, ворошиловцы, метаясь как тигр в клетке, по очереди разбили сначала немцев, потом казаков полковника Быкадорова. Гайдамаки заложили национальную свідомую традицію благоразумно сбежать, от греха подальше.

В этот момент штаб Ворошилова наконец-то сообразил, что движение надо планировать. «Энтузиазм» масс не отменял никто. Моральное состояние войск — это очень важно. Важна и организация. 80 эшелонов — не баран чихнул.

Между прочим, общая протяженность этой гигантской змеи — 75 километров была, так-то.

Во второй половине мая были взяты на строгий учет все эшелоны. Все их содержимое. Устанавливался строгий контроль над снаряжением, вооружением, продуктами и прочими огнеприпасами. Была организована культурно-пропагандистская работа.

В авангарде этой колонны шли луганские рабочие.

В арьергарде отряд моряков и биндюжников с Одессы Питомина. Ворошилов мотался как маятник — от головы колонны до хвоста.

Я уже говорил, что к 5 армии примкнули отряды других армий.

Поклонники вархаммера воспринимают такие слова примитивно — о, все пришло подкрепление.

Только вот командиром 3 армии, например, был правый эсер Вишневский. Он начал рассказывать своим бойцам, что ворошиловские собираются у Третьей армии отобрать имущество.

Вишневого арестовали.

К Ворошилову явилась делегация — отпустите Вишневого или восстание поднимем. Угадайте, что сделал Климент Ефремович. Да шлепнул к храму Вишневого.

Наверное, Вишневский сейчас невинная жертва, да?

В районе Морозовской, слияние 5 и 3 армии было окончательно оформлено.

12500 бойцов, 2 дивизиона тяжелых гаубиц, 4 батареи трехдюймовых полевых пушек.

Это уже была сила.

От Морозовской до Царицына был всего день езды.

Вроде бы все?

Отнюдь.

Дальше начался геноцид. Не красный. Белый.

Вечером 22 мая санитарный поезд 5 армии Ворошилова прибыл на станцию Суровикино.

В поезде было около 600 человек. Точное число — неизвестно.

Первая причина — толком не велась документация.

Вторую причину поймете из текста.

Помощник начальника станции Чиликин был агентом белоказаков. Ночью, под предлогом обслуживания поезда, отцепил паровоз от поезда и маневровым отправил санитарный в тупик. Параллельно сообщил в штаб полковника Попова, что охраны практически нет. Можно действовать.

Утром 23 мая станцию атаковали казаки.

У охраны поезда было 10 (десять) винтовок. Никто и подумать не мог, что соотечественники атакуют именно санитарный поезд.

Раненые выползали из вагонов. Кто выживал у эшелона — полз в степь, спасаясь от шашек казаков.

Рядом со станцией оказался самостийный отряд казаков — ни красный, ни белый. Потом, в советской историографии, этот отряд Сысоева Михея Ивановича и Варламова Иосифа Кондратьевича назовут красным.

Увидев, что творится на станции — эти казаки атаковали белых.

12 из них погибло. 18 было тяжело ранено.

В этот же момент к станции подходила бронелетучка, в которой находился штаб с Ворошиловым, Пархоменко и Рудневым.

Угу. Паровоз и вагон.

Они прорвались к санитарному поезду. Пытались прицепить к паровозу. Не получилось. Начали под градом пуль затаскивать в вагоны раненых и гражданских. Люди цеплялись за колеса, за рессоры, лезли на буфера, на тендер, висели на трубе.

Часть раненых и их семей удалось вывезти.

Около 500 человек были зарублены. Некоторых вешали прямо в вагонах. Некоторых вверх ногами.

Некоторые из читателей скажут, что это, типа, пропаганда.

Очень рекомендую вам зайти в Центральный музей Вооруженных сил РФ. 129110, г. Москва, ул. Советской Армии, д. 2, стр. 1

В экспозиции Гражданской войны хранится кожа, снятая с руки красноармейца. Перчатка такая.

Гражданская война — это очень страшно. Поверьте.

27 мая белых выбили из Суровикино подошедшие части 5 армии.

За эту резню полковник Попов получил от атамана Краснова звание генерала. Сам Краснов в это время получал оружие от немцев. В обмен на продовольствие.

Отвлекусь от истории.

Вот скажите мне — кто заслуживает большего уважения? Красные бойцы, спасавшие от немцев станки Луганска или белые казаки, бравшие оружие у этих самых немцев?

Цитата из газеты «Донской Край». Номер 97, за 1918 год. Атаман Краснов:

«Я вошел в переговоры с германцами. Благодаря весьма искусной политике генерала Черячукина в Киеве, Николая Эльпидофоровича Парамонова и Владимира Александровича Лебедева за шерсть и за хлеб мы получили орудия, винтовки и патроны».

Понимаете, почему я в свое время проникся уважением к красным?

Вернемся в май 1918 года.

5 армия приближалась к Царицыну. В это время там городом руководил Сергей Минин — член РСДРП(б) с 1905 года.

Сторонник Троцкого. При этом — примиренец. Изю всех сил старался найти общие точки зрения между буржуазией и рабочими в Царицыне. В чем-то он прав, с позиции общечеловеческой, гуманистической. Но примираться с теми, кто тебя убьет...

22 мая 1918 года Минин взорвал мост через Дон. До того, как переправилась 5 армия Ворошилова.

Понимаете? Отступающие части красных опять оказались в ловушке.

Орджоникидзе отправляет панические телеграммы в Москву. Все. Если 5 армия не перейдет Дон — Царицын возьмут белогвардейцы. Или белоказаки. Для Москвы — никакой разницы.

Надо понимать, что на тот момент взятие Царицына означало конец Советской власти. И не просто Советской власти — это означало блокаду всей центральной красной России. Блокаду от продовольствия. Хлебом единым сыт не будешь, но вы понимаете, что под словом «хлеб» часто имеется в виду мясо, молоко и прочее.

Вот белодельцы и либералы — готовы ли вы вместе стать на сторону атамана Краснова? Уничтожить голодом всех ваших соотечественников, которые думают по другому? Или вы готовы провести референдум, например, по вопросам федерализации? Вона, майданутые живьем сжигали сторонников референдума. Вы с ними? А белоказаки раненых вешали.

А теперь — **ВНИМАНИЕ!** — когда начался красный террор?

Кто ведь как считает. Давайте, например, возьмем одну из официальных дат — введение смертной казни в Советской России. 13 июня 1918 года.

А события, которые я описываю — это МАЙ. Санитарный поезд в мае уничтожили. До красного террора.

Я это повторяю для белодельцев, а не для красных. Красные-то понимают. Память у красных есть.

Итак, 5 армия перед мостом через Дон. Взорванным.

На ремонт моста требуется 1,5–2 месяца.

Это равнозначно смерти.

Остается либо умереть, либо бросить вагоны. А до Царицыны всего 100 км. И в самом Царицыне около 4 тысяч бойцов без

тяжелого вооружения. Некоторые полки еще восстанут потом... ОСВАГ работал.

А у Ворошилова было уже 30 тысяч бойцов. К нему как к магниту стягивались железные опилки будущих освободителей Донбасса. И он настоял на своем снова. Никакого распыления.

Вручную.

Вручную строили мост через Дон. Ремонтные поезда из Царицына не выпустил Минин.

Дико. Нелепо. Своенравно. Никчемно. Руками.

Насыпали островки насыпей в реке. Вбивали сваи. Кладили шпалы и рельсы. На воду.

Никчемно, да.

Через 20 дней эшелоны пошли в Царицын.

Все эти 20 дней армия Ворошилова держала удары всех, кто по ней бил. От Сурувикина до Лапичева шли беспрестанные бои. И даже в полном окружении — слева-справа Мамонтовы да Фицхелауровы. Сзади Дон. Между окопом и Доном — бабы, дети и раненые.

Каким-то чудом они даже в контратаки ходили. Аж на Нижне-Чирскую пошли. Едва не взяли. Хотя дело было не во взятии, а в том, чтобы связать белые полки боями под Нижне-Чирской, чтобы дать тем мужикам, что тонули в Доне спасти детей и женщин.

После того санитарного поезда все уже понимали — белым сдаваться нельзя.

Воевали с немцами красные. Раненых в боях с немцами красных вешали белые. Повторил еще раз. Для пробегающих глазами.

19–24 июня белые уже перешли в контраступление. Но было поздно.

Луганские металлисты, донецкие шахтеры, одесские биндюжники, приднестровские солдаты, харьковские рабочие — сдержали удары казаков, гайдамаков и немцев.

Эшелоны ушли в Царицын.

Все белые попытки уничтожить Ворошиловскую армию — провалились.

Лежит красная цепь в степи. На нее летит лава казаков. Клим кричит — «Не стрелять! Ближе! Ближе!» Командиры передают

приказы по цепи. Пыль. Топот копыт. Визг казаков. Русская конная атака на русскую цепь. Блестят шашки, уже видны бешенные глаза и чубы из-под фуражек.

ПЛИ!

Валяются кони. Валяются люди.

В атаку!

И пехота резким броском идет в штыковой на смешавшуюся конницу.

Русская пехота. На русскую конницу.

Где-то в это время немцы вывозят с Украины хлеб. А белые стремятся уничтожить красных.

Бои были такие, что Ворошилов умудрялся на броневике въехать на позиции белых. Казаки пытаются взять бронемашину врукопашную. Шашки, наганы. Говорят, даже штыками кололи. Не сообразили дорогу перекопать — иначе кранты. Ворошилов был ранен в шею осколками отлетевшей брони.

В это время цепочки раненых передавали камни для постройки моста. Хотя нет, не только раненые. Дети тоже. Под обстрелом, разумеется. Сколько их там полегло? Бутовскому полигону и не снилось. Шпалы клеткой стлали.

Группа войск бывшего слесаря и будущего маршала товарища Ворошилова вошла в Царицын в конце июня 1918 года.

Началась оборона города.

Но это уже совсем другая история...

Ой, чуть не забыл. Товарищ Минин, взорвавший мост, спокойно дожил себе до 1962 года, репрессий не было.

УКРАИНСКИЕ ХРОНИКИ

Покаяние

— Лешка! — размахивая листками, вбежала Натка Симоненко. — На Донбасс поедешь?
— Зачем? — осторожно спросил Телицкий.

— Ну ты же просился!

Натка выросла перед ним, высокая, грудастая, нос-кнопочка, щеки красные, глаза — обиженные. Платье — синее, с вырезом.

Телицкий сглотнул.

— Я когда просился? Когда обострение было. А сейчас? Там же ничего не происходит сейчас. Нат, вот честное слово, еще б полгода назад...

Он прижал ладонь к груди.

— Алексей!

У Натки дрогнули губы.

— Да в чем дело-то? — спросил Телицкий.

— Нашей газете выделили грант. Европейский. По поддержке демократической прессы. Полторы тысячи евро.

— О, Господи!

— Да, но условием гранта является репортаж с захваченной территории. С целью единения, сближения, открытости и толерантности.

Телицкий откинулся на стуле.

— Нат, тебе Прохоров или Забирко репортаж, не выезжая, организуют. С таким подробностями, что реальность так, в уголке постоит. Любой нужной тональности.

— Алексей!

Натка притопнула каблучком.

— Что?

— Вот, — она хлопнула на стол Телицкому небольшую книжицу. — Ознакомься.

На книжице было выдавлено: «Книжка репортера». Ниже шло: «Паспорт посещения».

— Как все серьезно.

Телицкий полистал документ. Фото. Имя-фамилия-отчество. Паспортные данные. Печать редакции. «Командирован». И пустые места для штампов.

— Книжка сдается для отчета по гранту вместе со статьей.

— О как, — качнул головой Телицкий. — Это нам что, перестали доверять?

— Увы!

— А тема вообще какая?

Ната уставилась на него, как на слабоумного.

— Донбасс, Телицкий, Донбасс!

— Донбасс — понятие растяжимое, — сказал Телицкий. — Я в том смысле: с каким уклоном писать и о чем?

— О единении! — нависла Ната.

— Понял-понял, — сдаваясь, поднял руки Телицкий. — О том, что там такие же люди, только больные на голову.

— Желательно, какую-нибудь историю о дружбе сепаратиста и нашего военного, — сказала Ната. — Это так, неофициальные пожелания. Или о жителях, спасших украинца, скажем, от третьей стороны. В таком русле.

Телицкий покивал.

— Думаешь, таких историй море?

— У тебя будет неделя.

— Эй-эй! — закричал Телицкий в спину уходящей Нате. — Я еще не давал согласия!

— Заполняй книжку — и вперед!

— Твою ж мать!

Телицкий бросил фломастер в закрывшуюся дверь.

Через день он трясся в «хамви», доставшемся от американцев под видом нелетальной гуманитарной помощи, по направлению к Донецку.

Все как-то быстро, все бегом-кувырком случилось. Разрешение, пропуск, командировочные, которых, конечно, кот наплакал.

Или кіт.

Ехали впятером: майор СБУ, представитель министерства внутренних дел и журналистский «пул» — он, Телицкий, Бусыгин с президентского канала и Сева Тищенко из газеты «Сегодня».

Ехали молча.

СБУшник, худой, с желчным лицом напрочь отбивал охоту трепаться. Плотный, лысый министерский без остановки курил, выдувая дым в окно.

Вокруг зеленело и кое-где даже цвело. На одном из далеких полей, окутавшись сизым выхлопом, плыл по пашне трактор.

Сначала почему-то увиделось — танк. Но нет, трактор. Ствола нет.

Военная техника замелькала ближе к зоне разграничения, где прикрытая пятнистыми маскировочными сетями, где напоказ выцеливающая облака в сером донбасском небе. По обочинам у деревенок, будто на торговых местечках, стояли бабки, продавали первую огородную зелень, вербу, платки, носки, иконки.

Телицкий кривился.

Другие люди, думалось ему. Просто другие люди. Это же видно! Какого черта мы полезли? Нахрен их всех!

На одном из блокпостов их остановили и заставили выйти.

СБУшник спустился в блиндаж из пенобетона, министерский присел на скамеечку к костру, Телицкий, дав себя обыскать, без всякой задней мысли шагнул к обочине.

Его с матами отогнали обратно к «хамви».

Заминировано, мать-мать-мать!

— Чего здесь-то минировать? — возмутился Телицкий, усаживаясь. — Кто тут ходит? Сепаратисты ходят? Диверсанты?

— Журналисты, — сказал СБУшник, забираясь на переднее сиденье. — Тупые, как эльфы, и наивные, как орки.

Сева Тищенко хохотнул, но наткнулся на колкий взгляд безопасника в зеркальце и умолк.

Через пять минут, необходимых СБУшнику, чтобы свериться с картой на планшете, двинулись снова. С блокпоста и с бруствера полуобвалившейся траншеи целились в заднее стекло.

Телицкий, оглянувшись, неуютно передернул плечами.

Пятьсот метров нейтральной территории. Неуклюже залитые битумом воронки. Растрескавшийся асфальт. Остов легковушки в кювете. Обгоревший, проржавевший. Возможно, еще и заминированный. Сунься-ка!

Скоро впереди забелели мешки, горкой наваленные справа и слева от дороги. Что там было — огневые точки, укрепленные позиции или просто сгрузили удобрения, Телицкий не разобрал. «Хамви» вильнул перед бетонной плитой, снизил скорость и уже совсем медленно подкатил к выросшему посреди шоссе человеку в камуфляже.

— Смотри-ка, в «пермячке» что ли? — впервые проявил интерес министерский.

— А какая, хрен, разница? — спросил его безопасник.

— Не было раньше, — ответил тот.

— Знаток, мля?

Повинуясь жестам военного, водитель свернул с шоссе к желтеющему свежим брусом дому. За вывалом земли, чуть в стороне, Телицкий заметил низкую башенку БМП.

— Выходим, — сказал СБУшник.

Они захлопали дверцами.

Пахло землей и стружкой, откуда-то сбоку наплывал вкусный мясной запах.

— Как думаешь, нас покормят? — придвинулся к Телицкому Сева.

Мысли сходились.

— Не знаю.

Министерский и СБУшник зашли в дом, побыли там минут пять и вернулись к журналистам в сопровождении пожилого мужчины в брезентовых штанах и штормовке.

— Значит, так, — сказал тот, почему-то уставясь на Телицкого, словно выбрав старшим, — ваши военные сейчас катят обратно, а вы, представители древнейшей профессии, ждете здесь транспорта, который отвезет вас, куда хотите, в пределах разумного, конечно. Амдестенд?

Телицкий кивнул. Помедлив, кивнули и Бусыгин с Тищенко.

— Вы за этим лучше следите, — указал на Телицкого СБУшник. Улыбка его сделалась по-акульему зубастой, хищной.

— Почему? — спросил донецкий.

— Ходит, где не надо, мля.

— Понятно.

Безопасник и министерский забрались в автомобиль. «Хамви» грузно развернулся и, рыкнув, выбрался на шоссе.

— Ну, что, просьбы, пожелания? — обратился к журналистам их новый распорядитель, тасуя в руках бумажки, полученные от СБУшника.

— Нас покормят? — спросил Сева Тищенко.

Донецкий почесал в затылке.

— Вообще-то, на три порции наскребем. Я думал, вы скажете, куда вас отвезти, о чем хотите написать.

— Меня — в Донецк, — быстро сказал Бусыгин, — меня устроит.

— Я бы тоже, — сказал Тищенко. — Интересно, как там у вас кафе, магазины работают. Как люди досуг проводят.

— А меня к военнопленным, — сказал Телицкий.

— Вот так сразу в застенки? — хмыкнул донецкий.

— Можно к тем, кого выводят на уборку улиц, на расчистку, в поля. Хочу с кем-нибудь из них интервью сделать.

— Переверте ж все.

Телицкий пожал плечами.

— Понятно, — сказал донецкий. — Идите пока за мной.

Он провел их к дощатому столу под пленочным тентом и переговорил с женщиной в белом поварском халате поверх пальто.

Женщина смотрела без удовольствия.

Телицкий, не дожидаясь разрешения, сел на длинную лавку и тут же занозил ладонь. Доски оказались плохо оструганы.

Бардак! Доски-сепаратисты! Несколько секунд он выковыривал вонзившуюся в мякоть ладони миниатюрную щепку, мысленно рифмуя матерные слова.

— Кашу с говядиной будете? — спросила женщина.

— Было бы замечательно, — сказал Сева.

Телицкий молча кивнул. Заноза наконец поддалась, он подцепил ее ногтями, жалея, что под рукой нет пинцета.

— Вы осторожнее, — сказала ему женщина.

— Понял уже, — буркнул Телицкий.

— Отсюда, попрошу, никуда, граждане самостийные журналисты, — наклонился к столу донецкий. — Машина будет через полчаса, так что ждите.

Каша была теплая, но сносная.

Женщина выдала им по ложке и по куску хлеба. Потом принесла компот в граненых стаканах. Бусыгин дождался, пока она не исчезнет в пристройке, попыхивающей дымом из железной трубы, и заговорщицки подмигнул:

— Ну, что, у кого какое задание?

Миска стукнулась в миски.

— Вот так тебе и скажи, — хмыкнул Тищенко, волохая ложкой кусок разваренной говядины.

— Я же в творческом смысле! — обиделся Бусыгин.

— В творческом — написать статью, — сказал Телицкий.

Бесхитротно смотря на Бусыгина наглыми глазами, он зачерпнул кашу из его миски и принялся ее демонстративно жевать.

— Эх, вы! — Бусыгин отсел, забрав с собой свою порцию. — Мы же украинцы, мы должны заодно! А вы будто не родные.

— Три украинца — партизанский отряд с предателем.

— Это я — предатель? — взвился Бусыгин. — Я на майдане стоял! Всей душой, с первых дней, еще с октября!

— Все стояли, — глухо сказал Тищенко, — всей страной стояли, теперь вот нормальной каши только здесь и поешь.

— Я тебе это припомню, — пообещал Бусыгин, стуча ложкой. — Как вернемся... через неделю... СБУшник первым узнает!

— Хватит уже лаяться! — сказал Телицкий. — Всем политика вот уже!

Он провел ладонью по горлу.

— Я это припомню тоже! — наставил ложку Бусыгин.

— Что?

— Угрозу зарезать!

— Ты-то сам зачем приехал?

— Так я вам и сказал!

— А мы с Севой скажем, что ты переселиться сюда хочешь и нас к тому же подбивал, — процедил Телицкий.

— Я подтвердую, — пообещал Сева.

— Суки!

Бусыгин отсел еще дальше.

Где-то вдалеке, не поймешь даже, справа или слева, негромко бухнуло, несколько раз хлестко ударили одиночные выстрелы, и все затихло.

— Это наши или не наши? — спросил Бусыгин.

— В свете последних веяний здесь все свои, — сказал Телицкий. — Если у вас там на канале не в курсе, то объясняю для тупых: Украина идет с сепаратистами на сближение, предлагая им широкую автономию, языковые преференции и прочее, и прочее. Это требования Евросоюза, а, значит, получается, и наши требования.

— Свои стреляют по своим, — задумчиво проговорил Сева.

— Я вот не понимаю, — повернулся Бусыгин, — как вы с ними мириться хотите? Они же нас отвергают!

— Потому что они — другие, — сказал Телицкий. — Это по всем статистическим выборкам было видно. Нет, пастор полез, все кровью измазал. А надо было сразу: не хотите — пожалуйста, будут чисто коммерческие отношения.

— Так ты за них? — прищурился Бусыгин.

— Я за Украину, — сказал Телицкий. — За страну, а не монстра.

— Ну-ну. А к Одессе ты как относишься?

Телицкий отвердел скулами.

— Никак. Все.

Он выпил компот и вышел из-под тента. Тищенко выбрался за ним.

— По лезвию ходишь, Алексей, — пробормотал он, прикрывая губы ладонью, чтобы Бусыгин не слышал наверняка.

— Да мне донецкие на хрен не сдались! — сказал Телицкий. — Я никого не трогаю, меня пусть никто не трогает. И вообще — все сами по себе!

— Золотые слова! — крикнул Бусыгин.

Телицкий достал из кармана куртки сигареты, выщелкнул из пачки одну. За второй тут же потянулся Сева.

— Я — за компанию.

Они затянулись. К домику тем временем подъехал убитый «лэндровер», грязный, обшарпанный, с разбитой фарой.

— Похоже, наш транспорт, — сказал Сева.

— М-да, не для дорогих гостей.

Телицкий пожегся от ветра, затрепавшего тентовый край.

— Да и пофиг, — сказал Сева. — Неделя без жены, Порошен-ко и дятла-редактора, на мой взгляд, вполне стоят, чтобы не плевать на донецких через губу.

Водитель вышел из «лэндровера» и, попинав колеса, скрылся в доме. Не прошло и минуты, как он появился на крыльце вместе с их куратором, одетом все в те же брезентовые штаны, но уже без штормовки. Вместе они замахали журналистам.

— Бусыгин, зовут нас, — заглянул под тент Телицкий.

— Иду, — ответил Бусыгин, пряча смартфон в нагрудном кармане.

Водитель был шуплый, с костистым, неприятным лицом. И к тому же с редкими зубами.

— Этих двух — в Донецк, — указал на Тищенко и Бусыгина куратор. — Довезешь до администрации, их там оформят, и с ними все.

— А третьего? — водитель простужено шмыгнул носом.

— Третьего...

— В застенки, — подсказал Телицкий.

Донецкий впервые улыбнулся.

— Свези в Степцовку, к Юрию.

Водитель заулыбался и сам.

— К Юрке-то? К Юрке я могу. Он мужик просветленный.

— Какой? — спросил Телицкий.

— Увидишь, — пообещали ему.

В дороге Телицкий, оказавшись на переднем сиденье, заснул. Сквозь сон он слышал, как Сева с Бусыгиным спорят, надо ли после замирения люстрировать донецкую власть.

— Их всех надо! — шипел Бусыгин. — Взрослых — в концлагеря, детей — в спецдома. Или на стройки. Работа найдется!

— И опять будет война! — стонал Сева.

— Не смогут!

— Смогут! Нельзя загонять в угол.

— Устроим показательный процесс! Виселицы. Сто, двести человек. И не снимать!

— Зачем?

— Потому что, — сипел Бусыгин, — рабы должны знать свое место! А государство — это хозяин. Взбунтовался против хозяина — получи по полной!

Телицкий, приоткрыв глаз, посмотрел на водителя. Сон слетел в один миг. Взгляд у водителя был остекленевший, мертвый. А пальцы, сжимающие рулевое колесо, — белые.

Он сейчас нас впишет куда-нибудь в дерево, с ужасом понял Телицкий. Сука Бусыгин со своими виселицами, придурок.

— Государство имеет механизм... — пытался что-то втолковать Бусыгину Сева. — Механизм этот есть государственный аппа...

Телицкий сжался, когда водитель повернул голову.

— Ублюдки, еще слово... Еще одно слово...

Водитель замолчал. Но и Бусыгин, и Сева по его глазам все и так поняли.

Автомобиль подпрыгнул на выбоине. Во внезапной тишине стало слышно, как бурлит у Бусыгина в животе.

Проплыли мимо дома.

Телицкий заворуженно смотрел на проявляющийся и исчезающий желвак у водителя под скулой. Затем водитель мигнул.

— Твари.

Он снова уставился на дорогу, и Телицкий вдруг понял, что секунд десять они ехали вслепую.

Донецк отметился в памяти Телицкого многолюдьем и беготней.

В отличие от сонного, заторможенного Киева здесь все куда-то стремились, шумно радовались, жали руки, чего-то хотели от Телицкого, а он все время кому-то мешал: то войти, то выйти, то сунуть окурок в урну.

В каком-то кабинете с высоким потолком ему поставили штампик в «Книжке репортера», расписались, обменяли командировочные гривны на рубли и хлопнули по плечу. Ниоткуда рядом возник водитель, подхватил под локоть, повлек. Телицкий оказался сначала на улице, затем — в автомобиле.

Хотелось блевать.

Косые столбы да воронки. Окна без стекол. Побитый осколками шифер. Очень странные деревья. Чуть отдышавшись, Телицкий сообразил: едем.

А куда?

— К Юре? — спросил он водителя.

— Сам же просил, — отозвался тот.

— Ну да, — кивнул Телицкий. — А он кто?

Водитель пожал плечами.

— Да вроде ВСУшник бывший. Он тебе сам расскажет.

Какое-то время ехали молча. По лобовому стеклу сыпнуло мосью. Мелькнули и отвалились вбок терриконы.

— А где мои попутчики? — оглянулся Телицкий.

— А расстреляли!

Водитель хохотнул, но так, словно через боль. С гримасой и скрежетом зубов.

Два раза их останавливали на блок-постах, они двигались в сторону Горловки, и Телицкий почему-то думал, что сейчас его ссадят, как шпиона, но нет, не ссаживали. Только смотрели подозрительно в книжечку и сверяли фотографию. Другие люди. Со всем другие. Какие-то слишком спокойные, что ли.

Небо затянуло тучами.

— Скоро? — спросил Телицкий.

— Уже, — сказал водитель, сворачивая на проселок.

Указательный знак «Степцовка» был погнут и убит тремя попаданиями из АК.

Деревня оказалась совсем небольшой. Водитель притормозил, и Телицкий увидел, что вся она перемолота в труху, в ничто, в строительный мусор и щепу. Там, где раньше стояли дома, теперь зияли светлые проплешины, кое-как окаймленные кустами, вымаханной по периметру травой и остатками заборов. Ни хлева, ни бани, ни нужника. Ничего.

— Ваши поработали, — глухо сказал водитель.

Автомобиль прокатил в конец распаханной воронками улицы, и здесь у выезда обнаружилось, что в низинке все же два дома уцелело. Правда, крышу у одного снесло подчистую, а у другого в стене зияла неуклюжая зубастая дыра прямого попадания.

Водитель заглушил мотор.

— Выходи.

— Куда? Сюда? — удивился Телицкий.

— Именно.

Водитель, хлопнув дверцей, первым вышел под мутное, все собирающееся пролиться дождем небо. Навстречу ему двинулась худая, длиннорукая фигура, до того незаметно сидящая на колоде у горы наколотых дров.

Телицкий вздохнул и вылез. Чего, дурак, на Донецк не согласился? Юру ему, видите ли. Будто кроме просветленного Юры и нет никого. Тьфу!

У уха сразу задул комар, чуя сладкую украинскую кровь.

Телицкий обошел «лэндровер», едва не подскользнувшись на выдавленном из-под колеса пласте жирной глины.

— Осторожнее, — запоздало предупредили его.

— Я вижу.

Повесив на плечо сумку с нехитрым содержимым из смены белья, пары носков, адаптера к телефону и прочей необходимой мелочи, Телицкий выбрался на высокую земляную обочину.

— Вот, — сказал водитель мужчине, — журналист, пообщаться с тобой хочет.

Телицкий подал руку:

— Телицкий, Алексей Федорович.

Ладонь у длиннорукого оказалась крепкой и сухой. Как дерево.

— Свечкин, Юрий.

Голос его был хрипловат, прокурен. В лице никакого просветления не наблюдалось — обычное лицо. Щеки впалые, в сетке морщин, нос широкий, глаза внимательные, не пронзительные, не прицел с рентгеном, карие. Под губой шрам. Волосы темные, короткие, с сединой.

Сутулый. Одежда — рубаха да штаны.

— Куда поселите? — бодро спросил Телицкий.

Свечкин, помедлив, выпустил его ладонь из своей.

— Комната одна, лежак деревянный, я покажу. Идите за мной.

Он повернулся.

— Вода горячая?

Водитель прыснул.

— Ну, Украина...

— А чего Украина? — возмутился Телицкий. — Я просто спросил.

— Горячей воды нет, — сказал Свечкин. — Есть колодезная. Еще есть ванна, чугунная, и бак. Можно согреть.

Он поднялся на крыльцо дома со снаряженным попаданием в стену и отворил скрипучую дверь.

— Вы идете?

Телицкий развел руками.

— Куда я денусь?

Свечкин, качнув головой, пропал в глубине дома.

— Меня подождите, — сказал водитель, залезая в багажник «лэндровера». — Вам тут продуктов...

Телицкий остановился.

— Помочь?

— Да, одеяла возьмете.

Стопка одеял оказалась большой и колючей. Телицкий придерживал ее подбородком, шагая за водителем, нагруженным двумя пакетами. Сумка была по заднице. Суший бдсм, честное слово.

Крыльцо. Дверь.

Внутри, за войлочным пологом, было жарко и тесно. Горели свечи. На криво, вокруг печки-буржуйки расставленных лежаках, накрытые одеялами, угадывались человеческие фигуры. Пять, нет, шесть человек. Тяжелый дух неухоженных тел и лекарств чуть не вышиб Телицкого обратно на улицу.

Господи, это хоспис что ли?

— Алексей, сюда.

Свечкин поймал Телицкого за полу куртки, развернул к себе, принялся складывать одеяла в угол, уже полный разнообразного тряпья.

— Мне с ними спать что ли? — спросил Телицкий, кивнув на лежащих.

— Нет, — Свечкин плюхнул последнее одеяло. — Есть кладовка, там я сплю, будете со мной. Там, правда, похолоднее.

Водитель, сгрузивший пакеты на низкий стол у двери, прошел к одному из лежаков.

— Марья Никифоровна, — он присел на табурет и легко тронул человека, укрытого одеялами, — Марья Никифоровна, это Коля.

— Коля?

Клокочущий голос всплыл из углубления, промятого в подушке.

— Коля, да, — мягко проговорил водитель. — Вы просили у меня...

— Ах, да.

Рука появилась из складок, сухая, дрожащая, в старческих пигментных пятнах, с грязной марлей, намотанной на запястье. Водитель вложил в едва ли не прозрачную ладонь принесенное. Пальцы Марьи Никифоровны сжались в кулачок. Телицкий с трудом определил в зажатом предмете какую-то цветную бумажку.

— Вот, — сказал водитель, — в Свято-Покровском взял.

— Иди, Коля, — пряча подарок, прохрипела лежащая. — Бог с тобой.

Водитель поднялся.

— Юр, продукты, как ты просил. Зоя трехлитровку растительного дала еще.

— Спасибо, — сказал Свечкин.

— Ну, я пошел.

Водитель протиснулся между Свечкиным и столом. Качнулся полог, хлопнула дверь. Телицкий остался стоять, хотя душа его неожиданно подала голос, желая выскочить вслед за привезшим его человеком.

— Поможешь дрова перекидать? — спросил Свечкин, подставив свечу и деловито разбирая продукты.

— Я... это...

Телицкий вздрогнул, когда кто-то ухватил его за штанину.

— Всеволод! — строго сказал Свечкин. — Всеволод, отпустите!

Грузный старик, скрипнув лежаком, попытался подтянуть ногу Телицкого к себе. На его одуловатом лице с родимым пятном во всю щеку от напряжения выпучились глаза.

— Всеволод!

— Я его так, без соли! — прохрипел старик, тряся венчиком редких, стоящих торчком волос. — Мы таких и в войну...

— Извините, — Телицкий с некоторым усилием, но выдернул штанину и отступил к двери.

— Всеволод, — с укоризной произнес Свечкин.

Старик, посмотрев в пустоту слезящимися глазами, накрылся одеялом.

Другие люди. Другие! — закричало что-то в Телицком. Бежать! Куда меня привезли? Что я здесь делаю? Это не Украина!

— Извините, я...

Телицкий вывалился из дома, как из кошмара.

Ни водителя, ни «лэндровера» уже не было. Небо все набухало тучами, словно ему было мало уже накопленного. Застрял. Влип. Неужели на целую неделю?

— Так что, журналист, поможешь? — сошел за ним с крыльца Свечкин.

— А водитель, он когда? — с тревогой спросил Телицкий. — Он вернется?

— Послезавтра.

Телицкий покивал, пытаясь высмотреть хотя бы стоп-сигналы. Ни хрена. Пустота. Не Украина. Другой, убогий мир.

— Вот, возьмите, — сунул что-то в пальцы ему Свечкин.

Оказалось, полено.

— Я вам кто? — напрягаясь, произнес Телицкий. — Прислуга, да?

— Помощник, — нахмурился Свечкин. — Мерзнуть же не хотите?

— Не хочу.

— Правильно.

Бам. Бам. Телицкому досталось восемь поленьев, он считал. Сам Свечкин, руки длинные, взял побольше. Обе охапки они занесли в дом, сгрузили у двери, видимо, в кладовку, в которой Телицкому предстояло как-то пережить два дня.

Два дня!

С одного из лежаков, когда они спешили на выход, сдвинув одеяло, спустила ноги седая, обмотанная платками старушка.

— Юра, — сказала она слабым голосом.

— Да, Ксения Ивановна, — отозвался Свечкин.

— Жарко, Юра.

— Что вы, Ксения Ивановна! — Свечкин мягко остановил ее попытку встать с лежака. — Где же жарко? Вот завтра будет солнышко...

— Сушит, — потянулась к горлу старуха.

— Я сейчас чайник поставлю, — сказал Свечкин. — Или вам сока?

Из россыпи продуктов на столе он выловил коробочку сока грамм на сто, проколол трубочкой сверху, вложил старухе в пальцы.

— Вот, пейте, яблочный.

— Жарко.

— Хорошо. — Приподняв лежак, Свечкин отодвинул его от печки сантиметров на тридцать. — Так лучше?

Старуха молча легла.

— Кто они? — спросил Теплицкий, когда они со Свечкиным вышли за новой порцией дров.

— Кто?

— Эти, на лежаках?

— Люди, — просто ответил Свечкин, подбирая далеко отлежавшее при колке полено.

— Но что они здесь делают?

— Живут.

— Но...

— Им некуда выехать. Их дома были здесь. Отсиделись по подвалам. Они и не хотят никуда уезжать.

Телицкий подставил руки.

— А родные?

— Кто убит, кто потерялся, кто уж умер давно, — сказал Свечкин.

Вторая ходка выдалась короче. Дрова сгрузили к небольшой поленнице в снях у полога.

— А ты, получается, при них? — спросил Телицкий.

— Угу.

— Как военнопленный?

Свечкин, казалось, смутился.

— Почти. Это долгий разговор.

— Я, вообще-то, журналист, — сказал Телицкий, — за этим и приехал.

— Позже, хорошо?

Им понадобилось еще три ходки, чтобы перенести все поле-
нья. Свечкин зашел в дом, а Телицкий остался снаружи, сел на
колоду, сунул сигарету в зубы, но не закурил. Ветер задувал с пу-
стоты, когда-то бывшей деревней, тяжело шелестел вымахавший
в огородах бурьян.

Ну, ладно, два дня он выдержит.

Телицкий поежился, гадая, как скоро пойдет дождь, потом
отошел в сторону, помочился на остатки забора и чурбаки, сва-
ленные неряшливой кучей. Да уж, цивилизация! Кстати...

Он вытащил телефон из кармана. Надо же обрадовать доро-
гую редакцию и Натку Симоненко персонально. Не пропал, не рас-
стреляли, немножко кукую среди стариков и старух.

Связи не было. Ни одного деления.

А говорили, что украинские сети работают. Ага, видим.

— Алексей, — позвал с крыльца Свечкин.

— Да, иду, — сказал Телицкий. — Вы курите?

— Иногда, под настроение.

— Хотите?

— Если быстро, я там чайник поставил.

— На три затяжки.

Телицкий подал Свечкину сигарету, вытянул из заднего кар-
мана дешевую газовую зажигалку. На москальском газе. Прикури-
ли от голубоватого огонька.

— И сколько вы с ними?

— Почти полгода.

— А зимовали здесь же?

— Ага, — кивнул Свечкин.

Телицкий выдохнул дым.

— Могли бы до Украины податься.

Свечкин мотнул головой.

— Не могу. Все, — потушив о ступеньку, он выбросил оку-
рок, — пойдете в дом.

— Как скажете.

В комнатке, казалось, стало еще жарче. В печи шелкали поле-
нья. На варочной поверхности чайник делил место с кастрюлей. Два

старика сидели на лежаках. Один, сутулясь, смотрел в пол. Другой, шевеля губами, читал газету. Третий, похоже, тот самый Всеволод, хватавший Телицкого за брючину, похрапывал под одеялами. Старухи, одна в халате, другая в ночнушке, копошились у стола с продуктами.

С появлением Телицкого и Свечкина сделалось жутко тесно.

— Где Ксения Ивановна? — сразу забеспокоился Свечкин.

— Жива, — успокоили его.

— Она, что...

Не договорив, Свечкин переступил через лежаки и прошел к сооруженной из фанеры выгородке, за которой, кажется, была развороченная снарядам стена. Постоял, прислушиваясь, у тонкой двери, потом стукнул по фанере костяшками пальцев.

— Ксения Ивановна.

— Дай покой, Юра, — донеслось оттуда.

— А вы, — обратился к Телицкому старик с газетой, — как я понимаю, Юрин сменщик? Так нам никого, кроме него, не надо.

— Я журналист, — сказал Телицкий.

— О нас писать будете?

— Кому ты интересен, Макар Ильич? — со смешком сказала одна из старух за столом. — О тебе напишешь, а ты уж и помер.

— Ну да тебя-то переживу, Людка! — проворчал Макар Ильич.

Был он худой, небритый, заросший. Своей сердитостью и очками, торчащими из нагрудного кармана пижамной рубашки, он вызвал у Телицкого симпатию. Возможно, потому, что напоминал отца.

— Я буду писать о Юре, — сказал Телицкий.

— Это и правильно, — произнес второй старик, с лысиной на темени. — Что о нас? Мы, так сказать, отработанный материал.

— Вы, Михаил Степаныч, за всех-то не говорите, — опять в пику подала голос та же старуха.

— Уймись, Люда, — одернула ее соседка, раскладывающая кусочки сыра на хлеб.

— Алексей, сними чайник, — попросил Свечкин.

— Сейчас.

Телицкий пробрался к печке. Трехлитровый железный чайник клекотал и плевался водой из носика. Через рукав куртки Телицкий поймал его за ручку и понес к столу.

— Осторожнее!

Старухи не спешили сдвинуться с его пути.

— Бабушки, дайте поставить, — сказал Телицкий, которому пар от чайника дышал в руку.

— В угол вон ставь, — с неудовольствием прохрипела старуха, которой водитель Коля совал бумажку в руку. — На подставку. Глаза-то есть?

— Есть. Ай!

Несколько капель пролились на пол.

Из выгородки тем временем появилась Ксения Ивановна, крючконогая, мрачная, подтягивающая шерстяные панталоны.

— Не дожدهшься, Юра, — погрозила она Свечкину и прошаркала мимо него на свой лежак с комом пухового платка на подушке.

— И слава Богу! — сказал Свечкин с облегчением. — Кто следит за гречкой?

— Я слежу, — сказал Михаил Степанович. — Пока прошло тринадцать минут, как засыпали.

Он показал часы, зажатые в ладони.

— Ну, еще пяток можно подержать.

— Юрий, мне бы куртку снять, — сказал Телицкий, чувствуя легкую дурноту от тепла, тесноты, нижнего белья, дряблой кожи, седых волос.

— Так зайдите, — кивнул на дощатую дверь Свечкин.

— Спасибо.

В кладовке, приспособленной под жилье, было темно.

Телицкий сел на не застеленный лежак, сбросил сумку, растегнул молнию на куртке, нащупал затылком стену. Господи, Господи, за что мне это? — подумал он. Убью Натку! Телицкий, на Донбасс поедешь?

Хрен! Теперь уже — хрен!

Телицкий снова достал телефон. «Оператор связи не найден». И электричество здесь... Ну да, дрова и свечи многое говорят посвященным. То есть, и не зарядить.

Телицкий прижал ладони к лицу.

За дверью шаркали и кашляли, скрипело дерево, облизывающий щели свечной свет трепетал, его закрывали мелькающие

тени, звенели ложки, брякала посуда, старческие голоса и голос Свечкина раскручивали тошноту, сплетаясь в ком из обрывков фраз без начала и конца.

«За что мне это? — думал Телицкий. — За что?»

А время, сколько времени? Четыре тридцать! Четыре! Тридцать! Он же сойдет с ума! Ни интернета, ни телевизора. Только спать.

Телицкий лег. Дверь скрипнула.

— Алексей, кашу будете? — раздался голос Свечкина.

— Нет, я уже ел, спасибо, — сказал Телицкий.

— А чай?

— Да, было бы хорошо.

— Я на стул вам поставлю. А это одеяло.

На Телицкого шлепнулось что-то мягкое. Он размотал сложенное вчетверо тонкое одеяло, накрылся. Тело долго приспосабливалось к твердому, протестовало, требовало матраса или перины. На худой конец, хоть какой-нибудь прослойки между собой и гольми досками. Ничего, он потерпит.

Телицкий, поерзав, скинул ботинки.

Собственно, не так уж и холодно. Нормально. Весна. Ну, опустится ночью температура на два-три градуса.

Пусть это будет испытание. Не понятно, за что, не понятно, зачем, но пусть.

В комнате все еще шумно ели, обсуждали Украину и Россию, Свечкин говорил, что скоро должна приехать машина с брусом, вроде как к середине лета хотят два, а то и три дома заново отстроить, первым, конечно, дом Ксении Ивановны, через месяц обещают электри...

Телицкий зажал уши.

Зачем он это слушает? Бу-бу-бу. Глупости. Типа, мирная жизнь. У самих — ничего, все давальческое, гуманитарное, продукты, подштанники. Их еще корми, их еще обслуживай. Сосали Украину до войны, теперь хотят сосать после.

И это примирение и толерантность?

Я вообще ни в чем не виноват, думалось Телицкому. Вообще. Не моя война, не мои читатели. Мне это побоку.

Он поджал ноги и повернулся. Доска с краю треснула. Сука, мля.

Сквозь закрытые глаза пятном пробился свет, голос Свечкина, осторожный, деликатный, вполз змеей в голову.

— Чай, Алексей. И печенье.

Стукнула чашка.

— Вы спите?

Телицкий не ответил. Свечкин, секунду постояв, вышел и прикрыл за собой дверь. Подождав, Телицкий выпростал руку и наощупь, едва не сбив стакан, нашел печенье. Песочное тесто раскрошилось на языке. За дверью запели. Один бойкий, старушечий голос перекрывал всех. В эту ночь решили самураи...

Телицкий снова зажал уши.

Дурацкое печенье застряло на зубах и под языком. Пришлось запить его чаем.

— Эх, три танкиста, три веселых друга...

А был бы телевизор?

Наверняка гоняли бы российские программы. В Петропавловск-Камчатском полночь. Колосятся озимые, в самом разгаре битва за урожай, министр иностранных дел высказался о процессе мирного урегулирования...

Уйдя под одеяло с головой, Телицкий не заметил, как уснул. Разбудил его протяжный, настойчивый скрип половиц.

— Что? Кто здесь?

Он сбил одеяло на грудь. Едва видная на фоне двери тень двинулась от него в сторону.

— Спите, спите, — сказала тень голосом Свечкина.

— Сколько времени? — прохрипел Телицкий.

— Около девяти.

— Утра?

— Вечера.

Щелкнула зажигалка, загорелась установленная в блюдце высокая свеча. Высветились свитер и лицо вошедшего.

— Тоже спать? — спросил Телицкий.

— Мы рано ложимся, — ответил Свечкин.

Он стянул свитер через голову, оставшись в клетчатой рубашке, снял джинсы.

— У вас здесь что, даже радио нет?

— Есть приемник, но мы батарейки экономим.

— Кошмар.

Телицкий закутался в одеяло поплотнее. Несмотря на тепло, плывущее из комнаты, ему вдруг стало холодно.

— Вовсе нет, — сказал Свечкин. — Мы сейчас очень хорошо живем. Дрова есть, еда есть. Скоро отстраиваться будем. Ближе к лету.

— Зато самостоятельные.

— Вы про что? — не понял Свечкин.

— Я не про вас, — сказал Телицкий. — Я про ситуацию.

Свечкин промолчал, подбил подушку, лег, накрылся одеялом, пряча худые ноги.

— Вы знаете, Алексей, — сказал он, — мы здесь с верой живем. С надеждой. На Украине этого нет. Украина теперь — территория тьмы.

— Не заметил.

— А так и есть, — сказал Свечкин и словно для придания эффекта своим словам прижал фитиль послунявленным пальцем.

Сделалось темно. Только в дверные щели поплескивало неуверенными отсветами.

— Какая же территория тьмы? — сказал Телицкий. — У нас атомные станции, электричество.

— А свет в душах?

— О вы куда! В эзотерику!

— Все в жизни определяется именно этим. Есть в душе чело- века свет или нет его. И способен он на добро или понимает добро как пользу самому себе.

Лежак под Телицким скрипнул.

— Вам, похоже, основательно промыли мозги, — сказал журналист.

— Просто я многое понял здесь, — сказал Свечкин.

— Что вы поняли?

— Давайте спать. Завтра.

— Так вы военнопленный или нет? — приподнялся Телицкий.

— Был, — с задержкой сказал Свечкин. — Осенью хотели об- менять.

— И что же? Украина не включила в списки, и вы обиделись?

Телицкий услышал вздох.

— Нет, я перестал понимать, что такое Украина.

— Двадцать семь километров...

— Я сплю, — резко сказал Свечкин.

— Да пожалуйста!

Телицкий вытянул ноги. Нет, неудобно. Жестко, как на стиральной доске. Ничего, не сдохнет он за два дня.

Но Донецк, понятно, лучше. А Киев — лучше Донецка.

Чувствуется, этот Свечкин ему еще наплетет. И про доброба-ты, и про артиллеристов, гвоздящих по жилым домам. Примирение примирением, а такое интервью только в СБУ с удовольствием прочитают. А напишите-ка, скажут, Алексей Федорович еще! Всю неполживую правду! Мы вам даже камеру отдельную выделим.

Страшно. Могут ведь и не камеру выделить. Два кубометра земли выделяют, и спи спокойно. И надо это ему? Он, вообще-то, за Украину! За тихую, спокойную Украину. Без оголтелости, без запретов, без нацизма во всех его проявлениях.

Чтобы как раньше.

Да, господа хорошие, весь этот бардак временный. Все устали и от войны, и от курса гривны, и от новых инициатив Яценюка.

Скоро...

На этом «скоро...» Телицкий и уснул. Во сне ему казалось, что вокруг него водят хороводы старики да старухи в шерстяных панталонах.

Скоро протяжные скрипы и шарканья, побряхтывания и постукивания переместились из подсознания в реальность, и Телицкий обнаружил, что лежит в темноте с открытыми глазами.

За дверью определенно продолжалась жизнь, там, кажется, пили чай и негромко переговаривались, кашляли, садились, вставали, ходили.

Суки, подумалось Телицкому.

Первое же шевеление вызвало ворчание доски под задницей, и он замер, боясь почему-то выдать себя. Черт знает, другая сторона, другие люди, ночь, может, они все упыри тут, только притворяющиеся людьми. Возьмут и высосут досуха.

За пофыркиваниями, шумными глотками и движениями слух Телицкого скоро распознал слова. Кажется, бойкая Людка

скрипучим голосом тихо перечисляла, кто умер, кто пропал, тревожилась за сестру и ее семью, сокрушалась об украинцах там, за невидимой линией разграничения. Один из стариков возражал ей, говоря, что жалеть иуд нечего. Еще кто-то говорил, что скоро все закончится, и бандеровцев будут вешать, как в сорок четвертом-сорок пятом.

Телицкий уснул снова.

Кто-то рядом печально сказал ему: «Севостьяновы. Михаил и Софья. Умерли. Сын их жив, остался без руки. Померко. Олег Владимирович. Умер. Не нашли почти ничего. Прямое попадание. Так пустой гроб и похоронили. Шверник. Александр Алексеевич. Пропал. Говорят, выехал с дочерью перед самым обстрелом. Пропал. Ни машины, ни дочери. Надо посадки раскапывать, вдруг там. Так ведь страшно...»

В утро Телицкий всплыл как с глубины, задыхаясь. Чужие слова, чужие люди. Прочь! Домой, домой! Пока не свихнулся.

Дверь из кладовки в общую комнату была распахнута. Старик и старуха сидели на лежаках, обложенные подушками и одеялами. С одного из окон Свечкин снял фанерный щит, и было светло. Ветер шелестел целлофановой пленкой, закрепленной на раме.

Телицкий сел, нащупал ботинки.

Вчерашний чай в кружке остыл, но и холодный живительно протек в горло. Еще день. Будет возможность, он сорвется и раньше. Хрен ли тут за хосписом наблюдать, за домом престарелых со сторожем?

Телицкий поднялся. Поясница выстрелила болью. Вот же ж! Он поводит плечами, чувствуя на себе взгляды всех жителей комнаты, и натужно выпрямился.

— Доброе утро.

— Да, спасибо, — Телицкий поискал глазами Свечкина. — А где Юрий?

— На улице он, — ответил ему старик, следивший вчера за готовностью гречневой каши.

— Я тоже тогда... — кивнул на полог Телицкий.

Он вздрогнул, когда обнаружил, что ему, наскоро одевающему куртку, молчаливо и не мигая смотрят в спину. Странно смотрят.

— Что?

— Так вы украинский журналист? — прошамкала старуха, которую Свечкин именовал Ксенией Ивановной.

— И?

— Сука! — выкрикнул, надувая щеки, старик с родимым пятном. — Мы таких!.. Я тебя сейчас!

Он заелозил на лежаке, всем своим видом показывая, что вот-вот встанет.

— Я, между прочим, никого не убивал, — сказал Телицкий, осторожно пробираясь к двери. — И вообще не имею отношения ни к СБУ, ни к войскам, ни к батальонам всяким. Я этим не занимаюсь. Совершенно, понимаете?

Ксения Ивановна заклекотала, словно он сказал что-то смешное.

Дурдом! Другие люди! Куда они хорохорятся? Что себе думают? Телицкий скрутил полог и выскочил в двери.

Солнце ослепило его. Он остановился, поморгал, оглядывая из-под ладони буйные заросли сорняков. Горка не колотых чурбаков, забор, огородик с усиками выбивающегося из земли лука.

Свечкина не было видно.

Телицкого на мгновение обожгла мысль, что его интервьюер попросту сбежал, оставив стариков и старух на его попечение. Боже ж ты мой! Все эти слова про заботу, про свет в душе, про тьму на Украине, были лишь отвлекающим маневром. Усыпил внимание — и деру! Двадцать семь километров...

Сука!

На ватных ногах Телицкий выбрался к проезжей части и пошел краем, топчя траву и выглядывая вдалеке худую фигуру. Ну, все. Донецкие теперь считают, что это он подговорил. Подбил. Сподобил.

Может, самому в бега?

В кустах через улицу затрещало, и, наклонившийся, а потому неопознанный сразу, на дорогу задом выступил Свечкин.

Телицкий едва успел стереть испуг с лица.

— Э-э... Здравствуйте.

— Да, доброе утро.

Свечкин неукложе повернулся. Из плотно прижатых к груди рук выскочила, шлепнулась в колею картофеля. Телицкий поднял. Картофелина была сморщенная, холодная, с бледными, синеватыми ростками.

— Это откуда?

— Из земли. Здесь если порыться... спасибо, — Свечкин принял от журналиста беглянку и прижал ее подбородком. — Старики говорят, под каждой избой подпол был. Подспорье, знаете, какое? Банки, конечно, многие померзли да полопались, но вот картошка там, свекла, если подпол остался относительно целым... Первое-то время, скажу вам, только запасами Ксении Ивановны да Людмилы Захаровны спасались. Теперь уж, наверное, что-то только по счастливой случайности раскопать можно.

— Но вам, смотрю, везет, — сказал Телицкий.

Они повернули к дому.

— Это я с дальних домов перенес. Извините, у меня сейчас все...

Свечкин, не договорив, засеменил к крыльцу, но, как он не торопился, длинный морковный палец все равно выскользнул из его рук.

— Выпало! — крикнул в спину ему Телицкий.

Но Свечкин, потеряв еще что-то (луковицу?), уже исчез за дверью.

Телицкий повертел морковь в руках, хотел выбросить, но передумал. Вдруг лишит последних витаминов?

Небо было чистое. Дождь, если и пролился, то ночью и слабый. А как пыжился! Как густел тучами! Вот-вот, сейчас-сейчас...

Как Петр Алексеевич просто!

Телицкий усмехнулся. Ох, СБУ на меня нет. Так ведь больно за Украину. Что из нее выращивают? Гомункулюса. Все говорят на русском и его же запрещают.

Дурдом.

Хорошо, еще статьи не требуют на мове писать. Он ведь и двух слов связать не сможет. Впрочем, глядя на отдельных депутатов...

Да провалились бы они все!

Телицкий порылся в карманах и вытащил мятую пачку, упрятав на ее место морковь. Три целых сигареты, две ломаных. Пока живем.

— Алексей, — выглянул из двери Свечкин.

— Что?

— Нам бы вынести...

— Сейчас, — кивнул Телицкий, мысленно желая всем передохнуть.

Не покурить спокойно! Найдут дело.

Полог был завернут к притолоке, на пороге Телицкого встретил лежак, на котором, нахохлившись, уставилась в пустоту совиными глазами Ксения Ивановна. Свечкин приподнимал лежак с дальнего конца.

— Давайте вынесем, Алексей, — сказал он.

— На улицу?

— Разумеется.

Телицкий взялся за дощатую перекладину. Не слишком тяжело, разве что неудобно — доска резала ладонь.

— Заворачивайте, — показал головой Свечкин.

Телицкий забрал вправо. Боковина лежака уперлась в косяк и скрипуче выгнулась.

— Так не пройдем.

— Пройдем, — сказал Свечкин. — Я вытаскивал и один.

— Ну, не знаю.

— На себя потяните.

— Сейчас, перехвачусь.

Телицкий взялся за перекладину снизу.

— Тяните.

— Тяни, балбес! — вдруг скрипуче сказала сидящая на лежаке старуха.

Телицкий потянул.

Сантиметров тридцать маневр выиграл. За Свечкиным замаячили лица ждущих своей очереди переселенцев.

— Сейчас приподнимите, — сказал Свечкин.

— Высоко?

— От балбес! — прокомментировала старуха.

Телицкому захотелось оставить лежак вместе с ведьмой в проходе. Он не носильщик, в конце концов!

— Вы же грохнетесь! — сказал он, надувая щеки и подставляя колено под перекладину.

— Ты тащи.

— Я тащу.

Телицкий поднял свой край, Свечкин повернул, и лежак действительно прошел из дверей в двери, слегка мазнув корявой ножкой по рейке, исполняющей роль наличника.

— Теперь налево, — сказал Свечкин на крыльце.

Телицкий повернул, но, оказалось, в другое лево, неправильное. Ксения Ивановна была готова лопнуть от его тупости.

— Налево!

Сообразив, Телицкий взял правильную сторону, и они вынесли лежак на солнце, на участок расчищенной земли и поставили рядом с одноногим столиком.

— Вот так, — сказал Свечкин.

Ксения Ивановна умиротворенно легла.

— Солнечные ванны? — ухмыльнулся Телицкий.

— Почему нет? — пожал плечами Свечкин. Он помог старухе расправить и подоткнуть одеяла. — Пошли за следующим?

— И так каждый день? — спросил Телицкий, обстучав ботинки о крыльцо.

— Когда просят.

— Кошмар!

— Ну почему же?

— Вы же не занимались...

Свечкин посмотрел на журналиста.

— Как вы думаете, почему я это делаю?

— Видимо, потому что вам это поручили, — сказал Телицкий. — Возможно, эти старики — условие вашего освобождения.

— И что бы вы сделали на моем месте?

Телицкий посмотрел на далекий лес, прозрачный, едва обросший листвой.

— Наверное, сбежал бы.

— Жалко мне вас, — сказал Свечкин.

Они зашли в дом.

Обитатели двух следующих лежаков предпочли выбраться на улицу на своих двоих, и вытащить легкие деревянные сооружения ни Свечкину, ни Телицкому не составило труда. Макар Ильич и языкастая Людка, прижимая одеяла к груди, посеменили за ними наружу.

— Юра, — подала голос Ксения Ивановна, — соку бы сюда.

— Сейчас, — кивнул Свечкин.

— А хорошо! — сказала, устраиваясь на лежаке, Людка.

— Когда не бомбят, всегда хорошо, — вздохнул Макар Ильич.

Пациенты на выезде.

Телицкий все больше не понимал Свечкина. Возится, как с маленькими. Камер, что ли, скрытых понатыкано?

Заимевший на журналиста зуб, награжденный родимым пятном Всеволод покинуть комнату отказался наотрез. Лысый Михаил Степанович проявил солидарность и настоял, чтобы подтопили печь, холодно.

Их лежаки они сдвинули к стене, чтобы добраться до худой и бледной старухи, все еще сжимающей в кулаке бумажку, отданную водителем Колей. Она почти не шевелилась. Только один приоткрытый глаз и жил.

— Беритесь, Алексей, — сказал Свечкин. — И осторожнее.

— Я понял, — сказал Телицкий.

— Мария Никифоровна, не пугайтесь, — предупредил Свечкин старуху.

— Меня Бог... хранит, — ответила та, поклекотав горлом.

— Я взял.

Телицкий поднял лежак. Пятясь, он медленно прошел в дверной проем. Свечкин чуть завернул в сторону. Руки у Телицкого устало заныли. Он едва не выпустил перекладину.

— Дьявол.

Старуха неожиданно села. Шея ее оказалась замотана бинтом в коричневых йодных пятнах.

— Не зови сатану, — сказала она Телицкому.

— Я понял.

— Сатана на Украине.

Телицкий вздрогнул.

— Вы ложитесь, Марья Никифоровна, — сказал Свечкин.

— Ушел Бог, сатана тут как тут.

Старуха легла.

— Все будет хорошо, — проговорил Свечкин.

— А еще б не хорошо, — отозвалась Марья Никифоровна. — Праведников встретил Господь у Врат Небесных. Остальным — Страшный Суд.

Повозившись, они вынесли ее наружу, соседкой к остальным. Свечкин подал Ксении Ивановне прихваченную бутылочку сока.

— Что теперь? — спросил Телицкий.

Возня со стариками ему уже казалась безумной, бессмысленной и бесконечной. Он не медбрат, не нянечка, не военнопленный, в конце концов.

Ладно бы еще свои родители. За мамой сестра присматривает — и слава богу. Подай, принеси, накорми, сготовь, вымой. Свихнуться можно.

Он и ездит-то к матери на квартиру поэтому все реже раз от разу. По телефону спросил: все хорошо? И ладно, и дальше денежку зарабатывать.

Даже если не хорошо...

— Что? — Телицкий, задумавшись, пропустил реплику.

— Принесите воды, — повторил Свечкин.

— Откуда?

— Колодец вон там, под крышкой, — показал на тропку к бурьяну Свечкин. — Только будьте осторожны, там бортиков нет. Сруб своротило, а ворот я кое-как приспособил. Возьмите.

Он подал Телицкому мягое жестяное ведро.

— А вы?

— А я пока полы буду мыть.

Телицкий скрипнул зубами.

— И много воды нужно?

— По минимуму — два ведра. По максимуму — еще ванну наполнить.

Ванну! Они тут баре!

— И где ванна? — спросил Телицкий, заходясь внутренней дрожью от ненависти ко всему вокруг, к небу, земле и людям.

— Там, — Свечкин показал на дальний от дороги угол дома, обсыпанный землей.

— А интервью?

— После обеда. Сначала обед, потом я ваш.

— Хорошо.

Телицкий поколебался, но ведро взял. Сделали мальчиком на побегушках!

Он по тропке углубился в бурьян, больше всего желая запулить ведро в воздух и пойти прочь куда-нибудь в сторону Украины.

Старичье смотрело в спину.

Ну, да, потому их во двор и вынесли, чтобы следить и контролировать. Хитрожопость донецкая вся тут. Чуть что не так — дайте сигнал, Юрий!

Зеленую ракету! По журналисту, по врагу!

Колодец был прикрыт щитом из серых досок. Колода ворота сидела на низких козлах. Телицкий размотал цепь, посадил ведро на крючок, сдвинул щит. Ловись, рыбка.

Вода блеснула глубоко внизу, через два, кажется, бетонных кольца. Сука, не свалиться бы! Он отпустил ведро.

Дум-м-брям-м! — зазвякало, застучало в стенки.

Цепь размоталась, послышался негромкий плеск. Телицкий схватился за железную ручку ворота, и козлы заходили ходуном.

Ведро поднималось с великим скрипом и весило, казалось, килограмм под двадцать. Наконец показалось, повисло, и Телицкий, не отпуская ворота, потянулся за ним свободной рукой.

Зря.

Дернина, будто живая, поехала из-под ноги, и долгую (все, господа хорошие) секунду он балансировал на бетонном ободке, уже видя себя вместе с ведром и цепью летящим на дно колодца.

Как устоял, хрен знает.

Подтянул ведро, снял с крючка, отступил, подступил, изучая миновавшую его глубину. Любопытно же! О-у, есть там кто?

И только после этого сердце дернулось, в ноги напихали ваты, и Телицкий выполз из бурьяна на полусогнутых. В голове выстраивались фразы исключительно из мата и междометий.

Воды принеси...

Сейчас бы принес. Еще бы и шею свернул. А не свернул бы, так все равно поломался. Упал и ведром накрылся.

Рука тряслась, и вода плескала налево и направо, будто на освящении нечисти — обильно, купно. Изыди. Изыди.

Телицкий запнулся на крыльце и омыл водой доски, принес в дом едва половину от начального объема.

— Юрий, куда перелить?

— А видите, ведро стоит? — ответил Свечкин.

Голой до пояса, он работал шваброй у фанерной перегородки. Темная вода бежала от тряпки, вымытый пол поблескивал.

— У вас там грохнуться можно — только влет, — сказал Телицкий. — Я сам чуть сейчас...

— Вы уж осторожнее, — сказал Свечкин.

— Там хоть перекладину, что ли...

— А поищите доски за домом, может, найдутся подходящие.

— Я? — удивился Телицкий.

— Вам же сподручнее.

— Вы думаете, у меня других дел нет?

— А есть? — повернулся Свечкин.

Телицкий посмотрел в карие бесхитростные глаза, плюнул и, выходя, со злости грохнул ведром о косяк. Баун-нг!

— Товарищ журналист, — окликнули его от вынесенных лежачков.

Не одна напасть, так другая!

— Что?

— Вы не могли бы нам помочь?

Похож, похож был на отца Макар Ильич, а со своей просьбой обратился невпопад. За такие подходы хотелось уже в морду бить.

— Не мог бы, — резко ответил Телицкий. — У меня — ведро.

— А вы на обратном пути чайку нам захватите.

— Наверное, с чашками?

— И сахаром, — добавила бойкая Людка.

— Юру зовите, — сказал Телицкий, — Юра вас обслуживает.

Я и воду-то вам по своей доброй воле ношу, не нанимался.

— Балбес! — каркнула Ксения Ивановна.

— Да хоть кто!

У колодца Телицкий раздраженно достал телефон и, прикрывая экран ладонью, попытался рассмотреть, есть ли связь. Связи не было. Заряд батареи к тому же показывал всего одно деление. Завтра гавкнется. А он, Телицкий, кукукнется.

Впору молиться на водителя Колю, чтоб доехал и увез. Это ж понятно теперь, что у Свечкина за просветление — знает, как припахать.

Телицкий посмотрел на бетонное кольцо, на след своего ботинка и, бросив ведро, пошел в обход дома за доской. Подальше от отдыхающих.

В бурьяне доживала свое разломанная теплица, попрятав в траве куски целлофана, прибитые ржавыми гвоздями к рейкам. Обогнув ее, он наткнулся-таки на ванну, предлагаемую к

заполнению. Чугунный монстр возвышался на кирпичах, подложенных под коротенькие ножки. Доминантный самец, ни дать ни взять. Брюхо чернело копотью, белая эмаль внутри потрескалась и облезла.

Телицкий прикинул, какая прорва воды необходима, чтобы залить ванну до краев. Ведер двадцать. То есть, литров двести. Он же содохнет, пока наполнит. Ой, пожалуйста, если вас не затруднит...

Хрен вам всем!

Лично он никому ничего не должен. Он еще ведро принесет, ну, ладно, может десяток в ванну закинет. Гуманитарная помощь, так сказать, чтобы не говорили, что украинские журналисты ни на что не способны.

Обойдя дом, Телицкий заметил грудку досок, сваленных без всякого порядка. Некоторые были с гвоздями, некоторые держались вместе, прибитые поперечинами, часть темнела опалинами. Видимо, Свечкин, как крохобор, наташил отовсюду. А что власть донецкая, куда смотрит, ау! Могла бы и помочь.

Телицкий свернул одну доску, отбраковал, длинная, взялся за другую.

Что за люди? — думалось ему. Полгода уже не понятно чем занимаются, а проложить мосток, чтоб элементарно не сверзиться вниз, не в силах. Выше их разума. Все дядю ждут, что он придет, разберет, по головкам погладит.

Уроды немощные.

Подальше бы от вас, пода... Телицкий сморщился от наплывшей вони. Ну, ясно, выгребная яма прямо под домом.

Он торопливо переворошил кучу, выдернул три доски, сбитые наискосок четвертой, видимо, часть двери, и поволок их к колодцу.

Шевелил траву ветер. Подкараулив на углу, солнце брызнуло в глаза, и несколько мгновений Телицкий шагал вслепую.

И все! — звенело в голове. Все!

Он сбросил доски поперек бетонного кольца, попробовал ногой — чуть пружинят, но вроде бы вес держат.

Ведро закачалось на крючке и, оббив дно о крайнюю доску, ухнуло вниз, в прохладную тьму. Телицкий закрутил ворот в одну сторону, потом в обратную. Поймал стальную дужку в пальцы.

Значит, одно он уже отнес, это второе. А считать надо обязательно, он в Донецке потом предьявит.

Чуть перекосившись, Телицкий зашаркал к дому. Ведро жестяным боком, прикасаясь, холодило голень.

— Вы не свалились там? — спросила его Людка, поднимая голову с подушки.

— Нет, — выдохнул Телицкий.

— А мы уж хотели Юру звать. Колодец-то глубокий здесь. Думаем, вдруг вы утопли. Или сломали чего.

— Спасибо за заботу.

— Вы чаек по доброй-то душе на обратном...

Телицкий остановился.

Колкие слова так и вертелись на языке. «Сука старая» — было самым приличным словосочетанием. Лежат они, разлеглись...

— Христа на нем нет! — сказала Мария Никифоровна. — Убийца он!

Вздвигнув, Телицкий с ведром подступил к лежакам.

— Я ни в чем не участвовал, — процедил он, чувствуя, как плавают щеки. — Ни в чем! Нигде! Мне вообще похрену! И область ваша тоже! Как хотите. Вы — сами по себе и я — сам по себе. Я ни с кем не воюю!

— А что вы тогда здесь делаете?

Похожий на отца Макар Ильич, нацепив очки, смотрел на Телицкого подслеповатыми глазами. Мир дробился по краям толстых линз.

— Ничего, — сказал Телицкий, отворачиваясь, — воду ношу.

— Вот и носи, сынок.

— Вот и ношу!

Свечкин успел вымыть всю комнату и возил шваброй уже у самого порога.

— Куда? — спросил Телицкий.

— В кастрюлю, — показал Свечкин. — И в бак, что останется. Нет, погодите, у вас ноги грязные.

Он отобрал у Телицкого ведро.

От стены, не мигая, смотрел Всеволод.

— Я не воевал, — сказал ему Телицкий.

Всеволод сжал кулак.

— Я журналист, — сказал Телицкий. — Вы слышите меня? Этим враждебным отношением вы никому лучше не сделаете. Тем более, что всюду декларируется курс на сближение, на общее единение какое-то.

Свечкин перелил воду в кастрюлю, стоявшую на печи.

— Всех вас... — процедил вдруг Всеволод, краснея трясушимся лицом. — Всех вас в землю, в ад, в самое пекло!

Ненависть его была оглушительной.

— Вот спасибо, — холодея, сказал Телицкий, — а я вам воду тут...

— Не слушайте его, Алексей, — сказал Свечкин.

Он наполнил стоящий на табурете бак едва на треть, вода, во всяком случае, закончилась быстро, и передал ведро журналисту.

— Еще? — глянул исподлобья Телицкий.

— Если можно.

— Там, во дворе, чайник просят.

— Возьмете?

Телицкий нехотя кивнул.

— А чашки я им сейчас вынесу, — сказал Свечкин.

— Они могли бы и сами.

Свечкин улыбнулся.

— Алексей, они старые, им тяжело.

— А я? — повысил голос Телицкий, снимая горячий чайник с подставки. — Мне, получается, легко? Просто порхаю!

— У вас что, родителей нет?

— Есть, мать. Желает донецким и луганским гореть в аду, вот как этот ваш... — Телицкий дернул подбородком в сторону Всеволода.

— Простите ее, — сказал Свечкин.

Просветленный!

— Да бог с ней, — сказал Телицкий. — Я уже не обращаю внимания. Так, звоню иногда, интересуюсь, жива ли. Пойду я.

Он вздохнул, досадуя на то, что, возможно, наговорил лишнего, и выбрался наружу. Молча бухнул чайник на стол и завернул к колодцу.

Еще одно ведро.

Мышцы плеча заныли от непривычного напряжения. Ворот скрипел — да-вай, да-вай. Телицкий давал. Выловил, отцепил, понес.

Свечкин оделял стариков чашками.

— Я бак придвинул к порогу, — сказал он. — Сразу и лейте.

— Деньги бы с вас брать, — выдохнул Телицкий.

— Украина пенсии зажала.

— Да я так.

Телицкий зашел в дом, сдвинул плечом полог и, оставляя грязный отпечаток, встал одной ногой на тряпку. Желтый эмалированный бак вобрал ведро воды и не подавился.

— Эй, господин украинец, — позвал лысый Михаил Степанович с лежака.

— Я — журналист, — сказал Телицкий.

— Да мы знаем. Ты объясни, чего вы за нас цепляетесь?

— Я — не цепляюсь.

— Разве ты не украинец?

— Украинцы все разные.

— А кто ж нас бомбит тогда?

— Не знаю, я не участвую, это без меня. Понимаете, без меня! Не коснулась мобилизация! Не скачу, не стреляю!

Михаил Степанович наклонил голову, выпятил губу.

— Точно украинец.

— Вы знаете... — Телицкий стряхнул грязь с ботинка на чистый пол. — Мне воду носить надо. Между прочим, для вас.

— А совести нет.

— Вы сговорились что ли? — взорвался Телицкий. — Это я разве виноват, что у вас тут ни света, ни хрена нет? Что вас все бросили, и только Свечкин надрывается и обихаживает эту богадельню? Блаженный выискался тоже! А где власть ваша? Где эти... Захарченко, еще там... Где? Я вот здесь, а они — где?

— Алексей, — Свечкин, появившийся за спиной, тронул его за плечо.

— Да идите вы! — дернулся Теплицкий. — Я-то что?

Он выломался из тесных сеней на крыльцо, плюнул, в последний момент сдержал руку — а так бы взлетело ведро в зенит и ухнуло вниз, на отдыхающих. Потом приписали бы подлое преступление против жителей Донбасса.

В бурьяне, у колодца, ему стало полегче.

Дергало сердце: вот какого хрена претензии — к нему? Он — Порошенко? Яценюк? Клишкин? Кто там еще?

Трава успокоительно шелестела: забудь. Завтра ты уже будешь в Киеве. А эти старики, Свечкин, водитель Коля останутся дурным сном. Пути разойдутся, и ты просто вычеркнешь командировку из памяти.

Он устало поднялся.

Дзон-н! — поехало ведро. Что бы ни говорили, а воды он им наносит. Чтоб захлебнулись. Полную ванну!

Телицкий представил, как Свечкин сгружает в гигантское чугунное корыто всех этих немощных любителей свежего воздуха, сверху еще Всеволода на лежаке, а снизу, потрескивая, начинают одеваться ярким огнем дрова. Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, старые?

Да, кровожадно, да, апокалиптически. Довели.

Ведр десять Телицкий относил на автомате — крутил ворот, снимал с крючка, шел к ванне, отпихивая тепличный целлофан, и вливал воду в ненасытную утробу. Свечкин мелькнул было на периферии зрения, но ничего не сказал. Мог ведь сыренизировать, мол, чудо чудное, украинец — и работает.

Хотя сам он тоже... Или он уже не украинец? Перепрофилированный украинец? Переобувшийся в прыжке?

Воды в ванне словно и не прибавлялось. Пробка вроде бы держала. Насмешливо плавали по поверхности листики и травинки.

Телицкий вспотел.

Он сделал еще четыре ходки, уже задыхаясь и на подгибающихся ногах. Чугунный монстр наконец соизволил заполниться на треть. Телицкий даже похлопал его по черному боку, безбожно пачкая руку.

Распогодилось. Небо сделалось синим, светлым. В него бесильно пыхала дымом печная труба. Где-то далеко бухнуло, но Телицкий даже не обратил внимания. Ну, бухнуло. Мало ли придурков на свете?

Пот полз по лбу и по щекам, ветерок остужал кожу.

Телицкий стоял и смотрел, как лежат старик и старухи. К ним вышел услужливый Свечкин, поставил на стол баночку

гуманитарного варенья, подсел к Марие Никифоровне. Она, приподнявшись, обняла его за шею.

А не геронтофил ли он? — подумал Телицкий.

Но все оказалось проще — Свечкин подхватил старуху под колени и на горбу потащил ее в дом.

Я — маленькая лошадка, завертелось у Телицкого в голове.

Нет, это от души. Он их, наверное, и в туалет и по прочим делам так таскает. Еще бы за раз двоих брал. Особая областная кавалерия. Нет, такси. А сейчас я покажу вам наши достопримечательности...

И-го-го!

Телицкий шагнул к колодцу.

— Алексей, — услышал он голос Макара Ильича, — вы не могли бы...

Это был подлый, прицельный, беспощадный вопрос в спину. Интересно, можно ли накрыться ведром и отползти туда, где бурьян погуще?

— Да? — выдохнув сквозь зубы, повернулся Телицкий. — Вы тоже претендуете на перевозку на закорках?

— Нет, что вы! — отклонился на лежаке Макар Ильич. — Я за Ксению Ивановну попросить хотел. Вот ее бы...

Телицкий вздрогнул. Ему почему-то вспомнился Гоголь с его «Вием». Ездил, ездил на честном парубке Хоме Бруте ведьма, пока не заездила.

Перекреститься что ль?

— Я лучше воду, — криво улыбнулся он. — Сейчас Юрий появится, отнесет, как он умеет. А я с лежаками подключусь.

Вдалеке бухнуло снова.

— Вот чего они стреляют? — подняла голову Людка и выпростала руку из-под одеяла. — Вот чего? — она направила ее ладонью в небо, словно обращаясь к кому-то там живущему. — У них расписание или так лупят? Или пьяные там все? Они по кому бьют?

— По Горловке, кажется, — сказал Макар Ильич.

— Зачем?

— Дьяволы, — подала голос Ксения Ивановна. — Вот и весь ответ.

Телицкий предпочел вернуться к колодцу.

Перевернул ведро, сел, достал сигареты. Закурил, наблюдая сквозь бурьян, как появляется блаженный Свечкин и подхватывает Ксению Ивановну. Ее он бережно понес на руках, видимо, не уверенный, что она удержится на спине.

Телицкий скривил рот.

Сука, подумалось ему. Какое, к чертям, интервью? Что спрашивать-то? Не хотите ли вернуться? Ага, хочет он, аж торопится! Каким видите свое будущее? Что пожелаете читателям нашей газеты? Дружите ли вы с головой?

Телицкий выдохнул дым и понял вдруг, что тошно ему вовсе не от вопросов, которые надо задавать, а от предполагаемых ответов.

И ведь не ясно, кто будет выглядеть идиотом.

Он затыкнулся. Вопрос: а такие ли они другие? Все люди разные. Свечкин — просветленный. Бусыгин — сука. Старики — слабые.

Нет, все же донецкие и луганские — упертое дурачье. А мы тогда? Может мы тогда... Если с другого ракурса?

— Алексей!

Телицкий вздрогнул и поднялся.

— Что?

Свечкин махнул ему рукой.

— Давайте лежаки занесем.

Лежаки были пусты. На столе, в окружении чашек, топорщила золотистый край распотрошенная пачка печенья.

Обтирая носки ботинок о траву, Телицкий подошел. Они взяли за перекладины.

— Много наносили? — спросил Свечкин.

— Ведер пятнадцать.

— На ванну около сорока нужно.

Телицкий стукнул каблуком о крыльцо.

— Кому нужно?

— Им, — качнул головой на дверь Свечкин.

Телицкий промолчал. Синхронно приподняв лежак, они втиснули его в дверной проем.

— Ну а кто, если не мы? — спросил Свечкин.

Одеяло упало, Телицкий едва не наступил на него.

— А других нету?

— Видите же.

Они поставили лежак у печки. Свечкин вернул одеяло на место. Старики и старухи, рядом сидящие за придвинутым столом, ели вареную картошку, кто ложкой, кто руками. У Марии Никифоровны размотался бинт и лежал в миске экзотическим гарниром. У Всеволода в жуткие складки сбивалось родимое пятно. В двух банках краснели маринованные помидоры.

Вышли за следующим лежаком.

— Не понимаю, с какой радости, — сказал Телицкий, — ни-кто ж ничего, ни Россия, ни Захарченко. Какой-то мазохизм.

Свечкин вдруг светло улыбнулся.

— Я расскажу. Они лягут после обеда, и у нас будет время.

— Я надеюсь.

Они занесли и расставили лежаки. Запахи еды мешались с запахами лекарств, белья и слабого, идущего от полов лимонного аромата.

— Перекурим? — спросил Телицкий.

— Вы идите, я сейчас, — сказал Свечкин.

— Ясно.

Телицкий вышел на крыльцо, подставил лицо нежаркому солнцу, ощущая, как мягкая усталость разливается по плечам. Наносился. Обслужил. И где хоть слово благодарности? Жди до морковкина заговенья.

Куриль расхотелось.

Телицкий достал телефон и побрел к дороге, пытаясь поймать хоть одно деление на значке связи. Мимо и мимо.

Он свернул, поднялся из низинки в разбомбленную пустоту. Не ловило. А к вечеру, пожалуй, и разрядится.

Телицкий зигзагом прошел чуть дальше, и деление вдруг вспыхнуло и погасло. Шаг назад, шаг в сторону — ничего. Он поднял трубку над головой, прошел назад к домам в низинке.

Загорелось.

Почему он набрал номер матери, а не редакции — бог знает. Видимо, среди стариков подныла душа: она-то там как, без тебя? Забыл?

— Мам?

В телефоне шипели помехи.

— Алло?

Голос матери был резок. Он представил, как она, привстав на кровати, хмурит лицо, пытаюсь разобрать сквозь шипение, что ей говорят.

— Мама, это Леша. Как ты?

— Я — хорошо, — несколько отстранено сказала мать. — А ты где?

— Я в командировке, на Донбассе.

Телицкому приходилось кричать, он почти физически ощущал, как слова продираются сквозь расстояние.

— Где?

— В командировке! Под Донецком!

— Убивай их, — сказала вдруг мать. — Они не достойны... Это другие люди... они сами...дох...

Связь прервалась коротким гудком.

— Алексей.

Телицкий обернулся, пряча телефон в карман.

Свечкин, стоящий у одноногого столика, показал ладонью на расставленные тарелки.

— Пообедаем?

— Да, — кивнул Телицкий, возвращаясь, и смущенно объяснил свою отлучку: — Матери звонил.

— Дозвонились?

— Нет.

— Здесь плохо ловит.

— Я понял. И электричества нет, не зарядиться.

— Подкиньте чурбачок, — попросил Свечкин.

— Ага.

Подпнув один чурбак Свечкину и взяв из кучи второй себе, Телицкий запоздало сообразил, что куда-то сюда вчера вечером мочился.

В тарелках лежало по три небольших картофелины, по куску тушеного мяса из банки, в осколках жира, и по помидоринке.

— Не густо, — сказал Телицкий, обтирая ладони о джинсы.

— Чем богаты.

Свечкин подал ему тонкий ломтик хлеба.

— И хлеба у вас — в обрез, — констатировал Телицкий.

— Завтра Николай привезет.

— А вы как наседка.

Свечкин пожал плечами.

Несколько минут они молча ели. Картошка уже остыла, а мясо так и вовсе было холодным. Помидорка понравилась Телицкому больше всего.

— В зоне разграничения нас покормили гречневой кашей, — сказал он. — А в Киеве стало много бомжей.

— Бывает, — сказал Свечкин.

— Мне кажется, мир катится ко всем чертям.

— Умирает то, что должно было умереть.

— Вы про Украину?

— Про то, во что она превратилась.

— Хорошо, — Телицкий отставил тарелку, — во что же она превратилась? Во что я превратился вместе с ней?

Свечкин посмотрел на него, сосредоточенного, напряженного, своими теплыми, светлыми глазами и подвинул бутылку минеральной воды на ноль-пять литра. Телицкий скрутил колпачок, отхлебнул из горла.

— Ну же. Честно.

— Вас никогда не пытали, Алексей?

Телицкий на мгновение задохнулся.

— Кх-что?

— Всеволода вот пытали, — тихо проговорил Свечкин. — Он увидел, как нацгвардейцы тащат к себе в грузовик двух девчонок и сказал фашистам, что они фашисты. Ну, его, значит, ногами отбучкали и погрузили тоже, всех вместе отвезли.

От копчика к загривку Телицкого продрал холодок.

— Мы рядом стояли. Они в четырех домиках, мы в поле, в палатках. Их человек пятьдесят, нас сорок при пяти гаубицах. Все свои, ходили друг к другу.

Лицо у Свечкина осунулось.

— Пил я тогда много, — сказал он с глухим сожалением. — Поймали, мобилизовали, оформили, приставили подносчиком

снарядов. Мне что? Майдан! Свобода! Украину не любите? Ночью лупим куда-то, днем пьем. Как в дыму...

Он накрыл ладонью глаза, отнял. Телицкий поразился, какой болью вдруг сжало его лицо.

— Мы же и сюда куда-то лупили. Не знаю... Весело было, придурку. Орешь: «За ридну Украину!», вокруг такие же черти скачут, скалятся, гаубицы бухают, двадцатикилограммовые гостинцы шлют. Думаешь, по войскам?

Свечкин усмехнулся.

— Это не пропустят, — сказал Телицкий.

— Дальше рассказывать?

— Да.

Свечкин повертел в пальцах пластиковую ложку.

— Там уже и не просыхаешь. Голова гудит, голоса шепчут, тебя все время тащит куда-то, как на чужих ногах, а земля из-под них выворачивается, будто тоже участвует в этом... в конкурсе «Кто не скачет, тот москаль». У гвардейцев чуть в стороне погребок был вырыт, яма листами железными накрыта и землей присыпана. Электричество, печка-буржуйка, койки деревянные. Пыточная. Тропка еще такая, натопанная...

Свечкин встал, заходил у стола кругами.

— А рядом еще сарайчик был, тихий-тихий. Там держали пыточный материал. Бог знает, почему я на эту тропку шагнул. С пьяну. А, может, Бог и привел. Он всегда дает шанс. Я дверь открываю и не могу разобрать: будто туша висит для разделки. Лампочка еще на проводе неяркая, а у туши вся кожа на боку отпластована. Кровь бежит вяло. Я взгляд опускаю, а там... Там ноги человеческие. И меня словно током...

Свечкин снова сел, вслепую пошарил на столе. Телицкий сунул ему бутылку.

— Знаете, — проговорил Свечкин, сделав несколько жадных глотков из бутылки, — бывает, словно тебе не желудок, а душу выворачивает, вот все, что от нее еще осталось, все наизнанку перекручивает, и тут уже или вешайся, или... или спасай... Хорошо, не было никого, только Всеволод и висел. Его оставили на «подумать». Сами ушли передохнуть. А меня колотит. Попались бы под руку, и они, и я сам бы там и кончились. В голове только: «Ну чем же вы так, суки? Не звери же мы... Не звери...»

Свечкин замолчал, взгляд его уплыл через дорогу, к деревьям.

Телицкий обнаружил, что застыл в непонятном напряжении и с трудом сломал позу, двинул плечом, перекособочился, выцепил пачку и сунул в зубы сигарету.

— Будете курить? — спросил он Свечкина, но тот мотнул головой.

Молчание длилось с минуту, Телицкий жевал мундштук, почему-то так и не закурив.

— В общем, — сказал Свечкин, возвращая взгляд, — веревки я обрезал, бок Всеволоду чем-то залепил, перевязал, взвалил на себя... И попер его в ночь, лишь бы в яме не оставлять. Тоже, думаю, чудо, что нам никто по пути не встретился. Висел бы я рядом... Ну, я пьяный, ноги кренделя выписывают, но как-то не бросил, не упал. С дороги в кусты, в холмики потянуло. Не звери, шепчу, не звери. Постою, передохну с хрипящим на плече стариком и снова... Досюда метров двести не дотопал.

— Почему? — спросил Телицкий.

— На разведчиков наткнулся. Взяли в плен, допросили, пару раз хорошо по морде съездили. А мне как бы и все равно. Остаток ночи здесь, в низинке, лежал и очень хотел сдохнуть. Потому что тварь был и сволочь. Колотило внутри, о землю колотило. До могилки не доколотило только. Многое передумал. Многое понял. Многое перерешил для себя. До озноба — не так жил, не для того...

— А сейчас?

Свечкин улыбнулся.

— Сейчас — так.

— Со стариками и впроголодь?

— Вы не поймете.

— Почему же? — Телицкий запальчиво выбросил сигарету. — Разве я какой-то не такой? Другой? У меня другие мозги?

— Возможно.

— Спасибо за интервью!

Телицкий сделал попытку встать, но под взглядом Свечкина, странно-светлым, мягким, даже слегка обиженным, сел на место.

— Ну, что?

— Меня никто не заставлял ухаживать за стариками. Я сам так решил.

— Но почему?

Свечкин помолчал.

— Потому что это мое покаяние. Моя попытка исправить, сделать мир лучше. Потому что каждый человек отвечает за все, что делается вокруг.

Телицкий усмехнулся.

— Здесь мы с вами поспорим.

— Не о чем спорить, так и есть.

— Хорошо, — кивнул Телицкий, — возьмем меня. Что я могу? Ничего! Ни-че-го. Правдивую статью написать — не могу. Сказать, что думаю, — не могу. Против оружия, на меня наставленного, — вообще ничего не могу. От меня ничего не зависит. Тем более, мне и не хочется, чтобы от меня что-то зависело. Для меня важно, чтобы было тепло, солнечно и от стрельбы подальше. Чтобы меня никто не трогал!

— Это-то понятно, — вздохнул Свечкин. — Только если вы не хотите ни за что отвечать, вы и требовать ничего не можете. Ни тепла, ни солнца, ни тишины.

— А вы вот, — Телицкий обвел руками пространство, — за все это отвечаете и что, всем обеспечены? Требуете и дают?

— Очень плохо с лекарствами, — сказал Свечкин, — просто беда.

— Ну вот!

— Только я не об этом. Это наладится, я верю. Я к тому, Алексей, что вы не сможете спрятаться от того, что вам в той или иной мере придется отвечать.

— Мне? — Телицкий рассмеялся. — Я ни в чем не участвовал. Не ходил, не скакал, не жег. Даже в сети ничего не писал. За что мне отвечать?

— За Украину.

— Что вы вешаете не меня страну как хомут? Вы ведь тоже, получается, должны ответить.

— Потому я и здесь.

Телицкий постучал по столешнице пальцами.

— То есть, вы перед стариками за Украину прогибаетесь?

— Искупаю свою вину. Как могу.

— А я вот вины не чувствую!

— Совсем? — Свечкин посмотрел Телицкому в глаза.

Тот отвел взгляд.

— Почти. Это Порошенко и прочие! Вот они! Они обещали! Вогнали нас в дерьмо, и мы барахтаемся в нем всей страной!

— Вы знаете, в чем засада, Алексей? В том, что мы из раза в раз из одного дерьма попадаем в другое, уже погуще. В душу себе загляните.

Телицкий прищурился, достал новую сигарету, последнюю.

— И что?

— Сначала придет стыд. Густой, махровый, жуткий.

— Ну-ну.

— Потом вопрос: кто я и что я.

Телицкий пощелкал зажигалкой и закурил.

— Вы про русский — не русский?

— Да. Не только, но в основном. В том смысле, на что вы можете опереться, на историю, на цивилизацию или на пустоту.

Ворохнув деревья через улицу, налетел порыв ветра, сбросил со стола пластиковые ложки, прибил горьковатый дымок из жестяной трубы.

Телицкий ссутулился.

— Вы думаете в этом все дело?

— Знаете, я лежал там в низинке, в челюсть приложенный... Я лежал и думал, как там дед этот. Не о себе, как всегда, не о том, что меня, красивого и невинного, возможно, расстреляют... Выживи, дед, думал я, выживи, пожалуйста!

Телицкий усмехнулся, но ничего не сказал.

— А потом меня накрыло, — сказал Свечкин. — Это словно кто-то свыше дает тебе выбрать, кем быть дальше. И ты понимаешь, что верный-то путь один, но, двинувшись по нему, тебе некому будет жаловаться, и отвечать за все — тебе, и искупать свое и чужое зло — тоже тебе, и прошлое выжигает в тебе память: Господи, прости, прости, прости меня за мои грехи, я не хочу и не буду больше!

— Проникновенно, — Телицкий поежился, затянулся, выпустил дым в сторону. — И что, теперь вы, типа, стали другой?

— А иначе и не получится.

— И это, значит, все тут такие? — Телицкий махнул рукой с зажатой в пальцах сигаретой на деревья — где-то там был Донецк.

— Я говорю только за себя, — сказал Свечкин.

— Жалко, что вас одного перекроило. Был бы универсальный рецепт, глядишь, спасли бы Украину. Все бы стали как вы.

— Люди сами должны смотреть в свои души.

— Не, ну что это? — Телицкий затушил сигарету о край тарелки. — Вы же знаете, как это на Украине. Украинца нужно заинтересовать.

— Неужели вам и осознания хочется на халяву? — удивился Свечкин.

— Ну, как... — Телицкий пожал плечами. — Это ж надо понять.

— Что понять?

— Ну, как жить с этим.

— О, господи! Вы словно «пробник» просите. Только я, извините, не Круглов.

— Кто?

— Мужик тут мотался по области. Хороший, говорят, мужик. Я не успел познакомиться. Лечил украинство наложением рук.

— И?

— Ваши подловили его. Подорвали автомобиль. В ноябре, кажется.

— Вот как.

Они помолчали, потом Свечкин качнул головой.

— Я думаю, вы все понимаете. Просто вам страшно.

— Мне страшно быть на всю голову ударенным! — взорвался Телицкий. — Такой, не такой, другой... Все здесь изображают не то, чем являются. Вояки, старики. Вы тоже! Ах, ах! Меня всего перекутило, душу — в лоскуты, мозги — всмятку! Вы лучше скажите, когда эта жопа кончится? Мне больше не надо ничего. Когда, и все.

— Когда вы изменитесь, — сказал Свечкин. — Раскаетесь...

— Да-да, мы раскаемся, мы приползем, и тогда уж вы нас, как рабов...

Телицкий махнул рукой, не желая продолжать.

— Все же вам страшно.

— Чего страшно-то?

— А вы закройте глаза.

— Чего?

— Закройте, закройте, — попросил Свечкин.

— Будете, как Круглов?

— Я не умею.

Телицкий запустил пятерню в волосы. Другие люди! Дру-ги-е.

— Хорошо, я закрою, и что?

— Я вам объясню, — сказал Свечкин.

Телицкий подвернул чурбак, чтобы сесть удобнее, посмотрел на собеседника, спокойно выдержавшего взгляд, выдохнул и закрыл глаза.

— Все.

— Теперь дышите медленно и глубоко и опускайтесь как бы в себя.

— В детство?

— В то, что вас составляет. И не разговаривайте.

Телицкий кивнул.

В темноте под веками распахнулась воронка, окаймленная чуть синеватыми краями. Вот она сделалась ближе, и край ее уплыл в сторону и вверх.

— Спросите себя, кто вы, — сказал Свечкин.

Кто я? — мысленно выдохнул Телицкий.

Путь вниз во тьме отмеряли сиреневые и зеленые кольца. Ветер играл волосками на руках.

Кто я?

Телицкий, Алексей Федорович, семьдесят девятого года рождения, по национальности — украинец. Так в паспорте записано.

Паспорт мой — с трезубом.

Глупый вопрос, кто я. Человек. Со своими желаниями и нуждами. С мечтами. С усталостью. С головной болью. С матерью, которая смотрит телевизор двадцать четыре часа в сутки, а там:

зрада — перемога, перемога — зрада, мы тихонечко, на коленях ползем в Евросоюз, ну, поза такая, что ж поделаешь!

Кто я...

— Подумайте, в чем состоит смысл вашей жизни, — приплыл голос Свечкина. — Ради чего вы живете. И чего вы боитесь.

Тьма дрогнула.

Боюсь... Телицкий незаметно сжал пальцы. Смерти я боюсь. Одиночества боюсь. Увольнения боюсь. Голода, холода, отравления...

Сука, в колодец упасть — боюсь.

И почему я не должен этого бояться? Кто поможет мне? Никто! Может, Петр Алексеевич Порошенко озаботится рядовым журналистом? Хрен! Путин снизойдет?

Я один. Всегда. Всюду.

Потому что во всем цивилизованном ми...

Телицкий замер, оборвав мысль.

— Вставай, страна огромная, — вдруг пророс в нем тихий, но твердый голос Свечкина, — вставай на смертный бой...

Темнота всколыхнулась, комок подкатил к горлу.

— С фашистской силой темною...

Воронка спазматически сократилась, нанизывая, тесно сбивая вокруг Телицкого цветные круги. Мягкий сумрачный свет протек в нее сверху.

— С проклятою ордой.

Телицкий не уловил, когда рядом вытянулись темные, чуть подсвеченные фигуры. Мужские, женские, детские. Они встали, они гигантскими крыльями распахнулись за плечами в бесконечно-длинном строю.

В кольчугах и со щитами, с копьями и стягами. В стрелецких кафтанах с пищальями и бердышами. В шубах и в платках. В рубашках и в штанах. В гимнастерках и в галифе, с винтовками и связками гранат. В сарафанах. В мундирах. В кителях. В бинтах. Изможденные и серьезные. Веселые и спокойные.

Мертвые и живые.

Они смотрели строго и безмолвно. Они словно ждали чего-то от Телицкого. Не лица — лики, наполненные светом.

— Пусть ярость благородная...

Телицкий заплакал.

От стоящих за ним шло тепло и неистребимая, непонятная, непоколебимая уверенность в правоте, в жизни, в победе.

В единстве.

— ...вскипает, как волна...

Гимн тяжелой волной ходил в Телицком, какие-то древние нечистоты вымывая с души. Он стиснул зубы.

Кто я? С кем я? Зачем я?

Страшно, господи. Страшно. Нет во мне ничего, одна пустота.

Выдержу ли?

Телицкий с трудом разлепил глаза и торопливо, ладонью, отер щеки. Свечкина напротив не было. Ни Свечкина, ни тарелок на столе.

Вот и хорошо, подумалось Телицкому. Замнем. Никто не видел.

Тело еще дышало, еще жило гимном. Злость, скорбь, воздаяние. Идет война народная... Вот оно как.

Телицкий попробовал встать и неожиданно почувствовал себя дурно. Солнышко пробежало за облаками, тошнотворно прошлестел бурьян. Телицкий едва не завалился, но кто-то мягко подпер его ладонью.

— Спасибо, — кивнул невидимому помощнику Телицкий.

Обернулся и никого не увидел.

— Алексей! — крикнул с крыльца Свечкин. — Вы как?

— Плохо.

— Что?

— Мне бы полежать.

Свечкин слетел по ступенькам.

— Слушайте, у нас никаких лекарств... — подставив плечо, он заставил Телицкого подняться. — Валериана если.

— Бросьте на кровать, и я сам...

— Дотерпите до завтра?

Телицкий кивнул.

— Наверное, напекло. Солнце у вас... другое.

В проплывающих мимо предметах кое-как угадывались ступеньки, дверь, полог, темная, заставленная лежаками комната. Потом словно само собой накренилось, обрело жесткую, ребристую

структуру пространство, сверху опустилось, укутало одеяло. Оказалось, что только что было холодно, а сейчас тепло.

— Чаю? — возник перед глазами Свечкин.

— Да, — улыбнулся Телицкий, — было бы хорошо.

Уснул он, чая так и не дождавшись.

Спал плохо. Холод проникал из реальности в сон, снился заснеженный лес, треск сучьев, какие-то тени. Перед пробуждением он вдруг увидел Натку Симоненко, которая встав над ним, спрашивала: «Где интервью, Телицкий? Мы же у тебя из твоих гоноров будем грант вычитать, чтоб ты пропал!»

Телицкий послал ее в задницу.

Прихватив одеяло, в темноте он выбрался из кладовки. Ноги подгибались. Голова была тяжелая.

— Вы куда? — спросила его Ксения Ивановна, что-то читая при свете свечи.

— Посижу во дворе, — сказал Телицкий.

Небо было чистое, звездное. Над шапкой далекого леса рассветным провозвестником плыло зеленоватое свечение.

Ни сигарет, ни желания курить. Кто я? Какое уютное безумие — быть украинцем. Никому не должен, но все, по гроб жизни...

Маленький, куцый мирок, похожий на могилу. Но свой. Частный. Не замай!

Телицкий вздохнул, пошатал зачем-то стол и пошел к колодезю. Нашарил ведро, повесил на крюк, сказал вслух: «Ну, дурак я» и взялся за ворот.

На ванну потребовалось еще восемнадцать ведер.

Привычные мысли куда-то сдриснули, и Телицкий просто считал ходки туда-обратно. Одна. Вторая. Седьмая...

Свежий ветер путался под ногами, дышал в лицо.

Странно, Телицкий не чувствовал усталости. Вернее, чувствовал, но она обреталась где-то на периферии сознания. А вот петь или смеяться в голос хотелось невероятно, он с трудом сдерживался.

Накормили чем-то, весело думалось ему. Ну не может же быть, чтобы само... Легко на сердце от песни веселой...

Последнее ведро Телицкий приволок в дом и, стараясь не шуметь, поставил у двери. Снял ботинки, осторожно пробрался в кладовку, посмотрел на спящего Свечкина и потом долго сидел перед кружкой остывшего чая, вспоминая деда, выколупывая из памяти, какой он был, где воевал, не рассказывал ведь почти ничего своему внуку, хмурился, усы седые, правая рука без пальца, медали.

Пусть ярость благородная...

Разбудил его звук клаксона: би-ип! би-би-ип! Телицкий не поверил, вскочил, пробился через старух на крыльцо.

— О! — словно старому знакомому закричал Николай, выбираваясь из «лэндровеера». — Какие люди! И как оно?

— Нормально.

Спустившись, Телицкий пожал протянутую ладонь.

Николай открыл багажник. Вместе они перетаскали продукты, туалетную бумагу, одежду, кипу журналов, железные уголки в дом.

— Интервью взяли? — спросил Николай.

— Взял, — кивнул Телицкий.

Свечкин появился из-за дома, голый до пояса, потный, с лопатой в комьях земли.

— Грядки устраиваю, — сказал он, здороваясь с водителем. — Потом еще повыше под картошку соточку бы перекопать.

— Я окончательно договорился, — сказал Николай. — В мае завезут брус, в июне-июле жди бригаду. Может, еще я с мужиками подъеду.

— Чаю попьешь? — спросил Свечкин.

— Ага. Перекурю только.

Телицкий воспользовался моментом и полез в салон на переднее сиденье.

— Я посижу пока?

Николай усмехнулся.

— Так не терпится?

Телицкий не ответил. Пахло освежителем и нагретым пластиком.

— Ну, твое дело, сиди — сказал водитель и, переговариваясь со Свечкиным, пошел к дому.

У крыльца они остановились. Николай оббил от грязи короткие сапожки, Свечкин угостился сигаретой.

Телицкий захлопнул дверцу и откинул голову на подголовник. Ну, вот, можно и домой. Он закрыл глаза. Только гадко почему-то. Почему? Воды наносил. И все же... Ему показалось важным выяснить это до отъезда.

Я кто? — спросил он себя.

Сердце защемило. Где мой мир? Ну, не здесь же, среди Всеволодов и Ксений! Я же сдохну от тоски на грядках, в глуши, с радио при наличии батареек. А Свечкин будет звать меня раскапывать чужие погребки в поисках чего-нибудь вкусного. Вот радости-то! Мы будем скакать над банкой огурцов.

Я привык к другому.

Телицкий со свистом втянул воздух, словно его ударили в поддых. Почему же гадко-то так? Я уезжаю, да, я уезжаю.

Я не обещал. Я не чувствую за собой вины. Я никому ничего не должен. Они тут сами, в своем, со своими тараканами. А то, что было вечером...

Телицкий выпрямился.

Внутри его словно завибрировала, зазвенела старая, проржавевшая пружина. И кто-то словно подтянул ее, поправил, добываясь чуть слышной вибрации.

Пусть ярость благородная...

Телицкий задохнулся. Он ощутил вдруг себя частью русского мира, миллионов и миллионов людей, уже ушедших, проживших и растворившихся в этой земле.

Они смотрели на него, они жили в нем и с ним, он нес их в себе.

Он понял: он больше, чем один человек. Он — лес, он — простор, он — жизнь. Он — мир, целая страна, раскинувшаяся на шестой части суши, громадная, сильная, прорастающая наперекор злой воле. Он — все, кто были до него. Их надежды, их мечты, их будущее.

И самая большая тайна: он бессмертен!

Он растворится в воздухе и в почве, в воде и в листьях. В детях!

Глупо требовать что-то от самого себя, когда ты — все. Ты все можешь и должен делать сам. Поддержка — внутри тебя. Силы — внутри тебя. Помощь — всюду. И цель твоя — чтобы мир стал

лучше, жизнь людей стала лучше, не одного, не двух, всех, по возможности, всех.

Господи, подумалось Телицкому, я же даже не себе, я предыдущим поколениям обязан, они жили, они строили, они гибли ради того, чтобы с каждым новым поколением, с каждым годом... Они же за меня, в том числе... не спрашивая, не жалуясь, взвалив на женские, мужские, детские плечи...

А я?

— Куда?

Серая лента грунтолки уходила под капот. По обочинам вспухали, пенились кусты. Впереди белел город.

— Проснулся? — спросил с водительского сиденья Николай. — Я тебя будить не стал, сумку твою взяли, через полчаса уже будем.

АНГЕЛ НА ПЛЕЧЕ

Старика Егорова в селе не то, чтобы недолюбливали. Правильнее сказать, избегали по возможности. Сам Егоров это обстоятельство так понимал: правду про других все сказать готовы, а за себя правду услышать — это уже болезненно для человеческой натуры.

А старик имел свойство про все иметь свое мнение. Когда в Киеве майдан начался, народ шушукался, дескать, в этом Киеве все — не слава Богу, зато у нас в селе тихо и спокойно. Егоров же напоминал оптимистам историю, как еще 10 лет назад в соседнем районе кумовья друг на друга с топорами пошли, потому, как один за Яныка был, а другой — за Юща.

Когда из области новость пришла о народной республике, народ по большей части вздыхал облегченно: если «западенцы» могут от Киева отделяться, то чем на Донбассе люди хуже? А старик в ответ упорствовал: «И что вам ЛНР пенсию что ли платить будет?!»

Борька, местный тракторист все над Егоровым подшучивал: «Вы, Николай Иванович, контрреволюционные вещи говорите. Да вас бы в 1917-м за это дело большевики бы к стенке поставили!». Старик в ответ хмыкал, с Борькой спорил и даже «малолетним обормотом» называл, хотя Борьке на тот момент уже за 30 было.

Когда война пришла, Борис, как шептались соседи, в ополчение ушел. Позже уходили ополченцы через село, технику свою тянули, а Егоров все глаза проглядел Бориса высматривая. Спросить боялся: хмурые брели ополченцы, потому как отступали. Мария Павловна, соседка Егорова через два дома, крикнула: «Что, хлопцы, навоевались, тикать теперь?! А нас тут оставляете?!».

Егоров Марии Павловне ничего тогда не сказал. Потому что женщина в отчаянии всегда в точку бьет. Наотмашь.

Жену свою он аккурат на второй майдан похоронил. Через пару недель после похорон запил. Запил отчаянно, буквально заливался этой водкой поганой. Уже и соседи пытались усовестить, мол, Иваныч, тебе ж 75 лет, сгоришь ведь! А им невдомек было, что жена для Егорова единственным якорем в этой жизни была. Она единственная старика и терпела, и слушала, и обнять могла, если тому вообще невоготу было. И на огороде успевала порядок держать, и в доме.

В общем, спокойно они жили. А потом — простуда, три дня температуры, и нет жены! Вот так бы и пил бы он до самой смерти, ежели б в одно утро не сказала жена ему над ухом: «Коля, убьешь ведь себя!».

Старик по первах решил, что белая горячка в дом пришла. Весь день от похмелья маялся. А к вечеру как пришел более-менее в себя, жена снова над ухом: «Ты бы порядок в хате навел, Коля!».

Вот так с неделю они и общались. Понятно, что только в доме, скажи кому на селе, пальцем у виска крутанут, а любой другой и вовсе санитаров вызовет.

Но спустя неделю шепнула жена: «Пора мне, Коля». И замолчала. Навсегда. Старик по привычке продолжал с ней шепотом говорить, за жизнь на селе рассказывать. Думал, отзовется жена. Но та ушла насовсем.

Зато с водкой Егоров Николай Иванович распрощался окончательно и бесповоротно.

А потом война началась. И вскоре украинские войска в село зашли. Другая жизнь началась. На жизнь совсем непохожая. Потому что днем надо было дров попытаться нарубить, под пулю «освободителя»-снайпера не попав, потом на край села за хлебом добрести и на «нациков» пьяных не нарваться, а ночью в погреб лезть, потому что ополченцы попыток занять село не прекращали, а к зиме 2015-го, похоже, всерьез что-то задумали, потому что взаимные обстрелы продолжались и днем, и ночью.

Но, ни та, ни другая сторона, как думал Егоров, в расчет остатки населения не принимали.

* * *

«Ходики» как раз полдень пробили, когда в дверь Егорова постучали. Старик удивился даже: к ним и по мирному времени гости без предварительного уведомления редко-редко заходили, а уж сейчас, когда на улицу и по делу выйти опасно...

— Открыто! — крикнул Егоров.

Зашел на 10 лет младше его Мазей Максим Николаевич. Когда-то, в, казавшейся такой нереальной нынче, мирной жизни любили Егоров и Николаевич посидеть на лавке за жизнь повспоминать. Тем более, что вспомнить было чего.

— Иваныч, ты сам? — тихонько спросил Мазей.

— Не, женился вчера, вон жена огурцы закрывает! — ворчливо пошутил Егоров.

— Да не, я про военных, не видно?

— Максим Николаевич, они ж тут все заминували и сами уже не помнят, где что ставили! Ты огородами шел?

— Огородами, по-над посадкой, да... — растерялся Мазей.

— А шел бы улицей, я б тебя услышал, только мы б уже с тобой не тут говорили, а потом, на том уже свете! — веско уточнил Егоров.

— Ну, слава Богу! — выдохнул Мазей. — Я к тебе Иваныч вот зачем пришел. Помощь твоя нужна.

— Кажи!

— Да Борьку надо похоронить! — помявшись «выронил» Мазей.

Егоров положил на пол щепу, которую готовил для печи и поднялся.

— Нашего Борю? — тихонько спросил.

— Нашего, Иваныч, нашего. Только выходить тебе сейчас нужно, потому как скоро эти засранцы могут обстрел начать, а потом в погреба и окопы попрячутся от «ответки». И, значит, нас с тобой не заметят.

Егоров схватил тулуп, накиннул ушанку и направился к выходу.

— Побрели, что ли, по дороге расскажешь, — бросил он.

* * *

Однако толком обо всем Николаевич рассказал, когда они Борьку из посадки волокли. Пока к дому Мазея брели, и вправду

обстрел начался. В морозном воздухе минометы грохотали раскатиисто. И хотя оба и не такое слышали, а все равно головы в плечи вжимали, да то и дело приседали, потому что хрен поймешь, откуда выстрел и куда «пошелестело». К моменту, когда все поутихло, уже от дома Мазея к посадке двинулись.

В общем, по словам Максима Мазея, он утром за дровами потащился. А так как поблизости сушняк уже весь поломал, то вглубь поплелся. А когда грудю валежника разбирал, нога босая показалась. Николаевич хотел было деру дать, до больно дровеняка хорошая была. Потому потянул он ее настойчивей и все тело показалось.

— Присмотрелся, на руке левой наколка Борькина, помнишь, он все стеснялся ее, — рассказывал Мазей тихонько, когда они с Егоровым Борьку на большую ветвь положили и во двор Мазея волокли.

По молодости Борька в Луганске себе татуировку сделал, было тогда модное поветрие — «иероглифы» китайские писать на обратной стороне руки. Бориса даже одно время «китайцем» за это звали. Он все собирался свести татуировку, но что-то не сложилось

— Если б не наколка, сразу б не признал, — рассказал Мазей, — Потому как лица на нем что не было, все измочаленное.

Егоров молча согласился. Он долго в Борькино лицо вглядывался, все пытался соотнести увиденное с тем молодым парнем, который ему «контрреволюцией» грозил.

— Кто ж его тут бросил-то? — спросил Егоров, когда они на две минуты перекур устроили. Перекур, понятное дело, условный, ибо сам Егоров никогда не дымил, а Мазей по состоянию здоровья еще лет 10 назад бросил.

— Да эти ж твари и запытали, — тяжело дыша, прошептал Николаевич, указав взглядом на расположение военных за селом.

— Думаешь, в плен Борька попал? — уточнил Егоров.

— К гадалке не ходи! — отрезал Мазей. — Не зря шептались, что у нас тут ополченцы партизанят.

В общем, кое-как дотащили они тело до двора Мазея. Потом еще часа три дрова разбирали с поленницы, потом поочередно яму рыли, туда тело положили и снова дровами прикрыли.

— Вот скажи, Николаевич, может, я что-то в этой жизни так и не понял? — обратился Егоров к Мазею.

Они в доме сидели, Мазей пытался печь запалить, а Егоров безучастно сидел рядом, пытаясь сложить свою мысленную таблицу умножения.

Мазей со второй попытки дрова поджег, те загудели, потянуло первыми струйками тепла.

— Что непонятно-то, Иваныч? — отозвался он наконец-то.

— Не могу я Борькину смерть понять, — нехотя признался Егоров. — Ведь жил себе парень, не дурак какой был, а с чего на смерть пошел?

— Так ведь он Родину защищать пошел, Иваныч. Что ж тут непонятного?..

— Ты мне чушь пропагандную не неси, — возмутился Егоров. — Родину мы в Великую Отечественную защищали, а сейчас паны холопов лбами сбивают.

— Это на майдане они сбивали народ, Иваныч, а теперь уже другая ситуация. Теперь уже не холопы дерутся, а пацанва ради нас жизнью рискует, — мрачно ответил Мазей, ставя на печь литровую кружку с водой.

— А за что рискует?! — взбеленился Егоров. — Или ты тоже в «эленерию» веришь?

— Да мало ли во что я верю, Иваныч! Но только никому не дано право народ гнобить только за то, что мы здесь живем и на майдан не ездили, — угрюмо ответил Мазей и протянул Егорову кусок хлеба. — На, подкрепись, тебе еще назад брести. Проводить?

— Сам дойду, — буркнул старик.

И ведь дошел же! Хотя вечерний обстрел был особенно громок. А когда в 200 метрах в развалины ФАПа мина прилетела, Егоров выматерился и глубоко в снег вжался.

А когда утихло вокруг, доплелся до хаты.

* * *

После майдана старик уже только на себя полагался. Поэтому НЗ, пусть и скудный, но сделал. Понятно, почему НЗ скудный:

пока две пенсии в доме было, да сын помогал, дышалось легче. А с одной пенсией — уже иная картина. И сын последний раз деньги матери на похороны передавал.

Тем не менее, скрепя сердце, старик спичками, солью и водкой запасся. Запасы пришлось в райцентре делать — нечего односельчанам повод для слухов давать. Еле допер потом «кравчучку» до хаты.

Так что печку было чем растопить.

На улице разгар дня был, когда на дворе хруст снега послушался, а за ним — стук в двери. Старик не запирает ни ворота, ни дверь входную. Да и от кого прятаться: местных в селе и без того сотни две осталось, да и те из дому без повода не высовывались. А «гости»... Так эти и стучаться не станут, ежели приспичит.

Вообще, он после вчерашних событий никак в себя не мог прийти. Кое-как утром поднялся, кряхтя дочапал до кухни, облил лицо мерзлой водой, силой заставил себя пойти за дровами.

И вот час назад вязанку сухостоя приволок. Все печку пытался растопить, но с мороза руки не могли отойти, тряслись, как с перепоею. Сидел возле печки, на ладони дышал.

— Открыто! — крикнул Егоров.

Пришла, оказывается Настя, внучка Марии Павловны. Раньше-то они через два дома соседями были, но когда украинцы все вокруг минировать начали, перебрались к родственникам на другой конец села.

Зашла девчонка крадучись, словно к чужим. С собой принесла пакет «регионовский» — того, что с эмблемой партии, которая столько лет при власти была, а вот, глядишь, при первых же ударах, рухнула. Собственно, даже с пакетом таким «освободителям» опасно на глаза показываться, но, видать, огородами шла...

— Дедушка, здравствуйте! Что вы тут, как?

Мигом оценила ситуацию, взяла из стариковских рук спички, умело, по-хозяйски, растопила печку. Дрова загудели ровно, пошло тепло в хату.

— Спасибо, доча, — поблагодарил старик. Кряхтя, встал, схватил клюку, уселся на стоящий рядом табурет. — Ты мне что, гостинцев принесла? Да ну перестаньте, что я — не знаю, как вы сами живете?..

— Дедушка, мы уходим!

— Куда? — в груди старика что-то ухнуло. Задавая вопрос, он, в принципе, уже знал ответ.

— В райцентр попытаемся прорваться, — продолжила девушка. Впрочем, какая она «девушка»? Если года два назад школу заканчивала, теперь, значит, и вовсе — девица на выданье. Хоть и выглядит устало. А кто сейчас в селе из местных за собой следит? День бы пережить — и славно.

Помолчали. Девушка показала на пакеты:

— Здесь гречка, пол-литра масла, перловка. Что-то еще бабушка положила. Я не знаю. Нам-то оно ни к чему, если прорвемся, голодными не останемся, а если не выйдет, будем к вам кушать ходить.

Господи, да она и шутит еще!

— Что вы надумали! — проворчал Егоров. — Как пройдете, эти ж (он кивнул головой в сторону улицы) — не пропустят!

— По темному пойдем, главное — по-над центральной улицей аккуратно пройти, чтобы мину не поймать. И до «камня» быстренько успеть, а там нас ополченцы и спасатели вывезут. В райцентре место для беженцев есть — в школе-интернате все живут, — уверенно сообщила она.

— Откуда ты все это знаешь?

— Соседей наших вчера встретила, они, оказывается, связь поймали, со своими из райцентра давеча говорили. Те им все рассказали.

— Ох, опасно же!

— Да не опасней, чем здесь, дедушка! — горячилась девушка.

Старик кивнул. За истекшие полгода он о действиях украинских военных в селе прознал немало. И про то, что центральную улицу они заминировали, а никого из местных не предупредили и люди погибли. И про то, что если видят — дом подходит для обороны, выгоняют жителей, загоняют свою технику. Сам слышал, как один военный другому бахвалился, мол, на квартиру уже заработал, теперь на машину зарабатывает.

Еще с полгода назад шел он по улице и видел, как прицепились пьяные «нацики» к Александровне, что хлеб домой несла. Что она

там им сказала, Егоров не расслышал, но отлично видел, как один молодой пустил очередь Александровне под ноги. Женщина с испугу на спину упала, а пьянь громко ржала, глядя на нее.

Он-то, дурак старый, возьми да и подойди к ним. Попытался было мозги вставить, да заслышав «Мы вас, сепаров сраных, еще в Россию отправим!», понял — говорить там не с кем. Подошел к Александровне, кое-как помог ей на ноги встать. На том все и закончилось. Спасибо, что не пристрелили тогда обоих.

Знал Егоров обо всем. Знал и молчал. Потому что рухнуло в одночасье все, что казалось таким конкретным, очевидным.

— А вы знаете как людей из соседнего, «эленеровского» поселка украинцы на блок-посту встречают, когда те приезжают на фабрику на смену? — продолжала тем временем Настя. — «Пропустите, смертники едут!» говорят. Нет сил больше здесь сидеть, будем уходить. Дедушка, пойдёте с нами?

— И что вы, на улицу не можете реже выходить? — ворчливо спросил Егоров.

— Так не бабушку же на улицу выпускать, дедушка! А мне тут одна тварь проходу не дает. Слова всякие говорит, одной на улице показаться страшно! Так что уходить нам нужно.

Старик отчетливо понимал: зовут его просто потому, что иначе нельзя. Не по-людски это. Понимал и то, что для них он будет балластом. Поэтому жестко рубанул:

— Нет. Нет, и не зовите! Куда мне, с клюкой-то? Да я сто метров час идти буду. Выбирайтесь уже сами. Я здесь останусь...

Она обняла старика и собралась было выходить.

— А, дедушка, я ж вам забыла сказать: в райцентре Генку вашего видели!

Генкой сына их звали, который еще четыре года назад в Тюмень на заработки уехал. Как война началась, связь с ним прервалась.

— Точно Генка? — не веря, уточнил Егоров.

— Точно! В этой форме ополченской. С «калашом» таким громадным. Все, дедушка, надо мне бежать, а то бабушка там с ума сойдет.

И ушла. Захрустел снег во дворе.

* * *

По мыслям старика, соседи уже к «камню» должны были выйти, когда в той стороне раздалось несколько десятков одиночных выстрелов. Потом все затихло. Ближе к ночи в стороне «камня» рвалось и гремело что-то серьезное. В перерывах слышались автоматные очереди. Потом наступила тишина.

Егоров понял, что никто уже не придет. Печка догорела еще часа три назад, в хате ощутимо похолодало. Он затащил свое тело на кровать. Укутался одеялом, а сверху — двумя тулупами.

И осознал, что остался совсем один.

* * *

«И что — так и будешь валяться?!»

Он вырвался из старческих неясных сновидений, отбросил с лица тулуп, вгляделся в темноту.

Тишина. Только тикали «ходики», что достались ему от отца. Старик «ходики» берег. От того и никогда часы не опаздывали, не останавливались. Когда знакомые хвастались техническими новинками, Егоров про свои «ходики» напоминал.

— Царя пережили, Союз пережили и меня переживут! — добавлял он.

Он отчаянно напрягал слух. Но на улице было тихо. И в доме.

— Кто здесь?! — прошептал он.

«И что — так и будешь валяться?!» — повторила жена.

— О, Господи! Ты ж перепугала меня! — воскликнул старик.

«А как до тебя добудиться? Ты ж скоро с кровати слезать перестанешь...», — веско аргументировала та.

— Ох, да что ты несешь?! Вот, поплю маленько, а там печку растоплю...

«И что дальше? Соседей нет, улица пустая, кто поможет?»

— До весны продержусь!

«Не продержишься! Давай, собирайся! Уходить тебе нужно!»

— Куда?!

«В райцентр пойдешь. Слышал, что девчонка говорила?»

— Да как я туда сам доберусь? Я ж из села даже не выйду!

«Захочешь — выйдешь!»

Старик окончательно проснулся. Тот факт, что жена вернулась, конечно, хорошо. Но то, ЧТО она говорила...

А с другой стороны, каковы, действительно шансы, что он до весны протянет? И права жена — помощи ждать не от кого. Всем сейчас хреново, в положение каждого не войдешь, самим о себе думать надо...

Он начал натягивать брюки.

«Спортивные сперва надень! На улице мороз — под 15 градусов», — осадила жена.

Старик вздохнул. А потом... улыбнулся: все-таки хорошо, когда она рядом!

«Тулуп не надевай, тяжелый он. Сперва рубашку, потом два свитера, сверху — ватник».

— Да понял я! Просто в темноте сложно наряжаться, — проворчал старик.

«Понял он, гляди ж ты! А документы?!»

Старик залез в сервант, там, в шкатулке лежали все документы.

— А что брать-то? — спросил он.

«Да ты ж все знаешь! Чего спрашиваешь?»

— Советуюсь я!

«Паспорт возьми и пенсионное».

— А пенсионное-то зачем? Мне что — «эленер» пенсию платить станет?

«Станет — не станет, потом узнаешь, а все равно возьми! И еще — в пакете соседском буханка хлеба есть и шмат сала. Сделай себе пару бутербродов».

Все так и было. Он засунул бутерброды во внутренний карман ватника. Напоследок натянул валенки. Потом подошел к ходикам и взвел гири. Взял стоящую в углу, у выхода, клюку, служившую ему верой и правдой третью зиму. Осторожно, стараясь не заскрипеть, открыл входную дверь.

А ведь не так уж и темно, даже очень светло — снег да полнолунные свое дело сделали!

Он вздохнул и тихонько, словно нащупывая ногами дно, побрел к калитке. Приподнял ее, чтобы не разбудить скрипом все улицу.

«Да кого ты разбудишь? Один же на всю улицу!», — снова влезла со своим мнением жена.

— Все равно осторожно надо! — ответил Егоров.

«Так если хочешь осторожно, то не говори вслух!»

— Что, и так можно? — изумился он.

«Нужно! Ладно, давай пойдем потихоньку!»

Он не спеша дошел до поворота на центральную улицу. Луна светила в спину, поэтому даже со своим стариковским зрением старик неплохо ориентировался на местности.

«Возьми левой, по-над домами», — жена явно не спускала с него глаз.

Он приставными шагами добрался до ближайшего забора. Одной рукой держался за штакетник, другой, с помощью клюки, ощупывал дорогу. Дальше была стена дома. Затем опять забор.

Так дошел до первой воронки. Дальше, по дороге их было еще несколько. Возле одной валялся перевернутый набок остов обгоревшего «жигуленка». Егоров слышал, что тут произошло, но упорно гнал от себя это знание.

Затем был ровный участок.

«Здесь очень внимательно!» — предупредила жена.

Он и вовсе перешел на черепаший шаг. С одной стороны, это позволяло экономить силы. С другой — увеличивало время пребывания на улице. Какая судьба ждет одинокого человека, который ночью ходит по селу, было известно. И это знание тоже приходилось отгонять от себя.

«Много думаешь, под ноги смотри лучше!» — подала голос жена.

«Ты, может, и умеешь не думать, я — нет!» — отрезал старик. И продолжил передвигать ноги.

Внезапно левая рука нащупала пустоту — очередной забор резко оборвался. Впрочем, и от стоящего рядом дома практически ничего не случилось, кроме кусков угловых стен. Дальше, насколько хватало взгляда, заборов тоже не было. Пришлось рассчитывать только на палку.

А потом, через десяток шагов, клюка скользнула по обледеневшему камню в сторону дороги, и Егорова по инерции вынесло

вслед за ней. Он больно упал на бок, в движении перевернулся на спину, кусок камня скovyрнул кожу на щеке, он перевернулся на другой бок и на живот.

В общем, сейчас лежал прямо на дороге.

«Говорила же тебе — осторожно!» — вздохнула жена.

— Да, клюка же!.. — прошипел он.

«Подтяни к себе палку. Тихонько. Прижми палку к себе. Хорошо. Теперь осторожно перевернись на левый бок. На спину. Еще перевернись разок. Теперь можешь встать. Только не спеши! Хорошо, пронесло!»

Егоров поднялся. Ноги ощутимо дрожали. Он нащупал палкой твердый участок, оперся на клюку двумя руками.

«А что пронесло-то?» — спросил.

«Все, теперь иди дальше. Только палкой потише стучи, ладно!»

Он послушно двинулся вперед, но все думал: «А что пронесло-то?»

Через час он был у «камня».

* * *

Когда-то, еще по мирному времени власти села намеревались поставить здесь памятник советским воинам, погибшим в Великую Отечественную при освобождении их населенного пункта. А до тех пор на выбранном месте стоял памятный знак. Или «камень», как говорили сами сельчане.

«Кажись, тут ополченцы должны быть», — сообщил Егоров.

Он огляделся, но никакого движения не заметил. Разве что дымилась с полдюжины воронок, еще столько же успели за ночь остыть.

— Может, они не постоянно дежурят? — размышлял он вслух.

«Нечего гадать, надо дальше идти, — оборвала его размышления жена, — передохнул?»

«Да я и не устал особо».

«И хорошо, потому что до трассы километра два, а луна уже почти зашла. Наугад тебе идти придется».

«Может, все-таки имеет смысл подождать?» — вяло запротестовал Егоров.

«Ну, жди!..»

Старик вздохнул: живая жена или не живая, а присущий ей периодический сарказм никуда не делся.

Он побрел по проселочной дороге в сторону трассы. Рассуждал: «Два километра — это не двадцать километров, дойду потихоньку».

* * *

Может, когда-то это и была трасса, а сейчас вся дорога была усыпана комьями мерзлой земли и осколками. Асфальт во многих местах зиял «прорехами», то тут, то там можно было заметить следы от траков.

Егоров сидел на бревне у дороги. Кажущиеся такими простыми два километра он одолел с большим трудом. Луна зашла еще на половине пути к трассе и каждую рытвину, каждый ямку или бугорок приходилось нащупывать ногами. По пути он снова упал и крепко приложился коленкой об землю. Колено ныло, но в целом было терпимо.

Он настраивал себя на большой путь. Если повезет и он встретит ополченцев, то тогда нечего печалиться. Но жена, источая типично женский скепсис, напомнила, что до райцентра тридцать с гаком километров.

«Я ж не дойду!» — ужаснулся он.

«Дойдешь! — резко оборвала его жена, — Трасса — это ведь не наша центральная улица, мин нет, а ямы на асфальте разве что слепой не увидит...»

Так что пришлось идти. Старик предварительно отошел в кусты, потому как путь предстоял неблизкий, а обмочиться по дороге в его возрасте — плевое дело. Вот повозиться, расстегивая ширинку, пришлось, это да.

А идти действительно было легче. Где-то через час он снова сел передохнуть. Как раз возле трассы лежало поваленное дерево. Потом снова двинулся вперед.

— Вот скажи, ты почему так долго молчала? — в голос спросил он жену.

«Повода говорить не было — ты ж со всем справлялся».

«А ты только по поводу говоришь?»

«Это ж ты у нас любитель впустую поболтать, особенно с женщинами, особенно — с незамужними».

Старик опешил.

— Да что ты несешь?! На что намекаешь?

Он настолько был ошарашен, что снова начал говорить вслух.

«В семьдесят шестом чего вдруг в райцентр зачастил?» — неожиданно спросила жена.

— Не частил, по надобности ездил, по работе! — запротестовал он.

«А надобность как звали, не напомним?»

— Та не было у нас ничего! Просто женщина знакомая, с нашего же села, а то ты ее не знаешь?!

«Я-то знаю, а вот ты, видать, забыл, как я тебя просила не ездить туда!».

— Не было у нас ничего! И быть не могло! Если уж на то пошло, и ты глазками тогда стреляла по сторонам. Думаешь, я не видел?!

«Сам же первым начал!..»

— А я тебе еще раз говорю — никогда я тебе не изменял. Вот ты — вопрос!

Ранним морозным февральским утром на трассе село-райцентр выясняли отношения два старых человека. Живой и умерший.

* * *

Уже час, как жена снова замолчала. Старик не на шутку испугался: самому-то в одиночку плестись!

Устал он чертовски. Все чаще останавливался, все дольше отдыхал. Ни сзади, ни по встречной не наблюдалось ни одной машины. Он отчетливо понимал, что до райцентра не добредет. Даже со всем своим оптимизмом. Потому что 76 лет — это 76 лет, и даже по молодости 30 километров пройти — из ряда вон выходящий случай. А сейчас?

Он сидел у дороги и неспешно ел первый бутерброд. С едой не спешил: во-первых, в его возрасте с едой вообще не торопятся, во-вторых, дольше ешь — дольше отдыхаешь.

И хотя от всех его падений бутерброд помялся, он все равно был безумно вкусен.

Доел, натянул варежки. Потом снял одну, зачерпнул горсть снега, осторожно начал его жевать. Со снегом шутки плохи — еще простудиться не хватало.

Подобрал клюку и побрел дальше. Вообще, по ровной дороге идти было не так тяжело, как подниматься на бугор.

Через несколько часов и черт его знает, сколько километров он понял, что сил больше нет. Да еще и сильно ныло колено, которым давеча ударился. Впереди виднелось какое-то строение. Приглядевшись, Егоров ахнул — это ж заправка перед Н-ском! То есть, мало-помалу, а половину трассы сделал! Он ускорил шаги, намереваясь отдохнуть на развалинах заправки.

«Ну и ладно, что 76 лет, зато 15 километров уже отшагал!» — внутренне гордясь собой, подумал он.

...Стая обнаружила его не сразу. Собаки спали в маленьком сарае, позади заправки. Спали они плохо, потому что голод не давал покоя. Две ночи назад в поле они набрали на 5 трупов. Четыре трупа промерзли и одеревенели, а вот пятый скончался недавно. Еще теплый даже был. Человек прижимал окровавленную руку к животу. Но одежда на нем заскорузла от крови и мороза, разорвать ее было практически невозможно. Нетерпеливо подвывая то одна, то другая собаки пытались достать до раны на животе умершего. В результате пришлось довольствоваться лишь внутренностями. Драка за дележ останков едва не закончилась общей грызней. В итоге эту ночь они спали, сбившись тесной кучкой, видя во сне свои летние прекрасные дни, когда человечины хватало на всех.

Вожак первым чутко приподнял уши: на улице что-то постукивало. Постукивало ритмично. Пес осторожно высунул морду в проем сарая, приняхался. Сзади зашевелилась тоже почуявшая добычу стая.

Вскоре показался человек. Старый человек. А старый — это беспомощный. Опыт охоты на стариков у стаи имелся приличный.

Они осторожно двинулись в сторону Егорова.

Заправка хоть и частично сгорела, но в остальном уцелела. На улице начал дуть ветер, и старик решил зайти вовнутрь.

«Съем бутерброд, отдохну и пойду дальше», — решил он. Он присел спиной к стойке и уже достал «тормозок», когда услышал рычание.

Собак Егоров не боялся. Поэтому он не сразу осознал опасность, завидя пять здоровенных псов. Вели они себя нетипично для обычных собак, старик не сразу сообразил — у этих нет боязни человека.

И тут же пришло понимание: их привлек не запах сала, их привлек он сам.

Он бросил в собак бутерброд, надеясь, что животные отстанут. Одна псина, самая малорослая, и вправду бросилась за едой. Остальные, не отрывая взгляда, приближались к старику.

Он встал, крепче схватил клюку и угрожающе размахнулся ею: — А ну пошли на хер!

Собаки сделали еще два шага. Егоров посмотрел вниз, у ног лежал кирпич. Он схватил его, понимая, что успеет, в лучшем случае проломить голову только одной собаке. Бросил кирпич, целясь в морду самому здоровому псу. Но 15 километров и 76 лет даром не прошли — бросок получился вялый, кирпич лишь скользнул по морде пса и только еще больше раззадорил того.

Крайняя левая собака бросилась на Егорова, он двумя руками ухватил клюку и со всей мочи шарахнул по собаке. Палка не выдержала удара и переломилась. Подвывая, ежесекундно облизываясь, собака отскочила в сторону.

«Господи, да я же обмочился!» — поразился он.

— Ну, где же ты?! Неужели не сможешь?! — крикнул он жене.

Внезапно собаки остановились, потом сбились в кучу и, подвывая, попятились вон. Старик смотрел, как они выходят из здания заправки и не верил во все происходящее.

— Как ты это сделала? — спросил он у жены.

«Я им сказала, что ты старый и обписяный, что, съев тебя, они могут заболеть и умереть», — мурлыкнула жена.

— Спасибо! — прошептал Егоров и потерял сознание.

Очнулся он от холода. Сколько был в отключке, сказать сложно. Судя по положению солнца, явно была вторая половина дня.

По зданию гулял ветер и Иванович понял — он насквозь продрог. К тому же, обмоченные штаны...

Однако надо было вставать.

— Не знаю, что теперь и делать... — растерянно произнес он.

«Возьми клюку и иди дальше. Половина пути осталась».

— Да я ж сломал клюку...

«Назад посмотри!»

Егоров оглянулся. За стойкой, прислоненная к пустому холодильнику стояла добротная трость. Как он ее раньше не заметил?! Из-за собак, наверное.

Впрочем, куда вероятнее то, что ее раньше там не было.

Или все-таки из-за собак?

— Совсем из ума выжил, — прошептал он.

Ходьба разогнала кровь по старому телу. Он усердно дышал через нос, как видел в одном документальном фильме. Тамашний диктор утверждал, что глубокое дыхание позволяет возобновлять внутреннюю энергию. А энергия ему сейчас очень нужна.

«Специалист, — усмехнулась жена. — Это ж о бегунах фильм был, а не о семидесятилетних стариках, которые в собак кирпичи швыряют!»

В этот раз Николай Иванович решил не спорить. Пусть говорит, что хочет. Лишь бы не молчала. Лишь бы не оставляла его одного.

* * *

Солнце клонилось к закату, когда стало ясно, что больше он не сделает ни шага. Колено превратилось в сгусток боли. Каждое движение причиняло невероятные страдания. К тому же он поистер об асфальт без того старые валенки.

Да и постоянный голос жены, до того успокаивающий, внушающий оптимизм, теперь нервировал.

— Все, не могу больше... — прохрипел он.

«Надо идти!» — упорствовала жена.

— Да не дойду я, понимаешь! — закричал Егоров. — Просто не дойду!

«Вон камень у дороги, сядь, передохни», — предложила она.

Он кое-как добрал до камня и фактически шлепнулся о его поверхность задом.

Ноги гудели, в голове творилось что-то невообразимое, перед глазами плавали круги.

— Посижу, отдохну, ладно? — умоляюще попросил он жену.

«Только недолго!» — предупредила та.

— Конечно, минут десять — и дальше, — прошептал измученный годами человек.

...Он лежал на спине. Смотрел в звездное небо и не мог понять, где находится и что ему пытаются донести голос жены.

«Она же умерла...» — лениво подумал Егоров.

«Сейчас ты подохнешь, старый хрен! — донеслось до него сквозь затуманенное сознание, — Вставай быстро!»

«Никогда она ко мне так не обращалась!» — удивился он. Повернул голову и увидел, что лежит на жухлой траве.

Память вернулась. А с ней — боль в ногах и всем теле.

«Поднимись, пожалуйста! Я тебя очень прошу!» — вновь замолила жена.

«То-то же, а то старый хрен, старый хрен...» — довольно подумал старый хрен и попытался встать. Получилось только на четвереньки. Но голова все равно закружилась. То ли от резкого подъема, то ли от увиденных вдали на трассе горящих фар.

До трассы он полз, ноги просто отказывались подчиняться. А еще он страшно замерз.

Старик кое-как поднялся на колени и принялся махать клюшкой. Фары приближались, вскоре послышался шум мотора. А еще через полминуты возле него остановился старый добрый «газик», из которого выскочило два человека в форме.

— Отец, ты откуда тут взялся? — раздался веселый молодой голос.

— Вас жду, кого ж еще, — прошептал старик, пытаясь подняться. Его подхватили две пары заботливых рук.

В кабине его начало трясти. Он пытался заговорить, но ничего членораздельного не получалось.

С переднего сиденья к нему обернулся седой, явно в годах военный.

— Отец, ты главное не волнуйся. Главное, что мы тебя увидели! «Да вы бы мимо проехали, не заметив меня, если бы жена не вернула в сознание», — подумал Егоров.

Похоже, тепло кабины все-таки успокоило его.

Он назвал, объяснил откуда. Потянулся за документами.

— Да ну что ты, отец, верим мы тебе! — остановил его седовласый. — Это что же получается, ты 25 с лишним километров пешком отмахал?! Да в твоём возрасте — это подвиг! Куда тебе нужно?

— В райцентр, в школу-интернат, там, где беженцы, — уточнил старик.

— Давай сперва в интернат, а потом уже на базу, — обратился седой к водителю. Тот кивнул головой и тронул машину с места.

— Как там обстановка в селе, батя? — спросил сидящий рядом молодой ополченец.

— Было бы хорошо, он бы здесь не сидел, — не оборачиваясь обронил седой. — Дима, не мучай старика!

Остаток пути они преодолели за 10 минут. Причем, половину времени потратили, пытаясь проехать по разбитой напрочь дороге к интернату. Возле металлических ворот остановились.

— Отец, давай поможем дойти! — предложил Дима.

— Спасибо, мужики, но я сам добреду, вы и так из-за меня какой крюк сделали, — решил старик и начал выбираться из кабины.

— Ладно, батя, ты только береги себя! — раздалось из кабины.

Он стоял у ворот и не мог заставить себя пройти во двор. А, вдруг, неправильно его соседям сказали место? Или нет здесь теперь никого, и придется снова искать ночлег?

«Хватит голову ломать, иди уже — здесь это», — внезапно подала голос жена.

Егоров решительно вошел во двор. Подошел к центральному входу. Постучал. Потом постучал решительнее. Потом «добавил» клюкой.

— Сейчас, сейчас открою! — раздалось из-за двери.

Створки распахнулись, оттуда хлынул сноп света — не казенного, а явно домашнего.

— Здравствуйте, — обратился он к открывшей двери полной женщине. И вдруг понял, что от волнения сипит. — Здесь беженцев принимают?

* * *

Глава района рассказывал сгрудившимся возле него журналистам:

— Сейчас в этом доме-интернате проживает порядка 30 семей, в основном, беженцы из зоны боевых действий. Мы ежедневно вывозим людей, но многие добираются самостоятельно. Кстати, на днях сюда пришел 76-летний старик. Верите — своим ходом пришел?!

— А можно с ним сейчас пообщаться? — спросил кто-то из прессы.

— Я сейчас уточню, — улыбнулся глава и обратился к заведующей. — Есть такая возможность?

Заведующая не сразу нашлась с ответом, ей помогла дежурная:

— Этот человек сейчас отдыхает, поймите правильно — в его возрасте и такие нагрузки...

... Старик действительно спал. Его дыхание было ровным и спокойным. Ему снилась жена. Она улыбалась. И муж улыбался ей.

ВАСЯН

Звали его Васян. Для хороших знакомых — Васёк. А как еще прикажете звать матёрого пятикилограммового кота бурой масти? С драным ухом и наглючими зелеными глазами?

Нет, он, конечно, отзывался и на Ваську, и на Василия, и на Васисуалия (гадость какая!) И даже на примитивное «кис-кис!» Почему же не отозваться, если колбаски предлагают? Но в глубине своей кошачьей природы ощущал себя только Васяном. Или Васюком — в самые приятные моменты.

Жил Васян в своем доме. Люди, в нем квартировавшие, считали, что дом принадлежит им. Но кого интересует человеческое мнение? И дом, и люди на самом деле были его, Васяниным, имуществом.

Дом был хорош. Печка теплая, огорода 10 соток, и соседи отличные. Не соседи, а мечта! Слева за забором — рыжий Тимоха. С ним всегда можно повить тет-а-тет и выяснить, кто на улице главный. И пусть ухо так и не заросло — Тимофей в их исторической драке вообще глаза лишился! Отодрали Васька за тот бой нещадно! Еще бы: шума было — на два квартала, полночи ор стоял. Да и «хозяева» Тимохи утром с жалобами прискакали, своего инвалида Васяниным людям полюбоваться принесли! Васек и любовался. Его за шкуру держат, тапком по задку наяривают, Васян воет, а сам на соперника поглядывает. Хвостом по бокам хлещет: не дожدهшься! Битый буду, а тебя не забуду. Если что, еще не так врежу!

С тех пор Тимоха старался к Ваську подбитым глазом поворачиваться. Мол, я тебя не вижу и проблем у меня с тобой нет! А Васяну того только и надо было. Статус показал, лишнего кавалера отвадил — Мотька теперь вся его!

Мотька (по паспорту — Матильда) жила справа. И была она потрясающе красивой дамой: пушистая, трехцветная, вальяжная! То, что происхождение у нее в прямом смысле помойное,

значения не имело. А имело значение, что сумела Мотя в жизни хорошо устроиться. Людей завела с двухэтажным особнячком и крутым джипом. Питалась только фирменными кормами, носила шикарный ошейник и чувствовала себя королевой. Но против Васяна устоять не могла. То ли гены простонародные играли, то ли разодранное в драке за ее сердце ухо стало решающей гирькой на чаше весов? Но факт оставался фактом! Дважды в год Мотины люди с руганью прибегали к Васяниным квартирантам и требовали пристроить разноцветное шевутное потомство своей богини. Васян после этого выслушивал очередное нравоучение и, задрав хвост, выходил во двор. Он гордо дефилировал вдоль Тимофеева забора. Потом жильцы двух домов садились за свои компьютеры и выкладывали в таинственный интернет фотографии симпатичных мохнатых малышей. Котята через пару месяцев разъезжались по новым домам. А Васян опять начинал подлезать под соседские ворота и ночевать на подоконнике Матильды. Он надеялся, что ее люди снова по недосмотру пошире откроют окно.

Да, хорошая была жизнь!

Коты — интересные существа. Они прекрасно понимают человеческую речь. Но, когда им это выгодно, делают вид, что смысл слов их маленьким мозгам абсолютно недоступен. Они приучают людей делать то, что им, котам, нужно или просто нравится. Интуиция любого кота даст сто очков вперед человеческому «шестому чувству». Это помогает кошачьему племени тонко и незаметно подстраивать реальность под себя. Однако иногда случается такое, что даже коты не могут изменить или скорректировать ход событий...

Васян давно понял: дело неладно. Слишком часто в беседах «его» людей стали проскакивать тревожные интонации. Слишком громко и агрессивно говорил ящик, именуемый «телевизором». Хуже стала еда и осторожнее — мыши. А потом пришла гроза.

Гром гремел непрерывно, всю ночь. Люди легли спать на полу — такого раньше никогда не бывало. Женщина подозвала Ваську, обняла его и подгробла под свой теплый бок. Иногда она прижимала его так, что становилось больно. Но кот терпел и не вырывался. Ему впервые стало страшно...

Наутро небо над домом было голубое и чистое. Никаких луж от грозы на снегу не наблюдалось. Васян потряс головой: какие лужи, зима на дворе! Тогда откуда гроза? И гром вроде еще погромыхивает время от времени?! За этими раздумьями он чуть не пропустил самое главное: соседи справа в спешке кидали чемоданы и баулы в недра своей здоровенной машины. На заборе (на его заборе!) сидел Тимофей. Вытянув шею, он во весь один свой глаз наблюдал за происходящим. Рядом с машиной стояла клетка. (Да, люди называли ее «переноской», но на самом деле это была самая настоящая клетка. Для приятных дел в «переноску» никогда не сажали — только к ветеринару или на другую квартиру ехать. Ну что тут может быть хорошего?)

В клетке-«переноске» горько плакала Мотя. Она жаловалась на тесноту, на то, что не спала всю ночь, а еще — что ее забыли покормить. Просила, чтобы ее выпустили. Люди не обращали на Матильдино мяуканье никакого внимания. Ни Мотькины, ни его собственные. Они тоже стояли у забора и молча смотрели на то, как исчезают в джипе вещи. Что не поместилось, прикрутили на крышу. Хозяин джипа подошел к ограде со своей стороны.

— Уезжаете, Николаич? — грустно спросил Васянин человек.

— Да, Сергей. К брату в Черкассы. Вы б тоже к родичам перебирались. Ты ж видишь, что творится? Не сегодня-завтра накроет...

— Некуда нам ехать. Наши все здесь. А там... Кто нас ждет, кому мы нужны? Тут — дом, работа. Вон и Васек тоже остается. Да, Вась?

Васян муркнул и потерялся о ноги Сергея — обозначил территорию. «Куда уходить? Тут все — мое!»

— Ну, смотри. Держитесь! А туго будет — давай ко мне! Чем смогу — помогу всегда.

— Посмотрим. Счастливой дороги, Николаич!

— Какое уж тут счастье, если война...

Николаич развернулся и медленно, словно нехотя, пошел к машине. Оглянулся. Помахал рукой. Передал клетку с Мотькой женщине на заднее сидение. Сел. Захлопнул дверцу. И черный джип увез Матильду в неизвестные Ваську Черкассы...

Так началась для Васяна война.

Это время запомнилось ему плохо. Жизнь пошла странная. Какие-то урывки потом всплывали в мохнатой Васяниной голове.

Непонятный и неприятный визг над крышей... Гром, гремющий почти непрерывно, не умолкая, сутками... Женщина, съездившая у печки и читающая молитву. Матерящийся мужчина. Трепещущий язычок свечи — электричества почему-то не было. Ведро снега на припечке — воды в кране почему-то не было тоже...

Когда острые куски молний стали залетать в огород и корезить крышу, Васян не выдержал. Он, наверное, сошел с ума, а как иначе объяснишь, что убежал из своего дома? Убежал, несмотря на то, что люди его звали? Звали сквозь гром и сверкание странной грозы. Но Васян чувствовал: слишком горячи и опасны были осколки молний, сыпавшиеся с неба. И, не помня себя, кинулся через окно.

Пожалуй, мир встал с ног на голову... Васек свободно проскочил в проём рамы, а не шмякнулся со всей дури о прозрачное стекло. Может, и стекла уже не было? Васян не думал об этом. Он в тот момент вообще ни о чем не думал. Своим кошачьим чутьем — тем самым, что обеспечивает его племени целых девять жизней — он отыскал почти забытый лаз в заброшенный соседский погреб. Васек не бывал там с тех пор, как из долговязого подростка превратился в солидного кота и в норе, ведущей в подвал, стали застревать усы. Как он ввинтился в полуосыпавшуюся дыру на этот раз, только Бог знает. Он, на самом деле, покровительствует не только дуракам и пьяным. Котам, поверьте, чудеса отпускаются без очереди.

В погребе было абсолютно темно. Грохот стал немного приглушеннее и Васек, чуть успокоившись, расслышал рядом неровное дыхание. «Неужто крыса? — обрадованно подумал он. — Вот удача! От этих переживаний есть хочется зверски!» Но это была не крыса. В ухо ткнулся сухой нос, раздалось тихое хриплое «мяу!» Запах был знаком, шерсть на загривке встопорщилась: в подвале прятался старый соперник Тимоха! Еще одно хриплое «мяу!»... Тимофей (вот удивительно!) потерялся о Васька боком и еле слышно замурчал...

Гроза сверху не стихала, есть хотелось по-прежнему, крыс в давно опустевшем погребе не предвиделось. Васян вздохнул, зевнул и свернулся клубочком возле Тимохи...

Сколько прошло времени, коты не знали. Пили воду из лужицы, натекшей в углу. Вылизывали грязные шкурки. Спали, греясь друг о друга. Просыпались и слушали грозу. Голод через некоторое время прошел, но в желудках все еще противно ныло. А однажды они проснулись — и не услышали ставшего таким привычным грома.

— Мур? — спросил Тимоха.

— Мя! — твердо ответил Васян.

Вылезать было трудно, в лаз набилось мерзлых комьев. Васян, копавший первым, порезал лапу о какую-то острую железку с рваными краями. Спасибо Тимохе: он закончил дело, пока Васек оказывал себе помощь, зализывая ранку. Снаружи творилось странное. Дом было не узнать. Где привычная, милая кошачьему сердцу крыша? Одни сломанные балки и стропила торчат. Рам нет — пустые проемы. В огороде — стая кротов-гигантов копалась! Да еще и здоровенная корявая труба посередине грядки воткнута. У Мотькиного дома половина второго этажа куда-то делась — дыра. А в дыру стену с картиной видно. Стена закопченная. Картина порвана, висит криво. И это у Матильды, у которой порядок в доме всегда идеальным был!

Дома, где жил Тимофей, вообще не было. Куча кирпичей и на ней, сверху, стиральная машинка. И асфальта не было. Ни тротуаров, ни дороги. Сплошное месиво из земли, кусков шифера и битого стекла. Посередине этого безобразия стояли его, Васянины, люди. Женщина вытирала слезы, а мужчина курил, нервно затыкаясь. Потом отбросил сигарету и обнял подругу за плечи.

— Ну что ты! Смотри — стены есть, стропила есть. И мы, самое главное, живы! Говорят, в пострадавшие дома пластиковые окна вставлять будут. Так что восстановим все, не плачь! Нам вообще, можно сказать, крупно повезло!

Он обернулся к груде строительного мусора, который был до грозы домом Тимохи, и почему-то надолго закрыл глаза.

— Сережа, смотри! Васек наш явился!

— Ты гляди, и Тимофей с ним рядом! И даже морды друг другу не бьют! — удивился Васянин человек.

— Где там силы морды бить?! Худющие, просто ребра торчат.

— Зато живые. Тимоха, видать, в кошачьей рубашке родился. Да... Кот — вот он. А хозяев уже нет... Где жить будешь, бродяга? К нам пойдешь? Правда, в доме пока неуютно...

Человек внимательно смотрел на одноглазого кота. Васян сначала возмутился: как так, не на него смотрят! В его, Васянин, личный дом приживалу приглашают, да через его голову! Безобразие какое! Произвол! Берегите тапки, все припомню! А потом припомнил. Гром над головой, тихое хрипкое «мяу!» в темноте, лаз, который Тимофею пришлось раскапывать самому. Подумал о том, что тапок в доме, наверное, просто не осталось. Посмотрел на развалины за остатками забора. И стал вылизывать Тимке шею...

...В общем, жить вдвоем оказалось гораздо веселее. Особенно с теплыми пластиковыми окнами, когда их наконец-то поставили. И только одно заставляло Васяню грустить по старой жизни: Мотьяка в Дебальцево так и не вернулась.

Как и ее хозяйева...

МАЛЬЧИКИ

Пять уроков. Ещё классный час. Вторая годовщина образования Республики. Очередной Урок Мужества. Давались они теперь Ольге Николаевне нелегко. Но не хотела она, чтобы ученики узнали о том, что случилось в её семье. Коллеги, понятно, были в курсе, от них такое не скроешь. Вели себя тактично, насколько могли — в её присутствии не обсуждали семейные проблемы, отводили глаза, когда начинались разговоры о детях и внуках. Но дошло ли до ребят? Иногда она мучительно вглядывалась в их лица, пытаясь определить — сочувственно на неё смотрят или показалось?

Ещё в коридоре она поняла — добром день не закончится. Ясно, шумят, пока в класс не войдёшь. Но сейчас шум был неправильный. Нездоровый.

Ольга Николаевна рывком распахнула дверь своего 10-го «Б».

Вначале она вообще ничего не увидела из-за спин. Её тоже не заметили. Все сгрудились в кучу, в центре которой происходило что-то явно неординарное.

— Ну-ка, что здесь творится?

Ученики посторонились, но расходиться не спешили. Лица у большинства были, мягко говоря, озадаченные.

Она шагнула вперёд.

На полу, верхом на Лёшке Кудинове восседал Костя Томченко и размеренно лупил его по физиономии.

Лёшка корячился и орал матом.

— Пусстииии... ты...!

— Костя, да ты что?! — ахнула Ольга Николаевна. — Встань сейчас же!

Она схватила мальчишку за плечи и потащила к себе.

От кого-кого, а от Кости она такого не ожидала. Пожалуй, это был самый спокойный мальчик в классе. Среднего роста, не

отличник, не ярый спортсмен. Но крепкий, основательный такой мужичок. Поручения выполнял без энтузиазма, но и без возражений. В авантюры обычно не вмешивался, лишь поглядывал насмешливо.

То есть произошло нечто из ряда вон.

А взглянув Косте в лицо, она просто испугалась. Оно было бледным, и глаза почти закатились под лоб.

— Ты меня слышишь? — Ольга Николаевна сильно встряхнула его, стараясь поставить на ноги.

Тяжело дыша, мальчик высвободился и опёрся о парту.

Лёшка поднялся с пола. Был он на голову выше Томченко, причём спортом как раз занимался — крутил педали в велоклубе. Достаточно обеспеченные родители приобрели ему крутейший гоночный велосипед, бывший предметом несказанной гордости. Держал он себя нагло, но до сих пор на неприятности не нарывался.

Потрогав разбитую губу, Кудинов с ненавистью процедил:

— Ну, тварь, погоди, разберёмся ещё!..

— Что случилось? — спросила она как можно жёстче.

Костя молчал.

— Я вас спрашиваю! Ну?

— За папашу вступился, — зло процедил Лёшка и сплюнул прямо на пол. — Я сказал, что его отец — мерзавец!

«Ого! Ну, не только мерзавцем ты его назвал, само собой. Поинтереснее добавил».

— Вот оно как! И почему же ты так думаешь?

Костя рядом передохнул с присвистом.

— Так и есть. За ДНР воюет!

Ольгу Николаевну словно ударило; она выпрямилась и откинула голову.

— Значит, по-твоему, можно оскорблять тех, кто за ДНР сражаться пошёл?

— А кто умный под мины полезет? Да ещё задаром! Сколько им там платят — копейки! Контрактники ещё ладно, им прилично башляют.

Маленькая Лера Сенченко заморгала испуганно.

«Знает?»

— Лёха у нас ДНР не любит! — ехидно крикнули сзади.

— Почему не люблю? — Кудинов ослабился. — Люблю. Мои родаки при Яныке столько не зашибали. А сейчас через границу товар везут, здесь в три раза дороже сдают. Да здравствует Республика!

— Значит, презираешь. Только пользуешься ситуацией. Имеет место быть. Но в таком случае хотя бы не кощунствуют. «Да здравствует Республика» — не кричат. Помалкивают, чтобы не задевать тех, кто по-другому думает.

— А какая разница? Сдали бы Донецк, кричали бы «Слава Украине!»

— Кричал бы?

— Как все — так и я!

«Спокойно. Дыши. Не то сейчас вцепишься ему в морду и без работы останешься».

— Очень удачно Вы подрались, — она постаралась придать интонации саркастический оттенок. — Как раз по теме классного часа. Садитесь на места. Кудинов, умойся. Томченко, ты тоже. Садитесь, говорю!

Десятиклассники нехотя расползлись. Лёшка подошёл к умывальнику, ополоснул лицо. Костя подошёл после, умываться не стал, демонстративно вымыл руки и отряхнул брезгливо.

— По-хорошему, надо мне сейчас разразиться длинной нравоучительной речью, — проговорила Ольга Николаевна. — О том, что драться нельзя, и о том, что это наказуемо. Вы же этого не знали, правда? В первый раз слышите? И, кстати, о том, что родителей чьих-либо оскорблять тоже не рекомендуется. Многие сильно обижаются почему-то. А на Востоке за это вообще убивают. Вот дикари, да?

Раздалось несколько смешков.

— А потом пригласить директора и учинить разбор полётов часа на полтора. Но тратить время я не буду. Я сегодня и не собиралась ничего вам рассказывать. А хотела видео показать.

Кабинет был оборудован хорошо, спонсоры ещё до войны постарались. Комп с мультимедийным проектором имелся, даже интернет провели. Но она всё равно записала видео на диск — вдруг откажет по закону подлости, как оно всегда и бывает...

Ольга Николаевна включила компьютер, вложила диск и села спиной к экрану. Один раз уже заставила себя это посмотреть, с неё довольно...

Но музыка не давала забыть, что происходит там, на экране.

Фильм длился около получаса.

Кадр делился пополам. Слева — Донецк 75 лет назад. Справа — наше время.

Вечные «курганы тёмные». Мирный город. Фото улиц 1940-го года — съемки тех же мест перед Евро-2012.

Немецкий марш. Факельные шествия. Германия 1939 года — Украина 2014. Майдан. Горящие «беркуты».

«Ненависть» Высоцкого. Разгон антигитлеровской демонстрации — дом профсоюзов в Одессе. Обугленные тела.

«Моя ладонь превратилась в кулак» Цоя. Бомбёжка городов СССР. Гитлеровские танки. Обрушивающиеся дома. Оккупированный Донецк — украинские танки в Мариуполе, которые люди пытаются остановить своими телами. Луганская ОГА. Женщина с оторванными ногами. Обстрел многоэтажек. Обгоревшие трупы в машине возле ДК им. Октябрьской революции.

«Колыбельная». Исхудавшие дети за решёткой концлагеря. Горы трупов сбрасывают в ров — малыши выглядывают из подвала. Похороны. Маленькие гробы в кружевах.

«Донецкий аэропорт» группы «Опасные». Курская дуга. Воздушные бои. Немецкие военнопленные — Саур-могила. Иловыйск. Дебальцево. Аэропорт. Салют в честь павших бойцов ДНР.

Ниночка Куприянова вдруг всхлипнула и уронила голову на руки.

Ольга Николаевна похолодела.

«Ой, батюшки, дура проклятая! Забыла из-за уroda этого!»

Отец Ниночки погиб год назад под Дебальцево. Учительница хотела под каким-то предлогом отправить её с классного часа — да с этой дракой из виду выпустила!

Она поспешно приглушила звук.

— Нина, если тебе нехорошо, можешь пойти домой!

— Нет, нет, Ольга Николаевна! — девочка поспешно подняла глаза. — Я досмотреть хочу...

Заключительные пять минут были уже более оптимистичны. На фоне стен разрушенного Иверского монастыря выступали двое.

Бард был суров и сосредоточен. Ветер трепал его волосы.

Держись, держись, прорвёмся, братик,
Ещё зубами будем рвать их...

После слов «гешефт свой делает Иуда» в классе захихикали. Кудинов зло обернулся.

Барда сменил поэт с усталыми глазами.

То ли тёткою, то ли мачехой
Крест пропившая мне Украина...

Закончилось. Всё. Тишина.

— Последние кадры снимали под прицелом снайперов, — сухо сообщила Ольга Николаевна. — С обеих сторон. Там противники друг друга в бинокль видят. Съёмочная группа приехала, наши засекли снайперскую группу. Выставили своих. Так и работали. Как вы думаете, зачем они это делали?

Завозились. Заёрзали.

— Чтобы все видели, как монастырь пострадал, — осторожно высказалась Лера.

— Чтобы показать гадам, что они их не боятся! — крикнул Славик Богданов с задней парты. — Правильно?

— Правильно, наверное. Дома ещё обдумайте. Я только одно хочу спросить. Алексей, поднимись пожалуйста.

Кудинов сидел, скособочась и уставившись в угол.

— Поднимись.

Он всё же встал, нарочно грохнув стулом.

— Ты будешь кричать: «Слава Украине»?

Молчание.

— Не слышу!

— Да оставьте его, Ольга Николаевна, — хмыкнула Ниночка. — Не понять ему!

— Возможно. Ну что же, думаю, достаточно на сегодня. Свободны. Всего доброго.

Лёшка сорвался с места, подхватив сумку, бросил на неё ненавидящий взгляд и вылетел за дверь. Остальные тихо потянулись следом.

Последним вышел Костя. Проходя мимо учительницы, буркнул:

— Извините... пожалуйста.

— До завтра, Костя, — вздохнула она, пряча диск в сумку.

* * *

«Сорвалась всё-таки, — тоскливо думала Ольга Николаевна, бредя к остановке. — Завтра, к гадалке не ходи, родители будут рассказывать, какой страшный вред я нанесла неокрепшей психике их чувствительного и ранимого мальчика. И не наказала бандита, который его избил! А кстати, почему у него только губа была разбита, а нос и глаза целы?»

Вспомнила, как Костя лупил Лёшку — и усмехнулась. Он дал ему пощёчины открытой ладонью...

После урока она всё же наведалась к директору. Тот хмуро выслушал.

— Родителям я сам позвоню. Если придут к вам — отправляйте прямо ко мне. Без объяснений.

По ноге проехалось что-то острое. Ольга Николаевна вздрогнула.

— Ой, тётя, простите! — послышалось снизу. — Я вас танком задел! Я нечаянно!

На неё широко распахнутыми глазёнками смотрел пацанчик лет четырёх. В джинсовом комбинезончике.

— Чем задел?

— Танком, вот! — мальчик приподнял планшет, висевший через плечо. К планшету был резиночкой привязан игрушечный танк.

— Саша, сколько раз я тебе говорила, танк дома оставляй! — к малышу наклонилась молодая женщина. — Извините, всюду его с собой таскает! Не расстается!

— Мне его папа подарил! — заявил Саша. — И планшет тоже! Папа воюет, фашистов бьёт! Он танкист!

— Значит, в армии ваш папа?

— Да, — женщина поправила на мальчугане шапочку и вдруг быстро заговорила. — Это чтоб он в убежище не боялся... Я ему накачала игрушек туда, мы почти всю осень в подвале сидели, на Октябрьском. Он играет, увлечётся и взрывов не пугается. А в последний раз вылезаем — а квартиры нет, прямое попадание. И труба газовая загорелась. Хорошо, что документы у меня были. Только планшет и остался.

— И... где же вы теперь? — выдохнула Ольга Николаевна.

— В этот район переехали, к маме. Тесно, но ничего. А потом наш папа лечиться приезжал, ранили его, легко, слава Богу. Два месяца побыл и опять туда же...

— Папа вернётся, когда фашистов прогонит! — вступил Саша. — И я, как вырасту, тоже буду их бить!

— Когда ты вырастешь, мы их уже победим...

— А вдруг они где-нибудь спрячутся?

— Этот найдёт! — женщина заулыбалась. — Читать уже хочет учиться, чтоб расти быстрее. Только книжек мало, всё сгорело...

— Девушка, — поспешно произнесла Ольга Николаевна. — Вас как зовут?

— Лена...

— Леночка... вот что...

Только не передумать!

— Вот мой телефон, давайте договоримся встретиться. Я вам отдам книжки детские и игрушки, у меня много, и уже не нужны... От внука остались.

— От внука? — Лена смотрела, бледнея.

— Да... Его нет больше. Невестка поехала к своей матери в гости, их там на остановке и накрыло. Сразу. Тоже... прямое попадание. Сын после этого в ополчение пошёл. Он не говорит мне, где он, но я чувствую — в пекло рвётся. Боюсь, что...

Оназадохнулась и не закончила.

— А вы как же... одна?

— Нет, с мужем... Его парализовало... через неделю, но уже ничего, лучше. Восемь месяцев прошло... С палочкой ходит.

Мальчонка глядел насупленно.

— Если вам не нужно... мы придём! Вам помочь чем-то, может быть?

— Там посмотрим, — Ольга Николаевна улыбнулась с усилием. — Вы, главное, позвоните!

— Обязательно! — Лена спрятала визитку. — До свидания! Спасибо вам!

— Да не за что пока...

— До свидания! — Саша перехватил планшет и пошёл за мамой.

Она провожала взглядом маму и мальчика. Ещё раза три он оборачивался и махал учительнице рукой.

ИМЯ ИМ — «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Одна из иронических сентенций, посвящённых исторической науке, звучит примерно так: «Пред будущим мы не властны, но прошлое — в наших руках». Справедлива она, безусловно, не всегда. Но порой подтверждается в самых неожиданных ситуациях.

Несколько лет назад был проведен опрос старшеклассников в Краснодоне. Вот некоторые вопросы и ответы:

— Продолжите, пожалуйста, фразу: «“Молодая гвардия” — это...»

Большинство ответов были правильными. Но встречались и такие: «Впервые слышу об этой организации».

— Назовите фамилии известных вам молодогвардейцев.

В некоторых ответах в числе юных подпольщиков Краснодона оказались Зоя Космодемьянская, Александр Фадеев... Несколько учащихся признались: «Не знаю никого».

По итогам опроса в местной газете появилась фраза: «Если мы, краснодонцы, не знаем своей истории, что говорить о других, проживающих за пределами нашего города». А ведь не зря говорят, что незнание прошлого искажает настоящее и угрожает будущему. Конечно, людям старшего поколения непонятно и огорчительно то, что можно не ведать о героях-молодогвардейцах, биографии которых — образец для подражания не одного поколения соотечественников, родившихся после войны. Но и осуждать молодых — легче всего. Тем более, что долгие годы имена юных подпольщиков, принявших мученическую смерть, и история организации либо просто замалчивались, либо, что ещё хуже, вспоминались, как участники молодёжной хулиганской группировки, такой «бригады», которые украли у фашистов рождественские подарки и заплатились за это жизнями. Всё это — на совести, вернее, на отсутствии её у отдельных историков, решивших сделать себе громкое имя на развенчивании «коммунистических мифов».

Мифы, безусловно, были. Но в основе их лежали истинные факты мужества и героизма, по сути, детей, не побоявшихся вступить в смертельную борьбу с врагом, и прошедших свой путь до конца с честью и достоинством. И то, что сначала роман, а затем и фильм о «Молодой гвардии» стали всенародно любимыми, — заслуга и авторов этих произведений, и, конечно, признание подвига ребят из маленького шахтёрского городка, которые в страшных условиях пыток и издевательств проявили высочайшие человеческие качества.

Как они били нас, как же нас мучили.
Резали звезды, и жгли, и калечили,
только мы верили в самое лучшее,
и, умирая, мы в Родину верили.
Нас не сломали. Мы верили, верили
в нашу победу и в жизнь вашу яркую.
И умирали, шагая в бессмертие.
Мы молодая, но все-таки, Гвардия.

Эти строки из современной песни свидетельствуют, что память о героях, несмотря ни на что, жива. Да и события последних лет говорят, что справедливость, всё же, торжествует. О подвиге ребят вновь заговорили в средствах массовой информации. Очищаются от шелухи сплетен и досужих домыслов светлые имена Олега Кошевого и его друзей. Прекрасно отреставрирован музей молодогвардейцев. История организации — бесценный образец воспитания у молодого поколения чувства, чей дефицит в обществе ощущается столь же остро и пагубно, как отсутствие товаров первой необходимости. Речь идёт о патриотизме, без которого невозможны никакие успехи в мирной жизни и победы на поле боя. Обо всём этом всю свою жизнь неустанно говорит писатель-фронтовик, боец Краснодонского истребительного батальона, разведчик партизанского отряда, школьный друг Сергея Тюленина, брат подпольщиц Нины и Ольги Иванцовых, лауреат литературных премий имени Владимира Даля и «Молодой гвардии» **Ким Михайлович Иванцов**.

ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА:

Пятнадцатилетним пареньком Ким Иванцов стал бойцом Краснодонского истребительного батальона, потом — разведчиком партизанского отряда, разведчиком 328-й стрелковой дивизии. Прошёл с боями весь путь отступления Красной Армии от Краснодона до Махачкалы, участвовал в битве за Кавказ, был ранен, контужен, инвалид Великой Отечественной войны. Награждён боевыми орденами и медалями. Войну закончил в Заполярье. В мирное время 36 лет проработал на Луганском тепловозостроительном заводе, где прошёл путь от слесаря до начальника цеха. Автор более 10 книг, сотен статей, член Межрегионального союза писателей и Конгресса литераторов Украины. Лауреат многих литературных премий. Представлялся к званию «Почётный гражданин Луганска».

Наверное, главная книга Кима Михайловича — «Боль и гордость моя — “Молодая гвардия”». Вот что он по этому поводу сказал:

— О «Молодой гвардии» уже написаны десятки книг, ещё больше брошюр, очерков, статей, рефератов, монографий, диссертаций. Однако до сих пор вся правда не сказана.

В недавнем едином Отечестве за счёт одних событий нередко было удобно объяснять другие. Скажем, стихийно возникшая «Молодая гвардия» использовалась для показа определяющей роли коммунистической партии в создании и руководстве подпольем, хотя на самом деле всё обстояло несколько иначе. Ибо было известно, что Краснодонский подпольный райком партии разбежался ещё до начала оккупации города. Что касается Ф. П. Лютикова, то этот честнейший коммунист и настоящий патриот никакого отношения к подпольному райкому не имел. Его, бойца Краснодонского партизанского отряда, политотдел 18-й армии оставил в городе в качестве своего агента. Ни Олег Кошевой, ни Иван Туркенич, ни другие члены штаба «Молодой гвардии» никогда не встречались с Филиппом Петровичем. Многие даже не знали о его существовании. Но разве от этого их подвиг стал менее значимым?

ИЗ СЕКРЕТНОГО ДОКУМЕНТА КРАСНОДОНСКОГО РК КП(б)У:

В период оккупации коммунист, работавший при немцах в Центральной электромеханической мастерской, т. Лютиков Ф. П. имел намерение по собственной инициативе организовать партизанскую группу. Им было создано ядро группы, куда вошли члены ВКП(б)У Бараков, Дымченко, беспартийные Артемьев, Соколова и др.

Однако указанная группа каких-либо действий в тылу врага не успела сделать, так как в начале января 1943 года они во главе с Лютиковым были арестованы и расстреляны...

Тем не менее, кое-что сделать удалось, всей своей работой Лютиков наносил ущерб планам фашистов. Подробно об этом я рассказал в книге. Я не подделываюсь ни под какие вкусы. Пишу, как знаю, как чувствую, каким видел прошлое и вижу настоящее, как всё вправду обстояло и обстоит. «Гордость и боль моя — «Молодая гвардия» даст возможность без кликушества и порочной молвы взглянуть на историю краснодонского подполья. Я написал эту книгу, чтобы нынешние мальчишки и девчонки, юноши и девушки не закрывали глаза на прошлое, не отбрасывали его опыт. Несмотря ни на какие трудности экономики и политики, надо, непременно надо вырастить в каждом мальчишке не киллера, а в каждой девчонке не проститутку, а Человека — высокой культуры и духа, крепкого физически. Очень хочется, чтобы нынешние молодые люди были нравственно незапятнанными, безбедными Личностями. Беззаветно любя Родину, ведали б, что это сегодня потускневшее от частого и не всегда к месту употребляемое слово мы, ветераны Великой Отечественной войны, по-прежнему воспринимаем благоговейно, как тогда, когда поднимались в атаку, а многие наши побратимы, умирая, черкали то святое слово на прикладах винтовок, стенах зданий, в предсмертных записках.

Рассказам о юных подпольщиках Краснодона, пропаганде их самоотверженных патриотических деяний я отдал 60 лет.

ЕСЛИ НЕ Я, ТО КТО?

— О том, что знаю и помню я о героях «Молодой гвардии» не напишет никто другой. Говорю это без ложной скромности, ибо из школьных товарищей и друзей тех, кто так или иначе был причастен к первому и второму подполью, к первым народным вооружённым формированиям Краснодона, в живых я остался один.

— *Сегодня в деталях известно о том, как действовали подпольщики. Но о том, как зарождалась организация, что происходило в городе накануне оккупации и в её первые дни, сведений не много. Вы в книге рассказали об этом подробно, поскольку очень важно сегодня понять, как в период отчаяния, растерянности, информационной блокады, умелой работы гитлеровской пропаганды, молодые люди не сломались морально, нашли мужество для такого смертельно опасного решения — начать борьбу с упивавшимися временными победами захватчиками...*

— Далеко не простым оказался путь в комсомольское подполье для многих патриотов. Если безрассудно смелому Сергею Тюленину, как и окончившей школу НКВД отчаянной Любке Шевцовой и прошедшим ускоренную подготовку в тех же органах сёстрам Иванцовым, некоторым другим подпольщикам уже в первые дни оккупации всё было ясно: с фашистами следует бороться не раздумывая, то для многих других дорога в подполье пролегла через мучительные сомнения — не всё было так просто, как сегодня кое-кому кажется. Однако любовь к Отечеству оказалась выше личного преуспеяния.

А ведь ситуация действительно была страшная. Отступление, а, вернее, бегство наших было паническим и стремительным. Город наводнили дезертиры Красной Армии, начались грабежи, даже мародёрство.

Наш истребительный батальон буквально разрывался, чтобы поддерживать в Краснодоне мало-мальский порядок. Деморализовать, разобщить людей старалась и немецкая пропаганда, что в какой-то мере и удавалось. Тысячи листовок сбрасывались над городом. «Здравствуй, Донбасс. Скоро буду у вас», «Иван, тише драпай, а то тебя на танке не догонишь» — ярко красные клочки

бумаги с такими строчками вселяли неуверенность в души людей. Фашисты уверяли: «новый порядок» — райская жизнь для всего трудящегося люда. И некоторые теряли рассудок, верили этой брехне, принимая за чистую монету измышления гитлеровцев. Как результат, уже в первые дни оккупации нашлись такие, кто пошёл в услужение к захватчикам: в так называемую «украинскую полицию», в шуцманы — вспомогательные отряды при немецкой жандармерии, кто выдавал фашистам знакомых коммунистов, комсомольцев, евреев. Уже вскоре краснодонская украинская полиция насчитывала 400 человек. Как же надо было знать историю Родины, любить свой народ, помнить правду о фашизме, чтобы в этих условиях не дрогнуть, верить в благополучный исход битвы с оккупантами, в необходимость всеобщей борьбы с ними здесь, в захваченном врагами Краснодоне. Именно мальчишки и девчонки нашли в себе душевные силы, сумели рассмотреть главное: несоответствие того, о чём трубили, и что на самом деле вытворяли оккупанты. Вот одна из первых рукописных листовок «Молодой гвардии»:

Товарищи! Не верьте лживой агитации, которую проводят шуцманы и полицаи. Они хотят завербовать вас для каторжных работ на немецких рудниках и заводах. Впереди вас ожидают смерть и голод. Не поддавайтесь на удочку немецких подпевал. Бейте, громите, уничтожайте фашистов в тылу! Ш. П. О.

Таинственная, грозная аббревиатура расшифровалась, как «штаб партизанского отряда». Именно так подписывал свои первоначальные листовки Сергей Тюленин, и его группа — она раньше других выступила против оккупантов. В группу вошли Володя Куликов, Витя Лукьянченко, Тоня Машенко, Сеня Остапенко, Радик Юркин. Всем им было по 14-15 лет, а командиру, моему другу и однокласснику в ту пору исполнилось 16. Это они положили начало рождению нашей гордости и славы «Молодой гвардии». Вступление в борьбу несовершеннолетних ребят Краснодона было осмысленным и далеко не случайным. По зову собственных сердец, без

подсказки старших или каких-либо организаций они выступили против коричневой чумы, ибо душой и сердцем не принимали фашистский «новый порядок». Сказалось, конечно, и влечение к романтике, что является вполне нормальным в этом возрасте. Позже группа Тюленина объединилась с группой Земнухова — Кошевого, появился партизанский отряд «Молот». Впоследствии он, в свою очередь, объединился с подпольными группами из Первомайки, Ровеньков, Новоалександровки, Изварино, других населённых пунктов района — так родилась «Молодая гвардия».

— В Вашей книге подробно описан весь путь организации, объективно проанализирована роль лидеров, кроме того, на мой взгляд, очень интересны и пронзительны воспоминания о времени, о событиях тех лет, искренняя и честная оценка того, что было, что стало нашей историей. Ощущение особой достоверности возникает после того, когда читатель узнаёт, что кроме собственной (уникальной) памяти, основным исходным документом для вас является дневник, который вы вели в те годы, куда записывали всё, чему свидетелем были. Долгие годы считалось, что «открывателями» «Молодой гвардии» были журналисты «Комсомольской правды» М.Котов и В.Лясковский. Вы приводите статьи корреспондента газеты «Сын Отечества» Владимира Смирнова, который ещё 12 мая 1943 года писал о зверствах фашистов в Краснодоне и о подвиге юных подпольщиков...

— Статья Владимира Смирнова так и называлась «Это было в Краснодоне». В ней он рассказал о страшной гибели 32-х шахтёров, которых живьём закопали в парке имени Комсомола. Кстати, именно эта мученическая смерть земляков в конце 1942 года стала окончательным толчком к объединению отдельных боевых групп молодёжи в монолитную комсомольскую организацию «Молодая гвардия». А ведь фашисты думали, что эта казнь вызовет страх и растерянность у деморализованного населения. Они просчитались.

Удивительно скромный человек — военный журналист Владимир Смирнов — остался в тени своих московских коллег. В 1949 году он погиб, а пакет с его статьями и материалами о «Молодой гвардии» родственники отправили Александру Фадееву.

— Судьба его романа столь же трагична, как и его собственная. Некоторые нынешние критики называют писателя «певцом терроризма». А ведь книгой зачитывалась вся страна...

— Да, удивительное дело, в числе других культурных ценностей наша страна, на мой взгляд, ошибочно и поспешно отбросила и писателя Фадеева, и его роман, вошедший в золотой фонд советской литературы. Они вычеркнуты из школьных и вузовских программ, словно изучение истории Краснодона мешает штудировать прошлое украинского народа. Как романист, Фадеев, конечно, несколько опозитизировал своих героев, но сделал это с пониманием чувства меры. Потому они получились не ходульными, не лубочными, напыщенными, а живыми. Фадеев и в жизни, оставаясь героем своего времени, был, как писала Анна Ахматова, «большим писателем и добрым человеком». Он очень многим помог, многих спас от лихой доли. Вот только несколько фамилий: П. Антокольский, О. Берггольц, А. Довженко, Н. Заболоцкий, А. Твардовский... Потом пришла пора спасать его честное имя. Вспомните, когда последний раз показывали по киевским телевизионным каналам фильм Сергея Герасимова, снятый по роману «Молодая гвардия»? Трудно вспомнить, потому что нечего вспоминать. Спасибо Луганскому телевидению. Там делают всё, чтобы история осталась в сердцах людей. А кому-то, видимо, хочется, чтобы мутный поток западных боевиков и слезливых мелодрам, который захлестнул наши экраны, вымыл из неокрепших юношеских душ такие понятия, как совесть, патриотизм, веру в человеческие идеалы? Неужели эти качества, которые воспитываются на примере подвига моих сверстников, не нужны гражданам современной Украины?

МНЕНИЕ ВЕТЕРАНА

— Дефицит идеологии, порядочности, культуры, патриотизма ещё страшней, чем дефицит товаров и продуктов. Его проявления ужасают своей дикостью.

Не так давно ещё было больно смотреть на разграбленные могилы, в том числе молодогвардейцев. Даже бюсты героев были украдены из луганского сквера. Спасибо добрым людям, которые

восстановили аллею «Молодой гвардии». С могилы моей сестры Нины Иванцовой были украдены мемориальная доска, скульптурное изображение, бетонные плиты... Мне трудно представить, чтобы человек моего поколения мог осквернить чей-либо последний приют.

Своей книгой я исполнил долг перед памятью юных героев, отдавших жизнь за свободу своей страны. Я могу повторить крылатую формулу, пришедшую к нам из древнего Рима: «Я сделал всё, что мог, пусть другие сделают лучше, если смогут». И если существует загробная жизнь, мне не стыдно будет предстать перед своими сёстрами, Ниной и Ольгой, Любой Шевцовой, Сергеем Тюлениным, Олегом Кошевым, Виктором Третьякевичем, другими друзьями-товарищами детства и опалённой войной юности, чей подвиг остался в истории самой жестокой войны, в истории нашего государства.

Говорят, в жизни всегда есть место подвигу, но не всегда есть место героям. В этой грустной шутке — и отражение судьбы молодоговардейцев. И, всё же, именно о них Герой Советского Союза, украинский писатель и партизан Юрий Збанацкий сказал так: «Во веки веков идущие на подвиг будут вспоминать обыкновенных и необыкновенных мальчишек и девчонок Краснодона».

И ещё одна цитата:

...Нет раздумий у этих парней.
Дом Кошевого, клятва жаркая:
«Вступая в ряды... Перед лицом друзей...»
Имя им — «Молодая Гвардия».

В этих рифмованных школьных строках — надежда на то, что память, как и герои — бессмертна.

Р. С. в декабре 2016 года Кима Михайловича Иванцова не стало. До последнего своего дня он оставался в Луганске, оставался верным своей памяти, судьбе и времени героев, о которых писал всю свою жизнь.

ИСХОД

И простёр Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь, и сделал море сушею, и расступились воды.

Исх. 14:22

Далеко не добрым утром Алик проснулся от очень раннего телефонного звонка.

— Штатский, — услышал он голос коменданта. — Мы отступаем. Мы уходим. Прямо сейчас. Ты понял меня?

— Понял, — ответил Алик, мгновенно проснувшись. — Где мне вас перехватить?

— Нигде, — отозвался комендант. — Ты меня прости, но мы отступаем на Донецк, и я даже не знаю, дойдём ли. Это серьёзно. У меня куча военных, за которых болит голова, и мне совсем не хочется иметь ещё одну головную боль — штатского. Если тебя убьют, что я твоей маме скажу? Могу посоветовать только одно: попытайся лечь на дно. Может быть, пронесёт. Здесь для тебя шансов погибнуть гораздо больше. Штабные документы я забрал с собой, так что там не осталось ничего, где бы твоё имя фигурировало. Дальше думай сам. Всё. Отбой.

— Отбой, — ответил Алик.

И охренел.

И немудрено — только вчера записывался видеоролик с обращением коменданта к жителям города, где говорилось, что всё в порядке. Что позиции стоят крепко и нерушимо, и всё, что требуется от мирных — сохранять спокойствие. И вдруг — отступление. Объяснение этому могло быть только одно — любой манёвр есть военная тайна, и комендант, заранее зная об отступлении, не мог, не имел права сказать об этом заранее, тем более в эфир.

Алик тут же набрал номер Шерифа, коменданта здания штаба. И Шериф ответил ему:

— Да, всё так. Якут правильно тебе сказал. Мы уже за пределами города. Так что да, либо ложись на дно, либо уезжай.

— Понял, отбой, — ответил Алик, и после нажатия кнопки отбоя прорычал: — Твою мать!..

Ну что ж... Он действительно занимался в штабе краматорского ополчения исключительно гражданскими делами. И оружие не носил. И позывной его был — Штатский. Но разве в этом дело? Если каратели его арестуют, они на это не посмотрят. Так Алику подумалось сразу.

Между тем за окном стояло совершенно раннее утро, но после таких новостей было уже не до сна. Алик нервно выкурил сигарету и стал одеваться, даже не попив утреннего чая. Какой чай, Господи? До него ли сейчас? Прежде всего нужно было выйти на улицу и увидеть своими глазами, что происходит, а уже потом о чём-то думать и что-то решать.

— Сынок, ты далеко собрался? — услышал он голос ещё не проснувшейся мамы.

— Нет, мама, я скоро.

Алик уже очень давно ничего не боялся, но сейчас, как только он вышел на улицу, ему стало не по себе. В городе было мертвецки тихо. Если бы не птицы, которые после любых обстрелов пели по утрам, недолго было бы и с ума сойти. На улице не было ни единого человека. На дороге не было ни единого автомобиля. Это привело Алика в ступор — ведь даже в самые страшные дни блокады хоть изредка, но ходили и машины, и даже редкие смелые таксисты. И на поднятую руку всегда останавливались и подвозили. Бесплатно. Таксисты — за символические копейки. А сейчас — никого. Хоть собак гоняй. Это была первая недобрая примета. И к сожалению, не последняя.

Когда Алик дошёл пешком до штаба ополчения, он увидел вторую примету, ещё более зловещую. Возле входа в штаб топтались какие-то мутные мужики, которых Алик никогда здесь раньше не видел. Изнутри столь же мутные мужики вытаскивали коробки, которые тут же грузились в машины и увозились непонятно куда.

«Эх, — вздохнул Алик, — не успели оккупанты в город войти, а мародёры уже тут как тут. Что же вытаскивают, суки? Гуманитарку, не иначе».

Действительно, в штаб регулярно приходила гуманитарная помощь для ополченцев. И что характерно, ни один ополченец ни съел отсюда ни единой крошки, и не присвоил ни одной тряпки. Всё раздавалось мирным жителям. Да, раздавалось не так оперативно, как хотелось бы, но всё же... Алик тут же вспомнил, как ответственный за раздачу человек однажды подошёл к нему и спросил:

— Алик, как ты считаешь, как мне с этим справиться?

— Да очень просто, — ответил Алик. — Нужно раздавать помощь самым нуждающимся. То бишь, инвалидам и ветеранам. А теперь оглянись: в здании, что напротив, находится общество ветеранов. Оно закрыто, не ломай двери. Моя мама — зам председателя общества ветеранов. Будет нужно — я у неё списки возьму. А общество инвалидов находится в Старом городе, буквально в двухстах метрах от моего дома. Мне будет несложно завтра утром зайти туда, и взять списки. С фамилиями, с адресами. Легко!

Список ветеранов действительно был составлен на следующий день. А с инвалидами всё оказалось не так просто. Как выяснилось, всё руководство общества инвалидов исчезло из города. Они вывезли группу инвалидов в Одессу, и там остались вместе с ними. И появились в городе только после прихода карателей. И вывозили инвалидов на всякие проукраинские сборища и шабаши. В креслах. С жовто-блакитными флагами. Создавали, так сказать, массовку. Впрочем, не будем о грустном...

Но что ветераны, что инвалиды — люди, которые не всегда сами в состоянии прийти за гуманитаркой. Нужен как минимум микроавтобус, чтоб развезти её по адресам. А он под рукой оказывался далеко не всегда. И потому гуманитарка частенько стояла на первом этаже, упакованная в коробки и готовая к развозке. Вот её-то и растаскивали новоявленные мародёры.

Алик вздохнул, развернулся и пошёл в сторону дома. Возле штаба ему больше нечего было делать.

«И что теперь?» — спрашивал себя Алик по дороге домой. И не находил ответа. А возле дома зашёл в магазин, взял водки и, вернувшись домой, тут же прошёл к себе в комнату, открыл...

И немедленно выпил.

И ушёл в запой.

Сколько дней прошло, три или четыре, Алик не осознавал. Всё это время он мрачно пил водку. Иногда выбирался в магазин, пополнял запасы, и немедля возвращался домой. Но всё хорошее имеет свойство заканчиваться, так что то ли на четвёртый, то ли на пятый день Алик внезапно обнаружил, что водка кончилась. И деньги тоже. Одновременно. И с этим нужно было что-то делать.

Алик тяжело задумался.

«Ну а что тут думать? Нужно добывать денег. Где? Снять с карточки. Но вот в этот-то и вся загвоздка... У меня карточка филиала сбербанка России. Отделение сбербанка разбито снарядами, и больше нигде в городе я денег не сниму. Нужно куда-то ехать. В соседний город. Но только не в Славянск, там вообще всё разбито вдребезги. Нужно в другую сторону. В Дружковку. Там вообще практически не стреляли. На нас бросили все силы, а на Дружковку их уже не хватило. Значит, нужно ехать туда».

С этим решением Алик взял в руки телефон, нажал несколько кнопок и спросил:

— Паша?

— Он самый! — раздался в ответ бодрый голос. — Привет из города-героя Дружковки!

— Город-герой Краматорск аналогично приветствует тебя, — хмыкнул Алик в ответ. — Ты лучше скажи мне: у вас филиал сбербанка России работает?

— Конечно работает, куда ж ему деваться, — даже удивился вопросу Паша.

— Отлично. Тогда я еду к вам.

— Когда?

— Да хоть сейчас.

— Автобусы же не ходят...

— Не впервой.

- На въезде в город меня набери, я встречу тебя возле банка.
- Замечательно. Добро.
- Алик встал и начал одеваться.
- Ты куда, сынок? — тут же спросила его мама.
- В Дружковку. Денег с карточки сниму.
- Осторожнее там.
- Не впервой...

Алику повезло: он достаточно быстро поймал попутную машину, и спустя какие-то полчаса уже въезжал в Дружковку. И вот тут-то, прямо на въезде, он увидел третью зловещую примету времени. Он сидел, задумавшись о чём-то, и вдруг водитель толкнул его локтем в бок и показал за окно с словами:

— Смотри. Зачистка.

И Алик увидел: несколько вооружённых людей в камуфляже колотили прикладами в чьи-то ворота. За кем-то пришли. Метров через триста картина повторилась. Потом ещё. И ещё. Впечатление было такое, словно арестовывают весь город. И вокруг стояла такая же пугающая тишина, нарушаемая только ударами прикладов в ворота.

— Вот и пришли к нам каратели, — задумчиво произнёс Алик.

Другого слова у него не было. Ополчение, что бы о нём ни сочиняли, всегда старалось не обижать мирных, и уж если приходилось кого-то арестовывать, то это всегда было ЧП. Каждым подобным случаем занималась военная полиция, которая тщательно разбиралась в причинах ареста, выясняла, не было ли оговора, и если арестовавшие мирного были неправы или превысили свои полномочия, разбор был быстрым и наказание виновных жёстким. А чтобы вот так, среди бела дня... Да такого в кошмарном сне присниться не могло! Так поступают только каратели. Охреневшие от собственной вседозволенности.

Зато центр города выглядел почти спокойным. Алик с невольным изумлением разглядывал улицы без разрушений, улицы, полные прохожих, улицы с работающим городским транспортом. Оказывается, за время блокады он от всего этого отвык, и сейчас слегка диковато озирался по сторонам, глядя вокруг изумлёнными глазами. И увидев встречающего его Пашу, не сразу его узнал.

Они обнялись, и Паша тут же заторопил Алика:

— Идём скорее, пока ты ехал, я тебе очередь занял.

И это было таки совершенно правильное действие! Алик прекрасно помнил суточные очереди у банкоматов, когда нужно было записываться с утра и снимать деньги в лучшем случае на следующий день. Здесь тоже была очередь большая — ведь не один Алик приехал сюда из другого города — но терпимая. Два-три часа — не время.

А когда деньги были получены, Паша предложил:

— Ну что? Поедем ко мне? Хоть поговорим. Расскажешь, что и как.

И у Паши за стаканом коньяка Алик разговорился. А Паша слушал и только качал головой. Сначала недоверчиво, потом недоумённо. Да и понятно: во время блокады информация из Славянска и Краматорска даже до соседних городов практически не доходила. Либо доходила в искажённой форме. В основном, всяческие страшилки. О страшных разбойниках-ополченцах, грабящих население направо и налево, о чеченских боевиках, устраивающих поголовный террор, о русских уголовниках с наколками от плеч до пяток, выпущенных из тюрем специально для войны на Донбассе... да мало ли всякой лжи нагромождалось вокруг первых донбасских городов-героев. Паша молча всё это выслушал, после чего задал единственный вопрос:

— А штаб ваш где находился?

— Как где? — удивлённо переспросил Алик. — В здании исполкома. Где ж ему ещё быть?

— Мать... — вздохнул в ответ Паша. — А до меня доходил слухок, что вы базировались на первом этаже детского дома. А на втором были дети. И вы ими прикрывались от обстрелов.

— Паша, ты с ума сошёл. Это же наш город. Это же наши дети. От кого ты это услышал?

Паша назвал имя общего знакомого, который когда-то очень давно жил в Краматорске, но уже много лет как после окончания медицинского института перебрался в Харьков, и нёс оттуда всяческие небылицы о зверствах ополченцев. Ему из Харькова было виднее.

— Передай ему при встрече, чтоб не попадался мне на глаза, — попросил Алик. — Я, конечно, известный гуманист и филантроп, но за такую ложь я ему голову отобью, и рука не дрогнет.

После паузы Паша задумчиво произнёс:

— Он ещё в апреле вывез из Краматорска маму, и поселил её где-то в селе на Полтавщине. И там её не приняли ни соседи, ни местные власти. Сказали, что им сепаратистка не нужна. Она сейчас там на птичьих правах, а он... может быть, потому он и утверждает подобные вещи?

— Пашенька, дорогой мой... — вздохнул в ответ Алик. — Честное слово, это его ничуть не оправдывает. Ни в моих глазах, ни вообще. Это же последнюю совесть продать...

За такими невесёлыми разговорами они просидели почти до вечера. Уже начинало смеркаться, когда Паша вывел Алика на трассу и они поймали машину до Краматорска.

Алик вышел из машины возле вокзала. До дома нужно было пройти метров триста. И на полпути Алик увидел нечто такое, от чего он попросту оцепенел. На улице стоял ящик. Большой фанерный ящик с прорезью в верхнем торце, как у избирательной урны. Выкрашенный в жовто-блакитный цвет. С нарисованным бандеровским трезубцем. И крупной надписью: «Сообщайте о сепаратистах и террористах!»

Немая сцена. Через какое-то время, выйдя из ступора, Алик отправился дальше, размышляя о своём. И мысли его были невесёлыми.

«Да... Наступило не только время мародёров и карателей, но и время стукачей. Как-то так вот, сразу... Интересно, когда меня сдадут? И кто будет первым? Если уже не сдали... Мало того, начнут сдавать всех подряд. Кому-то сосед не нравится, жена у него красивая. Возьмёт и напишет: мой сосед, такой-то и такой-то, сепаратист и террорист. И ведь даже подписываться не станет. Всё равно, никто проверять не будет. Придут за соседом и закроют. Может, и меня уже у порога ждут...»

К счастью, у порога Алика ждал только огромный серый кот. Он всегда, только лишь Алик заходил в подъезд, стремглав нёсся к

двери его встречать. Как только Алик перешагнул через порог, кот приветливо потёрся о его ногу. Алик улыбнулся, погладил кота и произнёс:

— Зверик... У дверей встречаешь... Нужно было бы тебя Аргусом назвать. Хотя это был пёс... Ну ничего. Теперь здесь будет твой пост. Будешь сторожевой кот. Укропов будешь на части рвать. Ты это сможешь, я в тебе уверен.

— Дурак, — прокомментировала мама его слова.

Войдя в комнату, Алик сразу же включил компьютер и пошёл ставить чайник. И только компьютер загрузился, тут же страшным голосом заорал скайп. На окошке вызова Алик прочёл имя своего давнего ростовского друга.

— Алька! — закричал тот, едва Алик отозвался на звонок. — Ты как там?

— Да как... Жив пока.

— И это хорошо. А где ты находишься?

— А где я могу находиться? Здесь, в Краматорске.

— Алик, ты совсем с ума сошёл или ещё нет? Что ты там до сих пор делаешь? Ждёшь, когда за тобой придут и расстреляют? Или надолго закроют? Герой хренов! Короче, поднимайся и езжай сюда! Немедленно! Мы все тебя ждём, ты нам нужен! Видали красавца, забаву нашёл — в Краматорске сидеть! Вали сюда, я желаю видеть тебя своими глазами! Понял?

— Сынок, — раздался за спиной у Алика голос вошедшей в комнату мамы. — Твой друг совершенно прав.

Проснувшись следующим утром, Алик не обнаружил маму дома. Она пришла через пару часов и положила на стол билет.

— Это тебе, — сказала она Алику. — На автобус. До Харькова. Завтра утром.

Алик пробурчал что-то невнятное, поднялся и достал из шкафа старый надёжный рюкзак.

— Что возьмёшь с собой? — поинтересовалась мама.

— Самое необходимое.

И, бросив сожалеющий взгляд на книжные полки, добавил:

— И ни грамма лишнего веса.

— Ну а всё-таки?

— Чистые брюки, пару рубашек, носки и смену белья. Свитер на всякий случай. И достаточно.

— А куртку? А тёплые вещи?

— Зачем? Июль на дворе, жара стоит невыносимая. Какие тёплые вещи?

— Июль будет не всегда.

— Да брось ты... К зиме вернёмся.

Наивный чукотский юноша... Он был в этом свято убеждён.

Завтрашним утром невыспавшийся, злой и похмельный Алик сидел в автобусе и ворчал:

— Козлы... двадцать лет меня дома не было, мотался по всей стране. А когда вернулся, думал, что уже навсегда. Так нет же, принесло этих западенских педерастов, и опять меня из дома выживают... Чтоб у них у всех рога на лбу повырастали... чтоб они все попередохли тут... чтоб им своей Галичины век не увидеть... чтоб... — дальнейшие пожелания можно не цитировать, достаточно заметить, что каждое новое было гораздо более вычурным и непристойным, нежели предыдущее.

Под эти мантры автобус тронулся. Алик вздохнул, полез в рюкзак, достал оттуда бутылку и стальной стакан, выпил и, не прекращая перечислять все виды сексуальных извращений, которыми он желал бы заняться с карателями, уставился в окно. И первое, на что он обратил внимание — автобус пошёл не в ту сторону. Лишь через несколько секунд Алик осмыслил, что обычно харьковский автобус идёт через Славянск, но Славянск разбит. А во время блокады очень редкие автобусы проходили в Харьков по сельской местности, в обход блокпостов. Очевидно, водитель был из тех героических шоферов, что ходили этой дорогой. Подумав об этом, Алик успокоился, и уже с любопытством смотрел на окружающую местность. Здешние дороги он знал очень неплохо, и сейчас, глядя на названия сёл, через которые проходил этот окольный путь, только диву давался, представляя себе, какими кругами и зигзагами идёт автобус, и мысленно отдавал должное мастерству водителя, который ехал уже третий час и ни разу никем не был остановлен.

Но наконец, уже где-то на границе области, автобус остановился. Дверь открылась, и с улицы прозвучало:

— Мужчины. Все. С документами на улицу.

Люди начали подниматься со своих мест. Поднялся и Алик, слегка качнувшись от выпитого. Едва он оказался на улице, как к нему тут же подошёл какой-то нездорово злой мужик с автоматом, и приказным тоном заявил:

— Снимай рубашку.

Чуть позже Алик понял смысл этого требования. Конечно же, каратели искали на теле следы от оружия — в первую очередь потёртости от автоматных ремней, а также возможные следы от ранений, и прочее. Но Алик понял это позже. А тогда... Тогда он поднял на карателя совершенно мутный взгляд и ехидно спросил:

— Труссы тоже снять? Тут тебе что, стриптиз, что ли?

Мужик взъярился.

— Снимай рубашку, тебе говорят! — гаркнул он дурным голосом и схватился за автомат.

— На, любуйся, — ответил ему Алик, и стащил с себя рубашку, бормоча при этом под нос: — Педик какой-то...

Мужик окинул его взглядом и приказал:

— Спиной повернись.

— И что? — ехидно поинтересовался Алик, поворачиваясь спиной.

И мужик с автоматом ответил:

— Чистый...

— Это всё? — произнёс Алик, и не дожидаясь ответа заявил: — Тогда я пошёл.

И пошёл. В автобус.

И только усевшись на своё место и приняв внутрь очередной глоток, Алик сообразил, что этот мужик с автоматом, явно оскорблённый в лучших чувствах, сгоряча забыл проверить его документы.

«Вот хорошо, — удовлетворённо подумал Алик. — В глаза б они не видели моего паспорта. Он забыл, а я напоминать не буду. Обойдётся».

Между тем люди потихоньку возвращались в автобус и рассаживались по местам.

Наконец автобус тронулся. Алик тут же достал из кармана телефон, нашёл нужное имя и нажал кнопку вызова.

— Володя, здравствуй! Я таки прошёл первый блокпост, всё в порядке. Посмотрим, что будет дальше.

— Отлично! — услышал он в ответ. — Давай, чтоб и дальше всё было удачно!

— Попытаюсь.

— Я на связи.

— Аналогично.

По предварительной договорённости, Алик в дороге держал с Володей постоянную связь. Если бы его где-то задержали и Володя не получил звонок, он смог бы из Донецка поднять шум на тему пропажи человека. Конечно, вероятность благополучного исхода даже в этом случае была мизерной, но она всё-таки была.

Нажав на кнопку отбоя, Алик вновь посмотрел в окно на бескрайнюю, ровную, как море, степь, и в его сознании отчётливо прозвучал стих из Книги Исхода:

«И обвел Бог народ дорогою пустынною к Черному морю. И вышли сыны Израилевы вооруженные из земли Египетской».

Алик был человеком верующим и хорошо знал Священное Писание, но никогда не был нездорово религиозным, и потому неукоснительно соблюдал третью заповедь — не поминал имени Господа всуе. Но сейчас, осознав минувшую ситуацию, он облегчённо вздохнул и совершенно искренне произнёс: «Слава Тебе, Господи!» — и ему стало легче. Настолько легче, что он с удовлетворением отпил ещё глоточек, затем откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и задремал.

И проснулся он на въезде в город Изюм. На горе Кременец.

И вновь за окном был блокпост. И вооружённые каратели. Очень серьёзно настроенные. И вновь открылись двери автобуса. И на этот раз прозвучало:

— Все — с паспортами — на улицу!

«О как... — подумал Алик. — Женщин тоже будут раздевать?»

Но здесь раздевалки не было. Выходящих людей сразу начали ставить в строй. В руках одного из карателей была прозрачная папка с какими-то бумагами. Явно со списками.

Алика спасло чудо. Точнее, какой-то звериный инстинкт, тут по-другому не скажешь. Он не был готов к такому обороту событий, он не знал, есть ли его имя в тех списках. А наверняка могло быть. И он без малейших раздумий обратился к первому же попавшемуся карателю с автоматом, стоявшему возле автобусной двери:

— Мужик... Где тут у вас сортир?

— Кто? — изумлённо переспросил каратель.

— Сортир, — повторил Алик.

После недолгой паузы до карателя дошло, что от него хотят, и он показал на одноэтажное здание через дорогу:

— Вон, видишь здание? Через дорогу. В нём военкомат, а в военкомате сортир.

— Понял, — ответил Алик, и не спеша пошёл через дорогу. Намеренно не спеша, постоянно ожидая окрика «стой!» и жёсткого шмона. Но к его удивлению, ни окрика, ни шмона не последовало. Он не спеша перешёл дорогу, дёрнул дверь военкомата, и та оказалась открытой.

— Мужик, — спросил он дежурного. — Где сортир у вас?

— Пройди по коридору насквозь, выйдешь во дворик, увидишь, — равнодушно ответил дежурный и уткнулся в кроссворд.

И Алик так же не спеша прошёл по коридору, вышел во дворик, увидел сортир, зашёл в него, а выйдя, не спеша выкурил сигарету, и только потом направился к автобусу.

Подойдя, он увидел, что худшие его опасения оправдались. Строй стоял возле автобуса, и у всех поголовно проверяли документы и сверялись со списками. Повторюсь, Алик не знал, есть ли в этих списках его имя, но у него не было ни малейшего желания проверять это. Потому он молча подошёл и встал в ту часть строя, которую уже проверили. И на него никто не обратил внимания. Это было дико, это было невероятно, но так случилось.

Алик не верил. Алик отказывался верить в то, что ему так непомерно повезло. Даже тогда, когда автобус тронулся с места и

стал с каждым мгновением увозить Алика всё дальше от изюмского блокпоста, он всё ещё не верил. Даже тогда, когда он перезвонил своему донецкому другу и отчитался о том, что всё в порядке, он всё равно не верил. И лишь через какое-то время, успокоившись и отдышавшись, он понял, что сегодня Господь очень хорошо отнёсся к нему.

Спустя несколько месяцев, в Москве, Алик разговорился со своим старым товарищем, хорошо знавшим толк в военном деле. Тот выслушал рассказ Алика и кратко прокомментировал:

— Это всё потому, что тамошние идиоты ничего не умеют. Даже поставить нормальную гребёнку и просеять всех выходящих. Прислали необученных... Был бы я там, я бы смог наладить работу как положено, и их заодно научить. Но я там не буду. Не нравятся они мне.

Алик невесело улыбнулся и ответил:

— Ну так очень хорошо, что тебя там не было. Может, кому-то ещё вот так повезло. А что тебя там и не будет — так это ещё лучше. Иначе я с тобой за столом не сидел бы.

Но это было потом. А тогда, допив водку, Алик уже спокойно задремал, и его никто не трогал до самого Харькова. А там его встретили друзья. Спасибо, что Бог не обидел Алика друзьями!

Дальше — звонок в Донецк.

— Володя, всё в порядке. Я вышел, я в Харькове. Меня встретили.

— Отлично, Алик! Я спокоен. Удачи тебе. Отбой.

Дальше — квартира одного из ребят, где в Алика влили какое-то количество коньяка, а потом долго расспрашивали обо всех событиях. Как очевидца. И Алик, прекрасно понимая, что сюда правдивая информация не поступала вообще, рассказывал без усталости обо всём. До позднего вечера. Пока не уснул.

А наутро — снова автовокзал, билет до Воронежа и по бутылке пива с друзьями на перроне. А через час — украинская граница, где Алик впервые за всю дорогу положил на стойку свой паспорт, и никто не задал ему ни одного вопроса. Это позже украинские таможни сделались драконовскими. А тогда Алику ещё раз повезло.

И наконец-то — Россия.

На белгородском автовокзале Алик снял оставшиеся деньги с карты. То, что их было немного, его не беспокоило: руки есть, голова на месте, заработаем. А пока — ещё бутылка пива вдогонку, затем в автобус — и спать. Время выспаться было. Далее — сутки в Воронеже, и в поезд.

Ростовский вокзал встретил Алика сутолокой. Вокруг сидели, лежали, бродили толпы таких же, как и он — ушедших. В кассовом зале стояли столики, где проводилась регистрация беженцев. Что с ними будет дальше, не знал никто. Слухи ходили самые разнообразные: и о спецлагерях для беженцев, и о расселении их по малолюдным регионам России, и... о чём только не говорили сорванные в одночасье с места растерянные люди. Алику запомнилось объявление на вокзальном туалете: «Прибывшие из юго-восточных областей Украины обслуживаются бесплатно», — чем он и не преминул воспользоваться. А вот зарегистрироваться он не стал. Ещё в Краматорске ему объяснили, что если ты зарегистрируешься и получишь статус беженца, могут возникнуть проблемы при возвращении домой, а Алик свято верил, что возвращение не за горами. Потому он сказал себе: Бог с ней, с регистрацией, поживу пока нелегалом, не привыкать, а дальше видно будет. И вышел из здания главного вокзала.

Пригородный вокзал находился в пятистах метрах. Алик перешёл туда, сел на таганрогскую электричку, вышел на полпути — и задохнулся от свежего воздуха и тишины. Совсем другой тишины. Не пугающей. Господи, как давно он здесь не был!

Дальше оставалось совсем немного — перейти через луг и подняться на взгорочек к домам. Поднявшись, Алик зашёл в один из двориков, где узнавшая его собака даже не залаяла, а сразу кинулась под ноги ласкаться. Погладив собаку, Алик поднялся на крыльцо. Двери в этом доме никогда не запирались, так что Алик просто открыл дверь и вошёл в дом. И хозяин дома, старый друг Алика, поднялся ему навстречу, обнял его и произнёс:

— Алька... Добро пожаловать домой!

Домой... Какое чудесное слово! Это по-настоящему понимаешь только тогда, когда лишаешься дома. Алик всерьёз собирался

вернуться домой к зиме, но прошло уже две зимы, а воз и ныне там. И он такой не один — огромное количество людей было вынуждено покинуть свои дома, и сейчас одни из них воюют за право вернуться в свой дом, но в дом без предавшей их Украины, а другие, сжав зубы, терпеливо ждут. Вот только война за это время приобрела полномасштабный характер, и иногда кажется, что не будет ей ни конца и ни края. Но люди воюют. И ждут.

Спустя неделю после приезда в Ростов Алика вызвонил корреспондент одной из местных газет и договорился с ним о встрече и интервью. Они встретились в одном из центральных кафе, где подавали исключительно чай, но очень хороший чай, выпили по чашечке, заказали ещё и начали разговор. Корреспондент, молодой мальчик, начал беседу со слов:

— Итак, вы приехали из зоны АТО...

И Алик тут же резко прервал его:

— Молодой человек, давайте, прежде чем начнём беседу, определимся с терминологией. Что такое АТО? Антитеррористическая операция. То есть, по определению, блокировка и уничтожение террористической группы. Я повторяю: террористической группы, а не населения двух областей! Поэтому то, что у нас происходит — это не АТО. Это гражданская война. И мы можем вести беседу только с этой позиции. Если вы придерживаетесь другого мнения, то нам с вами не о чем разговаривать. Действительно, молодой человек, я не шучу. На Донбассе идёт гражданская война. И люди там заняты очень важным делом. Они отстаивают русский мир. И это касается всех. И вас тоже. Донбасс сейчас — форпост. Если его уничтожат, вы — на очереди. Никто не отсидится. Да и я здесь не отсиживаюсь. Ростов для меня — всего лишь пункт перепряжки. Рано или поздно я обязательно вернусь домой, потому что там я нужнее.

Действительно, не прошло и года, как Алик вернулся в Донбасс. Пусть пока и не в родной Краматорск, но всё-таки вернулся. Но это уже совсем другая история.

АПОГЕЙ СТРАХА

САША

— Саша, ты посмотри вокруг, посмотри! Красота-то какая, замечательная! А? Какая у нас с тобой красивая земля, у-мо-пом-ра-чи-тель-ная! Не всем такая Родина дана, не каждому! Простор какой, о-го-го! — Доктор неожиданно раздвинул колючие кусты, быстро вылез из окопчика и, широко расставив ноги в пыльных армейских ботинках, встал на плотный земляной бруствер. — Понимаешь? Бог нам всё это дал!

Находясь в тени толстого дерева, на десяток метров раскидавшего свои широкие ветви, военврач оставался практически незаметным противнику. Раскинув руки в стороны, он набрал полные легкие воздуха и громко выдохнул.

— Не, чего-то я ни чё не понимаю, — отозвался Саша. Тонкий пшенично-светлый чуб его давно нестриженных волос вылез из-под засаленной чёрной кепки и, задевая бесцветные ресницы, закрыл правый глаз. Неловкими движениями рук запихивая волосы под головной убор, худющий нескладный Саша, поднявшись с земли, от нетерпения переминался с ноги на ногу. Его простодушное, открытое, прыщавое лицо девятнадцатилетней деревенщины вытянулось в недоумении. — Чего тут есть красивого? Поле одно кругом, пахать и пахать! Река, деревья по-над берегом, не больше. Це, ни Манхеттен ни хрена это!

— Ты знаешь что, друг? Не пыли мне! — Доктор строго посмотрел на выцветшие стоптанные кроссовки Саши, его заношенные синие спортивные штаны, широкую серую футболку с белыми пятнами пота подмышками и на груди. — Размышляй шире и глубже, ты же русский человек, славянин, а не тупой американский жиртрест! Это на их дурацком Манхеттене ни хрена нет, кроме холодного бетона, толстого стекла и бездушного железа, уж поверь

мне! А здесь — самим Господом Богом данный богатейший край! Рожь, вон какая спелая тут колосится, а там на соседнем поле — кукуруза двухметровая с килограммовыми початками, а в садах в твоём же хуторе — груши да яблоки с кулак размером, виноград сахарный и сливы медовые, а в реке — море рыбы всякой, хоть щука тебе, хоть сом! А на бережке той реки — клевер сочный и пахучий, сладкий, да коровы дойные, вымя их аж до земли-матушки, молоком полны!

Следуя рассказу Доктора, Саша поспешно поворачивал голову то вправо, то влево, много и часто моргая, беспомощно шурился в попытках разглядеть все те невидимые богатства, о которых говорил военврач.

— Даже под землей у нас с тобой — богатства несметные и несчётные — уголь-антрацит! А небо, ты погляди, какое небо! Синее-синее, бездонное, с пышными перьевыми облаками, неспешно плывущими вдаль, с ванильными пятнышками киселя на горизонте! Да, а вот в их поганом Манхеттене ни под землей, ни на земле, ни над землей ничего душевного нет, одни деньги: доллары, чужим человеческим потом и кровью чужой краплёные! Понимаешь, молодой? У них там даже неба не видно: вот поднимет какой-нибудь старый седой негр голову кверху — а там — небоскрёбы одни да серость и смог! — Доктор внимательно вглядывался в ярко-синие глаза Саши. Он искал в них интереса и понимания. — Понимаешь ты, друг, как тебе повезло? Повезло родиться и жить на этой святой земле!

— Чего мне тут повезло-то? Не понимаю я, — искренне вздохнул Саша. — Жить в деревне в маленьком доме из старых брёвен — это счастье? Пахать тут, как рабу на плантации! Картошку весной сажать и всё лето потом кверху задом — полоть, окучивать, жуков собирать! Помидоры поливать два раза в день. Корову в стадо надо отвести? Ты сам вставай в четыре утра, дои её, скотину непослушную, пои, гони до поля, потом сарай лопатой выскреби — дыши свежим навозом! Вот уж, точно, незабываемое «счастье»! Да мне такого не надо! Сыт я по горло!

— Саша, друг! Ты жуёшь свежую зелень, фрукты и овощи из своего огорода, ты лакаешь парное молоко, которое сам надоил из своей коровы, которую потом, извини меня, режешь, и ешь её

сочное мяско, печёнку с луком жарить. Ты пьёшь прозрачную воду из старинного источника летом и травяной чай зимой, купаешься в речке с чистой проточной водицей и в баньке паришься пахучим дубовым веником, который вяжешь за околицей! И ты искренне не понимаешь, как ты свободен и счастлив! Знаешь почему? — Док приобнял молодого помощника за тощие плечи. — Да потому что тебе всю твою жизнь вбивали в мозг чужие ценности, твою пустую как барабан голову они наполняли нужными им звуками! Телевизор, телевизор, компьютер, интернет, телефон, комиксы, телевизор! Если ты будешь читать книги — ты станешь умным и проницательным, а значит — останешься свободным, а если же продолжишь зомбириться, ежедневно пялясь в ящик — быть тебе серой быдло-массой, безликим и бездушным телом. Чипсы, пиво, грудастые тёлки, сенсорные айфоны и машина на блестящих колёсах — вот те «ценности», овладеть которыми толкает тебя запрограммированный твоими любимыми американцами телевизор. А ведь это — абсолютно неверно и неправильно! От этого и мозг гниёт, и пиписька не встаёт!

Услышав в череде нудных и заумных деепричастных оборотов знакомое и знаковое для каждого молодого человека слово, Саша истерически гоготнул.

— Ты не усмехайся, друг, ты лучше задумайся о том, что Манхеттен твой педиков одобряет, усыновление детей гей-парами разрешает. А это неправильно, грех это, страшное дело и Богу и природе неугодное! Природа, душа, семья, товарищи — вот настоящие, из века в век переходящие ценности! Подумай, книги почитай, книга — источник знаний, а не телевизор!

— Да я это, не очень, телек-то мало смотрю, и не смотрю вовсе это, — потёр на впалой груди Саша. — Вот в интернете когда время есть поковыряться — люблю киношки посмотреть или «приколы» там всякие. Что в этом такого?

— Да не «приколы» надо смотреть, убивая время и зрение, а книги читать, за новостями следить, чтобы понимать смысл изменения политической ситуации!

— Да на какой фиг мне новости? Политика, там, шмолитика! Смотреть её, слушать? Да уж нет! Дерьмо это, — Саша отмахнулся

от предложения военврача, как от зелёной, жирной назойливой мухи. — Там ни чё не понятно, да это и не моё дело! Ты, Док, это, иди ты, знаешь куда с этими своими, как его, лозунгами!

— А Донбасс — твоё дело?

— Ну, то другое, — примирительно ответил парень, — совсем другое!

— Что значит «другое»? Нет, друг, не «другое»! Это наше дело! Судьба нашей Родины — это наше общее дело! Не сидеть и ждать, сложив лапки на груди, чем дело кончиться, а участвовать, влиять, не надеясь на чудо, счастливый случай или воскрешение царя, действовать! Действовать, следуя замыслу, а не по складывающейся одномоментной ситуации!

— Бред какой-то! Разводилово! Лажа всё это! — Саша громко и протяжно рыгнул. Случайно нашарив в кармане жвачку, он торопливо порвал обёртку и закинул две помятых, и оттого некрасиво потрескавшихся, подушечки в рот.

Покосившись на товарища, парень надул из жвачки небольшой пузырь. Довольный собою, он негромко лопнул его и смачно засосал внутрь.

— Док, ты «жуву» хочешь?

— Э-эх, неужели всё так запущено? — Доктор закрыл лицо ладонями. Помолчал. Опустив ладони вниз, медленно выдохнул. Зрачки его расширились, блестя под тонкими дугообразными бровями. — Если ждать у моря погоды, всю жизнь можно на берегу просидеть, камешки в воду покидывая, да ветра буйные проклиная, а если попробовать выйти в море, несмотря на шторма и непогоды, всёлами усердно поработать, можно и до цели доплыть! Усёк?

— Ну, типа «да».

Доктор улёгся в окопчик, предварительно поправив свернувшийся в рулон туристический пропиленовый коврик, самостоятельно окрашенный в зелёный камуфляж. Осмотрев округу в бинокль, нащупав слева санитарную сумку и справа — автомат, успокоился. Саша занял свою позицию неподалёку.

— Молодой, ты почему пришёл в ополчение? Что тебя подвигло? И для чего взял в руки автомат? — Доктор, не поворачивая

голову, хмуро глянул на Сашу. Тот, яростно ковыряя стеблем травинки между зубов, покрывал от удовольствия.

— Ну, если «по чесноку», меня уже в армию забрать хотели, в ВСУ. Це мобилизация. Повестка, менты. А я «забил» на такую мобилизацию! Могилизацию! На какой фиг мне там служить, да ещё и против своих воевать пошлют. Как в родных-то стрелять, в соседей, «кентов» моих дворовых? Нет, — выплюнув травинку, откликнулся Саша. Он мысленно написал портреты нескольких всплывших в подсознании одноклассников: друзей и не совсем. Но сразу стёр их из воображения и с какой-то пацанячей радостью подумал о смазливой соседке Лесе с красивыми густыми кудрями иссиня-чёрных волос. Она часто распускала их до приятных округлостей пониже талии.

Ещё Саша вспомнил о её острых голых коленках, маняще торчащих из-под тонкой цветастой юбки. А контур голубенького бюстгалтера, едва проступающий из-за бледно-розовой полупрозрачной блузки девушки, едва не свёл Сашу с ума.

Леся питала слабость к розовым тонам. Считая розовое проявлением истинно столичного, буржуазного вкуса, она всегда стремилась иметь в своих одеждах что-нибудь эдакое. И благодаря отцу — мастеру бригады каменщиков, она достаточно часто имела возможность (для сельской девчонки) обновлять гардероб и использовать в создании собственного стиля то шарфик избранного цвета, то кофточку, а то и блузку с большими белыми кружевами в верхней части. Сашу, абсолютно «нечаянно» встречавшего Лесю во дворе, эта блузка то раздражала, то заводила, то злила своим неприступным содержанием, но он так и не решался преодолеть преграду природной стеснительности, подойти и признаться девушке в своих молодецких чувствах.

Саша экстренно, экстремально широкими мазками нарисовал румяное личико Леси прямо перед собой. Посмотрев ей в бессовестно-зелёные игривые глазки, часто-часто моргающие длинными ресницами, он словно почувствовал на своих тонких пересохших губах вкус её пухлых, неистово пахнущих сочным персиком алых губ. Парень приоткрыл рот и чуть не поперхнулся от счастья.

«Эй, друг!» — послышалось Саше откуда-то издалека, из темноты сонного мрака. Выпав из паутины полудрёмы и ленно продрав глаза, бедолага даже не сразу сообразил: где он и кто дышит рядом.

— Нет, це не Леся, — разочарованно понял Саша, это просто вкус жвачки.

— Ты куда пропал? Сон солдату на войне не друг!

— Э, братуха, нет, я тут «втулил»: я точно не солдат! Мне целую жизнь маршировать по площади и офицерам огороды вскапывать — не по кайфу. А шас — выгоним вонючих «нациков» из моего посёлочка, и я дальше с вами не пойду, дома останусь. Я воевать не хочу, не моё призвание. Дома вон — корову доить надо, то да сё.

— «Призвание», — Док произнёс это слов так, будто его тошнило. — Друг, а как же боль за Отечество, любовь к Родине и жгучее желание справедливости? Где глубокое понимание сложившейся ситуации и готовность — ради дела — принести в жертву самое дорогое — жизнь?

— Док, ты меня «прикалываешь»? Ржёшь? Ты чё, совсем, с дуба рухнул? — Саша аж привстал на локтях. Хихикнув, опустил ся. — Или на тебя самого сверху что-то упало?

— Значит, ты остаёшься дома, ложишься на свою полусгнившую печь и дальше будешь своей корове сиськи мять, пиво сосать, в ящик на голых баб пялиться, да в потолок плевать? А мы дальше без тебя пойдём? Так?

— Именно так! У меня там батя старый, мамка, сестрёнка малая!

— Отлично! Значит, по твоей гениальной логике деревенского раздолбая, когда мы из моего родного города «укропов» выьем, то и я могу дома остаться, свет выключить, жене под юбку залезть и дальше другими делами заниматься? И не воевать?

— А ты быстро «рубишь», Доктор! Не зря мне сказали, что ты умный и «прошаренный»!

— Саша, у нас на Донбассе, как и в Крыму, давно жила мысль — идея — получить независимость от прогнившей в коррупции, продажной, «американизированной» и оттого стремительно

деградирующей Украины. Но разрушение старой системы имеет смысл, только когда понятно новое, когда прощупывается будущее. Умные люди посмотрели вперёд, спрогнозировали будущее, осмыслили эту идею и поняли, что благодаря залежам угля, относительно развитой промышленности и торговли с Россией мы легко сможем жить без Украины. Осмыслив, люди от теории перешли к практической реализации идеи — объявили о независимости и начали процесс выхода из-под власти Киева.

Послышалось слабое эхо разрывов, «бахало» где-то очень далеко. Саша непроизвольно вздрогнул, втянул голову в плечи и, настороженно понюхав сладкий воздух, на всякий случай положил руки на автомат. Доктор, даже глазом не моргнув, и не подумал прерывать свою пространную речь.

— Но Киеву это не нравится, — военврач многозначительно расставлял ударения над каждым важным, по его мнению, словом или даже слогом. — Продажные и недалёкие умом дяди Порох и Яйценюх силой пытаются оставить Донбасс под своей властью, вводят войска, все эти бандеровские националистические батальоны. «Нацики» нагло начинают бесчинствовать, это приводит к панике, напряжёнке, сопротивлению. Народ возбуждается сильнее. Начинаются столкновения, боевые действия, настоящая война. На войне никто никого не жалеет! Или ты убьёшь сегодня, или сам умрёшь завтра! Побеждает сильнейший, а проигравший умирает! Это закон природы, закон войны! Игнорирование тобой этого закона не приведёт к исчезновению закона, он приведёт к исчезновению игнорирующего закон!

— Хрень какая-то, — раздражённо потряс головой Саша. — Я не «врубаюсь»: о чём это ты?

— Ты подумай, если сейчас, пока война идёт, каждый из нас дома спрячется, то кто дальше, до победного, воевать станет? Или ты ждёшь, что Божьей милостью всё разрешится? Нет, друг, так не бывает, — голос Доктора зазвенел дамасской сталью. — Бог вместо людей дело не сделает, но делающим — поможет! Если мы начатое не завершим, «укропов» отсюда не изгоним и независимость Республик не отстоим, каждый в свою нору попрятавшись, то этот лис порошковский, он в каждую нору нос свой поганый

сунет, в каждую хату заглянет и каждого из нас по отдельности сожрёт! Сожрав одного, он станет сильным, сожрав второго — ещё сильнее, а после третьего — окрепнет, совсем страх потеряет, и всех оставшихся перебьёт! Сейчас вопрос ребром стоит: или мы их выгоняем и получаем какой-никакой политический статус, свободу от Киева, или они нас арестуют, да запытают и перестреляют на заднем дворе. У нас выбора нет, друг! Взял оружие в руки, в списки СБУ попал, всё — свобода или смерть в подвалах! Всё серьёзно! Мы дна достигли, дальше опускаться некуда! А сейчас или от него оттолкнёмся и вверх поднимемся, или на дне этом могилу себе найдём!

— Ладно тебе, Док! Ты чё волну на меня гонишь? Думаешь, всех они «прессанут», посадят, «шлёпнут»? Ни хрена! Тюрем не хватит, — чуть не закричал, срывая голос Саша, не на шутку испугавшись мастерски нарисованной Доктором мрачной картины апокалипсиса жёстких задержаний, жестоких пыток и массовых расстрелов. — Нас здесь на Донбассе несколько миллионов живёт!

— Не живёт, а существует! И эти существующие миллионы молча смотреть будут, как киевские псы нас с тобой пытаться и убивать станут! Не все миллионы оружие взяли, несколько десятков тысяч человек всего. А это — пыль! Пыль эту мокрой тряпкой сотрут, и всё: чисто и сухо! Только тряпка та от твоей и моей крови мокрой будет. Ты понял меня, молодой?

— Да иди ты, Док! Аппендицит кому-нить вырежи! Тогда, может, заткнёшься, зануда! Вздохнуть мне не даёшь, застрял соплём в носу, — швырнул Саша с обидой.

— Ага, тюрем ему, видишь ли, не хватит, — скрестив пальцы у лица, военврач изобразил решётку. — Хотя, тюрем-то, знаешь, действительно не хватит. А вот гробов — хватит всем, и с лихвой! Да и без гробов легко в асфальт закатают!

— Козёл ты, Доктор! Настроение мне всё испортил! Шпаришь, как «классуха» после контрольной! Достал! Твоя фамилия, случаем, не Болтунов? Мне от такого твоего патриотизма хочется Родину тайно, под подушкой любить, — от переживаний Саша начал жевать губы и схватился руками за живот. — И вообще, куда здесь можно сходить посрать? Понос у меня от твоего зуда открылся!

— Вот она, наша героическая молодёжь, — скептически заметил Доктор, — как доходит до серьёзных вещей — так сразу «понос»! Первый раз автомат на шею повесил, «в настоящую разведку» пошёл, ещё и врага ни разу не видел, а уже обделался весь!

— Да чё это за разведка такая ваще, — недовольно заскрежетал зубами Саша, — лежим в поле под кустами в пяти километрах от «укропов», ничё не делаем!

— А ты думал, мы как в кино, с криком «ура» на «укров» в полный рост побежим, а они от нас дёру дадут? — улыбнулся военврач. — Чтобы в разведку ходить, необходимы опыт, знания и умения. Таковые у тебя отсутствуют, так что будь добр находиться под моим командованием, и в случае получения приказа выдвигаться вперёд на помощь разведгруппе.

— Я, ваще-то, две недели на ваших сборах на подготовке был, — гордо заявил Саша, поглаживая урчащий живот. — А там нас многому обучили. И мне бы в бой идти — «укров» рвать, а не твои басни слушать! Кулаки чешутся! Войны хочу!

— Война — это злое говно, которое из человека дурум прёт, из всех щелей лезет, вокруг всё заливает, смрадом и вонью душит, кислороду не оставляя ни глоточка! И нет в ней ни цветов, ни романтики!

— Вот, без обид, Док, эти твои речи, Док, они слишком правильные, как его, патриотичные, ты как диктор с галстуком из телевизора и газет! Ты когда нахваливал поля и деревья, я аж кино одно вспомнил. Там этот, как его, ну, мужик, который в другую страну жить навсегда приехал...

— Эмигрант, — подсказал военврач.

— Ну да, в тебе как в нём, лирики — через край. А мне оно — на фиг не нужно! Мне бы боевичок со взрывами и стрельбой!

— Когда говорят с ностальгической тоской по Родине, — загадочно произнёс Док, — имеются веские причины: возраст зрелый, ломка стереотипов, а может, болезнь смертельная, или война. А у нас война идёт, друг. И я, пока ещё жив, смакую каждое мгновение, пока есть возможность.

— Я бы урезал такую занудную жизнь! Ну, либо добавил говнеца, — гоготнул Саша. — С ума сойти! Ты сам не запарился ещё от своей заумности?

— Устал я, читать нечего, поговорить не с кем. Накопилось. Вот и вылил на тебя, как в пустое ведро, — признался Доктор.

— Так куда тут сходить можно?

— Туда, — небрежно махнул рукой Док в сторону соседних кустов, — только быстрее давай, и по дороге не нагадь! Ещё не хватало тут твои ароматы нюхать! И про растяжки не забывай, я тебе показывал, куда их наши понаставили! А то мне тут только подрыва не хватает!

— Ага, я помню, и далеко не пойду, — Саша на карачках зашепшил к кустам, — еле терплю!

— Мать вашу, вы чё там так шумите, — зашипела хриплым раздражённым голосом радиостанция. — Я вас за триста метров слышу! Вы чего, мину себе на голову хотите? Вы её получите, если так галдеть продолжите!

— Понял, слышу, замолкаю, — буркнул Доктор, поднеся рацию ко рту. — Вы возвращаетесь? Всё нормально? Я не слышал хлопков или выстрелов.

— Готовься, идём. Через десять минут будет тебе работа. У нас один — «триста». Буря засмотрелся, отвлёкся и порвал себе мышцу на руке. Глубоко там поцарапал об металл. Кровью всё залил, собака! Ничё, забинтовали, остановили, говорю, кровь.

— Принял, жду, — Доктор крепко сжал губы. — Встречу, вылечим! Конец связи.

Сделав «большое дело» и спешно подтеревшись сначала широким и мягким листом лопуха, а затем, не глядя, с оторопи, жгучим клейким листком какой-то травы, Саша подтянул штаны и затянул ремень. Про найденные на хуторе агитпроповские украинские листовки, агрессивно призывающие записаться в националистические территориальные батальоны для борьбы с «пророссийскими сепаратистами», которые он специально рассовал по карманам штанов для уверенного завершения больших дел, Саша забыл. А когда вспомнил, было уже поздно, зад противно зудел в самом ответственном месте.

За разговором Саша и не заметил, как уже стемнело. В сумеречном свете сухие ветви дерева казались ему шупальцами сотен космических монстров, притаившихся где-то вверху, а

переплетшийся кустарник вокруг походил на неприступную непролазную стену.

— Док, ты где, Док? — заикаясь, прошептал Саша, вытянув перед лицом руки и медленно озираясь вокруг. Автомат его остался на позиции, а огромным тяжёлым ножом, неудобно оттягивающим ремень под правой рукой, молодой ополченец пользоваться не умел, а оттого чувствовал себя абсолютно беззащитным. — Док?

Тишина была ему ответом.

— Док, ты где? — снова просил Саша, невероятным усилием воли подавляя страх, от пят до ушей заполнивший его враз пропотевшее тело. Часто-часто моргая от попавших в глаза капелек пота, парень стоял на месте, словно длинными корнями вросший в землю пень. Ему не хватало смелости даже прикоснуться к собственному лицу, чтобы вытереть пот. — Доктор, не молчи, уже не смешно ни хрена!

И вновь тишина.

— Так, — громко начал размышлять Саша, в бессильной злобе пытаясь унять дрожь в коленках, — я же откуда-то пришёл! Значит, это просто надо повернуться на 90, нет, это, на 180 градусов и идти. Всё просто!

Развернувшись, Саша сделал робкий шаг вперёд и сразу вляпался в собственное дерьмо. Увязший в зыбкой топи страха юнец уже и забыл, как и почему он оказался в этой совершенно идиотской ситуации, сумев заблудиться в пяти метрах от окопчика, в котором провёл почти весь день.

— Чёрт, фу, — брезгливо одёргивая ногу и резво отпрыгивая в сторону, взвизгнул Саша. Он дошёл до такого состояния, что готов был сдать на милость судьбе, от души разрыдаться и упасть в траву. — Ещё и нагадили тут, гады!

Сильно зажмурившись, чтобы не дать подлым слезинкам выпасть из внезапно увлажнившихся глаз, парень задрожал в ознобе и начал медленно оседать.

— Ой, — Саша опустил на колени, безвольно положив голову в траву.

— Тихо, не ори ты! — Доктор вырос словно из ниоткуда. С силой дёрнув Сашу за руку вверх и поставив на ноги, он быстро

увлѣк его в чащобы кустов и в три шага приволок к знакомому окопчику. — Сейчас люди придут. Будет раненый. Возможно, мне нужна будет твоя помощь! Быстроними свой вонючий башмак и оботри сзади об траву! Сам не испачкайся только! Слезы утри! Всё нормально. Всѣ! Успокойся, со всеми бывает. Тут не кино, суперменов нет, все живые. Давай, друг, будь мужчиной!

— Я понял, я понял, — запричитал Саша. На его лице появилась гримаса вынужденного уважения, слеза поблѣскивала на дрожащем подбородке. Он был уверен, что Доктор с треском и хохотом расплющит его самомнение и поиздевается над слабохарактерностью, но, к своему счастью, ошибся.

— Хорошо, что ты на такой «мине» подорвался, друг, а не настоящей, — военврач поспешно спрятал возникшую было улыбку за крепко сомкнутыми губами. — А то там шаг вправо, шаг влево, и — бум!

В десятке метров от окопчика послышался хруст веток, поднимаемых быстрыми и тяжѣлыми шагами нескольких уверенных в себе мужчин.

— Пароль, где пароль? — обратился к рации Доктор, проворно выставляя перед собой автомат и осторожно клацая предохранителем.

— Дважды два — двадцать, — послышалось из травы и радиостанции одновременно.

— Принято, — Доктор оставил автомат, раскрыл медицинскую сумку и, поднимаясь с ней в руках, перехватил глазами взгляд Немца, командира группы возвратившихся из поиска разведчиков. — Здорово, друг!

— Да, бывало и здоровее, — недовольно отозвался Немец, покосившись на Сашу. — Как вы? Что с этим молодым и «зелѣным»? Оставляем его в отряде? Гоним к такой-то матери?

— Оставляем, конечно, не вопрос. Нормальный он человек, молодой просто, — твѣрдо ответил Доктор, и от его твѣрдого голоса исходила уверенность. — Научим его воевать, сомнений нет — научится!

— Спасибо, — радостно прошептал Саша, подхватывая раненого Бурю, который, видимо поняв, что пришѣл к точке, где ему

окажут квалифицированную помощь и дальше понесут на носилках, потерял сознание.

— Давай, молодой, укладывай, я сейчас сделаю, как надо, — засуетился Док, готовясь привести Бурю в чувство. — А ты время здесь запиши, во сколько жгут наложили, пригодится!

— Сделаю, всё будет готово, — Саша с благодарностью посмотрел на военврача, — командир!

КОЛЯ

— **Н**икто крим нас, 80! — крепко Принц, смакуя каждое слово, громко прочёл надпись на обтёртом шевроне пленённого им украинского десантника. Замахнувшись, он хотел хорошенько ударить пленника кулаком по лицу, но передумал. Дюже негоже портить пленному лицо и нос ломать, неизвестно, как отцы-командиры к этому делу отнесутся, догадался Принц.

Десантник — молодой парнишка с опущенными плечами, лицом совсем ещё ребёнок с большими серыми глазами, молча смотрел на занесённый над ним кулак, размерами походивший на небольшую кувалду. Обессилевший парень не дрожал и не плакал, он был абсолютно спокоен, силы и эмоции покинули его ещё два дня назад. Покинули, вместе с надеждой живым вырваться из окружения и ада войны. Просидев пять суток в заброшенной угольной копанке практически без еды и воды, весь обмазанный сажёй, в военной форме, больше похожей на лохмотья, он скорее походил на чертёнка, чем на человека.

Схватив десантника сзади за ворот оборванного кителя, ополченец хорошенько встряхнул его. Парень вздрогнул как податливая тряпичная кукла в руках неумелого кукловода, тонкие руки, словно крылья подстреленной птицы, сделали неуклюжий мах.

— Давай, оживай, не тупи! Из Львова сюда приехал? Когда и для чего? Говори, сука!

— Эй, Принц, — окликнул ополченца кто-то из темноты коридора. — Не горячись!

Принц обернулся. В квадратную комнату без окон вошли трое: командир отряда, начальник разведки и начальник штаба. Они были без оружия.

— Хватит, — твёрдо сказал командир, — ты своё дело сделал. Можешь идти!

— Я бы тоже поучаствовал! Имею право, — смело ответил Принц. Он продолжал цепко держать пленника за ворот.

— В чём поучаствовал? В нашей беседе? — уточнил командир. — Не вижу необходимости. Тут никто никого избивать или пытаться не будет, физическая сила не нужна, иди. И не беспокойся, то, что именно ты обнаружил «укропа», мы высоко ценим, — выставив раскрытую ладонь вперёд, он сделал умиротворяющий жест. — Иди!

— Ладно, как скажете, — Принц отпустил десантника и зло плюнул ему под ноги. — Повезло тебе, сука! Культурные люди с тобой общаться будут, жаль, не я! Но если что, ты знай, я буду рядом, там, за дверью, — он указал в сторону выхода. — И с удовольствием вернусь, и лично тебя «шлёпну», если будет надо! Слышишь меня?

— Да, — десантник безразлично пожал тонкими плечами.

— Ну, вот и отлично, — грозно стреляя глазами в командиров и громко топая каблуками берцев, Принц нехотя покинул помещение.

Начальник разведки ногой пододвинул к десантнику стул и усадил его за пустой обшарпанный стол в углу. Командир прикурив сигарету и сунул пленнику в зубы. Начальник штаба вынул из полевой сумки небольшой термос, пачку печенья и батончик шоколада. Открутив крышку термоса и налив туда горячего чая, он поставил её на стол перед десантником. Тонкая струйка пара распространила аромат бергамота. Смешавшись с сигаретным дымом, запах стал терпким.

— Ты давай, кури, парень, не стесняйся, — командир принёс другой стул и сел за стол напротив. Остальные ополченцы встали позади него, поодаль. —пей чай, жуй!

Десантник, не издав ни звука, неумело выкурил сигарету и одним большим голодным глотком осушил крышку термоса. Вдоволь

покашляв, принялся за еду. Командир налил ещё чаю. Парень с удовольствием выпил и, наконец, немного пришёл в себя и отдышался.

— Ты не переживай, здесь тебе никто не сделает больно. Никто не убьёт, — спокойно произнёс командир. — Раз уж ты живым попал ко мне, значит, и от меня живым уйдёшь. А вот куда и к кому — вот это вопрос. Главный для тебя на сегодняшний момент! Ты понимаешь?

Десантник неуверенно кивнул в ответ.

— А ты сходи, воды человеку принеси. Или лучше полотенце найди, тряпку мокрую, пусть он хоть лицо оботрёт, а потом уже его отведёшь помыться, — обернулся командир к начальнику штаба. Тот молча ушёл и через минуту вернулся с какой-то влажной рваной футболкой цветов футбольного клуба «Шахтёр». Десантник обтёр ею лицо и шею.

— Спасибо, — едва слышным голосом прошептал он.

— Ну, вот и чудесно, — командир ребром ладони легонько стукнул по столу. — Вот мы и можем поговорить. Давай, говори, кто ты и откуда, как здесь оказался. И лучше не ври, не крути мне мозги. Помни, солдат, от тебя самого зависит твоё будущее, слово командира даю. Или завтра обменяем, или я тебя отправлю к специально обученным к добыче информации людям, склонным к садизму и полным ненависти к ВСУ. Пожалуйста, говори!

— Я из Львова. Там километров тридцать до нашего посёлка. Русские мы, — после недолгой паузы медленно начал говорить десантник на прекрасном русском языке без малейшего акцента, — и родня вся у нас русская. Учился хорошо. С детских лет мечтал десантником стать. Знаете, да, «В зоне особого внимания» — мой любимый фильм. Видели? Отец в ВДВ служил, еще при СССР. Я техникум окончил на сварщика. Когда получилось в десантные войска попасть, был счастлив, наверное. Полгода уже служил до Майдана. Звание — старший солдат. Я не особо понял, кто там в Киеве и за что митингует, почему митингует, не моё это. Да нам особо и не объясняли. Одноклассники двое там, поехали, стояли, в сотню какую-то записались. Звонили мне, Колян, говорят,

езжай в Киев, тут история творится. Я служил, мне не до того было. Ещё мне не понравилось, что они «Беркут» жечь начали, избивать, это же противозаконно.

— Сюда, на Донбасс, как и когда попал? — командир пододвинул к десантнику недоодеженный шоколад, налил ещё чаю. — Ты чай пей, закусывай, не волнуйся.

— А сюда нас в начале марта отправили, по воздуху, — парень немного оживился, — роту, человек восемьдесят. Воевать никто не хотел. Особенно мужики, их много было — новичков из мобилизованных. Командование нас сразу успокоило, сказало, что никакой войны не будет, не волнуйтесь, нужно только наблюдать. Потом сказали, русские войска уже идут, с ними бешеные чеченцы, и надо их встретить, остановить у границы, поддержать пограничников.

— Поддержали?

— В Миргороде мы были, в Харькове, в Чугуеве. Не верилось, что до стрельбы дело дойдёт. До Чугуева вообще спокойно было, нас даже подкармливали бабушки всякие. А там какие-то мужики технику камнями закидали. Было так непонятно: что делать. А потом уже и дорогу нам местные перекрывали, и угрозы выкрикивали. Но стрельбы не было, нет. Числа, наверное, десятого апреля наша сюда рота пришла. И отсюда на операции ходила.

Коля, загибая пальцы, перечислил населённые пункты, в которых пришлось побывать, участвуя в поисках или боестолкновениях «с вашими, которые за Россию».

— Мы не за Россию, мы против новой киевской хунты, мы за свободный и независимый Донбасс, — уточнил командир.

— А в апреле мы... одержали первую победу, наверное. Первый раз в серьёзном деле побывали. Возле Славянска заняли блокпост, сняли флаг... — Коля запнулся, окинул взглядом ополченцев и словно выплюнул: — «сепаров»! И поставили флаг Украины. Потом пришел приказ: переехать в другое место. На наше место пришли пацаны из 25-й бригады.

— Куда вы поехали? — командир развернул на столе карту, исписанную разноцветными фломастерами и обильно украшенную разными обозначениями. — Показывай.

— Я не сильно в картах понимаю, но, кажется, сюда вернулись, — ткнул Коля пальцем в красный квадрат. — Помню, даже не страшно было, наоборот — интересно. Такой подъём на душе. Думал, что скоро всё закончится, вся эта непонятная заварушка. И здесь близко «сепаров» я не видел, — парень провёл пальцем вдоль короткой лесополосы на карте, — наш блиндаж и сектор обстрела тут.

— В огневой контакт вступали?

— Как вступали? Стреляли, когда приказ приходил. Всегда с автоматов шмаляли или по тем, — десантник указал на лесополосу вдоль дороги, — посадкам, в сторону деревьев, в общем, или по полю, или миномётами — за посадку. Это кто с другой стороны за боксами стоял, у них там — широкое поле, через которое наша артуха била, самоходки, танк. Сначала наша артуха: гаубицы Д-30 и миномёты. А потом уже и ваша — по нам!

— Метко била?

— Ни, вначале вообще мало и не метко. И испугался я только раз, ещё до этого! Ну, когда видел, как самолёт сбили. Три их ждали тогда с нашими хлопцами из 25-й бригады. Ночью. Один борт с ними сел, и боеприпасы там были. Второй Ил-76 — упал. Я в охране стоял и чётко видел его бортовые огни, снизился он. Видел, как падал, не понял сразу. Трассера светились вверх, из крупнокалиберного ваши били. А третий борт тогда сразу развернулся и ушёл. Сказали нам: 49 героев враз загибло.

Мы утром заняли круговую оборону, ждали атаки. Никто не атакował. Тогда половина там осталась, половину в поле отправили — тела собирать, раненых искать. Но там ни раненых, ни даже трупов целых не было, одни...

— Фрагменты, — подсказал командир.

— Ага. Поляна, — Коля поёжился, — и там гора железяк от самолёта. И гора мёртвых. Ещё мы собрали боеприпасы, которые взорваться не успели.

Потом через несколько дней пошла мощная артиллерийская стрельба по нашим позициям. Неделю били. Мы попрятались, как кроты по норам, блиндажам, бункерам, кто куда себе место нашёл. Технику, какую сумели, загнали в подсобки, боксы. Но много чего на улице оставалось.

— Пили, жрали что?

— Еду, воду, боеприпасы нам сначала скидывали на парашютах. Потом у всех нервяк начался, когда перебои с питанием пошли. Стрельба, взрывы, и жрать хочется. Командир сказал, что это русская регулярная армия границу перешла и по нам фигачит, и окружит скоро.

— Вы поверили? — командир вынул из кармана миниатюрный блокнот и сделал несколько пометок карандашом.

— Да, я поверил. Как не верить? Там ад был! «Град» шёл, мины, и днём и ночью — взрывы! Почти вся техника наша выгорела, поля урожайные сгорели, рядом деревья — как траву косой скосили. Я когда разок ходил в посадки, с дерева посмотрел на наши позиции, а там — лунный пейзаж, прям как на картинке в книжке по астрономии. Раненых много было, и трупов несколько. Мы их по первой в морозильники снесли, ну, в такие, для хранения мороженого.

— Командир, может надо Шрайбикуса с камерой вызвать? Пускай снимет этого астронома! Потом пригодится, — опомнился начальник штаба.

— Не надо. Коля — он солдат. Что с него взять? Будем его завтра обменивать, или отпустим. Пусть спокойно живёт, — обернулся командир к начальнику штаба. — А если будет видео, то оно обязательно где-нибудь когда-нибудь всплывёт. Не надо. Нормальный Коля парень.

— Принял, — немного обиженно расслабился начальник штаба. — А ты, давай, не умничай, продолжай, — крикнул он пленнику.

— Ага. Мы-то ваших не видели, так, палили по посадке, в поле. А оттуда снаряды! Они как метеориты. Страшно! Один день утром смотрю: небо горит. Потом земля горит. Мы втрём вылезли из блиндажа, и сразу снаряды прилетели. Со свистом. Взорвались. Подбросило меня взрывной волной метра на три. Очнулся, пополз, смотрю: блиндаж разрушен, рядом нет никого. А я цел. Ага, думаю, в рубашке родился. Посмотрел назад, понял, что в зданиях делать больше нечего, там всё горело, дым столбом, взрывы! Решил в посёлок надо, в тылы, и в сторону посадки побежал. Без оружия. Патронов уже не было, а автомат в блиндаже завалило. Документы там же в сумке остались. Шёл,

днём спрятался в кустарнике, вечером шёл. В посёлок сунулся, смотрю: БМП по улице летит, а за ним — второй, и на антенне флаг десантный. Обрадовался, побежал наперерез через огород. Хорошо, другой флаг заметил, полосатый. Упал сразу, спрятался. Нашёл копанку за посёлком, заныкался там, уснул. Сколько там просидел — не знаю. А как вышел, прямо на вашего этого «шкафа», лицом к лицу. Всё. Он меня и принял. Обыскал, шапочку мне свою одел, на глаза опустил, и сразу сюда привёл. Быстро так. А я иду и понимаю, что ваши побеждают, и наших там на позициях — уже нет. И что будет? Но не убьёте же? Я никого не убивал.

— Не убьём. А твоих, действительно, поблизости нет, — констатировал командир. — В любую сторону на двадцать километров. А ты как хотел? Солдаты, автомат в руках державшие только на присяге, не сделавшие за время службы ни одного выстрела и вместо изучения боевой техники заборы и траву красившие, воевать качественно — априори не могут. Согласен?

Коля разочарованно кивнул головой.

— Сколько ваших в тот день оставалось на позициях, знаешь? Сколько техники? Какое вооружение? Сколько боеприпасов? Какие подразделения? Командиры кто? Откуда? Фамилии? Позывные? Координаты? Вспоминай, — поднажал командир.

Пленник назвал фамилии и позывные некоторых командиров.

— Не врёт, — подал голос начальник разведки. — Хотя и не всех называет.

— Да, я не вру, — радостно согласился десантник. — Чего врать? Мертвы, я думаю, все. И кого знал, и кого не знал. А техника вся ещё при мне сгорела.

— Вот то-то и оно! Ты дальше делать что думаешь? Мы тебя обменяем, а ты снова — под ружьё и по нам же стрелять пойдёшь. А если откажешься, тебя под суд? Так?

— Ни, ни шиша не так, — в знак протеста Коля яростно затряс головой. — Не пойду.

— Ладно, устал я, — командир, с противным скрежетом отодвинув стул от стола, встал.

— С ним — что? — строго уточнил начальник разведки.

— Его Доктору покажите, пусть внимательно осмотрит, если надо — подлечит. Потом дайте ему возможность помыться как следует. Покормите. И пусть отдыхает. Завтра должен быть готов к обмену. У меня есть мысли. Посмотрим, как реализовать.

— Есть, понял, — подавляя сонливость, ответил начальник разведки. — Меня бы самого кто покормил.

— Давай, Коля, до завтра! Завтра увидимся. И не переживай, я тебе сказал — обменяю, значит — обменяю, — командир вышел из комнаты.

Утром за пленником пришёл Принц и, не дав возможности сходить в туалет и умыться, тычками и угрозами повёл его к машине, гружёной ранеными. Грузовик, кузов которого был обтянут тентом, матерился и стонал пятью-шестью невидимыми голосами. Коля, услышав очередную тираду в адрес президента Украины и его армии, внутренне напрягся, ему стало не по себе, ведь он понимал свою возможную причастность к страданиям этих несчастных людей.

По дороге Принц, выполняя приказ начальника разведки, снял с Коли китель, шеврон которого выдавал принадлежность парня к украинской армии. Китель он запихал в кабину под водительское сиденье.

— Лезь вон, в кабину, на пассажирское, — буркнул Принц пленнику, но через секунду сам же его остановил и отправил в кузов. — Там тебе самое место!

Желание посадить Колю к себе в кабину отпало по причине буйного нрава самого Принца. Лучше в кабине поедет Доктор, решил он, Колян целее будет.

— Если спросят, ты из отряда Чёрного! Ты понял? Чёрный — так твоего командира зовут! Едешь Доктору помочь с медикаментами разобраться. А если думаешь, что ты такой крутой и скажешь этим парням правду, что ты «укроп» и десантник, то они тебя или по очереди отзвиздят и удушат, или на полном ходу из машины выкинут, — предупредил пленника Принц, помогая подняться в кузов. — Ясно?

— Ага, — сквозь зубы ответил пленник.

— Давай, урод, езжай молча, вопросов не задавай, в глаза не смотри! Попросят помочь, ты помоги, и будет тебе счастье, — подмигнул ополченец, закрывая задний борт.

Сев за руль и посигналив, Принц проехал мимо трёх полуразрушенных зданий и подъехал к гаражу со сгоревшей крышей и открытыми покосившимися воротами. Из гаража, хромая, вышел Доктор с большой клетчатой сумкой в руках. Из-за его спины торчал огромный рюкзак.

— Эй, Док, ты со мной, давай на командирское место!

— Там всё в порядке? Ты проверил? — спросил военврач, хватаясь за ручку двери. — Или мне посчитать? Сколько там человек? Донец их грузил?

— Девять их там. Восемь наших и тот урод, которого ты вечером осматривал. Да, Донец грузил, вон список на панели валяется, — Принц глазами указал на тетрадь в грязной обложке и, воткнув передачу, нажал на газ. — Поехали!

— Поехали, Гагарин, — улыбнулся Доктор. Сумку и рюкзак он бросил на пол, автомат положил на ноги.

— Командир сказал, пока ты раненых оформлять будешь, пленного Толстяку передать. Толстяк сам к больнице подскочит и заберёт его. Для обмена, наверняка.

— Хорошо. У тебя даже будет полчаса, чтобы с Толстяком покурить, — зевая, потянулся Доктор, — пока я медикаменты получу. У меня список — три метра длиной! Вон, и рюкзак свой взял, и сумку у Олега под это дело отжал. На недельку надо на весь отр...

Запрокинув голову назад и смешно раскрыв рот, военврач тонко захрапел, даже не успев договорить о планах.

— Эй, дружище, — усмехаясь, Принц отбарабанил ладонями по рулевому колесу какую-то незамысловатую мелодию и, заглушив двигатель грузовика, наклонился к спящему Доктору, едва не клюнув его носом в самое ухо. — Давай, просыпайся, приехали! Давай, давай, дружище, приехали! Подъём! Ты и так почти всю войну проспал! Я надеялся, что ты в дороге свой сектор «зелёнки» контролировать будешь, а ты — задрых.

Полчаса назад Доктор, за последние сутки оказавший первую помощь десятку раненых и покалеченных ополченцев, едва захлопнув дверь кабины и поправив бронезилет, закрывающий окно, оказался в плену долгожданного сна. Рефлекторно уцепившись

правой рукой за поручень над головой, левую он подsunул под коленку и, не обращая внимания на сумасшедшую тряску, блаженно улыбался, словно сладко поел и попил, принял контрастный душ и вытянул ноги на белоснежной пуховой перине.

И вот уже Доктор сидел на деревянном табурете за круглым столом посреди кухни в своей небольшой однокомнатной квартире и с упоением наблюдал за женой, неспешно накрывающей на стол. Она то открывала старый холодильник, извлекая из его плохо освещённых недр сыр и колбасу, то поворачивалась к плите, чтобы уследить за кипящим бульоном, то застывала в полуобороте, запрокинув голову кверху и уставившись в экран закрепленного под потолком телевизора. Доктор получал огромное эстетическое удовольствие от случайных прикосновений супруги и слышал учащающийся стук собственного сердца, когда она, обходя стол и раскладывая тарелки, нечаянно провела запястьем по его коротко стриженным волосам. Запах куриного бульона расплывался по кухне, за окном светило осторожное майское солнце, тонким лучиком играясь на округлых боках серебряных ложек, на плите закипал чайник, в кружке пенился крепкий кофе, на душе Доктора теплилась надежда на хороший выходной.

А по телевизору показывали Одессу в экстренном выпуске новостей. Там сторонники новой киевской власти вместе с оголтелыми футбольными фанатами и агрессивными молодчиками из «Самообороны Майдана», экипированные щитами и касками, вооружённые деревянными и металлическими палками, бейсбольными битами и цепями, избивали своих противников возле Дома профсоюзов в самом центре города. Разгромив расположенный возле Дома антимайдановский палаточный лагерь и забросав здание бутылками с зажигательной смесью, они стреляли по окнам и пожарным лестницам. Закинув в холл несколько горящих автомобилейных покрышек, бандиты не пропускали к зданию пожарные машины и не давали пожарным работать. Вынуждая пострадавших выпрыгивать из окон объятых пламенем Дома профсоюзов, и разбиваться насмерть, преступники с криками «Умри, гнида!» избивали тех, кто выжил и пытался отползти от огня. Сотрудники милиции стояли неподалёку и бездействовали.

Доктор, резким движением руки ударив по пульту, прервал поток негативной информации, льющейся с экрана. Поднявшись, он обнял супругу и крепко прижал к себе. По мелкой дрожи её тела, Док угадывал сильное волнение.

— Что же это такое происходит, любимый? Я не разумею, — она, не сумев скрыть страх, срывалась на крик. — Сегодня, в двадцать первом веке, в нашей стране! Одни украинцы сжигают других! А власти ничего не делают! Почему? За что? Ради чего?

— Эта привезённая из Киева в Одессу молодёжь, она одурманена, милая! Кукловоды из Вашингтона дёргают за ниточки, раздают на Евромайдане печенки, раскидывают горстями доллары и разводят в нашей стране костёр гражданской войны. Но мы им не позволим, милая, не позволим повернуть то же самое в нашем городе, — прошептал Доктор.

— Эй, дружище, — грубо отозвалась супруга, — просыпайся, приехали!

Доктор открыл глаза. В лицо ему дышал чесночным перегаром Принц:

— Вытряхивайся, там у тебя раненых полный борт!

— Что значит «у тебя?» — отозвался недовольный Док. — У нас!

— Нет уж, я тебя не трогал, когда вёз, педалями работал, ба-ранку крутил. А теперь твоя очередь — иди, организовывай!

— Ну, ты и урод, Принц! — Доктор потянул ручку и, распахнув дверь, мешком вывалился из машины. Помассировав отёкшую без движения левую руку, он подобрал с сиденья автомат и закинул его за спину. — Я тебя сам когда-нибудь пристрелю, и смотреть буду, как ты кровью истекаешь! Вот тогда и я тебе хрен помогу!

Проходя вдоль грузовика, Доктор слышал, как откинулся задний борт, и первый раненый — заросший густой щетиной мужичок с перевязанной левой рукой — осторожно спустился на землю. Вторым выпрыгнул Коля. Оглядевшись вокруг, и увидев яркое солнце высоко на безоблачном небе, он от души — как могут только дети — улыбнулся.

— Давайте, мужики, помогаем друг другу, — глядя на пленника и протягивая следующему раненому руку, сказал

военврач. — Сейчас вас подлатают и покормят. И ещё, в качестве суперприза, у них есть душ!

ФРАНКЕНШТЕЙН

— **П**равосеки? Ха! Лоханулись, черти! Попались, «фашишки»! Ха! Ну-ка, уроды, сымайте, сымайте свои вонючие одежды! — хриплым голосом выкрикивал плечистый мужик в чёрной униформе, страшно закатив глаза. Не по-детски гордясь схожестью своей лысой головы, симметрично круглой как шар, с главным атрибутом урока географии в школе, он взял себе интеллигентный позывной «Глобус», хотя особыми познаниями в данной области никогда не отличался. — Наколки есть? Ха! Показывайте, оголяйте свои наколочки! Выдавайте себя с потрохами, уроды! Ха! Со свастикой есть? Быстро сымайте одежду, показывайте!

Глобус красными от усталости и невидящими от ненависти глазами впился в трёх украинских военнопленных, трясущимися руками снимающих с себя армейские футболки. Стоя на коленях в ногах у разъярённого ополченца, размахивающего автоматическим пистолетом Стечкина, сделать это было совсем непросто.

— Нету наколок, дядя! Мы по мобилизации, дядя. Полгода в армии, — начал было говорить худенький рыжий паренёк, содрав с себя пятнистую зелёную футболку, но прервался, застонав от боли. Это Глобус, жёстко схватив его за запястье, развернул на триста шестьдесят градусов. Осматривая туловище пленного, он едва не вырвал несчастному руку из сустава.

— Я тебе глаз выколю, сукин ты сын! Если я свастику найду, глаз тебе выколю! — Глобус, отпустив руку рыжего, выстрелил ему под ноги. — Фашист ты проклятый!

— Нету у меня наколок, дядя, — заплакал рыжий. Он затрясся от нахлынувших эмоций, уткнулся лбом в землю и, закрывая локтями голову, заскулил пораненным псом. — Мы-ы не виноваты-ы-ы. Нам приказа-али... привезли сюды-ы...

— Где форма? Где ваши нашивки нацистские?

— Нету у нас нашивок, формы нету, дядя, сгорела давно, — рыжий снова оскалил зубы и застонал. Украдкой посмотрев на Глобуса, он упёрся взглядом в кирпичную стену непонимания. — Мы такие тута были, когда ваши нас... Когда захватили...

Глобус утратил объективное восприятие реальности и слепо следовал зову ярости. Он замахнулся, пытаясь ударить рыжего по голове рукоятью пистолета, но руку перехватил Игорь. Надавлив всей своей массой на Глобуса, Игорь оттолкнул его от пленника.

— Не надо шалить, Глобус! Ты попутал? Вообще-то здесь мы — нормальные люди, а фашисты — они, — прорычал Игорь, широко расставляя ноги и расправляя сильные плечи.

— Ты меня поучи, — гаркнул Глобус, вспыхивая ярким пламенем. — Сам нарвёшься!

— Слышишь, да, «боевик»! Это дети совсем! — бегло осмотрев пленных армейцев, заключил Игорь. — А если ты драки хочешь, так ты иди, давай, повоюй там, где по-настоящему стреляют! Иди, иди, вояка! Сам в плен хоть кого-нибудь возьми!

Глобус, свирепо рыча, злобно потряс пистолетом. Корчась от бессилия, он разок выстрелил в воздух и, плюясь, неторопливо пошёл к дороге, на обочине которой, наставив в сторону села стволы дюжины автоматов, лежало полтора десятка ополченцев.

— «Героям славы» ему захотелось! Козёл лысый, — поправляя на голове бейсболку, заключил Игорь.

Игорь и Афганец остались в лесополосе заниматься пленными. Последние дни эта непростая работа легла на их плечи.

— Мобилизованные мы. Из училища нас забрали в армию. Не «нацики», не «правосеки» мы никакие, — плакал рыжий, змеёй извиваясь на земле больше от обиды, чем от боли. Двое его сослуживцев опустив головы, молчали.

— Вставай, хватит ныть, ты же солдат, а не тряпка! Сядь, вон, уймись, успокойся. Не уважаю таких, — опустившись на корточки подле рыжего, укорил его Афганец. — Тебя не бьёт никто, а ты уже мокрый весь! Не ной!

— Да, да, сейчас, — согласился пленник, быстро обтирая лицо дрожащими ладонями.

— И вы, пацаны, вставайте с колен, успеете ещё, насидитесь! Откуда вы здесь? Как зовут? Где документы? С вами «нацики» или «правосеки» были? — обратился Афганец к остальным.

— Мыкола я, он — Слава. 80-ая бригада, десантники мы, — представился бледнолицый паренёк с усыпанным веснушками лбом, быстро поменяв позу. Он сел под дерево и, трусливо поджав под себя ноги, подавленно опустил плечи.

— Сначала рота здесь наша была. Давно ещё, — Мыкола неопределённо махнул рукой. — А после вчерашнего обстрела кто смог — ушёл, кого смогли — вывезли ночью. И командир ушёл. Документы наши забрали. А мы втроём вроде как прикрывать остались.

— Он за нами обещал вернуться, — вставил своё слово Слава. — Может, не срослось чего. Ночью мы устали просто, тут же неделю ад был, и уснули. Вот, к вам и попали. У нас «правосеков» и «нациков» нет, и не было никогда.

— Хороши, десантники, взяли и уснули! Спали они, понимаешь, спали, — развёл руками Игорь, — и чуть жизнь свою не проспали!

— У нас, при СССР, ну, при Советском Союзе, тридцать пять лет назад, за такие выкрутасы, как сон на посту, офицеры ещё в учебке неделю кипятком ссать заставляли. Зато уже на боевых, в Афгане, такого позора никогда не случалось, — Афганец снял с пояса фляжку, скрутил колпачок, протянул рыжему. — Держи, пей. И вы, хлопцы, пейте! И скажите, кто по нам так прицельно бьёт тогда, если все ваши ушли? Кто артиллерию навёл?

— Как я понимаю, глядя на вас, артиллеристы из вас никакие, — Игорь отряхнул пыль с коленей. — Значит, тут ещё кто-то есть. Знаете, где?

— Это на автомастерской. В гаражных боксах, от нас отдельно. Мужики какие-то в песчаной форме. Батальон «Азов», вроде, — жадно глотнув воды из фляжки и сбив дыхание, ответил рыжий. — Один в чёрных очках к нам иногда приходил. Может, это они навели.

За дорогой слышались разрывы мин. Зашипела радиостанция Игоря.

— «Эвакуаторы» на связи, — встревожено ответил он.

— «Коробочку» подбили! Вышла из строя «коробочка»! Попадание противотанковой гранаты в бортовую проекцию! Возможно воспламенение машины с последующим взрывом боекомплекта! Док, Быстрый, нам срочно нужна ваша помощь, — обрывающимися фразами докладывал знакомый голос начальника разведки, хриплый и кашляющий. — Один «двухсотый» и один «трёхсотый»! Командир машины застрял в башенном люке — он «двести»! Механика выбросило под гусеницы! Возможно, он жив. Ещё двоих не вижу, дым! Как поняли?

— Я уже иду, но не вижу её! Я на обочине у лесополосы, на три часа от тебя! Где «коробочка»? Я не вижу её, — вышел в эфир Доктор. — Где она?

— Я тебя наблюдаю, Док! Двести, двести двадцать метров строго на десять часов от тебя! Там несколько деревьев на бугре в поле, прямо вдоль линии электропередач. Двигай туда, а я прикрою огнём! Давай, — взволнованно прокашляла радиостанция.

— Иду за Доктором, я — Быстрый. Док, иду, выдвигаюсь вслед за тобой, — крикнул в рацию Игорь. Насадив бейсболку на голову козырьком назад, надев сверху каску и перевесив автомат за спину он, перепрыгивая через низкий кустарник, резво побежал к дороге.

— С Богом, — только и успел крикнуть ему в спину Афганец.

Упав в пыль на обочину подле Глобуса, Игорь вырвал из его рук бинокль. Оглядев округу, заметил жиденький чёрный дымок, расплывшийся из-за бугра. Вот она, горящая БМП, понял он, обдумывая пути подхода к цели.

В вершину бугра упиралась узкая колея грунтовки. Можно было ползти по ней. Наикратчайший путь.

— Замануха! Сто пудов — замануха. Пристреляли, небось, дорожку! Не угадали, я к вам, уроды, на жаренное не полезу, я в сковородку не хочу! — прошептал Игорь. Он решил ползти к машине по полю, ориентируясь на бетонные столбы линии электропередач. — Все настоящие герои всегда идут в обход!

Мало того, что расстояние до бугра составляло метров не двести, а все триста, так ещё и поле, по весне по-хозяйски засеянное

подсолнухом, было выгоревшим, абсолютно лысым. Но деваться некуда. Игорь, стащив бронжилет, кинул его в неглубокую воронку, оставленную в мягком чернозёме поля взрывом мины. Следом он швырнул туда разгрузку с боекомплектом и каску, мысленно перекрестился, вдоволь поматерился и пополз в сторону подорванной бронемашины. Стоптаные пятки ботинок Доктора волочились по земле далеко впереди.

Ещё десять минут назад, когда военнослужащие украинской армии начали массированный обстрел позиций ополченцев, Доктор, накрыв лицо панамой, безмятежно спал в заранее выкопанной ямке в тени худеньких берёз. Ночь для него была крайне тяжёлой, бессонной и нервной. При ярком свете луны и тусклом — фонарика с новыми батарейками — Док занимался нелюбимым делом: писал отчёты по расходованию лекарственных препаратов, по большей части абсолютно никому не нужные, составлял списки необходимых медикаментов, запасы которых с каждым днём неумолимо стремились к нулю, расфасовывал имеющиеся таблетки по разным пакетикам, и курил. А утром, когда большинство нормальных людей проснулось и занялось действительно важными делами, врач вдруг почувствовал нечеловеческую усталость. Аккуратно собрав медикаменты и бинты в рюкзак, он завалился спать в кузове своего «Урала».

Однако поспать не дали. Сначала повезли по колдобинам к месту сбора групп. Потом, под предлогом загрузки боеприпасов, выгнали на улицу. Затем, по дороге к району проведения операции, снова разрешили покемарить в «Урале», но уже сидя в кабине. И, наконец, вытолкав из машины в точке, обозначенной как «пункт сбора убитых и раненных», вновь позволили ненадолго закрыть глаза и погрузиться в сладкое царство Морфея.

Неудивительно, что голодный, грязный и полусонный военврач был крайне раздражителен и зол. Мало того, что его лишили всех доступных на войне прелестей жизни, как то чай, вода, сон и сигареты, так ещё и заставили ползти под обстрелом за трупами. Он был абсолютно уверен, что живых после расстрела БМП не осталось, и на чём свет стоит клял своего командира за приказ «работать» среди бела дня, а «укропов» — за обстрел. Клял, пока не

услышал душераздирающий вопль раненного механика-водителя. Доктор физически не мог видеть этого, фактически вернувшегося «с того света» человека, но настроение его сиюминутно переменялось с тоскливо-ворчливого на агрессивно-боевое.

Доктор полз изо всех сил. Его сухое жилистое тело ужом извивалось по земле. Твёрдые толстые кочерыжки подсолнуха, выглядывавшие из-под сохлого, обожжённого пожаром грунта, больно царапали лицо и шею Доктора, цеплялись за лямки рюкзака, кололи в живот и пах, но он терпеливо молчал и упорно скользил вперёд.

Игорь немного отстал. Мускулистый и широкоплечий, он выглядел намного мощнее военврача, но чуток уступал ему в скорости, жажде борьбы и психологической устойчивости.

— Я здесь, друг, я уже здесь, а ты — терпи! Боль — это всего лишь неприятное эмоциональное переживание, — военврач, достигнув механика чадящей бронемашины, вцепился двумя руками тому в воротник комбинезона и поволок в небольшую воронку на дороге. Три метра пути показались ему тремя сотнями и дались с огромным трудом.

— Дурацкое место, — проворчал военврач, оглядываясь. Он снова поволок механика, левее, ещё левее, в природную ложбинку в поле. — Так-то лучше, — вибрирующим в такт пульса голосом констатировал Док, озираясь. — Хрен достанут.

Лёжа то на боку, то на животе, Доктор вколол механику обезболивающее и наложил шину на левую руку. Две заранее заготовленные для этого дела палки он выдернул из бокового кармана своего чудесного рюкзака.

— Органические повреждения человека современной медициной излечимы, а вот с эмоциональными — дела обстоят хуже. Постарайся забыть об источнике переживаний, и ты забудешь о боли! Остальное я беру на себя, — шептал военврач, глотая собственный пот. — У тебя шок, контузия головного мозга и закрытый перелом лучевой кости. В целом — полная ерунда! Признаться, я вообще думал, что ты в ящик сыграл! Большой и чёрный.

Потерявший сознание механик-водитель не мог слышать голоса своего спасителя, но Доктор говорил не для него. Он сам себе ставил диагноз.

— Главное в нашем деле — не впасть в депрессию. Снижение настроения и утрата способности переживать радость, адекватно мыслить и реально оценивать происходящее вокруг могут инициировать потерю интереса к жизни! А этого допускать нельзя! Социальная терапия — вот главное лекарство! Старые друзья, любимая женщина, занятное хобби, интересные фильмы и книги, занятия физической культурой и активный отдых — вот что нам нужно! Когда вернёмся с войны, я уделю этому время, уж поверь мне!

— Док, я здесь, я дополз-таки, — задыхаясь, смахивая слюни с подбородка, тыкнул военврача в плечо Игорь. — Давай, если ты закончил колдовать, я его заберу!

— Погоди, не спеши, пусть лежит, не убежит никуда. Вон, мы сейчас с тобой тем бедолагой займёмся, — Доктор посмотрел на БМП. Она как-то слабо и нехотя горела внутри, едкий дым выбивался из открытых люков.

Муравьём метнувшись к бронемашине, Док констатировал неприятный факт: погибший боец застрял в люке, свесившись в сторону позиций «укропов». Ни дым, ни сама броня никак не прикрывали военврача в случае попытки залезть на БМП и вытянуть погибшего. Нужно было обползти боевую машину вокруг и найти оптимально безопасную точку, чтобы с земли попытаться подцепить «двухсотого» крюком.

— Игорь, давай сюда, вдвоём сдёрнем! Я один не смогу, — Доктор вытащил из верхнего накладного кармана рюкзака верёвку с крюком на конце. Изловчившись, со второго раза он сумел подцепить повисшее на броне тело. — Давай, тащим на счёт «три»! И — три!

Две попытки стащить погибшего вниз успехом не увенчались. И не хватало сил, и ноги покойника, видимо, застряли, поддев что-то внутри бронемшины. А подняться не то что на ноги, даже на колени не давали украинские военные, бегло постреливавшие в сторону бронемшины из стрелкового оружия и миномётов.

Пули то со свистом пролетали над головами «эвакуаторов», то, искря, рикошетили от бронемшины вверх и вниз, то попадали в бездыханное тело механика. Мины ложились в поле, не долетая вершины бугра метров пятидесяти, на внешней стороне.

— Мать их, перемать! Молотят, «яйценюхи»! Они видят нас что ли? — обеспокоился Игорь. Ему страшно хотелось пить, есть и жить. — А если снайпера сюда подключат на нас?

— У меня пистолет, — отозвался Доктор. — Не переживай, я тебя дострелю, раненого.

— Да пошли бы они, сил уже нет, — вдруг закричал Игорь. Он вскочил, прыжком взобрался на броню, подхватил погибшего под мышки, рывком вытянул из люка. Спрыгнув с ним в обнимку вниз, больно ударился коленями о землю.

Откатившись на метр, Игорь застонал, но быстро поборол боль, и на карачках подтянул «двухсотого» к Доктору.

— Плохо стреляете, дебилы, — прорычал Игорь, обращаясь к невидимому противнику. Плюхнувшись на спину подле военврача, он продемонстрировал «укропам» «фак».

— Молодчина ты, Быстрый! Ты — красавчик! — искренне обрадовался Доктор. Он счастливо улыбался Игорю. — Сам как? Ноги целы?

— Жив я, — градинки пота затекали Игорю в рот, — тьфу, на!

Ошеломлённые наглым и объективно бесцеремонным поведением ополченцев, украинские военные дружно обрушили на БМП весь свой праведный гнев. Грохот выстрелов и взрывов стоял невероятный. Свист летающих боеприпасов оглушал. Между тем, виновник суматохи — Игорь — плевать хотел смерти не просто в лицо, а, желательно, в самый глаз. Он окликнул военврача, весело подмигнул ему, вцепился погибшему в капюшон спецовки и поволок за собой.

— Я тут лежать и ждать, пока боезапас сдетонирует, и это железо рванёт вместе с нами к чертям собачьим, не хочу. Нема желания!

— Да нет в «коробочке» боезапаса, парни отстреляли всё, — крикнул Доктор, не поднимая головы. — «Укры» сейчас переберется, стихнут! Погоди!

Но Игорь не слышал или не слушал товарища. Он врубил четвёртую передачу в своей автоматической коробке передач, запрятанной в тёмных недрах серьёзно контуженой головы, и ползком спешил к спасению.

— Док, я верю в нашу победу над «укропами» в самом скором будущем! Но шас, давай, «уёбын зе битте», пожалуйста, — шептал Игорь, еле шевеля губами. Он слышал своё тяжёлое, подорванное многолетним курением дыхание и громкий стук готового к надрыву сердца лучше, чем гром разрывов мин. Одышка давно тяготила его, изъедала изнутри, корила слабостью характера, а тут — поставила под вопрос саму жизнь. Но Игорь выпутался, выдержал, выполз. Сталкивая тело «двухсотого» с обочины, он кувырком покатился за ним. — Хрен я вам, «яйценюхи» нашего парня оставлю! Мы своих не бросаем!

Доктор никак не успевал за товарищем. Волоком подтягивая к себе стонущего в бреду механика, он искал глазами ещё двоих членов экипажа, но не находил их. Только через полчаса он узнает, что парни сумели выпрыгнуть из БМП и самостоятельно добраться до лесополосы на левом фланге, туда, где находились позиции Донских казаков.

Скоро осмотрев наспех перевязанных фельдшером раненых, которых к моменту возвращению Дока и Быстрого на опорный пункт отряда оказалось аж семеро, мужики погрузились в грузовик и все вместе выехали в город, в больницу. Быстрый — за рулём, Доктор — на пассажирском сиденье, восемь раненых и аккуратно завернутый в полиэтиленовый мешок погибший механик БМП — в кузове.

Выскочив из лесополосы на асфальтированную дорогу, Игорь поддал газу, разгоняя «Урал» до максимальной скорости. Ехать до больницы было не меньше часу, поэтому, не смотря на качку и тряску, Доктор, уронив голову на грудь, сразу задремал. Даже сильно ударяясь на поворотах об остов двери виском или челюстью он, не открывая глаз, немного менял позу и продолжал свою тщетную попытку отдохнуть.

Минут через двадцать, пересекая развязку с городской объездной дорогой, опытный Игорь обратил внимание на двух странных парней в прочихавшем навстречу старом, ржаво-зелёном «УАЗе» с откинутым тентом и треснутыми ветровыми стёклами. Они оба — одетые в несвежий песчаный камуфляж и панамы — слишком уж радостно помахали Игорю руками.

— Чёрт, — закричал Игорь, пугая Доктора в беспокойном сне, — у них белых повязок на рукавах не было! Это «укропы» проехали! Док, ты слышишь?

— Да, слышу, — сонно ответил военврач. — Чего орёшь-то?

— А вдруг там, впереди, «укропы»? А? Кто знает? — продолжал орать Быстрый. — Звони командиру, пусть подтвердит, что дорогу наши держат, — громко потребовал он.

Сбросив скорость, «Урал» съехал с асфальта и остановился, пропустив через себя плотные клубы поднятой с обочины пыли. Игорь нетерпеливо барабанил по рулевому колесу, Док пытался дозвониться до руководства отряда. Неудачно.

— Что делать будем, друг? — военврач встревожено озирался по сторонам. — Куда поедем?

— Ты дозвонишься, Док! Скажи им про «УАЗик», пусть наши примут этих... «укропов». Спроси про больничку: стоит туда соваться? Вдруг всё переменялось? — заметно нервничая, Игорь неуклюже листал перед собой потрёпанный дорожный атлас, пытаясь быстрее найти нужную страницу. — Я это место плохо знаю, лет пять назад здесь ездил, всё забыл!

— Ты чего так разошёлся, друг? Только что спокойно под пулями ходил и врагу в ноги кланяться не желал, а тут заголосил, как баба, — подавив тревогу, Док настойчиво нажимал на кнопки телефона. — Сейчас до больницы дозвонюсь, и всё выясню, раз командир «вне зоны».

— Какой больницы? Там света во всём городе нет, и связи тоже!

— В больничке генераторы свои. Дозвонюсь, — Док поднёс аппарат к уху. — Чёрт! Никаких гудков! Сигнал вообще не проходит!

— Там из раненых в кузове никто копыта не откинёт? Все же лёгкие? — Игорь посмотрел в зеркала заднего вида. — А, Док? Отвечаешь?

— Никто, если ещё раз продезинфицировать и обработать их раны. У всех по мелочи! Там после взрыва мин их камнями обсыпало, асфальтом, мелкими осколками посеколо. Хотя, возможно, кое у кого осколки извлекать надо. Я в спешке не очень

заметил, — вслух рассуждал военврач. — Ну и наш механик с переломом и контузией.

— Валим назад? — Игорь отбросил атлас за сиденье, обтёр рукавом пот с лица, накрыл ладонью рычаг коробки передач. — Командуй!

— Вперёд, друг! — Доктор указал по направлению «город». — Чего мы сомневаемся? «Укры» сегодня на рассвете город из «Градов» поливали. По своим же крыть не будут, так?

— Да кто их знает, этих укурков чёртовых? — перекрикивая рёв набирающего обороты мотора, прокричал Игорь, втыкая третью передачу. — Они и по своим очень метко научены!

— Впереди будет церковь, у самой дороги. Когда до неё доедем, дорога плавно правее уйдёт, затем — левее. Дорога там змейкой. И сразу за вторым изгибом — блок-пост казаков. Там был флаг казачий, огромное полотно, издалека видно будет. Есть сейчас флаг или нет — это важно. Он и послужит ориентиром.

Игорь не заставил себя ждать, уже переключал на четвёртую. Двигатель ревел, визжали колёса, приближался первый поворот.

— Оружие — к бою, — крикнул военврач, достав автомат и дослав патрон в патронник.

— Если что: живыми не дадимся, не боись, — мрачно подмигнул ему Игорь.

Не доезжая метров триста до блок-поста казаков Игорь, выруливая из-за опасного поворота, отчётливо увидел их трепыхающийся на ветру флаг с нескромного размера надписью «За Веру, Дон и Отечество».

— Странные они, эти алкаши, — усмехнулся водитель. — Разве Дон и Отечество — разные для нас понятия? По-моему, Дон и есть наше Отечество! А слово «вера» — почему у них с большой буквы? Она, что, женщина? Недоумки!

Не успел он подумать, чего скабрезного сказать казакам по этому поводу, как прогремел оглушительный взрыв. Сверкнуло подобие молнии, с земли к небу взметнулся широкий столб пламени. В грузовик полетели асфальт, щебень, осколки. Впереди явно образовалась воронка шириной во всю проезжую часть.

— Суки! — заорал Игорь, нажимая на педаль тормоза и выкручивая руль резко вправо.

Прогремела ещё серия взрывов. В непроницаемой пелене асфальтового крошева, пыли и дыма Игорь сумел сбросить скорость до минимальной и удержать машину на колёсах, но контроль над дорогой, естественно, потерял.

Слетев в глубокий кювет, «Урал» жёстко ударился о глиняную колею грунтовой дороги, укатанной параллельно асфальтовому шоссе, подмял под себя частокол кустарника и закатился в лесопосадку. По инерции проехав по высокой траве ещё несколько метров, машина цепанула передним бампером толстый ствол высокого дерева и заглохла. Ветровые стёкла треснули и вылетели. Игорь и Док, обсчитав локтями и головами большую часть деталей кабины, сумели отворить двери и буквально вывалились наружу, напоследок опробовав боками металл подножек «Урала».

Волна разрывов сначала откатилась от машины в сторону блок-поста, затем раскатистым цунами нахлынула вновь.

Воздух свистел осколками. Земля дрожала, гудела и стонала. Раненые орали в кузове. Игорь, не замечая крови на лице и руках, обполз машину и добрался до военврача, всем телом прильнувшего к земле у переднего колеса. Руками прикрыв голову, водитель прижался к земле рядом с товарищем.

Внезапно всё стихло. И — бах! Секунда мёртвой тишины подчеркнула последовавший разрыв, оглушающей мощью вырвавший дерево из земли. Невидимая сила тотчас поставила на бок многотонную машину ополченцев, качнула, и обдала дыханием смерти.

«Урал» с сухим скрежетом опустился на все шесть колёс. Скрипя рессорами, словно усталый древнерусский богатырь вожжами верного коня, автомобиль повышенной проходимости медленно пошатнулся и застыл, едва не придавив вросшего в грунт Доктора.

Противно зашипело над самой головой. Всего на пару сантиметров выше присыпанного землёй затылка врача из колеса выглядывал громадный осколок реактивного снаряда. Величиной с ладонь. Пронзив твёрдую резину как нож масло, он с визгом выгнал из покрышки сжатый воздух.

Доктор открыл глаза и ловко перевернулся с живота на спину, слегка подтолкнув Игоря. Очнулся и Игорь. Перемазанный

кровью, с серо-коричневым от пыли лицом, он задрал голову к небу. Раскрыв рот и жадно шевеля порванными губами, Игорь громко засасывал в себя воздух. Остро воняло соляжкой, машинным маслом, жжёным порохом, горелым брезентом и плавленным металлом. Под колёсами «Урала» нехотя горела жёлтая трава. Сухая древесная труха и искусно поджаренные листья, неспешно кружа вокруг, придавали остроту сюрреализма.

Где-то высоко над всем этим апокалипсисом беспечно плыли тонкие полупрозрачные облака.

— Я думаю, нам пора тикать отсюда, — сплёвывая грязную слюну, еле прошептал Доктор.

— Согласен, брат, — Игорь, поднявшись на ноги, нервно засмеялся.

Доктор его не слышал. Встав, он покрутил головой, поднял к небу руки, дважды присев, похлопал себя по груди и плечам и — услышал раненых.

— Мать вашу, — в неистовстве закричал Доктор, заспешив к кузову «Урала». Тент был разорван в тысяче мест и зиял неровными отверстиями. — Мать вашу, — военврач почти плакал, заглядывая внутрь через пробитый задний борт. Раненые валялись друг на друге вповалку с носилками, одеялами, тряпками, бинтами, бронжилетами, различным хламом. Хорошо, что оружия, боеприпасов и иных металлических деталей или запчастей в кузове не было, вытащили, когда готовили под санитарные нужды. — Мать вашу!

Вдвоём с бесноватым мужичком с перебинтованной ногой, хромающим, в безразмерных полосатых трусах и порванной морской тельняшке Доктор вытащил из разбитого в щепки кузова остальных ополченцев. Двое были без сознания, остальные истуканно стонали, безумно кричали и тихо причитали, хватаясь за покалеченные конечности и потирая головы. Тройка переломов и дюжина ушибов, полученных при падении машины в кювет, — вот и все последствия обстрела!

— Я грешным делом было подумал, что вы все в кузове померли, — как на конвейере, одного за другим, вторично осматривая пострадавших, признался Доктор, вкалывая очередному пациенту обезболивающее. — А вы — целёхоньки!

— А що нам буде? — тонким голоском вопрошал мужичок в тельняшке. — Коли враз не вмерли, іншого разу не бувати!

Игорь чужими молитвами и своими «растущими откуда надо» руками сумел завести двигатель и сдвинуть раненую машину с места. «Прихрамывая» поочерёдно на четыре спущенных из шести колес, издавая странные рокочущие и булькающие звуки, «Урал» медленно двигался по грунтовке. Из разбитой панели приборов торчали осколки, датчики не работали, двигатель готов был «дать клина», но в целом автомобиль со своей задачей справился, доставив ополченцев до блок-поста казаков.

— Ты посмотри, старик, топливная система не пострадала. Насосы, баки, топливопроводы низкого давления, фильтры — всё живое, — восклицал Игорь, покачивая головой. — Нас Бог явно чему-то научить хотел, и не хотел, чтоб мы сдохли!

От удара дивизиона «Градов» ВСУ пострадала и старинная церковь, и близлежащие частные дома с их хозяйственными постройками, и вся инфраструктура блок-поста вместе с парой приданных «старушек» БПМ-1 и трофейным грузовиком «ЗИЛ» с двумя плохо покрашенными жёлтыми полосами на капоте.

Лёгкие ранения и контузии свалили троих казаков. Помощник их атамана получил ожоги. Жертв и пострадавших среди мирного населения удалось избежать по одной простой причине: мирные давно покинули здесь свои дома и уехали или ушли в Россию.

«ЗИЛ» пылал ярким пламенем, казаки суетливо бегали вокруг, бросая свои устремления то к попыткам потушить грузовик, то к намерениям оказать первую помощь своим раненым братьям. У одной БПМ осколками пробило дополнительные топливные баки, расположенные в задних люках. Солярка, пятью тонкими ручейками заструившись ровнёхонько в сторону пожара, грозила новым взрывом.

Игорь первым обратил внимание на эту проблему. Не раздумывая, он забрался на бронемашину, прошмыгнул в открытый люк. С третьей попытки смельчак сумел завести двигатель и отвести БМП метров на двести от блок-поста.

Доктор быстро нашёл помощника атамана. Сорванная с него одежда ещё дымилась на асфальте, а сам помощник со слипшимися

на голове клоками опалённых волос в одних трусах лежал на раскрытом спальном мешке. Без сознания. Над ним колдовал местный престарелый санитар в очках с мутными оцарапанными стёклами. Рядом на коленях стоял молодой казачонок в кубанке и застиранной полувоенной одежде.

— То мой брат, мой брат умирает, — вытирая слёзы, причитал казачонок.

— Я — Доктор, — представился Док, с ходу приступая к делу. — Что у него?

— Ожог лица, шеи, груди, внешней стороны обеих рук до плечевых суставов, — устало отчитался санитар. — Я раньше, ещё сто лет назад, на скорой помощи работал. Вот. Обработал ему раствором фурацилина. Анальгетик вколол. Это должно позволить...

— Предупредить развитие болевого шока. Правильно. И не даст резко подняться температуре, — завершил за него Док. — Молодец, друг, всё правильно сделал!

— Что смог! Бинтов и марли нема. Пузыри уже надулись, видна тканевая жидкость, но угрозы жизни нет. Вторая степень.

— Ты, — указал Док молодому в кубанке, — бегом найди мне простынь, чистую футболку или рубашку, без разницы, главное условие — чистота. И полведра холодной воды. Минута пошла!

Пока Док более внимательно осматривал волдыри на теле помощника атамана, казачонок, стараясь не расплескать непослушную воду из раскачивающегося на бегу ведра, уже вернулся. Поставив сосуд у ног военврача, и трепетно вручив ему выцветшую серую футболку в руки, паренёк преданно заглянул ему в глаза.

— Вот, из-под крана набрал, не ледяная, конечно, но ничего. Футболка не новая, но сегодня утром сам с мылом стирал!

— Молодец! Держи её покрепче!

Доктор извлек из нагрудного кармана кителя небольшой нож с остро отточенным лезвием. Порезав футболку на три разных по ширине лоскута, он смочил эти тряпки в воде и уложил поверх ран пострадавшего.

— Вот твоя футболка и превратилась в стерильную марлевую повязку! Носилки неси, будем твоего братана в больничку увозить! Выживет!

— Добре, — оживился парнишка. — У нас аж две носилки е, щас принесу!

Казачонок убежал. Санитар снял очки, нервно подёргивая головой, зачем-то потёр линзы жирными трясущимися пальцами. Доктор схватился за ведро.

— Мне же моих раненых попоить успеть надо, жара такая печёт! А ты, друг, мне тару дай, с собой воду взять, — обратился он к санитару.

— Дам, конечно, дам, есть канистрочка пятилитровая для таких нужд. А ты мне, пожалуйста, помоги, — бойко затараторил санитар, задвигая очки на нос. — Там ещё у меня трое наших мужиков со слепыми осколочными лежат. Их с первого взрыва поранило... Они все на улице стояли, когда началось, вот и... пострадали. Мы их сразу за руки-ноги похватали и в землянку бегом, вон туда, — показал санитар.

— Мы видели их корректировщиков, — признался Док. — Они от вас ехали.

— Богу спасибо, спас! Пересидели налёт. А крови наши потеряли немного. Мы же их, эх, перебинтовали, как сумели, — прокряхтел санитар.

— Я их уже осмотрел. Жить будут. Скоро они к вам вернуться, и тебе, друг, с радости и горилки нальют, и сальца на хлебушек порежут, — взбодрил его военврач. — За спасение!

Док, Игорь и казак-санитар организовали перегрузку раненых из «Урала» на остававшуюся на ходу вторую БПМ. Туда же ловко уместили раненых казаков. За рычаги бронемашины сел штатный механик из местных, Игорь занял место стрелка, а Док — командира машины. Санитар остался на своём блок-посту.

До больницы добрались без приключений.

Дежурная смена охранения медицинского учреждения, на безмолвную радость Доктора, оказалась знакомой. поприветствовав торчащую из люка голову военврача взмахом руки, старший охранения сам быстро открыл ворота и без долгих формальностей — пересчёта общего количества человек и вооружения, проверки документов у сопровождающих лиц — запустил бронемашину во внутренний двор.

Только остановились у входной двери, ведущей в приёмный покой, и распахнули задние люки, как БМП со всех сторон облепили медработники учреждения, бойцы из охранения и ополченцы, находящиеся на излечении и отдохавшие в этот момент на улице в курилке. Все искренне старались чем-нибудь помочь.

Доктор с трудом вытянул своё уставшее тело из люка. Он уже не очень чётко понимал что происходит. Кто-то протянул руку и помог ему помягче спрыгнуть с брони на землю. Кто-то спрашивал, не ранен ли он. Кто-то обнял за плечи, завёл в приёмный покой и, оставив у стула посреди коридора, поспешил за следующим вновь прибывшим.

Громко хлопнувшая дверь ординаторской немного привела Доктора в чувство.

— Помогите, — остановил он негромким выкриком первого пробежавшего мимо него человека в белом халате. — Я привёз раненых, мне необходимо их зарегистрировать!

— Что? — человек остановился в метре напротив. — Я вас не слышу, — он взял Дока за запястье и притянул поближе. — У вас пульс еле прощупывается, и давление, скорее всего, упало. У вас, видимо, истощение и обезвоживание.

Военврач почувствовал, что теряет равновесие. Чтобы не упасть, он шагнул вперёд и обнял человека в белом халате, фактически повиснув у того на руках.

Доктор сидел по грудь в воде на берегу широкой реки. Песчаный бережок, тёплые волны, яркое солнце и тёмно-зелёные холмы на противоположном берегу. Надо доплыть до холмов, решил Док и...

— Как ты, очнулся? Видишь нас? Дыши, дыши ровно. Напугал всех! Ты же мужик со стальными колокольчиками, а тут раз, и — в лицо Доктору улыбалась знакомая физиономия. — Ну, улыбнись, брат, и мир улыбнётся тебе в ответ!

Военврач лежал на лужайке под деревом во внутреннем дворе больницы. Невысокая старая айва с земли казалась ему просто исполинским созданием, самым высоченным деревом на планете. Её тонкая косая тень закрывала Дока от солнца. Далеко в синем небе объёмные перьевые облака образовывали причудливые морды жирафов, лошадей и львов.

— Мать! Где я? В сказке? — Доктор прищурился и тяжело привстал на локтях.

— Сейчас точно окажешься! Медсестра, в руки которой ты упал, пошла за чаем, — оскалился Игорь, прикуривая сигарету. — Ты прикинь, старина, чай не из пакетика! Девушка заварит чай специально для тебя! Крепкий принесёт, с сахаром!

— Я кофе люблю, — протянул военврач, — а не чай. И давно я здесь?

— Нет, минуты три прошло, четыре, как ты брякнул, — Игорь отогнал от себя дым собственной сигареты. — Хорошо, я как раз в больничку вошёл и увидел твой кордебалет! Схватил и сюда, на воздух. Она тебе в нос нашатырь сунула и говорит: пусть отдохнёт минут пятнадцать, а я пойду сладкого чаю принесу. Полезно, говорит.

— Надо же! А я сон увидеть успел. Не сон прямо, а кино, чёткое такое, цветное. Даже жалко, что не до конца досмотрел, — Док удобнее прислонился к дереву спиной. — Как сладко пахнет воздух! Хорошо-то как!

— Неужели? — Игорь искренне засмеялся. — Ты бы видел себя, дружище! Ты похож на смерть! Зацени, — он поднёс к лицу Дока малюсенькое круглое зеркальце.

Доктор в страхе отшатнулся от изображения осунувшегося, покрытого рыжей щетиной до самых ресниц лица скуластого старика, обваленного в песке и крови. Его жёлто-серая кожа морщижилась в складках уголков впалых глаз. Мутные зрачки медленно передвигались в покрытых красной сеточкой паутины орбитах. Сохлые, потрескавшиеся губы едва шевелились.

— Твою ж дивизию, — Доктор растянул рот в улыбке. — Франкенштейн!

ВОЛОДЯ

Штурм стратегически важного объекта едва не провалился. Два отряда ополченцев из трёх, собравшихся на это грандиозное мероприятие, не вышли на исходные рубежи, проигнорировав сигнал о совместном начале атаки.

Всё гениальное просто. Сначала мощная артиллерийская подготовка, затем пехота под прикрытием бронетехники и пулемётов. По плану. А на деле...

Начиналось красиво. Понимая, что в позиционной войне артиллерийская мощь — главный залог победы, ночью на объект «обрушился» невиданной силы «Град». Шесть установок реактивных систем залпового огня — три огневых взвода по две машины — оплавляли землю вместе с противником. Затем в раж вошла ствольная артиллерия: гаубицы Д-20 и Д-30 и пяток танков всех мастей израсходовали весь боезапас. А с восходом солнца округу рычащими моторами растормошили БМП и бронетранспортёры: с фронта к атаке подготовился отряд из двух сотен опытных ополченцев из местных мужиков и российских добровольцев.

Костяк отряда воевал вместе уже десять недель, командиры подразделений всех уровней отлично друг друга знали и посему доверяли соседу как себе лично. Командир отряда, начальник штаба и начальник разведки были хоть и немолодыми, но кадровыми военными, в советские времена получившими отменное образование и опыт службы в различных частях бывшего СССР и не только. Непроверенных людей в отряд старались не зачислять, за новобранца должны были ручаться два «ветерана». Россиян, желавших примкнуть к подразделению, проверяли особо тщательно, изучали их биографию и боевой опыт, имелся даже штатный контрразведчик (из бывших борцов с оргпреступностью) для «вычисления» и недопущения в «братский круг» лиц с криминальным прошлым.

Накануне штурма, впервые проведя с личным составом занятия по политинформации, командиры, в качестве опознавательных знаков «свой-чужой» раздали всем чёрно-оранжевые георгиевские ленточки и велели приколоть на грудь. Белые повязки на левую руку также называли обязательным условием. Не возбранялись и нашивки с логотипом «вежливых людей», вышивкой «Народное ополчение Донбасса» или флагом Новороссии — червлёным прямоугольным полотнищем с Андреевским крестом, окаймлённым серебром.

Спозаранку, с получением условного сигнала отряд вышел из лесопосадки и под прикрытием брони двинулся на объект. Оставшиеся за деревьями миномётные расчёты разок «влупили» из всех

стволов, заставляя украинских военнослужащих не покидать нор, в которые они заныкались, прячась ночью от ударов реактивной и ствольной артиллерии. До их позиций, траншей, землянок и блиндажей ополченцам оставалось преодолеть не более четырёхсот метров открытого, как футбольное поле, пространства.

С левого фланга отряд должны были поддержать лихие казаки. Более сотни внучков «Тихого Дона» ранее согласились выйти из перпендикулярной объекту лесополосы и ударить по «укропам». И даже пулемёты и гранатомёты под это дело выпросили. Но воевать не вышли.

Позже их толстопузый атаман, широко распиаренный падкой до красивых имён и громких заявлений прессой, отталкивая от себя командира отряда, сообщит, что не видел сигнальных ракет, не слышал призыва по радиостанции и не сообразил, что за нарастающая стрельба всё утро идёт в поле между лесочком и объектом. Поводя пьяными глазами в разные стороны, громко рыгая и неумело пряча довольную ухмылку на широком круглом лице, он заявит ополченцам, что его казаки — структура самостоятельная, и он ни перед кем отчитываться не собирается. Бог ему судья. Хотя командир и хотел — очень и очень хотел — приложить свой свинцовый кулак к рыхлой физиономии главаря казачьей банды, но сдержался. Поигрывая нездоровым румянцем на лоснящихся щеках, атаман скрылся в апартаментах своей цветастой палатки и был таков. А его полупьяный табор ещё два дня продолжал возлияния.

— Первым делом нам ВСУ и киевских «нациков» победить надо, а потом и до этих алкашей руки дойдут, — втайне командир утешал себя будущими разборками с казаками, избегая их сейчас. — Должен же кто-то и в тылу на блок-постах стоять, и хозяйственными вопросами в освобождённых от киевской хунты сёлах заниматься.

Справа от отряда, на единственную дорогу, соединяющую объект с городом, должны были выйти до сотни российских добровольцев, обособленной ротой неплохо воевавших в окрестных сёлах. Блокирование автоузла бронетехникой и создание постоянного огневого давления на объект справа — было их основной задачей, с которой они не пожелали справиться. Отсутствие сильного

и уважаемого единого командира и слабая мотивация сделали из их потенциального кулака расслабленную пятерню, где каждый палец сам за себя.

Всего три единицы бронетехники и два десятка ответственных и отвечающих за свои поступки человек из этой роты получив сигнал, заняли дорогу, обстреляли позиции ВСУ и даже сожгли один из двух танков «укропов» на своём направлении. На большее не хватило сил. Остальные восемьдесят рыл спокойно спали, отдыхали и «зализывали раны», полученные в бою в сопредельном селе накануне. Только ближе к закату, когда объект пал, и десятки украинских военнослужащих вышли с поднятыми руками на дорогу, добровольцы, продрав глаза и лихо нахлобучив на головы голубые, зелёные или краповые береты и засунув руки в перчатки с обрезанными пальцами, «блеснули мастерством», «упаковывая» обречённых пленников и снимая это на видео.

Но, то потом. А пока Доктор изо всех сил мчал вперёд, проклиная тот день и час, когда решил покончить с мирной жизнью и идти воевать за свободы и идеалы родного Донбасса. Неподалеку тяжело дышали Принц, Алтай и Саша. Они ни о чём не думали, они просто втянули головы в шеи и быстро передвигали ногами, ища своего шанса в игре на выживание.

Игорь семенил вслед за своей косою вытянутой тенью напряжённо, спотыкаясь и горбатясь. Усталость наслоилась в нём, чувство страха притупилось, глаза смотрели тоскливо.

Чуть сзади задыхался от нехватки кислорода и переизбытка адреналина Афганец. Вот он точно не испытывал никаких моральных неудобств, ему нравилось воевать и рисковать жизнью, он искренне любил войну и все тяготы и лишения, с ней связанные, переносил стойко и даже с радостью, поэтому в душе — ликовал.

А вот Глобусу с его весом в сто с лишним килограммов пришлось попотеть гораздо больше остальных. Попробуй-ка, успевай за юрким Доктором или молодым Сашей, когда кроме пивного живота мешают одышка и бронезилет, от которого, кстати, остальные ополченцы на время штурма избавились как от лишнего отягощающего «железа».

Бойцы ВСУ, покинув свои норы после завершения миномётного обстрела, частично вернулись на позиции. И просто обалдели, увидев впереди, всего в паре сотен метров, цепочку отчаянных ополченцев. Солдаты похватили свои пулемёты и автоматы и открыли по атакующим «георгиевцам» шквальный огонь.

Выбора у ополченцев не было. Либо разворачиваться и двести метров бежать назад, до укрытия в лесопосадке, чтобы получить от «укров» пулю в спину. Либо ускориться вперёд, чтобы скорее преодолеть двести метров открытой местности и ворваться в окопы и здания, занятые ВСУ, чтобы получить пулю в лоб.

Классная перспектива.

Тот, кто бежал впереди Доктора, размахивая короткоствольным АКСУ, застенчиво закричал: «Ура, ребята». Игорь несмело подхватил клич, а Саша, выкатив глаза, заорал, что есть сил: «Мама!» Кто-то слева упал, не успев и открыть рта, а справа рухнули, как подкошенные, сразу трое. Вот и человек с АКСУ споткнулся, согнулся и повалился на живот.

Доктор, перепрыгивая через несчастного, профессиональным взглядом оценил его шансы на жизнь как абсолютно ничтожные: одна пуля сломала человеку ногу, жутко раздробив голень, вторая — оторвала всю нижнюю часть лица. Под телом погибшего быстро образовывалась кровавая лужа.

Сашу вырвало на ходу, просто вывернуло наизнанку. Кукурузная каша из красивого трофейного набора западного образца и два глотка остывшего чая, выпитые из «домашнего термосочка» Игоря фонтаном вылетели из юного ополченца на его же засаленную спецовку. Саше сдавило горло. Он остановился, задыхаясь, попробовал за что-нибудь ухватиться, но рядом ничего не было. Саша опустился на колени и снова стал блевать, тряся головой и размазывая жидкую смесь по лицу, шее и груди. Вдруг, взмахнув руками, он резко упал на спину, а лицо его стало кровоточить. Пальцы рук оскребли землю вокруг, согнутые в коленях ноги несколько раз дернулись вверх-вниз.

Глобус едва не наступил на обезображенную голову Саши. Поскользнувшись, он выронил автомат. Мимолётное замешательство в размышлении: остановиться, упасть и затаиться до лучших

времён или продолжить бег с финтами, затормозило движение тяжеловеса Глобуса. Он неуклюже подвис, как стоп-кадр на плёнке видеомагнитофона, и сразу же получил пулю в шею. Пуля калибром 12,7 мм сломала бедняге позвоночник и оторвала голову. Бронежилет не спас.

Группа гранатомётчиков ополчения сработала четко. Четыре или пять «мух» одновременно залетели точно в поваленное дерево, под которым удобно укрывался расчёт крупнокалиберного пулемёта НСВ-12,7 «Утёс» украинских десантников. Деревце взлетело в щепках, бруствер развалился и задымил, пулёмёт замолчал.

Игорь первым достиг индивидуального окопчика «укров». Он нырнул туда «башем». Но кроме кучи стрелянных автоматных гильз, рваных кроссовок и мятых пустых бутылок из-под минералки, внутри его никто не ждал.

— Ха, ха-ха, ха-ха-аха, — задыхаясь, истерично захохотал Игорь, за шнурки выкидывая кроссовки из окопа. — Маловат размерчик!

Впереди прогремело несколько взрывов. Пыль, земля, куски битого кирпича и облицовочного пластика встали тёмно-серыми столбами между Игорем и административным зданием объекта. Доктор, выпорхнув из дыма, как приведение из ада, прыгнул в окопчик «солдатиком», нечаянно пнув товарища ботинком в плечо.

Снова грохот, свист падающих снарядов, разрывы, стоны, гарь и земля в небе, и ад на земле! Украинская артиллерия, якобы прикрывая отход своих подразделений, мимоходом ударила с десяти километров в самое пекло боя, покрыв и своих, и ополченцев. А украинские десантники — парни не робкого десятка! Улучив момент и побросав оружие, они шустро повыскакивали из траншей и кинулись к полуразрушенным боксам, там внутри имелись подземные укрытия.

— Сердце, думал, ща выскочит изо рта прямо в пыль, пока бежал, — выковыривая землю из ушей, прохрипел Игорь. — Звездец! Пора на пенсию!

— Рановато ты решил остепениться, друг, рановато, — скороговоркой выпалил Доктор, пытаясь восстановить дыхание.

Желая чуть-чуть разгрузить плечи, на которые болезненно давили ляжки рюкзака сзади и медицинская сумка спереди, военврач привстал, по пояс поднявшись из укрытия. И почём зря. Взрывная волна выдернула его из окопчика, тряханула и кинула назад. Боднув незащищённой головой гору гильз от 122-х миллиметровых осколочно-фугасных снарядов, Доктор затих у раскороченного противооткатного устройства обгоревшей и расплющенной гаубицы Д-30.

— Очнулся? Да, очнулся, пульс стабилизируется, — улыбнулся молодой незнакомый парень с прыщавым лицом и жёлто-красным набухшим гнойником на носу. Под краями грязной бейсболки блестели капли пота на взмокших волосах.

Парень, низко склонившись над Доктором, держал его за запястье.

— Что за цирк? — открыв глаза, Доктор сморщился от яркого света. Голова гудела, в ушах свистело, в животе крутило. Он с трудом дышал, с тонким свистом выпуская воздух изо рта, тяжело прокашлялся.

— Контузило тебя, видать, дружище. Нужны тебе полный покой, госпитализация и медсестрички в коротких халатиках, — парень встал, отряхнул свои широкие шаровары. Крупный, пухлый, похожий на добродушного увальня, он протянул сверху вниз руку. — Ты, мужик, говори громче, не пойму, чего ты там бормочешь.

— Доктор я, — вяло представился военврач, подхватываемый прыщавым парнем.

— А я — Шрек, — ответил здоровяк, растягивая тонкие губы в улыбке. — Я и за медбрата, и за носильщика, и за помощника пулемётчика, и за всех на свете. Мы тут раненых собираем. Сказали, за вами сейчас машина придёт. Отвезёт в город, в больницу.

Доктор стоял на ногах нетвёрдо, словно на палубе прогулочного катера в шторм. Его мутило, руки мелко дрожали. Из носа выступили капельки крови. Под глазами надулись синяки.

— Где Игорь? Быстрый где? — заикаясь, выдавил из себя военврач. Его резко качнуло, ноги стали кисельными.

Шрек подхватил Дока сзади, удержал на ногах.

— Не спеши, тебе говорю, машина сейчас сюда придёт. А кто такие Игорь и Быстрый — я не знаю, — пожал плечами Шрек. — А «укры» сдали объект! Кто сбежал, кто в бункера попрятался, кто лапки кверху задрал и к нам повыходил. Говорят, им, которые по подвалам укрылись, ночью коридор дадут живыми отсюда выйти. Милосердие проявят. А я вот не понимаю — столько у нас раненых сегодня, и погибших много, а мы их, значит, выпустить должны! Бред! Я бы этих «нациков», которые по поводу и без любят «зигу кинуть», вычислил бы, и на тот свет отправил!

— Да и болт им в зад. Пусть живут. Хватит насилья. Пора за стол переговоров. Убивая друг друга, мы не принесём мира, — прошептал Док. Он был безжалостно честен в своих мыслях.

Подошли двое утомлённых молодых парней в зелёных панамках с широкими краями и в пиксельных маскхалатах с трофейными армейскими наколенниками. Автоматы за спиной, на лбу бисеринки пота, губы крепко сжаты. Молча уложив Доктора на носики в положении лежа на боку, они устало поплелись к остановившейся неподалёку «мотолыге». Шрек на прощание помахал рукой. На Доктора напозл туман слабости, он закрыл глаза.

Минут через двадцать военврач окончательно пришёл в себя. Оглядевшись, понял, что лежит на броне ползущего по полю МТ-ЛБ среди десятка раненых и контуженых товарищей. Некоторые из них были без сознания, некоторые бессвязно стонали. Доктору стало стыдно. Он должен оказывать помощь этим людям, а он с какой-то несчастной лёгкой контузией валяется без дела. Так не пойдёт, решил Док, сейчас он соберётся силами, возьмётся за работу, и всё будет хорошо.

Несмотря на давящую головную боль и резь в глазах, Доктор заметил плетущиеся в клубах пыли машины позади «мотолыги». Скорее всего, подумал военврач, Игорь ведёт либо эту «таблетку» УАЗ-452, либо проржавевший КраЗ-6322 с укрытым тентом кузовом.

Перед выездом на шоссе, когда санитарная колонна из трёх единиц техники остановилась на обочине, чтобы уточнить, куда точно ехать, направо или налево, Доктор узнал в водителе «таблетки» Игоря и радостно закричал, сигнализируя товарищу жёсткими вялых рук.

Крик его оказался похож на сиплый стон. Однако, сидящие на броне парни в пиксельных масках халатах всё заметили, сделали правильные выводы и подозвали Игоря к «мотолыге».

Уже через пять минут Доктор обливался потом, примостившись на потёртом откидном сиденье посреди санитарного отсека салона «таблетки» Игоря. На двух носилках вдоль бортов лежали раненые в ноги молодые ополченцы, совсем ещё юноши. На полу напротив Доктора, полулёжа на правом боку, устроился мужик средних лет. Его непропорционально вытянутую голову венчал плотный седой ёжик волос. Широкий нос и квадратная челюсть, мохнатые «брежневские» брови, высокий бугристый лоб, изрытый морщинами тяжёлой юности, толстые губы, массивные мясистые уши. Ладони, каждая размером с пятилитровый тазик. «Бог слепил его из больших кусков плоти», — подумал военврач.

Мужик был разут и раздет, в одних лишь широких синих семейных трусах, которые с лихвой скрывали не только его интимные места, но и обильно волосатые ноги до горбатых лысых колен. Небольшой живот с четырьмя квадратами бывшего пресса, достаточно мощная грудь и широкие мускулистые плечи также были щедро покрыты растительностью. Наколки криминального характера и армейские татуировки отсутствовали.

Это был враг. Пленный украинский десантник, раненый пулей навывлет в левую руку. Кровь ему остановили, руку аккуратно перебинтовали. Игорь предупредил Доктора о пленнике, пересаживая конвоира, сопровождавшего арестованного «укропа», к себе в кабину. Другу место в кабине Игорь не предложил по причине отсутствия пассажирского сиденья. Вместо кресла правая половина кабины была заставлена цинками с патронами для стрелкового оружия и завалена автозапчастями. Конвоир промучился всю дорогу, он то полусидя, то полулёжа колотился о железяки, набив себе немало синяков.

Нельзя расслабляться ни на минуту, понимал военврач, положив правую ладонь на приподнятый из кобуры автоматический пистолет Стечкина. Если что, надо сразу стрелять, иначе в такой тесноте непонятно, кто окажется сильнее, если противник решится действовать, и дело дойдёт до рукопашной.

— Я — Володя, я из Чопа. Русский я-то, национальность раньше в паспорте писали, и в свидетельстве о рождении у меня указано: «русский». В Чопе родился, там и жил, и работал. Строитель, плотник я всю свою жизнь, — заговорил пленник, несмело заглядывая Доктору в глаза. — Мобилизован два месяца назад. На Донбассе три недели. Угодил, вот, в заваруху, не повезло. Пулей руку ещё левую, вот, поранило малость.

— Ты, Володя, хочешь, конечно, чистосердечно признаться, что никого ни разу не убивал, да, — через боль улыбнулся Док. Тело его ныло, но глаза искрились насмешкой. — Давай, смелее, раскаивайся, плачь, проси жизни.

— Не убивал, не убивал, точно, — бодро затараторил Володя, попав на нужную волну. — Я по хозяйству занимался, чинил, плотничал, тыловику нашему головному помогал!

— Ага, давай, заливай мои вёдра своим палёным самогонном, — сверкнув глазами, как молниями, кивнул головой Доктор. Голос его задрожал, закипел, забурлил неистово. — Тыловик он, видишь ли!

— Точно так и есть!

— Сейчас ты мне ещё про родителей своих престарелых наплетёшь, про детей своих малых задушевно рассказывать будешь, про несчастных детушек, да жаловаться на непутёвую жизнь и жену некрасивую, с которой в однокомнатной квартире мучаешься...

— Буду, — горячо перебил врача Володя, — буду! Двое у меня мальцов! Вадик и Санька! Четырнадцать и восемь им! На мамку похожие, чернявые оба, добрые, хозяйственные! И учатся хорошо: троек мало! Хлопцы мои, ой меня они любят, всё «батька», да «батька»!

— А вот мои хлопцы, они здесь, — указал Доктор на раненых ополченцев. — В крови своей валяются! Раненые тобой и твоими подельниками бандеровскими! И в поле там, знаешь, сколько хлопцев лежать осталось? И всё после того, как твои дружки, твои «хорошие ребята» из пулемётов нас поприветствовали!

— А что нам делать было? Что? Мне что делать было? Что? Я чем виноватый? — Володя перешёл на крик. — Повестку

принесли! Или тюрьма или война! Війна або в'язниця, а я в клітку не піду! Я сам не стрелял! Я...

— Но ты выбрал войну! Убивать поехал! Решил, что лучше другого кого-то жизни лишит, чем самому на нары сесть? Хорошо ты устроился, Володя, отлично просто!

— А ты бы что сделал? Ты захотел бы в тюрьму? Ты бы себя как почувствовал, когда приходят и говорят: там на нашем украинском Донбассе бородатая нечисть командует, чеченцы и осетинцы хозяйничают! Нам так говорили, — звонко чеканя слова, кричал Володя, — русская армия пришла, кадыровские псы прискакали! Говорили: они украинцев режут, баб насилюют, заводы вывозят, хлеб жгут!

— Много ты тут чеченцев и осетин видал? Много? Говори, сколько? — Док побагровел, закружилась голова. — Говори, сколько ты резаных украинцев видал и баб изнасилованных?

— Не видал, — опустил голову Володя. — Да кто знал тогда. Пропаганда, телевизор, комбат, ребята говорили, твердили все. Поверил. То людина не повірить?

— А что ж ты, как сюда приехал и увидел, что нет тут никаких кадыровцев злобных, назад домой не соскочил?

— Я не дезертир!

— Конечно, ты не дезертир! Ты убийца мирных жителей, — медленно и грозно произнёс Доктор, лицо его омрачилось. — Ты убийца стариков и детей!

— Нет, — исступлённо замотал головой Володя, — нет! Нет, не так!

— Нет? — закричал военврач. — Нет? Да ты в окно посмотри, в окно морду свою собачью высунь! Посмотри, что ты, и такие уроды, как ты, с моим городом сделали! Смотри, гнида, и думай: люди ранены, дети осиротели, стрельба перекрёстная, окопы во дворах, школы брошены и больницы разбиты! Судьбы человеческие в войне горят!

Колонна, как раз втянулась в город. И слева, и справа от дороги виднелись побитые снарядами небогатые домики частного сектора. Изрешечённые осколками и пулями заборы, проломленные крыши зданий, несколько сгоревших легковушек на обочине,

вывернутая наизнанку автобусная остановка, разграбленный магазинчик, покалеченные деревья и кусты. И ни одного человека.

Володя пару минут смотрел в окно. Молча и зачаровано. Не-радостный пейзаж его тяготил, заставлял ощущать неприятное чувство вины. Он, тяжело вздохнув, опустил голову. Прижавшись небритой щекой к плечу, закрыл глаза.

Машину тряхануло на кочке. Доктор, ударившись затылком о кузов, тихо застонал.

— Это, что это было? Кто сюда стрелял, — неуверенно подал голос Володя. — Разве мы, разве, я хотел сказать, разве ВСУ по городу било? Не может быть!

— А кто, кроме как ВСУ? Никто, кроме вас! Если мы наступаем отсюда, от города на вас идём, а вы по нам неделю долбите, кто сюда попал? Вы! Вы-ы! Это вы разрушили мой город, вы убили моих земляков, вы поранили моих родственников! И не будет вам никогда никакого прощенья, — рявкнул Доктор, и глаза его жестоко вспыхнули, — не будет ни-ка-ко-го прощенья! Ни тебе, ни остальным!

— Не может такого быть! Нам говорили, что пушки по кадырцам бьют, по чеченцам наша артуха бьёт, — твердил Володя, сам себя убеждая в своей правоте. — Не может быть, чтобы мы так и по городу! Мы — по координатам же, по чеченцам...

— Воды в городе нет, продукты на исходе, с электричеством проблемы, газ отключен! Вон, гляди, морда, в окно! Мою школу проезжаем, школу, в которую я учиться ходил!

Небольшая двухэтажная школа из белого выцветшего кирпича зияла разбитыми окнами и выбитыми входными дверьми. Из некоторых окон виднелись следы недавнего пожара. Из проломленной в двух местах крыши торчали куски деревянных балок, внизу валялись битые плиты шифера.

— Не может быть... Я не верю... Это не мы... Не верю...

— Водитель! Шофёр! Быстрый! Стой, — закричал Док что есть сил, неистово колошматя локтем по перегородке между салоном и кабиной. — Стой!

Игорь ударил по тормозам. Скрипя истёртыми колодками, УАЗ, подавшись вперёд и качнувшись, остановился. Мотор заглух. В салоне машины стало непривычно тихо.

— Выходи, выходи, сука, выползай! Я тебя прямо здесь расстреляю! Володя, выходи немедленно, скотина, — Доктор ещё ярче вспыхнул ненавистью. Размахивая пистолетом и пуская слюни, он бесновался.

— Нет, нет, нет, — выпучив красные глаза, заклинал ополченца пленник, как заколдованный глядя на мушку ствола пистолета.

— Вылезай, гадина, я тебя на месте шлёпну, — ревел военврач. — Убью за то, что мою школу разбомбил, за то, что Сашу сегодня убил! За то, что Глобуса убил! Смерть и тебе, гадина!

— Не-е-е-ет! Нет, — шептал Володя. Его нижняя губа дрожала, лицо исказилось, голос готов был надорваться.

— Доктор, дружище, очнись, ты чего творишь! Ехать надо, — Быстрый, обернувшись через плечо и оценив обстановку, повернул ключ в замке зажигания. — Угомонись!

— Ты врач? Ты же врач, — радостно заверещал Володя, поводя бровями. — Ты же всех спасаешь, а не убиваешь! Ты не можешь меня убить! Не можешь!

— Не мог! А теперь могу, — уверенно отбил Доктор. — Поставлю на колени, и застрелю! А труп твой поганый на дороге оставлю, чтобы собаки сожрали! Я отомщу за парней!

— Док, прекращай цирк, успокойся! Я понимаю, ты ранен, ты контужен, ты устал, ты зол. Но не надо тебе в это дерьмо наступать. Убьёшь его, и его проблемы закончатся, а твои — только начнутся! Остынь, дружище, — Быстрый через зеркало заднего вида сверлил глазами затылок военврача. — Успокойся!

Доктор мысленно окатил себя ведром ледяной воды, отрезвел, взял себя в руки и ценой невероятных усилий сумел подавить в себе жестокие мысли об убийстве. Со второй попытки он засунул пистолет в кобуру. Пряча свою душевную боль и переживания в глубинах подсознания, Док крепко сжал губы, собрал пальцы в кулаки. Ему вдруг стало очень холодно, он затрясся мелкой дрожью и, шевеля неожиданно заочневшими пальцами ног в ботинках, до крови прикусил язык.

— За что мне всё это? За что? — проронил военврач внутрь себя.

Может, он сделал ошибку, ввязавшись в войну? Может, надо было забрать семью, упаковать шмотки, закрыть квартиру и

уехать в Россию? Поработать в какой-нибудь поликлинике в Ростове и вернуться на Донбасс потом, когда всё закончится? Нет, это неправильно, в корне неверно, нельзя бежать от войны, если она сама пришла к тебе в дом. И вообще, где мы сможем лучше узнать людей, кроме как на войне? А самого себя — где? Только там, где жизнь вплотную граничит со смертью, а смерть — иногда возвращает жизнь. Там, где добро и зло — самые непомерные, неизмеримые, достигающие самых недюжинных высот инстанции. Там, где зло — это бездна, а добро — мягкое солнце в тёплом небе.

Доктор внутренне сжался. Подумалось: может, это сон, и я скоро проснусь, и всё развеется как дым. Но нет, машина, на скорости наехав на препятствие на дороге, дико подпрыгнула вверх, сиганула вниз и, с жутким грохотом амортизируя от асфальта, отозвалась витиеватыми матюками водителя и пассажиров.

«Жив, я жив, и здесь проходит моя жизнь», — опомнился Док, осмотрев себя и своих несчастных попутчиков. Ему стало безмерно жаль всех этих раненых парней в «таблетке», жаль себя и Игоря, жаль Володю. Ему захотелось выть. Захотелось домой к жене. Захотелось к маме на горячие пироги с яблоками, к друзьям на шашлыки у речки, в гараж — покрутить гайки под капотом своего старенького автомобиля, в свой уютный рабочий кабинет в больнице. Ещё никогда на войне Доктору не было одиноко, так страшно и больно, как сейчас.

— Приехали, слава тебе, Господи, и всем твоим апостолам! Все живые, и никто никого не убил в дороге, — устало сказал Игорь. — Выгружаемся, господа, госпиталь!

Кто-то с улицы распахнул задние двери машины, запустив в салон тонны яркого света, потащил на себя носилки с ранеными, помог вылезти Володе и Доктору.

Подошёл, потирая отбитое мягкое место, конвоир Володи.

— Я — Сирота, — закурив, он протянул руку Доктору, некрепко пожал его ладонь. — Ну, я поведу этого урода к врачу или ты сам? Я просто не был тут ни разу, не знаю, что куда и почём.

— Сиди тут, кури, справлюсь сам, — ответил военврач. — Это мой клиент, точнее — мой пациент, и я его об-слу-жу! Рентген сделаю, перевязку, укол. Потом верну тебе. А вот дальше ты уже сам

в комендатуру его, или куда там надо, на бойню, или в тюрьму, или на телевидение.

— Ну, давай, — радостно оскалился Сирота. — Я здесь, если что!

— Пошли, тыловик чёртов, — окликнул Док Володю, направляясь к входу в госпиталь. Тот уныло поплёлся за ним, прихрамывая и поддерживая прострелянную левую руку правой.

Пройдя вперёд по узкому, плохо освещённому коридору, Док подошёл к дежурной медсестре, поздоровался, в красках описал ситуацию с пленным.

— Я поняла, — кратко отозвалась медсестра. — Вы посидите здесь. А мы зайдём на рентген.

— Давай за ней, — прикрикнул Док на Володю. — И без выкрутасов!

Боясь поймать взгляд Доктора, Володя молча пожал покатыми плечами и сделал шаг навстречу к медсестре. Та, записав исходные данные раненого, захлопнула книгу приёма и завела его в рентген-кабинет.

Док медленно опустился на старый стул с ободранной треснувшей спинкой, прислонённой к стене. Скрестив руки на груди, закрыл глаза, ему было нехорошо.

— А-а-а-у-о-а, — заорал кто-то из рентген-кабинета, — су-у-у-ка!

Док вскочил как ошпаренный. Вырывая пистолет из кобуры, он распахнул дверь. Вбегая, едва не зашиб медсестру, спокойно стоявшую у входа. Володя мирно сидел на стуле у аппарата.

— Что такое? Все целы? — Док непонимающе хлопал ресницами.

— Да, конечно, — оторопело отозвалась медсестра. — А что случилось?

— Я подумал, что убивают кого-то. Он вас. Ну, или вы — его!

— А, — медсестра коротко улыбнулась, — это же другой пациент закричал. Вон, там врачи другим парнем занимаются, — она кивнула на раздвижную перегородку, разделившую просторный кабинет надвое, — он и закричал. Вы не переживайте, мужчина, с нами всё хорошо!

— Вот чёрт, — разочарованно выдохнул военврач. — А я уже надеялся кое-кого пристрелить при попытке к бегству, — он посмотрел на Володю. — Ну, не повезло мне.

— Не повезло, — хмуро отозвался пленник.

— Ладно, ведите себя хорошо, я — в коридоре, — бросил Док через плечо, выходя и плотно закрывая за собой дверь.

Разворачиваясь, он нечаянно наступил кому-то на ногу.

— Да что за непруха такая, ё-моё, — растерянно пробормотал Доктор, одёргивая ногу и поднимая глаза. — Извините!

— Ничего, я вас тоже не видела, — отозвался сухой и немолодой женский голос.

— Лариса? — Док от удивления широко раскрыл рот. Одним непрерывным немигающим взглядом он охватил её всю без остатка. — Ты?

— Ты? Неужели это ты? — быстро-быстро мигая, изумлённо вращая головой по непонятной невероятной амплитуде, отозвалась невысокая фигуристая женщина.

Врач-травматолог, однокурсница Доктора, некогда краса всего университета, сейчас она выглядела несколько иначе, чем двадцать лет назад. Нестиранный белый халат плотно облегал её тело с пропорционально выпирающими окружностями сзади и спереди. Неухоженные каштановые волосы были собраны в хвостик на затылке, дряблая кожа лица и некрашенные губы выдавали её с не самой лучшей стороны. Невыразительные, выцветшие зелёные глаза наполнились слезами. Когда-то Лариса была влюблена в Дока, и не скрывала своих чувств, но он тогда почему-то остался равнодушным к её томным вздохам и лукавым взглядам.

— Ты, ты, откуда ты здесь? Как ты здесь? Что с тобой? Ты, — застенчиво шептала Лариса, непроизвольно обнимая однокурсника и крепко прижимая к себе. Она привстала на носочки и неожиданно поцеловала его в сухие безжизненные губы, мягко коснувшись своей растревоженной грудью его жёсткой ребристой груди.

— Лариса, — тихо отозвался Доктор, обнимая податливое женское тело. Он невольно закрыл глаза, мысли его понесли домой, к жене, и так сильно захотелось сейчас её увидеть, её обнять и жарко расцеловать, что у Доктора помутилось сознание.

Лариса глубоко дышала. Давно ничего не происходило в её сознании яркого, светлого, вкусного, одни осточертелые серые будни, однообразные, чахлые и безынтересные медленно ползли сквозь её монотонную жизнь. Муж-алкоголик давно её бросил, детей совместных они нажить не успели, а родители один за другим умерли лет десять назад. Пугаясь спиться и сойти с ума в четырёх углах узкой однушки, Лариса всё своё время проводила на работе, вся без остатка отдаваясь тяжёлому медицинскому труду. Крайние три месяца, с началом гражданской войны, она — выжимая из себя последние соки молодости и здоровья — и подавно сутками зависала на работе, хотя бы здесь чувствуя себя важной и нужной людям.

— Дорогой мой, — её глаза посмотрели с надеждой. — Как ты?

— Хорошо, — слабо отозвался Доктор. Недавняя контузия начальственно вернулась в его голову и забила в набат. — Хорошо.

— Да, да, да, конечно, — Лариса резко отстранилась от военврача, схватила его за руку, и потащила за собой по коридору. Она еле заметно улыбалась, глубокие вдохи колыхали её беспокойную грудь, зелёные глаза ожили и лучились радостной надеждой. — Тебе необходимо срочно умыться! И у меня есть кофе. Я прекрасно помню, как ты любишь кофе — две чайных ложечки на полчашки воды! Сахара и молока, правда, нет, но это не так важно, не правда ли? Главное — кофе, — тараторила она неумолкая.

Они вошли, нет, вбежали в небольшой светлый кабинет в конце коридора. Лариса, положив руки мужчине сзади на плечи, развернула его к зеркалу, висящему над раковиной.

— Вода только холодная. Мыло — тут. Умывайся. Полотенце сзади на крючке. А я принесу кипятка для кофе, — она слегка подтолкнула его вперёд и отчаянно хлопнула дверью, выбегая из кабинета.

Лариса летела по безлюдному коридору сломя голову, ей хотелось быстрее найти чайник и вернуться, чтобы говорить, говорить, говорить. Слишком много вопросов о жизни, своей собственной жизни, набралось у Ларисы, и Док был именно тем человеком, человеком, кто смог бы выслушать и ответить.

— Твою дивизию, — Доктор посмотрел на себя в зеркало и медленно опустился на пол. Подтянув колени к подбородку, он прихватил их руками. Усталый, солёный, пыльный, в чужой

багряной запёкшейся крови, высохший и опустошённый, он выглядел героем фильмов про ходячих мертвецов. — Как же ты меня узнала, Лариса?

Контузия окончательно взяла власть над телом ополченца. Доктор потерял сознание. Но ненадолго. Лариса и невесть откуда взявшийся Игорь привели его в чувство, сунув под нос нашатырь и от души нашлёпав по щекам.

— Нам пора уезжать, брат, — бесцеремонно заявил Игорь, — время жмёт. Мне дважды пацаны звонили. Там вторая партия раненых ждёт. Их уже выносят к лесопосадке. И тебя тоже все спрашивают, сам знаешь, без тебя — как без рук.

— Да, едем, конечно, — едва выпуская слова изо рта, согласился военврач. — Это наш долг.

— Ну, какой ещё долг? Долг! Тебе нельзя! Тебе самому необходимы срочный отдых и покой! Обследование и стационарное лечение, — громко возразила Лариса, крепко скреживая бледные рыхлые руки на груди. — Оставайся!

— Может, в натуре, останешься? Подлечишься! Совсем ты хреново выглядишь, Док! Завтра я тебя заберу, — предложил Игорь. И, чувствуя эмоции расстроенной женщины, улыбнувшись, добавил: — Примешь душ, выпьешь гору таблеток, подлечишься. Поспишь на кровати, на простынке, под одеяльцем, погреешься. С красивой женщиной пообщаешься. Это точно поможет выздороветь! Я тебе как специалист говорю!

— Поехали, — отрезал Док, и подал Игорю руку. Тот осторожно поставил товарища на ноги. Пожав плечами, извинительным тоном предложил Ларисе:

— Если я его после второй партии раненых вам на попечение оставлю, примите?

— Приму, — с отчаянием вырвалось у неё из груди. Она утвердительно кивнула головой, но твёрдый подбородок её дёрнулся, стал бесформенно мягким и вязким, уголки губ завяли, неуместная косметика в складках морщин поплыла, она безутешно расплакалась. Закрывая лицо ладонями, Лариса отошла к окну. Мыслями она возвратилась в своё уныние, и осознание пожизненного одиночества уже вбивало толстый осиновый кол в её сердце, лишая кислорода и надежды на внезапное чудо.

Доктор, бросив осторожный взгляд ей в спину, почувствовал себя форменным негодяем, сначала подарившим женщине шанс на удачу, а потом вырывающим ей душу и бросающим её на съедение дворовым псам. Громко стуча по полу каблуками берцев, так, чтобы заглушить стыдливое биение своего сердца, он покинул кабинет.

Под единственной лампой, висящей на скрюченной проволоке под высоким потолком, в луче рассеянного желтоватого света стояла знакомая медсестра из рентген-кабинета.

— А я вас ищу, — развела она руками. — Где же вы запропалились, думаю.

— Я здесь. Я — вот он. Я нашёлся. А где мой пациент?

— Он на улице, во внутреннем дворе на скамейке сидит, курит. Ждёт вас.

— Добре, спасибо! — Доктор вдруг заметил, что тонкий розовый шарфик, повязанный над отутюженным воротничком халата медсестры, делает её особенно женственной и здорово оживляет её немолодое уже лицо, и снова мыслями вернулся к жене. — Знаете, а вы очень хорошо выглядите, — добавил он, — несмотря на всю эту проклятую войну, вы замечательно выглядите. И это отлично!

— Спасибо...

— Что с тобой, брат? Я тебя что-то не узнаю, — шутливо поддев товарища плечом, сказал Игорь, с понятным интересом разглядывая медсестру. — Ты что, всех баб в госпитале знаешь?

— Это не бабы, это женщины, друг. Наши с тобой боевые подруги, — сухо ответил Доктор, выходя во двор.

— Ну, да, конечно, «подруги», — он раскрылся в широкой улыбке. — Только вот ни фига не наши. У тебя в подругах одни бинты, зелёнки и уколы, а у меня — руль, педали, да колёса!

На старой деревянной скамейке, короткой и кривой как мысли индейца, сидел Володя. Наслаждаясь тенью дерева и горьким дымом третьей подряд сигареты, он чувствовал себя гораздо лучше, чем час назад. Его простреленную руку подлатали, загипсовали, сделали хорошую повязку.

Володя расслабился. Его жизни, как он понял, ничего не угрожало, если бы ополченцы хотели его расстрелять, сделали бы это раньше, не вкладывая никаких усилий в его транспортировку и лечение.

Из стационарной металлической будки, установленной у автомобильных ворот, выбежал охранник — толстый недоброжелательный человек в полувоенной форме и с автоматом за спиной. Нескромно матерясь, он спешно открывал ворота.

Во двор заехала белая легковушка советского производства. Правый бок машины был изрешечён сотней мелких осколков. Сквозь приспущенные стёкла окон слышался детский плач.

— Мужики, чего ждёте, бегом помогать, — крикнул открывший ворота толстяк, рукой подав сигнал ополченцам. — Детей раненых привезли! Гранатой их шандарахнуло!

Игорь и Доктор подорвались к машине. Водитель автомобиля и охранник помогли выбраться с переднего сиденья молодой женщине с обмотанной бинтами головой. Сквозь белые марли проступала ярко-красная кровь.

Доктор с Игорем распахнули задние двери машины и осторожно подняли на руки двух девочек. Одна, что постарше, лет семи, была ранена в обе руки. Видимо, она пыталась защитить ими лицо во время взрыва. Плача навзрыд, она тряслась всем своим немощным тельцем. Её побитые руки, плетью повисшие вдоль туловища, кто-то невпопад обмотал бинтами и тряпками. Вторая, пяти лет от роду, худая и бледная, испуганно хлопала длинными ресницами, молча переживая боль осколочного ранения в левую ногу, бегло обвязанную лоскутами цветастой футболки. Тонюсенькие её ножки дрожали, белые носочки и сандалии были перепачканы кровью.

— Твари они конченные, недочеловеки, — свирепо хрипел водитель. — Пьяные «нацики» швырнули гранату, когда мы мимо их блок-поста проехали. Документы проверили, «всё нормально» сказали, «добре, їдьте, люди добрі», и гранату в нас! Не знаю теперь...

— Всё будет хорошо, — заверил его Док, прикидывая возможные последствия ранений. — Не смертельно! А «нацики» — они, да, суки конченные! И своё они скоро получат!

Мужики занесли детей в больницу и передали врачам. Те немедленно приступили к неотложным в таких случаях действиям.

А во дворе, в раскидистой тени дерева, на скамейке, кривой, как мысли Порошенко, молча плакал Володя. Плечи его непослушно ходили вверх-вниз, в горле стоял ком, руки тряслись. В глазах стояли раненые девочки, в уме — Вадик и Санька, что ждали его дома.

УМОЧКА

Где-то совсем рядом вновь гроыхнуло. Судя по звуку — крупнокалиберный миномет. Умочка уже научилась их различать. Мина свистит, как противный холодный ветер в разбитое окно. Снаряды от больших пушек воют и стонут протяжно, с каждой секундой все громче, подобно стремительно приближающемуся поезду. Поначалу она пробовала считать разрывы — далекие и близкие — но их было так много и все они сливались в такой сплошной, непрерывный гул, что она быстро сбилась. Потом решила считать только те удары, что попадают в их дом. Сегодня насчитала уже восемь. Впрочем, только лишь за сегодняшний день или вместе с вчерашним — Умочка не знала, потому что она начала считать с того момента как проснулась. И хотя то недолгое, мимолетное забытие, что периодически охватывало ее, нельзя было назвать сном, время от времени она погружалась в состояние легкой отрешенности и отчуждения, в которые успевала чуточку отдохнуть. Что там на улице — утро, вечер или глубокая ночь, было неизвестно.

В подвале стоял абсолютный мрак, электричества здесь никогда не было, все свечки выгорели, фонарик и телефон разрядились, а делать светильник из кусочка бинта или марли, смоченного постным маслом, как получалось у мамы, она не умела. Да и масло закончилось.

— Умочка, я быстро сбегаю домой и вернусь. У тебя, поди, ножки уже заледенели. Побудь здесь и не вздумай выходить. Услышишь, кто крадется — задуй коптилку и сиди тихо, поняла?

— Мамочка, я кушать хочу... — Умочка всхлипнула, готовая расплакаться.

Мама прижала ее к себе, чтобы не показать своих слез.

— Сейчас я приду, принесу покушать. И одеялко твое с осликами прихвачу...

— Мамочка, ты только без меня в Горловку не уходи, ладно?
— Конечно. Мы вместе уйдем... Сиди тихонечко, я скоро.
И убежала, не теряя драгоценных минут.

Мама всегда ее так называла — Умочка. Реже — просто Умница или Леночка. Уже в пять лет она считала до тысячи, знала наизусть таблицу умножения и сама читала старую книжку сказок братьев Grimm, много лет пылившуюся в шкафу, недавно найденную и ставшую теперь любимой. Ну, разве не умница? Если бы в прошлом году можно было пойти в школу, она обязательно стала бы отличницей. Но школу разбили еще летом. Пустые глазницы ее вырванных окон смотрели теперь на изуродованный, разрушенный город, словно спрашивая отчаянно-удивленно: «Неужели сюда никто не придет?».

Мама ушла давно. Третьи сутки Умочка сидела одна в черном, сыром подвале на старой кушетке и ждала. Холодно и страшно... Старый плед согревал плохо, но ее спасением была внезапно пришедшая оттепель, прогнавшая на время вон из города слякотную зиму. Очень сильно хотелось кушать. Последний раз она ела черствое, овсяное печенье, когда мама была еще рядом и с тех пор, как она убежала в Горловку, у Умочки не было во рту ни крошки. Еще сильнее хотелось пить. Вода в бутылке закончилась, набрать новой было негде. Несколько раз Умочка порывалась выбраться из подземелья и убежать в соседний подъезд, на пятый этаж, в свою комнату, но обстрел не прекращался ни на минуту. Кроме того, она была послушной и, пообещав сидеть и ждать, должна была сидеть и ждать.

Поначалу она звала маму непрерывно, хотя и понимала — Горловка далеко и конечно мама ее не услышит. Быстро охрипла и теперь сидела тихо, без слез, замерзшая, истощенная и измученная, прислушиваясь к чудовищной какофонии звуков.

«Мама вернется, — думала она. — Не может же она бросить меня здесь одну?»

Невдалеке стрекотали автоматы, звук которых она тоже научилась различать отлично. Совсем близко раздался оглушительный, воющий девятый удар, затем какой-то противный шум,

напоминающий шелест сухой листвы, гоняемой по асфальту осенним ветром. Этот новый звук был таким же зловещим, как и остальные, так что Умочка юркнула с головой под спасительный рваный плед и захныкала:

— Ма-а м-а!!

Никто ее не услышал. В доме, стоявшем на окраине, не было ни души. Все, кто мог, покинули его, прихватили нехитрые пожитки и уехали прочь от смерти и разрушения. Даже соседка, одинокая тетя Люба, поначалу сидевшая с ними, воспользовавшись недолгим затишьем неделю назад, тоже убежала в Горловку.

— Тикать надо отсюда. Видно, толку никакого... Дальше — только хуже будет, — говорила она маме.

— Куда тикать? И на чем? Таксисты ни за какие деньги не повезут... Под пули никто не ползет.

— Значит пешком уходить. До Горловки, до окраин, всего-то километров семь-восемь. Дойти можно. Там вроде и магазины еще работают.

— А дороги? Все ж простреливается. Да и в Горловке несладко. Говорят, утюжат ее твари не меньше нашего. Из огня, да в полымя?..

Тетя Люба вздохнула и перекрестилась.

Потом она ушла за водой и уже не вернулась. Мама сказала, что знает точно — тетя Люба все-таки добралась до соседнего города, сидит теперь в теплой, светлой квартире и их поджидает. Тогда же Умочка поняла — чтобы не возвращаться в этот подвал, нужно идти в Горловку. Вот тетя Люба там и оказалась. И мама тоже.

Наверху, шестые сутки продолжался самый мощный и жестокий обстрел из всех, что переживали города Донбасса. Даже Донецк не видел ничего подобного. Маленький Угледорск уничтожали безжалостно и беспощадно, вместе с его оставшимися немногочисленными жителями. Все, что стреляло — крупнокалиберные минометы, тяжелые гаубицы, «Грады», «Ураганы» — летело в город. Шестые сутки несчастных убивали за отсутствие у

них национальной сознательности и наличие сепаратизма. Люди погибали в своих домах и квартирах, в погребах и подвалах, без надежды на спасение, и, не понимая, по приговору какого вселенского суда и во имя какого мира их, обычных трудяг, массово истребляет страна, которую еще несколько месяцев назад они считали своей. Жертвы исчислялись десятками, раненые умирали без первой помощи, убитых невозможно было похоронить. У многих из-за многодневного нервного напряжения исчезал инстинкт самосохранения: не выдержав колоссального стресса, люди помрачались рассудком, выбирались с руганью из укрытий на улицы, в бесплодных попытках отыскать убийц своих родных и погибали тут же, от осколков или пуль.

Восемь дней назад, 28-го января, части армии ДНР начали наступление на город, создавая плацдарм для броска на Дебальцево — крупнейший железнодорожный узел, откуда украинская артиллерия еще доставала по «Углику» и била по нему без передышек. Дебальцевский мешок затягивался все сильнее, вопрос расчленения и уничтожения восьмидесятичной группировки теперь был делом времени, которое, впрочем, во избежание попыток деблокады, нужно было торопить.

Наступление подходило к кульминации — передовые механизированные бригады к 5-у февраля вошли в Углегорск. Стало ясно, что его не удержать — ополченцы уже зачищали немногочисленные разрушенные районы и отдельные улицы, но нанести городу максимальный урон, превратить его в руины, было еще возможно. Оттого украинские «Грады» били по городу из Дебальцево, почти не смолкая все эти дни, и таки добились больших успехов — центр города перестал существовать.

Всего этого Умочка, конечно, не знала, как не знала, что минутой назад от удара мины их подъезд сложился и рухнул. Она сидела в непроницаемо-темном подвале, пыталась согреться, закутавшись в грязный плед и жала маму. Ее чуткий слух уловил, что сплошной гул исчез, что между взрывами теперь появляются интервалы, иногда довольно большие, так что она успевала досчитать до тридцати. Интенсивность обстрела постепенно падала, и это было хорошим знаком. Но теперь к этим уже привычным

звукам, прибавился еще один — в подземелье лопнула водопроводная труба и вода медленно, но неумолимо стала заливать комнаты и коридоры. Теперь Умочка могла напиться. Она встала, нашла по звуку, ощупью, злосчастную трубу и подставила ладонки под ледяную струю. Мама никогда не разрешала ей пить воду и молоко из холодильника и теперь, чтобы не простудиться, она пила маленькими глотками. Вода была невкусная, с привкусом сырых опилок, но это была вода. Холодная и самая настоящая.

Выстрелы почти смолкли, лишь где-то невдалеке, как назойливые трещотки, стучали автоматные очереди. Послышались человеческие голоса, явно приближающиеся к входу. Солдаты! Она не могла слышать весь разговор, но догадалась — они кого-то ищут. Может быть ее? Умочка прижалась к мокрой стене и замерла, как мышка.

Два ополченца, черные от дыма и копоти, оглохшие от бесконечных выстрелов и взрывов, смертельно уставшие от нескончаемого боя, пробирались по разбитому двору разрушенной пятиэтажки, между грудями мусора, обломками кирпича, штукатурки и битого стекла.

— Слава Богу, хоть здесь никого, — хрипло сказал один из них — коренастый, с темной, густой бородой.

— Дом на окраине. Вот все и смылись. Но снайпер где-то здесь, я уверен. Шмаляли отсюда.

— Был бы отсюда, мы бы здесь уже не стояли...

— Ладно. Давай на лестницу. Прошерстим все и назад... Смотри-ка. — Боец с аккуратным, тонким, едва приметным белесым шрамом на левой скуле, указал автоматом на посеченный кирпичной крошкой труп у входа с маленькой раной на груди, уже пропитавшейся и успевшей высохнуть кровью.

Бородач выругался:

— Твою дивизию! Я уже задолбался их собирать.

Они подошли ближе.

— Красивая, — заметил тот, что со шрамом и вытер лицо рукавом куртки, так что белесая полоса стала видна отчетливей. — Давай, борода, на этаж, а потом заберем ее. Хлеб-то подбери. Пригодится... Жрать нам сегодня будет некогда.

Коренастый поднял валявшуюся рядом краюху, сунул ее в карман, и они потопали по лестнице.

На этаже никого. Быстро спустились вниз.

— Как тащить-то будем? — Бородач примерялся, за что ухватиться.

— Руки, ноги целы и ладно... Погоди, может, она с закладкой? Хотя... не похоже. Ее недавно убило. Когда б ее минировали? Стоп! Она, наверное, в подвал спускалась... У тебя фонарик есть?

Бородач молча достал фонарик из сумки, поправил разгрузку.

«Заложить закладку — много ума не надо» — подумал он, но ничего не сказал и осторожно стал спускаться по крутой лестнице вниз, в зияющее черное нутро.

Умочка от страха едва дышала, а солдат пропетлял по низким коридорам, зашел в комнату, где она ждала маму последние дни, выхватил из непроницаемого мрака пустую кушетку и вновь выругался — фонарик «сдох».

«Черт, ночник в бэхе оставил, хрен что увидишь теперь. Если укроп где-то здесь, я не жилец» — мелькнула у него мысль.

— Эй, есть кто-нибудь? — позвал он без энтузиазма и прислушался. Ничего, кроме шума воды не уловил и стал ощупью выбираться на улицу. Ко всем бедам, в его стоптанные берцы проникла вода, и простуда теперь ему была гарантирована, он это знал точно.

— Нет там никого, — доложил он, поднявшись на поверхность и стуча ладонью по фонарику, пытаясь его реанимировать. — А что Петрович не телится? Вторую неделю прошу его выдать мне нормальные ботинки, все «потом», да «размера твоего нет»! Я что, богатырь?

— Петровича позавчера убило...

— Да ты что?!

— Я не видел — в штабе сказали. Ладно... — вновь повторил Меченый, стряхивая воспоминания и усталость. — Времени нет. Вон, одеяло валяется. Давай, заворачивай, легче будет... Поверни ее, а то козлов испачкаешь, потом не отстираешь...

— То не козлы, а ослы. У моей дочки такие же были.

— Один черт.

Они завернули труп и понесли в сторону развороченного шоссе.

— Не дело это разведки — двухсотых таскать, — кряхтел бодроч, хлюпая мокрыми берцами. — Эх, спина моя казенная...

— Тащи борода. Еще местных надо успеть на Горловку отсорттировать, пока тихо.

Голоса растворились в слякотно-сером мареве. Солдаты ушли. Из обрывков фраз Умочка мало что услышала, ничего не поняла, но дядьки упоминали Горловку. Может, они отвезут ее туда?

Вода уже полностью залила цементный пол и все прибывала. Спрятаться от нее теперь было негде. Умочка нащупала на столе рядом с кушеткой забытый свернутый мамин пакет с документами, сунула его под мышку и пошла к выходу, постоянно натываясь на мусор, переплетения труб и ящиков под ногами. Фонарик ослепил ее, до сих пор в глазах, несколько дней не видевших свет, стояли блики, но все же она довольно быстро отыскала крутые ступеньки и выбралась наружу.

Мир встретил ее сумрачным, безнадежным небом без солнца, грязью и сыростью. Двор было не узнать. Всюду груды битого кирпича, искореженного железа, щепы и стекла. Дом был разрушен, лишь кое-где торчали остовы обшарпанных стен, словно уродливые сталагмиты, тянущие свои щупальца к свинцовым тучам. Он лежал на израненной воронками земле огромной, безобразной мусорной кучей, в которой теперь ни за что не отыскать книжку братьев Гримм. Умочка готова была расплакаться, но в этот момент со стороны дороги послышался шум людского моря и фырканье разворачивающихся автобусов. Наверное, Горловка где-то там. А может мама вернулась, чтобы забрать ее? Она побежала, сколько хватало сил к шоссе, где возле остановки собралось до двух сотен теперь уже бывших жителей Углегорска.

Город был мертв. На последнем издыхании он вытолкнул из своих подземелий и подвалов этих счастливых (или несчастных), кого сумел укрыть от всепроникающей смерти, онемел и замер. Жизнь в нем остановилась. Будь он большим, как Донецк или Луганск, возможно, он пережил бы эти дни и выжил. Но «Углик» был крошечным, невзрачным, ничем не примечательным, кроме своих трудолюбивых жителей. Всего лишь несколько суток жестоких боев превратили его в призрак.

Подъехали еще три больших военных грузовика. Умочка побежала к толпе. Никто не обратил на нее внимание. То тут, то там раздавались глухие рыдания, попеременно с гомоном и суетой. Всюду были видны узлы, тюки, клетчатые, цветастые челночные сумки — символ нищеты и страданий — дети, подростки, старики и старушки, кошки, собаки, попугаи, даже аквариумные рыбки в трехлитровой банке. Люди, для которых прошлая жизнь закончилась и тут же, на разбитой остановке, начиналась новая, спешили быстрее убраться от взрывов, взяв с собой, что можно было взять, оставив остальное в воспоминаниях.

Мама нигде не было. Ополченец со шрамом приметив девчужку в грязной кремовой курточке, подошел к ней, вытащил из кармана яблоко и присел на корточках:

— Держи. — Затем спросил: — Как тебя зовут?

Умочка набралась храбрости, взяла яблоко и сказала едва слышно:

— Умочка.

— Умочка... А где твои родители? — И не дожидаясь ответа, выпрямился и спросил громко:

— Чей ребенок?

За несколько кварталов раздался взрыв, затем еще один — громче и ближе. Земля вздрогнула, из еще кое-где целых окон неподалеку посыпались остатки стекол — начинался новый обстрел. Люди на остановке запаниковали, женщины зарыдали в голос.

— В кузов быстро! — рявкнул Меченый и толкнул рядом стоящего мужчину в кожаной куртке к грузовику.

Кто-то залег в мерзлую грязь. Ополченцы поднимали их криками по матери, кому не помогало — пинками и толкали к грузовикам. Остальные принялись, не теряя ни минуты сами грузиться в транспорт.

Умочка боясь, что ее бросят здесь, заплакала и сказала сквозь слезы как можно тверже:

— Мне нужно в Горловку. Меня там мама ждет.

Ближайший к ним автобус был уже полон, но Меченый не растерялся — подхватил ее и передал на руки женщине в дорогой шубе, сидящей у двери.

— Возьмите. На месте разберетесь, что...

Затем постучал по стеклу и замахал руками, давая знак водителю:

— Гони быстро! Сейчас сюда прилетит! Быстро! Быстро!

Автобус поспешно ретировался.

Умочка сидела на коленях у незнакомой женщины, пытающейся расспросить ее о чем-то, но из-за гвалта ничего не слышала. Она смотрела в окно, на черные поля и проплывающие мимо редкие, израненные деревья, которые, казалось, машут ей вслед голыми ветками и желают доброго пути, ела яблоко и по лязгу гусениц с противоположной стороны, считала проносящиеся танки.

Она ехала к маме.

Найдет ли она ее? Увидит ли вновь?

Будем верить.

КОРРЕКТИРОВЩИКИ

Ночью небо распухало грохотом, и колелось крупными кусками, медленно опадая вниз. Не успевшие съехать из города обыватели замирали на месте и отпрыгивали от оконных рам подальше, в коврово-кафельные утробы малогабаритных квартир. Улицы были пустынные. Изредка по ним проносились машины в пятнах и полосах неопределённого цвета, изображающих из себя камуфляж. Июль подходил к концу.

Кабинет бывшего гражданского ведомства был приспособлен под кабинет спецслужбы примерно так же, как бывший пафосный джип снежно белого цвета приспособиливают под нужды войны. Но если машину просто измазали побелочной кистью аляповатыми пятнами, то в кабинет притащили невесть как сохранившийся портрет Феликса Эдмундовича с хитрым прищуром и приклеили к блеклым обоям топографические карты. На стене висели две разгрузки, у стола валялся бронежилет 4-го класса. На разлапистом сейфе грудой лежали тубусы «мух». Все стулья были чрезвычайно хлипкие, с разболтанными ножками.

Поэтому начальник батальонной разведки, мощный мужчина в горке, весь увешанный разнокалиберным железом, предусмотрительно уселся сразу на два из них, прислонённых к стене для вящей устойчивости. Позывной у него был хороший, боевой. Звали его Боря, но вообще сам он предпочитал именоваться «Гром».

«Гром» пришёл поговорить о мировой политике, о духовных исканиях, о придворных интригах, о королях и капусте. Но вообще, предполагалось, что он докладывает оперативную информацию.

— Они заменили всех англосаксов на поляков и прибалтов. Блэквотерсы и все остальные своих бойцов вывели. Ещё артиллерия у них появилась иностранная.

— Это как? — первый оперативник, который за полтора месяца наслушался историй о королях и капусте на год вперёд, старался

выглядеть заинтересованным и умным, чтобы не обидеть заслуженного командира. Борю он, на самом деле, уважал, потому, что Боря, может, и отличался несколько неумеренной фантазией, но зато умел бесшумно двигаться на пересечённой местности, чуял растяжки и в рискованные рейды ходил с видимым удовольствием.

— Они стали по-другому стрелять совсем. Так стреляет арабская артиллерия, я знаю точно. Мы, когда в Египте были на задании, видели, как они работают. Ни с чем не спутаешь.

— А что, Боря, у арабской артиллерии какой-то особый почерк стрельбы?

— Ну да, а как же! Они теперь чётко работают по квадратам, кладут вот так, так и так, — Гром посредством пальцев и поверхности стола реалистично изобразил характер попаданий артиллеристов по боевым порядкам ополчения, — а потом они смещаются и уже отсюда делают вот так и вот так. Я вам точно говорю — у них там арабские наёмники теперь. Они бы сами так не смогли.

Возникла пауза. Обитатели кабинета, считающиеся одновременно и разведчиками, и контрразведчиками, внимательно рассматривали мужественное лицо «Грома» и впечатляющую картину артралёта, воспроизведённую им только что.

— Боря, знаешь, последние великие победы арабской артиллерии относятся где-то к XIV веку, кажется, что-то связанное с Кордовским халифатом...

— Да вы просто не понимаете! Раньше они стреляли как попало, а теперь вот так и вот ещё так! — Боря для убедительности снова повторяет на столешнице свою комбинацию из пальцев и листиков.

— Не, это понятно. Но, может, просто молодой украинский лейтенант нашёл старое, советское пособие по стрельбе и сделал всё так, как рекомендовал делать преступный коммунистический режим?

— Нет, исключено. Арабская артиллерия точно так же стреляла и в Египте. Наши так не могут. Это их школа, арабская. Я ж говорю, что видел это всё, знакомый стиль.

— И как? Успешно?

— Конечно! Знаешь, как они тогда жидам навалили на Синае?

— Боря, а ты какого года рождения?

— 1972. А что?

— Да не, просто спросил.

Второй контрразведчик, не доверяя собственной памяти, тихонько ввёл во всезнающий «Яндекс» поисковый запрос, и уже через несколько секунд бегло просматривал историю Арабо-Израильских войн. По всему выходило, что младенец Борис под бомбами израильского агрессора подносил снаряды доблестным арабским артиллеристам, ведущим бои по освобождению пустынного Синайского полуострова. Мало того, что подносил, так ещё и запомнил, как и куда они стреляли. И всё это — с редкими отрывками к мамкиной титьке. Впрочем, в ополченцах кого только не встретишь. В том числе и боевых карапузов, воевавших в самых экзотических местах и подразделениях.

— Ну, хорошо, пусть будут арабские артиллеристы — оперативник поднял руки, сдаваясь под напором опыта и ценных сведений.

— А вот ещё про наёмников. Там мой снайпер китайца ... — начал было Борис, не обращая внимания на искажившееся мукой лицо собеседника. Но, небеса, видимо, услышали беззвучный вопль и во спасение нервов послали господам офицерам спасительный телефонный звонок.

— Что? Кого задержали? Ну, так везите сюда. Ну да, в их машине и везите. Нет, мешки на голову не обязательно. Давай, ждём.

— Что там?

— Взяли магазинщиков на блокпосту. Сейчас привезут. За варом ехали.

— Так я за китайца... — Боря, как всегда был настойчив.

— Ой, Боря, ты извини, мы сейчас будем заняты, давай в другой раз.

— Не, ну снайпер же мой его снял, вот, он у него монетку из кармана... А там ещё негры были!

— Давай где-то через пару часов, Борь, ну реально заняты.

— Ну, давайте. Я, как раз, монетку принесу, сами увидите. Китайский наёмник, точно. Они на нашу Сибирь зарятся...

Клацая прикладом об ножки стола «Гром» встаёт, но продолжает на ходу рассуждать о коварстве китайской военщины,

происках жидомасонов и всего мирового олигархата. Аккуратно протискиваясь в дверь, он логично переходит к искажённой и оболганной иудеями древней истории славяно-ариев и, провожаемый сочувственными кивками, исчезает в коридоре. Он реально очень крупный, а борода, разгрузка и берцы увеличивают его раза в полтора. Когда за Борей закрывается дверь, первый контрразведчик, бабушку которого зовут Фира Соломоновна, важно гладит себя по лысине и поднимая очи горе:

— Мы — повсюду. Нет от нас житья простому русскому человеку, даже в Новороссии.

— Когда обрезание примешь, тогда и не будет житья.

Минут через двадцать прибывает ополчение — два сильно не бритых мужика в относительно новой «флоре» и с карабинами СКС. Первым они заводят в кабинет высокого мужчину с густой гривой волос в стиле 1960-х. Мужчине чуть за полтинник, он мог бы выглядеть мужественно, но отвислый, безвольный животик, сутулость, нервные пальцы портят впечатление. Рельефные скулы, загорелость, чётко очерченный подбородок могли бы сделать его имидж более фактурным, но водянистые, голубенькие глазки напрочь всё перечёркивают. Мужчина боится и нервничает. Когда-то он действительно был председателем небольшого колхоза, выступал на собраниях, даже ездил на партийные конференции в область, был на хорошем счету, но коммунизм закончился, а коммунист превратился в коммерсанта.

Теперь в его магазине отоваривались украинские воины. Они заказывали ему продукты и хорошую водку, за которыми он вынужден ездить с оккупированной территории, на свободную, контролируемую ополчением.

Председатель прекрасно знал, чего от него хотят эти двое в пыльном кабинете с портретом Дзержинского и это знание только усугубляло его страдания. Он просто хотел жить, так, чтоб его никто не трогал. Он по-своему честно любил Ленина, кумачовые транспаранты и марксизм-ленинизм. Когда всё это отменили — он также честно стал любить жёлто-голубой флаг, мову и Шевченко. Флаг он аккуратно вывешивал на магазине к праздникам, вставляя в тот же флагшток, в который раньше вставлял красный. Никакого

фанатизма в нём не было — просто нужно было как-то выживать, кормить семью. Вот и всё.

Сотрудничать? Ну да, конечно, помогу... Расположение постов? Нет, не в курсе. Имена офицеров? Не знаю. Дислокация артиллерии? Не, не видел. Танки? Ой, не помню даже. А так да, помогать готов.

Разговор длился больше часа и глаза первого оперативника начали превращаться в тусклые стекляшки, что свидетельствовало о глубоком, внутреннем желании срочно заняться радикальной коррекцией несовершенного, внешнего мира. И начать эту перестройку следовало с кардинального форматирования унылого председателя, сжавшегося на стуле. Желание было острым, но сдержать его удалось.

— Федя!

Из коридора в кабинет вдвинулся Федя, которому было поручено транспортировать председателя в подвал, а на его место доложить председательскую жену.

Женщина оказалась статная, кареглазая, довольно высокая — характерный типаж донской казачки. Инициативу она немедленно взяла на себя.

— Шо? Да ну, хлопцы, да я ж вижу, откуда вы. А шо надо? Ой, ладно вам, шо я, не понимаю. Вы говорите, шо сделать, не пожалеете. Кто? Муж? Ой, да шо вы с ним время тратили, оно ж ни бэ, ни мэ. Вы со мной разговаривайте. Шо надо? Гранату бросить танку в люк — я брошу. Мину — не, сама не смогу, вы покажите сначала — я им поставлю. Да оно ж твари, бандерня. Не, не жалко. Гранату дайте, или две. Я сегодня же брошу им в танк. Он вечером с открытыми люками, там их механик дрыхнет. А гаубицы у них ось тут, в балочке, под вышкой. Есть карта? Я покажу. Ага, вот здесь. И вот тут, в посадке. Вот тут ферма, а вот дорога и по-над посадкой у них самоходки ещё. Не, точно не танки, это самоходки.

Гранат ей, по соображениям безопасности, всё-таки не дали. Яду, который она хотела подсыпать в бутылки и напоить адской смесью нацгвардию — тоже не дали. Сошлись на том, что в следующий раз она привезёт план предполагаемых минных полей и точную схему позиций артиллерии. С мужем больше ни словом не

обмолвились и за руку не прощались. Он сутулился ещё больше и прятал глаза.

Сожравшая на дорогах Донбасса минимум две ходовых машины, тяжело гружёная ящиками с водкой, консервами, колбасой дёрнулась, фыркнула дымно и резво побежала в сторону украинских блокпостов.

— Нда... Женщина прям былинного масштаба. Коня об избу убьёт, пожар устроит на счёт раз-два.

— Ага. Коня потом на консервы.

— Может, всё-таки надо было ей гранату дать?

— С такой энергией ей гранаты противопоказаны, во избежании самоподрыва.

Уже в сумерках приволокли с дальней позиции ещё двоих. Руки стянуты за спиной, на головах намотаны какие-то тряпки. Лихого вида боец с узким, загорелым лицом стоял над ними, небрежно поигрывая огромным, зазубренным по обуху ножом. Ногой он картинно попирал согбенную спину одного из тел. Ещё трое таких же бойцов стояли поодаль и изображали людей, совершивших стандартный, каждодневный подвиг. Взгляды их имели несколько отсутствующее выражение, что должно было подчеркнуть, что вот, мол, мы там, вместо вас, лодырей тыловых, сделали всю вашу работу, но благодарности не ждём, потому, что от вас, бездельников, простого спасибо не дождётся, не то, что орденов за ратный подвиг.

— Это кто ещё?

— Корректировщики. Вот, поймали час назад.

— А из чего это следует, что они корректировщики?

— А к командиру вопросы. Сейчас придёт.

Командир не пришёл, а позвонил. Говорил, как всегда, отрывисто, внятно и отстранённо.

— Вам передали двух человек?

— Так точно. Вот, стоим возле них.

— Разберитесь с ними, возьмите показания. Утром расстреляйте. Об исполнении мне доложите.

— Разрешите вопрос.

— Слушаю.

— Почему решили, что они корректировщики?

— Днём был сильный обстрел. А эти двое стояли в Демьяновке возле магазина и разговаривали по телефону. И смеялись. В общем, разбейтесь с ними, потом доложите, мне некогда.

Опера переглянулись. Одно из тел слегка мычало.

— Ну, корректировщики, так корректировщики... Одного в подвал, второй — в кабинет.

После не особенного длительного дознания обоих дураков окончательно развязали и велели дожидаться во внутреннем дворе. Заодно и подмести его.

Вызвали командира, внешне не производящего никакого востановления впечатления. Не Терминатор нисколько. Весь мягкий, с благообразной бородой, округлый, приземистый. С такими же круглыми ладошками. Глаза выдавали. Глаза были холодные и внимательные. Волчьи.

— Расстреляли?

— Никак нет.

— Почему? — глаза обращены на обоих без всякого видимого выражения. Так мог бы смотреть электросчётчик, учитывающий вместо киловатт-часов чьи-то души.

Командиру подробно объясняют. Демонстрируют ксерокопии и объяснения. Глаза неуловимо меняют выражение. Теперь это не счётчик. Это усталый зверь. Он охотился. Он уже готов был прихлопнуть лапой добычу, но в последний момент сдержался. И из-под страшных когтей прыснул в кусты невеликий зверёк. Перекус-то на один зуб был, ни туда, ни сюда. Жалко ли стало? Или добыча недостойна породы? Может и так, а может и по-другому.

— ...поэтому вот этот, Гончаренко, состоит на учёте в местном психоневрологическом диспансере ещё с 2005 года, а второй, Тихонов, должен был сегодня вставать на учёт, почти с тем же диагнозом. Но вместо психушки они поехали в Демьяновку, чтоб посмотреть, «как бабахает». Никакого отношения к украинской армии они не имеют, никогда не служили. Корректировать они могут разве что, велосипед, да и то, если сильно сосредоточатся.

Командир покачивает головой и разводит руками.

— Вот ведь... Ну идиоты же...

— Не совсем. Шизофреники.

— Да всё равно. Вы не представляете, как там. Кроют «Градом», всё свистит, там половина, если не больше, необстрелянных. У них и так нервы на взводе. А эти стоят, гогочут. Их бы там, на месте прямо положили, если бы меня рядом не было. А если бы при них было что-нибудь, хоть бинокль — сто процентов бы положили.

Оперативники переглядываются и ухмыляются. Командир недоверчиво отстраняется и снова взгляд набирается стылой внимательностью.

— Что? Всё-таки был бинокль?

К нему разворачивают экран ноутбука.

— Это переписка Гончаренко ВКонтакте. Вчерашняя.

Серый: Аня, да всё там нормальна будит. Я поеду проста посмотреть

Annet: Ой, Серёж я за тебя беспокоюсь. Там же опасно видь может не поедиш ? Там стреляют «грустный смайлик»

Серый : Я просто пазырю и вирнусь.

Annet: «смайлик», «смайлик», «смайлик с сердечком»

Серый: У миня дома бинокль, думаю взять

Annet: Нет. Лучше не бери.

Серый: Почему ?

Annet: Если тебя там с биноклем поймают то подумают что ты шпион и расстреляют

Серый: ну ладно «смайлик»

Annet: две строчки смайликов и сердечек.

Лицо командира цветёт улыбкой.

— Он теперь на этой Ане должен, как минимум, жениться. Ну, или ящик шампанского, хотя бы.

— Так он уже и так женат. Правда, не на ней. А про Демьяновку он только Ане этой и рассказал, жене ни слова.

— Вот так нас женщины и спасают... — командир непривычно задумчив и расплывчат — иногда спасают, иногда губят. Но чаще спасают, сами того не зная.

На улице глубокая ночь. «Корректировщики» давно подмели двор и сидят на ящиках, сосредоточенно курят. С другой стороны

здания, прямо у мешков с песком, их терпеливо, но на нервах, ждут родители одного и жена второго, цепко ухватившая за руку мальчика лет восьми. С юга небо снова сыпется сполохами и раскатами. Мелко дрожат стёкла. Обречённо зудит запутавшаяся в слоях светомаскировки муха.

Настоящий корректировщик, путаясь в цифрах таблиц и листах карт, на повышенных тонах собачится с командиром батареи, который уже не понимает, какой брать прицел и в какой квадрат отправлять своё тяжёлое железо. Его природа артиллериста временами берёт верх над природой советского военного, всю жизнь прослужившего в армии мирного времени. Артиллерист азартен и намерен взять цель в вилку. Советский военный вообще не понимает, как он оказался здесь, в этой степи, откуда на нём петлюровские трезубцы и почему его орудия стреляют не по НАТОвским милитаристам, а по обыкновенному, провинциальному городу, в котором живут такие же люди, как он. Иногда, он чувствует себя героем в каком-то арт-хаусном фильме, но всё вокруг до боли настоящее, не киношное. Стопанная трава пахнет как-то особенно утробно, земля благоухает, взрыхлённая колёсами и станинами. Пороховые газы бьют прямо в нос химической свежестью. Снаряды по-настоящему летят в сторону города, совершенно по мирному светящему уличным освещением.

Такое раздвоение личности вынуждает тупо выполнять приказы, исходящие из Киева, поскольку только они дают возможность корректировать нервно мятущееся сознание, дают точку опоры. Он ведь ни в чём не виноват, он просто военный, он просто исполняет приказ. Ему приказали — он выполнил.

Корректировщик квакает в рацию матерными словами. Ему переживания командира батареи глубоко чужды, потому, что училище он заканчивал уже во Львове. Его сознание не раздваивается совсем, у него всё на своих местах, скорректировано ещё во время обучения. Говорит он на русском, фамилия его Соколов, родители — уроженцы Тамбовской области, но сам лейтенант Соколов — украинец и патриот, спасающий свою любимую родину от русских орд. Всё логично и правильно. И расстреливать украинский, по географическому положению, город, потому, что теперь, политически, он русский — совершенно правильно.

Через месяц, под Амвросиевкой, корректировщик попадёт в плен и будет выдавать себя за рядового, призванного по мобилизации. Его не сильно стукнут по уху прикладом и отправят разгребать развалины пятиэтажки. Его будут кормить и дадут матрас. Ещё через пару месяцев обменяют.

А командир батареи, пытаясь вывести колонну из-под обстрела в Зеленополье, окажется точно в зоне попадания. Его порвёт в лохмотья и эти, бесформенные куски плоти, будут чадно гореть и чернеть под солнцем.

Дурак со справкой Гончаренко снова нажрётся и будет бросаться с топором на терпеливую жену, которая привычно спрячется с сыном в сарае и будет негромко, стесняясь, звать соседей на помощь.

Ангелы-хранители, стоящие у каждого за правым плечом, вздыхая и сдерживая наворачивающиеся на язык нехорошие слова, снова и снова будут дёргать невидимые нити, корректируя жизненные пути каждого.

Никто не знает, зачем.

Они тоже.

Драматургия

СВИДЕТЕЛЬ

кинорецензий¹

В основе сюжета — реальные события, происходившие на Юго-Востоке Украины летом и осенью 2014 года

Донецк. Комната Юрия — вечер.

Небольшая, почти пустая комната. Из обстановки — только лежащий в углу на полу матрас, накрытый одеялом, и стол, освещаемый настольной лампой. За столом, перед открытым ноутбуком, сидит Ю р и й — немолодой, лет за пятьдесят, седой, коротко стриженный, человек, печатает на клавиатуре. Он — в военных камуфляжных брюках и в такой же майке. На спинку стула, на котором он сидит, брошена пестрая, пятнистая куртка и кожаная портупея с кобурой.

За окном слышны отдаленные глухие артиллерийские разрывы. Раздается стук в окно. Ю р и й смотрит в окно — никого. Продолжает печатать. Стук повторяется.

На подоконнике, с внешней стороны окна, стоит черный грач, смотрит на Юрия. Снова стучит требовательно клювом в стекло.

Ю р и й встает из-за стола, подходит к окну, открывает его.

Грач переступает через окно на подоконник, топчется там, затем перепрыгивает на стол, за которым работает Юрий. Приближается к клавиатуре, тычет клювом в клавиши.

Ю р и й садится на стул, с интересом наблюдает некоторое время за грачом, отламывает кусок от лежащей на столе булки хлеба, крошит его на блюдце, подвигает к птице.

Та смотрит на хлеб, на Юрия, отворачивается, снова стучит клювом по клавишам.

---

¹ Написан при участии Юрия Боброва.

На экране — бессмысленный набор латинских букв...
Ю р и й смотрит на экран...
На экране монитора начинают проступать очертания какого-то
помещения... Слышатся голоса, музыка...

Париж. Салон — вечер
Зал модного кафе-салона.
По стенам развешаны яркие картины современных художников-
абстракционистов. В центре зала — небольшой пандус-сцена.
В зале много молодых и не очень людей — элегантные женщины в
вечерних нарядах, мужчины — в дорогих клубных костюмах.
На сцене, у микрофона — шансонье, в котором мы узнаем П а т р и к а
Б р ю э л я .

П а т р и к Б р ю э л ь (*поет*).
Cette chanson légère,
Qu'est-ce-que sa te coûte?
Ces paroles, cet air,
Jusqu'au l'aube écoute.

Et bois ce venin
De la voix nomade
D'un poète venant
De la contrée froide.

Mais ce beau canevas
S'effacera net:
Le matin on va
Retrouver nos têtes...

Ш а н с о н ь е продолжает петь.
За одним из столиков, недалеко от сцены, сидят двое мужчин: в одном
из них мы узнаем Ю р и я (но сейчас у него — длинные, отливающие
близной, седые волосы), и Ф р а н с у а — щеголевато одетый, лет
сорока пяти. Ф р а н с у а читает «Le Figaro».

Ф р а н с у а (*откладывая газету*). Нет, с этим надо что-то
делать! Надо как-то остановить этих твоих русских, извини! Они

захватили уже почти всю Украину, и их танки вот-вот двинутся на Париж! Ладно, к делу. Что с тобой происходит, Юри? Два месяца, как мы подписали этот контракт, и — где пьеса?

Ю р и й. Пишу...

Ф р а н с у а. Покажи мне, что ты уже написал!

Ю р и й. Режиссерам и друзьям полработы не показывают...

Ф р а н с у а. Ладно. Тогда, может, расскажешь сюжет, или хотя бы намекнешь — о чем она, эта загадочная пьеса?

Ю р и й. Ну, если хочешь... Вот, сцена, над которой я работал сегодня ночью... Восток Украины. Ополченцы заходят...

Ф р а н с у а. Террористы, ты хочешь сказать?

Ю р и й. Это ты хочешь... Итак, ополченцы заходят в разбомбленное, пустое село, и, в одном из подвалов, находят шестилетнего мальчика и его полугодовалую сестру. Родители их погибли во время обстрелов села украинской артиллерией. Два месяца они жили в этом подвале, мальчик ходил в соседние села, побирался, а сестру кормил молоком оценившейся суки, клал ее между щенят, чтобы не замерзла, и этим спас девочку...

Ф р а н с у а. Скажи мне, что ты шутишь...

Песня заканчивается. Аплодисменты.

П а т р и к Б р ю э л ь. Я хотел бы поблагодарить человека, подарившего мне текст этой замечательной песни, моего друга, поэта Юри Горбенко!

Ю р и й встает, раскланивается. Вновь садится на место.

Ф р а н с у а. ...Убийца! Ты сейчас убил меня! Ты знаешь, чего мне стоило получить для тебя этот контракт? На твою пьесу никто не пойдет! Людям нужны комедии, мой глупый друг! Час тридцать, без антракта! Короткие смешные комедии! И — вот такие песенки... (*кивает на шансонье*). И то, и другое, у тебя отлично получается. А ты — то трагедии в стихах, то — мифические ужасы из жизни террористов!..

Ю р и й. Извини, Франсуа, мне еще надо успеть на репетицию... (*Встает из-за стола.*)

Ф р а н с у а (*вслед Юрию*). Одумайся, умоляю!..

Парижская улица. Фасад небольшого театра — вечер
Над входом, большими буквами, название театра:
«LES SAISONS RUSSES».

В стеклянной витрине, справа от входа в театр — анонс ближайшей
премьеры: «Faust et Héléne».

Маленький театральный зал — вечер
На сцене — а к т р и с а в костюме Елены Троянской, сидит перед
зеркалом, накладывает на лицо крем. Ю р и й сидит в кресле, в зале,
наблюдает за ней.

А к т р и с а.

...Не смотри ж ты так.... А что я? —

«Бессмертная, богиня, все такое».

Но к ним...

(кивает на небо)

пришла я, если разобраться,
Немолодой — уж было мне за двадцать...

Ю р и й встает со своего кресла, подходит к рампе.

А к т р и с а *(Юрию)*. Что-то не так? Я всё переврала?..

Ю р и й. Нет-нет, всё так. Просто, тут у вас будет новый текст,
я сегодня дописал. Попробуйте его сейчас...

Протягивает лист бумаги с текстом а к т р и с е.

Возвращается в свое кресло.

А к т р и с а *(читает по бумажке)*.

«...Да-да, за двадцать уже было где-то....

А ты что думал: девочка?.. Поэты!..

Сдала тогда я, и не без причины:

Война ведь, смерть... Как любите мужчины

Вы воевать, все б бегать вам с железом....

Как вспомню: Гектор бьется с Ахиллесом!..

Разруха... Илион лежит в крови весь....

Морщины эти там и появились...

Как хорошо — уже за то люблю лишь —

Что ты ни с кем хоть, милый, не воюешь!

Раздается чуть слышный сигнал телефона; Ю р и й достает телефон, читает сообщение.

...Я так устала, правда — в век из века —
Немножко лишь привыкнешь к человеку —
Его уже убили... Ты так ласков...
Но осторожно — не сотри мне маску...».

Ю р и й выключает телефон. Поднимается с кресла.

Ю р и й (*актрисе*). Простите меня, Ира. На сегодня всё.

Париж. Русское кафе — поздний вечер
Уютное парижское кафе.

В углу — телевизионный экран, передают новости по российскому каналу RT.

За столиком — Ю р и й и А л л а — женщина лет сорока пяти, в черном платье. Светлые волосы убраны под черный платок.

А л л а. ...«Мам, — говорит, — я отъеду, тут, ненадолго»... А врать-то не умеет, по нему ведь сразу всё видно. Катя плачет, говорит, это, мол, не твоя война, ты детям здесь нужен... Будь жив его отец, он бы смог его удержать. Что это за война, Юра? Почему именно — мой Егор?.. Спасибо, хоть тело прислали. Многие пропадают вообще, бесследно...

Подходит о ф и ц и а н т .

О ф и ц и а н т . Еще что-нибудь?

Ю р и й. Спасибо, все.

Ю р и й кладет купюру на стол. О ф и ц и а н т берет ее, кивком благодарит Юрия и уходит.

А л л а достает из сумки конверт.

А л л а. Вот... После смерти Паши, ты — единственный, кого он слушал. Он тебя очень уважал... даже любил. Здесь диск... Он просил передать его тебе, если, вдруг... Сказал, ты его поймешь.

А л л а отдает Ю р и ю конверт. Вытирает платком слезу на щеке.

О ф и ц и а н т берет ТВ-пульт, увеличивает звук.

Д и к т о р Т В (*на русском языке*). ...По заключению Одесского бюро судебно-медицинской экспертизы, смерть людей, погибших в Доме профсоюзов 2 мая, наступила в результате отравления угарным газом и из-за ожогов. Признаков насильственной смерти на теле кого-либо из сорока восьми жертв не обнаружено...

На экране — кадры любительского видео: пожар в Доме профсоюзов в Одессе: летящие в окна горящего шестизэтажного здания «коктейли Молотова», прыгающие с крыши люди, толпа в «балаклавах», с дубинками, скандирующая «Слава Украине!»

А л л а (глядя на экран). ...И это — наш родной город, Юра? Ю р и й. Это, еще недавно — наша с тобой страна, Алла.

В кафе шумно вваливается к о м п а н и я м о л о д е ж и, заказывает напитки, один из них переключает телевизор на французский канал.

О ф и ц и а н т бросает извиняющийся взгляд на Юрия.
Ю р и й и А л л а встают и идут к выходу.

Мы слышим комментарий новостей на французском языке.

Д и к т о р Т В. ...Соединенные Штаты возглавляют усилия мирового сообщества в противостоянии российской агрессии в отношении Украины, — заявил в субботу американский президент Барак Обама...

Гостиная в квартире Юрия — ночь

На экране монитора — м о л о д о й ч е л о в е к, лет двадцати восьми, спортивного вида. Широкое русское лицо.

Е г о р (на экране). ...И завтра отбываю в Славянск. Надломил меня Одесса, дядь Юр... Я никогда не разделял Россию и Украину, для меня это всё — один народ. Я здоровый мужик, и не могу прикрываться женой, мамой, работой, детьми. Однажды сын спросит, а ты, отец, что делал, когда нацисты убивали людей?..

Ю р и й сидит на диване, смотрит на экран...
Рядом с ним, на диване, лежит спаниель.

...Мельчают мужики, дядь Юр, все комнатные бойцы, все кричат: «Надо ехать! Надо спасти людей!» И в итоге, — так и сидят у телевизора... Думаю, Вы меня поймете... Отец бы — понял, если бы был жив...

На стене — фотография, на ней, на фоне собора Василия Блаженного — Юрий, Алла, Егор и еще один мужчина, тех же лет, что и Юрий. У всех счастливые улыбающиеся лица.

...Поддержите маму. Вы с ней для меня самые близкие люди. Удачи Вам! И — спасибо за все...

Ю р и й долго сидит, опустив голову. Наконец он встает, идет в прихожую, достает с верхней полки шкафа большую дорожную сумку. Спаниель прыгает с дивана, с тревогой наблюдает за Юрием.
Телефонный звонок.

Г о л о с Д а н и. Это я...

Ю р и й. Как мама?

Г о л о с Д а н и. Уффффф! Как обычно. Капризничает. Ничего не ела. Я осталась здесь на ночь. Как репетиция? Моя роль еще за мной?

Ю р и й. Ты знаешь, я тут подумал... Мы, пожалуй, сделаем паузу. На пару недель...

Ю р и й роется в шкафу, находит старые берцы, бросает их в сумку.

Г о л о с Д а н и. Как — паузу?.. Ты хочешь всё остановить?

Ю р и й. Я объявил всем, что улетаю на фестиваль поэзии в Кишинев. Так что ты пока спокойно занимайся мамой.

Г о л о с Д а н и. Подожди, ты когда туда едешь?..

Ю р и й. Да прямо сейчас. Я и так задержался — фестиваль уже начался, они там всё съедят и выпьют, пока я доеду.

Идет в ванную комнату, укладывает в несессер зубную пасту, щетку, бритву...

Спаниель не отстает от него, поскуливая...

Г о л о с Д а н и. Я ничего не понимаю... Почему так срочно?.. Юри, нет, ты — невозможный человек, я — единственная

женщина в мире, которая может терпеть этого сумасшедшего русского!.. Двадцать лет галер!

Ю р и й. Девятнадцать... с половиной!

Г о л о с Д а н и. Уезжай к своим старым подружкам по беспутной юности! Можешь сразу просить в Кишиневе убежище — я тебя обратно не приму!

Ю р и й. Договорились! Я люблю тебя!

Г о л о с Д а н и. Я тоже. Там, в холодильнике, лежит курица — возьми ее с собой.

Ю р и й. В самолете кормят. Поцелуй маму!

Г о л о с Д а н и (*громко*). Мама! Тебя Юри целует! Она тебя тоже!

Ю р и й. Je t'aime... quand môme!

Г о л о с Д а н и. Ты — псих!

Ю р и й. Ты — самая лучшая жена в мире!

Париж — ночь

Под аккомпанемент песни в исполнении Патрика Брюэля, которую мы слышали в салоне, Ю р и й едет в такси по ночному Парижу.

Донецк. Комната Юрия — вечер

...Ю р и й кладет кусок хлеба себе в рот, жует, наблюдает за грачом, потом мягко отодвигает его от клавиатуры, стирает напечатанные им буквы, продолжает печатать текст.

Грач издает недовольный звук, возвращается к клавиатуре, опять стучит по ближним к нему клавишам,

Открывается дверь, в комнату входит Н а ч ш т а б а.

Он в замешательстве останавливается, некоторое время смотрит на Юрия и грача, печатающих на компьютере.

Ю р и й вновь стирает грачиный «шифр», пытаясь оттеснить птицу от клавиатуры.

Н а ч ш т а б а. Это... что?

Ю р и й. Не что, а кто. Коллега. Позывной — «Грач».

Ю р и й и г р а ч продолжают печатать.

Ошеломленный Н а ч ш т а б а некоторое время молчит, затем встряхивает головой.

Н а ч ш т а б а. Есть новости, не очень хорошие, про группу Седого.

Ю р и й (*резко поворачиваясь к Начштаба*). Что с ними?..

Славянск. База одного из подразделений ополченцев — день
В тени деревьев группа разведчиков-ополченцев, человек
двенадцать, готовится к выходу на задание — проверяют снаряжение,
рассовывают патроны и гранаты по карманам «разгрузок».

Среди них — Ю р и й. С автоматом и с кобурой на поясе, он ничем
не отличался бы от других разведчиков, если бы не компактная
видеокамера, закрепленная на его левой руке.

Рядом с ним — единственная во всей группе девушка, Н а с т я,
санинструктор. Она совсем юная, на вид — не больше двадцати лет.

Ю р и й (*девушке*). Я уже три дня здесь, на «Целинке», а вас
не видел.

Н а с т я. Я раненого отвозила в госпиталь. Только вернулась.

Ю р и й. Как вас зовут?

Н а с т я. Настя. Позывной «Тигра».

Ю р и й. Меня Юрий. Позывной «Анри». Откуда вы?

Н а с т я. Из Краснодара.

Ю р и й. А почему вы решили сюда приехать? Извините, если...

Н а с т я. Почему?.. Не знаю, трудно ответить...

Г о л о с к о м а н д и р а. Построились!

Все выстраиваются в один ряд. Командир группы, позывной «Седой»,
оглядывает отряд, задерживает взгляд на Ю р и и.

С е д о й. Ну, всё. С Богом!

Г о л о с Б о р и с а. Стойте!

От здания бежит ополченец — Б о р и с.

Б о р и с. Анри! Я за тобой! Тебя срочно вызывают в штаб!

Ю р и й (*с досадой, Седому*). Да мы ушли ведь уже! (*Подбежав-
шему Борису*.) Борь, ну, скажи там, что ушли уже, не застал меня.

Б о р и с. Начштаба ждет!

Ю р и й умоляюще смотрит на С е д о г о. Тот отрицательно мотает
головой.

С е д о й. Нет, Анри. Со штабом ссориться я не хочу. В следующий раз...

Ю р и й выходит из строя, идет к Б о р и с у, спохватившись, возвращается, вынимает из подсумка две гранаты и отдает их Н а с т е .

Ю р и й (фотографируя Настю). Удачи!

Идет к поджидающему его Б о р и с у .

Н а с т я. Подождите!

Ю р и й оборачивается к ней. Н а с т я делает шаг в сторону Юрия, но спохватывается и смотрит на Седого. Тот кивает ей.

Н а с т я быстро подходит к Ю р и ю .

Н а с т я. Хотите, я скажу, почему я здесь?

Ю р и й. Конечно.

Н а с т я (*торопясь и сбиваясь*). Когда приехала, я, если честно, не очень еще соображала, что здесь происходит... Но тут, в Славянске, я увидела девочку лет четырех — в песочнице играла. Я ей: «Молодец, хороший домик построила». А она посмотрела на меня и говорит: «Это не домик. Это — бомбоубежище». И вот тогда я поняла, что я здесь уже до конца... Всё, я побежала!

Убегает к ожидающей ее группе.

Ю р и й (*ей вслед*). Спасибо!

Ю р и й направляется вслед за Б о р и с о м к ожидающей их машине.

Улицы Славянска — день

Ю р и й с Б о р и с о м проезжают по улицам разбомбленного города. За окном машины — разрушенные дома, взорванные дороги, сломанные деревья.

У останков пятиэтажного жилого дома лежат несколько прикрытых простынями женских и мужских трупов; под одной из простыней угадываются очертания маленького детского тела...

Кабинет начальника штаба ополчения — день

В кабинете Ю р и й и Н а ч ш т а б а .

Н а ч ш т а б а . ...Я тогда отпустил вас с условием, что это будет последняя ваша вылазка. А вы...

Ю р и й . Да поймите вы меня, Саныч! — Я должен быть там, с ребятами, на передовой. Люди читают меня и верят, что получают информацию из первых рук. Стоило приезжать в Славянск, чтобы здесь всё записывать с чужих слов!

Н а ч ш т а б а . На войне у каждого — своя работа! И ваша работа, Анри, — рассказать миру, что здесь на самом деле происходит. Этим вы принесете гораздо больше пользы, чем участием в боевых операциях!

Ю р и й . Но я приехал сюда воевать!

Н а ч ш т а б а . Вот и воюйте! Но — своим оружием! И без бесмысленного риска!

Ю р и й . Ладно. Но в следующий раз — я уйду с ребятами!

Н а ч ш т а б а . До следующего раза дожить надо...

Ю р и й делает шаг к двери...

Погодите, Анри.

Ю р и й оборачивается, смотрит на Саныча.

Мы уходим. Сегодня ночью мы оставляем город.

Ю р и й . Как... оставляем?.. Совсем?.. А люди? Да мы же... да как же так, Саныч?..

Н а ч ш т а б а . Укры стянули сюда всю артиллерию, танки, авиацию. Тут сейчас такое начнется... Наш уход — единственный способ спасти город и жителей.

Ю р и й . Да нет, мы не можем... А группа Седого?.. Что, их не дождемся?..

Смотрит на Н а ч ш т а б а . Пауза.

...Подождите... Им что — никто не сказал?!

Н а ч ш т а б а . Никому еще не сказали. Всем, кто должен это узнать, скажут за час до выхода.

Ю р и й . Господи, с ними же эта девчонка, Настя-Тигра!..

Донецк. Комната Юрия — вечер

Ю р и й , Н а ч ш т а б а . За ними с любопытством наблюдает грач.

Ю р и й (*Начштаба*). ...Так что там с группой Седого, Саныч?..

Н а ч ш т а б а . Они попали в окружение. С ними уже четвертый день нет связи...

Ю р и й . Она же, эта «Тигра», — совсем ребенок...

Н а ч ш т а б а молчит.

...А я (*кивая на ноутбук*) сейчас как раз писал о ней, о нашей с ней встрече, об этом бомбоубежище в песочнице...

Пауза. Н а ч ш т а б а выходит.

Ю р и й сидит у стола, опустив голову... Грач вопросительно смотрит на него. Ю р и й поднимает голову.

(*Грачу.*) ...Там, у них, парень один, командир отделения, смешной, чуть завидит меня, всегда радостно кричит издалека: «Bonsoir, «Henri»!..» Он в мирной жизни французский преподавал...

Грач все так же вопросительно смотрит на него... Ю р и й открывает окно, подталкивает к нему грача.

Давай-ка, брат, лети куда-нибудь, где повеселее...

Закрывает окно. Грач через стекло смотрит на Юрия...

Кабинет «Профессора» — вечер

Вечер. Рабочий кабинет (библиотека) в одной из киевских квартир. Со вкусом меблированная комната. Высокие потолки, люстра, тяжелые шторы на окнах.

Старинная библиотека с позолоченными переплетами книг...

Юнг... Фрейд... Ницше... «Майн кампф»... восточные философы, «Наиболее удачные операции Моссада», «Моссад. Тайная война»... На полке — семейная фотография: мужчина, женщина, мальчик, лет тринадцати и девочка лет восьми.

На массивном деревянном столе лежат книги с заложенными между страниц закладками, одна из них — сверху — раскрыта на титульной странице: «История Моссада и Спецназа».

Рядом — номер газеты «Le Figaro», открытой на странице с фотографией убитой женщины, лежащей у стены разрушенного дома и статьей, над которой — крупно — фамилия автора статьи:

«Youri Gorbenko. Slaviansk».

За столом сидит м у ж ч и н а с маленькой аккуратной бородкой и усами, лет тридцати трех, в домашнем халате, пролистывает газету — «Новороссия», на одной из статей задерживается, всматривается внимательно в фотографию автора статьи... На фотографии — Юрий.

Ниже заголовок: «О подвалах и пыточных камерах Службы безопасности Украины».

М у ж ч и н а пробегает пальцами по лежащей перед ним, на столе, клавиатуре — на экране монитора открывается папка «Террористы — добровольцы из Европы».

М у ж ч и н а открывает папку, «пролистывает» страницы многочисленных досье, на одном из них с названием «Анри», останавливается, открывает.

На экране текст:

Горбенко Юрий Сергеевич. Позывной «Анри».

Поэт, драматург.

Окончил театральный и литературный институты.

В 1990 году выехал в Европу.

Окончил аспирантуру в Сорбонне.

Лауреат Международных театральных и литературных премий.

Имеет российское и французское гражданство.

Жена — французская актриса Дани Менар.

Славянск. Двор базы ополченцев — ночь

В открытые ворота из двора выезжает колонна — КамАЗы, Мерседесы, грузовые «Газели» и прочая разношерстная техника, ощерившаяся пулеметными и автоматными стволами...

В одну из машин садится Ю р и й, оглядывается...

На фоне половинки лунного диска отчетливо вырисовывается силуэт грача, сидящего на свисающей над окном штаба ветке дерева.

Донецк. Площадь Ленина — день

Над заполненной народом площадью Ленина колышутся флаги Новороссии и России.

На одной стороне площади возвышается сцена, собранная из
металлических конструкций.

На сцене — пожилой ополченец в камуфляже.

Пожилой ополченец. Мужчины Донбасса! Укрофашисты жгут нашу землю! Не ждите, что кто-то за вас защитит ваших дочерей, жен, матерей! Берите в руки оружие и поступайте так, как вам велит ваша совесть и честь! Наше дело правое. С нами Бог и Отечество!

Аплодисменты.

Над площадью, над толпой раскачиваются знамена ДНР и Новороссии.

К микрофону подходит ведущий.

Ведущий. Я приглашаю к микрофону еще одного защитника Славянска! Он приехал к нам из Франции и здесь вступил в ополчение! Поэт, военкор, позывной — «Анри»!

Юрий выходит к микрофону. Толпа аплодирует. Юрий поднимает
руки, призывая всех к тишине...

Обводит взглядом площадь...

Шум постепенно стихает.

Юрий *(сначала тихо)*.

Мой черный грач, — простимся, брат.

Я — ополченец, я — солдат,

И может жизнь — в момент любой —

Позвать меня на смертный бой.

И мать опять не спит моя,

Ночами Господа моля

О том, чтоб сын ее родной

Живым с войны пришел домой.

Скажи мне, грач, какой же толк

В словах про память и про долг,

Когда не сможем мы сберечь

Ни нашу честь, ни нашу речь?

И плачет женщина моя,
Ночами Господа моля,
Чтоб — хоть изранен, но — живой,
С войны вернулся я домой.

Мой грач, о, как бы я хотел,
Устав от скорбных, ратных дел,
Прижать к груди жену и мать.
И просто — жить. Не воевать.

Но плачет Родина моя,
Меня о помощи моля,
И я иду опять, мой грач,
На этот зов, на этот плач.

Ю р и й умолкает. Тишина. Затем — площадь взрывается
аплодисментами.

Ю р и й спускается со сцены.

П о ж и л о й о п о л ч е н е ц одобрительно хлопает Юрия по спине.
Путь Юрию преграждает ж у р н а л и с т к а с микрофоном с логотипом
украинской телекомпании.

Ж у р н а л и с т к а. Вы понимаете, что вы вот этим своим вы-
ступлением призываете к эскалации войны? Эту страну сейчас
может спасти только одно — всеобщее покаяние и примирение! А
вы — «честь... речь... на смертный бой».... Вы же бросаете... вы же
разжигаете!..

Ю р и й задерживается на мгновение, смотрит на нее...

Ю р и й. Извините, меня ждут. *(Пытается обойти ее.)*

Ж у р н а л и с т к а *(преграждая ему дорогу)*. Вы приехали
и нагнетаете тут со своими «грачами»! Ну почему вы, западный
человек, не хотите согласиться с тем, что в гражданской войне нет
правых и виноватых — вина в равной степени лежит на обеих сто-
ронах?

Ю р и й. Да потому что, согласившись с вами, я уравнию кара-
телей с их жертвами.

Ю р и й решительно отстраняет рукой журналистку и направляется к
стоящему у машины Б о р и с у.

Ю р и й садится в машину.

Машина трогается.

Донецк. Салон автомобиля — день

Машина с Ю р и е м и Б о р и с о м за рулем проезжает по улицам
Донецка.

Б о р и с. Достала журналистка?

Через окна машины видны разрушенные дома, разбитые дворы и
детские площадки.

На домах указатели-стрелки «Бомбоубежище».

Ю р и й. ...То ли они, действительно, не понимают, то ли мозги
у них так промыты?..

Окраина Иловайска. Блокпост ополчения — день

Бой на окраине города. Дым, огонь, автоматная пальба, уханье
артиллерийских разрывов.

Разрушенный дом.

Рядом с ним, прячась за мешками с цементом, за бетонными блоками,
отстреливаются о п о л ч е н ц ы.

Ю р и й снимает бой на видеокамеру...

На дороге, ведущей к блокпосту, видны разрывы... Со стороны
блокпоста появляется бегущий о п о л ч е н е ц.

О п о л ч е н е ц (*кричит*). Танк!.. Прямо на нас прет!... Танк!..

Снаряд разрывается недалеко от Юрия. Он продолжает снимать,
прижимаясь к стене разрушенного дома.

Ополченцы выкатывают из двора дома гаубицу¹... На дороге появляется
танк... Ополченцы разворачивают гаубицу, заряжают ее (работают они
слаженно и быстро), бьют прямой наводкой по танку...

Одновременно с гаубицей стреляет и танк.

Снаряд обрушивает часть стены за спиной Юрия.

---

¹ Советская 152-мм буксируемая пушка-гаубица Д-20.

Взрывной волной Юрия сбивает с ног, он падает, его засыпает землей и мелкими камнями.

Рядом с ним, отплеываясь от пыли и грязи, вылезает из-под бетонной плиты молодой ополченец с автоматом.

Молодой ополченец. Твою мать, думал, уже хана! А ты как, француз, жив?

Юрий вылезает из-под обломков рухнувшей стены дома, стряхивает с себя землю и грязь, мотает головой ...
Ополченцы перезаряжают гаубицу.

Юрий (*бормочет, глядя на деловито спящих в дыму и в пыли артиллеристов*).

«Война совсем не фейерверк,
А просто трудная работа...»

Молодой ополченец. Че ты сказал, француз?..

Юрий. Это не я, это он сказал... (*Показывает на лежащую между ними треснувшую мемориальную доску.*)

Молодой ополченец стирает с доски кирпичную пыль...

Юрий наводит видеокамеру на лицо шевелящего губами ополченца — он читает надпись на мемориальной доске:

«Здесь, 19 июня 1943 г., защищая землю Донбасса от немецко-фашистских захватчиков, геройски погиб командир минометного расчета, младший лейтенант, поэт Михаил Кульчицкий».

Рядом с Юрием и молодым ополченцем взрывается фугас.

Ополченец хватает Юрия за куртку и увлекает за собой в какую-то дыру, заваленную кирпичом.

Юрий и молодой ополченец скатываются куда-то вниз и оказываются в полной темноте.

Подвал многоэтажного жилого дома — день

Темнота.

Постепенно Юрий начинает различать в темноте очертания, а затем — фигуры и изможденные лица женщин, стариков, детей...

Молодого ополченца рядом нет.

Т р и п о ж и л ы х ж е н щ и н ы. Одна из них сидит, положив опухшие, отечные ноги на стул, другая, сидящая рядом — растирает их.

Рядом с Юрием оказывается м о л о д а я ж е н щ и н а с подвязанной платком — через шею — рукой.

Недалеко от нее, раскачиваясь взад-вперед, крепко прижимает к себе детское тельце довольно еще молодой, но абсолютно седой м у ж ч и н а.

М о л о д а я ж е н щ и н а. Он уже так двое суток сидит. Жену с сыном накрыло прямо на пороге подвала. Мы хотели похоронить малыша, но он не отдает.

Ю р и й. И давно вы здесь прячетесь?

М о л о д а я ж е н щ и н а. Кто две, кто три недели. Многим уже и возвращаться-то некуда — дома разбомбили, родных убили.

Ю р и й. Я могу чем-нибудь помочь?

М о л о д а я ж е н щ и н а. Нужны медикаменты, особенно ин-сулин, обезболивающие, перевязочные материалы...

Ю р и й. Напишите, что нужно, я попробую достать и завтра привезти.

М о л о д а я ж е н щ и н а. Да список у меня давно готов. ... Правда, привезете?

Протягивает Юрию исписанный с двух сторон лист бумаги.

Ю р и й. Правда. Если жив буду.

П о ж и л а я ж е н щ и н а с отечными ногами, слушающая их разговор, осеняет Юрия крестом.

Двор территории штаба ДНР — день

Ю р и й укладывает в машину несколько коробок с эмблемой «Красного креста» и большую коробку шоколада «Гвардейский».

Б о р и с заливает в бак машины бензин из канистры.

К Юрию подходят Н а ч ш т а б а и Б а г и р а — миловидная, средних лет, женщина в камуфляжной футболке.

Н а ч ш т а б а. Анри, ну что ж вы упертый-то такой? Ну сказал же, завтра отправлю туда ребят из разведки. Заодно они и ваши лекарства доставят.

Ю р и й. Ну не могу я, Саныч, ждать! Я им пообещал — сегодня!

Багира. Ты бы лучше, Анри, вон, в госпиталь заглянул, с ребятами, которых вчера обменяли, поговорил... Двое уже скончались. Им перед самым обменом, укры все внутренности отбили. Мы им — здоровых, сытых боронов, а они нам — мешки с костями, только по документам — живые...

Юрий. Багира, с ребятами я уже поговорил, утром.

Начштаба. Вот о чем вы должны писать! А вы...

Юрий. Да никому я ничего не должен! Нет, конечно же, я напишу про пленных, сегодня же. Только вот отвезу...

Борис. Саныч, ну он же пообещал. Люди ждут. А я его мигом туда-обратно, через пару часов уже назад будем.

Начштаба в бессилии разводит руками.

Начштаба (Юрию). В последний раз...

Юрий. Понял, товарищ начштаба!

Начштаба машет на него рукой.

Дорога. Салон автомобиля — день

Машина проезжает по окраине Донецка.

Борис озабоченно смотрит на приборную доску машины.

Борис. Вот, черт!

Юрий. Что случилось?

Борис. По-моему, приехали! Бензина в баке почти не осталось.

Юрий. Ты же только что залил канистру?

Борис. Может, бак пробит? Да нет, вроде, не стреляли... Ладно, до блокпоста дотянем, а там посмотрим.

Блокпост ополченцев под Харьезском — день

Машина подъезжает к блокпосту.

Ополченец в каске и ополченец в балаклаве, оба с автоматами, подходят к машине.

Юрий и Борис протягивают свои удостоверения.

Борис выходит из машины, открывает капот, что-то проверяет.

Ополченец в каске. Куда вы?..

Юрий. В Иловыйск.

Ополченец в каске. Так там же укры!
Юрий. Знаем. Надо. Город же не весь захвачен.

К ним подходит Борис.

Борис (Юрию). К сожалению, дальше, Анри, ты один. Конь
сдох.

К блокпосту подъезжает «газель», останавливается.

Борис подходит к ней, о чем-то говорит с находящимися в ней
ополченцами.

Ополченец в каске подходит к «газели»; сидящий рядом с
водителем командир группы протягивает ему документы.

Борис быстро возвращается к Юрию.

Борис. Они тебя подбросят до Иловайска. А я попробую под-
латься и подожду тебя здесь.

Борис и Юрий переносят из «нивы» коробки с красным крестом,
ящик тушенки, коробку с шоколадом в «газель».

Юрий пробирается на заднее сиденье, «газель» трогается.

Борис, в стороне, разговаривает по мобильному телефону.

Дорога — салон «газели» — день

Юрий, сидя на заднем сидении, снимает ополченцев на камеру,
закрепленную на левой руке, в правой — пистолет «Макаров».

Кроме Водителя и Командира группы в кабине, в
салоне сидят — в камуфляже, с автоматами — рыжеволосый,
худощавый, еще двое ополченцев, и большой лохматый пес.
Ополченцы — молодые ребята — выставив автоматные стволы в
окна, всматриваются в «зеленку».

Внезапно начинается ураганный обстрел, стреляют из автоматов и
пулеметов по «газели». Слышны разрывы гранат.

Корпус машины прошивают пули.

Юрий пригибается, продолжает снимать ополченцев, палящих в
ответ «вслепую» — по «зеленке», откуда стреляют по машине...

Пёс забивается в страхе под сиденье, на котором лежит коробка с
шоколадом...

Коробка вдруг «взрывается» от попавшего в нее то ли осколка, то ли
разрывной пули. Шоколадные плитки разлетаются по всему салону.

«Газель» несколько раз сильно подбрасывает, но она продолжает
мчаться вперед.

Стрельба, так же внезапно, как и началась, стихает — зона обстрела
остаётся позади.

Бойцы ощупывают себя, оглядываются, хлопают друг друга по
плечам, убеждаясь, что все живы, смеются — никто даже не ранен...

Машина несется по дороге, подпрыгивая на ухабах.

Рамка экрана прыгает на руке у Юрия: на экране мелькают счастливые
лица чудом избежавших смерти ополченцев.

Симпатичный, лет двадцати, рыжеволосый ополченец в
эйфории начинает громко и дурашливо петь.

Рыжеволосый.

Вроде, лишь недавно

Я ходил в детсадик,

А сегодня, мама,

Я уже — десантник!

Села на панаму,

Побледнела даже —

Не пугайся, мама! —

Я же в камуфляже!..

Около него прыгает, пытаюсь лизнуть его в лицо, и громко лая, пес...

...Что ж ты — по лбу кружкой? —

Несолидно даже, —

Я же, мам, на службе,

Я же — в камуфляже!..

Юрий снимает всё это на видеокамеру...

Машина выныривает из ложбины на холм.

Изображение на экране у Юрия перестает дергаться и дрожать.

Наступает тишина.

Юрий отрывает взгляд от экрана видеокамеры.

Вокруг машины — пестрое пространство с резко бьющим в глаза
преобладающим желтым цветом...

Картинка «фокусируется», желтые пятна оказываются повязками на рукавах и наклейками на касках украинских солдат... Черные дыры направленных на «газель» стволов...

...Время «замедляется»...

Дорога. Холм — день

...Машина окружена тремя десятками украинских нацгвардейцев, с направленными на «газель» автоматами и ручными пулеметами...

Дорога — машина — день

...Юрий в машине: он смотрит на пистолет в правой руке...

Юрий поднимает голову и взглядом упирается в злобные ненавидящие глаза нацгвардейца, целящегося в него сквозь разбитое окно «газели».

Юрий медленно поворачивает руку с пистолетом в сторону украинского солдата и стреляет.

Тут же из всех стволов укры начинают палить по «газели».

Пулеметные пули разрывают голову рыжеволосого ополченца. Открытые в предсмертных криках рты, искаженные от боли юные лица ребят, прошиваемых автоматнo-пулеметными очередями.

Палец уже убитого командира группы судорожно жмет на гашетку «калашникова», но — пули уходят в потолок «газели».

Рядом с Юрием падает граната, и десятки банок тушенки взлетают в воздух...

Дорога. Машина — день

Юрий в машине: он смотрит на пистолет в правой руке...

Лица замерших мальчишек-ополченцев...

...Время «возвращается»...

Юрий осторожно прячет между двумя кожаными спинками заднего сиденья пистолет.

Затем, так же осторожно, вынимает из кармана телефон и засовывает его за отогнувшуюся обшивку корпуса «газели»...

Дорога. Холм — день

Укры выволакивают ополченцев из машины, бросают их лицом вниз на землю, связывают им руки и жестоко избивают кулаками, ногами, прикладами, втыкают в тела штык-ножи.

Последними из «Газели» выбрасывают Рыжеволосого и Юрия.

На корпусе, стоящей чуть в стороне БМД, надпись — «Спецназ
батальйону нацгвардії «Донбас».

Один из нацгвардейцев собирается связать руки Рыжеволосому.
Внезапно, из машины выскакивает пес, и с лаем бросается к ним.

Стоящий рядом нацгвардеец вскидывает ручной пулемет.

Рыжеволосый. Не надо!..

Он вскакивает, пытаясь отвести ствол автомата от собаки.

Пулеметчик реагирует мгновенно: выпускает в Рыжеволосого
длинную очередь....

Пули прошивают тело парня, буквально разрывая его надвое и
отбрасывая назад.

Рыжеволосый падает рядом с лежащим на земле Юрием, накрывая его
спину рукой и забрызгивая его кровью.

Из кармана разорванного в клочья френча Рыжеволосого, прямо перед
лицом Юрия, падает небольшой белый, сложенный вдвое, тетрадный
листок.

Разгоряченный кровавой сценой, пулеметчик переводит ствол на
других лежащих на земле ополченцев.

Голос Франко (с акцентом). Не стрелять!

Нацгвардейцы поворачиваются в сторону окрика.

К ним подходит Франко — крупный мужчина в натовской
военной форме, в каске с крупными буквами «НУ», внешне сильно
отличающийся от остальных нацгвардейцев.

Франко. Они пока живые нужны!

Пользуясь тем, что внимание нацгвардейцев отвлечено, Юрий пытается
протянуть руку к листку, выпавшему из френча рыжеволосого, но
Пулеметчик замечает движения Юрия.

Пулеметчик. Лежать, сука!

Пулеметчик бьет Юрия прикладом по голове. Кровь заливает
ему лицо. Пулеметчик заламывает Юрию руки за спину и туго
связывает их жгутом.

...Время «замедляется»...

Легкий порыв ветра медленно «разгибает» листок, открывая старательно выведенные шариковой ручкой синие буквы:

МЕЧТЫ, ЖЕЛАНИЯ, ЦЕЛИ!!! С 21 января 2014 по ...

1. Сделать тату √
2. Прыгнуть с парашютом
3. Расчитаться с долгами
4. Нырнуть под лед
5. Жинится на умной, красивой, доброй
6. Перед уходом попрощаться с настоящими
7. Завести собаку √
8. Переспать с негритянкой

...Время «возвращается»...

Ф р а н к о подходит к ополченцам.

Ф р а н к о. Встать!

О п о л ч е н ц ы поднимаются с земли.

Ф р а н к о. Бегом, через мост — марш! (*Юрию.*) Ты, седой, стой здесь!

О п о л ч е н ц ы, со связанными за спиной руками, бегут по мосту.

На той стороне их, ударами кулаков и прикладов, принимают нацгвардейцы во главе с двухметровым верзилкой — С е м е р к о й.

Ф р а н к о подходит к Юрию.

Ф р а н к о. Я из-за тебя, сука, всё бросил — семью, бизнес в Нью-Йорке, сюда приехал!

Бьет с размаху Ю р и я по окровавленному лицу.

Ф р а н к о. Ты — их командир?

Ю р и й. Я — военкор.

Ф р а н к о. Из России, падла?

Ю р и й. Я — гражданин Франции.

Ф р а н к о. Француз?.. Позывной?

Ю р и й молчит. Ф р а н к о наотмашь бьет Ю р и я по лицу. С другой стороны моста, метрах в двадцати от «газели», С е м е р к а кричит:

Семерка. Франко, кто там у тебя?.. Француз?.. Давай его сюда!

Франко (*Юрию*). Бегом, вперед!

Юрий бежит через мост.

Семерка. Стоять!

Юрий застывает на середине моста.

Вдруг наступает, звенящая тишина...

На экране — круг, метки с делением... в кругу — очень близко — чуть шевелятся ветром волосы на виске Юрия, мы видим его застывший профиль...

...круг сдвигается вниз — задерживается на связанных за спиной руках...

...круг сужается, виден винтовочный ствол в маскировочной обмотке, мушка, рука на курке, трава вокруг —

Мы видим Юрия глазами снайпера — сквозь прицел, установленный на винтовке...

Франко. Бегом!

Юрий бежит, добегают до поджидающего его Семерки, тот сбивает его ударом кулака с ног на землю и начинает бить сапогами по ребрам.

Подскакивают еще двое нацгардейцев, бьют Юрия ногами и прикладами до тех пор, пока он не перестает шевелиться.

Семерка. Встать! Бегом!

Юрий пытается приподняться, видно, что эта попытка дается ему с трудом — очевидно, поломаны ребра. Он пробует встать на ноги, но не может — левая нога сломана.

Семерка. Вставай сука!

Юрий (*еле слышно*). Не могу, добивайте здесь.

Два нацгардейца подхватывают его за руки и волокут.

Юрия бросают на землю у кирпичной стены, где уже лежат лицом в землю, пятеро ополченцев из «газели».

Подъезжает БМД, с нее спрыгивает Ф р а н к о. На ходу вынимая из кобуры пистолет, он решительно подходит к Юрию, нагибается, приставляет ствол к его виску.

Ф р а н к о. Быстро — информацию, которая может меня заинтересовать. Считаю до трех!..

Ю р и й. Стреляй сразу.

Ф р а н к о. Раз... два... три...

Щелчок бойка пистолета. Ф р а н к о пинает Ю р и я ногой, отходит.

С е м е р к а. Француз, сука, убью! (*Бросается к Юрию*).

Ф р а н к о (*останавливая его*). Успокойся! Он мой!

С е м е р к а в ярости хватает валяющуюся в траве стеклянную бутылку и швыряет ее в сидящего у стены Ю р и я..

Бутылка разбивается о стену в нескольких сантиметрах от головы Юрия; осколки летят ему в лицо...

Юрию трудно дышать, он задыхается, хрипит, корчится от сильной боли в груди, руки туго связаны жгутом за спиной...

К Юрию подходит М а й о р, пожилой нацгвардеец, смотрит на него.

М а й о р (*Юрию*). Конечно, вас нужно бы расстрелять... (*Стоящему рядом нацгвардейцу*.) Развяжите ему руки, куда он убежит? Он двинуться не может.

Школьный двор — день

Во дворе трехэтажной кирпичной школы, стоят на ц г в а р д е й ц ы, среди них — С е м е р к а.

Напротив — п я т е р о о п о л ч е н ц е в из «газели».

В центре — стол, за столом — Б у г о р и Ф и л и н.

Перебирая на столе документы пленных ополченцев, Б у г о р находит маленький календарик с изображением Кремля.

Б у г о р. Филин, смотри!

Ф и л и н (*взглянув на картинку*). Це чьё? Отвечать! Быстро!

Х у д о щ а в ы й. Моё.

Ф и л и н. Виткиля? З Москвы?

Х у д о щ а в ы й. Я — местный, из Иловайска.

Ф и л и н встает из-за стола, подходит к допрашиваемому, тычет ему в лицо календарик.

Ф и л и н. А это що? Или в Украине уже календариков своих немає? Що, сука, в Россию захотив?

Бьет его кулаком в лицо, тот падает на землю.

Ф и л и н. На колени, сука! Уси на колени!

Остальные четверо пленных опускаются на колени.

Нацгвардейцы, по примеру Филина, начинают их избивать ногами и прикладами.

Во двор школы въезжает и останавливается помятый и простреленный минибус с зияющим широким дверным проемом, самой двери нет.

На полу салона лежит Ю р и й.

Сидящий рядом с Юрием н а ц г в а р д е е ц спрыгивает на землю и выдергивает его из машины.

С е м е р к а, избивающий вместе с другими нацгвардейцами пленных, замечает Ю р и я и направляется, радостный, к нему.

С е м е р к а. А-а! Француз! Тебе повезло — ты попал в хорошие руки! Слово даю — живым ты отсюда не выйдешь! (*Бьет Юрия кулаком в лицо.*)

Сопровождающий Юрия нацгвардеец с силой толкает его вперед.

Ю р и й упирается в дверь высокого, размером с платяной шкаф, железного ящика, стоящего у стены небольшой деревянной постройки, тут же, во дворе. Это — школьные мастерские.

Н а ц г в а р д е е ц открывает засов на двери «шкафа», открывает ее, проталкивает Ю р и я внутрь и с лязгом захлопывает дверь.

В шкафу — день

Темнота. Ничего не видно. Рядом, во дворе, шум, крики.

Г о л о с М и р о. Это правда, что вы француз?

Ю р и й. Да, я живу во Франции.

Г о л о с М и р о. И правда, что вы — корреспондент?

Ю р и й. Я — ополченец, военкор.

Г о л о с М и р о. Тогда я вас знаю. В Донецке, на площади, вы читали стихи про грача. Я хотел тогда подойти к вам, но... не смог. Заплакал и ушел. А на следующий день я записался в ополчение.

Ю р и й. Так, значит, это я виноват, что вы оказались здесь? Простите, я не хотел.... В любом случае, рад знакомству. Юрий.

Г о л о с М и р о. Мирослав. Можно — Миро.

Постепенно из темноты проступают очертания второго обитателя железного шкафа, М и р о. Это — высокий худощавый мужчина, лет сорока, в рваном камуфляже, со следами побоев на лице.

Занимающая треть пространства внутри шкафа железная станина с торчащими из нее железными прутьями, позволяет пленникам лишь стоять, и только один из двоих может сесть на пол.

М и р о. Садитесь.

Ю р и й. Спасибо, но если я сяду, то уже не поднимусь. Нога... сломана.

М и р о пытается разогнуть торчащие из станины железные штыри, затем снимает с себя камуфляжную майку, накрывает их ею.

М и р о. Вот... Попробуйте. Долго на этом не усидишь, но, всё же...

Свист снаряда и взрыв. Крики и ругань нацгвардейцев, топот разбегающихся солдат.

Взрывы раздаются всё ближе, и кажется, что каждая следующая мина летит прямо в шкаф.

Во всплывающих и уходящих через затемнение меняющихся кадрах — Ю р и й и М и р о, которые пытаются приспособиться к существованию в узком замкнутом пространстве шкафа.

Видно, что Юрию невмоготу терпеть мучительную боль. Наконец, он затихает, оседает и замирает в странно изогнутой неудобной позе, уткнувшись лбом в стенку ящика.

Донецк. Кабинет начальника разведки — день

В кабинет начальника разведки Б а р с а входит Н а ч ш т а б а.

Б а р с возбужденно кричит в телефонную трубку.

Б а р с . ...Как «пули не берут?» Что ты несешь? Да шарахнете этого терминатора из «мухи»¹!

Выключает телефон.

Н а ч ш т а б а . Что за «терминатор»?

Б а р с . Да есть тут у нас одна зубная боль!..

Достаёт из папки листок и бросает на стол перед Начштаба.

Н а ч ш т а б а (*читает вслух*). «Марк Паславский. Позывной “Франко”. Американец. Инвестиционный банкир, миллионер... Родился на Манхэттене, в 1981 году окончил военную академию в Вест-Пойнте. Майор полка рейнджеров. По материнской линии — племянник сподвижника Бандеры, бывшего офицера Гестапо, а затем сотрудника ЦРУ Микола Лебеда, руководившего вербовкой и заброской агентов ЦРУ на Украину. Обучает и финансирует карательный батальон “Донбасс”...»

Б а р с . ...И понимаешь, этот бандеровец американский, мало того, что здоровый — под два метра ростом, — так он еще непробиваемый!

Н а ч ш т а б а . Как это — «непробиваемый»?

Б а р с . Ну, слышал? — «пули не берут»! Какие-то специальные броники! Прет впереди танков! Ну, зомби, блин!

Школьный двор — утро

Нарастающий свист, взрыв. Взрывом подбрасывает шкаф.

В шкафу — утро

Ю р и й открывает глаза, стонет. Пауза. Свист...

М и р о . Это еще не наша...

Взрыв. Снаружи раздаются крики, стоны, ругань, звук моторов машин.

Г о л о с а . «Франко»! «Франко» убили!..

Ю р и й выглядывает во двор через пробитую осколком дыру в шкафу.

---

¹ «Муха» — реактивная противотанковая граната РПГ-18, принятая на вооружение Советской Армии в 1972 г.

Мимо шкафа нацгвардеец проносит каску Франко с крупными буквами NY, с плавающими в крови мозгами.

Юрий. Неплохо день начинается...

Лязг открывающегося засова шкафа.

Школьный двор — утро

Двое нацгвардейцев открывают дверь шкафа. Один из них —

Жердь — тычет в Юрия, затем в Мирю железным прутом.

Второй нацгвардеец, со свастикой на рукаве — хватает их за одежду и выволакивает из шкафа, бросает на землю, пинает ногами.

Жердь бьет несколько раз лежащих на земле пленников железным прутом.

Жердь. Ну, суки, ...дец вам пришел!

Голос Филина (*громко*). Жердь, гони их в мастерскую.

Жердь. Вставай, сепары, пошли.

Юрий не может встать. Мирю помогает ему подняться и почти тащит его на себе.

Подгоняемые пинками и железным прутом, Юрий и Мирю кое-как добредают до входа в класс труда, находящийся рядом, во дворе школы.

Класс труда в школе — утро

В классе с верстаками и установленными на них тисками — пять

ополченцев из «газели», в одних трусах, и человек десять

нацгвардейцев с автоматами, в полном боевом снаряжении.

Трое нацгвардейцев держат командира группы с приспущенными трусами у верстака, на котором, в тисках, зажата его мошонка. Тут же,

у верстака, стоит один из пленных — Худощавый.

Филин (*Худощавому*). Крути, сепар! Крути, мразь! Або пальці отрублю!..

Филин хватает руку Худощавого, прижимает ее к верстаку и замахивается топором.

Филин. Крути, падла! Або ти зажимаеш йому яйця — або я тобі пальці отрубую! Решай, падла! Яйця або пальці! Яйця або пальці!..

Худощавый (*в ужасе*). Я не могу...

Филин опускает топор на руку Худощавого, нажимает на топорщице, на пальцах ополченца выступает кровь.

Филин. Крути, ватник!

Худощавый затравленно оглядывается, берется за ручку тисков, начинает медленно ее поворачивать.

Командир взывает от боли, пытается вырваться, но трое нацгвардейцев, крепко его держат.

Худощавый инстинктивно останавливается.

Филин вновь замахивается топором.

Голос Майора. Прекратить!..

В дверях стоит Майор.

Худощавый рыдает и падает на колени.

Майор. Прекратить! Филин, что вы делаете?..

Филин. Те, що не додилал слабак Гітлер — чищу рідну Україну від цих ублюдків.

Майор. Я сказал, прекратите! Пленных по местам. Этому (*кивает на Командира*) найдите фельдшера, пусть посмотрит.

Видит окровавленную руку Худощавого.

И этому пусть руку перевяжет.

Нацгвардейцы освобождают из тисков глухо стонущего

Командира.

В шкафу — день

В шкафу Юрий и Мирон. Снаружи слышатся голоса, шум машин, редкие выстрелы, далекие взрывы.

Мирон. Знаешь, мне легче, чем тебе — меня никто нигде не ждет, и никто по мне плакать не будет.

Юрий. А жена?

Мирон. А жены нет. Есть одна женщина, которую я люблю, но она никогда со мной не будет.

Юрий. Она замужем?

М и р о. Нет. Просто она меня не любит. Поэтому я и уехал из Словакии. Бродил по Европе — жил в Англии, в Италии, работал каменщиком, шофером, плотником...

Начинается артобстрел. Приближающийся свист мины.

М и р о. Это не наша.

Звук взрыва. Снова свист, переходит в громкий визг.

М и р о. Ой-ёй-ёй!..

Взрыв, очень близко от шкафа, шкаф сотрясается, на Юрия и Миров сыпется откуда-то земля, всё пространство в шкафу заполняется пылью.

Ю р и й сидит на станине вжимаясь спиной в железные прутья.

Широко открытые глаза Юрия. Он смотрит сосредоточенно куда-то вверх — как бы прося кого-то о чем-то очень важном...

Новый снаряд разрывается почти вплотную к шкафу.

Видение Юрия:

Шкаф подбрасывает вверх. Он падает набок, у него отрывается днище.

Школьный двор — день

М и р о выкатывается из ящика. Следом выбирается Ю р и й. Вокруг взрываются мины, снаряды. Дым, пыль, гарь. Во дворе — никого.

Недалеко стоит знакомая «газель» ополченцев.

Ю р и й. Сможешь?

М и р о. Да.

М и р о помогает Ю р и ю добраться до машины...

В машине в замке торчат ключи...

М и р о заводит машину, она резко срывается с места и вылетает со двора школы.

Дорога в поле подсолнечника — день

«Газель» спускается с холма где осталась школа и мчится по дороге вниз.

За спиной б е г л е ц о в не прекращается артобстрел холма, но они уже вырвались за пределы огня и мчатся навстречу свободе.

Яркое солнце золотит огромное желтое поле подсолнечника...

Нарастающий, до оглушающего, свист, переходит в визг.
Снаряд — взрыв — машину разносит в клочья. Темнота. Тишина.

Г о л о с М и р о. А вот это уже наш... (*Пауза.*) Юрка, ты жив?..

Конец видения Юрия

В шкафу — день
Ю р и й полулежит на своих железных штырях, глядя в потолок шкафа.

М и р о. Юрка! Что с тобой?..

Ю р и й не отвечает.
Артобстрел прекратился. Слышны редкие выстрелы вдалеке.

Школьный двор — день
Н а ц г в а р д е й ц ы выгоняют из здания школы п я т е р ы х п л е н н ы х
о п о л ч е н ц е в, ставят их к стенке школы. Из одежды на пленных —
только трусы.
Ш е с т е р о н а ц г в а р д е й ц е в становятся в шеренгу перед пленными
и вскидывают автоматы.

Ф и л и н. Готовсь! По врагам Украины — огонь!

Раздаются автоматные очереди.
Пули дробят стену над головами ополченцев.
...О, один таки, обоссался!

Тычет пальцем в обмочившегося от страха Х у д о щ а в о г о.
...А теперь на четвереньки и — бегом по кругу.

Н а ц г в а р д е й ц ы пинают ополченцев ногами, гонят их по двору на
четвереньках.

...А теперь громко: Слава Украине!
П л е н н ы е (*хором, вразнобой*). Героям слава!
Ф и л и н. Еще громче! «Украина понад усэ!»...
П л е н н ы е. «Украина понад усэ!..»

Тех из пленных, кто делает это недостаточно громко, нацгвардейцы
пинают ногами в тяжелых берцах, бьют прикладами.

Жердь и нацгвардеец со свастикой направляются к шкафу.

Жердь. А с этими, чё? Всё вокруг раздолбано, а шкаф — целехонек! Так они и нас переживут!

Нацгвардеец со свастикой. Да расстрелять их и все дела!

Жердь. Куда ты спешишь? Вон, в Попасной, посадили на танк сепаров, седого и девчонку, и бросили на свои же пули... Седой-то — хрен с ним, а вот с медсестричкой поспешили — с ней бы еще ребята повеселились!

В шкафу — день

Юрий внимательно вслушивается в разговор охранников.

Голос боевика со свастикой. Ну, ты, бл..., сравнил: медсестричку — с этими уродами! Да, если бы сейчас в шкафу эта Настенька была — уж я б ее поохранял!..

У Юрия на глазах слезы.

Школьный двор — день

Боевик со свастикой. ...А с этих — что толку? У-у, суки! Не, дай я им щас в шкаф — гранату, и звиздец, и мы свободны!

Жердь. Нет, ты не рубишь! Весь интерес-то: чтобы их — свои же!.. Давай так... Если за сутки их сепары не расхерачат — ставлю пузырь!

Свист летящего снаряда. Нацгвардейцы убегают в бомбоубежище.

Школьный двор/в шкафу — ночь

Светит яркая луна. Во дворе необычно тихо. Не слышно свиста мин, взрывов снарядов.

Изредка слышны далекие одиночные выстрелы.

У шкафа на земле сидит Марк с автоматом.

Подходит Майор.

Марк поднимается с земли.

Майор. Открой.

М а р к отодвигает засов, открывает дверь шкафа.

М а й о р оглядывает пространство внутри шкафа. Качает головой.

М а й о р (Юрию). Да... не сиделось вам во Франции. По-хо-рошему — вас нужно, конечно, расстрелять...

Ю р и й. Хорошо, только сначала вы не могли бы принести пу-стую пластмассовую бутылку — очень нужно.

Пауза. М а й о р кивает Марку, тот закрывает дверь. М а й о р уходит.

М и р о. Ты, это, не слишком — с бутылкой?

Ю р и й. Может, и слишком. Только терпеть больше не могу.

Гремит засов, дверь открывается.

М а й о р протягивает Юрию пластмассовую бутылку.

Ю р и й. Спасибо.

М а й о р. Вас кормили?

Ю р и й. Нет.

М а й о р. Ладно. Я пришлю кого-нибудь.

М а р к закрывает дверь шкафа. М а й о р уходит.

Звонок мобильного телефона.

М а р к задвигает засов на двери шкафа. Достает из кармана телефон.

М а р к. ...Та не, Илонушка, я не тикав от тебя сюда. Просто тогда, когда мы с тобой поссорились, я пошёл до хлопцев, а они в ту ночь решили вступить в батальон. И меня позвали... Та не, Ило-нушка. Я уже не могу вернуться...

В шкафу — ночь

Ю р и й сидит на своих железках, слушает голос Марка...

Г о л о с М а р к а. ...Я ж тогда сказал тебе, шо иду на войну, а шо ты ответила? — «Та иди куда хочешь!» Ну я и пошел... Та не, Илонушка, тут же хлопцы, как я теперь их брошу?..

Школьный двор — ночь

Залитый лунным — мирным — светом школьный двор. Тишина...

В шкафу — утро

Сквозь пробоины и щели в угловых швах шкафа пробиваются узкие полоски дневного света... В рассеивающейся постепенно темноте виднеется обмотанная грязным бинтом нога Ю р и я, покоящаяся на спине нелепо скрючившегося на земляном дне шкафа М и р о; сам Ю р и й — почти стоя, повиснув на торчащих из железной станины штырях, — тоже дремлет...

Лязг замков, засова, дверь шкафа открывается.

На ц г в а р д е е ц с о с в а с т и к о й. Француз, выходи. Шевелись, а то вторую ногу сломаю!

Школьный двор — утро

На ц г в а р д е е ц с о с в а с т и к о й сзади, автоматом, подталкивает еле ковыляющего, опирающегося на две деревянных — разной величины — палки Ю р и я в направлении школы.

Классная комната — утро

На ц г в а р д е е ц вводит Ю р и я в классную комнату, уставленную партами, остается стоять у двери.

За учительским столом сидит И р а к л и й, крепкий мужчина лет сорока, кавказской внешности. На столе стопка документов пленных ополченцев.

И р а к л и й указывает Ю р и ю на парту напротив стола.

И р а к л и й (*с легким акцентом*). Имя, фамилия?

Ю р и й. Юрий Горбенко.

И р а к л и й. С какой целью приехали сюда, в чужую страну?

Ю р и й. Это для вас она чужая, а я родился в Одессе.

И р а к л и й. Дальше. Расскажите о себе.

Ю р и й. Вырос на Колыме. В 18 лет приехал в Грузию. Там поступил в театральный институт. Первая книжка стихов вышла в издательстве «Мерани».

И р а к л и й. По-грузински разговариваете?

Ю р и й.

«Месаплаве, шен амбоб, ром квэканазэ винц ки квдэба,

Им цутшиве миси чрдили квэла чвенганс авицгдэба...»

Титры — перевод:

Ты, могильщик, утверждаешь: кто б ни умер — лишь отпели —
Вмиг забыт он с окончанием похоронной канители.
Галактион Табидзе. «Могильщик»

И р а к л и й смотрит внимательно на Ю р и я.

И р а к л и й. Когда вы выехали впервые за рубеж?

Ю р и й. В восемьдесят девятом, в Германию. Там и остался.

И р а к л и й. Почему уехали? У вас были проблемы с режимом?

Ю р и й. Нет, не было. Любознательность.

И р а к л и й. Долго жили в Германии?

Ю р и й. Два года, потом — в Швейцарии, потом — во Франции...

И р а к л и й. Вы очень неплохо держитесь для простого воен-
кора-ополченца.

Ю р и й. А я не простой военкор-ополченец. Я — поэт.

И р а к л и й (*усмехаясь*). Да, конечно же, только поэт мог
себе позволить так разъезжать по миру в те годы... Я вам скажу,
кто вы. Вы агент ФСБ или ГРУ, завербованный КГБ еще где-то в
середине восьмидесятых.

Ю р и й. Да вы загляните в Интернет — я пишу стихи, пьесы,
перевожу, ставлю спектакли. Я автомат-то — тут, в Славянске,
впервые в жизни разобрал и собрал!

И р а к л и й. Сомерсет Моэм тоже автомат не разбирал. Что не
мешало ему быть отличным разведчиком. В Швейцарии вы где жили?

Ю р и й. В Веве, городок на Женевском озере.

И р а к л и й. Там жил еще один писатель и драматург, Грэм
Грин, «тихий американец», который всю жизнь работал на британ-
скую разведку.

Ю р и й. Осталось еще Даниеля Дефо вспомнить...

И р а к л и й. Вас нормально кормят?

Ю р и й. Дали вчера что-то, но я не ел.

В класс входит М а й о р, садится за крайнюю парту.

И р а к л и й. Почему?

Ю р и й. Видите ли... В шкафу нет, извините, туалета. Поэто-
му я предпочитаю не есть, чтобы не провоцировать желудок. Воду
пью, с этим — проще.

И р а к л и й. Я же сказал, вы — опытный агент, вы всё знаете — как себя вести, что говорить...

Берет телефон, набирает номер.

И р а к л и й. Добрый день, господин министр... (*Отходит в глубину класса.*)

М а й о р (*Юрию*). Мне сказали, что на вас была кобура, это правда?

Ю р и й. Да. Была.

М а й о р. Значит, и пистолет был. Вы его сбросили. Да, конечно же, вас нужно расстрелять... Вам бинт на ногу меняли сегодня?

Ю р и й машет отрицательно головой.

М а й о р. Я скажу фельдшеру.

И р а к л и й (*по телефону*). ...Да, думаю, он — профессионал... Ну, немедленно доставить в Киев его не получится, провратиться отсюда трудно, но при первой же возможности... Хорошо, я передам его Профессору (*отключает телефон*).

Ю р и й (*Ираклию*). А что, если вы ошибаетесь? А из меня в Киеве, в подвалах СБУ, будут вышибать «агентурные признаки» — ничего? С совестью проблем не будет?

И р а к л и й не отвечает, записывает что-то в свой блокнот, затем поднимает глаза на Ю р и я.

И р а к л и й. Не думаю.

Цитирует по-грузински.

Асе хдэба квэканазэ — квэла цоцхлобс, квэла квдэба.

Титры — перевод:

Все живут — все умирают, — гаснут все земные звезды...

Галактион Табидзе. «Могильщик»

И р а к л и й (*нацгвардейцу*). Можно уводить.

Ю р и й с трудом поднимается и, опираясь на две палки, прыгает к двери.

И р а к л и й (*вслед*). В любом случае, до киевских подвалов еще дожить надо.

Штаб ополчения. Кабинет начальника штаба — день
В кабинете Начштаба, Начальник разведки Барс и Борис.

Начштаба (*Борису*). ...Как ты его одного отпустил?

Борис. Саныч, ну ты же его знаешь. Я ему: вернемся, мол, починим машину и, еще до вечера, успеем смотаться снова. Но он же хуже хохла. Уперся и ни в какую.

Барс. На блокпосту сказали, что вы звонили по телефону. Кому?

Борис. Ну, Санычу же! Хотел спросить, че мне делать? Только не дозвонился. Связи не было.

Барс. Но вы ведь сразу уехали с блокпоста? Значит, машина была на ходу?

Борис. Да машина-то была на ходу, но бак был пробит, и бензина оставалось только доехать до гаража. Там я бак и залатал.

Барс. Но после этого вы не вернулись на блокпост?

Борис. Нет. Мы договорились с Анри, что он позвонит, когда его забирать.

Барс (*Начштаба*). Понятно...

Начштаба. Ну, ладно, Борис, иди...

Борис выходит из кабинета.

Барс. Ну так вот, Саныч. Твой «Анри» в плену у отморожков батальона «Донбасс». А вот жив ли он еще, этого мы пока не знаем.

Начштаба. Твою мать!.. Твою мать!.. Я ему сто раз говорил — не лезь на рожон! Интеллигент сраный! Когда вернется, я его на месяц в подвал посажу!

Шкаф — утро

Голос нацгвардейца. Эй, в шкафу! Слышите меня?..

Юрий и Мирю смотрят друг на друга, не отвечают.

Голос. Да слышите, знаю. Понять хочу. Что вам здесь, на Донбассе, нужно? С кем вы приехали воевать?

Юрий. С фашистами.

Голос. А где вы тут фашистов нашли?

Ю р и й. Ну, а кто вы? День Победы отменили, старикам за-
прещаете их ордена надевать, по улицам эсэсовцы маршируют —
ветераны дивизий «Нахтигаль» и «Галичина», памятники Бандере
ставите, мирные дома из «градов» поливаете... Людей сожгли в
Одессе...

Г о л о с. А что — «в Одессе»? Ну, сожгли полсотни мудаков
и правильно сделали! Зато — вся Одесса шелковой стала. И в До-
нецке хотели — да не успели, вот теперь и результат... А Банде-
ра-то чем вам так не нравится?..

Дверь шкафа открывается, на пороге К о т и к, — невысокий, щуплый
нацгвардеец, с автоматом в руках.

К о т и к. Вот, я бандеровец. Страшно? Шмальнуть, что ли, вас
обоих одной очередью?.. Да ладно... Вот...

Вынимает из кармана вскрытую пачку печенья,
протягивает ее Ю р и ю и М и р о.

Печенья хотите? Берите, берите, не бойтесь!

М и р о берет одно печенье.

М и р о. Спасибо.

К о т и к. Вот видите, я, бандеровец — вас, сволочей, печеньем
кормлю.

Садится на корточки, протягивает пачку Ю р и ю.

Берите еще! Француз!..

Г о л о с. Се мер к и. Котик! На хрена ты печенье переводишь?
Этим двоим уже ничего не нужно!

Двухметровый Се мер к а отодвигает К о т и к а от двери. Рядом с
ним — два охранника.

Се мер к а. Француз, выходи. И подружку свою словацкую
бери. Я же тебе сказал, что ты труп. А ты, вижу, не поверил. Зря.
(Охранникам.) К стенке их.

Школьный двор — утро

Охранники выводят Юрия и Миров и ставят к полуразрушенной
деревянной стене школьных мастерских.

Семерка поднимает автомат, проверяет магазин, вставляет обратно,
передергивает затвор.

Семерка (*Юрию*). О, да ты крещеный? Я тоже. Ладно, я
ж не зверь. Крикнешь — только громко: «Слава Украине!» — и я
тебе дарю еще день жизни. Словак, ты тоже кричи! Ну?

Семерка опускает автомат. Ждет несколько секунд.

Семерка. Ну, падла, молись, чтобы мы на том свете не
встретились. Я тебя и там достану.

Вскидывает на Юрия и Миров автомат.

Во двор, въезжает «мерседес» и тормозит около Семерки. Дверь
«мерседеса» открывается. Из машины выходит Ираклий.

Ираклий (*Семерке*). Спасибо, вовремя ты их вывел! Опуст
автомат, еще успеешь. А пока — небольшая фотосессия.

Ираклий достает смартфон, фотографирует Юрия.

Ираклий. Француз, выше голову! (*Снимает.*) Ну, давай и
тебя, словак, шелкнем. (*Делает еще снимок*). Уведите их обратно.

Семерка. Ну, ты француз, прям, модель, сука, звезда. Порт-
фолио на тот свет готовишь? Ублюдок! Я сказал, что ты труп, зна-
чит, будешь труп! До завтра, подружки!

Охранники заталкивают Юрия и Миров в шкаф, закрывают
засов.

Офис комиссии ДНР по пленным — день

Багира одна, сидит за столом. Перед ней наполовину пустая бутылка
водки. Стук в дверь. Багира не реагирует.

Дверь открывается. Входит Начштаба. Проходит, садится к столу,
напротив Багиры. Пауза.

Багира разливает оставшуюся водку в два стакана.

Они выпивают.

Багира. ...Ну, сделай же что-нибудь, Саныч! Уговори Первого отдать им за него этого толстомордого полковника из «Азова»! А?.. Пока Анри еще тут, пока его в Киев, в подвалы СБУ не отравили!

Начштаба. Некого отправлять, Багира, в Киев. Мы связались со школой, они говорят — у них пленных нет. Похоже на то, что его расстреляли.

Багира. Что ж такое-то, Саныч?.. Я, что ли, такая прокаженная?

Начштаба. Ты-то при чем тут, Багира?

Багира. Да понимаешь, чертовщина какая-то: только мужик какой появится около меня — хоп! — расстрелян. В Славянске мне Лаврик, командир спецгруппы, прохода не давал — его за мародерство расстреляли. В Харькове, в плену, начальник СБУ меня из такого ада вытащил, — выходи, говорит, за меня, я ему — нет, не люблю, не выйду, а он все равно меня в списки на обмен под чужой фамилией внес, — я здесь, а его укры за меня расстреляли...

Начштаба. Анри, что ли, тоже тебя замуж звал?..

Багира. Да что ты, Саныч! Он француженку свою любит... Нет — тут, наоборот, я бы за него на любой расстрел пошла бы... Вот и выходит: прокаженная я какая-то — меня ли любят, я ли кого полюблю — мертвое поле одно вокруг меня...

Школьный двор — вечер

Взрыв — огонь, осколки, дым, земля, пыль.

Бой идет совсем рядом со школой, причем одновременно, в разных концах поселка, расположенного на холме, вокруг школы.

Шальные пули залетают во двор, попадают в шкаф.

Во дворе суета. Гудят моторы машин. Бегают бойцы.

Грузят раненых в КамАЗ с тентом, закрывающим кузов.

Бугор. Отходим! Будем прорываться. Марк, через пять минут снимай охрану.

Марк. А что с пленными? В машину?

Бугор. В какую машину? — для раненых места нет. Расстрелять!

В шкафу — вечер

М и р о и Ю р и й напряженно замерли: они ловят каждый шум,
каждое слово, долетающее до них с улицы...

Ю р и й. Ну, вот, Миро, кажется — всё. Рад был познакомиться.

Лязг открывающегося засова.

М и р о. Юрка, не подумай, что я педик, но я тебя тоже люблю.

Дверь открывается.

Школьный двор / в шкафу — вечер

В проеме двери — Ж е р д ь и М а р к. Марк смотрит в сторону.

Ж е р д ь. Выходи.

Ю р и й (*Жерди*). ...Ираклий при мне разговаривал по телефону с министром, тот ему сказал, чтобы меня... чтобы нас двоих, обязательно доставили в Киев!

Ж е р д ь. Какой, на хер, Киев, какой министр?.. (*Марку*.) Где Ираклий?

М а р к. Должен подъехать... Надо бы его дождаться.

Ж е р д ь. С хера ли? Нам приказали — мы исполнили. (*Юрию и Миро*.) Выходи!

М а р к. Я бы подождал Ираклия. Как бы чего...

Ж е р д ь (*Юрию и Миро*). Ладно, натовцы, у вас еще пять минут. Надеюсь, он не появится.

Стрельба становится менее интенсивной и, постепенно отдалается...

Во двор школы вбегают несколько разгоряченных — только что из боя — н а ц г в а р д е й ц е в, среди них — усталый М а й о р.

М а й о р. Отбой! Раненых назад! Они пока, вроде, отошли. Ночью вряд ли полезут, а завтра должно подойти подкрепление.

М а р к (*Жерди*). Ну, вот, видишь? — отбой.

М а р к закрывает двери шкафа.

В шкафу — вечер

Г о л о с Жерди. Да пошли все...

М и р о. Спасибо, Юрка!

Ж е н с к и й г о л о с (*со двора*). Пустите меня! У меня там больной отец.

Г о л о с г в а р д е й ц а с ч у б о м. Куди! Стояти! Якщо побіжить — стріляй! Це — коректировщица!

Школьный двор — вечер

От ворот, через двор, два нацгвардейца ведут женщину
средних лет с сумкой в руках.

Недалеко от шкафа, с автоматом, стоит нацгвардеец с чубом.

Ж е н щ и н а. Да какая я коректировщица? Я к отцу шла! Он один, старик, лежит там. Я каждый день хожу к нему, кормлю та лекарства даю.

Б у г о р (*нацгвардейцам*). Проверили, что у нее в сумке?

Ж е н щ и н а. Та шо там может быть? Немного поесть, та лекарства для отца!

Н а ц г в а р д е е ц с ч у б о м (*показывая Бугру телефон*). Звонила кому-то!

Недалеко от школьного двора взрывается фугас.

Ж е н щ и н а (*испуганно вздрогнув*). Да будьте вы прокляты! Кто вас сюда звал? Пришли, всё разрушили, нас, детей наших, убиваете! Вы хуже немцев!

Н а ц г в а р д е е ц с ч у б о м. Ты заткнешься, чи ні?

Снова взрыв.

Ж е н щ и н а. ...Ой, это около папиного дома! Господи, помилуй! Пустите меня!..

Ж е н щ и н а вырывает из рук нацгвардейца сумку и бежит через двор к домам поселка в направлении только что прогремевшего взрыва.

Н а ц г в а р д е е ц с ч у б о м. Стій! Куди, сука!

Вскидывает карабин и стреляет в спину женщине. Она, как подкошенная, падает, не добежав до края двора.

В шкафу — вечер
М и р о сидит на коленях в позе молящегося мусульманина, глухо
мычит, мотая головой...

Ю р и й с закрытыми глазами что-то шепчет.

Г о л о с одного из охранников. ...Что же мы делаем, а?.. Как же мы потом, когда всё закончится, в глаза друг другу смотреть будем?.. Как же мы жить будем — как будем дружить, в кино ходить, на футбол?..

Нарастающий свист. Во двор попадает несколько мин.

Г о л о с нацгвардейца со свастикой. «Котика» убило!
Д р у г о й г о л о с. Да нет, вроде жив! Дергается... Сестра!
Г о л о с одного из нацгвардейцев. Раз... два... три...
четыре... пять...

Школьный двор — вечер

Один из нацгвардейцев делает К о т и к у массаж сердца.

Остальные — столпились вокруг.

С е м е р к а пробегает мимо шкафа, бьет ногой по железной двери.

С е м е р к а. Ну, суки, молитесь, чтоб он выжил! Если умрет — я вас на ремни порежу!

С е м е р к а подбегает к носилкам, отталкивает нацгвардейца и
начинает мощно давить на грудь К о т и к а , считая вслух.

С е м е р к а. ...Двадцать три, двадцать четыре...

При каждом надавливании на грудь К о т и к а , всё тело его сотрясается
и из его пробитого черепа выливается струя крови.

Во двор вбегает м е д с е с т р а , останавливается, несколько секунд
смотрит на происходящее.

М е д с е с т р а (Семерке). Что ты ему грудь давишь?! У него
башка пробита!

С е м е р к а (ничего не слыша). ...Двадцать восемь, двадцать
девять...

М е д с е с т р а (кричит). Да отпусти ты его уже! Всё! Ему
уже не поможешь!

Семерка (*вскакивая в возбуждении*). Ну, всё, суки. Щас они ответят. Выводи пленных!

Нацгвардейцы пинками и ударами выгоняют из школьных мастерских, во двор, пятерых, раздетых до трусов, пленных из «газели».

Босые, грязные ноги бегут по двору, усыпанному осколками стекол и обломками кирпича.

Жердь и нацгвардеец со свастикой распахивают дверь шкафа.

Нацгвардеец со свастикой. Выходи! Бегом!

Юрий не может бежать, он прыгает на одной ноге, опираясь одной рукой на Мирю, другой — на палку.

Нацгвардеец со свастикой (*толкая Юрия в спину*). Бегом, сказал!

Пленные сбиваются в кучу посреди двора.

Толпа озверевших нацгвардейцев, во главе с Семеркой, надвигается на них.

Во двор влетает «мерседес».

Из него выскакивает Ираклий и, с ходу оценив ситуацию, вклинивается между пленными и нацгвардейцами.

Ираклий. Назад!

Толпа разъяренных нацгвардейцев не отступает.

Ираклий распахивает широко руки, сдерживая нацгвардейцев.

Прямо перед ним — лицом к лицу — Семерка.

Семерка. А ты, генацвале, нам не указ. Мы, значит, все, тут, как Котик, поляжем, а эти гниды будут жить? Уйди в сторону. Дай ребятам пар спустить.

...Разъяренные, тяжело дышащие, нацгвардейцы...

...Плотно сбившиеся друг к другу, за спиной у Ираклия, пленные...

Руки Ираклия, сдерживающие натиск нацгвардейцев, начинают медленно опускаться...

Внезапно, в напряженной тишине — спокойный голос М а й о р а.

М а й о р. Семерка! Остыньте! В бою такой отваги я, что-то, за вами не замечал.

М а й о р уже стоит рядом с И р а к л и е м.

И р а к л и й. У меня приказ СБУ. Пленные нужны живые.

Пауза. Все смотрят на М а й о р а.

М а й о р. По-хорошему, конечно их надо бы расстрелять... Но... (*смотрит на Ираклия*) разведке виднее. (*Нацгвардейцам.*) Разойдись. Пленных — по местам.

С е м е р к а в бешенстве вскидывает автомат и стреляет чуть выше голов пленных ополченцев.

С е м е р к а. Ну, уроды!.. Майор, это — в последний раз.

Пленных разводят по своим местам.

Слышится знакомый свист. Столпившиеся во дворе нацгвардейцы, бросаются к дверям школы.

Ж е р д ь буквально впихивает Ю р и я и М и р о в их шкаф, закрывает дверь и убегает вслед за остальными в здание школы.

Разрыв... Грохот, звон стекла...

Один из осколков пробивает металлическую стенку шкафа.

Снова — свист... разрыв... звон, грохот...

Г о л о с. Филин ранен! Санитаров, сюда, быстро!

Артобстрел усиливается. Во дворе и около школы — серия взрывов: это работает «град».

Г о л о с И р а к л и я (*кричит*). ...Алло! Вы меня слышите? Пленных надо отсюда вывезить!.. Что?.. Но их нельзя здесь оставить!.. Алло!.. Алло!..

Двор и школа освещаются, горят остатки кровли школьных мастерских и постройки, прилегающие к школе.

В шкафу — ночь

Шкаф сотрясается от взрывов...
Напряженные лица Ю р и я и М и р о. Мир о что-то шепчет...

Видение Юрия

Шкаф вырастает в размерах, здание школы, наоборот, уменьшается, холм, на котором расположена школа, тоже увеличивается, вырастает. Из расположенного вокруг холма, по периметру, множества неистово палящих разнокалиберных орудий вылетают снаряды и летят вверх, по направлению к торчащему на вершине холма шкафу...

Г о л о с Ю р и я (*за кадром*).
...И заглушая в сотый раз
Твой голос, Мир о,
Шесть долгих суток лупят в нас
Все пушки мира...

Мощный взрыв. Свет меркнет. Наступает тишина.
Конец видения Юрия

Школьный двор — день

Во двор въезжают «мерседес», КамАЗ с крытым кузовом и, неожиданный здесь, четырехдверный «седан»-кабриолет. Из «мерседеса» выходит И р а к л и й, в руках у него два деревянных костыля.
Из школы н а ц г в а р д е й ц ы выносят носилки с ранеными и грузят их в КамАЗ.
Некоторые раненые самостоятельно подходят к КамАЗу, им помогают забраться в кузов.

В шкафу — день

Ю р и й и М и р о через дыры в шкафу смотрят во двор.
Гремит засов, шкаф открывается, в проеме — М а р к.
М а р к. Француз, выходи! Уезжаем. (*Протягивает ему костыли.*) Это тебе!

Ю р и й смотрит на М и р о. Тот, улыбнувшись, подталкивает его к проему двери. Они обнимаются.

М а р к (*показывает Юрию на кабриолет*). Иди, садись на заднее сиденье.

Ю р и й прыгает на костылях к кабриолету.

Поравнявшись с И р а к л и е м, останавливается, смотрит на него.

Ю р и й. А Мирю? Когда «Семерка» увидит, что меня в шкафу нет, он убьет его.

И р а к л и й. Идите в машину.

Ю р и й идет к кабриолету.

И р а к л и й что-то говорит М а р к у.

Ю р и й устраивается с трудом на заднем сиденье, укладывает костыли.

Смотрит через стекло на школьный двор.

Во дворе М и р о, сопровождаемый М а р к о м, подходит к КамАЗу, поднимается в кузов, и исчезает в глубине фургона.

М а р к садится в кабриолет впереди, рядом с водителем.

«Мерседес» трогается первым, за ним КамАЗ и кабриолет, и вся мини-колонна выезжает за ворота.

Дорога. Поселок — день

Колонна не успевает достичь конца улицы, как в воздухе раздается знакомый свист, и там, откуда они только что выехали, в районе школы, начинают разрываться снаряды...

Вдоль дороги то тут, то там, чернеют сгоревшие дома, торчат скелеты развороченных крыш, зияют пустыми оконными проемами изрешеченные осколками кирпичные стены...

Блокпост нацгвардии — день

Колонна въезжает на украинский блокпост.

Желто-голубой флаг, нашивки батальона «Донбасс», врытый в землю танк, ящики с боекомплектами.

Машины останавливаются.

Г о л о с а н а ц г в а р д е й ц е в. «Слава Украине! Героям слава!..»

И р а к л и й беседует с б о й ц а м и блокпоста, к ним подходит М а р к.

Ираклий что-то ему говорит.

Ю р и й замечает завалившуюся между сидениями машины небольшую записную книжку. Он берет ее и кладет к себе в карман.

М а р к возвращается озадаченный.

М а р к. Вперед нельзя, там бой.

Ю р и й. Что, назад, опять в шкаф?..

М а р к. ...Что? В шкаф? Да, нет. В шкаф уже в любом случае ты не вернешься. Нет шкафа. Прямое попадание.

М а р к достает из багажника две банки тушенки, вскрывает одну, собирается вскрыть вторую банку.

Ю р и й. Не надо, Марк, я не буду. Спасибо.

Ю р и й откидывается на спинку сидения, закрывает глаза. Яркое теплое солнце освещает его разбитое в кровоподтеках лицо. Налетающие порывы легкого ветра шевелят спутавшиеся в земле и грязи волосы...

Раздается приглушенный свист и вслед за ним звук взрыва. В корпус «седана» врезается несколько осколков.

Г о л о с а н а ц г в а р д е й ц е в. Танк!.. Прямой наводкой бьет, гад! Все — в лес!

Все выскакивают из машин, р а н е н ы х спускают на носилках из КамАЗа и, бегом, уносят в лес, за ними, в сопровождении автоматчиков, бежит М и р о.

Ю р и й распахивает дверь кабриолета, пытается выйти, но у него всё получается очень медленно.

Ю р и й видит, что М а р к, скрывшийся уже, было, в лесу, возвращается к нему, чтобы помочь.

Ю р и й. Не надо, Марк! Беги! Я сам справлюсь.

Взрыв. Снаряд попадает в одну из стоящих на блокпосту машин, она загорается.

М а р к ждет. Ю р и й допрыгивает на костылях до М а р к а, и они вместе исчезают в лесу.

Разрыв... Снова свист... разрыв...
Лес — день

Ю р и й, опираясь на костыли, прижимается к дереву.

Мимо пробегает б о р о д а т ы й н а ц г в а р д е е ц, как бы споткнувшись, останавливается, удивленно смотрит на Ю р и я.

Б о р о д а т ы й н а ц г в а р д е е ц. А ты что тут торчишь? Ховайся!

Ю р и й. Я... не могу.

Б о р о д а т ы й н а ц г в а р д е е ц. Чому не можеш? Біжимо, я допоможу! Ось тут, мій окопчик!

Ю р и й. Мне... нельзя в окопчик!

Б о р о д а т ы й н а ц г в а р д е е ц. Чому це?

Ю р и й. Я... пленный.

Н а ц г в а р д е е ц какое-то мгновение смотрит на Ю р и я молча...

Свист...

Б о р о д а т ы й н а ц г в а р д е е ц. Та насрати! І що, що пленний?..

Разрыв...

...Ти — людина! І життя людське — єдине! В окопчик, я тобі кажу!

Он подталкивает Ю р и я, тот допрыгивает, на костылях до щели, на которую сверху уложены три бревна, и, от толчка в спину, скатывается в «окопчик». Вслед за ним — б о р о д а т ы й н а ц г в а р д е е ц.

Гремят взрывы, сыпятся, срезанные осколками, ветки с деревьев.

Б о р о д а т ы й н а ц г в а р д е е ц. ...У мене багато друзів у Росії. ти розумієш, в прошлом-то, я спортсмен, єдиноборства, я з росіянами часто бився, і в Росії, і в Україні, я любив з вашими битися, мене побили, або я побив — злості немає: ми обнімаємося і остаємося друзями.

Рядом разрывается снаряд, в окоп обрушивается куча земли и веток.

...Я був бандитом, я їздив вибивав гроші, а один раз, так вийшло, я не став сразу бити, а пояснив, у чому діло, і мене зрозуміли, гроші повернули! І я зрозумів тоді, що, виявляється, можна не бити, можна домовитися! Завсегда можна, розумієш?..

...Разрывы уже прекратились, их сменил беспорядочный треск выстрелов: где-то рядом горят ящики с боекомплектком.

...Тебе як звати?

Ю р и й. Юрий.

Бородатый нацгвардеец. Мене — Роман! Так от, Юрий, слухай, у нас містечко невелике, мене всі там знають, всі менти мене в місті поважають, я раніше працював вышибалой, а зараз, вернуся додому — буду балотуватися в мери! Потому що я зрозумів, що про все можна договоритися! І жити нормально, не бити нікого!

Выстрелы прекратились, тишина наступила в ночном лесу.

Ю р и й. Может... там... ищут меня?

Р о м а н выпрыгивает наверх и помогает выбраться Ю р и ю. На небольшой полянке стоят и сидят нацгвардейцы и Марк. Тут же, рядом, под навесом из веток, стоят несколько походных кроватей.

Р о м а н. Сідай, це моя... *(кивает на крайнюю кровать)*.

Ю р и й, совсем уже наплевав на свое положение пленного, вытягивается на кровати Романа... и проваливается в сон. Уже в полудреме Ю р и й слышит громкий, на весь лес, голос будущего мэра.

...А що, я буду мером, хто мені завадить, я тепер маю право говорити з людьми, я тут, на війні, багато чого зрозумів, я не хочу бути більше ні бандитом, ні солдатом, я хочу рассказать всім, що війна — паскудная справа, про все, всегда, з усіма можна договоритися...

К Роману подходит нацгвардеец в каске, кладет руку ему на плечо.

Нацгвардеец в каске. Ну, все, Роман... все... буде... добре... заспокойся.

И огромный бородач вдруг замолкает, оглядывается по сторонам, обхватывает голову большими руками...

Дорога. Колонна из трех машин — ночь

Картина апокалипсического конца света. Высокие костры горящих автомобилей и военной техники — свечами — поднимаются в небо.

Штаб ополченцев. Кабинет начштаба — день
В кабинете — Нач штаба, Барс, Багира.
Напротив, на стуле — Майор.

Нач штаба. Ваш позывной?..

Майор. Майор.

Нач штаба. Вы были старшим на точке «Школа»?

Майор. Я замещал убитого командира роты.

Нач штаба. Находились ли на «Школе» пленные ополченцы?

Майор. Да. Семь человек.

Нач штаба. Иностранцы среди них были?

Майор. Да. Француз и словак.

Нач штаба. Что с ними стало?

Майор. Иностранцев вчера увезли.

Багира. А остальные?

Майор молчит.

Багира. Остальные, Майор? Что с ними?

Майор. Они были расстреляны.

Багира. За, что? Вы же профессиональный военный. Вы же знаете, что...

Майор. Я знаю. Пока я был рядом — они были живы. Я был на мосту, отбивал вашу атаку, когда узнал... Бойцы озверели от постоянных артобстрелов, от своей и чужой крови...

Барс. Кто увез иностранцев?

Майор. Сотрудник отдела разведки.

Барс. Подробнее — кто он? Он из СБУ?

Майор. Нет. Консультант по разведке батальона «Донбасс» подполковник Ираклий Дадиани. В прошлом — начальник департамента военной разведки Минобороны Грузии.

Багира. В каком физическом состоянии были пленные, когда их увозили?

Майор. Словак более-менее. Француз тяжелый. У него раздроблена нога. И, кажется, сломаны ребра. Но держался он достойно.

Багира. Их пытали?

Майор молчит.

...Их пытали, Майор?

М а й о р. Били. Я не всегда мог этому помешать.

Б а г и р а. Куда их увезли?

М а й о р. На базу батальона «Донбасс», в Курахово.

База батальона «Донбасс» в Курахово. Двор — ночь
У облезлой кирпичной стены, на двух деревянных ящиках сидят д в о е
н а ц г в а р д е й ц е в с автоматами на коленях и с кружками в руках.
На третьем ящике — две бутылки — пустая и начатая — водки, хлеб,
банки, сало, лук.

Во двор въезжает кабриолет. М а р к выскакивает из автомобиля.

М а р к. Принимайте пленного!

1-й н а ц г в а р д е е ц. Еще один? Погоди, щас.

Запрокидывает голову и разом выпивает содержимое из кружки.

2-й н а ц г в а р д е е ц. Этот, наверное, особо важный — с ком-
фортом привезли.

1-й н а ц г в а р д е е ц. Но у нас для него нет отдельного люкса.
Только общий подвал!

М а р к (*Юрию*). Удачи. Она тебе здесь понадобится.

Ю р и й. Спасибо, Марк! А ты куда?

М а р к. Я назад. Там же ребята остались.

М а р к садится в машину, кабриолет разворачивается и выезжает
со двора.

1-й н а ц г в а р д е е ц. Давай, «важняк»! Шевелись!

Нацгвардейцы подталкивают прикладами Ю р и я к дверному проему в
здании с ведущей вниз лестницей.

Ю р и й ставит костыли на первую ступеньку и — получает сильный
толчок автоматом в спину...

Пытаясь зацепиться костылями за ступеньки, за стены — за всё, что
попадется по пути — он летит вниз, в черноту...

База батальона «Донбасс» в Курахово. Подвал — ночь
...Лежащий на полу Ю р и й открывает глаза, и тут же щурится от
яркого света: лампочка, висящая прямо над ним, освещает небольшое
подвальное помещение.

Рядом с ним, опираясь спиной на стену, сидит М и р о.
Кроме Миро, на полу лежат и сидят еще четыре пленных —
«Шахтер», Митя, белобрысы́й ополченец и невысокий
ополченец.

М и р о (*глядя на Юрия*). Я же вам говорил — он живучий!
Ю р и й смотрит на лампочку, взгляд расфокусируется, свет набирает
яркость, расплывается по помещению, становится нестерпимо белым.

Комната — день

В комнате, у открытого окна, спиной к двери, стоит м у ж ч и н а в
камуфляже.

Нацгвардеец И р о к е з вводит Ю р и я.

И р о к е з. Ваш француз, Профессор!

П р о ф е с с о р медленно поворачивается. Это — мужчина лет тридцати
трех, с маленькой аккуратной бородкой и усами, — тот самый, которого
мы уже видели в начале, в домашнем халате, в его киевской квартире,
изучавшего досье террориста Анри.

Он окидывает взглядом Юрия.

П р о ф е с с о р (*Ирокезу*). Найди чистую майку и полотенце.
И р о к е з выходит.

П р о ф е с с о р. Что, Юрий Сергеич — не пишется в сытом
Париже? За впечатлениями на Донбасс приехали? Могу понять...
«Постаревшую музу свою я и сам неохотно ласкаю...».

Ю р и й. Зачем же переверять хорошие стихи?

П р о ф е с с о р. Значит, перемен захотелось? Решили испы-
тать жизнь с неизведанной стороны? Это похвально... для восем-
надцатилетнего поэта, но в вашем возрасте...

Возвращается И р о к е з с полотенцем и камуфляжной майкой в руках.

П р о ф е с с о р. Идемте.

Коридор — день

П р о ф е с с о р выходит в коридор.

Ю р и й прыгает на костылях за ним.

За спиной у Юрия — неотступно — Ирокез с автоматом.
Профессор открывает одну из соседних дверей — это туалетная
комната.

Туалетная комната — день
В передней части туалетной комнаты — раковина с торчащим из стены
краном и мыльницей.

Профессор берет стоящую в углу табуретку, ставит ее перед
раковиной.

Профессор. Снимайте майку. Мойте голову.

Юрий садится на стул, ставит костыли к стене, снимает грязную
майку, оглядывается — куда ее положить.

Профессор. Выбрасывайте. Наденете чистую.

Юрий выбрасывает майку в мусорную корзину, включает воду.
Кран находится очень низко над раковиной, Юрий пытается подлезть
головой под кран — у него это не очень получается.

Профессор. Погодите.

Берет стоящую тут же, на подоконнике эмалированную кружку,
набирает в нее воды из крана.

Профессор. Нагибайтесь. Вода, к сожалению, только хо-
лодная.

Юрий нагибается, Профессор льет ему на голову воду из кружки,
достаёт из кармана небольшой флакон, отбрасывает колпачок и обильно
поливает голову Юрия шампунем.

Профессор. Это — бонус. От меня.

Юрий намыливает голову.

Профессор снова льет ему на голову воду из кружки.
Очень добрая, мирная картина.

Юрий пользуется моментом и, взяв из мыльницы кусок мыла, трет
подмышки, пытается дотянуться до спины...

Профессор терпеливо ждет, вновь набирает в кружку воду и
поливает Юрия.

Стоящий у двери с автоматом Ирокез с усмешкой наблюдает за ними...

Двор — день

Во двор въезжает БМП.

Из него несколько нацгвардейцев вытаскивают трех избитых пленных, пинками и ударами загоняют их в сарай в глубине двора.

Комната — день

Профессор стоит у окна, курит, смотрит во двор.

Около стола на стуле сидит Юрий.

Профессор. Вам нужен хороший врач, Анри. Что же нам делать?.. Отпустить вас — так вот, просто — я не могу, а вот обменять... Киев, конечно, разозлится, но я рискнул бы. А что? Обменяю вас, и езжайте-ка вы лечиться к себе, в Париж... Как вам эта мысль?

Юрий. Очень она мне нравится.

Профессор. Вот и хорошо! Только вот, кому из вашего донецкого начальства я мог бы позвонить — кто бы в вас был заинтересован?..

Профессор подходит к столу, берет ручку, выжидающе смотрит на Юрия.

Юрий. Да у меня телефона-то нет, кто-то из ваших забрал, а наизусть я номера не помню...

Профессор. Да Бог с ними, с номерами, вы фамилию скажите! Только нужен кто-то такой, кто бы мог принимать решения, чтобы мы сразу обо всем договорились...

Юрий. Боюсь, тут вам со мной не повезло. Никто там не будет никого на меня обменивать.

Профессор. Ну, был же у вас кто-то старший? Кто вам задания давал...

Юрий. Да никто ничего мне не давал. Я жил там сам по себе, и задания сам себе давал. Там все только обрадовались, что я попал: не буду больше ни у кого мешаться под ногами.

Профессор (*глядя внимательно на Юрия, после паузы*). Жалко... Что ж, значит, Париж пока подождет... Тогда, поговорим о сбите самолета. Вы были у «Боинга» через два часа после его падения... Что вы там видели?

Юрий. Дым, огонь, обломки самолета, вперемешку с обугленными телами...

Профессор. Было там что-нибудь, что показалось вам странным?

Юрий. Да. Тела. Как восковые, трудно было представить, что всего лишь два часа назад это были живые люди.... У меня было ощущение, что они пролежали длительное время в морозильной камере.

Профессор. Что еще?

Юрий. На трехстах переломанных, разорванных человеческих тел, не было... ни одной-единственной капли крови.

Профессор. Сколько вы сделали снимков?

Юрий. Около четырехсот.

Профессор. Но другие журналисты тоже ведь видели это и снимали? Почему же они молчат об этих странностях?

Юрий. Нет, они этого не снимали. Их, вместе с ОБСЕ, держали на дороге, за оцеплением. На снимках в СМИ трупов почти нет...

Профессор. Но комиссия по «Боингу»? Она же видела...

Юрий. Вы отлично знаете, что комиссию по «Боингу» две недели держали в Киеве, пока ваша артиллерия обрабатывала место падения, плюс там прошли сильные дожди.

Профессор. Почему ваши снимки до сих пор не опубликованы? Вы не честолюбивы? Вам не нужны сенсации?

Юрий. Когда мы возвращались в Донецк — нас обстреляли, водитель был убит, а меня спас фотоаппарат, пуля попала в него. Я цел, но снимки пропали.

Профессор. Я бы вам рекомендовал говорить мне правду. Вы живы — пока представляете для меня интерес.

Юрий. Ну а почему же я не сделал попытки их опубликовать? Я похож на идиота?

Профессор смотрит внимательно на Юрия.

Профессор. Вы — везунчик, Анри: вы мне — пока — интересны.

Профессор встает со стула, подходит к двери, открывает ее.

За дверью ждет Ирокез.

Профессор. Уведи.

Юрий, тяжело опираясь на костыли, выходит из комнаты.

Профессор долго смотрит ему вслед...

Подвал — ночь

Пленные спят на полу.

Юрий полулежит, облокотившись спиной на стену.

Гремят замки, тяжелая, металлическая дверь подвала со скрежетом открывается, входит вечно усмехающийся Ирокез, в одной руке — автомат, в другой — стул.

Оглядев всех пленных, он ставит стул у стены.

На пороге появляется профессор с бутылкой «Кока-колы» в руках. Он задерживается у входа, оглядывает помещение, морщится, тонкие ноздри его вздрагивают.

Профессор. Тут же нечем дышать. (Охране, в коридор.) Оставьте дверь открытой, пусть сюда воздух немножко войдет.

Проходит, садится на стул, ставит «Кока-колу» на пол.

(Юрию.) Решил посмотреть, Анри, как вы тут устроились. Все нормально, жалоб нет?

Юрий. Всё замечательно.

Профессор. С воздухом, со свежим, у вас паршиво. (Сочувственно.) У вас там, уже, поди, плеврит начался? По дыханию вижу... (Обводит взглядом всех обитателей камеры.) Я, вообще, всех вижу. Вот ты...

Тычет пальцем в Митю — юного ополченца, лет восемнадцати, испуганно съежившегося в углу подвала.

...Живешь с мамкой, отец бросил вас давно, восемь классов кое-как осилил, потом ПТУ... Где я ошибся?

Митя (ошарашенно). Нигде... всё так... с мамкой... бросил... ПТУ...

Профессор. Много наших убил?

Митя. Я? Никого! Я только неделю, как в ополчение вступил! Я на блокпосту стоял, у себя в Харцызске!

Профессор. На какой улице живешь?

Митя. На этой... на Есенина.

Профессор. Сергея?

Митя. Че Сергея?..

Профессор. Сергея Есенина улица? — спрашиваю.

Митя. А-а-а... наверно.

Профессор. Уф-ф-ф!! (Юрию.) Вот, за них... (кивает на пленных) ты воевать пришел? (Снова смотрит на Митю.)

Мамку как звать?

Митя. Ульяна...

Профессор. Телефон мамкин давай, позвоню, скажу, чтоб приезжала, забирала тебя, дурака... (Ирокезу) Запиши.

Митя. Щас... Это... 645-01-83.

Профессор встает со стула, идет к двери.

У двери, останавливается, оборачивается к Юрию.

Профессор. Устал всю ночь с твоей женой по скайпу разговаривать. Смешная она у тебя. Плачет!

Юрий, дернувшись, подается вперед, тут же морщится от резкой боли в груди.

Профессор выходит. Ирокез все с той же ухмылкой выносит стул в коридор. Лязг, грохот задвигающейся двери и замков.

Курахово. Подвал — ночь

Ночь, камера, яркий свет, пленные спят.

Вдруг — лязг, грохот, дверь открывается.

Появляется Ирокез с автоматом в руках, от дверей, сразу — в угол, в котором лежит Митя, не говоря ни слова, бьет его прикладом автомата по голове.

Митя (кричит). За что? (Закрывает голову руками.)

Ирокез бьет еще несколько раз — по голове, по рукам...

Ирокез. Неделю как вступил, говоришь? У-у, сука!

Ирокез снова бьет мальчишку прикладом по рукам, которыми тот закрывается от ударов.

На пороге, с бутылкой «Кока-колы» в руках, появляется Профессор.

Один из охранников вносит стул, ставит его у стены.

Профессор садится, ставит «колу» на пол, вынимает пачку сигарет.

Профессор. Я, Мить, не стал, мамку пугать, говорить ей, что ты в плену. Я же не фашист какой, я деликатно ей говорю: так, мол, и так, я командир вашего Мити, но сейчас нахожусь в госпитале. Очень мы дружим с вашим сыном, но что-то я никак до него дозвониться не могу, вы не скажете — как он там, не ранен ли? Нет, радостно отвечает мама Уля, у Мити всё очень хорошо, он мне часто звонит, рассказывает, что бьет укров направо и налево, начальство им довольно и к ордену собирается представить...

Митя. Нет! Я всего только неделю в ополчении! Мамка, наверно, ошиблась!

Ирокез заносит автомат для удара.

(Закрываясь рукой). Не надо! Она, наверно, подумала, что вы ее про дядю спрашиваете!

Профессор (мгновенно реагируя). Про дядю? Про какого дядю?

Митя. Брат у нее, дядя мой! Это он давно в ополчении! Это он бьет укров! То есть вас. Это его к ордену!

Профессор. Где он бьет нас? В каком подразделении служит? Быстро!

Митя. В Донецке! У Хмурого, в разведке! Не бейте!

Профессор. Имя, фамилия, позывной!

Митя. Бажин, Кирилл! Позывной «Банжа»!

Профессор. Молодец, Митя! Телефон дядин!

Митя. Он в моем мобильнике! На «Б»! «Банжа»! А мобильник у вас! У меня его забрали!

Профессор встает. Выходит. В дверях оборачивается.

Профессор. Проверим, Митя. Живи пока. (Ирокезу) Дай ему что-нибудь, кровь вытереть.

Ирокез вынимает из кармана разгрузки упаковку перевязочного бинта, бросает ее на пол около Мити, зацепив с собой стул, со своей вечной ухмылкой на лице, выходит.

Грохот, лязг закрывающейся двери. В камере наступает тишина.

М и т я всхлипывает, трогает руками голову со слипшимися от крови волосами, берет бинт, осматривается — кого бы попросить о помощи.

М и т я. Шахтер, слышь, помоги, перевяжи...

Ш а х т е р не отвечает.

М и т я смотрит в сторону «иностранцев», протягивает зажатый в руке бинт.

М и т я. Словак...

Ю р и й и М и р о молча смотрят на него.

М и т я. Но он бы меня убил!

М и р о. А тебя и так и так убьют. Не укры, так свои. И правильно сделают.

База батальона «Донбасс» в Курахово. Комната — день

В комнате П р о ф е с с о р и И р а к л и й.

На столе корзина с фруктами, салями...

И р а к л и й разливает по стаканам дорогой грузинский коньяк.

П р о ф е с с о р. С чем пришел?

И р а к л и й. Там, мои земляки в плен к сепаратистам попали. Три человека... Их соглашаются отдать за француза. Думаю, даже больше можем за него попросить. Пятерых.

П р о ф е с с о р. Нет. Прости. Ищи другой вариант.

И р а к л и й. Но ты же сам сказал, что он не...

П р о ф е с с о р. Да, он не агент.

И р а к л и й. Ну? В чем же тогда дело?

П р о ф е с с о р. Понимаешь, Ираклий... Тут — редкий случай. Чего-то я не улавливаю. Приезжает в осажденный Славянск такая белая ворона, такой европеец... *(Открывает ноутбук.)* ...И сразу оказывается в эпицентре всех самых заметных событий на этой войне. *(Щелкает мышью.)* Вот его статья в английской газете — «Фосфорный дождь над Семеновкой»...

П р о ф е с с о р поворачивает ноутбук экраном к Ираклию. На

экране — фото: Юрий с осколком фосфорного снаряда.

...Вот, он хоронит детей в Славянске, после артобстрела...

На экране ноутбука — на фото: люди на детской площадке во дворе жилого дома, в центре — два маленьких гробика...

...Вот он — первый на месте падения «Боинга»...

На видео: среди еще горящих обломков самолета — фигура седоволосого человека в камуфляже, с фотоаппаратом в руках... Он поворачивается лицом к нам, это — Юрий...

...Вот — он участвует в церемонии передачи террористами малазийцам «черных ящиков» с «Боинга»...

На фото — крупно — текст: «Террористы передают «черные ящики» представителям Малайзии» Слово «Террористы» — как раз на камуфляжной рубашке одного из ополченцев. Это опять Юрий.

...Вот он на дне воронки, в частном секторе, в Шахтерске...

Фото Юрия на дне гигантской воронки...

Это первое использование «Точки-У» на Донбассе...

Не слишком ли много случайных стечений обстоятельств для никогда не воевавшего поэта-лирика и военкора-дилетанта?

Профессор залпом выпивает коньяк из стакана.

...Вот скажи: что ему не сиделось в своем Париже? Чего ему не хватало? Что ему надо здесь? Что он ищет на этой войне?

Ираклій. Может, деньги?

Профессор. Он говорит, что отказался от гонораров — и я ему верю.

Ираклій. Честолюбие? Сенсации, может...

Профессор. Он не журналист по духу. Он мог два месяца назад опубликовать материал по «Боингу», — лучше сенсацию трудно придумать — но нет. Он его куда-то зарыл.

Ираклій. За острыми ощущениями?.. За вдохновением... С Музой проблемы...

Профессор. С головой у него проблемы! И у меня с ним проблемы! Я не могу понять его логики! Его мотивов. И это меня раздражает. Нет, конечно же, он не агент. Он — поэт. Идеалист. Искренне верит, что борется здесь, на Украине, с фашизмом. Агента можно перевербовать, перекупить. Этот — хуже. Он — свидетель. Опасный. Убежденный. А сейчас еще, ко всему, он — герой.

Берет со стола пачку сигарет — она пустая. Сжимает ее в кулаке.

...Вы не могли придумать для него лучшего подарка, чем засунуть в эту железную коробку в Иловайске! Я уже вижу заголовки: «Каратели пытаются поэта!» «Шесть суток в железном шкафу!»... Я уже вижу его в Париже, перед телекамерами всего мира! Это — приглашение нам — на новый Нюрнберг! Я читал его «Славянский дневник». Он — враг в кубе. Его надо убивать.

Профессор, раздраженный, подходит к окну.

Ираклий. А словак? Его-то ты обменяешь?

Профессор. Словаку просто не повезло. Там, у них в камере, один мальчишка по-глупому слил своего дядю...

Возвращается к столу, наливает себе в бокал колу.

...Дядя выкупает своего любимого племянника на очень интересных для нас условиях. Все, кто видел, как он сдал дядю — не жильцы. Включая словака. Извини...

Профессор салютует Ираклию и отпивает из бокала глоток колы.

База ополченцев. Кабинет начштаба — день

В кабинете за столом Начштаба и Барс склонились у карты.

Барс. ...Вот здесь их вчера взяли. Не пойму. Укры как знали, где и когда будут мои ребята....

В кабинет входит Багра, за ней Семерка с перевязанной левой рукой, в сопровождении двух ополченцев с автоматами.

Багра. Саныч, он говорит, что хочет дать какую-то важную информацию, если мы его обменяем в первой партии.

Барс. А что такое ты можешь нам рассказать, чего мы не знаем?

Семерка. Ну, например, что у вас в штабе есть «крыса».

Начштаба переглядывается с начальником разведки.

Начштаба. Доказательства?

Семерка. Ну, мне бы, сначала... гарантии.

Начштаба. Ты не в той ситуации, чтобы диктовать условия.

Семерка. Вашего француза нам сдал кто-то из ваших.

Н а ч ш т а б а. Конкретней.

С е м е р к а. Я слышал разговор Франко, ну, американец такой у нас крутой был. Так вот, он базлал с кем-то из Киева, что надо взять какого-то сепара-француза. Франко точно знал, когда и где он будет. Мы устроили засаду и взяли его и еще пятерых.

Н а ч ш т а б а. Француз жив? Где он сейчас?

С е м е р к а. Ну, я не знаю. Но пока он был у нас — я его опекал, не давал издеваться над ним. Ребята хотели его пристрелить. А я не дал. Я же понимаю — иностранец, журналист. Я его кормил, воды давал. Потом его разведчики увезли.

Б а г и р а. А вот ваш Майор говорит, что француз еле живой был. Его били и пытали. Кому верить?

С е м е р к а. Ну... не знаю... это когда его брали, кто-то из ребят перестарался. Но потом я ему помогал...

Н а ч ш т а б а. Ладно. Проверим. Если всё так — подумаем о твоём обмене. (*Багире.*) Уведите.

С е м е р к а, затем Б а г и р а выходят из кабинета, где их ждут два
о п о л ч е н ц а с автоматами.

Б а р с. Про «крысу» — похоже на правду...

Курахово. Комната — день

В комнате, у окна, со стаканом колы стоит П р о ф е с с о р.

За столом с блюдом, полным фруктов, на стуле сидит Ю р и й.

П р о ф е с с о р. Что мне с тобой делать, Анри? Я ночь не спал — всё знакомился с твоими последними записками. Извини, что без разрешения.

П р о ф е с с о р достает из ящика стола небольшую записную книжку.

Ю р и й дергается, хватается рукой за карман.

(*Читает.*) ...Конечно же, они оставались карателями, бандеровцами, украми, врагами — да, все так. Но у этих, внезапно приблизившихся врагов, в отличие от тех, прежних — сливавшихся в одну безликую толпу, скандирующую «Героям — слава!» — начали вдруг проступать лица, глаза, голоса, улыбки. У них были такие же, как и у ополченцев позывные — «Марк», «Артист», «Котик»,

«Седой»... И пробитый пулей орден Красной Звезды убитого ополченца вдруг рифмовался с залитым кровью орденом Красного Знамени смертельно раненого нацгвардейца — оба ордена были за Афган... (Юрию.) Чуть слезу из меня не вышиб... Я люблю — и ценю — талантливых людей. Если бы мы встретились года два назад — мы бы могли стать друзьями, мы сидели бы где-нибудь в кафе, и разговаривали о Блоке и Гумилеве, о Ходасевиче и Георгии Ив новом... Но — мы встретились здесь. И живым я тебя отпустить не могу. У тебя есть только один выход: договориться со мной... Для начала, тебе придется признать, что все, что ты писал раньше — ты писал по указке из Москвы...

Ю р и й машет отрицательно головой.

Хорошо... Напиши сам, что хочешь. Вот, возьми за основу хоть этот текст. Развей его, опиши то, что ты здесь увидел, что в тебе изменилось... Обещаю, что я ничего не уберу и опубликую.

Ю р и й. Заманчиво... Только... для того, чтобы написать что-то стоящее, нужно быть... свободным. А я... ничего хорошего, за что потом бы мне не было стыдно, в таком состоянии написать не смогу... Как на Кавказе говорят: «Орел в неволе размножаться не может».

Профессор. Ну что ж. Ты выбрал. «Орел»... с куриной жопой. Ты надеешься, что Франция тебя выкупит? Что ж, это будет им стоить о-очень дорого: уж я сделаю из тебя опаснейшего интернационального террориста! Я еще и французское гражданство за тебя с них стребую! Но им нужно очень поторопиться: я-то могу ждать, но у тебя времени нет. А если все-таки тебе повезет, и ты доживешь до этого, то знай, что как бы и где бы ты ни прятался — я однажды появлюсь под твоим окном — и в твоей талантливой башке появится маленькое, аккуратное отверстие. И я тебе обещаю, что не доверю это никому другому — я сделаю это сам! Впрочем, будем реалистами: ты сдохнешь через несколько дней! Тебя и бить не надо — ты сам с твоими ребрами задохнешься в подвале. Ты думаешь, что умрешь героем? Что останутся твои стихи, которые войдут в школьные хрестоматии? Я же вижу, как ты смотришь на меня, как пытаешься запомнить каждое мое слово, ты уже видишь книгу, которую напишешь «про следователя-садиста

и несломавшегося поэта!» (*Заводится.*) Хрен ты что напишешь!
Да про тебя вообще никто не вспомнит! Тебя забудут! Я уж поза-
бочусь! Вся информация о тебе будет стерта, ни один поисковик
не ответит на запрос с твоим именем. Тебя никто не вспомнит!
Тебя никогда не было! (*Кивает Ирокезу.*) Уведи.

Курахово. Подвал — ночь

В камере — яркий свет.

Пленные — Шахтер, Митя, Белобрысы и Невысокий —
спят.

Миро (*шепотом.*) Юрка, спишь?

Юрий. Нет.

Миро. Профессор предложил мне пойти к ним в нацгвардию.
Говорит, что для меня это единственная возможность сохранить
себе жизнь.

Юрий. Ну?

Миро. А кто же тебе ногу будет перевязывать?

Юрий переводит взгляд на спящих ополченцев и успеваает заметить
устремленный на них с Миро внимательный взгляд Мити. В
следующую секунду Митя уже «спит».

Юрий прикладывает палец к губам, кивает Миро на Митин угол. Тот
понимающе кивает и тоже закрывает глаза.

Короткая пауза взрывается от громких голосов и смеха охранников в
коридоре, затем раздается металлический грохот отодвигаемого засова
и резкий скрежет открывающейся двери.

Все пленные, кроме Миро и Юрия, привычно вскакивают,
садятся на полу, прижимаясь друг к другу и поджав под себя ноги.

Входят Охранник-1, Охранник-2 и незнакомый солдат —

Добрыш. Все трое с автоматами в руках и пьяные.

У Доброго в руке — бутылка красного вина, наполовину уже пустая.

Он застывает на пороге, оглядывая обитателей камеры.

Добрыш. И это они, вот эти пидары, нас убивают? Ну,
падлы! Слава Украине!

Четверо пленных. Героям слава!

Миро и Юрий молчат.

Д о б р ы й. Хреново кричите. Держи-ка...

Д о б р ы й отдает бутылку одному из охранников, поднимает автомат, передергивает затвор. Сплювывает на пол.

...Ты! (*тычет в Белобрысого.*) Встать! Смотреть на меня! В глаза, падла! Так-а-а-к... Вижу, с-сука, по глазам вижу — многих наших положил. Ну всё, кранты тебе, сепар!

О х р а н н и к-1. Не, Добрый, так-то их захерачить и мы можем. Ты придумай че интересней...

Д о б р ы й. Интересней «калаша» — нету в мире ни шиша! Гы-гы!.. Во! От, чем я тя, суку колорадскую, на тот свет отправлю! (*Достает из кармана вилку.*) Кричи, тварь: «Україна — понад усе!»

Б е л о б р ы с ы й (*громко*). «Україна — понад усе!»

Д о б р ы й. Не слышу!

Б е л о б р ы с ы й (*еще громче*). «Україна — понад усе!»

Д о б р ы й. Не так, гнида! Шо ж ты, сучара, меня нервничать заставляешь, мне нельзя, падла, нервничать, мне врачи запрещают, а ты сука, издеваешься-стоишь! Урод!

Д о б р ы й с силой втыкает вилку в бедро Б е л о б р ы с о м у.

Тот кричит от боли, хватается за ногу.

Д о б р ы й бьет Б е л о б р ы с о г о кулаком в висок, тот падает.

Д о б р ы й. Встать, тварь! Всем встать! Ты, хорёк! (*Тычет вилкой в грудь Невысокого*). Гимн Україні! Громко! Не слышу!

Н е в ы с о к и й. Я... не помню слова...

Д о б р ы й. Шо?! Шчас вспомнишь!

Хватает его пятерней за затылок и шею и бьет его лицом о белую кафельную стену, кровь забрызгивает стену.

Н е в ы с о к и й сползает по стене на пол.

Д о б р ы й тычет пальцем в Юрия.

Д о б р ы й. Кричи: «Слава Україні!»

Ю р и й молчит.

Не слышу!

Ю р и й. Я искренне желаю процветания этой стране...

Д о б р ы й. Я тебя, гниду, не спрашиваю, что ты желаешь, я кочу услышать: «Слава Україні!» Громко!

Ю р и й молчит.

Д о б р ы й с размаху бьет Ю р и я прикладом автомата в лицо.

Ю р и й валится на пол.

Д о б р ы й продолжает его избивать.

Весь пол около Юрия залит кровью.

Охранники еле оттягивают своего озверевшего товарища.

О х р а н н и к-1. Да стой ты, Добрый! Этих лучше не трогать (*кивает на Миро и Юрия*). Ими Профессор лично занимается.

Д о б р ы й вырывает из рук О х р а н н и к а-2 бутылку с вином, пьет из горла, смотрит на лежащего у стены Н е в ы с о к о г о.

Д о б р ы й. Ну, что, вспомнил слова?

Ш а х т е р — самый старший из четверки, с черной от многолетней работы в шахте кожей, поднимает глаза на «Доброго».

Ш а х т е р. Я помню.

Д о б р ы й. Ну, гляди ж ты, шо творят, суки-с пары! Единственный, хто помнит гимн — негр! Ну, шо стоишь, зенки негритянские пялишь! Не слышу! Пой!

Ш а х т е р. «Ще не вмерла України... ні слава, ні воля...»

Д о б р ы й. Дальше, сука черная!

Ш а х т е р. «...Ще нам, браття українці, усміхнеться доля...»

Д о б р ы й. Стоп! Взял вилку! К стене, нигер! Пиши!

Ш а х т е р. Что писать?

Д о б р ы й. То, шо пел! Слова!

Ш а х т е р. Где писать?

Д о б р ы й. Ты шо — слепой, нигер? На стене, где! Взял своей черной граблей вилку, и нацарапал гимн! И шобы все мне его выучили! Через час приду — проверю!

Уходят. Скрежет двери, грохот засова, пьяные голоса, смех...

В камере какое-то время — тишина.

Н е в ы с о к и й лежит на полу, задрал подбородок вверх, чтобы остановить бегущую из носа кровь.

Белобрысый сидит, зажимая рукой рану на ноге.
Миро берет пластмассовую бутылку (на дне еще есть немного воды),
вынимает из кармана кусок не очень чистого бинта, смачивает его водой
из бутылки, вытирает кровь на лице Юрия.
Шахтер стирает рукой кровь со стены, начинает на ней выцарапывать
буквы: «Ще не...»

Юрий морщится от боли и звука скрежещущей по кафелю вилки...

Двор базы батальона «Донбасс» в Курахово — утро
Залитый солнцем двор. Деревья, трава.

На скамейке сидят несколько нацгвардейцев, греются на
солнце.

Около них, на траве, лежит лохматая большая собака (пес
Рыжеволосого из «газели»), грызет кость.

Открывается дверь, на крыльцо выходит Ираклий, придерживает
дверь, появляется Юрий. Он останавливается на крыльце,
пошатнувшись, Ираклий поддерживает его.

Юрий, щурясь, подставляет разбитое лицо солнцу, грудь его высоко,
рывками, поднимается — он глотает воздух.

Раздается громкий лай: лохматый пес срывается со своего места,
огромными прыжками несется к подъезду, взлетает на крыльцо и
прыгает на Юрия, почти сбивая его с ног.

Ираклий подхватывает Юрия, помогая ему удержаться на ногах.

Ираклий (*кричит нацгвардейцам*). Чей пёс? Заберите его!
Толстый нацгвардеец. «Сепар», назад! Ко мне!

Но пёс, лая и взвизгивая, прыгает вокруг Юрия, пытаясь лизнуть его в
лицо, большой лохматый хвост молотит по костылям, по босым ногам
Юрия, по берцам Иракия...

Юрий спускается на одну ступеньку, пес снова прыгает на него.

Ираклий. Не спешите. Он вас все равно не отпустит.

Юрий опускается на каменное крыльцо, пес прыгает вокруг него,
лизает его лицо, Юрий зарывается рукой в его шерсть.

Юрий. Узнал, друг... узнал...

Подходит Ираклий.

И р а к л и й. Хотите с женой поговорить?

Ю р и й кивает головой.

И р а к л и й вынимает из кармана телефон, протягивает Ю р и ю.

И р а к л и й. Набирайте номер.

Ю р и й, поколебавшись, набирает номер. Гудки.

Г о л о с Д а н и. Оуі...

Ю р и й. Дани!

Г о л о с Д а н и. Юри!.. Ты живой!

Ю р и й. Я живой! Не плачь!

Г о л о с Д а н и. Ты где? Ты на свободе?

Ю р и й. Нет еще, но скоро буду!

Г о л о с Д а н и. Ты ранен?

Ю р и й. Нет, я прекрасно себя чувствую!

Г о л о с Д а н и. Тебя били?

Ю р и й. Нет-нет, не беспокойся, ко мне очень хорошо здесь относятся!

Г о л о с Д а н и. Я написала письмо Президенту!

Ю р и й. Как мама?

Г о л о с Д а н и. Держится, и почти не плачет... Я тебя очень люблю!

Ю р и й. И я тебя! Очень!

Г о л о с Д а н и. Что я могу сделать для тебя?

Ю р и й. Ты уже всё сделала, что могла, теперь только жди!

Г о л о с Д а н и. Я жду тебя!

Ю р и й. Постой! С тобой разговаривал по скайпу кто-нибудь отсюда?

Г о л о с Д а н и. Да. Он сказал, что он — твой друг, и что может помочь нам...

Ю р и й. Никогда с ним больше не говори! Не отвечай ему! Это очень важно!

И р а к л и й забирает телефон.

И р а к л и й (*Юрию*). Садитесь в машину, впереди. Вы больше сюда не вернетесь.

Ю р и й. А Профессор?

И р а к л и й. Его сегодня здесь нет. Он в Киеве. (*Поворачивается к машине.*) Давид, уезжаем.

Они устраиваются в машине. И р а к л и й — за рулем, Ю р и й — рядом с ним, сзади — с автоматом на коленях, с нахлобученной почти на глаза бейсболке — неприветливый Д а в и д.

Машина трогается, за ней с лаем бежит пес, ворота открываются,
машина выезжает на дорогу...

...Мимо мелькают дачные постройки, ворота, гараж, в проблесках —
близко — за деревьями, река...

Пионерлагерь — день

Машина сворачивает на проселочную дорогу и вскоре останавливается
у больших ворот.

Д а в и д выходит, открывает ворота, машина проезжает еще немного и
останавливается у небольшого деревянного коттеджа.

И р а к л и й выходит из машины, поджидает Ю р и я и кивает ему на
широкую деревянную скамейку около ближайшего к ним домика.

И р а к л и й. Посидите здесь.

Ю р и й садится на скамейку.

И р а к л и й заходит в домик, и тут же возвращается с рюкзаком, ставит
его на скамейку, вынимает оттуда банки консервов, пачки с печеньем,
йогурты, пакеты с соком, ложки, вилки...

И р а к л и й. Ешьте... Потом Давид принесет вам чистую оде-
жду. Отдыхайте пока.

Поднимается на крыльцо, уходит в домик.

Ю р и й открывает один из йогуртов, ест...

Перед ним — красивейший вид на часть парка, обрывающегося перед
широкой, переливающейся на солнце, рекой.

Вокруг никого. Он подтаскивает к себе костыли, встает...

Опять осматривается — никого. Он один...

Опираясь на костыли, он делает шаг в сторону от скамейки...

Никого... Делает еще несколько шагов, заворачивает за домик.

Отсюда — метров пятьдесят до ворот.

Он шагает быстрее, идти ему трудно.

Вот уже до ворот остается метров десять...

Чей-то близкий кашель заставляет Ю р и я остановиться и обернуться.
Недалеко от него, за деревом, с автоматом на груди, стоит, глядя куда-то
в сторону, Д а в и д.

Ю р и й. Туалет, не скажете, где тут.

Д а в и д. Эта — там...

Д а в и д показывает куда-то, совершенно в противоположном от ворот
направлении...

Ю р и й. Спасибо.

Он поворачивает и прыгает на костылях обратно в сторону реки,
добирается до обрыва, останавливается, смотрит вниз, тяжело дышит от
напряжения после проделанного пути.

Опять — негромкий кашель.

Д а в и д, неожиданно близко от него.

Д а в и д. Вы, эта... если что... то не надо.

Ю р и й непонимающе смотрит на него.

...В речку не надо прыгать, пожалуйста. Я плавать не умею.

Ю р и й кивает согласно головой, садится на скамейку стоящую рядом и
закрывает глаза.

Пионерлагерь. Комната в коттедже — ночь

На одной кровати спит Д а в и д.

На другой — лежит Ю р и й — чистый, выбритый. Смотрит в окно.

Прямо над окном, в лунном свете — невероятной красоты дерево.

Ю р и й поднимается, тихо, чтобы не разбудить Д а в и д а, берет
костыли, выходит на крыльцо, спускается, подходит к дереву.

Трогает его рукой, гладит его...

Д а в и д наблюдает за Ю р и е м через окно.

Дорога. В броневике — день

По дороге едет легковая машина-броневик, в ней И р а к л и й,

Ю р и й и Д а в и д.

И р а к л и й. Я видел интервью с вашей женой. Она очень хорошо держалась. С большим достоинством. Она красивая.

Сидящий на заднем сиденье Д а в и д прислушивается к разговору.

Ю р и й. Кстати, в первый раз я ее увидел в Тбилиси.

И р а к л и й удивленно смотрит на Ю р и я.

...В Доме кино, шел фильм с Бельмондо. Она играла небольшую роль, офицера полиции, такую садистку... А потом, через десять лет, я встретил ее ночью, в Париже... в метро, на эскалаторе...

Д а в и д. Ночью?.. В метро?..

Ю р и й. Она ехала поздно с репетиции... У нее сломалась машина...

Эскалатор в парижском метро — ночь
Чуть «размытая» картинка — на движущемся эскалаторе — молодая
ж е н щ и н а (*мы наблюдаем за происходящим из-за ее плеча, лица женщины мы не видим*), двумя ступеньками ниже — мужчина.

Женщина поднимает руку и дотрагивается до плеча мужчины, тот оборачивается — это Ю р и й. (*Дальше — диалог на французском.*)

Ж е н щ и н а. Простите, вы были вчера на спектакле, в театре «Ла Коломб?»

Ю р и й. Да, и вы — единственная, кого я там запомнил.

Ж е н щ и н а. Вы — русский. Вы писатель.

Ю р и й. Да. А вы — актриса.

Ж е н щ и н а. Я спросила о вас у режиссера. Он мне сказал, кто вы. У вас в «дипломате» была бомба — вы так его держали...

Ю р и й. Да. Там была пьеса, в стихах, которую я только вчера закончил.

Ж е н щ и н а. Как она называется?

Ю р и й. «Фауст и Елена».

Ж е н щ и н а. Можно ее прочитать?

Ю р и й. Нет. Она еще не переведена на французский.

Ж е н щ и н а. Так надо ее переводить. У вас есть переводчик?

Ю р и й. Нет.

Ж е н щ и н а. Так надо срочно искать. Пойдемте.

Ю р и й. Куда?

Ж е н щ и н а. Искать переводчика....

Эскалатор заканчивается, Ю р и й подает ж е н щ и н е руку, помогая ей
сойти с эскалатора....

Дорога. В броневике — день

Д а в и д аж приоткрыл рот от внимания....

И р а к л и й (*задумавшись, негромко запекает*).

Чемо цици натела,

Дапринав нела нела?..

Ю р и й (*подхватывает*).

...Шенма шорис натебам

Дамцва да даманела...

Д а в и д (*так же негромко*).

...Шенма шорис натебам

Дамцва да даманела...

Анатэб да карги хар,

мэ тумц арас маргихар!..

И р а к л и й (*протягивает Юрию маску-«балаклаву»*).

Скоро будет база. Надень ее, только чтобы прорези для глаз сзади
были. Это ненадолго.

База батальона «Айдар». Пансионат — день

Броневик въезжает в ворота пансионата — вокруг — за деревьями,
виднеются одноэтажные строения.

И р а к л и й. Снимай шапку. Приехали.

Ю р и й снимает «балаклаву», осматривается.

Броневик стоит у входа в одноэтажное здание.

Мимо проходят — по одному, по двое — н а ц г в а р д е й ц ы, слышна
украинская речь.

Проходящие мимо д в о е с о л д а т чуть задерживаются около
броневика.

Д в а с о л д а т а (*вразнойбой*). Слава Украине!

И р а к л и й и Д а в и д. Героям слава!

Ю р и й чуть склоняет голову в ответ, вглядывается в шеврон одного из бойцов: «Штурмовый батальон “Айдар”».

Из здания выходит крупный к а в к а з е ц в камуфляже, подходит к вышедшему из машины И р а к л и ю. Они о чем-то переговариваются, кавказец смотрит на сидящего в машине Ю р и я, отвечает что-то И р а к л и ю, смеется, хлопает его по плечу.
И р а к л и й подходит к Ю р и ю.

И р а к л и й (*кивая на кавказца*). Он тебе покажет комнату. Ни с кем здесь не разговаривай, не надо.

Ю р и й прыгает на костылях за кавказцем, они заходят в здание.

Коридор/комната в пансионате — день

Ю р и й и к а в к а з е ц идут по коридору, у одной из дверей к а в к а з е ц останавливается, распахивает ее, пропуская Ю р и я вперед.

К а в к а з е ц (*протягивая Юрию руку*). Заза. Я все знаю, Георгий. Для меня — честь принимать такого человека. Если что надо — зови меня, всё сделаем.

Выходит.

Ю р и й пытается прилечь, но чуть коснувшись спиной кровати, тут же, с громким стоном, вновь садится на кровати.

Это видит вошедший И р а к л и й.

И р а к л и й. Завтра в Мариуполь, в больницу заедем. Врач посмотрит тебя.

Ю р и й. Ираклий, а почему — «Георгий»? И вообще, Заза, он что, не знает, что я пленный?

И р а к л и й. Он всё знает. А Георгий или Юрий — какая разница?

Комната в пансионате — ночь

Ю р и й спит, сидя на кровати, спиной к стене, нога, в свежеперебинтованной шине, лежит вытянутая, на подставленном к кровати стуле.

Сон Юрия — на закате

Ночь. Зарево освещает горизонт... Г р у п п а б о й ц о в в камуфляже
выстроилась... где-то мы эту группу уже видели...

Ну конечно же, это группа «штурмовиков», уходившая на территорию
укров в Славянске.

Вот и Н а с т я рядом... И командир — тот же — С е д о й...
Но что делает в строю Р ы ж е в о л о с ы й м а л ь ч и ш к а -
о п о л ч е н е ц ? ..

Р ы ж е в о л о с ы й (*поет, подмигивая Юрию*).

Спи спокойно, мама,
Я же — в камуфляже!..

Рядом — пес Сепар прыгает, лижет Р ы ж е в о л о с о м у лицо,
хвостом виляет...

Ю р и й. Настя, ты разве не погибла? Вас же с ним... (*кивает
на Седого*) к танку привязали в Попасной?

Н а с т я (*смеется*). Привязали. Да всё обошлось, мы с ко-
мандиром так на этом танке к своим и приехали... Только, извини-
те, гранаты ваши я не сберегла...

С е д о й (*обращаясь ко всем*). Ну, всё, с Богом! Тронулись!

Группа двинулась...

М у ж с к о й г о л о с (*за кадром*). Там машина ждет. Надо
уезжать!

Ю р и й оборачивается — к ним бежит Б о р и с...

Б о р и с. Вам нельзя здесь оставаться! Уезжаем!

Ю р и й. Борис! Ну, скажи им, что ты меня не видел, что я уже
ушел!

Сматривает умоляюще на С е д о г о, но тот с сожалением мотает головой.

Группа уходит. Но как-то странно уходит — она не исчезает в
«зеленке», а поднимается вверх, двигаясь по невидимой дороге,
уходящей, чуть петляя, в небо...

Н а с т я и Р ы ж е в о л о с ы й оборачиваются и машут Ю р и ю
прощально руками, затем Р ы ж е в о л о с ы й поворачивается и уходит
за товарищами...

Н а с т я (*кричит*). Уходите! Вам нельзя с нами!

Махнув рукой еще раз, она тоже поворачивается и догоняет группу...

Г о л о с Д а в и д а. ...Георгий, уезжаем, Ираклий ждет...

Конец сна Юрия

Комната в пансионате — утро

Д а в и д осторожно трогает Ю р и я за плечо...

Д а в и д. Идем, Георгий, пора...

База батальона «Айдар». Пансионат — утро

Ю р и й выходит с Д а в и д о м на крыльцо...

И р а к л и й стоит около броневика, разговаривает с немолодой
ж е н щ и н о й...

Увидев Ю р и я, И р а к л и й кивает ему на машину: «Садись!».

Ю р и й садится на «свое» место, укладывает костыли, прислушивается
к разговору — ж е н щ и н а и И р а к л и й говорят по-грузински.

Женщине лет 45-50, невысокая, худощавая, в камуфляже, в берцах,
но — все это сидит на ней достаточно элегантно, губы ярко накрашены,
в ушах — большие серьги, на шее — большой крест УНА-УНСО¹.

И р а к л и й садится в машину, ж е н щ и н а по-грузински желает
И р а к л и ю и сидящим в машине Д а в и д у и Ю р и ю счастливого
пути, отходит в сторону.

Ю р и й внимательно смотрит на нее.

И р а к л и й (*Юрию*). Узнал?

Ю р и й. Нет, но лицо — знакомое...

---

¹ УНА-УНСО — Украинская Национальная Ассамблея (Украинская Народная Самооборона, Украинская Народная Ассамблея) — Украинская Национальная Солидарная Организация, украинская полит. Партия праворадикального толка. В марте 2014 г. УНСО вошла в состав созданной на её платформе политич. партии «Правый сектор»; УНСО продолжает действовать как общественная организация. 20 августа 2015 года УНА-УНСО вновь была зарегистрирована как самостоятельная политическая партия.

Ираклий. Это же Додо Гугешашвили, из «Мхедриони»¹, это ее третья война, воевала в Абхазии, командовала там женским батальоном, несколько раз была ранена... Сейчас тут, в «Айдаре», инструктором. Хочешь, познакомлю?

Юрий. Да нет, спасибо. С меня хватит «Профессора» — я слышал, что она была не очень ласкова с пленными, в Абхазии. Руку кому-то отрубила...

Ираклий. Да, ты, пожалуй, прав, ей лучше не знать о тебе.

Броневик трогается с места...

Ираклий (*протягивая Юрию «балаклаву»*). Надень, пока будем выезжать.

Коридор больницы в Мариуполе — день
Незнакомый мужчина, Ираклий, Юрий и Давид идут по коридору.

Мужчина (*с грузинским акцентом, Ираклию*). Сегодня выходной, начальства в больнице нет. (*Останавливается у одного из кабинетов, Юрию.*) Посидите здесь (*кивает на несколько стульев, стоящих вдоль стены*).

Врачи Ираклий входят в кабинет.

Давид и Юрий присаживаются на стулья в коридоре.

Из кабинета выходит медсестра — молодая еще женщина, лет тридцати пяти, садится на стул у противоположной стены.

Медсестра (*ник кому конкретно не обращаясь*). Думали на колени нас поставить?

Юрий (*с интересом*). А что — не поставили?

Медсестра с удивлением смотрит на его улыбающееся лицо.

Медсестра. Вы же ненавидите нас....

---

¹ Мхедриони (груз. მხედრონი, букв. «всадники», или — «рыцари») — грузинская военизированная националистическая организация, основанная вором в законе Джабой Иоселиани в 1989 г.; сыграла инициативную роль в развязывании войны в Абхазии в начале 1990-х.

Ю р и й (*еще шире улыбаясь*). Ненавидим....

М е д с е с т р а (*всё больше раздражаясь*). Ну, так а что ж вы, раз так ненавидите — не оставите нас в покое? Дайте нам самим решать, как нам жить и с кем дружить!

Ю р и й (*влюбленно глядя на медсестру*). Не, не дадим!

Д а в и д озадаченно переводит взгляд с Ю р и я на м е д с е с т р у,
пытаясь понять, что здесь происходит...

Дверь кабинета открывается, выглядывает И р а к л и й.

И р а к л и й (*Юрию*). Зайди.

Больничный кабинет — день

Ю р и й заходит в кабинет. За письменным столом в белом халате сидит
В р а ч, это тот же мужчина, который их сюда привел.

В р а ч. Имя, фамилия?

Юрий вопросительно смотрит на И р а к л и я.

И р а к л и й (*врачу*). Георгий Георгадзе.

В р а ч (*подняв глаза на Юрия*). Вы грузин?..

Ю р и й. Тбилисели вар, батоно.

Титр-перевод: Я из Тбилиси.

В р а ч. Профессия?

Ю р и й. Поэт.

И р а к л и й. Пулеметчик.

В р а ч смотрит с тоской на И р а к л и я.

Рентгеновский кабинет — день

Рядом с рентгеновским столиком — носилки на колесах. На носилках
лежит Ю р и й, совершенно голый.

Над ним стоит уже знакомая нам м е д с е с т р а, с жалостью смотрит на
большие темные синяки, кровоподтеки и раны на ногах и на теле, на его
распухшую сине-зеленую левую ногу....

Ю р и й пытается натянуть на себя простыню, на которой он лежит.

М е д с е с т р а. Лежите уж!

Ю р и й (*натягивая простыню*). Нет! Мне еще вас на колени
ставить...

Медсестра (*не выдерживает, улыбается*). Ты выживи сначала...

Кабинет врача — день
Тот же кабинет врача. В р а ч, И р а к л и й.

В р а ч. ...Необходима госпитализация. Сломаны три ребра, и мне не нравится его нога. Сложный перелом. Вот, я написал здесь, какие медикаменты нужны, и три раза в день — обезболивающее.

И р а к л и й. Спасибо, доктор.

В р а ч. Не за что, уважаемый...

База отдыха — день
Ворота. Машина въезжает на территорию базы отдыха...
Флаги Украины и батальона «Днепр».

О х р а н а. «Слава Украине!» — «Героям слава!».

Г р у з и н в к а м у ф л я ж е встречает броневик у входа в небольшое
деревянное строение.

Г р у з и н обнимается с И р а к л и е м, обмениваясь с ним парой фраз на
грузинском языке, потом — с Д а в и д о м, широко улыбнувшись, жмет
руку Ю р и ю.

Г р у з и н. Георгий? Каха. Я всё знаю, здесь ты в безопасности.
Идем, отдохнешь, а потом — поедем в одно место... (*подмигивает Юрию*).

Уводит Ю р и я в домик.
Звонок телефона. И р а к л и й берет свой телефон.

И р а к л и й. Да... Да... Мне точно известно, что все трое — там, у вас... Нет, я ничего менять не буду! Пять человек — два украинца и три грузина!.. Согласовывайте быстрее — вашего человека ищут, я не смогу его прятать долго!

Берег моря. Набережная. Веранда ресторана — день
Берег Азовского моря, курортный городок Урзуф (Гурзуф). Звучит музыка, вдоль сувенирных киосков, торговых лотков и магазинчиков прогуливаются пестро разодетые пары...

На открытой веранде небольшого уютного ресторанчика — длинный стол, на нем — бутылки с грузинским вином, тарелки с кавказскими яствами, с зеленью, с хачапури...

Если бы не вооруженные люди в камуфляже за столом — ничто бы не напоминало о близости войны...

Вокруг стола — Ираклий, Давид, Юрий, Каха, Заза, еще один незнакомый грузин — Арчи — и девушка — так же, как и все, в камуфляже — Пчелка.
Застолье в разгаре...

Пчелка (Юрию). Вы в Москве живете?

Юрий. В Париже. Но часто бываю в Москве.

Пчелка. Вы знаете режиссера Виктюка?

Юрий. Да, знаю.

Пчелка. Мне нравятся его спектакли.

Юрий. Я при встрече скажу ему, что в нацгвардии батальона «Донбасс» есть его поклонники. Ему будет приятно.

Пчелка. Скажете, не забудете? А еще мне нравится кино... документальное. В советское время были сильные режиссеры-документалисты — Дзига Вертов, Кулешов, Ромм, Кавалеридзе...

Юрий (удивленно). Неплохо для любителя.

Пчелка. Я хотела поступать на документальную кинорежиссуру.

Юрий. Что помешало?

Пчелка разводит руками, демонстрируя свой, не очень женский наряд — камуфляж, разгрузку, берцы...

Юрий. Может, еще не поздно? Хотите, я поговорю в Москве? У меня есть друзья во ВГИКе. Если, конечно, выберусь отсюда.

Пчелка. Если вами занимается Ираклий — выберетесь...

Каха. Георгий, Ираклий говорил, что ты переводишь Галактиона на русский?

Арчи (Кахе). ...Рас амбоб, бичо? Галактиона невозможно перевести!

Юрий. Всех — возможно, Арчи, и Галактиона, тоже — возможно!

Арчи. Ара, бичо! Аршеидзлеба!

Ю р и й. Хорошо, Арчи! Скажи, какое стихотворение у него самое непереводаемое — дай мне текст — и завтра ты увидишь — еще как «шеидзлеба»!

А р ч и.

Ганахлда гули... дгэс ис агар вар,
Рац уцин викав — пери вицвале...
Гза дамицале, шаво бурусо,
Цхеуло гамев, гза дамицале!

Ю р и й. Лучше ты не мог выбрать, Арчи! Это — моё любимое, я его давно перевел!.. (*Читает.*)

Ожило сердце. И — вздрогнул, очнулся я,
И не узнал я себя, полуночного.
Скоро ль ты кончишься, мгла беспросветная,
Черная ночь, уходи, не морочь меня!

Боже, не хватит ли? — сызмала мучаюсь
В медленном пламени, в черной пустыне я.
О, отпусти меня, мгла беспросветная,
Ночь безысходная, брось, отпусти меня!

Всё забываю. И плачу о прошлом я.
Поздно. Прощай, моя юность печальная.
И проклиная я мглу беспросветную,
Черную ночь разрываю плечами я...

Тишина за столом.

З а з а (*запевает*).

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вёз...

Продолжает петь.

И р а к л и й (*негромко, Юрию*). Юра, почему ты здесь, на Донбассе? Здесь не место поэту.

Ю р и й. А по-моему, именно здесь и место. Я это понял впервые, когда в Славянске хоронил пятилетнюю девочку. Вот тогда я

и подумал, что здесь, рядом с женщинами и детьми, которых каждый день убивают, и есть мое место... А почему ты здесь, Ираклий?

Ираклий (*не сразу*). Я солдат, Юра. Украина нам очень помогла во время войны в Абхазии. Мы не могли своими силами вывезти всех беженцев из Кодорского ущелья. Если бы они не прислали свои вертолеты, там погибло бы много людей. Они спасли около восьми тысяч наших беженцев... Теперь — наша очередь. И потом... если получится выгнать Россию из Донбасса, то следующий этап — возвращение Южной Осетии и Абхазии...

Юрий. С вами здесь воюет не Россия, Ираклий...

Зазя прерывает пение. Встает, поднимает бокал.

Зазя. Давайте поднимем бокалы за поэзию и за поэтов — за Руставели, за Лермонтова, за Галактиона, за Пушкина! И — за нашего дорогого гостя Георгия в их лице!

Все встают, чокаются, пьют.

Зазя протягивает фотоаппарат Ираклию.

Зазя. Сними нас с Георгием...

Становится рядом со стулом, на котором сидит Юрий.

Каха. Ия с вами... (*Становится рядом.*)

Ираклий. «Пчёлка», ты тоже — подвинься к Юре ближе... Арчи, Давид идите, тоже!

На стульях сидят Юрий и Пчёлка, вокруг них — сзади и по бокам стоят Каха, Зазя, Арчи, Давид... Ираклий нажимает кнопку...

Ираклий. Арчи, иди теперь ты сними.

Отдает фотоаппарат Арчи и становится рядом с Юрием.

(*Юрию.*) Маме pošлю. Пусть увидит, что я на этой войне хоть одно доброе дело сделал...

Арчи нажимает кнопку фотоаппарата.

Ираклий. Давайте выпьем за то, чтобы мы всегда, в любой ситуации, оставались людьми, и вели себя по-человечески!

Дорога. Пшеничное поле. Новый броневик — утро
По дороге, поднимая клубы пыли, вдоль неубранного пшеничного поля
несется броневик — не тот, который мы видели раньше — другой, новее
и раскрашенный не так ярко, как прежний.

На переднем сиденье, рядом с И р а к л и е м, сидит Ю р и й, сзади —
Д а в и д в неизменной своей камуфляжной кепке, надвинутой на глаза,
и П ч ё л к а.

И р а к л и й, взглянув на часы, останавливает машину, выходит,
удаляется от броневика, достает телефон и набирает номер.

Ю р и й. Давид, я только сейчас сообразил — а где наш бро-
невик?

Д а в и д. Ираклий с Кахой поменялся. Наш — слишком замет-
ный был. Профессор ищет вас, третий день звонит Ираклию, он
трубку не берет.

Д а в и д не сводит глаз с разговаривающего по телефону И р а к л и я.
Тот чем-то раздражен. Доносится его громкий голос.

И р а к л и й. ...Вы слово не держите, слушай! Как с вами мож-
но о чем-то договариваться?

П ч е л к а. Кажется, обмен срывается. Если сегодня не об-
меняем...

Ю р и й. То — что? В подвал, к Профессору?

П ч е л к а. Ираклий не может вас прятать так еще долго. Из
Киева тоже звонят, требуют, чтобы вас туда отвезли...

И р а к л и й (*машет рукой*). Пчелка!

Д е в у ш к а выходит из машины, идет к И р а к л и ю.

И р а к л и й ей говорит что-то, они чуть удаляются...

Звонит телефон, оставленный Пчёлкой.

Д а в и д берет телефон, открывает дверь, чтобы выйти и вдруг, словно
спохватившись, останавливается.

Оглядывает машину — она буквально набита оружием: автоматы
Пчелки и Ираклия!³³, ручной пулемет и «муха»¹ — в заднем отделении
фургона, гранаты — в дверных отсеках...

---

¹ «Муха» — реактивная противотанковая граната РПГ-18, принятая на
вооружение Сов. Армии в 1972 г.

Д а в и д переводит взгляд на Ю р и я, тот делает вид, что дремлет, «не замечая» замешательства Д а в и д а.

Д а в и д садится на место, поправляет автомат на коленях...
Ю р и й открывает глаза, на мгновение взгляды Ю р и я и Д а в и д а пересекаются.

Д а в и д (*внезапно*). Я того, кто эту войну придумал — я его всё е...!

Прогремевший мимо грузовик заглушает конец фразы Давида.

Телефон Пчелки вновь начинает звонить в руке у Давида.
Д а в и д снова — резко — открывает дверь, выходит из машины, и уходит, не оборачиваясь, вперед, по дороге, догоняя неспешно удаляющихся от машины П ч е л к у и И р а к л и я.

Ю р и й смотрит на весь этот, так неожиданно «вверенный» ему, арсенал... кладет руку на лежащий ближе других к нему автомат Ираклия... другой рукой — берет гранату в дверном «кармане».

По его напрягшемуся телу, по сузившимся глазам, — по всему — понятно, что он быстро проигрывает в голове варианты...

Дорога. Пшеничное поле — утро

И р а к л и й на дороге спрашивает о чем-то Д а в и д а, показывая на машину...

Новый броневик — утро

Ю р и й кладет гранату в карман, левой рукой берет автомат Ираклия, правой ощупывает затвор...

Дорога. Пшеничное поле. Новый броневик — утро

Хмурый И р а к л и й, П ч е л к а и Д а в и д приближаются к машине...

Ю р и й кладет автомат на место...

И р а к л и й уже возле машины...

Ю р и й достает из кармана гранату, хочет ее положить, но, вдруг, передумав, вновь кладет ее в карман...

И р а к л и й открывает дверь... внимательно оглядывает салон, смотрит на Ю р и я — тот сидит, откинувшись на спинку кресла — глаза закрыты — «дремлет»...

Все садятся в машину. Тишина.

Д а в и д. Рамбавиа, Ираклий, болоз да болоз?..

И р а к л и й. Они не хотят нам отдавать пятерых. Только троих. Из грузин нашли лишь одного.

Д а в и д (*Ираклию*). Что будешь делать?

Пауза. Ю р и й «дремлет»...

И р а к л и й. Будем менять.

Машина трогается.

Поселок — день

Красивый солнечный день.

Небольшой населенный пункт в окрестностях Мариуполя.

Машина стоит у придорожного продуктового магазина. В ней —
И р а к л и й и Ю р и й, откинувшись на спинки кресел, дремлют...

Ю р и й. Ираклий, там, на дороге, ты ругал Давида за то, что он оставил меня без присмотра?

И р а к л и й. Я его еще накажу за это.

Ю р и й. Не надо, не наказывай. Это не разгильдяйство. Это он свое доверие мне демонстрировал. Смешной. Сказал: «Я того, кто эту войну выдумал — я его всё ...!» — бросил автомат — и ушел.

И р а к л и й (*смеется*). Начинает понимать, мальчик... Я его, как только здесь увидел — сразу к себе забрал, чтобы сберечь его. Такие — первыми погибают... Пчёлку тоже...

Ю р и й. Она тоже из Грузии?

И р а к л и й. Нет, почему... Из Западной Украины. Увидел, как она учится стрелять из автомата — сразу понял, что ее надо спасать. Ездит с нами, занимается пленными, разыскивает родственников. У нас тут тоже с этим такой бардак!..

Появляются Д а в и д и П ч е л к а с пакетами и с корзиной, набитой фруктами, колбасой, бутылками с кока-колой и с вином.

П ч е л к а (*Ираклию*). Вот этот пакет — нам, остальное — на блокпост.

И р а к л и й. Давай, наш пакет открывай!..

Машина трогается. Пчелка раздает всем круассаны и йогурты...
Все едят, Ираклий одной рукой ведет машину, в другой — бутылка йогурта...

Пчелка. Юрий, а мне понравилось, как вы вчера говорили по-грузински — не так, как они... Скажите еще что-нибудь?

Юрий (*читает, чуть нараспев*).

Патара гого дамекарга

Цител перанга,

Ан авлили, ан чавлили

Хом ар гинахавт...

Ираклий и Давид вдруг подхватывают, и — стихотворение оказывается песней.

Юрий, Ираклий и Давид.

...Втири дге, да втири гаме,

Цремли мдения,

Втири дге, да втири гаме,

Цремли мдения...

...Несется броневик, с пулеметом на крыше, с двумя высоко торчащими желто-блакитными флажками, по разбитой, изрытой снарядами украинской дороге...

Броневик подпрыгивает на ухабах, уменьшается в размерах — это мы его видим уже как бы глазами взлетевшей над дорогой и поднимающейся все выше к небу птицы...

Вокруг — поля с большими сгоревшими участками пшеницы — дым, гарь на много километров тянется с полей...

Несется наш броневик, превращаясь в маленькую точку...

Мы видим дороги, реки, города — мы видим Украину, а над ней несется веселая, неожиданная здесь песня:

Юрий, Ираклий и Давид.

...Патара гогос сикварули

Ой, ра дзнелиа!

Патара гогос сикварули

Ой, ра дзнелиа!..

Блокпост правого сектора — день

Песня резко обрывается.

Броневи́к медленно проезжает блокпост, вдоль длинного ряда стоящих автомобилей...

Солдаты в камуфляже, с замотанными такими же камуфляжными платками лицами, над мешками с цементом — флаг Правого Сектора, на шевронах — тоже символы Правого Сектора.

Две машины стоят с раскрытыми дверцами, какие-то люди в штатском лежат на земле, лицом вниз, со связанными за спиной руками...

Один из «правосеков» заглядывает в окно броневика, окидывает всех взглядом и поднимает вверх сжатый кулак.

«Правосек». Слава Украине!

Ираклий, Давид и Пчелка. Героям слава!

Машина минует пост.

В броневике — день

Пчелка. Да, бедные люди!.. Попасть в руки к «Правому сектору»...

Юрий. Пчелка, поверьте мне, батальон «Донбасс» может с ними поспорить в отморозенности. Уж я видел его во всей красе....

Ираклий. Ну, положим, в ДНР, тоже, с пленными не очень церемонятся.

Юрий. Наверное. Отдельные идиоты, уголовники есть везде. Но в ДНР был издан указ: «За жестокое обращение с пленными — строгое наказание, вплоть до расстрела». И он, этот указ — действующий!.. А тут — Правый сектор!.. Нацгвардия!.. — элита Майдана... И командиры — такие же звери...

Ираклий (*после паузы*). Юра, чтобы воспитать понятие об офицерской чести, нужно не десять и не двадцать лет...

Телефон Ираклия звонит. Он останавливает машину.

Ираклий. Да... Мы уже почти на месте. Как — на другом блокпосту?! Я никуда отсюда не поеду! (*Отключает телефон.*)

Машина стоит на дороге. Ираклий, Юрий, Давид, Пчелка сидят в машине, молчат.

Пчелка. А где они хотят меняться?
Ираклий. На дороге из Курахово.
Давид. Там плохое место.

Звонок. Ираклий берет телефон.

Ираклий. Да... Хорошо... Но я смогу там быть не раньше 18:30. Если в 19:00 обмен не состоится — значит, он не состоится вообще.

Выключает телефон. Броневи́к трогается.

Ираклий. Юра, что загрустил?
Юрий. Не нравится мне это название — Курахово...
Ираклий. Да, уж!.. Там после первого же блокпоста Профессор будет знать, что мы — в городе.
Давид (*вдруг, горячо*). Я его убью!
Ираклий. Кого, Давид?
Давид. Профессора. Эта не мужчина, и не солдат, который звонит чужой жене и душу ей мотает!
Юрий. Нет, Давид, он звонит моей жене, и убивать его должен я.
Давид. Тебе нельзя убивать — ты поэт!
Юрий. Я — ополченец!
Давид. Ты — пленный! Ты не можешь никого убивать!
Ираклий. Эй-эй-эй, бичебо! Даамтаврэт...

Звонок. Ираклий смотрит на экран телефона.

Ираклий. Ну, вот... (*включает телефон*). Да, дорогой, здравствуй! Зачем «прятался»? Не мог ответить, телефон сломался. Француз мне нужен был, потом объясню, это не телефонный разговор. Нет, уже не нужен. Да... Да хоть сегодня! Или нет — сегодня уже поздно, завтра привезу. Ты сам как, дорогой?.. Да?.. Ай-ай-ай! Да, до завтра.

Дымятся поля за окном. Несется броневи́к по разбитой дороге...

Блокпост Курахово — вечер
Броневи́к стоит с внутренней стороны блокпоста.

Блокпост Курахово, внешняя сторона — вечер

И р а к л и й сидит на обочине дороги, с внешней стороны блокпоста, смотрит напряженно в ту сторону, откуда должна прийти дээнеровская машина...

К нему подходит командир блокпоста — Ш л я х.

Ш л я х. Ну, что у тебя слышно, Ираклий? Уже восемь, не приедут они...

И р а к л и й. Приедут, дорогой, приедут.... У вас, там, всего всем хватило? У меня еще, где-то, в машине, пара бутылок «Киндзмараули» есть...

Ш л я х. Да нет, не надо... пока... Там еще есть... Очень ты пацанов порадовал... А то сидим тут две недели, тухлую тушенку ковыряем...

В броневике — вечер

Ю р и й сидит, откинувшись, глаза закрыты... со стороны можно подумать, что он спит... чуть приоткрывает глаза, смотрит на часы, встроенные в переднюю панель автомобиля: 21:37...

П ч е л к а. Вы, когда там будете, узнайте, пожалуйста, про троих ребят, я вот, тут, записала.... Они там, где-то у вас, в плену... Дмитрук, позывной «Фома», он совсем мальчишка, 18 лет, его сестренка младшая ищет, у нее больше нет никого, кроме него... Кушнир, позывной «Богун». Он очень болен, ему нужна срочная операция, иначе глаз потеряет... И Смоляной, Петр, позывной «Ключ»... Он вообще музыкант и здесь случайно, из-за своей девушки: она медсестра в батальоне. Там мой телефон и электронный адрес...

Блокпост Курахово. Внешняя сторона — ночь

И р а к л и й ходит взад-вперед по обочине дороги. Всматривается в уходящую в темноту дорогу, в ту сторону, откуда должна прийти дээнеровская машина...

К нему подходит Ш л я х.

Ш л я х. Ираклий, мне передали по радиcи, сказали, тебя какой-то Профессор ищет... Я сказал, что ты здесь не появлялся.

И р а к л и й. Спасибо, дорогой...

Ш л я х. Надолго у тебя еще? Уже скоро одиннадцать...

И р а к л и й. Звонили, едут, близко уже... Они не туда куда-то заехали, их обстреляли...

Ш л я х. Если в течение часа не объявятся — я доложу, про-сти. Ты что-то говорил про «Киндзмараули»?

И р а к л и й. Конечно, дорогой, говорил! (Включает рацию.) «Шави», «Шави», ответь «Свану».

Г о л о с Д а в и д а (*по рации*). «Сван», «Шави» слушает.

И р а к л и й. Это для Пчелки. Пчелка, возьми там, сзади, две бутылки «Киндзмараули», отнеси, пожалуйста, ребятам на пост, и вообще, посмотри, что там еще у нас осталось, отдай всё... (*Выключает рацию. Шляху.*) Всё, дорогой, сейчас принесет...

Внутри броневика — ночь

Ю р и й сидит всё в той же позе, руки в карманах... на часах: 22:40...

Д а в и д (*Юрию*). Моусминэт... вы можете сделать для меня одно... просьба, короче, один...

Ю р и й (*не открывая глаз*). Какая просьба, Давид?

Д а в и д. Ираклий говорил, что вы «Могильщика» на русский перевели.

Ю р и й. Да.

Д а в и д. Можете записать на диск сделать и выслать мне? Вот, мой мэйл.

Ю р и й. Угу. Запишу. Любишь Галактиона?

Д а в и д. Э!.. Галактиона кто не любит? Не себе прошу. Ираклию подарю. Он ведь из Квиши, из того же село, что Галактион родился. Ему каждое слово Галактиона — как слово из Библии...

Блокпост Курахово. Внешняя сторона — ночь

И р а к л и й стоит, расставив ноги, посередине дороги, всматривается в ночь...

Вдруг, вдалеке, мигают — раз, второй — фары. Чуть погода, опять мигают...

И р а к л и й берет рацию.

И р а к л и й (по рации). Шлях, ответь Свану.

Блокпост Курахово. Внутренняя сторона — ночь
Ш л я х говорит по рации.

Ш л я х. Сван, я понял. (Одному из своих солдат.) Перекрывай движение.

С о л д а т выходит к пункту контроля.
Прошедшая осмотр «газель», трогается с места, направляясь к узкому проезду между мешками с цементом.

Солдат становится на пути «газели», скрещивая перед собой руки: «Проезд закрыт». Показывает рукой водителю «газели», чтобы тот поставил машину ближе к обочине.

С о л д а т. Фары! Фары, баран, загаси!

Блокпост Курахово. Внутренняя сторона — ночь
Ю р и й, всё так же — глаза закрыты, руки в карманах... на часах:
23:20...

Г о л о с И р а к л и я (по рации). Давид, выезжай, потихоньку, за блокпост... Фары не включай... Пчелка, выйди, подожди там...
Д а в и д. Понял, выезжаю.

Д а в и д смотрит на П ч е л к у. Она машет отрицательно головой.
Броневи́к, с выключенными фарами, осторожно продвигается к проему в баррикадах из мешков с песком и бетонных блоков.

Вдоль дороги, по обочине, уже выстроилась темная очередь автомобилей разных марок и габаритов...

Броневи́к минует баррикадную стену, выезжает за пределы блокпоста и так же, не спеша, продвигается вперед по дороге, пока перед ним не начинает вырисовываться темная фигура человека, стоящего посередине дороги.

Давид выходит к И р а к л и ю.

Ю р и й сидит все так же, но глаза сейчас открыты — он напряженно всматривается в уходящую в ночь дорогу...

На часах — 23:40... Ю р и й всматривается в ночь... веки его устало закрываются...

Г о л о с   Б а г и р ы. Анри! Анри! Ты слышишь?

Ю р и й открывает глаза. В открытой двери броневика стоит
ж е н щ и н а в к а м у ф л я ж е, с георгиевской ленточкой на погоне...
Он всматривается в нее...

Б а г и р а. Всё! Всё кончилось. Я пришла за тобой. Пойдем.
Ю р и й. Багира! Ты мне снишься?..

Б а г и р а склоняется над ним, обнимает его... Помогает ему выйти из
машины...

И р а к л и й подходит к ним. Б а г и р а включает рацию.

Б а г и р а. Сармат, ответь Багире.

Г о л о с   С а р м а т а. Багира — Сармат.

Б а г и р а. Сармат, выезжайте. Одна машина, вторая остается
на месте. В машине — только водитель, пленные и врач. Никого
больше. Подъезжайте медленно.

Б а г и р а вынимает сигарету. И р а к л и й достает зажигалку, щелкает,
Б а г и р а прикуривает, И р а к л и й тоже.

И р а к л и й (*Багире*). Что ж вы так долго?

Б а г и р а. Мы два раза попали под обстрел... Донецк нам при-
казал вернуться. Но мы все-таки доехали...

Ю р и й делает на костылях несколько шагов в сторону — к стоящей у
обочины П ч е л к и. Он вынимает из кармана гранату, отдает ей.

Ю р и й. Пчелка, положи, пожалуйста, на место, я забыл...

П ч е л к а. Вы ее держали все время в кармане?.. Зачем?..

Ю р и й. На случай, если бы нас нашел Профессор... Второй
раз к нему в подвал я бы не пошел...

П ч е л к а. Да вы что? Кто бы вас ему отдал? Ираклий еще
утром решил: если обмен сорвется — мы подвезем вас поближе к
вашему блокпосту и отпустим.

На ночной дороге прорисовывается контур приближающегося почти
бесшумно автомобиля... он останавливается на небольшом расстоянии
от стоящих на дороге И р а к л и я и Б а г и р ы.

В траве у дороги лежит Д а в и д с наведенным на автомобиль «гостей»
автоматом...

Из машины выходят т р о е м у ж ч и н .
И р а к л и й идет к ним навстречу...
Ю р и й обнимает П ч е л к у . У нее на глазах слезы.

Ю р и й . Ну, что ты. Не плачь, Пчелка...
П ч е л к а . Олеся я...
Ю р и й . Удачи тебе, Олеся. И будь осторожна!
П ч е л к а . И вы... лечитесь и не воюйте больше.
Ю р и й . И помни наш разговор про ВГИК.

Ю р и й направляется на костылях к автомобилю Б а г и р ы .
Посередине дороги стоят И р а к л и й и т р о е м у ж ч и н ...
Ю р и й останавливается, смотрит на мужчин, они смотрят на него.
Повисший на подпорках-костылях, с ногой в шине, из-под которой торчат босые, разбухшие пальцы, тяжело дышащий, изможденный человек — и трое рослых крупных мужчин без каких-либо видимых увечий...

Один из них делает шаг к Ю р и ю , протягивает ему руку, Ю р и й — тоже, они жмут друг другу руки...

1-й м у ж ч и н а (с кавказским акцентом) . Удачи вам. Выздоровливайте.

Д в о е других мужчин тоже протягивают руки Ю р и ю .

2-й м у ж ч и н а . Удачи!

3-й м у ж ч и н а . Удачи! Выздоровливайте!

Они расходятся, Ю р и й — к поджидающей у машины Б а г и р е , т р о е м у ж ч и н — к броневнику.

Поравнявшись с И р а к л и е м , Ю р и й останавливается.

Они смотрят какое-то время друг на друга и — крепко обнимаются.

Ю р и й . Спасибо за всё, Иракий. И всем передай, что я их всех помню.

И р а к л и й . Ты жене своей тоже от меня огромный привет передавай. Иди, Юра, тебя ждут. Вот, возьми...

И р а к л и й надевает через голову Ю р и я кожаную тесемку с висящей на ней маленькой пулей.

И р а к л и й. Это — флешка. Держи ее всегда при себе. Когда захочешь услышать настоящие грузинские песни — включи ее.

Ю р и й. Спасибо, Ираклий.

И р а к л и й. А ты мне ничего не хочешь отдать?

Ю р и й. О чем ты?

И р а к л и й. О гранате.

Ю р и й. Она у Пчелки.

Ю р и й делает шаг к машине. Но вдруг останавливается.

Ю р и й. Ираклий, а где Давид?

Д а в и д. Я здесь.

Ю р и й оборачивается на голос.

Из темноты, из придорожных зарослей, выходит Д а в и д
с автоматом в руках.

Они обнимаются.

Ю р и й. Я рад знакомству с тобой, Давид.

Д а в и д. Я тоже. Выздоровливайтесь.

Б а г и р а придерживает дверь, Ю р и й садится в машину на переднее сидение, Б а г и р а — на заднее.

Машина разворачивается и растворяется в темноте...

В машине — ночь

Ю р и й. Багира, ты что, пришла на блокпост одна?

Б а г и р а. Да. А что такого? За тобой — я бы и дальше пошла...

Невидимый до сих пор, сидящий в глубине машины м у ж ч и н а
протягивает руку Юрию.

М у ж ч и н а. Казимир, врач. Как Вы себя чувствуете? Можете с Багирой доехать до Донецка? Если нет — на нашем блокпосту ждет «скорая»...

Ю р и й. Нет, спасибо, я доеду с Багирой.

Машина вдруг тормозит. Ю р и й встревоженно смотрит на водителя.

Б а г и р а. Всё нормально, не дергайся.

Крышка багажника открывается, оттуда поднимается человек в камуфляже, с лицом, затянутым платком, с ручным пулеметом в руках...

Донецк. База ополченцев. Территория завода — день

По двору завода разбросаны танки, БМП, пара КамАЗов — вмятины, пробоины, пробитые колеса, порванные гусеницы...

Чуть в стороне возится со своей «Нивой» Б о р и с.

Во двор въезжает «джип» с тонированными стеклами, останавливается недалеко от «Нивы».

Из него выходят Н а ч ш т а б а, Б а г и р а и Б а р с.

Н а ч ш т а б а. Боря, разговор есть...

Б о р и с. О чем, Саныч?

Б а р с. Ты бензобак не менял на днях?

Б о р и с. А с чего б это я его менял?

Б а р с. Ну, ты же говорил, что он был пробит, когда ты Анри отвозил.

Б о р и с (*замешкавшись*). А, ну, да. Но я его залатал. Такую заплаточку припаял.

Н а ч ш т а б а. Бак мы твой проверили, Боря. Никаких заплаток на нем нет. Ты вполне сознательно отправил Анри в засаду.

Б а г и р а. Дай-ка твой телефон, Боря. Почему-то мне кажется, что он нам подскажет кому ты сдавал Анри, когда звонил с блокпоста...

Б о р и с, затравленно озираясь, отступает к машине.

Б о р и с. Да бросьте, шо за чепуху вы несете?

Дверь «джи́па» открывается, и из машины появляются сначала костыли, затем опирающийся на них Ю р и й.

Какое-то время Б о р и с в ступоре, с нескрываемым страхом смотрит на Ю р и я, затем резко бросается в сторону «Нивы»...

Б а р с (*выхватывая из уже открытой кобуры пистолет*). Стоять!.. (*Стреляет в воздух*).

Б о р и с застывает у распахнутой двери «Нивы»...

Н а ч ш т а б а подходит к Б о р и с у, разоружает его.

Барс (*Борису*). Садись в машину. (*Юрию*). Поехали, отвезем его к Зайцу, мы тебе там еще один сюрприз приготовили.

Двор бывшего здания СБУ в Донецке — день
Во дворе, в строю, по трое в шеренге, стоит около сотни пленных солдат батальона нацгвардии «Донбасс».

Во двор въезжает «джип», останавливается перед строем.

Из машины выходит Барс, двое подошедших ополченцев «принимают» появившегося вслед за Барсом из машины Бориса и уводят его. Барс открывает переднюю дверь, помогает выйти опирающемуся на костыли Юрию.

Барс подходит к строю пленных. Показывает на одного из них, лежащего на носилках, с забинтованной левой рукой.

Барс. Узнаёшь?

Семерка (*Юрию*). ...А я боялся, что умру и вас не увижу! Мне очень надо было вас увидеть, чтобы попросить у вас прощения... За всё, что я... Не знаю, что на меня нашло, какое-то помутнение... Аффект...

Юрий. Я очень хотел бы верить, что вы это — искренне... Только вот, про «аффект»... Какой-то он затяжной у вас получился... на несколько дней. Да и потом, какой бы «аффект» ни был — вы же, когда ломали мне кости, не могли не видеть, что я старше вас чуть ли не втрое, и что весовые категории у нас разные, что у меня руки связаны, в конце концов...

Семерка. Руки?.. Связаны были?... Не, не видел! Честно! Мне так нужно, чтобы вы меня простили... Может, я могу чем-нибудь вам помочь?.. Ну зачем нам эта дурацкая война? Вы — в гипсе, я тоже — вот, видите... Я решил: если вдруг чудом, выживу — больше ни за что не возьму в руки оружия! Честное слово даю! Буду заниматься гуманитаркой... Ведь совесть, она, знаете, грызет, она не даст уже... Жизнь учит... Даю слово! Только мне очень важно, чтобы вы меня простили!

Юрий. Если вам так нужно мое прощение — вы его получили. У меня нет ни злости, ни желания мстить вам.

Юрий хочет отойти, но Семерка тянет к нему руку...

Пауза. Глаза пленных нацгвардейцев...

Прищуренные глаза Барса...

Умоляющие глаза Семерки...

Юрий пожимает протянутую к нему руку. Семерка вцепляется в его руку, не отпуская ее. Они встречаются глазами. Пауза.

Юрий. «Аффект», говорите...

Отдергивает руку и поворачивается, чтобы уйти.

Семерка (*ему вслед*). Что бы со мной ни случилось — я вас обязательно найду, и мы с вами еще поговорим обо всём!..

Юрий оборачивается: мгновение они смотрят друг на друга: взгляд

Семерки — холодный, ненавидящий...

Юрий отходит к Барсу.

Барс. Ты не очень-то смотри на этот цирк с носилками. Это он, как только узнал, что тебя обменяли — срочно слёг. Ребята ему тебя не простят. Ты разговаривал с трупом. И умрет он медленно.

Юрий. Нет, Барс! Не надо!

Барс. Ты, что, не понял? Он же тебе даже сейчас угрожал!

Юрий. Да понял я всё. Пусть его судят за то, что он сделал, но — не надо ему мстить.

Барс. Эх, трудно с вами, поэтами... Ладно. Суд, так суд... Давай, смотри остальных.

Юрий, опираясь на костыли, проходит вдоль строя, всматривается в лица нацгвардейцев.

Юрий (*остановившись перед строем пленных, громко*). Я обращаюсь к тем, кто помогал мне и моим товарищам, кто сказал доброе слово, как-то поддержал... Я не помню всех в лицо... Иногда я слышал лишь ваши голоса... Дайте мне возможность помочь вам: пусть каждый назовет мне свой позывной и напомнит — когда, где и чем именно он помог пленным...

К Юрию подходит бородатый ополченец, становится за спиной Юрия с блокнотом и ручкой в руках.

Барс (*пленным*). С левого фланга, первый — пошел!

Из шеренги на левом фланге выходит из строя 1-й п л е н н ы й,
подходит к Ю р и ю.

1-й п л е н н ы й. Позывной — Хорс! Я у вас лично прошу прощения за жестокое обращение с вами. Я был одним из ваших охранников. Я вам не помог, но я никого и не бил, не мучал.

Ю р и й. Скажите, Хорс, есть ли тут кто-то из тех, кто расстреливал оставшихся пленных?

Хорс (*после паузы*). Нет... Война есть война, и пленные есть пленные... Разрешите идти?..

Ю р и й кивает. К нему подходит 2-й п л е н н ы й. Юрий пристально всматривается в кого-то, стоящего в глубине строя...

2-й п л е н н ы й. Позывной — Немец! Я вам лично не помогал. Но товарищу вашему, словаку, я курево приносил...

Ю р и й (*все так же пристально всматриваясь в кого-то, увиденного им в строю*). Ну конечно, мне вы не могли принести — я не курю... А за Миро — спасибо... (*Бородатому.*) Запишите «Немца». Я помню его. (*Повернувшись к «Барсу».*) Да, кстати, что-нибудь известно о пленном словаке?

Барс. О Мирославе? Его вчера привезли, он — в госпитале.

Ю р и й встает, приближается, на костылях к строю...

Ю р и й. Майор?..

Из строя выходит М а й о р. Из-под рубашки видна перебинтованная
грудь.

М а й о р. Позывной — «Майор»!

Ю р и й и М а й о р смотрят друг на друга.

Ю р и й. Что случилось с оставшимися пленными, Майор?..

М а й о р. Меня не было на «Школе», когда их...

Ю р и й (*после паузы*). Я верю вам, Майор... Вас, конечно же, нужно расстрелять. Но, я очень рад, что вы живы.

М а й о р. И я рад, что вы живы.

Ю р и й (*Барсу.*). Это — честный солдат. (*Бородатому.*) Запишите его на обмен. (*Майору.*) А Марк, здесь?

Оглядывает строй...

М а й о р. Марк убит.

М а й о р поворачивается, чтобы вернуться в строй, но задерживается, и смотрит на Ю р и я.

...Как я смогу потом вас найти?

Ю р и й. Найдемся!.. Сейчас главное — чтобы вы как можно быстрее с семьей встретились.

М а й о р возвращается в строй. Ю р и й провожает его взглядом, достает из кармана листок, который ему дала Пчелка.

Ю р и й (обращаясь к строю, громко). Если есть позывные Фома, Богун и Ключ — выйдите из строя!

Из строя осторожно выходит молодой парень.

П а р е н ь. Позывной — Ключ!

Ю р и й. Музыкант?

К л ю ч. Да...

Ю р и й. Фамилия — Смоляной?

К л ю ч. Да, но... мы не встречались, я вам не мог ничем помочь.

Ю р и й. Мне — нет. Но вы помогали другим. (*Барсу.*) Этого можно обменять. (*Ключу, негромко.*) Скажете спасибо «Пчелке».

Из строя выходят еще двое молодых пленных.

Один — совсем мальчишка, лет восемнадцать.

1-й молодой пленный. Позывной — Фома...

Ю р и й, Б а р с, Ф о м а, К л ю ч и все пленные и охраняющие их ополченцы вдруг начинают удаляться, мы видим их сверху, все дальше и дальше...

Открывается панорама Новороссии, с сожженными и разбомбленными городами, опаленными полями и уходящим за горизонт багряным солнцем.

Москва. Больничная палата — день

В окно больничной палаты видна узнаваемая панорама Москвы.
В палате, на койке, напротив окна, с подвязанной к кронштейну ногой
полулежит Ю р и й, печатает на ноутбуке.
На столе и на тумбочке много фруктов, десерты, молочные продукты,
коробки конфет, соки, напитки.
Входит м е д с е с т р а с корзиной с фруктами, из которых торчат две
бутылки грузинского вина.

М е д с е с т р а. Юрий Сергеевич, это вам от нашего главвра-
ча — Зураба Гивиевича. После консилиума он зайдет к вам сам.

Ю р и й. Так мне же, вроде, нельзя.

М е д с е с т р а (*строго*). Зураб Гивиевич лучше знает, что
вам можно, а что нельзя. (*Выходит.*)

Ю р и й (*вслед ей*). Спасибо!

Смотрит на корзину, вынимает из нее бутылку вина, рассматривает
красивую грузинскую наклейку, улыбается. Ставит бутылку на место,
берет в руки висящую на груди пулю-флешку, откручивает колпачок,
вставляет флешку в плеер.

Звучит красивая грузинская мелодия.

Юрий закрывает глаза, слушает...

Внезапно музыка прерывается.

Г о л о с И р а к л и я. Информация о Профессоре. Стратанов-
ский Владимир Александрович. Подполковник СБУ. Русский. Ро-
дился в 1982 году, в Киеве, в семье крупного советского партра-
ботника...

Киевский ж/д вокзал. Перрон — вечер

...М у ж ч и н а лет тридцати пяти, очень похожий на Профессора,
только только без бородки и усов, с чемоданчиком на колесиках, идет по
перрону вдоль состава «Киев-Москва»...

Г о л о с И р а к л и я. ...Выпускник Киево-Печерского Лицея
«Лидер» — школы для высокоодаренных и «блатных» детей. В
2005 году окончил физико-математический факультет Националь-
ного технического университета Украины, кафедра математиче-
ского анализа и теории вероятности.

...М у ж ч и н а с чемоданчиком останавливается у одного из вагонов, помогает подняться в вагон женщине с ребенком на руках и с сумками, затем вынимает паспорт, билет, протягивает их проводнице, что-то ей, улыбаясь, говорит, она смеется, возвращает ему билет, он поднимается в вагон...

Г о л о с И р а к л и я . ...Воспитание: аристократически-спартанское. Интересы: философия, восточные единоборства, военная история. Любимые авторы — Ницше, Фрейд, Юнг, Сунь Цзы. Владеет четырьмя языками. Умен, честолюбив, амбициозен, избрительно-мстителен...

Купе поезда — ночь

...Двухместное купе. Одна из двух полок занята — на ней лежит м у ж ч и н а , очень похожий на Профессора, читает книгу при свете лампы нижнего освещения.

Г о л о с И р а к л и я . ...Собирает материалы для задуманной им энциклопедии самых изощренных пыток Востока и Азии. Воевал в горячих точках на стороне исламских радикалов — в Чечне, в Ливии, в Ираке. Считает, что нынешняя киевская власть его недооценивает. Утверждает, что у него есть 18 способов быстрого и бескровного захвата Донецка — отравление водоемов, продуктовых товаров и другие...

Купе поезда — ночь

...В купе темно. Стук в дверь. Входят р о с с и й с к и е по г р а н и ч н и к и . Свет в купе включается. М у ж ч и н а протягивает свой паспорт.

На столе лежит книга, на обложке — имя автора: Сунь Цзы...

П о г р а н и ч н и к и возвращают паспорта, выходят...

Г о л о с И р а к л и я . ...К сепаратистам — личный счет: в Донецке у него был свой бизнес (недвижимость, игровые автоматы, казино), в настоящее время всё потеряно. Работает, практически, на ЦРУ. Готовит передачу им двух офицеров ГРУ, выкраденных его людьми с территории России...

Москва. Перрон Киевского вокзала — утро

...На перроне — встречающие. Поезд «Киев-Москва» приближается...
Замедляет ход... медленно проплывают вдоль перрона вагоны...
Появляется, открывая дверь вагона, проводница... Выходят
пассажиры...

М у ж ч и н а, очень похожий на Профессора,
спускается из вагона на перрон...

Г о л о с И р а к л и я. ...Изучает методы и приемы развед-
службы Израиля по отслеживанию и уничтожению своих врагов;
намерен развить и усовершенствовать опыт Моссада. Ведет уни-
кальную картотеку, в которой собирает материалы на всех, кто
сотрудничает с сепаратистами, особое место в ней уделяет добро-
вольцам, приехавшим на Донбасс из других стран...

Москва. Новый Арбат — утро
М у ж ч и н а едет в такси по Новому Арбату...

Г о л о с И р а к л и я. ...Идея-фикс: рано или поздно к каждо-
му, кто принял участие в этом конфликте на стороне сепаратистов,
где бы он ни жил, и какое бы положение ни занимал, однажды при-
дут Профессор и его люди и напомнят ему о пролитой украинской
крови, — при этом уничтожена должна быть вся семья экс-опол-
ченца, от стариков-родителей — до грудных младенцев.

Номер отеля — утро
...М у ж ч и н а входит в номер. Оставляет свой чемодан у дверей,
оглядывает номер. Подходит к окну, отдергивает шторы.
Перед ним открывается вид на Кремль...

Москва. Больничная палата — вечер
За окном на улице идет сильный дождь.
В палате на койке спит Ю р и й. Он под капельницей.

Москва. Больничный коридор — вечер
К стойке приемного покоя подходит красивая женщина средних лет —
Д а н и.

Д а н и (*с сильным акцентом, медсестре*). Скажите, пожа-
луйста, в какой палате лежит Юрий Горбенко?

Это — тот же певец, Патрик Брюэль, и та же песня, которую мы
слышали в начале фильма...

Машина чуть съезжает на обочину и останавливается...

...Et bois ce venin
De la voix nomade
D'un poète venant
De la contrée froide...

Mais ce beau canevas
S'effacera net:
Le matin on va
Retrouver nos têtes...

On ne vas pas mêler
La nuit et le jour,
On ne vas pas parler
Pas un mot d'amour...

Restons là, ma sœur,
Restons sages et mûrs,
Pas un mot de cœur,
Pas un mot d'amour...

Дани сидит в машине, откинув голову, по щекам текут слезы...
На сидении рядом с Дани лежит чуть рассыпавшаяся пачка листов —
рукопись.

На первой странице одно слово — **«СВИДЕТЕЛЬ»**.

По стеклу ползут капли дождя...

КОНЕЦ

*Москва, госпиталь,
март-май 2015*

КОКТЕЙЛЬ ДЛЯ МОСКАЛЯ
иронический фарс в одном действии

Действующие лица

Петро Коношенко — хозяин хаты, простоватый мужчина лет 45;
Оксана — его жена;
Степан — их сын;
Виктор Захарченко — кум Петра, гость из Москвы;
Мария — его жена, сестра Оксаны;
Александр Горин («Горыныч») — действующий сотрудник СБУ;
Рудый, Косой — правосеки;
Виталик — говорящий попугай.

НАЧАЛО

Звучит музыка REBEL ROSER

Действие происходит в селе Червонное неподалеку от Днепропетровска 8 мая 2014 года. Сцена разделена на две части: в левой — интерьер украинской хаты: стол, накрытый скатертью, несколько стульев, телевизор в углу и рядом с ним большая клетка для попугая. Клетка в начале действия покрыта темной тканью. В правой части сцены — гараж, стены которого уставлены деревянными полками с закатанными на зиму банками. Автомобиля в гараже нет.

СЦЕНА 1

Петро. Хорошо, что приехал. На границе проблемы были?
Виктор. Пять часов промурыжили. Звонили на «Южмаш», ждали письменного подтверждения приглашения. В общем, бардак. Погранцы украинские злые, смотрят волками. Наши пока в гостиницу поехали в Днепропетровск, а я сюда.

Петро. Оксана тоже в Днепр поехала, на рынок, мясо продавать, к вечеру вернется.

Виктор. А сын, Степан?

Петро. Лучше не спрашивай. Вообще хлопец с глузду съехал. Давай выпьем за встречу. (*Выпивают.*)

Виктор. Что так?

Петро. Ох, Виктор, это беда. Началось с того, что год назад подался он на заработки в Киев. Грошей, говорит, заработаю, женюсь. И невеста, девка вроде хорошая, только жадная очень, тянет из хлопча все жилы. Не проработал там и полгода, мутная история — то ли его обманули, то ли сам проворовался, заставили его взять кредит для покрытия убытков.

Виктор. Ну и?

Петро. Ну и вот. Платить по кредиту нечем. Пришли приставы, все описали, «Таврию» из гаража забрали, телек-плазму новую. Видишь, старый смотрим.

Виктор. А сейчас-то он где?

Петро. А бис его знает. Зимой уехал на майдан, гроши зарабатывать снова, да ни шиша не заработал. Другим хоть гривны или печеньки давали, а мой попугая привез.

Виктор. Вот это фокус!

Петро. Попугай-то непростой, говорят, самого Кличко. Кучу грошей стоит. Помнишь, когда Кличко из огнетушителя окатили? Вот тогда попугай от него и улетел.

Попугай. Виталик хороший! Виталик гений!

Петро (*шепотом*). Слышал? Как про Кличко услышит, так говорит-говорит, не остановишь. Кстати, Степка научил меня коктейли делать, вот один — Кровавая Мэри. Смотри, берем нож, наливаем водку по ножу тонким слоем, потом томатный сок также на ноже осторожно слой.

Попугай. Москалей на ножи!

Петро. Заткнись, бисова тварь... Виктор, на, сам попробуй... так слой водки, слой сока.

Неожиданно включается телевизор.
Сквозь помехи слышится песня Ваенги:

Чтоб до ста лет жили
Чтоб горя не знали
И чтоб ваши дети вас радовали.

Петро нажимает на пульт и выключает звук.

Виктор. Ну, давай по второй, за детей, чтоб дети нас радовали.

Выпивают.

Петро. А у тебя как? Как семья?

Виктор. Юрка отслужил год в армии погранцом. Остался служить дальше, учится в Академии ФСБ. Закончит — лейтенантом станет. Вот, мобильный мне на день рождения подарил (*показывает*).

Петро. У-у, хороший телефон. Кучу грошей стоит, наверно, сколько ж он зарабатывает?

Виктор. Стипендия достойная, плюс полное гособеспечение.

Попугай. Чтоб до ста лет жили и горя не знали...

Виктор. Ну, давай, Петро, выпьем, чтоб мы горя не знали... (*выпивают*).

Петро. Давай лучше выпьем за едину Украину, за нашу Родину.

Виктор. Петро, я за твою Украину едину пить не буду.

Петро (*с вызовом*). Шо так?

Виктор. Потому что я, как и ты, родился и вырос в Советском Союзе. А во-вторых, с нынешнею властью нет у Украины никакого будущего. Ты посмотри, что делается здесь. В Одессе несколько десятков человек сожгли — и молчок.

Петро. Так они сами себе... От пожара.

Виктор. Да брось ты, Коломойский, ваш олигарх, за москаля десятку тыщ баксов дает, слышал?

Петро. Не, шо, правда?

Виктор. Да, за каждого диверсанта-москаля. Хороший бизнес. Беззаконие полное. Поехали дальше. Думаешь, я на ваш «Южмаш» от хорошей жизни поехал? Как бы ни так! По всем прогнозам, работать «Южмашу» еще полгода-год. Военное

сотрудничество с Россией ваши свернули. Что остается на «Южмаше»? Пара проектов с американцами, «Антарес» и все. Все на выход. А куда деваться высококлассным специалистам?

Петро. Куда?

Виктор. В Россию, куда... Вот мы потихоньку специалистов и перетаскиваем. Жилье даем сразу, оклад раз в пять выше, чем здесь.

Петро. Виктор, что ты так разошелся? Ой, а что это у тебя пикает?

Виктор. Да сотовый садится, надо на подзарядку поставить. Где у тебя розетка?

Петро. Ну, вот и славно! А то все пиликает, пи-пи, пи-пи.

Попугай. Ляшко пэрэдаст!

Петро. Ой, что-то у нас закуски маловато. Виктор, сходи в гараж, принеси огурчики там, помидорчики. Меня радикулит замучил.

Виктор. Сей момент.

Виктор идет в гараж. Петро закрывает дверь.

СЦЕНА 2

Виктор. Петро, дверь захлопнулась. *(Стучит)*. А-а, черт... *(Слышен грохот падающих вещей и звон разбитой посуды)*.

Петро. Витя, тут трошки замок заело. Зараз инструмент принесу, почию.

Виктор. Ты хоть свет-то включи, темно как в ухе у Обамы...

Петро. Подожди... Почекай трохи *(звонит мобильный Виктора. Петро ходит вокруг него, не решаясь, что предпринять. После недолгих колебаний берет трубку)*.

Петро. Да, Маруся, да приехал. Все хорошо у нас, погода отличная, яблоньки цветут, птички поют... Что? Не могу дать ему трубку, прилег трошки с дороги.

Виктор барабанит в дверь.

Что за гром? Так гроза, дальние раскаты. Ничего не темно. Зараз птички пели, а тут громы.

Виктор. Петро, зараза, открой...

Петро. Кто кричит? Да диты соседские бузят (*Отстраняет телефон от уха.*) Алло, Мария, ал-ло... плохо слышно. Помехи. (*Выключает телефон.*)

Петро. Я тебя заарестував як зродника ридной Украины и як агента ФСБ.

Виктор. Да ты шо, Петро? С глуду зъехав? Як ты зараз розмовляеш на украинской мове. Дуже гарно. Какой я агент ФСБ, я же кум твой, Петро, приехал к тебе в гости. А ты меня, как последнюю сволочь, в гараже запер. Маша звонила? Петро... Ладно, не трудись... Понял я все. Не знаю, что ты задумал, но, чувствую, ничего хорошего... Наверное, это ты из-за Марии... Я то думал, столько лет прошло, все забылось. А ты вон какой злопамятный...

Петро. Ты тогда поступил как последний подлец. У нас с Марией все к свадьбе шло, а тут ты... Я понимаю, приехал десантник, вскружил девке голову.

Виктор. Да что ты понимаешь, это судьба, Петро, с первого взгляда... Ну ты-то недолго тосковал. Через год на старшей, на Оксане женился.

Петро. Не хочу я, Витя, с тобой больше разговаривать. Посиди, подумай о жизни своей кагэбэшной. С тобой другие люди теперь разговаривать будут. Пойду, поросю покормлю...

Уходит на кухню, закрывает дверь, звонит по телефону.

Петро. Служба безпеки Украины. Коношенко Петр с улицы Вишневой... Вишне-вой... да, диверсанта зараз поймал, москаля, да, сидит в гараже... Нет, почему весеннее обострение? Никто с ума не посходил... Да, понял, оставить заявление, диктуйте адрес. (*Записывает. Быстро собираетя и уходит.*)

Виктор один в гараже.

Виктор. Другие люди... Послал Бог родственников. Эх, черт, ни телефона, ни интернета... Петро... Не желает он разговаривать... Все вы тут после Майдана с ума посходили. Если разобраться, пустяшный повод — не подписали Ассоциацию с ЕС, и понеслась душа в рай — коктейли Молотова, небесная

сотня, захваты, убийства, Одесса та же. А скажи мне, Петро, в Доме Профсоюзов люди сами себя сожгли? Ты тоже так считаешь? Молчишь... А ведь если разобраться, какая такая уж разница между русским и украинцем? Если оба говорят по-русски, пишут по-русски, думают по-русски. Вот я когда в Москву уехал никто мне не ткнул в нос, что я с Украины. Пару раз спросили за акцент — с Ростова или с Кубани. Слышишь, Петро — и все! В России, если ты говоришь по-русски, значит ты русский. А здесь за «москальску мову» во Львове хлеба не продадут. Навыдумывали себе за 20 лет черт-те что... Будто украинцы и есть настоящие европейцы и наследники Киевской Руси, а те, кто в России — сплошь ордынцы, азиаты и угро-финны. Петро, это же нацизм в чистом виде... А если Украина отвернется от России, что тогда? Где газ брать? Куда сбывать продукты? В Европу? Там своего дерьма навалом. Что будет с промышленностью? С «Южмашем»? Кому будут нужны тысячи рабочих? Да вас, как видно, это не заботит. Вам бы поскакать всласть. Каждому украинцу по скалке!

По пугай. Кто не скачет, тот москаль...

СЦЕНА 3

Петр и Александр входят в дом.

Петро. Товарищ майор, я как узнал, что вы из самого Киева, так сразу к вам. Дело первостепенной важности.

Александр. Как фамилия?

Петро. Кому?

Александр. Ну не мне же?

Петро. Мне чи диверсанту?

Александр. Тебе...

Петро. Коношенко.

Александр. Порошенко?

Петро. Та не.

Александр. Потрошенко? Да не гунди ты. Диктуй по слогам.

Петро. Ко-но-шен-ко

Александр. Ладно, разберемся, давай по порядку.

Петро. Агент ФСБ, прибыл с заданием на «Южмаш», чтобы сорвать секреты украинской державы.

Александр. Это он тебе сам сказал?

Петро. Та нет. Как можно? Я этак наводящими вопросами выведал...

Александр. Ну, а в гараже он как у тебя оказался?

Петро. Некоторым образом мы приходимся родственниками. Жены наши родные сестры. Кум значит...

Александр. Бумбараш какой-то...

Петро. Что, простите?

Александр. Ну, а от меня что ты хочешь?

Петро. Мне бы, как это сказать, проходила информация, что за москальского диверсанта можно вознаграждение получить...

Александр. Гроши, значит, любишь?

Петро. Я бы никогда, но стесненные жизненные обстоятельства. Сын на Майдане.

Александр. Так давай я тебе его бесплатно замочу.

Петро. Как бесплатно? Нет-нет. В смысле, как «замочу»?

Александр. Да очень просто (*достаёт пистолет, передергивает затвор*). Чего их москалей жалеть?

Петро. Нет, ну как же, я не думал, мы же родственники. Кум все-таки...

Попугай. Москаляку на гилляку...

Александр. Не думал он... Что, державна безпека в бирюльки с тобой играет?

Показывает на коктейль

Это что за хрень?

Петро. Коктейль «Кровавая Мэри» — сын научил. Надо наливать с ножа слоями водку и томатный сок.

Александр. Ну-ка, ну-ка (*Наливает с ножа слой томатного сока*). Горилка есть?

Петро. Не извольте беспокоиться, пан майор, сейчас все будет.

Достаёт из шкафа штоф горилки, закуску. Александр выпивает, закусывает. Говорит с набитым ртом:

А л е к с а н д р. А вот насчет денег, это не ко мне. Это тебе в Комитет Спасения, к Коломойскому нужно. Могу поспособствовать. Не за бесплатно, конечно. Твое здоровье. *(Выпивает)*. Двести гривен.

П е т р о. Сколько? Пан майор, нема таких грошей. Сын в кредитах. Банк все подчистую вымел. Машину, телевизор плазменный, гарнитур, все Привату отдал.

А л е к с а н д р. Ладно, давай сотку. Только из уважения к пострадавшему от грабителей-олигархов.

П е т р о достает сто гривен, передает А л е к с а н д р у. Тот звонит.

А л е к с а н д р. Семен, привет! Я в Червонном, да, диверсанта поймали, да, десять зеленю, пришли своих ребят. Адрес — Вишневая, 17. Все, Гондошенко, считай дело в шляпе. Ну что, по крайней, и пойдём посмотрим, кого ты в гараже прячешь, что за диверсант такой москальский. *(Выпивают.)*

СЦЕНА 4

Т е ж е и В и к т о р.

Открывают дверь гаража. А л е к с а н д р держит наготове пистолет.

А л е к с а н д р. Ну что, товарищ из ФСБ, пожалуй на выход. Руки за голову. Медленно, чтоб я видел.

В и к т о р выходит, щурясь от яркого света. Спустя секунду привыкает.

В и к т о р. Сашка, ты что ли? Горыныч?

А л е к с а н д р. Витек! Иметь ту Люсю! Вот так встреча!

П е т р о пятится к двери кухни. В и к т о р и А л е к с а н д р обнимаются.

А л е к с а н д р. Ха-ха-ха! Москальский диверсант! Ух ты, есть еще порох! Силач!

В и к т о р. А ты потолстел! И полысел.

А л е к с а н д р. Ничего ты не понимаешь, товарищ гвардии старший сержант. Это авторитет так наружу выходит. Ну, как говорил прапорщик Предибайло — накатим по одной не чокаясь.

Эй, Взгоношенко, сгоняй за политурой своей. А сам тут не отсвечивай.

Виктор. Обожди пять сек...

Подходит к Петру и коротким толчком бьет в живот. Петр приседает и сквозь боль говорит:

Петро. Витя, за шо?

Виктор. За все.... Хорошее.

Александр. Сказано тебе, проваливай...

Петро обреченно ставит на стол бутыль горилки, нехитрую закуску и пошатываясь, уходит.

Виктор и Александр за столом выпивают.

Виктор. Горыныч, как тебя в избушку занесло?

Александр. Меня с Афгана никто Горынычем не называл, непривычно как-то. Все по фамилии Горин, или товарищ майор. Ну как? После дембеля пошел в ментовку постовым, женился, институт закончил. Через десять лет в безпеку перевелся. Тоже служба. Скоро подполкана получу и на пенсию. Задрало меня все здесь, Витек. Куплю себе вот такую же хату в селе и буду под яблоней горилку жарить.

Виктор. Давай еще по одной. (*Выпивают.*)

Александр. Приедешь в гости ко мне?

Виктор. Да вот, приехал уже к одному...

Александр. Да не бойсь ты, ты теперь под защитой СБУ.

Виктор. Сашка, а если б не ты за мной пришел, а кто другой?

Александр. Хорошего бы было мало. Задержали б на несколько дней до выяснения. А там или вытащили б тебя твои москали, или бы попал к нашим костоломам. А уж они с диверсантами разговаривать умеют. Короче, подвел кум твой тебя под монастырь. Но сейчас не парься, порядок! Ну, давай за нас и за спецназ! (*Выпивают.*)

Виктор. Горыныч, как думаешь, будет война?

Александр. Витек, да ты че? Она уже вовсю идет. Многие поставлено на карту. Теперь или-или. Скажи спасибо Путину.

Виктор. При чем здесь Путин?

А л е к с а н д р. Витек, не опыляй мне мозг. Как вы технично Крым отжали! Красиво! Вежливо! Только, приобретя Крым, вы потеряли всю остальную Украину.

В и к т о р. То есть ты считаешь, Путин во всем виноват? А не майдан, который снес законного президента?

А л е к с а н д р. Про овощи не будем. Давай выпьем! (*Выпивают.*)

В и к т о р. А я так думаю, что распад Украины начался с майдана. Ну не хотел Крым оставаться. Как его удержишь?

А л е к с а н д р. Это, Витек, все лирика...

В и к т о р (*решительно*). Нет, подожди. Государство Украины сожгли коктейлями Молотова на майдане. Вспомни Украину в девяносто первом. Наука, культура, промышленность, сельское хозяйство. Первоклассный уровень! Куда все это делось? Так вот Сашко, я тебе скажу! Все эти годы взращивалась бандеровская идеология и олигархи за счет советского наследства. Майдан ваш сломал равновесие. Теперь надо выбирать — или Бандера с Шухевичем, или промышленность. Скорее индустрия встанет. Девяностые помнишь? Так вот будет еще хуже. Наши на «Южмаше» говорят, что все производство к осени под нож, лишь бы москалям не досталось. А это тысячи рабочих мест.

А л е к с а н д р. Твой кум мне сказал, что ты специалистов в Россию перетягиваешь? За этим приехал?

В и к т о р. Да, именно так. Обеспечиваем всех работой, жильем, зарплатой. У вас при такой власти им уже ничего не светит. Выпьем, что ли? (*Выпивают.*) А самое обидное, Горыныч, что ты афганец, служишь этой преступной власти...

А л е к с а н д р. Но-но, Витек, не забывайся, я присягу давал.

В и к т о р. И теперь ты должен выполнять приказы штатного сотрудника ЦРУ? Знаешь, у нас в России это было все уже в девяностые, когда цэрэушники в правительстве сидели... С ума сойти, сегодня в Киеве гордятся, что их поддерживают американцы. Кого и где штаты спасли? В Ираке, в Ливии? Да они просто за ниточки дергают.

А л е к с а н д р. Витек, мне конечно очень неприятно слушать, что ты говоришь... Но, наверное, в одном соглашусь: давно у меня

такое ощущение, что будто бы кто-то с нами в кошки-мышки играет. Всех этих Стрелковых-Гиркиных мы бы сразу в Славянске прихлопнули, как они там появились. Говорю — дайте приказ! Не дают приказ. Готовим спецоперацию на освобождение ОГА — в последний момент — отмена!

В комнату незаметно заходит П е т р.

А л е к с а н д р. Гондошенко, что ты тут шарисься?

П е т р о. Что, уже и по собственной хате нельзя пройти?

В и к т о р (*увлекшись*). А самое ужасное, Сашко, что ты во всем этом будешь принимать непосредственное участие. В войне США против России вплоть до последнего украинца...

А л е к с а н д р. Постой, Витек... Угондошенко, что ты здесь уши приклеил? Иди, что ли, порося покорми.

П е т р о (*недовольно*). Да сытый он...

П е т р о уходит.

А л е к с а н д р (*понижая голос*). Ладно, Виктор, скажи своим, — готов сотрудничать. Вот номер телефона тебе черкну. Запоминай. Пусть звонят с украинского номера. Позывной — Горыныч.

Записывает номер телефона на салфетке. Дает прочитать Виктору и убирает в карман.

Снова появляется П е т р о.

А л е к с а н д р (*громко*). Значит так, господин Захарченко. Мне все с вами ясно. Посиди-ка ты пока в гараже, пока машина из Днепра не придет. А потом поедешь со мной.

Закрывает В и к т о р а в гараже.

А тебе, Кондрашенко, объявляю благодарность за бдительность. Кстати, Степан давно не появлялся?

П е т р о. Да уж месяца три с майдана.

А л е к с а н д р. Как появится, пусть меня найдет! Черт, я ж правосеков забыл отменить. Ну, ничего, появятся — гони их в шею! И держи язык за зубами!

СЦЕНА 5

Приезжает Мария, красивая ухоженная женщина лет 40.

М а р и я. Фу, что за бедлам. Мужики вечно все в свинарник превратят. Виктор! Петро! Оксана!

Появляется заспанный П е т р о.

П е т р о. Мария? Ты как? Откуда? Неужели из Москвы?

М а р и я. Петро, где мой муж?

П е т р о. В гараже...

М а р и я. Что он там делает? Машину чинит?

П е т р о. Спит...

М а р и я. Дурдом какой-то! Что у вас здесь происходит?

П е т р о. Мы выпивали с утра, поспорили трошки, и он из чувства протеста решил спать в гараже.

М а р и я. Протеста против чего?

П е т р о. Против всего! Против несправедливости мира!

М а р и я. А почему мне пьяный утырок сказал, что ты Виктора запер в гараже?

П е т р о. Маша, это неправда! Он сам его запер! Я тут ни при чем!

М а р и я. Открывай быстро! Какое счастье, Петро, что я не вышла за тебе замуж! Теперь сестра за меня мучается.

П е т р о открывает гараж. Оттуда выходит В и к т о р.

В и к т о р. О, Маша, что нагостились у подруги?

М а р и я. Да вот приехала тебя, оболтуса, спасать. Вечно ты попадаешь в какие-то передряги. Петро, а где Оксана?

П е т р о. В Днепр на рынок мясо поехала продавать.

М а р и я. Жаль, знала бы, что она в городе, захватила бы ее с собой. Все равно такси брала.

П е т р о (*тихо*) У богатых свои причуды... (*громко*) Так а шо, она скоро уж должна быть. Рынок-то час назад закрылся.

СЦЕНА 6

Петро, Виктор, Мария. Входит Оксана.

Оксана. Ну и жара на улице. Насилу от Днепра доехала. Тю, да у нас гости. Петро, что ты як воды в рот набрал. Маша, привет, сестренка. Как здорово, что вы приехали. А у меня как сердце чует. Сейчас я на стол соберу. Петро, пороса накормил?

Мария. Оксана, не трудись. Мы уже уезжаем.

Оксана. Как так? Только приехали и уже уезжать, так не пойдет, сестренка. Завтра праздник. Переночуете, и завтра уж поидете. А сегодня посидим, отметим.

СЦЕНА 7

Те же. Появляется Степан.

Петро. А, явился, сучий потрох. Из-за тебя у матери чуть инфаркт не случился.

Оксана. Сынку, здравствуй. Что с тобой? У тебя все в порядке? Ты не болеешь?

Степан. Все хорошо, мама.

Оксана (*Петру*). А ты, старый козел, лучше бы пороса проведаль.

Петро. Вырастили на свою голову отщепенца свидомого. Что, нагулялся на своем майдане? А у нас за твой кредит всю хату вынесли. Гостей угостить нечем. Посадить некуда.

Степан. Иди пороса накорми... Достал... Блин, кто ж так коктейль делает.

Доливает слой коктейля.

Дядя Витя, можно с вами поговорить?

Виктор (*с иронией*). Лучше места для разговора, чем папин гараж не найти.

Идут в гараж, закрывают дверь.

Виктор. Что же, Степа, ты хочешь мне сказать, что я еще не слышал за сегодняшний день?

Степан. Я хочу попросить у вас прощения...

Виктор. За что же, Степа?

Степан. Это я сказал отцу, что вы связаны с ФСБ.

Виктор (*со смехом*). А еще с ЦРУ и разведкой Моссад...

Степан. Я серьезно. Когда меня записывали в батальон самообороны майдана, нас всех проверяли по американским базам данных. Меня чуть не вычеркнули из-за того, что мой дядя, вы, связаны с ФСБ.

Виктор. Очень интересно... Ты же знаешь, что Юра, мой сын служит в погранвойсках, а это ФСБ.

Степан. Нет. Речь шла именно о вас. Но не это главное... Дядь Вить, я был в Одессе, в Доме профсоюзов, 2 мая...

Виктор (*с паузой — хмуро*). Продолжай...

Степан. Там убивали людей. Душили хлором, обливали бензином и поджигали. Люди горели заживо. Я не убивал. Был все время у здания. Под вечер вошел внутрь. То, что я увидел... Лучше не вспоминать... Дядь Вить, я не хочу никого убивать. Не хочу умирать. Я сбежал оттуда. Меня ищут, чтобы записать в батальон майдана, что поедет под Славянск. Я не струсил, нет. В марте, когда Россия захва... забрала Крым, я сам готов был идти добровольцем, чтобы воевать за страну, за едину Украину. Но теперь, после Одессы, во мне что-то сломалось. Когда стояли на майдане, мне и моим друзьям казалось, шо вот немного, скинем этого вора и бандита, придут новые люди и Европа, заживем.

Попугай. Украина це Европа.

Степан (*продолжает*). А теперь все по-старому, даже хуже. Мы пешки в чьей-то непонятной игре... Дядь Вить, прошу, заберите меня в Москву, не могу я здесь...

Виктор. Слушай меня очень внимательно, Степан. Я рад, что ты принял взвешенное и мудрое решение. На Украине скоро будет война. Гражданская. Погибнет много людей. И военных, и мирных жителей. Я не хочу, чтобы мой крестник принимал в этом участие. Поэтому ты всегда можешь рассчитывать на мою поддержку. При условии, что ты сейчас говоришь правду и искренне поменял свои убеждения.

Степан. Конечно, дядя Витья. Я жениться хочу, мы с Викой уже все обговорили. Надо бы только грошей заработать.

Виктор. Вот и добре!
Степан. А на отца вы зла не держите. Слабый он человек, запутался. Да еще я с этими долгами.

СЦЕНА 8

Виктор и Мария в комнате.

Мария. О чем с племянником говорили?

Виктор. В Москву просился...

Мария. И ты конечно же, отказал?

Виктор. Нет.

Мария. Витя. После всего этого цирка, ты что, еще Степану будешь помогать. Да нехай живут тут как хотят, чи на майдане, чи в хате...

Виктор. Как ты быстро, Маша, на мову перескакиваешь...

Мария. Хто не скачет, той москаль... И все-таки, Витя...

Виктор. Пока поживет в Юркиной квартире, все равно до осени пустует...

Мария. Мы же собирались ее сдавать до октября.

Виктор. Не стоит все мерить деньгами. Не могу тебе всего сказать, но Степу надо спасать. И давай закончим этот разговор. Я принял решение. Обсуждение закрыто.

Мария. Но ты мог бы вначале со мной посоветоваться?

Виктор. Вот я и посоветовался...

Мария. Ты вот думаешь, они тебе спасибо скажут. Да ты пойми, что они за двадцать лет другими стали. Мозги промыты. Не оценят они твоей доброты, Витя. Помнишь, когда заболел в Питере, в командировке ангиной и три недели валялся в больнице. Я с маленьким Юркой на руках, одна, без работы, без денег, в чужой Москве. Я не говорила тебе тогда. Я ведь Оксане звонила. Просила денег выслать. Они тогда только корову продали. И что? Родная сестра отказала. Как потом выяснилось, даже Петру не сказала ничего. А уж какое искреннее сестринское раскаяние было потом! Станиславский отдыхает. Только я все равно не простила. Потому что от пережитого сердце каменным становится. Нас с тобой, Витя, никто в свое время не жалел. Всего добивались сами.

В и к т о р. Ладно, Маша, закончим на этом.

М а р и я. Витя, я не верю им. Они здесь все как зомби стали. Приехала к Светке в Днепр, та мне с порога: вы, москали, отняли Крым, Россия агрессор и все такое. Глаза бешенные. Пена у рта.

В и к т о р. Да я знаю Светку тыщу лет. Хотя телевизор с людьми и не такое делает.

М а р и я. Витя, мне сон плохой приснился. Будто я где-то на Украине зимой иду по снежному полю. И под ногами как рябина рассыпана. Я нагнулась, чтоб поднять. А это не рябина, а кровь. Полосами на каждом шагу. И так все поле до горизонта.

В и к т о р. Хорошо, что не моча и не медный купорос.

М а р и я. Да ну тебя, вечно ты со своими шуточками.

В и к т о р. Ну и как? Светка тебя не искусала?

М а р и я. В смысле?

В и к т о р. В смысле, ты майданутостью не заразилась?...

М а р и я. Ага, иди ко мне. Сейчас я и тебя покусая.

Смеются и целуются.

СЦЕНА 9

За общим столом П е т р о, О к с а н а, В и к т о р и М а р и я.

П е т р о. Дорогие Виктор и Мария! Мы с Оксаной очень рады, что вы приехали к нам в гости. Если мы вас обидели чем-то ненароком, вы уж нас простите. Завтра великий праздник, День Победы, который объединяет две страны, Украину и Россию. Давайте же выпьем за родственное примирение и прощение.

Чокаются и выпивают.

М а р и я. Это все хорошо, Петро. А только завтра тебе по телевизору скажут, что Россия — агрессор и она в сто пятьдесят шестой раз вторглась на Украину, что День Победы Украина празднует не в Великой Отечественной, а во Второй Мировой. Да и с дивизией СС «Галичина» все не так однозначно, а Бандера с Шухевичем вовсе герои.

Петро. Шо ты Мария! Господь с тобою! Да я не верю ни единому слову этой брехни... Ты же видишь, плоскую плазму забрали. Смотрим вот старый, ламповый.

Мария качает головой.

Петро. Что, не веришь. А хочешь я прямо сейчас, при тебе, телек этот выброшу к чертям собачьим, прямо в окно, хочешь?

Мария поперхнулась соком и закашлялась.

Оксана. Петро, ты с ума сошел?

Петро (*зло*) Молчи, жена.

Открывает окно и аккуратно выставляет телевизор на скамейку.

СЦЕНА 10

Правосеки Рудый и Косой в это время подходят к хате.

Косой (*на украинском*). Рудый, почекай трошки. Начебто ця хата. Вишневая симнадцать.

Рудый. Бачишь, технику вже выносят. Не инакше, конкуренты працюють. Давай сховаємся зараз и подывимся.

Косой. Тилько недовго. Нам диверсанта еще в Днепр везти.

СЦЕНА 11

Петро, Оксана, Виктор и Мария за общим столом.

Оксана. Совсем рехнулся на старости лет. Как я теперь сериалы смотреть буду?

Виктор. Оксана, я принесу.

Уходит, приносит домой телевизор и подключает.

Петро. Давайте споем! Как в юности сестры Дьяченко спивали, все село собиралось под окнами послушать. Мария, Оксана!

Оксана запеваает первой «Ты же меня пидманула», Мария подхватывает.

Петро. Во всем мире не найдется краше и задушевней украинской песни.

СЦЕНА 12

Те же и правосеки Рудый и Косой.

Рудый. Всем затаиться на мисках. Висуваем документы. Е информация, шо до вашей хаты ховається москальский диверсант. Нам доручено доставити його в Днепропетровськ.

Мария. А вы кто такие?

Косой. Правый сектор. Комитет спасения Единой Украины.

Мария. Да вы кто такие, сопляки, чтоб у меня, уроженки Украины, документы спрашивать? Вы мне что, давали документы в 1994-м, когда я, выпускница Днепропетровского университета, с маленьким сыном на руках, трусами торговала, чтоб ему молоко купить? Кто вы такие? Да вы в это время, сморчки, на горшках сидели в детском садике. Покажите сами свои документы. Думали надели балаклавы и все можно. Снимайте свои шапочки с дырками. Сейчас фото сделаю и Боре Филатову отправлю. Наверное, вспомнит он свою однокурсницу. Пошли вон отсюда!

Петро. Хлопцы, вы, мабуть, ошиблись малость. Може, хату перепутали. Пидемте, я вас провожу (*Уходят.*)

Оксана (*восхищенно*). Молодец, Маша, как ты их классно отшила. Неужели ты правда с Филатовым в одной группе училась?

Мария. Да, постоянно лекции по римскому праву списывал...

Попугай. А вешать... вешать будем потом...

Оксана. Давай еще споем, сестренка.

Запеваает «Распрягайте, хлопцы, коней». На словах «Маруся раз, два, три — калина, черная дивчина, в саду ягоды рвала» включается сам собой телевизор и звучит песня Ваенги: «Чтоб до ста лет жили, чтоб горя не знали...»

Мария. И в самом деле, поздно уже, пойдём мы спать. Витя уже задремал.

Оксана. Идите, я вам в комнате Степы постелю.

Виктор с Марией уходят. Оксана тоже удаляется.

СЦЕНА 13

Петро в комнате один. Старається не шуметь, заходят
Рудый и Косой.

Петро. Хлопцы, тильки не шумите. Жинка спит. Я им снотворного дал. Не должны проснуться. Вы меня по-быстрому свяжите, будто це напад, грабеж.

Рудый. Не бзди! Все буде добре!

Начинают привязывать Петра к стулу.

Рудый. О, дивись, Косой, коктейль. Помнишь ты меня на день рождения Бандеры таким пригошав. Налий погуститше томатного сока. Це кровь зрадников украинского народу.

Попугай. Смерть ворюгам!

Петро. Да, хлопцы, а краску вы припасли?

Косой. Звичайно. Только це не червона фарба, це справжня кров москальских наймитов и колорадов.

Попугай. Если человек надел форму СС, то он окрасил себя в те цвета, в которые он окрасил себя, то есть четкое...

Выливает на голову Петру томатный сок.

Петро. Одна просьба, хлопцы, тилько Марию не трогайте. Люблю я ее.

Рудый. Ты нам по цымбалам. Ты теперь тут не господарь. Що захочемо, то зробимо. Вирно, Косой?

Косой. Приготуємо ще одну Кроваву Мэри (*Смеется.*)

Петро. Та, хлопцы, что ж вы?

Рудый. Вже, вже! Заткни йому пельку.

Косой заклеивает рот Петру.

СЦЕНА 14

Те же. В хату врываются Горыныч и Степан.

Горыныч. Так, сучье племя, а ну быстро сдриснули отсюда!

Рудый (*вынимает нож*). Не пидходь, заряджу!

Горыныч (*достает пистолет*). А пулю промеж глаз не хочешь?

Попугай (*с интонацией Яценюка*). Якшо куля в лоб, то куля в лоб!

Горыныч. Служба безпеки України! Посвідчення показати?

Рудый. Не дядько, мы пидемо до дому. Зараз, швидко йдемо. Тильки не стреляй!

Правосеки уходят.

Горыныч. Степан! Буди москалей! Им нельзя здесь долго оставаться. Неровен час правосеки с подмогой придут. А им закон не писан. Втроем не отобьемся.

Появляются полуодетые Виктор и Мария.

Горыныч. Витек! Быстро уходите.

Виктор. Сушняк! Голова трещит. Степ, есть что выпить?

Степан дает ему коктейль. Виктор выпивает.

Попугай. Коктейль для москаля! Це зрада!

Уходят.

СЦЕНА 15

Степан и привязанный к стулу Петро. Появляется Оксана.

Оксана. Господи, Петро! Что они с тобой сделали? Убили? Кляты москали, кацапы чертовы. Как сердцем чуяла, что не надо доверять этим колорадам...

Степан. Не волнуйся, мама, живой он...

Оксана. Степа, они пытали его, да? Какой секрет хотели выведать? Да, Боже мой, что он знает-то? Степа, доколе украинцы будут терпеть над собой издевательства москалей?

Степан. Мама, это не они.

Оксана. А кто? Инопланетяне прилетели?

Степан. Да, с Западной Украины...

Оксана. Там база у них?

Степан. Там они живут... Мама, некогда объяснять. Собери мне вещи, я уезжаю.

Оксана. Куда, сынок?

Степан. В Москву.

Оксана. Богородица, Пресвятая! И сын москалем стал. Что делается?

Попугай. Це перемога!

Оксана. Петро, ну хоть ты шо-то скажи!

Отрывает Петру скотч. Петр хватает воздух ртом.

Петро. Слава Украине!

Попугай. Героям слава!

Звучит песня «Пидманула, подвела...» Песня обрывается. Звучат радиосигналы, помехи в эфире:

- Служба Безпеки України: донесение: операция по внедрению в сеть ФСБ агента Бармен закончилась удачно. Афганец.
- Федеральной Службе Безопасности: Рапорт: Операция «Коктейль» прошла успешно. Завербован действующий сотрудник СБУ. Захар.

Константин Ковригин (Симферополь)

КОНВОЙ

киносценарий

На фоне перепаханной снарядами степи стоят квадратом пятиэтажки. Окна разбиты. Ветер тянет наружу занавески, когда-то разноцветные, посеревшие за время войны. Потрепанная ткань шуршит о подоконники. В угловом доме пробоина, как в крепостной стене, обнажила дверь и письменный стол.

Живая тень в квартире проходит по коридору к залитой закатным светом пропасти, затем в комнату с фотографиями на стенах. Сквозь разбитое стекло открывается дорога, по которой спешит микроавтобус.

Проехав поворот к поселку, машина тормозит перед воронкой. В машине двое: водитель с позывным Б а ч а и волонтер по имени Г л е б.

Выключив свет, Б а ч а выходит из машины, проходит к воронке, стуча берцами по осколкам. Поднимает зазубренный штык, проводит большим пальцем — металл острый как бритва. Присев на корточки, Б а ч а слышит шорох занавесок на юге и тишину на северо-западе, куда заходит солнце. Вернувшись в машину, дает Г л е б у осколок.

Б а ч а. Держи на память.

Г л е б (*чуть не режет пальцы об острые края*). Ого!

Б а ч а. Дальше не поеду. Если не угробим ходовую, то резину порежем.

Г л е б. Запаска есть?

Б а ч а. А что запаска? У меня четыре колеса...

Тень, наблюдающая с последнего этажа, делает шаг в сторону, сливаясь с темной, и видит, как авто сворачивает во двор.

Выходят. Г л е б замечает на подоконнике дырявого окна стопки книг, подходит ближе, чтобы рассмотреть: сказки Пушкина, Лермонтов, Симонов, Драйзер, а за ними — развороченный книжный шкаф.

Б а ч а. Студент, дома будешь читать. Помощь нужна!

Б а ч а показывает на стойку для сушки белья, на которой висит обрез железной трубы.

Б а ч а. Бей, чтоб услышали. Только не пугай.

Г л е б. А если тут никого? Тишина какая... Может быть, дальше поедем пока не поздно?

Б а ч а. Поверь, и тут живые люди есть!

Взяв кусок трубы, Г л е б бьет первый раз. Слишком тихо. От второго удара легкий звон. На третий по колодцу проходит эхо. И все равно ни души.

Б а ч а. Хорош! Смотри по сторонам — сейчас глаза покажутся.

Бача достает из машины мешок муки. От удара о землю поднимается белое облако. Оно плывет по воздуху, оседая на мерзлую траву, некоторые пылинки все же долетают до окон.

Раздается скрип подвальных дверей. Показываются одна, две, три головы с голодными глазами. Все старики да бабы. Глядь, что бегут с других подвалов, люди ускоряются, и вскоре машина с гуманитаркой попадает в окружение.

Руки тянуться к пакетам. Б а ч а и Г л е б только успевают открыть пакет, насыпать, положить консервы, отдать. Следующий. В одно мгновение битком набитая продуктами машина пустеет, но люди не верят, что закончилось. Ковыляют опоздавшие, кому не досталось. Возмущаются, почему одним консервы, а другим только мука?! Б а ч а отдает свой паек. За ним и Г л е б раздает консервы.

Б а б у л ь к а. Сынок, для сердца что-нибудь есть?

Но в рюкзаке у Глеба только пачка анальгина. Пойдет. Большинство людей расходятся, а некоторые все еще стоят в ожидании чуда. Пока Б а ч а, убирая в машине, отвечает старикам, Г л е б идет к подоконнику, на котором сложены книги.

Примостив деревянный обрубок, Г л е б поднимается выше. За книгами — перевернутая взрывной волной квартира. Встав на руки, он прыгает в комнату. Хруст битого стекла расходится эхом и возвращается, заманивая вперед по коридору чей-то прошлой жизни. Г л е б открывает дверь и видит руины, в которых перемешаны вещи и бетон. Наверху в квартире с пробоиной стоит невысокая тень.

Г л е б. Добрый день! Вы здесь живете?

Ему не отвечают. Г л е б поднимается по лестнице. Идет по коридору.

Кухня с расставленными стульями. Гостиная с фотографиями и разбитым окном. Впереди разрисованная мелкими дверью, за которой просвечивает закатным светом пропасть. Дальше идти нельзя, и все же

Г л е б делает шаг вперед на край обрыва.

Б а ч а. Во дурак! Не лезь туда!

Г л е б не слышит, как Б а ч а обсуждает его со стариками. С высоты разбитого дома волонтер видит с виду мирную серую степь с перелесками, но от вида руин тревога перехватывает дух. Закат подчеркивает тень Глеба на стене, покрытой выщерблинами от осколков. В углу комнаты стоит письменный стол, а над ним пейзаж в фламандском стиле. В нем торчит осколок.

Б а ч а. На виду стоит, аж, светится. Придурок, уйди оттуда...

Г л е б боком приближается к столу. Вниз что-то летит. Он пытается вытащить осколок, режет ладонь, но тот намертво сидит в стене.

Д е в у ш к а. Вас зовут. Отсюда лучше уйти.

Тихий голос за спиной застает врасплох. Обернувшись, Г л е б видит д е в у ш к у небольшого роста лет шестнадцати. На ней свитер, шерстяная жилетка и махровые колготки.

Г л е б. Что?

Д е в у ш к а провожает взглядом стул, который Г л е б сталкивает вниз.

Д е в у ш к а. Ну как ощущения на краю комнаты? Нравится... Так бывает в первый раз, когда ничего не знаешь.

Г л е б. Что я должен знать?

Д е в у ш к а. Уходите!

Н е з н а к о м к а исчезает так же неожиданно, как и появилась. Г л е б проходит за ней по коридору, видит на лестничной площадке приоткрытую дверь в другую квартиру. На кухне, собрав вещмешок, д е в у ш к а ставит его на стол.

Г л е б. Вам тяжело... Рюкзак... Давайте помогу...

Не глядя на гостя, д е в у ш к а берет в одну руку автомат, отчего слова о помощи повисают в воздухе. Она смотрит в окно: Б а ч а нервно курит у машины, высматривая Глеба по окнам.

Д е в у ш к а. Вам пора ехать.

Г л е б. Все нормально. Без меня машина не уедет...

Д е в у ш к а. Вы — хорошая мишень. Так уже было. Поторопитесь, иначе рискуете попасть под обстрел.

Г л е б. А линия фронта? По карте до нее еще километров семь или восемь...

Д е в у ш к а. Это условно. На той стороне видели, как подъехала машина, а потом кто-то вылез на угол дома. Либо дурак, либо наводчик. Еще пара минут, проверим, кто вы...

Не выпуская автомат, д е в у ш к а надевает вещмешок и дает понять, что пора. Г л е б выходит из квартиры и видит прямо по коридору все ту же полуоткрытую дверь, из которой валит закатный свет.

Д е в у ш к а закрывает дверь.

Г л е б. Один вопрос. Там на стене пейзаж в фламандском стиле. Кто рисовал?

Д е в у ш к а. Это моя комната.

Г л е б. Здорово! Я могу его купить?

Д е в у ш к а. Вам нужны трофеи?

Г л е б. В каком смысле?

Д е в у ш к а. Все нормально... Вы привыкли смотреть на войну со стороны. Кажется, будто, летят звезды, а это их арта работает. Бомбежка. Полдома нет, а ты живой, лежишь в своей кровати, как во сне. Так вы за рисунком приехали?

Г л е б. Ну, зачем так? Привез гуманитарку, собрал немного продуктов, сколько смог...

Д е в у ш к а. Спасибо. Можете его забрать. Только без денег и, пожалуйста, быстрей!

Глеб возвращается в комнату и боком проходит по краю обрыва к рисунку. Хватает рукой острый осколок, режет руки. Спустив рукав, берется через ткань и расшатывает кусок металла в стене.

Б а ч а. Да что ты творишь?! Вали оттуда, говорят! Вот повезло мне...

Не реагируя на ругань Бачи, Г л е б вытаскивает осколок и аккуратно, отрывая по краям, снимает рисунок.

Г л е б. Не кричи...

Б а ч а. В последний раз, когда ты со мной едешь!

Повернувшись к степи, Г л е б видит, как пейзаж на рисунке повторяет горизонт и дорогу, и даже дыру от осколка можно принять за дорогу, если прижать бумагу с обратной стороны.

Д е в у ш к а. Если вы хотели помочь, возьмите у подъезда стопку книг.

Выбежав из подъезда, Г л е б видит Б а ч у, который завел двигатель и матерится через окно. В о л о н т е р берет стопку детских книг с подоконника и вперед за н е з н а к о м к о й. О н а — в подвал. Пригнув голову, о н шагает за ней в темноту. На мгновение останавливается, чтоб зрение привыкло, и первое, что различает: исписанную мелом кирпичную стену. Война началась в 4 утра, какого-то не различить июля, 2014 года. Ниже хроника бомбежек и перечеркнутый Андреевским крестом кирпич.

Д е в у ш к а. Идите за мной. Осторожней. Смотрите под ноги. Низкие потолки, дальше будет повыше. Мы здесь живем...

Со стопкой книг в руках Г л е б осторожно проходит вперед мимо натянутых покрывал, разделяющие узкие комнатки. Л ю д и провожают его голодными зрачками. Ориентируясь скорее по голосу и тонкому силуэту д е в у ш к и с а в т о м а т о м в р у к е, Глеб проходит дальше, где пробивается свет.

Д е в у ш к а. Мы только слышали о гуманитарке. Вы первый, кто приехал, поэтому вас не признали. Больше так не делайте. Лучше предупредить или хотя постучаться в подвал, тем более, у нас открыто, двери не заперты. А вот наш детский сад.

В большой комнате вокруг буржуйки плотными рядами стоят кровати. Не глядя на волонтера, л ю д и разбирают гуманитарку. Д е в у ш к а

открывает одеяло и пропускает Г л е б а в комнатку. За столом играют д е т и, а наверху под потолком окошко, на котором крест на крест наклеен белый скотч.

Д е в у ш к а. Всем привет!

Д е т и. Привет...

Д е в у ш к а. Встречайте гостей. Нам подарки принесли!

Д е т и замерли в ожидании подарков, но в руках у Г л е б а только книги. Выручает н е з н а к о м к а, которая, не выпуская автомат, снимает рюкзак и достает из кармана банку с леденцами. Д е т и молча смотрят на конфеты, ожидая разрешения.

Д е в у ш к а. Ваши конфеты. Вы и командуйте...

Г л е б. Привет! Ну, что вы смотрите?! Угощайтесь.

Д е т и. Спасибо! Спасибо. Спасибо...

Детские ручки тянутся к конфетам, без драки, аккуратно, беря по одной. И вот уже конфетки хрустят на зубах, глаза следят за хозяйкой, которая кладет автомат и начинает заставлять кирпичами окно.

Д е в у ш к а. Больше целых окон нет. Это единственное на весь подвал... Соседи ругаются, потому что опасно — осколки. А я хочу света...

Г л е б. Да... вас можно понять.

Г л е б забыл, что хотел сказать. Он только рассмотрел ее тонкие пальцы, укладывающие кирпич, русые волосы, которые играют на свету, и взгляд, который будто видит сквозь него, читает мысли.

Г л е б. Давно вы здесь?

Д е в у ш к а. Переехали, когда все началось.

Г л е б. А как же зимой?

Д е в у ш к а. Рядом шахта. Живем на угле. Было бы кому так сказать... Извините, вам действительно пора ехать!

Г л е б. Еще одна просьба... *(достает рисунок)*. Можно автограф на память?

Д е в у ш к а. Я больше не рисую.

Стемнело. Машина выезжает со двора. Г л е б из открытого окна провожает взглядом пробоину в стене. Б а ч а ворчит, что потеряли время и что теперь придется ползти по темной дороге, разбитой воронками. Г л е б достает рисунок. Он доволен трофеем, и вдруг видит, как нечто яркое, похожее на падающие звезды, летит копыями со стороны заката...

Г л е б. Бача, что это летит? Красиво...

Б а ч а давит на газ, пытаясь выйти из-под обстрела. Звоном бьет по корпусу. Обернувшись, Г л е б видит, как вспышки накрывают крепость, но досмотреть зрелище ему не дают. В о д и т е л ь силой тянет его голову под торпеду. От рывка Г л е б выпускает из рук рисунок, который словно оторванный листок вылетает в окно.

МИРОНОВА ПРОБА

оригинальный сценарий

ИЗ ЗТМ. ИНТ. КОРИДОР ГИМНАЗИИ — ДЕНЬ

Субботный день, практически пустой школьный коридор. На подоконнике окна невдалеке от входной двери сидит старшеклассник

А р т ё м Г а й т а н и н.

Парень листает страницы планшета.

Видно, что это фотографии на персональной странице аккаунта Ксении в социальной сети.

На всех фото миловидная девушка с претензиями — надменное выражение лица, взрослые наряды, многие фото сделаны в загранпоездках, курортах, на фоне дорогих машин. Юноша то и дело посматривает на улицу.

По коридору к нему подходит С т а с. А р т ё м быстро закрывает страницы Ксении и поднимает глаза на друга.

А р т ё м Г а й т а н и н. Что там — скоро уже?

С т а с. Да я ж откуда знаю?! У нас все готово. Цианидовна на факультативе, народа тоже половины нет. Даже твоя звезда пока прибыть не соизволили.

А р т ё м отмахивается от него рукой и вновь погружается в планшет — листает спортивные страницы в сети.

С т а с (*смотрит в окно*). О! Ярила подкатил...

А р т ё м Г а й т а н и н (*не отрываясь*) Отлично! Пойди, облобызай хозяина.

С т а с (*смеётся*). Как скажешь... Отелло!

Раздетый, выскакивает на улицу.

НАТ. ДОРОГА ПЕРЕД ГИМНАЗИЕЙ — ДЕНЬ

У импровизированного паркинга кучкуются несколько ребят и девушек — приветствуют вышедшего из припаркованной машины

Я р о с л а в а М а з у р ю к а.

С т а с подходит к друзьям, здоровается. Я р о с л а в, улыбаясь, смотрит на движение вокруг — видно, что это местный лидер.

В это время к импровизированной парковке подруливает люксовый кроссовер. Оттуда выпархивает К с е н и я. Она перебрасывается парой слов с родителями, прощается и захлопывает заднюю дверь. Машина отъезжает, К с е н и я идет к ребятам.

Подставляет щеку Ярославу и двум подругам, весело приветствует остальных.

Оживленно беседуя, всей гурьбой выпускники не торопясь поднимаются по ступенькам гимназии.

А р т ё м из окна наблюдает за происходящим на улице.

ИНТ. АКТОВЫЙ ЗАЛ ГИМНАЗИИ — ДЕНЬ

В актовом зале проходит рабочее собрание гимназического совета.

Внизу тремя большими группами сидят выпускные классы. На сцене — несколько учителей, включая Н а т а л ь ю М а р к о в н у и гимназический совет возглавляемый К с е н и е й.

На экране мультимедийного проектора висит заставка государственной грантовой программы «Патриот Отчизны».

Посреди сцены, в белом медицинском халате учителя химии, стоит директор гимназии Галина Леонидовна.

Г а л и н а Л е о н и д о в н а (*к аудитории*). Ещё раз, для тех, кто невнимательно слушал: наша гимназия, как вы должны знать, лучшая в регионе. Самая лучшая. Однако... очередной список проектов, предоставленный мне вчера нашим уважаемым гимназическим советом (*плотоядно смотрит на совет*) — свидетельствует об обратном. Вы меня простите, но с такими идеями надо в ПТУ поступать, а не в университеты!

Робкий шорох в зале.

Галина Леонидовна (*к аудитории*). Кто-то не согласен? (*К совету.*) Вы чего молчите?!

Ксения (*к директору*). Галина Леонидовна, я уверена, что за эту неделю все три выпускных класса сдадут достойные проекты.

Галина Леонидовна (*к аудитории*). А я — не уверена... (*пауза*). С Нового года мы тянем резину и что? Февраль на носу — где результат? (*пауза*). Скайп-городок? Картодром? Международный турнир по киберспорту?!

Сидящий на задних рядах Артём незаметно пихает локтем в бок

Стаса. Тот не подавая вида, пытается не засмеяться.

Галина Леонидовна. Вы всерьез считаете это проектами достойными государственного гранта? Так вам видится наш уровень?!

Смотрит на часы.

У кого есть предложения?

Висит напряженная пауза.

Наталья Марковна (*к директору*). Галина Леонидовна, вы позволите?

Галина Леонидовна. Конечно, Наталья Марковна. (*Аудитории.*) Продолжайте... (*Кивает Наталье Марковне.*) Я рассчитываю на всех вас, господа завтрашние абитуриенты!

Галина Леонидовна спускается и уходит с прямой спиной.

Стас наклоняется и беззвучно шепчет Артёму.

Стас. Ну, все, Тёмыч — кранты. Если Ната взялась за дело, то сейчас тут всем весело будет...

На середину сцены выходит Наталья Марковна — достаточно вызывающе одетая для школьного учителя, молодая, заметная женщина. Она выдерживает паузу, провожая глазами выходящую из актового зала директора.

Наталья Марковна (*аудитории*). Факультативный предмет, который две трети из сидящих в этом зале мужественно

проигнорировали, называется «Основы менеджмента и предпринимательской деятельности». Придется наверстывать. Это не сложно: вам дали неделю, а приоритетный проект, как правило, подбирается за пару часов...

Смешок по залу.

Наталья Марковна (*аудитории*). Мои советы будут предельно просты, но кто им не последует — пожалеет... (*Пауза.*) Первое. Все ваши предложения никуда не годятся. Вы все делаете одну и ту же ошибку: словно реферат, ищете в сети чужой, готовый проект. Искать же надо идею.

Грант — государственный, но проект должен быть региональный и привязан к вашей гимназии.

Второе. Работать надо системно. Сегодня совет гимназии составит план-график подачи заявок так, чтобы работал каждый, а не класс в целом...

Ксения (*с места*). Наталья Марковна, мы уж...

Наталья Марковна (*не глядя перебивает Ксению*). Я все же закончу... Разработает план подачи индивидуальных заявок — первый день. График их рассмотрения каждым классом — второй день. График утверждения отобранных заявок — в среду. Не получится — повторяем, ускоряясь. Это — понятно?!

Один из членов совета (*с места*). Ну, в общем... да...

Наталья Марковна. И не «в общем», а сегодня — четко расписать по каждому классу, по каждой встрече с понедельника до среды. Время, место, состав и согласование приглашенных...

Вопросы?!

Гул в зале.

Одна из учителей (*с места*). Может быть, стоит придумать поощрение отличившимся?

Наталья Марковна (*улыбаясь*). Возможно...

Ксения (*с места*). Победитель станет кавалером королевы выпускного бала!

Наталья Марковна. Ксения, возьмите себя в руки.

Ксения (*обиженно*). Я чтобы разрядить...

Наталья Марковна. Я вижу... (*Аудитории.*) Автор проекта получает возможность участвовать в розыгрыше абитуриентов, а победитель — право на внеочередное, прямое зачисление в госуниверситет. Какой вам приз еще нужен?!

НАТ. УЛИЦА ПЕРЕД ГИМНАЗИЕЙ — ДЕНЬ

Большая группа школьников стоит возле нескольких машин. В центре лидеры — Ярослав и Ксения. Все живо обсуждают итоги собрания.

Ксения (*перекрывая гвалт*). Короче так! Никто никого не подставляет. Цианидовна не шутила, она конкретно обижена и если что — мало тут никому не покажется. Да и Ната тоже, та ещё кобыла, ну, да — все в курсе.

Стас (*Ксении*). Ты там насчет выпускного прокламацию в массы кинула... (*Косясь на Артёма.*) Массы теперь интересуются серьезностью предложения.

Артём молча отвечает ему вполне ощутимый подзатыльник.

Стас морщится, но хихикает.

Ксения внимательно смотрит на Артёма.

Ксения. Меня кто-то за язык ловил?! Я сказала: кто выставит проект гимназии — будет на выпускном «мистером бала»!

Ярослав Мазурюк. Им буду — я!

Ксения (*игриво*). Добейся, ковбой!

Ярослав Мазурюк. Как скажешь, чё...

Галантно раскрывает перед ней двери машины.

Ксения, помахав друзьям, садится вперед, ещё две подруги самостоятельно открывают дверь и залазят на задние места.

Ярослав делает ковбойский жест и, обойдя машину, садится за руль.

Взвизгнув покрывками, машина срывается и уезжает.

ИНТ. КВАРТИРА АРТЁМА ГАЙТАНИНА — ВЕЧЕР

Комната Артёма. Одна стена увешана спортивными дипломами, почетными грамотами и медалями. С другой — несколько плакатов

чемпионатов по вольной борьбе. На полу видны разнокалиберные гантели. Над дверным проемом скромная иконка Богородицы. На письменном столе — сложенные стопкой тетради и учебники, там же в рамочке стоит фотография Ксении. В углу дивана спит большой кот.

Из соседней комнаты доносится стрекот швейной машинки.

А р т ё м лежит на диване и листает закладки в планшете. Потом раздраженно кладет его рядом. Некоторое время смотрит в потолок.

Встает и, прихватив планшет, идёт в соседнюю комнату.

Эта комната заметно больше, но виден выход в коридор - квартира двухкомнатная.

На самом видном месте в серванте увеличенный фотопортрет мужчины возрастом за сорок.

На диване лежит раскрытая ткань, за раскладным столом-тумбой на электрической швейной машине шьет м а м а. Рядом стоит оверлок.

А р т ё м Г а й т а н и н. Ма!

М а м а. Секунду...

Дострачивает деталь, обрезает нить, поднимает голову.

М а м а. Фу... Говори.

А р т ё м Г а й т а н и н. Ты когда училась — грантовые проекты были?

М а м а. Когда я училась слово «грант» писалось через букву «д».

А р т ё м Г а й т а н и н. Я серьезно!

М а м а. Ты о чём?

А р т ё м Г а й т а н и н. Ну, я тебе рассказывал про патристическую госпрограмму.

М а м а. А... решил поучаствовать?

А р т ё м Г а й т а н и н. Все участвуют...

М а м а. Понятно... Да, когда я училась такие мероприятия шли непрерывно, всего не упомнишь. С одним «Мироном» каждую весну вон, сколько возни было...

А р т ё м Г а й т а н и н. А что с ним?

М а м а. Ну, ты зайди в учительскую и посмотри в окно, — что там сейчас.

А р т ё м Г а й т а н и н. Террикон, как террикон, что не так?

М а м а. Так зелени нет!

А р т ё м Г а й т а н и н. Её и не было...

М а м а. Ничего подобного! Это сейчас вы там на велосипедах гоняете, а мы его всей школой каждый год озеленяли. Вокруг памятника и сейчас можжевельник разросся, и по нижней террасе — тоже.

А р т ё м Г а й т а н и н. Ну, есть трава и что?

М а м а. Ага. А раньше почти до самой стелы на вершине кустарник нарастили. Террасы трактор при мне нарезал. До деревьев буквально пару лет нам не хватило.

А р т ё м Г а й т а н и н. В смысле?

М а м а. Так Союз рухнул...

А р т ё м Г а й т а н и н. И что?

М а м а. Ну, как... Весь патриотизм сразу и сдулся.

А р т ё м Г а й т а н и н. А чего раньше не посадили?

М а м а. Хех, это ж целое дело! Рекультивация отвалов, экология территорий, что там еще.

А р т ё м Г а й т а н и н. В смысле — долго, сложно или дорого?

М а м а. Да вроде не так, чтоб сложно... Тогда государство памятник поставила, потом стелу на вершину. А озеленяла школа — трава там, кустики. Если бы власти взялись — за пару недель бы управились.

А р т ё м Г а й т а н и н. Так, а что нужно?

М а м а. Да я ж откуда знаю?!

А р т ё м Г а й т а н и н. Экология, значит...

А р т ё м разворачивается и задумчиво направляется в свою комнату.

М а м а. Ты это куда намылился?!

А р т ё м Г а й т а н и н. Заниматься надо.

М а м а. Успеешь! Начисть картошки, пока я закончу.

А р т ё м Г а й т а н и н. Пффф...

А р т ё м разворачивается и идет на кухню.

М а м а (*в дверной проём*). И не фыркай мне! Картошку помой вначале. И котлеты поставь разогреться. Мне — одну... И коту ничего не давай — он ел!

НАТ. УЛИЦА ГОРОДА — ДЕНЬ

А р т ё м стоит у проезжей части и внимательно рассматривает террикон, вздымающийся через дорогу. Невдалеке от него виден угол школьного здания и спортгородок.

Перед терриконом скульптурная композиция и гранитные доски с именами захоронений в братской могиле. Вокруг памятника и кое-где на первой круговой террасе видны грязно-зеленые кусты можжевельника.

А р т ё м щелкает несколько фото прямо на планшет и следом делает еще панорамный снимок.

НАТ. ДВОР ГИМНАЗИИ — ДЕНЬ

Видно, что школьный комплекс прямо примыкает к огороженному сеткой рабицей террикону.

На ступеньках входа разговаривают школьники совета.

Там же А р т ё м, К с е н и я и Я р о с л а в.

А р т ё м Г а й т а н и н. У кого есть мобильный Наты?!

Я р о с л а в М а з у р ю к. Тебе зачем?

А р т ё м игнорирует вопрос.

К с е н и я (к Я р о с л а в у). Уймись! (К А р т ё м у.) Ща...

К с е н и я набирает комбинацию на мобильном.

Я р о с л а в М а з у р ю к (К с е н и ю). Я человеку помочь хотел. Вот ты ему телефон сейчас дашь, он помчится звонить, а Ната тем временем уйдет. Не всё же воскресенье ей здесь торчать... Из-за тебя, кстати, родная!

У А р т ё м а на мобильном срабатывает сигнал полученного sms-сообщения.

А р т ё м Г а й т а н и н. В смысле — в школе?!

Я р о с л а в разводит руками и хитро косится на К с е н и ю.

А р т ё м Г а й т а н и н. Лады. Спасибо, Ксюша!

К с е н и я. А что ты от неё хочешь?

А р т ё м Г а й т а н и н. Поговорить...

К с е н и я. Понятно... Проект мы нашли. Всем отбой.

Я р о с л а в М а з у р ю к. Тёмыч, я знаю, ты бы смог, смог... но... не в это раз, чувак!

А р т ё м Г а й т а н и н. Хорошо...

А р т ё м заходит в школу. Г и м н а з и с т ы, улыбаясь, переглядываются.

К с е н и я, сдерживаясь от смеха, сильно толкает корпусом Я р о с л а в а

Тот, словно ствол револьвера, продувает указательный палец.

ИНТ. ШКОЛЬНЫЙ КАБИНЕТ — ДЕНЬ

За столом сидит Н а т а л ь я М а р к о в н а и, разговаривая с

А р т ё м о м, что-то параллельно набирает в ноутбуке.

А р т ё м сидит перед её столом на стуле, вытаскennom из-за парты, и держит в руках планшет.

Н а т а л ь я М а р к о в н а (*не отрываясь*). Зачем инструкция, если вы понятия не имеете о самих основах управления проектами?

А р т ё м Г а й т а н и н. Ну, я все равно ж могу поучаствовать в конкурсе...

Н а т а л ь я М а р к о в н а (*не отрываясь*). Зачем?

А р т ё м Г а й т а н и н. Ну... поступление... вне конкурса...

Н а т а л ь я М а р к о в н а (*не отрываясь*). Зачем?

А р т ё м Г а й т а н и н. В смысле?!

Н а т а л ь я М а р к о в н а (*поднимая голову*). Зачем лично вам этот проект?

А р т ё м Г а й т а н и н (*мнется*). Ну... Мы с Ксенией... разговаривали... (*выдерживает пристальный взгляд Натальи Марковны*)... от каждого класса...

Н а т а л ь я М а р к о в н а (*после паузы*). Совет определился с выбором. Ксения курирует подготовку практически утвержденной проектной заявки. Вы там — где?

А р т ё м Г а й т а н и н. Я хочу подать свою заявку.

Н а т а л ь я М а р к о в н а (*пожимая плечами*). Подавайте...

А р т ё м молча протягивает её включенный планшет.

Н а т а л ь я М а р к о в н а (*не шевелясь*). Что это?

А р т ё м Г а й т а н и н. Я расскажу...

Н а т а л ь я М а р к о в н а. Не надо ничего рассказывать. Оформите заявку в формате стандартной презентации и приходите с ней завтра на итоговое собрание.

А р т ё м Г а й т а н и н (*раздражаясь*). Ну, так помогите мне! Объясните, как её заполнить, или хотя бы расскажите, что там вообще должно быть!

Н а т а л ь я М а р к о в н а закрывает ноутбук, откидывается на стуле и с интересом смотрит на А р т ё м а.

Н а т а л ь я М а р к о в н а. Ух, ты! Значит, когда я прошу рассказать о вашей мотивации, то вы мне тут нудите про поступление. Но сами требуете немедля выдать краткий курс проект-менеджмента, который я, вообще-то, читаю на тренингах и не здесь, как вы, наверное, могли бы догадаться... ага?!

А р т ё м выпрямляется на стуле и складывает руки на груди.

Н а т а л ь я М а р к о в н а. Ну-ну? Спокойно, муш-щина! Не надо так прям закрываться. Спокойнее...

А р т ё м Г а й т а н и н. У меня пари с Ксенией.

Н а т а л ь я М а р к о в н а, повёдя бровью,
с интересом рассматривает А р т ё м а.

Н а т а л ь я М а р к о в н а. Хорошо... (*Пауза.*) Вы можете сейчас в пятнадцать-двадцать слов рассказать вашу идею?

А р т ё м Г а й т а н и н. Конечно, могу! Озеленение «Мирона».

Н а т а л ь я М а р к о в н а. Кого — озеленение?!

А р т ё м Г а й т а н и н. Ну, «Мирона»... (*Кивает головой на окно в кабинете.*) Террикона шахты «Мирон».

Н а т а л ь я М а р к о в н а. А... поняла — я не местная, вообще-то... Так... и зачем его озеленять?

А р т ё м Г а й т а н и н. Там же братская могила! Во время войны немцы в шурф расстрелянных сталкивали.

Наталья Марковна. ...?
Артём Гайтанин. Памятник с другой стороны есть.
Наталья Марковна. Да?

НАТ. ДВОР ОВОЩЕХРАНИЛИЩА — ДЕНЬ, ВОСПОМИНАНИЕ

Январь 1942 года. Морозный вечер, закат, поземка.

В нескольких метрах от ворот по самую крышу ушедшего в землю
овощехранилища стоит большой грузовик с открытым герметичным
кузовом — идет погрузка арестантов.

За погрузкой со стороны наблюдает полицейский гауптвахмистр
Хельмут и два вахмана.

Межу открытыми дверями и машиной двумя рядами черных шинелей
выстроились полицейские. Они криками, пинками, оплеухами и ударами
прикладов гонят сквозь строй выходящих из подземелья мужчин,
женщин и детей. По дощатому настилу всех быстро загоняют в кузов.

Крики, ругань, плач. Пожилая женщина пытается пронести узел с
вещами, — его вырывают из рук и швыряют поодаль.

У самого кузова, сбившись плотной группой, на мгновение застывает
семья. Мужчина в лапсердаке, с красной нитью вокруг правого
запястья, притягивает к себе двух мальчиков шести и восьми лет.

Прижавшись к нему, замирают полураздетые женщина и дочь-
подросток.

Сзади с нечленораздельным рыком толкает их в спину полицейский
Пальцюра.

Мужчина и его семья последними поднимаются по доскам в битком
набитую машину.

Двери закрываются, и кузов накрывает кромешная темнота. Отдельные
плач, гам и крики перерастают в единый вой ужаса.

КОНЕЦ ВОСПОМИНАНИЯ

НАТ. УЛИЦА ГОРОДА — ДЕНЬ

Артём и Наталья Марковна стоят у монумента.

За скульптурной композицией возвышается террикон со стелой на
вершине. Стела ржавая, увенчана поблекшей, некогда красной звездой.

Наталья Марковна внимательно рассматривает гранитные плиты со списками казненных. Артём чуть сзади.

Наталья Марковна (*читая надписи*). Как много...

Артём Гайтанин. Две тысячи семьсот семьдесят человек. Говорят, это не все. Потом практически никого не смогли поднять... вода.

Наталья Марковна (*не отрываясь*). Женщины...

Артём Гайтанин. И дети. Семьи комсостава и партработников.

Прямо перед Натальей Марковной на одной из плит выбита надпись:

«Яков, Марта, Боря, Миша и Римма Папирные»

Наталья Марковна (*проводит ладонью по надписи*). И евреи, конечно...

Артём Гайтанин. Наверное.

НАТ. УЛИЦА ГОРОДА — ДЕНЬ

Разговаривая, Артём и Наталья Марковна не торопясь идут по улице.

Наталья Марковна. Главное тебе понять сам базис: четыре пальчика.

Артём Гайтанин. ...?

Наталья Марковна. Первое — история проекта.

Артём Гайтанин. Это я знаю.

Наталья Марковна. Нет. Ты не понял. Не что там было в войну, хотя пару таблиц и фотодокументов поставить надо, по умолчанию. Выясни, что и как пытались озеленить? Почему не получилось?

Артём Гайтанин. А... Понятно.

Наталья Марковна. Второе — структура проекта. Где и что надо распланировать, что, где и как сажать, какие растения и так далее. То есть выяснить саму процедуру рекультивации, как таковую.

Артём Гайтанин. А где всё это взять — за день-то?

Наталья Марковна. Тут надо просто понимать, что и как делается. Поищи в сети. В заявке ты все это укажешь списком, без детализации. Мы должны видеть, что проект в целом имеет внятный план реализации. Для начала — достаточно.

Артём Гайтанин. Угу.

Наталья Марковна. Третье — ресурс проекта: топливо, саженцы, транспорт, деньги... Понимаешь?

Артём Гайтанин. Ну, так грант же?!

Наталья Марковна. Ты его попробуй получи вначале. Пока надо просто представлять, какая потребуется ресурсная база для реализации.

Артём Гайтанин. Ясно...

Наталья Марковна. Да... Если сложишь пазлы, то в итоге у тебя может получиться очень взрослый комплексный проект: история, патриотическое воспитание плюс экология. Это очень хорошо!

Артём Гайтанин. Я бы на экологию упор делал.

Наталья Марковна. Делай, как я говорю...

Артём Гайтанин. Ясно. А четвертое?

Наталья Марковна. Бонусы проекта.

Артём Гайтанин. Это какие?

Наталья Марковна. Что ты с этого движняка планируешь получить. Лично ты.

Артём Гайтанин. А, это...

Наталья Марковна. Да не «это»! С такой мотивацией, как у тебя, такое не поднимают. Но ведь ты — смог! Ты нашел рабочую идею. Получится — будет реальное дело, которым можно гордиться. Если вытянешь, конечно.

Артём Гайтанин. Ну, да...

Наталья Марковна. Да! Это проект, который может сделать тебя.

Артём Гайтанин. В смысле?

Наталья Марковна. В прямом. Превратить в мужчину!

ИНТ. ЗАЛ БОРЬБЫ — ДЕНЬ

В борцовском зале идет тренировка. Артём и Стас в дальнем углу отрабатывают «мельницу» — амплитудный бросок с захватом руки и одноименной ноги изнутри.

Стас работает «первым» номером — кидает. После следующего броска ребята не встают, а продолжают разговаривать лёжа, имитируя борьбу в партере.

Стас. Извини! Ни фиги не выйдет. У нас в клане сегодня вечером махач по сетке.

Артём Гайтанин. У тебя каждый день отмазки, а завтра сдача!

Их замечает один из тренеров.

Тренер. Эй, вы — твиксы! В душевой за ручки будете держаться. Быстро работать!

Они поднимаются в стойку. Раздается свисток подошедшего тренера — номера меняются местами.

Артём Гайтанин (*шёпотом*). Лады. Будет тебе сейчас махач...

Артём, став «первым номером», раз за разом всаживает Стаса в ковер.

ИНТ. АКТОВЫЙ ЗАЛ ГИМНАЗИИ — ДЕНЬ

В полупустом зале сидят лишь члены совета гимназии и немного выпускников. На сцене за столом — учителя, во главе с Галиной Леонидовной.

За отдельным столиком с мультимедийный проектором и ноутбуком сидит Стас.

Галина Леонидовна (*к аудитории*). Что ж... В целом проект понравился. Я, правда, не уверена, что в случае утверждения нашей заявки... (*смотрит вверх очков в зал*) вам удастся быстро и качественно все это записать, однако тема, как мне кажется, интересна.

Галина Леонидовна вопросительно смотрит на Наталью Марковну. Та утвердительно кивает в ответ.

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. И еще... (*К Стасу.*) Станислав, открой, пожалуйста, еще раз заставку.

На экране появляется заглавная страница электронной презентации. Название гласит: «Медийный проект “Шахтерская дивизия — навеки в строю”».

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. Да. Логотип активно не нравится. Он какой-то заезженный.

С немым вопросом поворачивается к Наталье Марковне.

Н а т а л ь я М а р к о в н а (*к директору*). Решим...

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. Не сомневаюсь. Хочу понять: «как» и «когда»?

Н а т а л ь я М а р к о в н а (*понижая голос*). Логотип — вопрос к профи. Со школьников нельзя требовать уровень. Поэтому, вопрос я решу отдельно — по утверждению проекта.

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. Договорились... (*всем присутствующим*) Утверждаем?!

А р т ё м поднимает руку.

Н а т а л ь я М а р к о в н а. Кстати — да. У Гайтанина неплохая заявка.

Д и р е к т о р поднимает взгляд в конец зала. Все оборачиваются.

К с е н и я, округлив глаза, беззвучно вопрошает, мол, «что ты делаешь?!» Сидящий рядом с ней Я р о с л а в широко улыбается и задирает руки с большими пальцами поднятыми вверх.

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. Мы же решили, что спорт не подаем?!

Н а т а л ь я М а р к о в н а (*к директору*). Это не спорт. (*К Артёму.*) Артём! Может быть, вы доложите?!

А р т ё м встает. Еще раз заглядывает в планшет, кладет его на стул рядом и вновь берет его в руки. Поправляет воротник.

А р т ё м Г а й т а н и н. Мы... Кх-кх... Мною подготовлена проектная заявка по рекультивации террикона шахты «Миرون».

Проект включает историческую, патриотическую и экологическую составляющие.

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. Да его всю жизнь рекультивируют, господи... Хорошо. Когда ты сможешь подготовить презентацию заявки в электронном виде?

А р т ё м Г а й т а н и н. Она готова.

Гул в зале, гимназисты переговариваются меж собой.

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. Так покажи!

Выжидательно смотревший на Артёма Стас ныряет в ноутбук и включает файл. На экране разворачивается презентация — мелькают архивные фото, таблицы, завершает презентацию фотомонтаж панорамы покрытого зеленью террикона с сияющим золотом монументом и яркой стелой.

Презентация заканчивается в полной тишине.

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. Скажу честно — удивил. (К Наталье Марковне.) Что думаете?

Н а т а л ь я М а р к о в н а (к директору). Вполне вменяемый проект.

Г а л и н а Л е о н и д о в н а (к Артёму). И кто будет готовить, если заявку утвердят на отборочном туре?

А р т ё м Г а й т а н и н. Я...

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. Один?

А р т ё м Г а й т а н и н. Ну... Да... Один.

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. Значит «Шахтерскую дивизию», дай Бог пройдет через мелкое сито, будем всей гимназией тянуть, а тут сам, — на гребне утёса?

А р т ё м неопределенно пожимает плечами.

Н а т а л ь я М а р к о в н а. Почему бы и нет.

Г а л и н а Л е о н и д о в н а (с издевкой). Действительно!

Смотрит вверх очков на руководство совета.

Чего молчите?!

Ярослав Мазурюк (*как бы про себя*). Каждый имеет право на пять минут славы...

Ксения яростно зыркает на Ярослава. Встает.

Ксения. Это была личная инициатива Артёма.

Галина Леонидовна (*аудиторию*). Инициатива... (*Пауза*.) Будь по-твоему, коль такой инициативный! Логотип переделаешь с Натальей Марковной. Он у тебя неплохой, кстати (!), но экологический и зеленый, а нужен патриотический и в цветах Великой Отечественной. Это — раз. И название придумайте нормальное. Что это за церковно-славянское «Обретение «Мирона»? (*К аудитории*.) Всё! Оформляйте от гимназии две проектные заявки — успеть надо недели за полторы-две, максимум!

ИНТ. КАБИНЕТ ХИМИИ — ДЕНЬ

Конец урока, на столах мензурки лабораторной работы. Гимназисты выходят из кабинета.

В дверях стоит Артём, ждет, когда от учительского стола отойдет несколько учеников.

Галина Леонидовна (*увидев Артёма*). Ты ко мне?

Артём молча кивает.

Галина Леонидовна (*к Артёму*). Что у тебя?

Артём подходит к столу. Школьники уходят, они остаются вдвоём.

Артём Гайтанин. Мне нужно письмо за вашей подписью — по инстанциям ходить.

Галина Леонидовна. Дверь закрой...

Он закрывает дверь. Вздыхает. Возвращается к столу.

Галина Леонидовна. Послушай меня внимательно. (*Садится на стул*). Я всё знаю.

Артём Гайтанин. Я...

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. Не возражай! Слушай... *(Пауза.)* Ты хороший мальчик. Очень хороший. Честный, справедливый, добрый. Однако все твои усилия напрасны.

А р т ё м Г а й т а н и н. Знаю...

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. Нет, не знаешь... Ты потратишь бесценное время, совершишь массу глупостей и останешься ни с чем. Это если повезет, ты ничего не потеряешь и никуда не вляпешься.

А р т ё м молчит, старается не смотреть на директора.

Г а л и н а Л е о н и д о в н а *(вздыхая)*. Ладно... Извини, это не мое дело. Просто ты не первый на моем веку... Что за письмо?

А р т ё м Г а й т а н и н. По инстанциям ходить. Наталья Марковна сказала у вас подписать надо.

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. Зачем тебе инстанции, вы ж всё из интернета берёте?

А р т ё м Г а й т а н и н. Наталья Марковна сказала делать, как положено.

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. И правда думаешь, что твоя заявка имеет шансы? Ты вообще знаешь, сколько лет озеленяли «Мирон»? Даже я там пионерила, — сады сажала...

А р т ё м Г а й т а н и н. Ну, всё равно...

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. И куда пойдешь?

А р т ё м Г а й т а н и н. В лесничество...

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. Кто тебе такое посоветовал?!

А р т ё м Г а й т а н и н. А куда?

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. Господи... В лесничестве тебе делать нечего. Поедешь в «Зеленстрой», — это на Отрадном, возле профилактория треста, ну да разберешься. Директору скажешь, мол, всё согласовано с общественным советом при губернаторе. Найди там Иван Палыча — может ещё работает. Письмо тебе Зиночка напишет...

А р т ё м Г а й т а н и н. Письмо есть.

А р т ё м достает из одной из папок лист бумаги в пластиковом файле.

Д и р е к т о р берет его, читает. Кивает.

Открывается дверь. В кабине входит з а в у ч.

Завуч. Галина Леонидовна! Нам начинать?

Галина Леонидовна. Нет! Я тоже иду... Да, раз уж по пути — отведи, пожалуйста, Артёма к Зиночке — пусть поставит штамп от сегодня и круглую печать.

Быстро подписывает письмо.

Артём забирает бумагу и выходит вслед за завучем.

Галина Леонидовна. Артём! Подумай всё же над моими словами.

Артём молча выходит из кабинета.

ИНТ. САЛОН ТРОЛЛЕЙБУСА — ДЕНЬ

Полупустой троллейбус едет по городу. Сзади сидят Артём и Стас.

Стас. Короче, он объявляет твой рейтинг «мусорным» и ставит против тебя ящик тёмного ставкой один к двадцати.

Артём Гайтанин. Как это — «мусорный»?!

Стас. Ну, как... Если ты справишься — он проиграл и выставляет на клан двадцать бутылок. А если обделаешься, то каждый проставится сколько захочет, а он добавит литража до «нормал-пати».

Артём Гайтанин. Ну, и что клан?

Стас. А... Ты ж знаешь элите все ваши бодания — пофиг. Вам нравится?! Вопросов нет — инджой! Пролетишь — ну, придет каждый со своим пузырем, делов?! Ярик облагается — фрифраг — кто ему виноват?

Артём Гайтанин. Козлина...

Стас. Расслабься... Нам выходить, кстати... *(Смотрит в окно.)* Вроде, здесь.

Троллейбус останавливается, они выходят. Озираются. Увидев административное здание, направляются к нему.

Артём Гайтанин. Он меня когда-нибудь таки достанет.

Стас. Ты дурак?

Артём Гайтанин. Та пошел он!

Стас. Ага! Пойдешь ты — по этапу. Он для того и дергает тебя за сопель — всё ждет когда сорвёшься.

Артём Гайтанин. А Ксюша — что?

Стас. А, не знаю, её не было.

Артём Гайтанин. Лады, колись, давай: ты-то на кого поставил?

Стас *(смеётся)*. Конечно на тебя!

Артём Гайтанин. Брешьешь?!

Стас *(смеётся)*. Ясный-красный, я ж тёмное не юзаю!

Подходят к зданию управы Зеленстроя.

Артём Гайтанин. Пришли, кажись... Ну, так идешь?

Стас. Не-не-не, это твой шутер.

Артём Гайтанин *(внутренне собираясь)*. Пффф...

Стас. Смелее, нуб!

НАТ. БАЗА «ЗЕЛЕНСТРОЯ» — ДЕНЬ

Территория областного коммунального предприятия «Зеленстрой».

Во дворе много техники, несколько рабочих возятся вокруг ремонтируемого трактора с навесным оборудованием.

Чуть поодаль стоят трое — директор предприятия, Артём и степенный, седоусый Иван Палыч — шестидесятилетний сухощавый мужчина, в потертом, но опрятном костюме и застёгнутой под горло рубашке, без галстука.

Директор. Это здорово! Это замечательно! Как хорошо, что вы молодые занимаетесь такими добрыми делами: помните нашу историю, заботитесь о природе!

Директор, сияя, смотрит на Артёма и Ивана Палыча.

Директор. Такое доброе дело задумали и даже губернатор вас поддержал. Это же отлично!

Артём Гайтанин. Ну, пока всего лишь проект. На бумаге всё...

Директор. Ничего! Ничего, молодой человек! Любое большое дело начинается с маленькой бумаги. А как же, все ж надо

просчитать, до травинки, согласовать, что б ни-ни. Да, Палыч?!
Во-от!

Директор доверительно сжимает рукой локоть сохраняющего
молчание И в а н П а л ы ч а.

Директор (*к Артёму, доверительно*). Иван Палыч, он
маркшейдером всю жизнь... все наши отвалы знает! Всё посмо-
трит, всё просчитает, будет вам проект-загляденье. Да, Палыч?!
Надо поддержать мальчика!

И в а н П а л ы ч неопределенно пожимает плечами,
мол, «надо — сделаем».

Директор (*к Иван Палычу*). Бери дежурку и езжай, пря-
мо сейчас, не откладывая. (*К Артёму.*) Дуйте! Галине Леонидов-
не — поклон от меня!

НАТ. ТЕРРИКОН ШАХТЫ «МИРОН» — ДЕНЬ

По спиральной террасе террикона неспешно поднимаются
И в а н П а л ы ч и А р т ё м.

Прошли уже две трети пути. Первый время от времени делает пометки в
блокноте. А р т ё м немного заскучал — вырвавшись вперед, смотрит на
раскинувшийся под ними город.

И в а н П а л ы ч остановился и тщательно отирает подошву и рант
туфли о землю.

И в а н П а л ы ч. Можно сказать, что террикон к посадке готов...

А р т ё м Г а й т а н и н (*рассеянно*) Чего?!

И в а н П а л ы ч. Хорошо удобрено. Почвы здесь — унавожены.

А р т ё м Г а й т а н и н (*смеется*). А! Я понял.

И в а н П а л ы ч. Ты не беги, дай отдышаться — не мальчик,
поди.

Проходят еще несколько метров до торчащего из террикона куска
цементно-асбестовой трубы.

И в а н П а л ы ч. И тут разводку попёрли.

Иван Палыч присаживается на корточки, Артём смотрит сверху.

Иван Палыч. Вишь как: трубу не раскурочили... а чугуни-ну, поди, на лом сдали.

Артём Гайтанин. И что?

Иван Палыч. Вот дойдет твоя бумажка до дела, хорошее подспорье выйдет. Без полива тут никак — не выжить... на сухоее... без полива-то.

Артём Гайтанин. Так покрали же? Поломано всё?!

Иван Палыч. Та то ж разве поломато?! Магистралка живая — ток шо почистить, а на разводку нынешний пластик пойдет.

Артём Гайтанин. Покупать придется?

Иван Палыч. Ну, дык, а как?!

Артём Гайтанин. Ваш директор сказал, что всё порешаем...

Иван Палыч (*вздыхая*). Сказал...

Артём и Иван Палыч стоят на самой вершине у стелы. Облезлая, с желтыми потеками ржавчины белая краска, облупившиеся синие буквы надписи «Никто не забыт, ничто не забыто...» по краю круглого постамента, поблекшая, бледно розовая звезда на вершине.

Иван Палыч. Вишь, и конструкция хороша. Покрасить только... Да... доброе железо ставили, с запасом.

Артём Гайтанин. Иван Павлович, простите, но вы тут так всё хвалите, а я кроме убитой породы нич-чё не вижу.

Иван Палыч. Да, ладно!

Артём Гайтанин (*в сердцах*). Нет, серьезно! Надо было залезть сюда, прежде чем ввязываться...

Иван Палыч. Только сопли не распускай, лады?! Что не нравится?

Артём Гайтанин. Да все! Мёртвое оно какое-то, засранное...

Иван Палыч. Дык, террикон старый и негорящий... выветренный. Это — хорошо. Горело б — никакой тебе рекультивации. Вершина уже снята. Стела стоит накрепко — видишь, на рельсы и шахтную арку ставили. Основание террикона по краю отбортировано полностью. Угол откоса уменьшен в среднем по объекту на протокольные 15–16 градусов.

А р т ё м Г а й т а н и н. И что?

И в а н П а л ы ч. А то, что самые затратные, трудоёмкие работы уже проведены.

А р т ё м Г а й т а н и н. Угу...

И в а н П а л ы ч. Смотри дальше. От вершины к основанию нарезана спиральная терраса. Считай сразу — полдела уже сделано... Обратный уклон практически везде сохранился — тут работы на полсмены. Уложен магистральный поливочный водовод, есть трубы вдоль террас. Разводку восстановить — эт не новый прокладывать.

А р т ё м Г а й т а н и н. А сажать куда и как? Тут же нет ничего, одна мертвая порода!

И в а н П а л ы ч. Да чёж, мёртвая-то, сразу?! Местами сохранился не смытый слой гумусированной почвы.

Да, придется для посадки вырыть ямы для деревьев и траншеи для кустов. Ну, так их по-любому рыть! И внести плодородный грунт.

А р т ё м Г а й т а н и н. Ямы большие? И где грунт копать?

И в а н П а л ы ч. По цифрам надо садиться и считать. А так, всё считай готово. Что до ям — дойдёт до дела, я тебе «петушка» дам. А грунт, конечно, покупать придется...

А р т ё м Г а й т а н и н. «Петушка»?!

И в а н П а л ы ч. Ну да — экскаватор такой, маленький, ЮМЗешный. Заодно навесной лопатой он тебе и террасы подчистит — грейдер-то сюда не загонишь...

А р т ё м Г а й т а н и н. Землю покупать... Много?

И в а н П а л ы ч. На ямку пойдет — раз ковшом зацепить... Треть куба, значит, плюс сверху прихватит. Сто-сто пятьдесят на деревья и на траншеи столько же заложит. Кубов пятьдесят, пожалуй.

А р т ё м Г а й т а н и н. А это сколько?

И в а н П а л ы ч. Если нашими, зеленостроевскими таскать — то пять-шесть самосвалов.

А р т ё м Г а й т а н и н. Сколько?!

И в а н П а л ы ч. А ты как думал?

А р т ё м Г а й т а н и н. Да как же его запереть-то сюда — пять самосвалов?

Иван Палыч. Погрузчиком... Важно не как, сложно будет у же тут на лопатах разнести по ямкам.

Артём Гайтанин. Та! То решим — у нас девять старших классов.

Иван Палыч. Ага, пупки надорвать детворе. Эт целая артель здесь нужна. Мужики.

Артём Гайтанин. То — ладно... Если в этом году, то когда сажать? И как? И что именно?

Иван Палыч. Сажать в марте, пока почки не раскрылись. Далее, всё как обычно — это ж террикон, не сад. Во внутреннем ряду — белую акацию. Ещё пойдет береза бородавчатая, вяз перистоветвистый и рябина.

Артём Гайтанин. А есть такие?

Иван Палыч. Есть. Только брать надо подращенные саженцы высотой до метра, шоб избежать раскачивание ветрами. Да... А во внешний ряд хорошо пойдет кусты шиповника, бирючины, древовидного пузырника. И травки многолетние, ну, там — донник, люцерну, иссоп, житняк.

Артём Гайтанин. Так много всего?

Иван Палыч. Чего — много? Всё по протоколу — обычный старый террикон с неоконченной советской рекультивационной подготовкой. Сотня-полторы деревьев, сотни три кустов, поливать всё — и лет через десять будет всем памятник нерукотворный. И тебе, пионер, кстати — тоже...

ИНТ. КОРИДОР ГИМНАЗИИ — ДЕНЬ

Школьная перемена. По коридору быстро идёт Артём. В это время из учительской выходит завуч и еще одна учительница.

Артём бросается им наперерез.

Артём Гайтанин. Простите! А куда делась Наталья Марковна?!

Завуч (*на ходу*). Никуда не девалась, она у нас не работает...

Артём Гайтанин (*идёт рядом*). В смысле?!

Завуч (*пожав плечом*). В прямом. Отчитала факультатив по госпрограмме универа и вернулась к себе на кафедру.

А р т ё м Г а й т а н и н (*останавливаясь*). Спасибо...

А р т ё м медленно отходит, кладет спортивную сумку на подоконник и садится рядом. Смотри в окно. Мимо идут одноклассницы.

Д е в у ш к а. О! Тёмыч, чего — зависишь?

А р т ё м отрицательно качает головой.

Д е в ч о н к и проходят, раздаётся взрыв смеха. Некоторые поворачиваются и, смеясь, смотрят на него.

Парень этого не замечает. Звенит звонок.

Он остается сидеть. Пустой коридор.

Он лезет в карман и достает смартфон. Смотрит на него, проверяет почту, отворачивается к окну. Снова смотрит на телефон. Набирает номер. Звучит зуммер вызова. Два длинных сигнала, потом короткие гудки — абонент сбросил вызов.

Он вздыхает, встает, прячет телефон в передний карман джинсов, закидывает сумку на плечо и делает шаг по коридору.

В это время раздаётся звук вызова.

А р т ё м стремительным рывком кидает сумку на подоконник и выхватывает телефон. На дисплее высвечивается фото Н а т а л ь и
М а р к о в н ы.

А р т ё м Г а й т а н и н (*в трубку*). Наталья Марковна!

Н а т а л ь я М а р к о в н а (*голос за кадром*). Не кричи. Говори быстро...

А р т ё м Г а й т а н и н (*в трубку*). Мне сказали, что вы у нас больше не работаете!

Н а т а л ь я М а р к о в н а (*голос за кадром*). Так. Успокойся... Выдохнул?

А р т ё м Г а й т а н и н (*в трубку*). Э... да.

Н а т а л ь я М а р к о в н а (*голос за кадром*). Первое. Это ничего не меняет. Второе. Я на связи. Третье. Я тебе помогу... Понял?

А р т ё м Г а й т а н и н (*в трубку*). Ясно.

Н а т а л ь я М а р к о в н а (*голос за кадром*). Отлично. Что у тебя?

А р т ё м Г а й т а н и н (*в трубку*). Ну, тут вопросов масса...

Н а т а л ь я М а р к о в н а (*голос за кадром*). Это — нормально. Это теперь твоя работа — решать вопросы.

Артём Гайтанин *(в трубку)*. Ну...

Наталья Марковна *(голос за кадром)*. Ты встретился с этим дядечкой из «Зеленстроя»?

Артём Гайтанин *(в трубку)*. Да.

Наталья Марковна *(голос за кадром)*. Он отдал тебе список техзадоч в письменном виде?

Артём Гайтанин *(в трубку)*. Да... Нет! В смысле, сегодня после уроков поеду — заберу.

Наталья Марковна *(голос за кадром)*. Заберешь список, распишешь, как учила и пройдешь каждую позицию — сверху донизу. Понятно?

Артём Гайтанин *(в трубку)*. Да. Я так и планировал!

Наталья Марковна *(голос за кадром)*. Отлично. Чего тогда истеришь?

Артём Гайтанин *(в трубку)*. Ну... Все нормально.

Наталья Марковна *(голос за кадром)*. Молодец! Не пугай меня больше. На связи...

Короткие гудки.

Артём Гайтанин *(опустив руку)*. Фу...

ИНТ. КОМНАТА АРТЁМА — ВЕЧЕР

Артём сидит за письменным столом — внимательно читает несколько сшитых листов бумаги.

Дочитав, снимает с листов канцелярскую скрепку и раскладывает четыре страницы на письменном столе. Ему не хватает места.

Перекладывает стопку книг на диван.

Смотри мгновение на фотографию К с е н и и и отодвигает её на самый дальний край стола. Смотрит. Поправляет под углом — к себе лицом.

Оценивает разложенные листы. Видно, что это копия, отпечатанная на пишущей машинке под фиолетовую копируку. В двух местах карандашные эскизы, нарисованные от руки. В одном рисунке угадывается террикон и схема полива. На втором — схема посадки.

Артём лезет в сумку и достает разноцветный кубик бумаги для заметок. Срывает целлофан обертки, отрывает листик, что-то пишет

на нём карандашом. Осматривается, открывает верхний ящик стола.
Роется в нём. Не найдя, что искал, входит из комнаты. На листке написано: «САЖЕНЦЫ». Возвращается в комнату. В руках коробок со швейными булавками.

А р т е м накалывает листочек булавкой за обои напротив стола.
Садится — смотрит. Достает из сумки красный маркер, срывает ценник.
Ставит на приколотом листочке знак «+».
Вновь садится. Лицо его серьезно, но глаза улыбаются.

ИНТ. КОРИДОР АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗДАНИЯ — ДЕНЬ

По длинному коридору, застеленному ковровой дорожкой, идут А р т е м и изысканно одетый чиновник. Госслужащий приветливо улыбается и одобрительно кивает головой.
А р т е м ему что-то оживленно рассказывает. Тот останавливается и смеется.
Они идут дальше.

НАТ. УЛИЦА ГОРОДА — ДЕНЬ

На перекрытом конусами участке проезжей части идут работы.
Ра б о ч и е в оранжевых жилетах кладут на вырубленные фрезой квадраты новый асфальт. Работает спецтехника — асфальтоукладчики, ковшевые погрузчики, катки.
А р т е м с папкой в руках о чем-то разговаривает с начальником в костюме и белой каске. Экспрессивно машет папкой, показывает на ковшевой погрузчик, в чём-то убеждает на пальцах.
Н а ч а л ь н и к, улыбаясь, иногда успокаивающе кивает, ободряюще трепет юношу за плечо, но при этом отрицательно мотает головой.
А р т е м разводит руками и вновь что-то горячо ему доказывает.
Рядом по отведенной полосе идет поток машин.

НАТ. СТУПЕНЬКИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗДАНИЯ — ДЕНЬ

Сияющий Артём выходит из здания увенчанного государственной символикой. В руках у него файл с бумагой, на которой видна гербовая печать.

НАТ. ПОЛЕ СЕЛЬХОЗУГОДИЯ — ДЕНЬ

Поле сельхозпредприятия. В ряд стоит несколько единиц сельхозтехники, грузовая машина и УАЗик. Сельхозработчие загружают удобрения в навесное оборудование одного из тракторов. Неподальёку от них на грунтовке у вагончика Артём о чём-то спорит с агрономом сельхозпредприятия. Юноша показывает ему документы в папке. Тот в ответ что-то кричит, разводит руками и показывает куда-то в поле.

В какой-то момент агроном делает жест, мол, «подожди» и уходит в резиновых сапогах к трактору с рабочими. Артём разводит руками. Опускает глаза — его светлые кроссовки по щиколотку в грязи.

НАТ. НЕФТЕБАЗА — ДЕНЬ

Артём идет между проволочным забором ухоженного административного двора и теплотсадками нефтебазы. Внимательно изучает квитанцию и прайс-лист в руках. За забором видны емкости и резервуары.

ИНТ. КОМНАТА АРТЁМА — ВЕЧЕР

Артём сидит за столом. Стена перед ним увешена бумажками с надписями: «ДТ», «Разводка», «Петушок», «Погрузчики», «Магаз», «Саженьцы», «Бригадир», «Иван Павлович», «Бензин», «Проект», «Ната», «Грунт», «Цианид». Там же бумажки с именами, датами и номерами телефонов. На многих стоят разноцветные отметки — плюсы, минусы, одинарные и двойные галочки, зачеркивания и другие пометки.

В комнату заглядывает мама.

Мама. Тёмочка! Кушать идёшь?

А р т ё м Г а й т а н и н. Конечно, мам!

М а м а выходит. Ю н о ш а остается задумчиво сидеть за столом.

Из соседней комнаты его вновь зовет м а м а.

М а м а (за кадром). Долго ждать?!

А р т ё м Г а й т а н и н. Иду-иду...

А р т ё м встаёт. Кидает еще один взгляд на стену с листиками и идёт в соседнюю комнату. Садится за стол.

М а м а подает ему еду. Он начинает есть. Видно, что мыслями далеко.

М а м а. Ешь, давай! Потом будешь решать глобальные задачи.

А р т ё м Г а й т а н и н. Та, да...

М а м а. И как оно — получается-то хоть?

А р т ё м Г а й т а н и н. Ну, частично...

М а м а. Понятно — про овраги забыли... И где загвоздка?

А р т ё м Г а й т а н и н. Не знаю, где брать людей и деньги.

М а м а. Люди, думаю, найдутся, а вот с деньгами, сына, тут да — тут всегда тяжело...

А р т ё м Г а й т а н и н. Ты не поняла... Люди, в смысле, это те же деньги.

Откладывает вилку, и пытается начать объяснять. Она его перебивает.

М а м а. Ешь, не отвлекайся!

А р т ё м Г а й т а н и н. Да... Так вот, понадобятся рабочие, а им надо платить. И за солярку. И ещё там — всякое.

М а м а. Так госпрограмма?

А р т ё м Г а й т а н и н. Ну, это если заявку утвердят. А в проекте все должно быть расписано. И что писать — не знаю.

М а м а. А эта... бизнес-гуру твоя, великая. Она что говорит?

А р т ё м Г а й т а н и н. Говорит — забей.

М а м а. Что?

А р т ё м Г а й т а н и н. Ну, не в этом смысле! Говорит, мол, под хороший проект деньги сами придут, а вот, что мне написать?

М а м а. Ну, так спроси её, что тебе конкретно надо написать!

А р т ё м Г а й т а н и н. Я спросил...

М а м а. И что?

А р т ё м Г а й т а н и н. Говорит «спонсорская помощь».

М а м а. Так и напиши, чего мучаешься?

А р т ё м Г а й т а н и н. А людей где взять, чтобы бесплатно работали?! Пятьдесят пять кубов перелопатить за день!

М а м а. Рабы нужны...

А р т ё м Г а й т а н и н. Чего? Какие рабы?!

М а м а. За бесплатно работают только рабы. Или подневольные. Я когда училась, мы хлопок убирали. Отец говорил: в шахте — легче.

Протяжно смотрит на портрет в серванте.

Друзей попроси помочь, спортивную школу озадачь. Выпускников других школ. Подумай, кого ещё.

НАТ. АЛЕЯ ВОЗЛЕ ГИМНАЗИИ — ДЕНЬ

А р т ё м разговаривает со С т а с о м. Чуть поодаль на лавочках сидит группа одноклассников Артёма — парни и девчонки.

С т а с. Имей в виду, что это его ни к чему не обязывает! (*Передаёт Артёму визитку.*) Во-о-обще — ни к чему!

А р т ё м Г а й т а н и н. Да, я понимаю. Но, все равно — спасибо, Стас!

С т а с. Инджой!

Пожав руки, друзья расходятся: А р т е м куда-то озабочено спешит,

С т а с не торопясь возвращается к одноклассникам.

Первый юноша. Это куда он так резво попылил?

С т а с. Не знаю...

Первая девушка. Словно подменили нашего Тёму. То всё Ната — сука.

Вторая девушка. Ничё ты не понимаешь! (*Мечтательно.*) Эх... вот это романтика!

Все весело смеются.

Второй юноша. Стас, чего ты морозишься — расскажи!

Стас. А что рассказывать? Вчера он подходил к тренерам — просил согласовать людей на работу.

Второй юноша. И что?

Стас. Да послали, что...

Вторая девушка. Качкам было в лом день лопатами помахать?! Тут такая любовь вянет на корню... Эх вы — жлобы!

Все опять дружно смеются.

НАТ. КПП ПЕНИТЕНЦИАРНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ — ДЕНЬ

Артём стоит у контрольно-пропускного пункта и разговаривает с дежурным по КПП. Отдает ему визитку. Тот кивает. Показывает пальцем под ноги юноши, мол, «стойте здесь» и скрывается в здании.

Оттуда сразу выходит боец. Становится перед Артёмом и в упор смотрит на него. Все ждут.

Артёма приглашают зайти в КПП.

ИНТ. КОРИДОРЫ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ — ДЕНЬ

Артём в сопровождении двух военнослужащих идёт по коридорам пенитенциарного учреждения.

ИНТ. КАБИНЕТ НАЧАЛЬНИКА ПЕНИТЕНЦИАРНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ — ДЕНЬ

Большой кабинет. В углу подставка с полноразмерным государственным флагом и знаменем службы исполнения наказаний.

На центральной стене большой портрет президента.

На одной боковой стене огромная карта области в раме — на ней разноцветные флажки. На противоположной — фотографии и вымпелы.

Среди них выделяется несколько реставрированных черно-белых афганских фотографий.

За большим столом сидит подполковник Ильин — крупный мужчина хорошо за пятьдесят. В его орденской планке видны ленточки ордена Красной Звезды и ордена Мужества.

Офицер рассматривает уже достаточно внушительную папку Артёма. Сам юноша сидит напротив. Перед ним на блюде полный стакан чая в подстаканнике и сахар рафинад в сахарнице.

Подполковник Ильин. Серьёзная работа проделана...
(*После паузы.*) Сам всё собрал?

Артём Гайтанин. Да.

Подполковник Ильин. И теперь ты хочешь заключить с нами протокол о намерении?

Артём Гайтанин. Ну, если это возможно.

Подполковник Ильин. В нашем мире всё возможно — было бы желание...

Продолжает рассматривать папку.

Подполковник Ильин. А почему ты пришел ко мне?

Артём Гайтанин. Да я всё уже перепробовал...

Подполковник Ильин. И?..

Артём Гайтанин. Ну, от безысходности, что ли...

Подполковник Ильин. Угу...

Артём Гайтанин. Ну, я пойду... наверное.

Подполковник Ильин. Да кто ж тебя такого шустрого теперь отпустит?

Аккуратно откладывает папку на угол стола и в упор смотрит на Артёма.

Тот достаточно спокойно выдержав взгляд, берет чай.

Подполковник Ильин. В университет решил поступать?

Артём Гайтанин. Нет, я в наш физвос иду.

Подполковник Ильин. А зачем тогда тебе этот грант?

Артём Гайтанин. Я не из-за универа взялся.

Подполковник Ильин. Да? Были причины?

Артём Гайтанин. Ага. Всяко разные... Личные.

Подполковник Ильин. Личные... (*После паузы.*) Что-то кому-то доказываешь?

Артём удивленно поднимает на него глаза.

Артём Гайтанин. Ну, в основном себе.

Подполковник Ильин. Это стоящее дело — себя про-
верить... А ты в юридический не хочешь попробовать?

Артём Гайтанин. Нет... а зачем?

Подполковник Ильин. Ну, как... Получил бы доступ в
закрытые архивы. Поднял бы дела — посмотрел, что да как там
всё на самом деле было.

Артём Гайтанин. Где — там?

Подполковник Ильин. На шахте 157/157-бис, кото-
рую вы все «Мироном» кличете.

Артём Гайтанин. Ну, так, все знают. Немцы там людей
расстреливали...

Подполковник Ильин. Все да не все. Я бы на твоём ме-
сте хорошенько продумал, прежде чем на такой теме кататься...
что-то кому-то доказывать. Понимаешь, нет?

Артём Гайтанин. ?..

Подполковник Ильин. Для тебя это — тема... как там...

Подняв, смотрит на обложку папки.

Грантовый проект! Всего лишь транспортное средство — воз-
можность продвижения к своей цели. Понимаешь? А для меня, на-
пример, нечто совсем другое.

Артём Гайтанин. Почему?

Подполковник Ильин. Потому что я работал с архивами...

НАТ. ДВОР ШАХТЫ № 157/157-БИС — НОЧЬ, ВОСПОМИНАНИЕ

Январь 1942 года. Морозная ночь, метет поземка.

Возле взорванного и заваленного на бок копра зияет аркой
полуразрушенный вход в здание. В нескольких метрах от входа —
черный провал устья шахтного ствола. К нему по верху мелкой насыпи,
двумя длинными кусками транспортерной ленты, выложена дорожка.

Невдалеке от начала ленты стоит работающий трактор. Возле него
маневрирует большой грузовик с герметичным кузовом — сдает сзади

на невысокий пригорок перед началом дорожки. Водителю сигналами
помогает п е р в ы й в а х м а н.

Метрах в двадцати от них в маленькой вагонетке горят бревна шахтной
крепн. Вокруг костра, не снимая винтовок с плеча, греются с е м е р о
п о л и ц а е в с белыми повязками на руках. По кругу идёт литровая
бутылка самогона, некоторые закусывают луковицей, откусывая от неё
словно от яблока.

За их спиной несколько пожарных щитов прислоненных к кирпичной
стене остатков здания. На щитах висит с десятков багров.

Между маневрирующей машиной и устьем шахтного ствола стоят два
немецких офицера — оберштурмфюрер СС Р а й н е р и полицейский
гауптвахмистр Х е л ь м у т.

Р а й н е р (*на немецком*). Helmut, mein Freund! Du stehst auf
dem falschen Weg.

(*Русские субтитры.*) Хельмут, дружище! Ты зря встал на
эту дорожку.

Х е л ь м у т смотрит себе под ноги.

Х е л ь м у т (*на немецком*). Meinst du?

(*Русские субтитры.*) Считаешь?

Р а й н е р (*на немецком*). Sicher doch!

(*Русские субтитры.*) Уверен!

Х е л ь м у т (*на немецком*). Dieser Krieg macht uns alle
warnsinnig...

(*Русские субтитры.*) Это война всех нас сделает сумасшед-
шими...

Х е л ь м у т делает шаг в сторону и слазит с невысокой бровки, на
которой уложена транспортёрная лента.

В это время машина, наконец, встала, развернувшись задом к зданию, с
небольшим уклоном в сторону дорожки.

В т о р о й в а х м а н вылезает из-за руля, подбегает к офицерам и
вытягивается, отдавая честь.

Р а й н е р нетерпеливо перебивает его жестом и не дает доложить.

Райнер *(на немецком)*. Fangt an und zwar schneller... Und ruf den ältesten der Zwerge.

(Русские субтитры.) Начинайте и побыстрее... И позови старшего этих цвергов.

Второй вахман *(на немецком)*. Jawohl!

(Русские субтитры.) Есть!

Направляясь к машине, второй вахман кричит в сторону
полицаяв.

Второй вахман. Пальцюра! К господину офицеру!

Толпа полицаяв начинает активно шевелиться, все тут же расходятся,
поправляя на ходу свое оружие.

От толпы отделяется нескладный полицай Пальцюра. Придерживая
левой рукой кургузую папаху, он, путаясь в длиннополой черной
шинели, неловко бежит к офицерам.

Первый вахман появляется с ведром воды и длинно выплескивает
ее вдоль на дорожку транспортной ленты.

Подбежавший к офицерам, Пальцюра вытягивается во фронт.

Пальцюра. Пан гауптман!!!

Тем временем вахманы протягивают от трактора к кузову машины
толстый шланг, и подсоединяет его к патрубку у днища. После чего
первый вахман залазит в трактор и добавляет газ.

Из герметичного кузова машины раздаются приглушенные стенками
крики множества людей, кто-то барабанит в двери, визжат женщины.

Кузов вибрирует и медленно раскачивается на рессорах.

Райнер, словно не замечая подбежавшего полицая, обращается к
гауптвахмистру.

Райнер *(на немецком)*. Helmut, hast du gehört, wie mich das Quiesel genannt hat?

(Русские субтитры.) Хельмут, ты слышал, как назвало меня это недоразумение?

Хельмут *(на немецком)*. Ich glaube, dass er dich soeben zum Hauptsturmführer befördert hat...

(Русские субтитры.) По-моему, он только что повысил тебя до гауптштурмфюрера...

Райнер (на немецком). Oh... ja. Aber Helmut! Das Quiesel nannte mich „Pan“. Er meint, dass ich einer von den feigen Nuschler bin? Dumme Mistgeburten...

(Русские субтитры.) Это — да. Но, Хельмут! Это животное назвало меня «пан». Оно считает, что я похож на трусливого пшека? Тупые уроды...

Хельмут (обращаясь к Пальцюре на русском). К господину офицеру впредь обращаться «гер офицер» или «гер оберштурмфюрер». Будешь наказан!

Пальцюра (Райнеру). Виноват!!! Виноват, ваше высокоблагородие!!!

Райнер (на немецком). Was hat es gebellt, Helmut?

(Русские субтитры.) Что оно прогавкало, Хельмут?

Хельмут (на немецком). Du wurdest wieder befördert...

(Русские субтитры.) Еще звёздочку тебе добавил...

Райнер отмахивает рукой, мол «пшёл вон».

Пальцюра неловко убегает.

Райнер (на немецком). Wieso stinkt es so von den Mistschaufler, Helmut?

(Русские субтитры.) Почему от этих говноедов так воняет, Хельмут?

Хельмут (на немецком). Das ist Krieg, Rainer. Wir alle riechen nach dem Duft des Todes.

(Русские субтитры.) Это война, Райнер. От нас всех пахнет смертью.

Райнер (на немецком). Deine Wachleute stinken nicht, wie deren. Oder kommt es mir nur aufgrund des Frostes so vor?

(Русские субтитры.) Твои вахманы не источают такого зловония. Или это мне кажется на морозе?

Хельмут (на немецком). Du guckst viel zu tief, Rainer. Bald können wir Duft der jüdischen Auslöschung schnuppern. Das wird dich von der Unvollkommenheit unserer untreuen Aborigenen ablenken.

(Русские субтитры.) Ты слишком глубоко заглядываешь, Райнер. Скоро мы сможем оценить амбре еврейских испарений. Это отвлечет тебя от несовершенства наших неверных туземцев.

Полицай разбирают багры, но все равно жмутся поближе к пышущей жаром вагонетке.

Офицеры, притоптывая, смотрят на эти приготовления, но к костру не подходят.

Второй вахман залазит в кабину, что-то там смотрит. Вылезая оттуда, показывает первому вахману скрещенные в предплечьях руки. Тот кивает, подходит к трактору и глушит обороты. Жажигается прожектор, ярко освещающий дорожку до устья шахтного ствола.

Второй вахман (*по-немецки*). Los geht's! Aber zackig!
(*Русские субтитры.*) Начали! Быстро, быстро!!!
(*По-русски.*) Шевелись, мать вашу!

Под окрики вахманов полицай открывают створки кузова. Оттуда вместе с дымом вываливаются несколько бесчувственных тел и с хрустом падают на землю. Следом, с обитого металлом пола кузова, наружу вытекает жидкость. Полицай брезгливо отстраняются.

В глубине битком набитого кузова видны вповалку лежащие друг на друге полураздетые мужчины, женщины и дети. У ближайших к двери тел видна пена на лицах.

Полицай подцепляют крючьями багров выпавшие тела за ребра и по двое-трое быстро волокут их по транспортерной ленте к провалу. У самого шахтного ствола полицай перехватывают багры и, оперев остриями в тело, словно швабрами, сталкивают несчастных в бездну.

Один из мужчин приходит в себя, хрипит и хватается рукой за край ленты. Полицай тормозят, останавливаются. Тот, что слева протягивает руку. Второй бросает багор, делает шаг в сторону и берет прислоненную к куче битого кирпича киянку на полуметровой ручке.

Передает её первому полицая и вновь хватается свой багор. Первый быстро бьет мужчину киянкой по запястью. На запястье видна красная шерстяная нить. Раздается хруст. Он бьет его еще раз по затылку, тот начинает конвульсировать. Полицай ставит киянку за протоптанной тропинкой на попа и, подцепив багор, с напарником споро ташат несчастного к провалу.

В это время Пальцюрас напарником, морщась, вытаскивают баграми тела из кузова.

Лежащая в углу у края женщина, что-то нечленораздельное хрипит
Пальцуре и поднимает вверх руку своей дочери. В кулаке подростка
сжаты золотые карманные часы.

П а л ь ц ю р а, хищно озираясь, начинает вырывать часы из скрюченных
пальцев. Его никто не видит. Он разматывает цепочку, выдергивает
часы и, захватив девочку за подмышки, — швыряет её на землю.

Следом неимоверным усилием сама вываливается мать. Она хрипит и
захлебывается слюной. П а л ь ц ю р а наотмашь бьет её сапогом в лицо.

Подходящему полицию указывает на девочку.

П а л ь ц ю р а. Сам дотацишь?

П о л и ц а й молча цепляет её багром за подбородок
и легко тащит к яме.

П а л ь ц ю р а, отвернувшись, живо прячет часы в карман шинели и
быстро вытаскивает из кузова еще несколько тел.

Женщину рвёт под колесом машины. Рядом с ней падают новые тела.

О ф и ц е р ы, расположившись невдалеке от провала, с интересом
наблюдая за происходящим.

Р а й н е р (на немецком). Hast du hier tagsüber geschafft,
Helmet?

(Русские субтитры.) Ты работал здесь днем, Хельмут?

Х е л ь м у т (на немецком). Sicher doch...

(Русские субтитры.) Конечно...

Р а й н е р (на немецком). Wie war's?

(Русские субтитры.) И как?

Х е л ь м у т (на немецком). Wenn nicht dieser elende Frost,
dann wären die Nächte des Winters besser, wie die Abende im Herbst.
Glaub mir Rainer, jetzt atmet man leichter.

(Русские субтитры.) Если бы не проклятый мороз, то зим-
ней ночью лучше, чем осенними вечерами. Поверь, Райнер, сейчас
намного легче дышится.

Р а й н е р (на немецком). Ich rede nicht von dem, Helmet...
Der Abgrund! Hast du das Ende des Abgrunds gesehen ?

(Русские субтитры.) Я не об этом, Хельмут... Бездна! Ты ви-
дел её дно?

Хельмут (*на немецком*). Rainer, du weißt doch, der Abgrund hat kein Anfang und kein Ende. Wir schicken den Müll mit dem schnellsten Fahrstuhl direkt in die Hölle!

(*Русские субтитры.*) Райнер, ты же знаешь — у бездны нет основания. Мы скоростным лифтом отправляем мусор прямо в ад!

Райнер (*на немецком*). Du bist ein Dichter, Helmut. Ich bin jedoch ein Forscher. Es gibt immer ein Ende... Ruf mal den Wachmann, der soll das Feuer aus dem Auto holen.

(*Русские субтитры.*) Ты поэт, Хельмут. А я исследователь. Дно есть всегда... Позови вахмана, пусть принесёт из машины фальшфейер.

Офицеры идут к устью шахтного ствола. Полицая останавливаются и с интересом наблюдают за происходящим. К ним подходит Пальцюра. Прибегает вахман с фальшфейером.

Райнер (*на немецком*). Ich gebe dir die Ehre und das Recht das Feuer anzumachen, mein junger Freund!

(*Русские субтитры.*) Торжественное право зажечь этот огонь я доверяю тебе, мой юный друг!

Хельмут смеется, зажигает фальшфейер и плашмя кидает его вниз.

Хельмут (*на немецком*). Fremde Zungen behaupten, es seien fast zweihundert Meter tief...

(*Русские субтитры.*) По слухам тут почти двести метров...

Райнер, аккуратно придерживаясь кончиками пальцев в перчатке за торчащую арматуру, с интересом наблюдает за падающим вниз огоньком.

Полицая, вахманы и гауптвахмистр вытянув шеи, также провожают глазами летящий фальшфейер.

Сзади в толпу врзается пришедшая в себя женщина. С хрипом она ухватывает Райнера и вместе с ним опрокидывается в бездну.

Пальцюра, схватившись за вахмана, удерживается, свисая в провал, и визжит, болтая ногами. Его живо вытаскивают.

Вопли, крики, суета.

Полиция бегут к машине, и начинают яростно крошить прикладами черепа лежащих на земле жертв.

Ошалевший П а л ь ц ю р а сипло дышит сидя на земле
в метре от провала.
Х е л ь м у т стоит у края, вцепившись рукой в торчащую арматуру, и
пустыми глазами смотрит в устье шахты. Лево́й рукой он судорожно
растирает горло.

КОНЕЦ ВОСПОМИНАНИЯ

ИНТ. КАБИНЕТ НАЧАЛЬНИКА ПЕНИТЕНЦИАРНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ — ДЕНЬ

Откинувшись в кресле, подполковник И л ь и н наблюдает за
опустившим голову А р т ё м о м. На столе перед юношей непочатый
стакан с чаем.

А р т ё м Г а й т а н и н. Как лучше хотел...

Подполковник И л ь и н. Кто ж не хочет... *(Пауза.)* А
тебе пальцы не загнут, если в проекте засветится спонсором наш
профилакторий для особо умных?

А р т ё м Г а й т а н и н. Не знаю...

Подполковник И л ь и н. Лады. Считай, договорились.

А р т ё м Г а й т а н и н. Вы серьезно?

Подполковник И л ь и н. Шучу! Я ж смешливый, — не
заметил разве? *(В селектор.)* Максимыч, зайди...

В кабинет заходит М а к с и м ы ч — подтянутый капитан средних лет.

Подполковник И л ь и н *(капитану)*. Возьми бойца —
посиди с ним, посмотри бумаги... *(Поднимает папку Артёма.)*
...где мы выступаем типа спонсорами. Напиши ему гарантийное
письмо на шефскую помощь. Только поторопись, — подпишу да
поеду...

ИНТ. КИНОКОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ — ДЕНЬ

На цене большого киноконцертного зала идет подведение итогов
государственной грантовой программы «Патриот Отчизны».

Сцена украшена огромным букетом в цветах государственного флага. Там же — члены жюри и гости торжества. На большом экране мелькают фото различных презентаций.

Полный зал школьников, учителей, родителей. Группой сидят Г а л и н а Ле о н и д о в н а, з а в у ч, другие учителя, ученики и А р т ё м рядом с К с е н и е й.

Впереди сцены, стоя с микрофоном в руке, выступает г у б е р н а т о р.

Г у б е р н а т о р. Самые теплые чувства вызывают проекты, посвященные Великой Отечественной войне. Программа «Патриот Отчизны» доказала, что наше подрастающее поколение не забыло подвига своих дедов и прадедов. Наша молодежь оказалась крепче, чище и устойчивей к тлетворному вирусу потребительства и стяжания, нежели надеялись наши недоброжелатели...

ИНТ. ФОЙЕ КИНОКОНЦЕРТНОГО ЗАЛА — ДЕНЬ

Перерыв в торжественном мероприятии. Чуть в стороне от оживленных зрителей Г а л и н а Ле о н и д о в н а инструктирует стоящих стайкой школьников и учеников.

Г а л и н а Ле о н и д о в н а. Два проекта сразу — это, конечно же, большое достижение. Думаю, мы найдем возможность поощрить наших победителей...

Г а л и н а Ле о н и д о в н а смотрит на утвердительно кивающего завуча.

К с е н и я от радости подпрыгивает на месте, А р т ё м сияет.

Г а л и н а Ле о н и д о в н а (*улыбается*). Да знаю-знаю я про вашу вечеринку...

ИНТ. НОЧНОЙ КЛУБ — ВЕЧЕР

Большой ночной клуб. Гимназисты отмечают победу.

На танцполе грохочет музыка, в стороне от него у диванов примостилась группа девчонок во главе с К с е н и е й. Рядом стоит несколько парней.

К ним подходит А р т ё м.

А р т ё м Г а й т а н и н (*Ксении*). Тебя можно пригласить?

Сидящие рядом девчонки охают и переглядываются, округлив глаза.

Парни тоже явно удивлены.

К с е н и я (*смеётся*). Конечно можно...

Они идут к затемненному танцполу, где звучит медленная музыка.

Немного отстранившись, К с е н и я кладет ему одну руку на плечо.

Ребята чуть старомодно и немного зажато танцуют.

За ними, перешептываясь, откровенно наблюдают одноклассники.

К с е н и я. А ты меняешься...

А р т ё м Г а й т а н и н. В смысле?

К с е н и я. Для тебя всегда была проблема подойти вот так — просто.

А р т ё м Г а й т а н и н. Ну, не знаю. Возможно.

К с е н и я. Угу... И вот так сразу и просто ответить — тоже.

А р т ё м Г а й т а н и н. Не знаю. Ты же у нас тоже не простая. Да и Ярик твой, вечно.

К с е н и я. А как ты хотел? Ему тяжело — проблемы самореализации.

А р т ё м Г а й т а н и н. Ага. Мне б его проблемы.

К с е н и я. Сплюнь! Ты не понимаешь. На фоне отца и брата приходится как-то доказывать, кто он есть — по жизни.

А р т ё м Г а й т а н и н. Да, конечно. Привыкнет к лидерству — гляди, ещё понравится, когда дышат в спину.

К с е н и я (*хихикает и шутя шлепает его по плечу*). Перестань! (*Пауза.*) Не думал, что такого в твоём проекте?

А р т ё м Г а й т а н и н. В смысле?

К с е н и я. Что тебя в нём так ведёт.

А р т ё м неопределённо пожимает плечами.

К с е н и я. Понимаешь, тебе не видно себя со стороны. Ты — другой теперь. Совсем другой... Это так круто наблюдать.

А р т ё м Г а й т а н и н. Ну, не знаю. О чем думал... да я вообще последнее время ни о чем другом не думаю! Эти рабочие, деньги, техника. Соляра, эта долбанная!

К с е н и я. Успокойся, все закончилось.

А р т ё м Г а й т а н и н. Та да... Знаешь, что...

К с е н и я. Знаю... Жаль, что всё позади? Да?!

А р т ё м Г а й т а н и н. Да. Нет! И это тоже, ты права... Но, я вот о чём... Знаешь, все эти хлопоты, эти переговоры, работа с Натой... Это всё — да, конечно, однако, сам «Мирон»... Ты, вообще знаешь, что там было?

К с е н и я. В войну?

А р т ё м Г а й т а н и н. Да...

К с е н и я. Фашисты сбросили в шурф шах...

А р т ё м Г а й т а н и н. В ствол...

К с е н и я. Что?

А р т ё м Г а й т а н и н. В ствол шахты...

К с е н и я. Это важно?

А р т ё м Г а й т а н и н. Да.

К с е н и я. Прости. Фашисты сбросили в ствол шахты свыше двух с половиной тысяч расстрелянных.

А р т ё м Г а й т а н и н. И не только расстрелянных. Ну, да, в общем. Не знаю, как тебе объяснить. И это тоже... Понимаешь, сам «Мирон», его история, она больше чем всё — чем гимназия, этот грант, чем вся программа. Он больше всего, что я сделал за всю свою жизнь. Все — чемпионаты, этот КМС долгожданный, физвос тот, Ярик твой, Стас со своей элитой, да и я сам — все настолько мелко возле «Мирона»...

Музыка заканчивается, А р т ё м пытается отстраниться, но К с е н и я не отпускает. Они стоят, держась рука за руку и не двигаются с места.

За ними заворожено наблюдает все одноклассники.

К с е н и я. И я?

А р т ё м Г а й т а н и н. Что — ты?

К с е н и я. Ты понял вопрос...

А р т ё м Г а й т а н и н. Нет...

К с е н и я. И я тоже стала мелкой на фоне «Мирона»?

А р т ё м Г а й т а н и н. Ты?! Ты — нет...

К с е н и я внимательно смотри на него, вновь звучит музыка.

А р т ё м Г а й т а н и н (*вздыхая*). Пойдём?
К с е н и я (*делает к нему шаг*). Нет. Это — «белый танец».

Обвивает его шею и прижимается к нему всем телом.
Тесно обнявшись, танцуют.

НАТ. ДВОР ШКОЛЫ — ДЕНЬ

Большая группа старшеклассников сидит на скамейках спортгородка у
куч прошлогодней листвы.

К группе подходит А р т ё м. Его радостно приветствуют криками.
Навстречу поднимается С т а с.

С т а с. Вел дан, дружище! Это было круто! Никто не верил,
что ты это сделаешь... (*Смеётся.*) ну, кроме меня, разумеется.

Оба друга подходят к остальным ребятам, все радостно здороваются с
А р т ё м о м за руку.

В это время во двор на скорости влетает машина Ярослава. Закладывает
вираж и, эффектно завизжав тормозами, останавливается метрах в
двадцати от толпы.

Из машины вылезает Я р о с л а в и двое его друзей. Я р о с л а в обходит
автомобиль и достает из багажника картонную коробку. Вместе со
свитой направляется к ребятам.

Все молчат.

Я р о с л а в М а з у р ю к (*широко улыбается*). Чувак, я
тоже хочу тебя поздравить! Я, правда, лоханулся... а вот ты — мо-
лодец-молодец! Так что я прощаюсь...

Немного не доходя, останавливается у большой кучи листвы.

Я р о с л а в М а з у р ю к (*продолжая скалиться*). Правда,
рейтинг твоего проекта изначально был мусорным так что... не
обессудь...

Картинным движением опрокидывает в кучу полный ящик бутылок
пива. Несколько разбиваются и брызгают белой пеной ему на джинсы.

Он отскакивает в сторону, отряхивает штаны и багровеет.

Два парня приехавшие с ним решительно становятся
по обе стороны от Ярослава.

Все продолжают молчать.

Артём неспешно садится на одну из вкопанных в землю до половины
автомобильных покрышек и искренне улыбается.

Ярослав Мазурюк (*продолжая отряхиваться*). Ты чё
лыбишься, герой единственного дня?!

Артём. За «мусорный рейтинг» есть вопрос... Это ты про
свою прокурорскую семейку сейчас опять всем намекнул?

Ярослав с рыком кидается на Артёма. Его перехватывают
приехавшие с ним спутники и остальные ребята. Перед Артёмом
вырастает Стас.

Стас. Ну, вот зачем, Тёмыч? Уймись!

Артём (*не вставая*). Да, опять я. Его пиво, его слюни,
смотри — верещит как?! Я-то тут, каким боком?!

Ярослава отводят к машине. Он оборачивается...

Ярослав Мазурюк (*криво скалится*). Был бы ты такой
умный, какой здоровый — не дергался бы!

Артём встает, безнадёжно отмахивается от него рукой
и направляется прочь.

Артём (*Стасу*). Ты идешь?

Стас. Да... я тебя догоню.

ИНТ. КОМНАТА АРТЁМА — УТРО

Арте́м спит на диване. В ногах поверх одеяла свернулся большой кот.
В комнату заглядывает ма́ма.

Ма́ма (*громко*). Рота подъем!!!

Арте́м (*накрываясь с головой*). М-м-м...

Ма́ма (*громко*). Отставить мычание! Подъем!!!

Арте́м (*откидывая одеяло*). Ма, ну, воскресенье... что ещё?!

Ма́ма. Что-что... труба зовёт! Зачем мобильный отключил?

А р т ё м. Чтоб не будили.

М а м а. Молодец, а мне пришлось вернуться. Вставай, говорю! Галочка звонила — бегом в школу.

А р т ё м. Что ей надо?!

М а м а. Не знаю, полный сбор, сказала. Та давай бегом, я и так опоздала!

А р т ё м (*откинув одеяло, садится на диване*). Пффф...

М а м а (*за кадром*). Кота не корми — он ел!

ИНТ. КАБИНЕТ ГАЛИНЫ ЛЕОНИДОВНЫ — УТРО

Совещание в кабинете директора. В кабинете несколько сановитых персон — трое мужчин и женщина. Один из чиновников сидит за столом Галины Леонидовны. Она сама, завуч и двое учителей сидят за столом совещаний по другую сторону от прибывших гостей.

Чиновник за столом. Совершенно зря пугаетесь. Госкомиссия министерства отобрала в короткий список десять проектов, включая вашу рекультивацию отвала. Поскольку у вас реализация намечена вот-вот, до конца учебного года, то вы и будете первые — на всю страну прогремите...

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. Кого можно подключать — образование, город?

Чиновник за столом (*приподнимает рукой очки и смотрит на директора*). Никого... Всё, как написано в проекте. Никаких потёмкинских деревень быть не должно.

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. Надеюсь, гимназия может участвовать или мальчик все должен делать один?

Чиновник за столом. Если школа прописана в проекте, то может. Если нет — то нет. Но, всё в пределах разумного... вы понимаете?

Г а л и н а Л е о н и д о в н а кивает.

Женщина - чиновник (*к директору*). Молодой человек к нам поступает?

Г а л и н а Л е о н и д о в н а (*в некоем замешательстве*). Да. С факультетом сейчас определяемся...

Чиновники тем временем о чём-то негромко совещаются друг с другом.

Завуч. Можно вопрос?

Все замолкают.

Чиновник за столом (*вновь приподнимает рукой очки*). Конечно...

Завуч. Кто финансирует работы?

Чиновник за столом (*оглядев присутствующих*). В вашем проекте нет статьи финансирования.

Галина Леонидовна. Кхм... простите. Да, затраты небольшие, но деньги всё равно понадобятся — сантехника, топливо, краска, рабочие...

Чиновник за столом.

Но там же сущие копейки! Плюс, у вас такие шефы.

ИНТ. КОРИДОР ГИМНАЗИИ — ДЕНЬ

По школьному коридору быстро идут Галина Леонидовна и Артём. Сзади за ними семенит завуч.

Галина Леонидовна (*на ходу*). «Зеленстрою» я сама позвоню, но и ты съезди обязательно! Прямо сегодня! А вот всеми этими РСУ, землекопами и прочими сельхозами ты мне сейчас голову не морочь. Когда дойдет до посадки — займемся. Сейчас поезжай в «Зененстрой» и, главное, в тюрьму — с ними реши. Если водовод не сделаем, то нам потом ничто уже не поможет.

Артём Гайтанин. Всё рано пластик придётся сразу покупать...

Галина Леонидовна (*останавливаясь*). Ну, так найди! Или мне из кармана достать тебе. Походи по предприятиям. Я точно так же, между прочим, делаю, когда припекает. Или ты думал — всё само с неба падает?!

Завуч (*злорадно*). Это ещё по налоговым и ревизионным не бегать...

Г а л и н а Л е о н и д о в н а (*начиная движение*). Кстати — да! Добро пожаловать во взрослую жизнь, Артём!

Ю н о ш а остается на месте, смотря вслед уходящим по коридору учителям.

ИНТ. КОМНАТА АРТЁМА — ДЕНЬ

А р т ё м сидит за столом. Стена пред ним густо увешена бумажками. Появились новые листки, на старых добавилось пометок. Перед ним открытая тетрадь испещренная записями и номерами телефонов. На лежащем рядом смартфоне срабатывает вызов и высвечивается фото Натальи Марковны. Он берет трубку.

НАТ. БАЗА ЗЕЛЕНСТРОЯ — ДЕНЬ

Въезд на территорию областного коммунального предприятия «Зеленстрой». Возле ворот стоит не успевший заехать на базу люксовый внедорожник. У машины — Артём и директор.

Д и р е к т о р. Это прекрасно! Рад, что у вас такие замечательные проекты. Здорово! Но... каждый саженец стоит денег. А тебе по списку — нужна целая машина в десяти почти наименованиях.

А р т ё м Г а й т а н и н. Но мы же договаривались... вы вот... (*Роется в папке.*) ...протокол с нами подписали — о намерениях сторон.

Д и р е к т о р (*меняясь в лице*). Сынок! Я хорошо помню, что, когда и где я подписываю... Я — коммунальное предприятие. Все наше имущество — принадлежит области. Если я тебе что-то начну дарить — из светлых чувств — то подписывать стану совсем другие протоколы... понимаешь?!

А р т ё м Г а й т а н и н. Но ведь...

Д и р е к т о р. Ты сам-то помнишь, о чём речь шла? Нет?! Так я тебе напомню! Ты рисуешь на бумаге прекрасные сады и получаешь за эту пятёрку.

А р т ё м Г а й т а н и н (*обреченно*). Грант...

Директор. Вот-вот. Теперь вы переобулись в воздухе и просите... (*Забирает у Артёма папку, находит и заглядывает в одну из бумаг.*) ...и просите завтра(!) чуть ли не полтыщ-щи подорошенных — обрати внимание — саженцев деревьев и кустарников. Бог с ними — с семенами, хотя и трава не бесплатна... (*Пауза.*) Не, ну ты сам понимаешь?!

Артём Гайтанин (*обреченно*). Что мне делать?

Директор. Пффф... Изыскивать средства, что делать... С Галиной Леонидовной я сегодня с утра уже созванивался — всё объяснил. Она мне Зюечкой пришлет гарантийное письмо...

Артём Гайтанин. Зиночкой...

Директор. Да без разницы! Я отпущу вам всё по списку, как для коммунального предприятия... и в долг заметь, а то смотри уже — губы надул...

Артём Гайтанин (*встрепенувшись*). Да, ну что вы — спасибо, конечно!

Директор. Конечно! Ну, и Палыча к тебе пришлю, прямо сегодня на всё время — пока не закончите. Всё ж одно без него ума не дадите... А деньги ищи! Леонидовна сказала, что школа тоже платить не имеет права. Это я под её честное слово вам саженец отпускаю!

НАТ. БАЗА ДРСУ — ДЕНЬ

База дорожного ремонтно-строительного управления. Во дворе ремонтирующаяся техника и рабочие. Возле ремонтируемого асфальтоукладчика стоит Артём и разговаривает с начальником, который по-прежнему не снимает белую каску.

Начальник ДРСУ. Не вопрос, вообще ни разу! Малый погрузчик я тебе дам — день, два, ну... три, ладно, он у тебя работает. Машиниста сам закрою. Тоже не вопрос. Но управляет — школа, иначе никак. Тут строго, мы ж бюджет, извини!

НАТ. МЕХБАЗА КАРЬЕРА — ДЕНЬ

Механизированная база карьера. Во дворе выстроились самосвалы, грейдеры, скрейперы.

Артём стоит в вагончике поста выезда, разговаривает с девушкой-нормировщиком.

Девушка-нормировщик (*показывает Артёму квитанции*). Вот сюда — если будете перечислять. Но тогда день-два, не раньше. Если налом, то сразу, можно прямо на месте.

Артём Гайтанин. А со скидкой — как?

Девушка-нормировщик (*улыбаясь*). По перечислению — как обычно: прибавляете к цене не более десяти процентов. Через неделю получите у меня.

Артём Гайтанин. Что — получу?

Девушка-нормировщик (*после паузы, перестав улыбаться*). Всё. Ничего.

Артём Гайтанин. Но я не понял?!

Девушка-нормировщик (*отрицательно мотнув головой*). Не важно. Скидок нет.

ИНТ. КАБИНЕТ ХИМИИ — ДЕНЬ

За столом сидит Галина Леонидовна. Перед столом выстроившись — завуч, технический работник, две уборщицы в халатах и Артём.

Перед Галиной Леонидовной лежит раскрытая папка Артёма.

Она раздает всем наряды.

НАТ. ПОЛИГОН ПЕНИТЕНЦИАРНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ — ДЕНЬ

Спецназ пенитенциарного учреждения отрабатывает подавление бунта заключенных. Одни бойцы в спортивных костюмах изображают бунтующих заключённых, вторые — в бронежилетах, касках и со спецсредствами в руках — группу подавления.

Выполненные из стальных решёток стены посреди полигона изображают тесные коридоры и камеры.

За тренировкой спецназа наблюдают подполковник Ильин, капитан Максимов и Артём.

Подполковник Ильин. Да... попал в ощип, что сказать. Старательно влез. (*Довольно улыбается.*) Вот это я понимаю — школа жизни! Это тебе не гербарий из бабочек составлять... (*Радостно смеётся.*) Да, Максимыч?

Капитан, улыбнувшись, деликатно прокашливается.

Артём Гайтанин. Вам смешно...

Подполковник Ильин (*посмеивается*). А что? Тебе — грустно? Вот не понимаю, чего ты скуксился?

Артём Гайтанин. Ну, уж не радостно, точно...

Подполковник Ильин (*сияя*). А что так?! Разве тебя сложная задача не бодрит?! Хммм... Странно! Это ж вызов — труба, штандарты, пороховая гарь и бой барабанов! Какая возможность для подвига! (*Повернувшись, кричит инструктору.*) Да что они тискают друг друга, ей-бо! Они ж у тебя ща цветы спецконтингенту понесут! Смотри, как в шлюзе нежно их трамбуют... Ещё раз давай! Азарта, куража не вижу! (*К Артёму, улыбаясь.*) Не кисни, боец! Говно твои проблемы...

ИНТ. ШКОЛЬНЫЙ СПОРТЗАЛ — ДЕНЬ.

На гимнастической скамейке ребята качают пресс — Стас делает косые наклоны, Артём сидит у него на ногах. Остальные школьники двумя группами играют в баскетбол под своими кольцами.

Стас. А Ната что?

Артём Гайтанин. Говорит, запускай краудфандинг...

Стас. В смысле — сбор денег в сети?

Артём Гайтанин. Ну, да.

Стас. Говорит — запускай!

Артём Гайтанин. Ты ж знаешь, я ж не шарю.

Стас (*останавливается и смеется*). Опять спасать тебя, нуб?!

Артём Гайтанин (*улыбается*). Других вариантов нет.

Стас. Кто что делает?

Артём Гайтанин. Все делаешь ты, у меня полный завал.

Стас. Ок! Сегодня нарисую тебе аккаунты и расшарю по сети... На твою карту объявлять?

Артём Гайтанин (*качает головой*). На мою — нельзя, в банке узнавал.

Стас (*продолжив качать пресс*). Тогда ищи...

Артём Гайтанин. На матушкину можно. Номер по sms скину...

Стас. Платежи по электронке тоже матушка делать будет?

Артём Гайтанин. Пффф...

Стас. Лады, закрою я тебе и карточку...

Артём Гайтанин. Спасибо!

Стас. А с Ксюхой говорил?

Артём Гайтанин. Думаю пока...

ИНТ. КОФЕЙНАЯ — ДЕНЬ.

За столиком кофейной сидят несколько девушек и Ксения.

Заходит Артём.

Ксения встаёт, забирает свою сумку, чашку, бутылочку минералки и идёт за соседний столик. Её подруги понимающе переглядываются.

Артём направляется сразу к ней.

Артём Гайтанин (*тепло улыбаясь*). Спасибо, что дождалась!

Ксения. Да ладно. Будешь чего?

Артём Гайтанин. Нет. (*Порывается встать за заказом.*) Хотя воды попью.

Ксения (*подвигает свою бутылочку*). Да вот же... Рассказывай...

Артём Гайтанин. Можно организовать встречу с твоим отцом?

Ксения (*удивленно*). На кой?

Артём Гайтанин. Нужны деньги, иначе не выкрутиться.

Ксения. Много?

Артём Гайтанин (*подвигает к ней раскрытую папку*). Вот...

Ксения. Это... да понты, просто.

Артём Гайтанин. Так а я о чём?

Ксения. И ты их хочешь у него попросить?

Артём Гайтанин. Да.

Ксения (*задумчиво*). Мой ответ — «нет».

Артём Гайтанин. Почему???

Ксения. Понимаешь... Если тебе суждено познакомиться с папой, то не при таких обстоятельствах.

Артём Гайтанин. ...?

Ксения. Он не может познакомиться с тобой в качестве попрошайки.

Артём Гайтанин. Да я же не для себя!

Ксения. Не имеет значения. Мой ответ — категорическое «нет».

Артём Гайтанин. Ну, а если ты попросишь?

Ксения. То же самое, только хуже...

Артём Гайтанин. Пффф... Что-то я перестал понимать этот мир... Для любого предприятия это вообще не деньги!

Ксения. Конечно...

Артём Гайтанин. Контра твоего отца в месяц на обеды для сотрудников больше тратит.

Ксения. Ни разу не сомневаюсь...

Артём Гайтанин. Так почему же меня все бортуют?!

Ксения. Наверное, у каждого есть причины. Свою, — я тебе озвучила.

Артём Гайтанин. Ладно, извини.

Ксения. Ты обиделся?

Артём Гайтанин. Ты же знаешь, я не обижаюсь.

Ксения. Ты обиделся...

Артём Гайтанин. Нет. Прости, что отвлек.

Ксения. Я слышала, что ты объявил сбор денег...

Артём Гайтанин. Да, уже пошли первые суммы.

Ксения. Я могу поучаствовать?

Артём Гайтанин. Твое право...

Ксения (*лезет в сумочку*). Отлично. Я тут сто евро приговорила...

Артём Гайтанин. Ксюша! Только на счет и не в валюте...

Ксения (*замирает*). ...?

Артём Гайтанин. Да пойми! Это госпредприятия и бюджетные расчеты. Все движения — только через банк... извини.

К с е н и я. Я понимаю...

НАТ. ТЕРРИКОН ШАХТЫ «МИРОН» — ДЕНЬ

На террасе террикона со стороны школы И в а н П а л ы ч руководит работами по очистке магистрального водовода. Под его началом д в а техработника и уборщицы школы.

Т е х р а б о т н и к (*разгибаясь, смотрит на часы*). Ну, и где наш пионер? Начало девятого.

И в а н П а л ы ч. Будет, погода.

У б о р щ и ц а (*с сомнением осматривая согнувшийся скребок на конце трехметрового стального прута*). Ой, сомневаюсь, я Палыч... Четверть века без воды стояк...

И в а н П а л ы ч. А ты не сомневайся. Это мужнино дело — за стояк переживать. (*Женщины прыскают.*) Вон, едут...

Сматривает на школьный двор.

Во двор въезжают две машины — УАЗик «Буханка» и небольшой грузовик, полный бухт нового толстого шланга, пластиковых патрубков, тройников и прочей разводки.

Машины останавливаются возле ворот в рабице под самым терриконом.

Из УАЗика вылезает б р и г а д а м у ж и к о в в спецодежде и М а к с и м ы ч в форме. Они начинают выгружать привезенную сантехнику.

И в а н П а л ы ч. Эй, военный! Баста!!!

М а к с и м ы ч. Что, Палыч!

И в а н П а л ы ч (*показывает рукой*). На пузе сюда тащить будешь?! До угла езжайте, там заезд!

М а к с и м ы ч. А мы потом съедем?!

И в а н П а л ы ч (*указывает вверх*). Вон площадка развозотная!

М а к с и м ы ч (*водителю*). Поехали вкругаля.

На склоне террикона стоят М а к с и м ы ч и И в а н П а л ы ч. Рядом р а б о ч и е разносят разводку и шланги.

Внизу идет монтаж рукава ведущего от сочленения колонки к трубе водовода.

Мимо у бор щ и ц ы проносят связку больших пластиковых тройников.

О д н а у б о р щ и ц а. А где ж ваши сидельцы-то?

М а к с и м ы ч. Тебе что — нас мало?

У б о р щ и ц ы прыскают и идут дальше.

М а к с и м ы ч (*Иван Палычу*). Ну и как думаешь, старшой — заработает?

И в а н П а л ы ч (*негромко*). Права такого не имеет — не работать...

М а к с и м ы ч. Да, оно-то так, кто ж спорит... да как бы всё штыбом, за столько лет-то, не забито.

С сомнением смотрит на уложенные на склоне скребки.

И в а н П а л ы ч. А мы с каждого уровня потихоньку водичку подадим. Вот и вымоет втихаря, прямотоком — сверху-то вниз...

М а к с и м ы ч. Это что — каждый раз перекручивать шланги?

И в а н П а л ы ч (*укоризненно*). Пять разов-то выходит, все-го... (*Пауза.*) Мы и вправду думали, что эков привезете.

М а к с и м ы ч. Толку-то — от спецконтингента?

И в а н П а л ы ч. Оно, конечно...

НАТ. ДВОР ГИМНАЗИИ — ДЕНЬ

В гимназии субботник. Каждая группа выпускников выполняет свой фронт задач.

С т а с, Я р о с л а в и еще несколько физически крепких старшекласников лениво очищают лопатами от вываленного самосвалом чернозема проезжую часть дороги ведущей на террикон. Рядом т е х р а б о т н и к и г и м н а з и и разбирают забор — снимают секционные рамы сетки рабицы, освобождая подъездные пути для других машин с грунтом.

На спортгородке д е в о ч к и, под руководством з а в у ч а, смешивают в ведрах краски из нескольких разнокалиберных паллетов с банками. Несколько мальчиков забирают готовые ведра с белой и синей краской и направляются к террикону.

На вершине возле стелы видны люди.

К группе завуча подходит Г а л и н а Л е о н и д о в н а.
Увидев её, к ним направляется и И в а н П а л ы ч.

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. А где Зиночка?
З а в у ч. Наверху — с 11-м «Б» стелу красит.
Г а л и н а Л е о н и д о в н а. А физрук, рабочие?
З а в у ч. С другой стороны, на монументе, тоже с «Б» классом.
Г а л и н а Л е о н и д о в н а. Боже ж ты мой! Я ж говорила
школьников наверх не пускать!

В этот момент к ним подходит И в а н П а л ы ч.

И в а н П а л ы ч. Да вы не волнуйтесь, товарищ директор! У
стелы пока красят лишь кольцо. На монумент — рабочие Ильина,
детвора на подхвате.

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. Я надеюсь... Долго ещё?

И в а н П а л ы ч. Так высота, страховать надо. За завтра за-
кончим, поди.

З а в у ч. Физрук обещал, как рабочие со стремянок докрасят,
то ребят подключить... быстрее пойдет.

Г а л и н а Л е о н и д о в н а (к Иван Палычу). Что с остальным?

И в а н П а л ы ч. По плану. С понедельника пригоню «петуш-
ка» — уклоны террас подравняем да ямок с траншеями набьем.

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. А грунт?

З а в у ч. Артём обещал за сегодня все ходки сделать — вон
забор снимаем.

И в а н П а л ы ч. Часть земли можно будет сразу завезти, как
трактор закончит. Остальное в два ковша при посадке поднимать,
иначе никак.

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. А успеем?

И в а н П а л ы ч. Да... Хорошо бы, конечно, в три ковша... но,
вот, хотя б два дали.

Я р о с л а в, воткнув лопату в землю,
зло смотрит на разговаривающих учителей.

Я р о с л а в М а з у р ю к. Смотри, Стасян — Цианидовна при-
скакала. Всё, как наседка... контролирует! Никак не накомандуется.

С т а с. Ей положено — праздник у тётки.

Я р о с л а в М а з у р ю к. Ага... надо было своих рожать, а не чужим мозг выносить.

С т а с. Та расслабься, Ярик. Что тут нам осталось джампить?!

На площадку тяжело заезжает самосвал с горой груженный черноземом.
Учителя суетятся, собирают школьников.

З а в у ч. Так! Девочки, банки с краской — закрываем! И все стоят здесь — перерыв. Не отходить никуда, я сказала! (*Кричит группе Стаса и Ярослава.*) Мальчики! Забрали лопаты — все отошли к турникам. Быстро, быстро! Ярослав, не задерживай...

Из притормозившего самосвала выпрыгивает А р т ё м. Подходит к
Г а л и н е Л е о н и д о в н е и И в а н П а л ы ч у.

Машина разворачивается и медленно сдает задом к снятой секции забора. Один из техработников, отложив инструменты, сигналами помогают ей маневрировать.

Машина вываливает грунт. Идет поднятая с земли пыль.

Самосвал подает громкий звуковой сигнал.

А р т ё м машет водителю рукой, отделяется от руководства и быстро, почти бегом идёт к машине.

К нему наперерез направляется Я р о с л а в. Сзади спешат С т а с и еще несколько парней.

Я р о с л а в М а з у р ю к (*на ходу, не доходя до Артёма*).
Слы, чувак ты долго тут всех грузить будешь?!

Не дошедший несколько шагов до машины А р т ё м останавливается.

А р т ё м Г а й т а н и н (*недоуменно*). В смысле?

Я р о с л а в М а з у р ю к (*накручивая себя*). В смысле, ты уже достал всех своим трудовым подвигом!

А р т ё м пожимает плечами,
отворачивается и подходит к самосвалу.

Я р о с л а в делает было рывок к нему,
но его перехватывает С т а с и еще один ученик.

В т о р о й парень становится между Я р о с л а в о м и А р т ё м о м.

Стас. Стоп-стоп-стоп... стоять всем!

Артём поворачивается к ребятам.

Ярослав Мазурюк. Ехай, давай! Я тебе еще устрою. Тоже мне герой выискался.

Самосвал нетерпеливо подает второй звуковой сигнал.

Артём не дослушав, залезает в кабину.

Самосвал выезжает с площадки.

ИНТ. АКТОВЫЙ ЗАЛ ГИМНАЗИИ — ДЕНЬ

Общее собрание выпускных классов. На сцене Галина Леонидовна, завуч и классные руководители.

Артёма в зале нет.

Галина Леонидовна. Нет, я просто хочу понять, как вы — ученики нашей гимназии — опустили до такой низости?!

Завуч. Позор просто...

Галина Леонидовна. Вы кому травлю устроили?! Мальчику, который практически в одиночку сражается за честь всей школы? Как это понимать, я вас спрашиваю?! (Пауза.) Чего молчите?! (Пауза.) Стас!

Стас (нехотя поднимается с места). Здесь...

Галина Леонидовна. Я вижу! Кто запустил в соцсетях этот флешмоб?

Стас. Да я откуда знаю?!

Галина Леонидовна. Так ты же у нас самый великий хакер?!

Стас. Я не хакер, я геймер...

Галина Леонидовна. Да какая разница?! Садись... (Оглядывает зал.) Мазурюк?!

Ярослав Мазурюк (с места). А чего сразу Мазурюк?!

Галина Леонидовна. Встань прежде, чем со мной пререкайся!

Ярослав Мазурюк (нехотя встаёт). Я не пререкаюсь.

Галина Леонидовна. Конечно!... Что скажешь?

Я р о с л а в М а з у р ю к (*удивленно задирая плечи*). Чувак устроил лохо...

Г а л и н а Л е о н и д о в н а (*перебивая*). Подбирай выражения в конце-то концов!

Я р о с л а в М а з у р ю к (*разводит руками*). Виноват. Он начал собирать деньги с народа. Отчетности никакой — кто, куда, чего тратит — никому кроме него неиз...

Г а л и н а Л е о н и д о в н а (*перебивая*). Ты издеваешься?! Выйди во двор — посмотри на «Мирона»! Я тебе, слышишь?! Я тебе расскажу за каждую копейку!

Я р о с л а в М а з у р ю к (*прижимая руки к груди*). Галина Леонидовна! Я же тут при чём?! Вы спросили — я ответил, что люди промеж собой говорят...

Г а л и н а Л е о н и д о в н а. Так... Кто говорит?!

Я р о с л а в М а з у р ю к. Говорят! Вот что важно... (*Раздражённо смотря в сторону.*) Извините, я не следователь дознание проводить.

Г а л и н а Л е о н и д о в н а (*со вздохом*). Понятно... садись. (*Пауза.*) Это называется ревность... зависть и ревность. Мелкая, трусливая и подленькая... (*Пауза.*) Значит, так... кто попадетс с этими картинками, с грязными наветами, сплетнями — пеняйте на себя. Вы классы выпускные... люди, считай, взрослые, неглупые... выводы, надеюсь (!) сделаете правильные.

НАТ. НЕФТЕБАЗА — ДЕНЬ

А р т ё м поднимается в административный корпус нефтебазы — со двора видны емкости и резервуары.

Он заходит в фойе, проходит в зал обслуживания клиентов, подходит к свободному номеру.

А р т ё м Г а й т а н и н (*приветливо улыбаясь*). Здравствуйте. Девушка-оператор (*сияя*). Добрый день! Чем могу помочь?

А р т ё м Г а й т а н и н (*достает из папки планшет*). Мы вчера перечисление сделали. Нужна квитанция, чтобы завтра заправиться.

Девушка-оператор. Отлично! Номер платежа?
Артём (*раскрывая страницу в планшете*). Вот...
Девушка-оператор (*смотрит в планшет*). Секунду!

Набирает цифры на своем компьютере.

Ммм... у меня его нет.

Артём Гайтанин (*недоуменно*). В смысле?

Девушка-оператор (*продолжая улыбаться, ещё раз сверяет запись в планшете с цифрами у себя на мониторе*). Проверьте правильность записи. Такой платеж по системе не проходит.

Артём Гайтанин (*удивленно*). Пффф... Так... Я ж его не руками набрал — это ведь из банка пришло... А можете позвать старшего?

Девушка-оператор. Конечно. Секунду...

Девушка-оператор закрывает программу, уходит в служебное помещение.

Артём рассеяно смотрит в окно.

Девушка-оператор появляется в сопровождении женщины средних лет. Девушка подходит, включает программу.

Женщина смотрит на экран, кивает головой.

Артём с интересом наблюдает за происходящим.

Девушка-оператор (*натянута улыбаясь*). Еще секунду...

Пришедшая с ней женщина набирает номер по телефону.

Женщина средних лет (*в трубку*). Заблокированный платёж... Да, утренний. Да... Что с ним делать? (*Смотрит на Артёма*.) Да, вот рядом стоит — пришел за квитанцией... Не знаю... парень. Хорошо. (*Кладёт трубу, обращается к Артёму*.) Молодой человек! Ваш платёж заблокирован.

Артём Гайтанин. Как это — заблокирован? У нас завтра утром субботник. Посадка!

Женщина средних лет (*с нажимом*). Прокуратурой... заблокирован.

Артём Гайтанин (*пораженно*). Как это? За что?!
Женщина средних лет (*пожимая плечами*). Не знаю.
Это вам надо к вашему следователю.

Артём. К кому?!

Женщина средних лет (*устало кривясь*). Молодой человек. Я не знаю. Позвонили и заблокировали. Разберитесь, пожалуйста...

Артём Гайтанин. Я понял... спасибо...

Разворачивается уходить.

Девушка-оператор (*натянута улыбаясь*). Всего хорошего.

Артём выходит на улицу. Стоит пару секунд на крыльце, потом обессиленно садится на ступеньки, опускает голову.

НАТ. КПП ПЕНИТЕНЦИАРНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ — ДЕНЬ

Артём у контрольно-пропускного пункта разговаривает с
Максиминым.

Максимыч. Постарайся дозвониться. Он в главке, но может и возьмет трубу... Кроме него тут тебе всё равно никто не поможет.

НАТ. АЛЕЯ ВОЗЛЕ ГИМНАЗИИ — ДЕНЬ

Артём сидит на лавочке и набирает на планшете номер в скайпе. Идёт вызов. На экране с помехами появляется лицо подполковника Ильина. Видно, что он принял вызов на телефон. Сзади него мелькающие кадры, грохочет музыка — подполковник в ресторане.

Артём Гайтанин (*чуть не подпрыгнув*). Алё, алё! Алё?!

Подполковник Ильин. Да что ты кричишь вечно?! Всё начальство мне сейчас распугаешь... Что стряслось?

Артём Гайтанин (*на выдохе*). Катастрофа, товарищ подполковник! Прокуратура вмешалась!

Подполковник Ильин. Обождь...

Слышно, как Ильин выходит из-за стола, идёт по залу, на экране мелькают смазанные кадры, грохочет музыка.

Музыка стихает, Ильин садится на какой-то диван — на экране появляется его улыбающееся лицо. На заднем плане слышны голоса — слышно, что рядом с ним люди.

Подполковник Ильин. Говори...

Артём Гайтанин (*вздыхая*). Я вам рассказывал. Ярила. Видно сказал брату... или отцу... я не знаю. Они позвонили на нефтебазу и — всё. Все счета арестованы...

Подполковник Ильин. Ты умными словами так не кидайся. Арестованы! Как их фамилия, ты говорил?

Артём Гайтанин (*вздыхая*). Мазурыuki... ну, Мазурыук, в смысле...

Подполковник Ильин. Ща... (*Обращается к кому-то стоящему рядом.*) А кто у нас в прокурорских Мазурыук? (*Неразборчиво за кадром.*) Петрович... Петрович! Ты в прокуратуре Мазурыука знаешь? (*Неразборчиво за кадром.*) Кто это? (*Гадливо.*) Какого отдела?! Твою ж дивизию... (*Артёму.*) Слушай сюда. Дуй домой, отдыхай. Завтра всё порешаем.

Артём Гайтанин С утра заправлять погрузчики! Все рушится если с утра...

Подполковник Ильин. Уймись. Я тебя услышал. Все порешаем. (*Кому-то, стоящему рядом.*) Да иду я, иду! Не видишь — работаю... (*Артёму.*) Иди домой. Всё будет пучком.

Подмигивает, отключается.

Артём какое-то время продолжает сидеть и смотреть в планшет.

Мимо него проходят старшие классницы. Переглядываются, хихикают, оборачиваются. Он их не замечает.

Встает. Осматривается. Идет к гимназии. Переходит дорогу, входит во двор. Видит сидящую на спортгородке группу парней и направляется к ним.

Его шаг убыстряется. В толпе отчетливо различим Ярослав. Артём, ускоряясь, бежит.

Заметив его, с лавочек поднимаются несколько парней.

Потом вскакивают все.

А р т е м, ворвавшись в толпу, кидается к Я р о с л а в у.

Тот испугано пятится.

На пути Артёма вырастают д в а п а р н я. Вытянув руки, пытаются не столько его остановить, сколько огородить Ярослава.

А р т ё м перехватывает за руку первого, выводит его из равновесия, толкает на второго и сильным толчком обоими руками в спину добавляет им ускорения. Парни падают друг на друга.

А р т ё м хватает Я р о с л а в а за руку и, крутанув «мельницу», впечатывает его в землю.

Тот, взвизгнув, хрипит от удара и выпускает газы.

Навалившись на грудь поверженного коленом, А р т ё м подхватывает рукой выпавшую у Я р о с л а в а бутылку с пивом и, зажав её кулаком посередине, плашмя замахивается ею в голову Я р о с л а в а.

Я р о с л а в, закрывшись руками, сипло скулит. Стоящие вокруг п а р н и, не приближаясь, гомонят.

С т о я щ и е в о к р у г. Артём не надо! Артём! Нет!!! Пожалуй-ста, успокойся!!!

Зависнув на секунду, А р т ё м отшвыривает бутылку. Встает с Ярослава. Тот продолжает скулить лёжа, выгибается дугой и тянется рукой к зашибленной пояснице.

А р т е м разворачивается, поднимает сумку и вывалившийся планшет.

Уходит не оборачиваясь.

П а р н и кидаются к стонущему Ярославу.

ИНТ. КОМНАТА АРТЁМА — ВЕЧЕР

А р т ё м, не раздеваясь, лежит на заправленном диване.

Смотрит в потолок.

На столе валяется сумка, из неё торчит планшет.

Из соседней комнаты раздаётся стрекот швейной машинки.

Срабатывает вызов лежащего рядом с Артёмом смартфона. Один второй, третий, четвёртый звонок — Артём даже не смотрит на дисплей.

Мама (*за кадром*). Ты хочешь чтобы я подошла и взяла трубу?

Артём берет телефон, сбрасывает вызов и переключает режим звонка. Опять кладёт смартфон рядом.

Через мгновение звонок повторяется снова,
но на этот раз в режиме вибровызова.

Мама. Я всё равно слышу...

Артём смотрит на дисплей, сбрасывает и кладёт телефон рядом с собой. Через несколько секунд вызов повторяется вновь.

Артём берёт трубку.

Артём Гайтанин. Да, Стас... нет... не важно... Нет... Поймай. Скажи, это ты сообщил ему о платеже на нефтебазу? (*Пауза.*) Не ври... ты меня услышал... Говори... (*Резко садится на диване.*) Зачем?! (*Пауза.*) Что значит «не знаю»?! Как это?! (*Пауза.*) Я понял. Неважно. Нет. Не звони больше.

Отключает смартфон и гадливо отбрасывает его в ноги.

В комнату заходит мама.

Мама. Так, хватит... Что стряслось?

Артём Гайтанин (*ложится на спину*). Ничего, мам. Я просто устал...

Мама. Да?

Артём Гайтанин. Угу.

Мама. Скажи, оно того стоило, так убиваться? Вот что ты там строишь, на том мёртвом «Мироне»?!

Артём Гайтанин. Себя.

Мама. Что?

Пауза без ответа.

Ладно, ложись... мне тоже рано вставать.

Артём Гайтанин. Спасибо, мам.

Мама (*сдерживая слёзы*). Ты стал точно, как отец, перед тем как уйти.

Артём Гайтанин. Mam, пожалуйста... не начинай. Я действительно устал.

Мама (*выходя из комнаты*). Точно, как отец...

ИНТ. КВАРТИРА АРТЁМА — УТРО

Артём хмуро завтракает на маленькой кухне.

Раздаётся звонок в двери.

Артём встает, идет в прихожую, открывает.

На пороге стоят два полицейских — лейтенант и старший сержант.

Артём Гайтанин. Вам кого?

Лейтенант (*улыбаясь*). По ходу, тебя, пионер... Готов?

Артём Гайтанин. Да...

Лейтенант. Ну так поехали кататься — карета подана.

ИНТ. САЛОН ПОЛИЦЕЙСКОЙ МАШИНЫ — УТРО

Артём сидит на заднем сиденье, привалившись к окну. За стеклом проплывают унылые пейзажи мартовского города.

Полицейские также едут молча.

НАТ. ДВОР ГИМНАЗИИ — УТРО

Машина въезжает во двор школы.

Там столпотворение — выпускники, учителя, военные, милиционеры, рабочие.

Три ковшевых погрузчика гуськом тянут наверх грунт.

По всей террасе видны военные и школьники.

Возле грузовой машины с саженцами суетится Иван Павлович. Растения сортируются и раскладываются девочками на разложенные в ряд мешки.

В центре двора две небольшие группы. В одной стоят чиновники и Галина Леонидовна. Чуть поодаль вторая — военные, милиционеры, МЧСники и подполковник Ильин.

Артём выходит из полицейской машины.

Заприметив юношу, Ильин машет ему рукой.

Артём подходит.

Подполковник Ильин (*улыбаясь*). Ты, что это, босота, на службу положил?! Отцы-командиры, понимаешь, тут пашут, а он проспал, видите ли! Телефон, кто научил на ночь отключать, а?! Признавайся, шельмец?!

Артём Гайтанин. День был тяжелый вчера...

Подполковник Ильин (*разворачивается к офицерам*) Вы слышали?! У него вчера (!), был тяжелый день!

Дружный взрыв хохота.

Подполковник Ильин (*хлопая Артёма по плечу*). Ладно, иди, а то твоя директриса мне сейчас во лбу дыру прожжет.

Артём Гайтанин. Спасибо, товарищ подполковник!

Подполковник Ильин. Я спасибо не пью — должен будешь!

Артём направляется к Галине Леонидовне.

Галина Леонидовна. А вот и наша палочка-выручалочка! Вот это и есть тот самый мальчик... Знакомьтесь — Артём Гайтанин. Выпускник, 11-го «А» класса. Активист, спортсмен, кандидат в мастера спорта, между прочим. Один из лучших наших учеников — гордость гимназии!

Чиновники с интересом разглядывают Артёма.

НАТ. МИТИНГ У ТЕРРИКОНА ШАХТЫ «МИРОН» — ДЕНЬ

Весь террикон уже сплошь покрыт зазеленевшими саженцами
и кустарником.

На вершине сияет устремленная ввысь белоснежная стела, увенчанная
красной звездой. По кольцу её белого основания идут ярко синие
буквы — «Никто не забыт, ничто не забыто...». Монумент у подножия
пылает свежей бронзовой краской.

Перед скульптурной композицией выстроилась торжественная
линейка — идёт митинг посвященный Дню Победы.

Впереди представители области, города, школы,
духовенство и приглашенные гости.

Свыше тысячи человек столпились вокруг — на площади,
перекрытой проезжей части и тротуарах.
Детвора празднично одета — много георгиевских ленточек, цветов,
флажков и воздушных шариков.
Выступающие передают друг другу микрофон.

З а в у ч (*в микрофон*). А сейчас я бы хотела пригласить на эту сцену мальчика... Юношу! Инициатора и, можно сказать, прораба этого проекта, выпускника нашей гимназии, Артёма Гайтанина. Поприветствуем его!

Стоящие в торжественной линейке школьники и учителя дружно аплодирует. В толпе видно редкое оживление, по-прежнему стоит гул и людской гомон.

Из большой группы учеников выходит А р т ё м. Он направляется к сцене. Подходит, берёт у завуча микрофон и, сделав шаг вперед, становится лицом к толпе.

Несколько секунд собирается с мыслями. Висит пауза.

А р т ё м Г а й т а н и н. Я вижу огромное количество земляков. Но на самом деле нас сегодня намного больше. Мы давно забыли, что такое «Мирон». А ведь это не памятник, не террикон и не парк. Это — кладбище. Одна большая могила где лежат девочки, так и не ставшие матерями и матери, на глазах у которых убивали их дочерей. Расстрелянные мальчики, которых не смогли защитить их мёртвые отцы. Они все сегодня здесь — стоят среди нас прямо сейчас. Их смерть была одновременно проста и чудовищна. И эта смерть — тысячи смертей — были несправедливы. Их несправедливо убили тогда и несправедливо забыли сегодня. Меня всё время спрашивают: «Зачем тебе сдался этот проект?» Теперь я знаю ответ. Таким образом, мы вернули им малую толику справедливости — покрасили оградку, посадили зелень, подправили могилку. Но каждый из нас, кто участвовал в этом, стал немного другим. Не чище, не лучше и не справедливее. Просто другим...

В звенящей тишине А р т ё м опускает руку, разворачивается и протягивает микрофон з а в у ч у. Та не видит — задрал лицо вверх, пытается остановить текущие по щекам слёзы.

Артём вручает микрофон оторопевшей Галине Леонидовне и под зависшее молчание уходит со сцены.

Митинг продолжается — метроном отсчитывает удары минуты молчания. Звучит тройной залп почетного караула. Первоклашки запускают в небо белых голубей.

В первом ряду среди зрителей видна высокая фигура мужчины в лапсердаке, положившего руки на плечи двух рядом мальчишек шести и восьми лет. На запястье мужчины видна красная шелковая нить. Прижавшись к ним, стоят женщина и дочь-подросток. Они улыбаются.

НАТ. ДВОР ГИМНАЗИИ — ДЕНЬ

Ученики и родители идут в гимназию,
расходясь после митинга.

Одинок направляющегося в сторону гимназии Артёма окликает
Ксения. Он останавливается, она подходит.

Ксения. Привет!

Артём Гайтанин. Привет, Ксюша!

Ксения. Ты куда запропастился?! Вообще тебя не видно.

Артём Гайтанин. Да тут, всего невпроворот.

Ксения. Не подходишь. Позвонил бы.

Артём Гайтанин. Да я как-то... то одно, то другое...

Ксения. Здорово выступил на митинге.

Артём Гайтанин *(пожимая плечами)*. Да, наверное.

Ксения *(пытливо оценивая его реакции)*. Что-то произошло, или ты просто не хочешь со мной разговаривать?

Артём Гайтанин *(увидев идущую по-над зданием Галину Леонидовну)*. Извини...

Быстрым шагом направляется наперерез директору.

Ксения недоумённо провожает его взглядом.

Юноша явно не успевает.

Артём Гайтанин *(кричит)*. Галина Леонидовна!

Директор останавливается, ждёт. Артём подбегает к ней.

Артём Гайтанин. Галина Леонидовна! Простите, предложение от универа всё ещё в силе?

Директор удивленно смотрит на него,
замечает ожидающую невдалеке Ксению.

Галина Леонидовна. Конечно! До начала учебного года...

Артём Гайтанин. Очень хорошо. Я хочу поступить на экономический.

Галина Леонидовна. Хм... А как же твой физвос? Столь-ко лет потратить на спорт, добиться каких-то успехов...

Артём Гайтанин (*пожимает плечами*). Вот именно: «каких-то»... Да и что потом? Работать физруком?

Галина Леонидовна. Почему нет?

Артём Гайтанин. И шить по ночам...

Галина Леонидовна. Тренером можно работать.

Артём Гайтанин. Можно... и приторговывать протеином... Галина Леонидовна! Я хочу другую судьбу.

Директор отмечает, как Ксения, передернув плечами,
нервно уходит в противоположную сторону.

Галина Леонидовна. Это серьезный шаг. Главное ничего не растерять по дороге.

Артём Гайтанин. В смысле?

Галина Леонидовна. Ты очень сильно изменился буквально за последние дни... (*Пауза.*) Знаешь, когда вырастают новые крылья, очень легко влететь в халепу и наломать дров.

Артём Гайтанин. Спасибо. Я буду осторожен.

Галина Леонидовна. Да. И постарайся не потерять того, что приобрел — сохрани себя настоящего. Хорошо?

НАТ. ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД УНИВЕРСИТЕТОМ — ДЕНЬ

Перед корпусом университета стоят стенды «Приёмная комиссия».

Вокруг многолюдно.

Неподалеку у самого паркинга Артём просматривает планшет.

Ему сигналият из подъехавшей малолитражки.

А р т ё м, улыбаясь, идет к машине.

С пассажирских мест вылезают Н а т а л ь я М а р к о в н а и её спутница — также молодая, эффектная женщина. Водителем машины оказывается молоденькая девушка практически модельной внешности.

Н а т а л ь я М а р к о в н а радостно здоровается с Артёмом, как с равным — прижимаясь к нему щекой и делая воздушный поцелуй.

Н а т а л ь я М а р к о в н а (*к подругам*). А вот смотрите — это тот самый Тёмыч!

Д е в у ш к и приветливо улыбаются.

Н а т а л ь я М а р к о в н а (*к Артёму*). Помнишь, я обещала тебе подарок? Вот — знакомься, её зовут Алла!

М о л о д е н ь к а я д е в у ш к а звонко смеётся.

Н а т а л ь я М а р к о в н а (*к Артёму*). Но она совсем не подарок, сразу предупреждаю! Староста третьего курса и уже состоявшийся коуч. Видишь — успела себе на машину заработать. Так пойдет дальше — без куска хлеба оставят!

Д е в у ш к и смеются.

Ладно! Пока мы тут абитуру помучим, Алла выступит твоим гидом. Не скучайте!

Н а т а л ь я М а р к о в н а и её напарница уходят.

А л л а (*по-мужски протягивает руку Артёму*). Привет, Тёма!

А р т ё м Г а й т а н и н (*улыбаясь, пожимает протянутую руку*). Привет, Алла!

А л л а. Ната говорит, ты — борец. У меня сестра уже три года занимается.

А р т ё м Г а й т а н и н. Борьбой?

А л л а. Микс файтом.

А р т ё м Г а й т а н и н. Круто.

А л л а. А ты? Здесь тоже продолжишь заниматься?

А р т ё м Г а й т а н и н. Не думаю... ну, разве, что для себя — смешанными. Лоукики, там, поставить, ударную технику.

А л л а. Оу! Я вас познакомлю!

А р т ё м Г а й т а н и н. Давай!

А л л а. В универе делать сегодня нечего, кстати. Может, поедем — я тебе центр покажу?

А р т ё м Г а й т а н и н. Отлично!

Приглашающе кивнув, к автомобилю. Не дойдя пару шагов, останавливается и поворачивает голову к А р т ё м у.

А л л а. Или ты за руль?

А р т ё м Г а й т а н и н. Я не умею...

А л л а. Что так?

А р т ё м Г а й т а н и н. Ждал, когда ты научишь.

Д е в у ш к а вновь звонко смеётся.

Они садятся в машину и уезжают.

ЗТМ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Владимир Олейник. Правда выбора</i>	3
--	---

ПОЭЗИЯ

Влада Абаимова (Оренбург).....	7
Вера Агаркова (Старобешево — Санкт-Петербург)	10
Алина Башта (Луганск).....	15
Марина Бережнева (Донецк)	16
Юрий Беридзе (Москва).....	19
Анна Вечкасова (Краснодон).....	23
Людмила Гонтарева (Краснодон).....	25
Анна Долгарева (Луганск).....	29
Григорий Егоркин (Челябинск)	36
Елена Заславская (Луганск).....	45
Лариса Класс (Луганск)	57
Виктор Куллэ (Москва)	62
Лидия Купцова (Омск)	75
Александр Курапцев (Старобешево — Санкт-Петербург).....	78
Инна Левитан (Израиль)	82
Наталья Лясковская (Москва)	83
Наталия Мавроди (Луганск)	92
Юрий Макусинский (Санкт-Петербург).....	94
Александр Марфунин (пос. Лесной Московская обл.)	100

Виктория Мирошниченко (Луганск)	103
Драгана Мрджа (Белград)	108
Елена Настоящая (Луганск)	110
Марк Некрасовский (Луганск)	111
Иван Нечипорук (Горловка)	114
Виктор Плешаков (Луганск)	115
Виктор Полупан (Горловка)	116
Виктория Полякова (Горловка)	118
Сергей Прасолов (Луганск)	120
Анна Ревякина (Донецк)	123
Екатерина Ромащук (Горловка)	128
Владислав Русанов (Донецк)	130
Александр Савенков (Горловка)	141
Светлана Сеничкина (Луганск)	143
Александр Сигида (Молодогвардейск — Атамановка)	146
Александр Сигида-младший (Краснодон)	149
Владимир Скобцов (Донецк)	153
Вадим Степанцов (Москва)	159
Александр Сурнин (Краматорск — Луганск)	160
Вячеслав Теркулов (Донецк)	167
Елизавета Хапланова (Макеевка — Казань)	171
Лаура Цаголова (Москва)	172
Андрей Шталь (Краматорск)	182

ПРОЗА

Николай Иванов (Москва)

Свете тихий	187
-------------------	-----

Ирина Бауэр (Донецк)	
Перманент	206
Валик	214
Ирина Горбань (Донецк)	
Две затяжки	220
Иван Донецкий (Донецк)	
Донецкий реквием	225
Геннадий Дубовой (Донецк)	
Увертюра к плачу кукол	244
Алексей Ивакин (Одесса)	
Донецкий исход 1918 года	258
Андрей Кокоулин (Санкт-Петербург)	
Украинские хроники	271
Андрей Кузнецов (Луганск)	
Ангел на плече	324
Анна Матвеевко (Донецк)	
Васян	344
Татьяна Маховицкая (Донецк)	
Мальчики	350
Владимир Спектор (Луганск)	
Имя им — «Молодая Гвардия»	358
Александр Сурнин (Краматорск — Луганск)	
Исход	367
Вениамин Углёв (Ростов-на-Дону)	
Апогей страха	382
Александр Цыба (Енакиево)	
Умочка	442

Кирилл Часовских (Крым — Луганск)	
Корректировщики.....	451

ДРАМАТУРГИЯ

Юрий Юрченко (Москва)	
Свидетель.....	463
Влад Суворов (Ярославль)	
Коктейль для москаля.....	569
Константин Ковригин (Симферополь)	
Конвой.....	590
Глеб Бобров (Луганск)	
Миронова проба	597

ВЫБОР ДОНБАССА
литература народных республик
альманах Союза писателей ЛНР

Руководитель проекта

Г. Л. Бобров

Литературные редакторы

В. К. Олейник, А. А. Сурнин, А. А. Чернов, Л. Г. Гонтарева

Корректор

А. В. Боброва

АС

Верстка, дизайн, пре-пресс выполнены
в лаборатории предпечатной подготовки

Александра Сурнина

alex-surnin@yandex.ru

alexander.surnin@mail.ru

Фото на обложке

Максим Ли, Первый Канал

Подписано в печать 08.01.2017. Формат 60×84 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 42

Заказ № 16. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Пресс-кспресс»

91034, Луганск, ул. Ватутина, 89а

Тел. (0642) 33-11-98